

2 ВЕСТНИК
ТОМ 23
2021 КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State University. 2021, 23(2): 297–598

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

«Вестник Кемеровского государственного университета» – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru.

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, ПИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания <http://vestnik.kemsu.ru>

16+

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зам. главного редактора: *Овчинников В. А.*, д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Address of the founder and publisher: Russia, Kemerovo region – Kuzbass, 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Kemerovo region, Russia 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru.

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Kemerovo region – Kuzbass, Russia, 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru.

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <http://vestnik.kemsu.ru>.

16+

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Deputy Editor-in-Chief: *Vladislav A. Ovchinnikov*, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr.Sc.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova, Dr.Sc.(Philol.), Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr.Sc.(Psychol.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sc.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr.Sc.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и Археология

- Творчество еврейского фольклориста Соломона Хаимовича Бейлина в контексте развития идиш-культуры в СССР (1920–1930-е гг.)
Берман Е. А. 297
- Гражданский журнализм сибирской провинции начала 1920-х гг. (на материалах СМИ Центрально-Сибирского региона)
Бершадская С. В. 306
- Сакрализация ландшафта: к результатам рекогносцировочных исследований курганных могильников в окрестностях с. Усть-Калманка
Головченко Н. Н., Дьяков Н. Р. 314
- История становления градостроительной политики развития малых городов Красноярского края в 1950–1960-е гг.
Киселева О. В., Малютина А. Ф. 325
- У истоков развития племенного репродуктора медоносных пчел Удмуртской АССР (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.)
Колбина А. М., Осокина А. С. 341
- Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011–2020 гг.)
Лекаренко О. Г., Гостев К. В. 350
- Планиграфические и архитектурные особенности памятника Телль Сабид Абьяд (Сирия)
Мажар Ф. 360
- Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007) как комплексный историографический источник
Макарчук С. В., Генина Е. С. 371
- С Кузбассом связанные судьбы: Николай Самуилович Пенн (К 300-летию Кузбасса)
Морозов Н. М. 389
- Первая мировая война (1914–1918 гг.) и продовольственный кризис в России
Реховская Т. А. 396
- Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла)
Савельева А. С. 405

Психология

- Организация учебного материала видеолекции: психологические критерии и факторы эффективности
Безгодова С. А., Васильева С. В., Микляева А. В. 415
- Массовые информационные запросы в ситуации пандемии COVID-19: психологические детерминанты и особенности
Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. 427
- Моральная травма: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностике и психотерапии
Кадыров Р. В., Дмитриева О. Б. 438
- Психология от конца к началам
Лукьянов О. В. 447
- Диагностический ресурс кейс-метода в оценке готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности
Скорова А. В., Качимская А. Ю., Якушева Ю. А. 456
- Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19
Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабацук Р. О. 466

Языкознание

- Корпусное исследование простых неинвертированных местоименных
вопросительных конструкций в английском языке
Воробьева Е. Н. 477
Ассоциативное поле лексемы *Инстаграм* в репрезентации носителей
русского и немецкого языков
- Климова Г. С., Смирнова А. Г.** 486
Вербализация аксиологического аспекта образа игрока в новелле С. Цвейга
«Двадцать четыре часа из жизни женщины»
- Корогодина И. В., Сазонова А. А.** 494
Из истории фатической речи: приветственное слово издателя в научно-
популярной журналистике первой половины XVIII в.
- Мальшев А. А.** 503
Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная
специфика
- Михеева Ю. А.** 512
Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям
его функционирования
- Орлова О. Г., Каракчиева В. А.** 521
О некоторых аспектах языкового портрета киногероев (на примере
научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи»)
- Панкратова С. А.** 532
Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании
концептуальной картины мира
- Плахотная Ю. И.** 541
Специфика функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе
на радио
- Судина Л. В.** 551
Речевые тактики комплимента и ответа на комплимент: гендерный аспект
- Сунгатуллина З. Ф., Радикова Т. И.** 560
Синонимические средства объективации концептов *упорство* и *упрямство*
в русском языке
- Сюй Л.** 572
Словообразовательное гнездо как способ систематизации англоязычных
военных терминов
- Телегуз А. А., Балобанова А. Г., Фомин А. Г.** 582
Многофункциональные слова со значениями инференциальности,
адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях
- Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т.** 591

History & Archeology

- The Work of Jewish Folklorist Solomon Beilin in the Context of the Development of Yiddish Culture in the 1920s–1930s
Berman E. A. 304
- Citizen Journalism in Provincial Siberia in the Early 1920s (Based on the Media of the Central Siberian Region)
Bershadskaia S. V. 312
- Sacralization of the Landscape: Survey Campaign 2020 in the Ust'-Kalmanka district of the Altai region
Golovchenko N. N., Dyakov N. R. 322
- Urban Planning Policy in Small Towns of the Krasnoyarsk Territory in 1950s–1960s
Kiseleva O. V., Malyutina L. F. 338
- Honey Bee Farming in the Udmurt ASSR in the Latter Half of the 1940s – Early 1950s
Kolbina L. M., Osokina A. S. 348
- NATO and EU's Involvement in the Libyan Crisis (2011–2020)
Lekarenko O. G., Gostev K. V. 358
- Planigraphic and Architectural Features of Tell Sabi Abyad (Syria)
Majar F. 368
- Interuniversity Collection of Papers "Siberia: XX Century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007) as a Comprehensive Historiographic Source
Makarchuk S. V., Genina E. S. 384
- Nikolai S. Penn, a Man from Kuzbass (300th Anniversary of Kuzbass)
Morozov N. M. 394
- World War I and the Food Crisis in Russia
Rehovskaya T. A. 403
- Lepeshkinsky Complex of Bronzes from Tagar Burial Site Serebryakovo I in the Mariinsk Forest-Steppe: the elemental composition of the metal
Savelieva A. S. 413

Psychology

- Structuring a Videolecture: Psychological Criteria and Efficiency Factors
Bezgodova S. A., Vasileva S. V., Miklyaeva A. V. 424
- Mass Information Requests during the COVID-19 Pandemic: Psychological Determinants and Specific Features
Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. 435
- Moral Injury: Modern Approaches to the Definition of the Concept, Etiology, Diagnosis, and Psychotherapy
Kadyrov R. V., Dmitrieva O. B. 444
- Psychology from the End to the Beginning
Lukyanov O. V. 454
- Case Method as a Diagnostic Tool for Assessing the Readiness of Future Teachers for Providing Psychological Safety in Class
Skorova L. V., Kachinskaya A. Y., Yakusheva J. A. 464
- Chronotopic Characteristics of the Image of the World during the COVID-19 Pandemic
Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. 474

Linguistics

Corpus-Based Research of Simple Non-Inverted Pronominal Interrogative Constructions in English	
Vorobyova Y. N.	484
The Associative Field of the Lexeme <i>Instagram</i> in the Representation of Russian and German Native Speakers	
Klimova G. S., Smirnova A. G.	492
Image of a Gambling Addict in Stefan Zweig's "24 Hours in the Life of a Woman": Verbalization of the Axiological Aspect	
Korogodina I. V., Sazonova A. A.	501
Phatic Speech Diachrony: Editor's Welcome Speech in Russian Popular Science Journalism of the First Half of the 18th Century	
Malyshev A. A.	510
Alternative Forms of Current Business Communication: Text Structure and Composition Evolution	
Mikheeva Yu. A.	519
Conceptual Approaches to Scientific Discourse and its Functions	
Orlova O. G., Karakchieva V. L.	530
Linguistic Portrait of Film Characters in Sci-Fi Movie "Chappie"	
Pankratova S. A.	539
Association as a Cognitive Activity Mechanism in Shaping a Conceptual Worldview	
Plakhotnaya Yu. I.	549
The Concept of Family in Advertising Discourse: Linguistic and Pragmatic Aspects	
Sudina L. V.	558
Speech Tactics of Compliments and Compliment Responses in Gender Perspective	
Sungatullina Z. F., Radikova T. I.	569
Synonymous Means of Objectification of the Concepts of Persistence and Stubbornness in the Russian Language	
Xu L.	579
Family of Words as a Way to Systematize English-language Military Terms	
Teleguz A. A., Balabanova A. G., Fomin A. G.	589
Multifunctional Words of Inference and Admiration in Russian and Persian Exclamatory Sentences	
Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T.	597

оригинальная статья

УДК 94(571.1):274

Творчество еврейского фольклориста Соломона Хаимовича Бейлина в контексте развития идиш-культуры в СССР (1920–1930-е гг.)

Елена Александровна Берман

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, г. Иркутск; <https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>; lana.berman.amanut@gmail.com

Поступила в редакцию 18.05.2021. Принята в печать 23.06.2021.

Аннотация: Статья является хронологическим завершением исследования жизни и творчества еврейского фольклориста, этнографа и публициста, казенного раввина г. Рогачёв и г. Иркутск Соломона Хаимовича Бейлина (1858–1942), стоявшего у истоков исследования и систематизации еврейской фольклористики на территории Российской империи. Представлены результаты изучения послереволюционного творчества С. Х. Бейлина на языке идиш в рамках развития еврейской этнокультурной жизни 1920–1930-х гг. на территории СССР, Литвы и Польши. Благодаря сохранившейся в архиве Института еврейских исследований YIVO (г. Нью-Йорк) и впервые переведенной с идиш переписки Соломона Бейлина с еврейским филологом, писателем и публицистом Залманом Рейзенем, а также с редакциями некоторых периодических изданий на идиш установлено, что после Октябрьской революции 1917 г. творческая активность фольклориста не только не снизилась, но и вошла в новое русло, связанное с подъемом популярности в 1920–1930-е гг. его родного языка идиш. Представленные в статье сведения (материалы) расширяют информацию о научном наследии фольклориста и свидетельствуют о том, что в рассматриваемое время С. Х. Бейлина, кроме фольклора, интересовали и филологические вопросы, связанные с грамматикой и орфографией идиш.

Ключевые слова: еврейский фольклор, писатели на языке идиш, институты еврейской культуры в СССР, Институт еврейских исследований ИВО, Залман Рейзен

Цитирование: Берман Е. А. Творчество еврейского фольклориста Соломона Хаимовича Бейлина в контексте развития идиш-культуры в СССР (1920–1930-е гг.) / Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 297–305. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-297-305>

Введение

Соломон Хаимович Бейлин (1858–1942) – еврейский фольклорист и этнограф, общественный деятель, казенный (общественный, официальный) раввин г. Рогачёв Могилевской губернии (1891–1901), казенный раввин г. Иркутск Иркутской губернии (1901–1921). С 1909 г. С. Х. Бейлин – член Еврейского историко-этнографического общества и постоянный корреспондент издаваемого этим обществом журнала «Еврейская старина», с 1914 г. – товарищ председателя Иркутского отделения Общества для распространения просвещения между евреями в России, в 1917 г. – председатель Иркутского отделения Еврейского литературно-художественного общества им. А. Переца.

Несмотря на то, что родным языком фольклориста был идиш, он прекрасно владел русским и немецким языками. В 1895–1917 гг. С. Х. Бейлин публиковался в таких еврейских

изданиях на русском языке, как «Книжки Восхода», «Еврейская старина», «Пережитое», «Будущности», в общероссийских изданиях «Сибирский архив», «Иркутские губернские ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости», а также на немецком языке в журнале, посвященном вопросам еврейской этнографии и фольклора, *Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde*¹. В эти годы его труды выходили и отдельными изданиями².

После Октябрьской революции 1917 г. и расцвета в 1920–1930-х гг. еврейской культуры на языке идиш С. Х. Бейлин с радостью перешел к литературному творчеству на родном языке. Всего при жизни фольклориста было опубликовано более 50 его оригинальных трудов и публикаций. В 1909 г. имя С. Х. Бейлина вошло в «Еврейскую энциклопедию. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем» под общей редакцией

¹ Журнал был периодическим органом Общества еврейского фольклора (Гамбург) и Общества по сбору и сохранению произведений искусства и исторических памятников иудаизма (Вена). Редактор-издатель – раввин, историк и фольклорист Макс Грунвальд.

² Бейлин С. Х. Еврейские народные сказки, записанные Соломоном Хаимовичем Бейлиным. Одесса: Книгоиздательская типография Я. Х. Шермана, 1898. 46 с.; Бейлин С. Х. Еврейские народные сказки и сказания, записанные С. Х. Бейлиным. Вып. 2. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1898. 44 с.; Бейлин С. Х. Пословицы и поговорки сибирских евреев: материалы по еврейскому народному творчеству (фольклору). Иркутск: Эл.-тип. т-ва «М. П. Окунев и Ко», 1912. 24 с.; Бейлин С. Х. Странствующие, или всемирные повести и сказания в Древне-раввинской письменности. Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1907. 351 с.; и др.

доктора Л. И. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга [1], в 1926 г. – в «Биографический словарь литературы, журналистики и филологии на идиш» под общей редакцией З. Рейзена [2], в 1929 г. – в Сибирскую советскую энциклопедию под общей редакцией М. К. Азадовского [3].

Дореволюционные публикации С. Х. Бейлина на русском языке были переизданы единым сборником научно-популярных произведений (составитель и автор вводного текста – Е. А. Берман) [4], а его жизнь и творчество освещены в статьях Е. А. Берман и др. [5–7].

Цель – воссоздание наиболее полной картины литературного творчества Соломона Бейлина в 1920–1930-е гг., которая станет логическим завершением исследования жизни незаслуженно забытого еврейского фольклориста, этнографа и писателя.

В основу источниковой базы исследования легли нормативно-правовые акты, документы Российского государственного архива социально-политической истории, Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. Вернадского, Центрального государственного архива Литвы, Архива Института еврейских исследований YIVO, Архива Национальной библиотеки Израиля, Государственного архива Иркутской области. При подготовке статьи автор следовал принципам историзма, объективности, целостности, использовал сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, просопографический методы исследования, метод периодизации, методы анализа и синтеза.

Политика развития еврейской культуры на территории СССР в 1920–1930-е гг.

Население Российской империи до Октябрьской революции характеризовалось этническим и религиозным многообразием. В связи с этим одним из политических постреволюционных лозунгов большевиков стал лозунг о «праве наций на самоопределение»³, явившийся основой взаимоотношений между этническими меньшинствами и государством. Частью общей национальной политики новой власти стала активная агитация и среди еврейского населения [8]. В 1918 г. были основаны Еврейский комиссариат при Народном комиссариате по делам национальностей⁴ и Еврейская секция коммунистической партии (Евсекция). Данные организации должны были привлекать евреев к идеям коммунизма, а поскольку основная часть еврейского населения того времени говорила на языке идиш, именно он стал рассматриваться властью как инструмент их советизации [9].

В 1922 г. «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик» объединил в союзное государство четыре первые союзные советские республики (Российскую СФСР, Украинскую ССР, Белорусскую ССР и Закавказскую СФСР)⁵. В это же время начался короткий расцвет советской еврейской культуры на языке идиш [10]. По постановлению Еврейского комиссариата языком преподавания в еврейских школах должен был стать идиш, на нем стало издаваться множество книг, газет и журналов [11]. Было основано около 15 государственных еврейских театров (ГОСЕТов), в том числе Московский ГОСЕТ под руководством Соломона Михоэлса [12]. В 1927 г. язык идиш был закреплен в Конституции Белорусской ССР как один из государственных языков (наряду с белорусским, русским и польским)⁶, и даже лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁷ был начертан на гербе Белорусской ССР на всех четырех языках⁸.

В 1920–1930-е гг. благодаря расцвету культуры на идиш стали известными такие советские идишские писатели и публицисты, как Илья Ильф (Йехиель-Лейб Файнзилберг)⁸, Исаак Бабель, Илья Эренбург, Перец Маркиш, Лейб Квитко и др. [13]. Однако в 1930-х гг. официальная национальная политика в СССР начала меняться в сторону пролетарского интернационализма, усилились тенденции русификации и борьба против национальных культур⁹.

В 1930 г. вместе с другими национальными секциями была распущена Евсекция. В 1936–1938 гг. закрывались газеты и журналы, выходившие на идиш [14]. К 1939 г. практически все еврейские учреждения, кроме еврейских театров, были закрыты. ГОСЕТы действовали в Москве, Киеве, Минске, Биробиджане и на аннексированных территориях до 1949 г., но в итоге и они были окончательно уничтожены [15].

Институты еврейской культуры на территории СССР и аннексированных территориях

В рамках политики СССР по поддержке этнических меньшинств в 1920-е гг. в Минске и Киеве были организованы научно-исследовательские учреждения еврейской пролетарской культуры (в разные годы имевшие разные названия), занимавшиеся исследованиями в области еврейской историографии, библиографии, литературы и фольклора [16]. В 1924 г. в Минске был учрежден Еврейский отдел Института белорусской культуры, преобразованный затем в Еврейское отделение Академии наук

³ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. С. 255–320.

⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров. О Комиссариате по еврейским делам № 252 от 21.01.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 274.

⁵ Декларация и договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 года // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

⁶ Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск: Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту Б. С. С. Р., 1927.

⁷ История советской конституции: сборник документов: 1917–1957 / отв. ред. Д. А. Гайдуков, В. Ф. Коток, С. А. Ронин. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 550 с.

⁸ Псевдоним Ильф является на самом деле аббревиатурой еврейского полного имени и фамилии писателя.

⁹ Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 4. С. 351–363.

(АН) Белорусской ССР. Отделение выпускало собственный журнал «Цайтшрифт», но было закрыто в 1936 г.

В 1926 г. в Киеве была создана Кафедра еврейской культуры при Всеукраинской АН (1926–1929), которая была реорганизована в Институт еврейской пролетарской культуры при АН Украинской ССР (1929–1936), а затем – в Кабинет еврейского языка, литературы и фольклора при АН Украинской ССР (1936–1948). Данная научная организация имела собственный журнал «Шрифтн» [17].

Оба учреждения были связаны с главным международным центром еврейской культуры – Институтом еврейских исследований (ИВО)¹⁰, основанным в 1925 г. в Вильно, Польша (ныне Вильнюс, Литва), как центр по исследованию языка идиш. Менее чем за 15 лет ИВО собрал крупнейший в мире архив еврейских исторических документов, артефактов, языкового и фольклорного материала, книг и периодических изданий в городах Восточной Европы, а сборники ИВО «Филологише шрифтн» (Вильно, 1926–1929) стали важной вехой в исследовании литературы на идиш [18].

В 1939–1940 гг. территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины были переданы Советскому Союзу¹¹. В 1939 г. ИВО был реорганизован в Еврейское отделение Института Литовских исследований, а затем – в Институт еврейской культуры при АН Литовской ССР. Во время Второй мировой войны часть коллекции ИВО была вывезена Оперативным штабом рейхслайтера А. Розенберга, который занимался конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий в Институт изучения еврейского вопроса во Франкфурте (Германия) [19].

В настоящее время приемником ИВО является Институт еврейских исследований в Нью-Йорке (YIVO, Institute for Jewish Research)¹². В 1947 г. YIVO при помощи армии США удалось вернуть из Германии многие документы и книги. Другая часть документов во время войны была спрятана в тайниках Виленского гетто евреями, которые работали на сортировке архивов. Эти материалы сейчас хранятся в Центральном государственном архиве Литвы и в Национальной библиотеке Литвы им. Мартинаса Мажвидаса.

Переписка Соломона Бейлина с Залманом Рейзеном

Изначально во все перечисленные выше журналы С. Х. Бейлин посылал свои рукописи, живя еще в Иркутске, а затем – уже из Москвы. В настоящее время значительную часть архивов

Соломона Бейлина, содержащих рукописные тексты на идиш, удалось найти в Архиве Института еврейских исследований YIVO в Нью-Йорке. Кроме этого, некоторые постреволюционные рукописи С. Х. Бейлина на идиш сохранились в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Киев), Центральном государственном архиве Литвы (Вильнюс) и Архиве Национальной библиотеки Израиля (Иерусалим).

Одной из важнейших архивных частей ИВО является переписка одного из его основателей – еврейского журналиста, лингвиста и историка литературы Залмана Рейзена (Рейзина) (1887–1941) с писателями на идиш. Благодаря этой переписке З. Рейзену удалось собрать не только биографические материалы о еврейских писателях и ученых, но и их рукописные материалы по фольклору, этнографии, лингвистике и литературе языка идиш.

З. Рейзен жил и работал в Варшаве, затем (с 1915) – в Вильне и пропагандировал идиш как единственный язык общения евреев. Он опубликовал на идиш ряд учебников, словарей и хрестоматийной литературы, выполнил множество переводов на идиш произведений известных русских, французских и немецких писателей. В 1918–1939 гг. редактировал ряд периодических изданий на идиш, среди них – журнал «Идише филологие» (Варшава, 1924) и сборники «Филологише шрифтн» (Вильнюс, 1926–1929)¹³. В 1919–1939 гг. был редактором ежедневной газеты на идише *Vilner tog* (Виленский день, Вильно). В 1939 г. после вступления в Вильно Красной армии З. Рейзен был арестован и в 1941 г. расстрелян [20].

Главным вкладом З. Рейзена в идишское литературоведение стала его обширная работа по созданию биографических справочников о писателях на идиш. Первое издание «Биографического словаря литературы и печати на идиш» (Варшава, 1914)¹⁴ позднее было расширено до «Биографического словаря литературы, журналистики и филологии на идиш» в четырех томах (Вильно, 1926–1929)¹⁵ и до настоящего времени остается основным справочником в этой области [21].

Часть собранных Залманом Рейзеном материалов была сохранена и находится в Архиве Института YIVO (Нью-Йорк) и в Центральном государственном архиве Литвы (Вильнюс). В том числе сохранился архив С. Х. Бейлина, состоящий из девяти папок, которые содержат 916 листов рукописного текста на идиш. Восемь из девяти папок хранятся в Архиве Института YIVO, одна – в Центральном

¹⁰ Аббревиатура ИВО появилась из названия «Идише висеншафтлехе организацие», буквально: Идишская научная организация.

¹¹ Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939: документы и материалы. Т. 2: 2 июня 1939 г. 4 сентября 1939 г. / редкол.: Бондаренко А. П., Венков И. Н., Дегтярев А. Я., Ильичев Л. Ф. (председатель), Ковалев Ф. Н., Сиполс В. Я., Фалин В. М. М.: Политиздат, 1990. Док. 602. С. 319–320.

¹² YIVO. Institute for Jewish Research. Режим доступа: <https://yivo.org/> (дата обращения: 11.05.2021).

¹³ Zalman Reizen (Reyzn) // Jewish Virtual Library. Режим доступа: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/reizen-reyzen-zalman> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁴ Reizen Z. Leksikon fun der Yudisher literatur un prese. Varshoy: Farlags-gezelschaft "Tsentral", 1914. 768 col. XXI p.

¹⁵ Reizen Z. Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologye. In 4 vol. Vilna: Vilna Farlag fun B. Kletzkyn, 1926–1929.

государственном архиве Литвы. Эти документы охватывают временной период с 1922 по 1932 г. и содержат рукописные статьи по грамматике и орфографии идиш, записи популярных еврейских поговорок, шуток о социальной и семейной еврейской жизни, идишские народные сказки, проклятия, рифмы, анекдоты, записи о николаевских солдатах и др., а также письма С. Бейлина, адресованные З. Рейзену, в том числе его автобиографию и письма в редакции еженедельников *Literarische Bleter* (Литературные страницы, Варшава, 1926) и *YIVO Bleter* (Листки ИВО, Вильно, 1932).

Шесть сохранившихся в Архиве Института YIVO¹⁶ писем С. Бейлина, адресованных З. Рейзену, написаны на языке идиш с 1922 по 1930 г. Судя по нумерации писем, их общее количество было не менее 57: последнее из имеющихся в архиве писем датировано 13 февраля 1930 г. (15 шват 5690) и имеет номер 57. Письма 1922–1927 гг. написаны и отправлены из Иркутска. Письмо 1930 г. – из Москвы.

Первое письмо не имеет номера, датируется 25 июля 1922 г., отослано из Иркутска по адресу «Вильно, Погулянка, 11/10» и содержит единственную известную на сегодняшний момент автобиографию С. Х. Бейлина, написанную им для «Биографического словаря литературы, журналистики и филологии на идиш» (Лексикона Рейзена). В ней С. Х. Бейлин указывает свое полное еврейское имя – «Шодем-Зисл б"р [бен реб] Хайм-Лейб Бейлин (на русском – Соломон Хаимович Бейлин)»¹⁷. Интересен тот факт, что в данной автобиографии С. Бейлин указывает год своего рождения как 1857 (1 хешвана 5618), в то время как в «Формулярном списке Соломона Бейлина» (1912)¹⁸ он пишет дату своего рождения как 13 июня 1858 г.

Перечисляя в автобиографии все свои опубликованные до революции работы, он упоминает: «С 1921 года живу я как пенсионер на маленькую пенсию в Иркутске и занимаюсь приведением в порядок моих собранных пословиц и поговорок, которыми я интересуюсь и собираю их при каждом случае, не из книг, а из уст народа, в разговоре, с 1884 года»¹⁹.

Далее Соломон Хаимович пишет: «Последние годы я верный и преданный поклонник идиш, и болит мое сердце, что до сегодняшнего дня мои литературные работы не опубликованы на идиш, но чувствую я успокоение и удовольствие от того, что в рукописи лежит у меня парочка работ на привычном идиш, и надеюсь, что будут они вскоре напечатаны в еврейско-американской газете. Но, с другой

стороны, я переживаю, как и подобные мне, глубокую драму, когда я вижу, что мои дети, как и все их еврейские друзья и подруги, слабо понимают еврейский народный язык и не чувствуют совершенно никакого интереса к его литературе, его радостям и страданиям, его ценностям»²⁰.

Второе письмо, как и предыдущее, не имеет номера. Написано оно через несколько дней после первого и датируется 1 августа 1922 г. (7 менахем-ав 5682). Исходящий адрес письма значится как «Иркутск (Восточная Сибирь), Подгорная, 38». В нем Бейлин пишет Рейзену об опасениях по поводу того, что предыдущее его письмо могло затеряться на почте, поэтому он дублирует автобиографию, а также высылает свою фотографию, сделанную 28 июля 1922 г. Именно эта фотография вошла в «Лексикон Рейзена» и является в настоящее время единственным установленным фото Соломона Хаимовича. Из письма: «25.07 я отослал Вам некоторые штрихи моего жизнеописания, но только не зарегистрировал, потому что на почте здесь не принимают заказные в Литву и в Польшу. Будучи в сомнении, получите ли Вы мое письмо от 25.07, я посылаю Вам его копию, а также мою фотографию от 28.07 сего года. И прошу Вас отписаться, если Вы получите оба; слать на мой адрес. С высоким уважением, Шодем Бейлин»²¹.

Третье сохранившееся в Архиве Института YIVO письмо Соломона Бейлина к Залману Рейзену проходит под № 6. Оно датировано 16 мая 1924 г. (12 ияра 5684), имеет штамп YIVO и номер архивного листа 82194. Обратный его адрес: Иркутск (Сибирь), Подгорная, 38.

В начале письма С. Бейлин благодарит З. Рейзена за полученные от него письма и сожалеет о том, что часть корреспонденции утеряна в процессе пересылки: «Ваши последние два письма от 01.11.1923 (открытка) и от первого дня хол-а-моэд²² Песах сего года я получил на днях, и спасибо Вам большое за них. К сожалению, я не получил ни книг, ни газет, как и корректуру обо мне: жалко ваших расходов и стараний в дальнейшем»²³.

Далее он сообщает: «Кроме моих пословиц, у меня лежат готовые к публикации в качестве отдельного издания или журнала следующие мои работы, которые еще не были нигде напечатаны: "Ученые и маскильские шутки и поговорки", объединенные со "Стихами из Священного Писания и высказываниями мудрецов" – до 400 номеров каждая, приблизительно от 10 до 40 обычных печатных строк, большинство от 10 до 20 строк, вместе приблизительно

¹⁶ YIVO Vilna Online Collections // Yivo. Режим доступа: <https://vilnacollections.yivo.org> (дата обращения: 11.05.2021).

¹⁷ YIVO. RG3. F1817. P. 81885.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2. Л. 431.

¹⁹ YIVO. RG3. F1817. P. 81885.

²⁰ Там же. P. 81885–81896.

²¹ Там же. P. 81897.

²² Первого дня хол-а-моэд Песах – праздник Песах (еврейская Пасха) продолжается в диаспоре восемь дней, из которых первый-второй и предпоследний-последний дни считаются праздниками с более строгими законами, чем промежуточные дни – полупраздничные хол-а-моэд (досл.: будни праздника).

²³ YIVO. RG3. F1820. P. 240–242.

6–7 тысяч строк. <...> К сожалению, я совершенно не имею представления о сегодняшних еврейских новых книгах по всем областям [знаний], которые выходят в Литве и в Польше, и даже о тех, что выпускаются в Америке. <...> О еврейской сибирской жизни мне сейчас сложно писать. Еврейская жизнь началась здесь активно и расцвела в 1900-е годы, сейчас она пульсирует очень слабо»²⁴.

Четвертое письмо имеет порядковый № 30 и датируется 4 июля 1927 г. (6 тамуз 5687). В нем С. Бейлин обращается к З. Рейзену как к «дорогому другу, товарищу Залману Рейзену»²⁵. В данном письме он пишет: «10 декабря прошедшего года я Вам отправил последнюю главу моей статьи "О еврейской орфографии – логика без сентиментов", смотрите мое письмо от 10.12.1926 № 17. Если эта глава не была опубликована в *Literarische Bleter* (номера 6–12/1927 потерялись, поэтому я не знаю), прошу я Вас узнать, где она имеется...»²⁶.

В пятом письме № 32 от 26 сентября 1927 г. (канун Рош а-Шана²⁷) С. Бейлин спрашивает З. Рейзена: «Будут ли напечатаны мои работы, в том числе "Некоторые мнения о еврейской орфографии", во второй книге "Шриффт"?»²⁸. В конце письма имеется приписка: «Я с нетерпением ожидаю вторую книгу Вашего "Лексикона", который выписал через мою сестру (Новогрудок – Варшава). Я надеюсь, что у Вас будет свежесть и энергия довести Вашу высокополезную и капитальную работу до счастливого конца со всеми дополнениями. С пожеланиями счастья к новому году (Ксивэ у-хсимэ тойвэ»²⁹), Ш. Бейлин»³⁰.

Шестое сохранившееся письмо под № 57 датировано 13 февраля 1930 г. (15 шват 5690). После приветствия и общих предложений С. Х. Бейлин пишет: «Высылаю Вам две еврейские народные сказки для публикации в Вашей газете *Vilner tog*. В качестве гонорара я бы пожелал, по возможности, отдельные оттиски [публикации]. Если Вам это неудобно, Вы можете прислать мне несколько вырезок (30–40) из номера газеты, в котором две сказки будут опубликованы»³¹. Далее, в самом конце письма он указывает уже свой московский адрес: «Мой адрес, как и прежде: Москва-Сокольники, (14) Большая Оленья, 16/2 (23), кв. 5»³².

По стилистике переписки, содержащей только деловую информацию, и по форме обращения можно сделать вывод о том, что Соломон Бейлин не был знаком с Залманом Рейзенем лично. В первых письмах он обращается к нему

по-разному: «Высокоуважаемый товарищ Залман Рейзин» (1922)³³, «Многоуважаемый друг Залман Рейзин» (1924), в дальнейшей переписке он уже пишет: «Уважаемый друг Залман Рейзен» (1927), «Очень уважаемый друг г-н Залман Рейзен» (1930). Такие разные обращения говорят о том, что образованному и воспитанному С. Х. Бейлину, который более 30 лет по долгу своей раввинской службы состоял в переписке с совершенно разными людьми, крайне сложно привыкнуть к смене таких привычных обращений, как господин, товарищ и друг.

Письма С. Х. Бейлина в редакции *Literarische Bleter* и *YIVO Bleter*

В Архиве Института YIVO сохранилось еще два интересных письма, проливающих свет на творческую жизнь С. Х. Бейлина того периода. Первое письмо написано 26 ноября 1926 г. и адресовано в редакцию еженедельника на идиш *Literarische Bleter*, главным редактором которого был Нахман Майзель, второе письмо датировано 14 июня 1932 г. и адресовано в редакцию журнала *YIVO Bleter*, одним из основателей и соредактором которого являлся Залман Рейзен.

Иллюстрированный еженедельник *Literarische Bleter* выходил в Варшаве (Польша) в 1924–1939 гг. и был ведущим литературным изданием на идиш в межвоенный период. Всего за это время вышло 730 номеров [22]. Каждый выпуск состоял из статей о литературе, искусстве, театре, кино, образовании на идиш [23]. Журнал стимулировал свою аудиторию читать и покупать книги на идиш, публикуя сведения о новинках ряда еврейских издательств.

Письмо в редакцию *Literarische Bleter* (Варшава, Налевки, 67) от 26 ноября 1926 г. (20 кислев 5687) написано С. Х. Бейлиным из Иркутска (он указывает обратный адрес: Иркутск (Восточная Сибирь), ул. К. Маркса, 62). В нем он пишет: «Уважаемый г-н редактор! Уже значительное время я собираю согласно алфавиту европейские (латинские и французские) библейские и талмудические выражения, пословицы и сентенции в еврейском переводе (моем собственном) из следующих сборников: М. И. Михельсон "Ходячие и меткие слова", Ф. Павленков "Энциклопедический словарь", И. Буксдорф "Конкорданция", К. А. Перло "Сокровищница языка мудрецов", А. М. Гейман "Дом собрания мудрецов", И. И. Вайсберг "Притчи древних", И. Ц. Бродоцкий "Талмудические афоризмы", а также

²⁴ Там же. Р. 240–242.

²⁵ В данном случае С. Х. Бейлин пишет «Рейзен».

²⁶ YIVO. RG3. F1817. Р. 81898.

²⁷ Рош а-шана – праздник наступления нового года по еврейскому календарю в новолуние осеннего месяца тишрей.

²⁸ YIVO. RG3. F1817. Р. 81899.

²⁹ Традиционное пожелание к еврейскому новому году на языке идиш о хорошей записи в Книгу Жизни на следующий год.

³⁰ YIVO. RG3. F1817. Р. 81899.

³¹ YIVO. RG3. F1823. Р. 82478.

³² Там же. Р. 82478

³³ Фамилию Рейзен С. Х. Бейлин пишет по-разному: и как «Рейзен», и как «Рейзин».

из самих Талмуда и мидрашей. <...> Если подобные переводы с некоторыми объяснениями могут найти место в *Literarische Bleter*, у меня есть возможность присылать Вам каждый месяц приблизительно один-полтора печатных листа в течение 10–12 месяцев»³⁴.

Сотрудничество С. Бейлина с издательством еженедельника *Literarische Bleter* не состоялось по ряду не зависящих от писателя причин. Изначально в 1924–1926 гг. издательство сотрудничало со многими еврейскими писателями практически из всех центров идишской литературы и культуры, но ужесточение культурной политики в СССР с 1928 г. привело к тому, что писателям на идиш в этой стране было прямо и открыто отказано в участии в еженедельнике.

Другим периодическим изданием на языке идиш, куда Соломон Бейлин отправлял свои рукописи, был журнал *YIVO Bleter*, издаваемый в Вильно с 1931 г. Соредактором издания был все тот же Залман Рейзен. Основная штаб-квартира журнала переехала из Вильно в Нью-Йорк в 1940 г. вместе с Институтом еврейских исследований YIVO и многими рукописями. Письмо, написанное С. Х. Бейлиным в редакцию *YIVO Bleter*, датировано 14 июня 1932 г. (6 сивана 5692) и отослано из Москвы. На письме стоят оригинальные штампы YIVO о получении письма 19 июня 1932 г. за номером 1461, эмблема YIVO и номер листа 82193.

Обращаясь к редакции, С. Х. Бейлин пишет: «У меня лежит законченная работа более трех печатных листов (формата номера *YIVO Bleter*) под именем "Шутки, поговорки, игра слов, а также характерные выражения, связанные с еврейским многоязычием и с другими особенностями еврейской речи". Собрано и записано из уст народа Ш. Бейлиным (орфография виленская, как в *YIVO Bleter*). <...> Итого приблизительно 2210 печатных строк или 60–62 страницы формата номера [журнала] *YIVO*»³⁵. Делая акцент на виленской орфографии, как в *YIVO Bleter*, автор имеет в виду, что он использует стандарт идиш-орфографии, выработанный Институтом YIVO, в отличие от варианта правописания, принятого в СССР. К сожалению, публикации С. Х. Бейлина в данном издании в настоящее время установить не удалось.

Заключение

Для успешного привлечения этнических меньшинств к идеям коммунизма национальная политика СССР 1920–1930-х гг. была направлена на популяризацию их языка и культуры. Для еврейского населения инструментом советизации стал язык идиш, на котором говорила основная часть евреев того времени.

Благодаря расцвету культуры на идиш стали известными такие советские идишские писатели и публицисты, как Илья Ильф, Исаак Бабель, Илья Эренбург, Перец Маркиш, Лейб Квитко и др. Активно включился в писательскую работу

на идиш и еврейский фольклорист и этнограф Соломон Бейлин, писавший до Октябрьской революции на русском и немецком языках. Свои рукописи он отправлял в журналы научно-исследовательских учреждений еврейской пролетарской культуры в Минске и Киеве, а также в журналы международного центра еврейской культуры – Институт еврейских исследований в Вильно.

Несмотря на ценнейшие фольклорные и этнографические материалы издатели не торопились публиковать присланные С. Х. Бейлиным рукописи – для советских изданий он, как бывший раввин, не соответствовал требованиям, предъявляемым к пролетарским писателям, для изданий Варшавы и Вильно – писателем из СССР, отношения с которым у Польши и Литвы были достаточно натянуты. Вопреки многим обстоятельствам С. Х. Бейлина в те годы все-таки публиковали. В 1928 г. вышли две статьи С. Х. Бейлина на идиш: «Анекдоты, поговорки, остроты, пословицы» в журнале «Цайтшрифт» Еврейского отдела Института белорусской культуры (Минск) и «Сравнения» в журнале «Шрифтн» Кафедры еврейской культуры при Всеукраинской академии наук (Киев), а в 1929 г. – статья «Ученые и маскильские шутки» в «Филологише шрифтн» Еврейского научного института (Вильно).

Большая часть рукописей С. Х. Бейлина и биографические данные фольклориста сохранились благодаря его переписке с еврейским журналистом, лингвистом и историком литературы на идиш Залманом Рейзеном, собиравшем не только биографические материалы о еврейских писателях и ученых, но и их рукописные материалы по фольклору, этнографии, лингвистике и литературе языка идиш.

Во второй половине 1930-х гг. официальная национальная политика в СССР поменялась в сторону пролетарского интернационализма и борьбы против национальных культур. Несмотря на это, в 1941 г. в московском издательстве «Дер Эмес», специализировавшемся на художественной литературе на языке идиш, была подписана в печать книга С. Х. Бейлина «Народные шутки и шуточные истории» с предисловием известного литературоведа Меера Винера. В связи с началом войны и эвакуацией издательства в г. Куйбышев книга не была издана, однако рукопись сохранилась в семье фольклориста и спустя сорок лет, в середине 1980-х гг., была опубликована в другом общесоюзном журнале на идиш «Советиш Геймланд» (Советская Родина) [24].

Автор надеется, что в процессе более тщательного изучения изданий того времени обнаружатся новые, не установленные ранее публикации Соломона Бейлина.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

³⁴ YIVO. RG3. F1821. P. 82195.

³⁵ YIVO. RG3. F1820. P. 237–239.

Благодарности: Автор выражает благодарность бывшему директору Центра иудаики Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Киев)

Анатолию Григорьевичу Кержнеру за переводы архивных материалов с языка идиш.

Литература

1. Бейлин Соломон Хаимович // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. д-ра Л. И. Каценельсона и барона Д. Г. Гинцбурга. СПб.: Общ-во для научных еврейских знаний; Брокгауз-Ефрон, 1909. Т. 4. Кол. 41–42.
2. Reyzen Z. Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologye. Vilne: Vilner farlag fun B. Kletskin, 1926. 536 p.
3. Бейлин Соломон Хаимович // Сибирская Советская энциклопедия / под общ. ред. М. К. Азадовского. М.: Сибкрайиздат, 1929. Т. 1. А–Ж. Кол. 265–266.
4. Берман Е. А. Сказки забытого раввина. Этнокультурное наследие Соломона Бейлина: еврейский фольклор, авторская публицистика, воспоминания, рассказы. Иркутск: ИРНИТУ, 2019. 244 с.
5. Берман Е. А., Кержнер А. Г. Историческое и культурное наследие казенного раввина Иркутска Соломона Бейлина // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 131–140. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-131-140
6. Берман Е. А., Орехова Н. А. Письма иркутского общественного раввина С. Х. Бейлина Г. Н. Потанину (из фондов Красноярского краевого краеведческого музея) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 85–93. DOI: 10.17223/19988613/64/11
7. Берман Е. А. Семья казенного раввина С. Х. Бейлина в контексте истории России XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 32. С. 75–82. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.32.75
8. Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / науч. ред. М. С. Куповецкий. Иерусалим; М.: Гешарим / Мосты культуры, 2017. 416 с.
9. Baron S. W. The Russian Jew under tsars and soviets. N. Y.: Macmillan, 1976. 468 p.
10. Давыдов И. О. О проблеме языков в просветительной работе среди национальностей // Просвещение национальностей. 1929. № 1. С. 18–29.
11. Гасилов Г. О системе народного образования среди национальных меньшинств РСФСР // Просвещение национальностей. 1929. № 1. С. 29–46.
12. Элиасберг Г. А. Очерки по истории еврейского театра в архиве В. Н. Всеволодского-Гернгросса // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, информация: VII Междунар. Михоэлсовские чтения. (Москва, 23–24 ноября 2011 г.) М.: Три квадрата, 2012. С. 43–56.
13. Шмерук Х. Литература на идиш в Советском Союзе // Евреи в Советской России (1917–1967) / пер. с англ. Марии Альтман. Иерусалим: Библиотека Алия, 1975. С. 197–248.
14. Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой: 1917–1991. СПб.: Петерб. евр. ун-т, 1996. 185 с.
15. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 415 с.
16. Гительман Ц. Формирование еврейской культуры и самосознания в СССР: государство в роли социального инженера // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога / отв. ред. И. А. Крупник. М.: Еврейское историческое общество, 1992. С. 15–27.
17. Идиш: язык и культура в Советском Союзе: сб. мат-лов Междунар. конф. / науч. ред. Л. Кацис, М. Каспина, Д. Фишман. М.: РГГУ, 2009. 491 с.
18. ИВО // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2: Габбай–Измил / гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982. Кол. 596–597.
19. Зинич М. С. Деятельность Оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Вопросы музедологии. 2011. № 1. С. 116–125.
20. Abramowicz H., Zeitlin Dobkin E., Abramowicz D., Shandler J., Fishman D. E. Profiles of a lost world: memoirs of East European Jewish life before World War II. Detroit: Wayne State University Press, 1999. 386 p.
21. Novershtern A. Reyzen, Zalmen // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Режим доступа: https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Reyzen_Zalmen (дата обращения: 11.05.2021).
22. Cohen N. Literarishe Bleter // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Режим доступа: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Literarishe_Bleter (дата обращения: 11.05.2021).
23. Cohen N. Sefer, sofer, veiton: merkaz ha-tarbut ha-Yehudit be-Varshah, 1918–1942. Jerusalem: Hebrew University Magnes Press, 2003. 363 p.
24. Бейдер Х. Этюды о еврейских писателях. Киев: Дух і Літера, 2003. 347 с.

original article

The Work of Jewish Folklorist Solomon Beilin in the Context of the Development of Yiddish Culture in the 1920s–1930s

Elena A. Berman

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk; <https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>; lana.berman.amanut@gmail.com

Received 18 May 2021. Accepted 23 Jun 2021.

Abstract: The article is the final part of a major study that featured the life and work of Solomon Kh. Beilin (1858–1942), a Jewish folklorist, ethnographer, and publicist, the Rabbi of the cities of Rogachev and Irkutsk, who was one of the first researchers to collect and systematize the Jewish folklore on the territory of the Russian Empire. The paper focuses on the post-revolutionary Yiddish works of Rabbi Beilin as part of the development of Jewish ethnocultural life in 1920s–1930s in the USSR, Lithuania, and Poland. The author worked in the archives of the YIVO Institute for Jewish Studies (New York) and studied Solomon Beilin's Yiddish correspondence with the Jewish philologist and publicist Zalman Reisen, as well as with editors of several Yiddish periodicals. The analysis proved that Beilin's post-revolutionary research was extremely productive, probably, due to the rise of the Yiddish language in 1920s–1930s. In that period, Solomon Beilin was also interested in various philological issues related to Yiddish grammar and spelling.

Keywords: Jewish folklore, Yiddish writers, institutes of Jewish culture in the USSR, Institute of Jewish Studies, YIVO, Zalman Reisen

Citation: Berman E. A. The Work of Jewish Folklorist Solomon Beilin in the Context of the Development of Yiddish Culture in the 1920s–1930s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 297–305. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-297-305>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Acknowledgments: The author expresses gratitude to Anatoly G. Kerzhner, former Director of the Center for Jewish Studies of the V. I. Vernadsky Taurida National University, Kiev, for translating archival materials from Yiddish.

References

1. Beilin Solomon Haimovich. Jewish encyclopedia. *Code of knowledge about Jewry and its culture in the past and present*, eds. Katzenelson L. I., Gintsburg D. G. St. Petersburg: Obshch-vo dlia nauchnykh evreiskikh znaniy; Brokgauz-Efron, 1909, vol. 4, 41–42. (In Russ.)
2. Reyzen Z. *Leksikon fun der yidisher literatur, prese, un filologye*. Vilne: Vilner farlag fun B. Kletskin, 1926, 536.
3. Beilin Solomon Haimovich. *Siberian Soviet encyclopedia*, ed. Azadovsky M. K. Moscow: Sibriizdat, 1929, vol. A-F, 265–266. (In Russ.)
4. Berman E. A. *Tales of the forgotten Rabbi. Ethnocultural heritage of Solomon Beilin: Jewish folklore, publications, memoirs, and stories*. Irkutsk: IRNITU, 2019, 244. (In Russ.)
5. Berman E. A., Kerzhner A. G. Historical and cultural heritage of the official rabbi of Irkutsk Solomon Beilin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2019, 15(4): 131–140. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-131-140
6. Berman E. A., Orekhova N. A. Letters from the Irkutsk official rabbi S. Kh. Beilin to G. N. Potanin (from the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum of local lore). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, (64): 85–93. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/64/11
7. Berman E. A. The family of the crown rabbi S. Kh. Beilin within the context of the Russian history of the XX century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, 32: 75–82. (In Russ.) DOI: 10.26516/2222-9124.2020.32.75
8. *Soviet Jewish Studies: history, problems, and personalities*, ed. Kupovetsky M. S. Jerusalem; Moscow: Gesharim / Mosty kulture, 2017, 416. (In Russ.)
9. Baron S. W. *The Russian Jew under tsars and soviets*. N. Y.: Macmillan, 1976, 468.
10. Davydov I. O. Languages in educational work among national minorities. *Prosveshchenie natsionalnostei*, 1929, (1): 18–29. (In Russ.)
11. Gasilov G. About the system of public education among national minorities of the RSFSR. *Prosveshchenie natsionalnostei*, 1929, (1): 29–46. (In Russ.)

12. Eliasberg G. A. Essays on the history of the Jewish theater in the archive of V. N. Vsevolodsky-Gerngross. *National theater in the context of multinational culture: archives, libraries, and information*: Proc. VII Intern. Mikhoelsovsky readings, Moscow, 23–24 Nov 2011. Moscow: Tri kvadrata, 2012, 43–56. (In Russ.)
13. Shmeruk Kh. Yiddish Literature in the Soviet Union. *Jews in Soviet Russia (1917–1967)*, tr. Maria Altman. Jerusalem: Biblioteka Aliia, 1975, 197–248. (In Russ.)
14. Blyum A. V. *Jewish question under the Soviet censorship: 1917–1991*. St. Petersburg: Peterb. evr. un-t, 1996, 185. (In Russ.)
15. Kostyrchenko G. V. *Stalin against the "cosmopolitans": power and the Jewish intelligentsia in the USSR*. Moscow: Fond pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina, 2010, 415. (In Russ.)
16. Gitelman Ts. Formation of Jewish culture and self-awareness in the USSR: the state as a social engineer. *Historical destinies of Jews in Russia and the USSR: the beginning of a dialogue*, ed. Krupnik I. L. Moscow: Evreiskoe istoricheskoe obshchestvo, 1992, 15–27. (In Russ.)
17. *Yiddish: language and culture in the Soviet Union*: Proc. Intern. Conf., eds. Katsis L., Kaspina M., Fishman D. Moscow: RGGU, 2009, 491. (In Russ.)
18. Institute for Jewish Studies. *Brief Jewish encyclopedia. Vol. 2: Gabbay–Izmir*, eds. Oren (Nadel) Y., Zand M. Jerusalem: Obshchestvo po issledovaniyu evreiskikh obshchin, 1982, 596–597. (In Russ.)
19. Zinitch M. S. The activities of reichsleiter A. Rosenberg's operational headquarters aimed at the removal of cultural treasures from the USSR. *The Problems of Museology*, 2011, (1): 116–125. (In Russ.)
20. Abramowicz H., Zeitlin Dobkin E., Abramowicz D., Shandler J., Fishman D. E. *Profiles of a lost world: memoirs of East European Jewish life before World War II*. Detroit: Wayne State University Press, 1999, 386.
21. Novershtern A. Reyzen, Zalmen. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. Available at: https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Reyzen_Zalmen (accessed 11 May 2021).
22. Cohen N. Literarishe Bleter. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. Available at: http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Literarishe_Bleter (accessed 11 May 2021).
23. Cohen N. *Sefer, sofer, veiton: merkaz ha-tarbut ha-Yehudit be-Varshah, 1918–1942*. Jerusalem: Hebrew University Magnes Press, 2003, 363.
24. Bader H. *Etudes about Jewish writers*. Kiev: Dukh i Litera, 2003, 347. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 94(570)

Гражданский журнализм сибирской провинции начала 1920-х гг. (на материалах СМИ Центрально-Сибирского региона)

Светлана Вячеславовна Бершадская

Красноярский государственный аграрный университет, Россия, г. Красноярск; <https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>;
bsv97@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.06.2021. Принята в печать 29.06.2021.

Аннотация: Рассмотрены отдельные аспекты развития гражданского журнализма на примере движения рабочих и сельских корреспондентов Центрально-Сибирского региона в начальный период нэпа. На основе содержательного анализа материалов периодической печати, архивных и исторических источников автор анализирует практическую реализацию развернутой на территории региона кампании, нацеленной на пропаганду средств массовой информации; заметки и сообщения, поступавшие от рабкоров / селькоров и просто неравнодушных граждан, касающиеся вопросов реализации новой экономической политики; исследует исторический опыт использования творческого потенциала гражданского журнализма в просвещении читательской аудитории в вопросах, связанных с деятельностью органов государственной власти. Методология исследования включает использование междисциплинарного, системного, социокультурного подходов и анализ исторических источников, позволивших провести исследование отдельных аспектов повседневной жизни раннесоветского общества. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в создании базы для дальнейших исследований по данной проблематике. Сделан вывод, что в исследуемый период государственные мероприятия на региональном уровне не имели ярко выраженной идеологической направленности и были нацелены, прежде всего, на просвещение местного населения и вовлечение его в общественно полезную деятельность. Участие населения в деятельности региональной и локальной прессы способствовало росту тиража и качества местных периодических изданий, формированию мировоззрения местной читательской аудитории, повышению уровня доверия населения к деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: Сибирь, нэп, раннесоветское общество, органы государственной власти, советская периодическая печать, региональная пресса, локальная пресса, рабкоровы, рабселькорское движение

Цитирование: Бершадская С. В. Гражданский журнализм сибирской провинции начала 1920-х гг. (на материалах СМИ Центрально-Сибирского региона) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 306–313. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-306-313>

Введение

Гражданский журнализм, трактуемый современными исследователями как деятельность непрофессиональных авторов, которой занимаются граждане [1; 2], нельзя однозначно отнести к изобретениям современного общества. Еще в 1920-е гг. гражданский журнализм в форме движения рабочих и сельских корреспондентов получил широкое распространение в Советской России. Изучение истории возникновения и развития рабселькорского движения является актуальным с точки зрения исследования исторического опыта использования творческого потенциала гражданского журнализма в просвещении читательской аудитории в вопросах, связанных с деятельностью органов государственной власти [3; 4]. Несмотря на достаточную разработанность в историографии темы новой экономической политики, заявленные проблемы в такой постановке в отечественной историографии изучены слабо.

Одним из ключевых методов данного исследования, проведенного в рамках изучения истории повседневности, является системный, позволивший провести анализ

отдельных аспектов повседневной жизни начала 1920-х гг. как незавершенной, единой, объединенной причинно-следственными связями совокупности. В исследовании использованы элементы социокультурного и междисциплинарного подходов, метод контент-анализа в его традиционной форме [5–8].

Цель данной статьи – верифицировать имеющиеся в научной литературе представления об отдельных аспектах реализации на региональном уровне кампании, нацеленной на пропаганду СМИ, а также истории возникновения и развития гражданского журнализма на территории Центрально-Сибирского региона в начале 1920-х гг.

Агитационная кампания по обращению к СМИ

Тема участия непрофессиональных авторов в работе средств массовой информации (СМИ) и оценки их социальной роли возникла еще в начале XX в. В пользу участия «трудящихся в печати» для «оживления и углубления» деятельности печатных органов высказывался в 1904 г. В. И. Ленин:

«орган будет живым и жизненным тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов – пятьсот и пять тысяч работников не литераторов»¹. Над необходимой степенью вовлеченности общественности в процесс сбора и распространения информации и ролью периодической печати в обществе размышлял американский журналист Вальтер Липман в своей книге «Общественное мнение» (1922), отмечавший, что люди ждут от газет, что они расскажут всю правду, не зависимо от того, насколько эта правда выгодна или нет [9, р. 321]. Основным аргументом создания Отдела Печати в структуре Государственного музея Приенисейского края было «желание усилить сбор произведений печати, как отражающих связанные с ней явления местной общественной жизни»².

Характерным для исследований периодической печати, движения рабочих и сельских корреспондентов советского периода в соответствии с ленинской трактовкой³ было освещение СМИ в качестве «идейного руководителя партии», а рабселькорского движения как одного из ярких проявлений социалистической свободы печати [10–13]. Например, подчеркивая роль «трудящихся в печати», Е. И. Матханова указывала на то, что «большевистская партийная пресса всегда была не только печатью для масс, но и печатью, создаваемой самими массами... Через печать и сеть рабселькоров партия тесно связывается с широкими беспартийными массами, воспитывая их в духе коммунизма и вовлекая в строительство социалистического общества» [13, с. 19–20].

В постсоветский период отдельные аспекты темы затрагиваются в исследованиях, посвященных формированию и содержанию периодических изданий раннесоветской России, их типам и видам, характеристике и оценке их социальной роли [14–19]. Работ, посвященных непосредственно развитию гражданского журнализма в России и движения рабочих и сельских корреспондентов в 1920-е гг., немного [20–24]. Характерным для публикаций современного периода является участие не только историков, но и журналистов, филологов в формировании историографии темы. В целом признавая роль непрофессиональных авторов в подъеме творческой инициативы трудящихся и народного хозяйства, авторы рассматривают рабселькорское движение

прежде всего в качестве компонента советской агитации и пропаганды.

Как прагматично указывалось в одном из центральных партийных циркуляров, «почти каждая экономическая кампания вызывает массу недоуменных вопросов, как организаций, проводящих и соприкасающихся с нею, так и населения, которое захватывается кампанией. Своевременное разъяснение таких вопросов не только будет способствовать успешному проведению хозяйственных мероприятий, но и вообще, укреплять Советскую власть»⁴. Одним из способов своевременного разъяснения были СМИ, представленные в исследуемый период в основном газетами и журналами [6–8; 13–15; 17–19].

На территории Центрально-Сибирского региона была развернута масштабная агитационная кампания, нацеленная на формирование у населения привычки к обращению к СМИ для получения ответов на «массу недоуменных вопросов». Циркулярные письма Главполитпросвета настоятельно «рекомендовали» Уполитпросветам «принять все меры» и «изыскивать средства» на «снабжение библиотек, а особенно изб-читален, газетами»⁵. О пользе для простых людей быть «в курсе текущего момента» регулярно упоминалось на страницах самих газет и журналов: «Недавно на общем собрании член сельсовета гр. Быков разъяснил пользу, приносимую газетой, и общее собрание постановило: выписать газету "Власть труда" на 6 месяцев со всеми приложениями»⁶. О важности чтения газет рассказывали детям авторы «Букваря для школ Сибири»: «Дядя Петр получил газеты из города. О продналоге написано. Много народу набралось в избе у дяди Петра. Всем охота послушать»⁷. «Местная газета» указывалась в качестве основного учебного пособия в методичках Сибирского методического совета⁸. Тексты газет использовались исследователями 1920-х гг. как основной источник изучения языка эпохи⁹. О том, что пропагандистская кампания достигла определенных результатов, свидетельствуют дневниковые записи современников: «К концу года я совсем было забросил свои "мемуары". Для чего, думаю, портить бумагу и терять время...», – пишет у себя в дневнике Никита Потапович Окунев. – «Комплект газет за эти годы куда интереснее моих кустарных записок»¹⁰. О создании газеты «на злобу дня» среди прочих досуговых практик, сложившихся

¹ Ленин В. И. Письмо к товарищам // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967. Т. 9. С. 106.

² Научный архив КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (КККМ). Оп. 01. Д. 357. Л. 32 об.

³ Ленин В. И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1967. Т. 7. С. 1–32.

⁴ МКУ «Архив города Енисейска» (АГЕ). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

⁵ АГЕ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

⁶ Даешь газету! // Власть труда (г. Минусинск). 1924. № 167. С. 2.

⁷ Венгеров Н., Осмоловский Н. Мы в школе: букварь для школ Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926. С. 42.

⁸ Пупышев В. В помощь школе малограмотных: опыт проработки Сибирской краеведческой программы для школ и кружков малограмотных. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926. 51 с.

⁹ Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926.) М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.

¹⁰ Окунев Н. П. Дневники и записи. Запись от 18 марта 1924 г. Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221924-01-01%22&diaries=%SB49%SD> (дата обращения: 05.06.2021).

во время поездки красноярской делегации на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку 1923 г. в Москве, упоминается в дневнике сотрудницы Государственного музея Приенисейского края М. Д. Соловьевой¹¹.

Специфика нарратива нэпа гражданских журналистов региональной и локальной прессы

Накануне X Съезда ВКП(б) с целью привлечения внимания местного населения к задачам предстоящего в Москве события газеты публиковали своего рода тизеры. Так, иркутская «Власть труда» анонсировала съезд как мероприятие, которое было призвано «ответить на все поставленные ему вопросы так, чтобы как можно скорее вывести республику из того экономического развала, в котором она сейчас очутилась»¹². Сразу же после открытия съезда разъяснение задач, озвученных с его трибун и нацеленных на «вывод республики из экономического развала», стало важным составляющим контента региональной прессы [15; 24; 25].

Объявленные на X Съезде новые экономические инициативы вызвали настолько противоречивые и неоднозначные чувства у людей, только что начавших возвращаться к относительно нормальной мирной жизни, что они нашли свое отражение не только в личных записях и литературе современников, но и на страницах официальной советской прессы, пропагандистский и агитационный характер которой отмечается исследователями [10–13; 15; 17–19; 22; 24]. Упомянутый выше Н. П. Окунев по поводу новых стратегий с горечью писал в своем дневнике о возврате новой власти к «ненавистному прошлому», величая сей факт термином *вакханалия*: «В силу новой экономической политики, каждый день печатаются разные декреты, открывающие частным предпринимателям пути к старым наживам... Пройдешь по улице и невольно остановишься: видишь "давно забытые мечты и прелесть прежних далей", балык, семгу, икру, ветчину, лимоны, ягоды, орехи, сладости... На бульварах тоже разные буржуазные удовольствия заводятся... Одним словом, идет во всем вакханалия»¹³. Еще жестче звучит А. П. Аверченко в своем «Приятельском письме Ленину»: «Никто у тебя не работает, все голодают, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии»¹⁴. Не меньший негатив у людей

вызывали ценовые «прелести» новой экономполитики. Н. П. Окунев с горечью отмечает: «балык стоит 35 000 р. ф., малина 3 500 р. ф., орехи 10 000 р. ф., молодой картофель 1 600 р., рис 10 000 р. ф. и т. д. Ну и плюнешь на эту прелесть, поспешишь домой, где тебя ждет старая картошка да каравай черного хлеба»¹⁵. Солидарен с ним житель г. Минусинск, чья заметка была напечатана в местной газете «Власть труда»: «Рынок наш беснуется в погоне за наживой, в погоне за блестящим золотом. Советский служащий и рабочий и обыватель стонет от неимоверной дороговизны»¹⁶.

Редакции центральных и местных газет обратились ко всем хозяйственным органам как «к губернским, так и уездным, и сельским, отдельным товарищам... корреспондировать в газету о ходе своей работы, об ее успехах и неудачах, о необходимых мерах к ее улучшению и пр.»¹⁷, обращая внимание на то, что «не нужно стараться писать всегда только о хороших сторонах и об успехах. Надо не смазывать, а выявлять откровеннее недостатки и упущения в работе»¹⁸. Таким образом, органы власти преступили к целенаправленному формированию информационного пространства новой экономполитики, привлекая само население к участию в данном процессе. С одной стороны, «трудящиеся» получили возможность принять участие в создании «своей печати» [13, с. 19] и решении актуальных проблем, например, один их иркутских рабкоров Дмитрий Мушников объяснял свое решение «сотрудничать в газете» тем, что смог лично убедиться в том, «какое огромное значение имеет печатное слово. ... Заметка моя помещена была в газете и произвела должное впечатление: были приняты меры»¹⁹. С другой стороны, возможно предположить, что участие «саких граждан» в создании нарратива нового курса повышало уровень доверия населения к инициативам власти. «Факт во всем антураже. Не кто-нибудь – рабкор писал. С тем и съешьте», – охарактеризовал степень убежденности в добросовестности и искренности творчества непрофессиональных авторов М. М. Зощенко²⁰.

Новая экономполитика на страницах центрально-сибирских печатных изданий актуализировалась через ряд тем, к которым регулярно обращались не только официальные представители «хозяйственных органов», но и «отдельные товарищи» в лице рабселякоров. Как справедливо отметил

¹¹ КККМ. ОФ 12216/1. Запись от 22-VIII-23 г.

¹² Г.Р. К 10 Съезду Р.К.П. // Власть труда (г. Иркутск). 1921. № 395. С. 1.

¹³ Окунев Н. П. Дневники и записи. Запись от 12 июля 1921. Режим доступа: <https://prozhitto.org/notes?date=%221921-01-01%22&diaries=%5B49%5D> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁴ Аверченко А. П. Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко. Константинополь // Зарницы. 1921. № 15. Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/257789-arkadij-averchenko-priyatel'skoe-pismo-leninu-ot-arkadiya-averchenko.html> (дата обращения: 05.06.2021).

¹⁵ Дневник Окунева Н. П. Запись от 12 июля 1921...

¹⁶ Агроном Юдин. Не все то золото, что блестит // Власть труда (г. Минусинск). 1923. № 26. С. 2.

¹⁷ На самом важном фронте // Красноярский рабочий. 1921. № 202. С. 1.

¹⁸ КККМ. ОФ 3022/44.

¹⁹ Военкор Дмитрий Мушников. Как я стал военкором // Власть труда (г. Иркутск). 1925. № 100. С. 5.

²⁰ Зощенко М. М. Шестеренка. Режим доступа: <http://zoshhenko.ru/zoshchenko-rasskazy-ch-sh-24.html> (дата обращения: 05.06.2021).

Г. В. Жирков, характеризуя просветительскую функцию советской периодической печати: «Официальный информационный поток, несмотря на фильтровавшую его цензуру, давал обществу основные необходимые для его функционирования информацию и знания» [16]. Однако целью нашего исследования является попытка ответить на вопрос, что давал раннесоветскому обществу относительно «неофициальный» информационный поток.

Спецификой нарратива новой экономполитики гражданских журналистов региональной и локальной прессы стало формирование нескольких тематических доминант, внутри которых можно выделить несколько полей. Одной из тематических доминант в статьях и заметках рабселькоров в период 1921–1922 гг. стала «борьба с разрухой»²¹, превратившись в термин, который практически мгновенно вошел в лексикон местных жителей. Так, например, в письме в Енисейский губернский отдел народного образования директор Музея Приенисейского края А. Я. Тутаринов (22.06.1921) просил признать музей учреждением «ударным» «при теперешней борьбе с разрухой и строению новой жизни»²². Другая доминанта, к которой регулярно обращались непрофессиональные авторы, актуализировалась через тему повышения уровня жизни населения. «Улучшение положения крестьянства становится необходимым», – утверждал автор статьи, помещенной в газете «Красноярский рабочий»²³. Автор заметки, напечатанной в газете «Красный таежник» (г. Енисейск), указывал на существование прямой взаимосвязи в восстановлении «сил рабоче-крестьянской республики» и «хозяйственной мощи»²⁴. Кроме того, в тематической доминанте повышения качества жизни можно выделить еще одно поле – разъяснение целей и задач введения продналога, который «по сравнению с разверсткой является большим облегчением для крестьян»²⁵ и презентуется «как временная мера, которая сойдет на нет по мере улучшения нашей промышленности и транспорта»²⁶. Так прямая взаимосвязь между «существующей новой экономической политикой Советской власти» и повышением уровня жизни находит у людей отклик и используется ими в качестве аргумента в спорах с руководством предприятий²⁷.

Кроме того, неоднозначность, проблемы и недостатки нэпа стали еще одной тематической доминантой, внутри которой сложилось несколько полей. Гражданские журналисты эпохи нэпа в своих публикациях связывали введение нового курса с жилищным кризисом: «Красноярск, подобно многим городам Сибири и центральной России, переживает жилищный кризис. НЭП гримасничает в области жилищного дела больше, чем где бы то ни было»²⁸; а также с проблемами просвещения: «Новая экономическая политика не могла способствовать дальнейшей работе по ликвидации неграмотности»²⁹. На страницах местной прессы находят свое отражение и разногласия по поводу продолжительности нового курса. Например, минусинская «Власть труда» в одном из номеров за 1923 г. напечатала: «нэп это не случайный эпизод из нашей революционной борьбы, это не метод, который мы сегодня приняли, а завтра тем или иным постановлением его отменили»³⁰. В «Красноярском рабочем» практически в это же время появляется фельетон, в котором один из его героев предлагает назвать новорожденного «НЭП Иванович»; однако родитель не соглашается, аргументируя свою точку зрения тем, что, когда «малыш вырастет, "нэпу", может, конец будет»³¹.

Кроме того, возможно предположить, что определенный вклад в формирование уровня доверия населения к инициативам властей «в условиях новой экономической обстановки» внесла актуализация еще одной тематической доминанты с ярко выраженной эмоциональной и идеологической нагрузкой, связанной с «новой советской буржуазией» и представлявшей собой «опасность». По мнению автора Г. Ржанова, высказанного на страницах сборника Иркутского губернского отдела народного образования «Путь просвещения» в 1922 г., опасность эта «заключается в том, что не все группы рабочего класса ясно представляют себе перспективы новой экономической тактики»³². «Когда новая экономическая политика докатилась до Сибири», – объяснял автор А. Соколов в одном из номеров журнала «Жизнь Сибири» за 1922 г., «последняя отзывалась на нее – в идеологической области – чрезвычайным оживлением мелко-буржуазных вкусов и стремлений во всех областях умственной жизни». Причину «восприимчивости»

²¹ Сагайский В. Все для детей // Красноярский рабочий. 1921. № 125. С. 1; Бочков Н. Коммунальное хозяйство (итоги и перспективы 1921–1922 гг.) // Красноярский рабочий. 1922. № 61. С. 2.

²² КККМ. Оп. 01. Д. 374. Л. 8.

²³ Съезд работников транспорта // Красноярский рабочий. 1921. № 68. С. 2.

²⁴ АГЕ. Г. Григорьев. В дружную семью // Красный таежник (г. Енисейск). 1922. № 4. С. 1.

²⁵ АГЕ. Н. Натуральный налог // Красная тайга (г. Енисейск). 1921. № 2. С. 3.

²⁶ Н.Я. Замена разверстки налогом // Власть труда (г. Иркутск). 1921. № 404. С. 1.

²⁷ Хессин В. По нашим отделениям // Наше печатное слово (г. Красноярск). 1922. № 14. С. 12.

²⁸ А. О. Г. Лучшие жилища – рабочим // Красноярский рабочий. 1922. № 239. С. 1.

²⁹ Соколов А. Полит-просвет работа в Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 90.

³⁰ Промышленность и X Съезд Советов // Власть труда (г. Минусинск). 1923. № 26. С. 2.

³¹ Тополев И. Маленький фельетон «Крестины» // Красноярский рабочий. 1923. № 281. С. 2.

³² Ржанов Г. Партия и просвещение // Путь просвещения. Сборник Иргубоно. Иркутск: Госиздат. Иркутское отделение, 1922. С. 3.

сибирской трудовой «массы» «именно к идеологии мелкого буржуа» автор видел в том, что эта масса и прежде была «далеко не пролетаризованная»³³. Рабкор, подписавшийся псевдонимом Горняк, в одном из номеров за 1923 г. минусинской газеты «Власть труда» отмечал: «Новая экономическая политика в развитии промышленности дала большие полномочия в деле хозяйственного управления и ждет от данного направления определенных результатов. Но нэпманы на этот счет думают иначе – "нам все возможно"»³⁴. Таким образом, в формировании информационного пространства новой экономполитики на страницах региональной и локальной прессы рабселькоры сыграли определенную роль в отражении неоднозначности нового курса и связанных с ним опасностей.

Выводы

В поле зрения гражданских журналистов попадали не только успехи органов власти, но и «упущения в работе», а также вопросы, вызывавшие неоднозначную реакцию аудитории, поэтому публикации центрально-сибирской периодической печати начального периода новой экономической политики можно рассматривать как один из дополнительных исторических источников. Данный вывод подтверждается не только нарративом СМИ, но и источниками личного происхождения, произведениями литературы и официальной документацией указанного периода.

Широкомасштабная агитационная кампания, развернутая на территории Центрально-Сибирского региона, была нацелена, прежде всего, на пропаганду СМИ и на просвещение населения. У людей в свою очередь появилась не только возможность получить ответы на «массу недоуменных вопросов» и «опосредованно обратиться к власти со своими проблемами», но «получить конкретную помощь» [3, с. 228]. Кроме того, органы региональной власти стремились к глубокому и «своевременному разъяснению» темы новой экономической политики на страницах местной

периодики, активно используя при этом творческий потенциал непрофессиональных авторов. Так у людей появилась не теоретическая, а практическая возможность не только участвовать в создании контента, отражающего актуальные социально-экономические проблемы местного сообщества, но и сыграть определенную роль в формировании мировоззрения местной читательской аудитории.

Рабселькоры обращали внимание населения на практические вопросы реализации новой экономполитики на местах посредством публикации материалов: 1) пропагандирующих ее выгоду для страны в целом; 2) информирующих об отдельных аспектах нэпа, целью которых было повышение уровня жизни всех слоев населения; 3) формирующих среди аудитории мотивацию к честному «ударному» труду, возможности для которого значительно повысились именно благодаря введению нэпа; 4) сообщающих о факторах риска, связанных, прежде всего, с деятельностью представителей «новой советской буржуазии». Во многом благодаря деятельности именно непрофессиональных авторов, принявших активное участие в развитии дискуссии, к середине 1920-х гг. редакции и сами жители отмечали не только рост тиража местных периодических изданий. В качестве особого достижения отмечалось повышение их качества – «заметное улучшение... содержания», непосредственно связанное со значительным ростом числа рабселькоров и результативностью их труда³⁵.

Таким образом, исследование темы становления и развития рабселькорского движения на территории Центральной Сибири в начале 1920-х гг. представляет определенный интерес с точки зрения применения опыта использования творческого потенциала гражданского журнализма.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Хлебникова Н. В. Гражданская журналистика: к истории становления термина // Медиаскоп. 2011. № 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/896> (дата обращения: 05.06.2021).
2. Miller S. Citizen journalism // Oxford Research Encyclopedia of Communication. Oxford University Press USA, 2019. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.786
3. Дементьева К. В., Потапов П. Ф. Региональный аспект взаимодействия прессы и власти // Регионология. 2010. № 2. С. 225–229.
4. Бережкова Е. А. Отражение на информационном поле России проблем ее граждан // Социология власти. 2011. № 3. С. 79–86.
5. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности / ред. Б. И. Колоницкий. СПб.: ЕУСПб, 2003. Вып. 3. С. 7–14.

³³ Соколов А. Полит-просвет работа в Сибири... С. 94–95.

³⁴ Горняк. Им все возможно // Власть труда (г. Минусинск). 1923. № 17. С. 2.

³⁵ Читатели о нашей газете // Власть труда (г. Иркутск). 1925. № 101. С. 4; О газете «Красноярский Рабочий» // Красноярский рабочий. 1926. № 299. С. 3; Плоды рабкоров // Власть труда (г. Минусинск). 1924. № 123. С. 4.

6. Пушкарева Н. А. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
7. Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 233 с.
8. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
9. Lippmann W. Public Opinion. With a new introduction by Michael Curtis. New Brunswick (USA) and London (UK): Transaction Publishers, 1998. 427 p.
10. Белков А. К. Крестьянская печать в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. М.: Тип. Высш. парт. шк., 1950. 31 с.
11. Розенштейн Л. Ф. Большеви́стская печать в борьбе за укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в первый период нэпа (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952. 23 с.
12. Белов Л. М. Борьба Коммунистической партии за укрепление и развитие партийно-советской печати в восстановительный период (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956. 16 с.
13. Матханова Е. И. Из истории возникновения и развития рабселькорского движения в СССР (1921–1925 гг.) // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 19–32.
14. Головеева С. В. Газета «Голос труда» как источник по истории и культуре Барнаула (1917–1918) // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики: мат-лы IX Всерос. науч. симпозиума. (Барнаул, 27–30 сентября 2012 г.) Омск: ИД «Наука», 2012. С. 63–67.
15. Шадрина К. Н. Система распространения газетной периодики в крупнейших административных центрах Восточной Сибири в 1921–1929 гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 10. С. 421–425.
16. Жирков Г. В. Просветительская функция журналистики в исторической ретроспективе // RELGA. 2004. № 3. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=111&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.06.2021).
17. Танцеева А. В. «Огонек» – еженедельник советской страны: к истории функционирования в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 135–140.
18. Brooks J. Revolutionary lives: public identities in Pravda during the 1920s // New Directions in Soviet History / ed. S. White. N. Y.: Cambridge University Press, 1992. P. 27–40.
19. Edwards L. The mass media in the service of Soviet communism and in post-communist Russia // Political Violence / ed. P. Hollander. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. DOI: 10.1057/9780230616240_7
20. Быстрова О. В. М. Горький и рабкорское движение // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 2. С. 14–22.
21. Федосеева Л. Ю. Рабкорское движение во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века (на материалах Поволжья) // Общество. 2018. № 3. С. 87–91.
22. Прохоренко И. А. Сообщения рабкоров как источник по истории движения за повышение производительности труда и подъем народного хозяйства в Самарской области в 1924–1925 годах // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 3. С. 189–191.
23. Акулова М. Н. Псевдоним как способ защиты рабселькоров от преследований в 1920–1930-е гг. (на материалах среднего Поволжья) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 1. № 6. С. 184–187.
24. Якимов О. Д. Рабселькорское движение в национальных регионах Восточной Сибири: генезис и трансформация // Вестник Якутского государственного университета. 2008. Т. 5. № 4. С. 27–36.
25. Гонина Н. В., Бершадская С. В. Образ нэпа и нэпманов в периодической печати Енисейской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5. С. 19–24. DOI: 10.14258/izvasu(2020)5-02

original article

Citizen Journalism in Provincial Siberia in the Early 1920s (Based on the Media of the Central Siberian Region)

Svetlana V. Bershadskaya

Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk; <https://orcid.org/0000-0002-3371-2974>; bsv97@yandex.ru

Received 9 Jun 2021. Accepted 29 Jun 2021.

Abstract: The research featured the development of citizen journalism in Siberia in the early 1920s when the debates around societal challenges spilled onto the pages of periodicals. By focusing on the early New Economic Policy (NEP) narrative in the regional and local media, the author describes the difference between amateur and professional journalism. The campaign to promote the mass media and NEP was contingent on community debate, which addressed people's worldview. In some cases, editors and citizen journalists used these topics to highlight the efforts of the local authorities and the effectiveness of media narratives. The narratives of the Soviet mass media and the early NEP made it possible to engage Siberians in public activities and develop a better understanding of working processes at the grassroots of the early Soviet society. The research was based on an interdisciplinary approach, which encompassed the history of everyday life and the relevant issues of journalism.

Keywords: Siberia, NEP, the early Soviet society, government, Soviet mass media, regional press, local press, worker correspondent, worker-peasant correspondent

Citation: Bershadskaya S. V. Citizen Journalism in Provincial Siberia in the Early 1920s (Based on the Media of the Central Siberian Region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 306–313. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-306-313>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Khlebnikova N. V. Citizen journalism: history of the term. *Mediascope*, 2011, (3). Available at: <http://www.mediascope.ru/node/896> (accessed 5 Jun May 2021). (In Russ.)
2. Miller S. *Citizen journalism*. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. Oxford University Press USA, 2019. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.786
3. Dementyeva K. V., Potapov P. F. Regional aspects of interaction between printed press and power. *Regionology*, 2010, (2): 225–229 (In Russ.)
4. Berezhkova E. A. A reflection of Russian citizens' problems on informational field. *Sociology of Power*, 2011, (3): 79–86. (In Russ.)
5. Krom M. M. Everyday life as a subject of historical research: Preface. *History of everyday life*, ed. Kolonitsky B. I. St. Petersburg: EUSPb, 2003, iss. 3, 7–14 (In Russ.)
6. Pyshkareva N. L. The scope and methods of the study of everyday life history. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2004, (5): 3–19. (In Russ.)
7. Rusina Yu. A. *Source studies of the recent history of Russia*. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 2015. 233. (In Russ.)
8. Danilevsky I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. *Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history*. Moscow: RGGU, 1998, 702. (In Russ.)
9. Lippmann W. *Public Opinion. With a new introduction by Michael Curtis*. New Brunswick (USA) and London (UK): Transaction Publishers, 1998, 427.
10. Belkov A. K. *Peasant press during the transition to peaceful work to restore the national economy*. Moscow: Tip. Vyssh. part. shk., 1950, 31. (In Russ.)
11. Rozenshteyn L. F. *The Bolshevik press in the struggle to strengthen the alliance of the working class with the working peasantry during the first period of the NEP (1921–1925)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1952, 23. (In Russ.)
12. Belov L. M. *The struggle of the Communist Party to strengthen and develop the party-Soviet press during the recovery period (1921–1925)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1956, 16. (In Russ.)
13. Matkhanova E. I. The history and development of the worker-peasant correspondent movement in the USSR (1921–1925). *Voprosy istorii*, 1958, (9): 19–32. (In Russ.)

14. Goloveeva S. V. The Voice of Labor as a source on the history and culture of Barnaul (1917–1918). *Problems of culture of Russian cities: theory, methodology, historiography, research models and practices*: Proc. IX All-Russian Sci. symposium, Barnaul, 27–30 Sep 2012. Omsk: ID "Nauka", 2012, 63–67. (In Russ.)
15. Shadrina K. N. Periodicals distribution system in largest administrative centers of Eastern Siberia in 1921–1929. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, (10): 421–425. (In Russ.)
16. Zhirkov G. V. The educational function of journalism in historical retrospect. *RELGA*, 2004, (3). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=111&level1=main&level2=articles> (accessed 5 Jun May 2021). (In Russ.)
17. Tantsevova A. V. "Ogonyok" – the weekly journal of the Soviet country: the history of functioning in the 1920s. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 2015, (4): 135–140. (In Russ.)
18. Brooks J. Revolutionary lives: public identities in Pravda during the 1920s. *New Directions in Soviet History*, ed. White S. N. Y.: Cambridge University Press, 1992, 27–40.
19. Edwards L. The mass media in the service of Soviet communism and in post-communist Russia. *Political Violence*, ed. Hollander P. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. DOI: 10.1057/9780230616240_7
20. Bystrova O. V. M. Gorky and the rabkorov movement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika*, 2018, 8(2): 14–22. (In Russ.)
21. Fedoseeva L. Yu. Rabkorovsk movement in the second half of the 20-th – the beginning of the 30-th years of the XX century (on materials of the Volga region). *Obschestvo*, 2018, (3): 87–91. (In Russ.)
22. Prokhorenko I. A. Messages of worker correspondents as a source on movement history for increase of labour productivity and national economy lifting in the Samara area in 1924–1925. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (3): 189–191. (In Russ.)
23. Akulova M. N. Pseudonym as a way to protect factory and rural correspondents from persecution in the 1920–1930s (on materials of the middle Volga region). *XXI Century: Resumes of the Past and Challenges of the Present plus*, 2015, 1(6): 184–187. (In Russ.)
24. Yakimov O. D. Movement of country labor correspondents in national regions of Eastern Siberia: genesis and transformation. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, 5(4): 27–36. (In Russ.)
25. Gonina N. V., Bershadskaya S. V. NEP and Nepmen representation in Siberian periodicals. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, (5): 19–24. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2020)5-02

оригинальная статья

УДК 902.01

Сакрализация ландшафта: к результатам рекогносцировочных исследований курганных могильников в окрестностях с. Усть-Калманка

Николай Николаевич Головченко

Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, г. Барнаул; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>;
nikolai.golowchenko@yandex.ru

Никита Романович Дьяков

Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, г. Барнаул

Поступила в редакцию 09.03.2021. Принята в печать 07.04.2021.

Аннотация: Летом 2020 г. Степным отрядом археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета была проведена разведка территории Усть-Калманского района Алтайского края. В ходе проведенных работ была обследована местность, расположенная в междуречье р. Чарыш и р. Калманка. В результате исследований проведен мониторинг 25 насыпей ранее выявленных отдельных памятников, расположенных в окрестностях с. Усть-Калманка. Рассматривается семантика ансамбля курганных могильников, расположенных на вершине водораздела, с позиции анализа религиозно-мифических представлений сибирских народов о мировой горе. Проводится параллель между семантикой цепочки курганов и поясом. Высказывается предположение, что линейная структура курганной цепочки и ровиков могла ассоциироваться с развязанным поясом, что должно было усиливать медиаторские функции водораздела как сакрализованного ландшафта, облегчающего проведение обрядов перехода. Специфической чертой обследованных в 2020 г. объектов является сочетание в курганных цепочках каменно-земляных и земляных конструкций, вероятно, маркирующих адаптационные стратегии реализации культовых практик и поликультурность оставившего их населения. Внешние параметры объектов археологического наследия позволяют предварительно датировать их серединой – второй половиной I тыс. до н. э.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, водораздел, планиграфия, мониторинг, семантика, курганная группа

Цитирование: Головченко Н. Н., Дьяков Н. Р. Сакрализация ландшафта: к результатам рекогносцировочных исследований курганных могильников в окрестностях с. Усть-Калманка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 314–324. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-314-324>

Введение

Археологические исследования на территории Усть-Калманского района Алтайского края в разные периоды проводились специалистами научных центров и учреждений различного уровня. Их трудами выявлен массив разновременных (от палеолита до Средневековья) и разнотипных (поселения, местонахождения, курганные и грунтовые могильники) памятников историко-культурного наследия. Их современное состояние характеризуется в основном как неудовлетворительное.

Отдельные культовые объекты древности, расположенные на территории Алтайского края, становятся известными отечественному ученому сообществу еще в XVIII–XIX вв. Особое внимание исследователей привлекали предгорная и горная зоны края [1]. Не являлась исключением и современная территория Усть-Калманского района. Однако особых работ, посвященных археологическим памятникам данной местности, издано не было.

Полноценное и целенаправленное изучение объектов археологического наследия Усть-Калманского района было начато в 1970-е гг., когда А. П. Уманским были зафиксированы курганные группы у сел Усть-Калманка и Михайловка [2].

Позднее, в 1977 г., Б. И. Лапшиным у Усть-калманской коневодческой фермы была исследована верхнепалеолитическая стоянка (самый древний известный памятник на территории района) [3, с. 247].

В 1982 г. разведочные работы в районе проводил В. Н. Владимирова. Им было осмотрено поселение у пос. Чарышский, имеющее довольно мощный культурный слой. При зачистке берега были найдены фрагменты керамики андроновского и ирменского облика, кости животных. Вдоль дороги, ведущей из с. Усть-Калманка в с. Чарышское, зафиксированы четыре небольшие курганные группы. Все они, по замечанию исследователя, интенсивно распахивались [4].

Основная масса выявленных археологических памятников на территории района представлена погребальными комплексами, точная датировка которых в основном не ясна в силу их неисследованности, но наиболее ранний из них – грунтовой могильник Чарышский 6 – датирован (первоначально по подъемному материалу) П. И. Шульгой XV–XIII вв. до н. э. В 1998 г. им же были доисследованы два разрушенных погребения эпохи развитой бронзы на данном могильнике [5]. На настоящий момент это единственные

полноценно опубликованные археологические материалы с территории Усть-Калманского района, а Чарышский 6 – единственный археологический памятник, на котором проведены раскопки.

Наиболее представительно в количественном отношении на территории района известны одиночные и групповые курганные комплексы. Основная масса была выявлена П. И. Шульгой, на то время работавшим старшим научным сотрудником лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического института (ныне УНИЛ «Историческое краеведение» ФГБОУ ВО «АлтГПУ»), в ходе работ по картографированию объектов археологического наследия в 1991 г. Маршрут проведенных П. И. Шульгой в течении нескольких полевых сезонов разведок включал в себя осмотр окрестностей населенных пунктов Усть-Калманка, Усть-Камышенка, Ельцовка, Новокалманка, Бураново, пос. Чарышский, Степной и Дружба [6], во всех пунктах были выявлены опазываемые или распаиваемые в ходе сельскохозяйственных работ курганные насыпи.

Изучение курганных объектов базируется на предположении, что в археологических памятниках нашла отражение некогда существовавшая реальность, не представленная сведениями письменных и изобразительных источников. Основной массив источниковой информации с данных памятников можно получить только в результате масштабных полевых и естественнонаучных изысканий. Как справедливо отмечено А. А. Тишкиным, «на начальном этапе есть смысл реализовать комплекс визуальных наблюдений» [7], направленных на изучение планиграфии

некрополей и отдельных объектов для выявления закономерностей при оформлении сакрального пространства. Описанию результатов таких наблюдений на примере курганного ансамбля, расположенного в окрестностях с. Усть-Калманка, посвящена настоящая работа.

Описание курганных комплексов в окрестностях с. Усть-Калманка

Усть-Калманский район расположен в южной части Алтайского края и граничит с Усть-Пристанским, Алейским, Петропавловским, Солонешенским, Чарышским, Краснощековским и Шипуновским районами. В настоящее время на территории Усть-Калманского района известно около 110 объектов археологического наследия. Четыре из них датируются достаточно точно – это Усть-Калманка и Усть-Калманка 26 (эпоха верхнего палеолита), могильник Чарышский 6 (эпоха развитой бронзы, андроновская культура) и поселение Чарышское (эпоха поздней бронзы, ирменская культура).

Значительная часть территории района относится к водораздельной возвышенности между бассейнами р. Чарыш и р. Калманка. Высота водораздела на данном участке колеблется от 200 до 217 м над уровнем моря. В ходе проведенной разведки обследовано 20 ранее выявленных П. И. Шульгой памятников археологии, включающих 25 выраженных в рельефе каменно-земляных и земляных курганных насыпей, расположенных в окрестностях с. Усть-Калманка (рис. 1). Размеры насыпей колеблются от 0,3 м в высоту и 13 м в диаметре до 1,8 м и 37 м соответственно.

Рис. 1. Карта с обозначением обследованных курганных комплексов в окрестностях с. Усть-Калманка
Fig. 1. Burial complexes near the village of Ust-Kalmanka

Курганная группа Усть-Калманка 2 находится в 13,4 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 14,7 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 17,5 км на север-северо-запад от центра с. Новокалманка, в 10,5 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект археологического наследия расположен на краю высокой террасы и вытянут в общем направлении по оси *север-северо-восток – юг-юго-запад*. Состоит из двух визуально фиксируемых на дневной поверхности древних сооружений. Насыпи курганов – каменно-земляные. Расстояние между курганами – 23,96 м.

Курган № 1 является северо-восточным в цепочке, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 16,91*10,91 м, высота – 0,97 м. Поверхность насыпи сильно задернована.

Курган № 2 расположен в 23,96 м к югу-юго-западу от кургана № 1, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 14,9*11,24 м, высота – 1,43 м. В центре сооружения расположен столб ЛЭП. Поверхность насыпи сильно задернована.

Курганная группа Усть-Калманка 4¹ находится в 13,5 км на запад-юго-запад от центра п. Приозерный, в 14,5 км на север-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 17,3 км на запад от центра с. Новокалманка, в 10,3 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. В настоящее время объект археологического наследия представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 16,29*19,39 м, высота – 0,82 м. Насыпь кургана хорошо задернована.

Курганная группа Усть-Калманка 5 находится в 13,5 км на юг-юго-запад от центра п. Приозерный, в 13,6 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 15,6 км на северо-запад от центра с. Новокалманка, в 10,2 км на восток-северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект археологического наследия расположен на поле, подверженном интенсивной распахке, и вытянут в общем направлении по оси *север – юг* (рис. 2). Состоит из двух визуально фиксируемых на дневной поверхности древних сооружений. Насыпи курганов – каменно-земляные. Расстояние между курганами – 25,28 м.

Курган № 1 является южным в цепочке, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 21,69*17,39 м, высота – 0,96 м. Поверхность насыпи распахана. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни, а также норы грызунов.

Курган № 2 расположен в 25,28 м к северу-северо-западу от кургана № 1, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 27,35*20,8 м, высота – 1,39 м. Поверхность насыпи задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни. Полы насыпи опажены.

Одиночный курган Усть-Калманка 6 находится в 3,2 км на юг-юго-восток от моста через р. Калманка в с. Усть-

Калманка, в 14,6 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 13,4 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 14,2 км на север от центра с. Новокалманка, в 9,7 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект внешне представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 37,52*25,64 м, высота – 1,6 м. В центре сооружения расположен пункт Государственной геологической службы (ГГС). Часть элементов внешней конструкции пункта демонтирована. Пункт имеет форму квадрата (4,0*4,0 м), стороны которого ориентированы по сторонам света. Границы квадрата очерчены хорошо читаемой траншеей с оплывшими стенками (ширина – 0,5 м, глубина – 0,4 м). Насыпь кургана хорошо задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни и куски бетона (элементы конструкции пункта триангуляции ГГС). Полы насыпи опажены.

Курганная группа Усть-Калманка 7 находится в 13,3 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 12,9 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 15,3 км на север-северо-запад от центра с. Новокалманка, в 10,6 км на восток-северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект археологического наследия расположен на поле, подверженном интенсивной распахке, вытянут в общем направлении по оси *запад – восток*. Состоит из двух визуально фиксируемых на дневной поверхности древних сооружений. Насыпи курганов – каменно-земляные. Расстояние между курганами – 45,24 м.

Курган № 1 является западным в цепочке, имеет насыпь округлых очертаний. Диаметр – 25,51 м, высота – 1,86 м. Поверхность насыпи задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни, а также норы грызунов. Полы насыпи сооружения опажены.

Курган № 2 расположен в 45,24 м к северу от кургана № 1, имеет насыпь округлых очертаний. Диаметр – 15,85 м, высота – 0,31 м. Поверхность насыпи распахана. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни.

Одиночный курган Усть-Калманка 9 находится в 11,9 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 12,3 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 16,2 км на север от центра с. Новокалманка, в 11,9 км на восток-северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 19,2*15,18 м, высота – 0,74 м. Насыпь сооружения хорошо задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни. Полы насыпи опажены.

Курганная группа Усть-Калманка 10 находится в 11,7 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 12,5 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 16,4 км на север

¹ Памятники Усть-Калманка 4 и 30 названы курганными группами в соответствии с их наименованиями в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации приказом Министерства культуры Российской Федерации от 23.11.2016 № 55827-р «О регистрации объекта культурного наследия федерального значения "Комплекс могильников у с. Усть-Калманка (Усть-Калманка 1–30)"», дата создания (возникновения) не определена (Алтайский край) в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ с присвоением ему регистрационного номера 221440604670006.

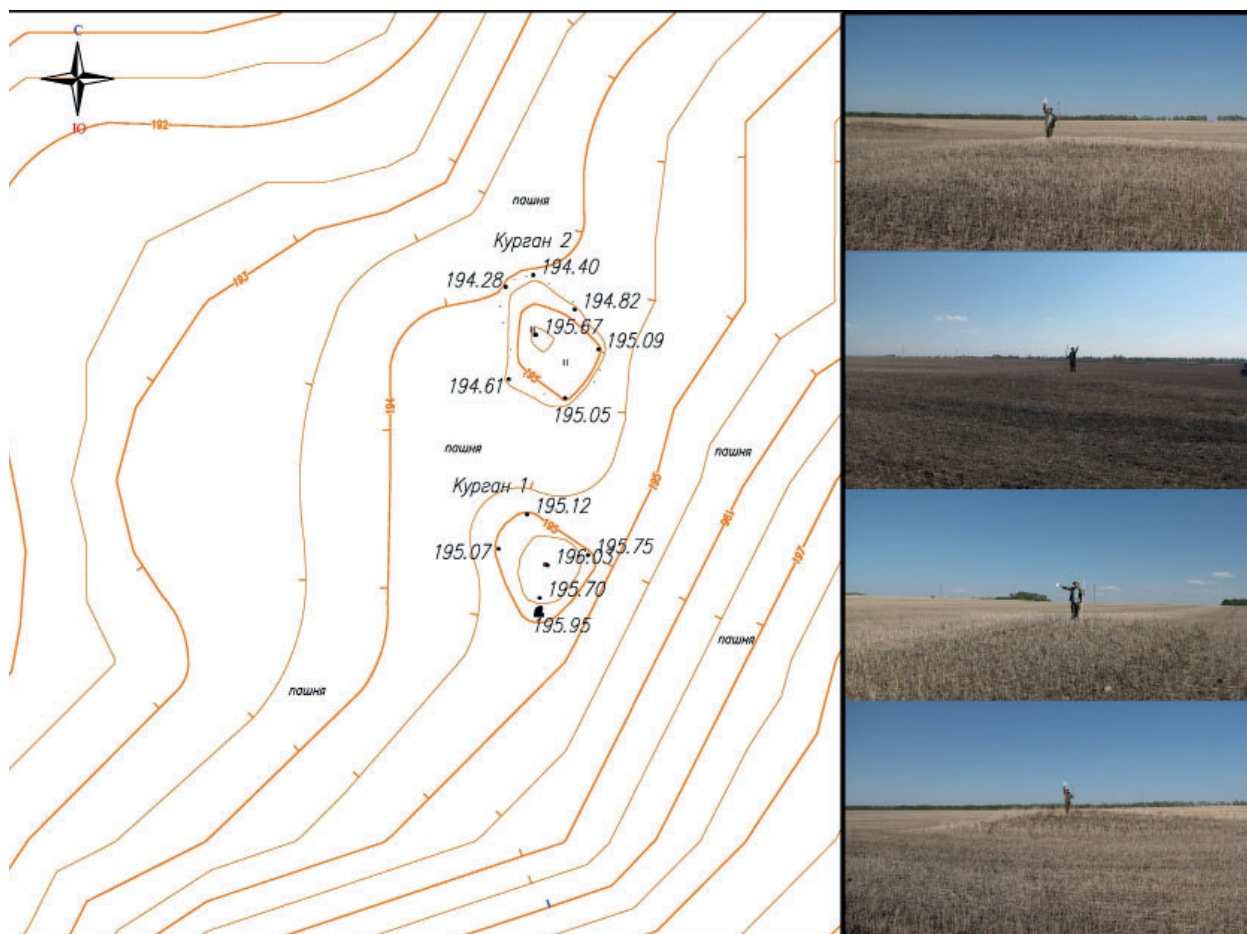

Рис. 2. Курганная группа Усть-Калманка 5 (топографический план и фото объектов)
Fig. 2. Ust'-Kalmanka 5 burial site (topographic plan and photos)

от центра с. Новокалманка, в 12,2 км на восток-северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект археологического наследия расположен на поле, подверженном интенсивной распашке, вытянут в общем направлении по оси север – юг. Состоит из двух визуально фиксируемых на дневной поверхности древних сооружений. Насыпи курганов – земляные. Расстояние между курганами – 31,46 м.

Курган № 1 является южным в цепочке, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 18,96*12,77 м, высота – 0,62 м. Поверхность насыпи задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни, а также норы грызунов. Насыпь сооружения опашана.

Курган № 2 расположен в 31,46 м к северу от кургана № 1, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 13,62*10,99 м, высота – 0,73 м. Поверхность насыпи задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни.

Курганная группа Усть-Калманка 12 находится в 11,5 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 12,6 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 17,3 км на север от центра с. Новокалманка, в 12,2 км на восток-северо-восток

от центра с. Усть-Камышенка. Объект археологического наследия расположен на поле, подверженном интенсивной распашке, вытянут в общем направлении по оси северо-восток – юго-запад. Состоит из двух визуально фиксируемых на дневной поверхности древних сооружений. Насыпи курганов – каменно-земляные. Расстояние между курганами – 126,56 м.

Курган № 1 является северо-восточным в цепочке, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 15,2*16,87 м, высота – 0,95 м. Поверхность насыпи задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни, а также норы грызунов. Насыпь сооружения опашана.

Курган № 2 расположен в 126,56 м к юго-юго-западу от кургана № 1, имеет насыпь округлых очертаний. Размер – 20,9*12,61 м, высота – 0,88 м. Поверхность насыпи задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни.

Одиночный курган Усть-Калманка 13 находится в 11,2 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 11,9 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 16,5 км на север от центра с. Новокалманка, в 12,6 км на восток-северо-восток

от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 15,68*11,06 м, высота – 0,61 м. Насыпь кургана хорошо задернована. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни. Полы насыпи опуханы.

Одиночный курган Усть-Калманка 14 находится в 13,7 км на запад-юго-запад от центра п. Приозерный, в 14,2 км на запад-северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 16,5 км на север-северо-запад от центра с. Новокалманка, в 10,7 км на восток-северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 21,22*20,99 м, высота – 0,84 м. Насыпь сооружения распахана. В некоторых местах на ее поверхности встречаются камни.

Одиночный курган Усть-Калманка 15 находится в 10,8 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 11,9 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 17,2 км на север от центра с. Новокалманка, в 12,4 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 17,73*13,04 м, высота – 0,79 м. Насыпь кургана распахана, на нем засеян подсолнечник.

Одиночный курган Усть-Калманка 16 находится в 13,6 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 11,8 км на северо-восток от кладбища в п. Восточный, в 14,2 км на север от центра с. Новокалманка, в 10,1 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 25,78*16,23 м, высота – 1,19 м. Насыпь кургана хорошо задернована, ее полы опуханы.

Одиночный курган Усть-Калманка 18 находится в 16,4 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 14,8 км на запад от кладбища в п. Восточный, в 13,4 км на северо-восток от центра с. Новокалманка, в 7,3 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 30,35*23,86 м, высота – 0,42 м. Насыпь кургана распахана.

Одиночный курган Усть-Калманка 19 находится в 12,2 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 13,9 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 18,2 км на север от центра с. Новокалманка, в 12,2 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Диаметр – 15,21 м, высота – 0,49 м. Насыпь кургана задернована.

Одиночный курган Усть-Калманка 23 находится в 8,6 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 12,4 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 4,5 км на юг от центра с. Новый Чарыш, в 14,7 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых

очертаний. Диаметр – 16,82 м, высота – 1,19 м. Насыпь кургана задернована.

Одиночный курган Усть-Калманка 24 находится в 6,8 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 12,6 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 4,1 км на юго-восток от центра с. Новый Чарыш, в 16,9 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Диаметр – 13,47 м, высота – 0,76 м. Насыпь кургана задернована. К востоку от насыпи расположена пашня и грунтовая дорога.

Одиночный курган Усть-Калманка 25 находится в 5,6 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 10,9 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 5,7 км на юго-восток от центра с. Новый Чарыш, в 18,1 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 13,38*18,54 м, высота – 0,76 м. Насыпь кургана распахана.

Одиночный курган Усть-Калманка 28 находится в 12,2 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 16,6 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 1,4 км на юго-запад от центра с. Чарышское, в 13,4 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Размер – 16,62*15,17 м, высота – 0,51 м. Насыпь кургана распахана.

Одиночный курган Усть-Калманка 29 находится в 12,4 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 15,4 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 3,1 км на юго-восток от центра с. Чарышское, в 12,6 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Диаметр – 17,55 м, высота – 0,51 м. Насыпь кургана задернована.

Курганная группа Усть-Калманка 30 находится в 12,2 км на юго-запад от центра п. Приозерный, в 14,8 км на северо-запад от кладбища в п. Восточный, в 3,7 км на юго-восток от центра с. Чарышское, в 11,7 км на северо-восток от центра с. Усть-Камышенка. Объект представляет собой одиночное сооружение в виде каменно-земляной насыпи округлых очертаний. Диаметр – 20,4 м, высота – 1,1 м. Насыпь кургана задернована.

Выявить археологические объекты без внешних признаков в пространстве между курганами групп и рядом с одиночными объектами нам не удалось, шурфовочные работы в околочурганых пространствах не проводились. Однако, исходя из опыта изучения аналогичных памятников, можно предположить, что рядом с рассмотренными объектами находятся визуально не прослеживаемые в настоящий момент археологические сооружения (курганы, могилы, рвы, останки коновязей и т. п.).

Рассмотренные памятники располагаются на водораздельной возвышенности между бассейнами рек Чарыш

и Калманка, на местности, характеризующейся как полого-увалистое плато. Высота водораздела достигает 217 м от уровня моря. Наиболее высотными оказались обособленно расположенные одиночные курганы Усть-Калманка 23, 24, 25, а также две концентрированные группы объектов: 1 – Усть-Калманка 2, 6, 7, 16; 2 – Усть-Калманка 9, 10, 12, 13, 15. Если принять во внимание традицию сооружения курганных комплексов скифского времени на данной территории т. н. цепочками, ориентированными с юго-запада на северо-восток, можно предположить, что таковые образуют памятники Усть-Калманка 6, 5, 14; Усть-Калманка 10, 12, 15; Усть-Калманка 16, 7 и Усть-Калманка 29, 30. Необходимо при этом учитывать, что интенсивная распашка обследованной территории привела к нивелировке насыпей курганов, ныне в ландшафте непротрачиваемых. Все выделенные цепочки ориентированы по гребню водораздела. Несмотря на то, что почти все обследованные насыпи в той или иной степени повреждены, в случае с цепочкой Усть-Калманка 6, 5, 14 наблюдается другая, характерная для скифского времени закономерность – южные курганы оказываются более крупными.

Обсуждение

Детальное изучение способов пространственной организации древних культовых объектов степной части Верхнего Приобья уже приводилось в специальной литературе [7–13].

Проведенными летом 2020 г. работами установлена четкая взаимосвязь расположения курганных комплексов с системой водоразделов (рис. 1). Место для упокоения усопших определялось по принципу выбора наиболее высокой и удаленной от воды территории. Данный подход мог базироваться на утилитарно-практических (удаление места погребения от жилища и источников воды, использование курганов как своего рода топографических ориентиров) и культовых воззрениях строителей.

Планиграфический анализ территориального распространения обследованных курганных комплексов показал, что они определенным образом концентрируются на местности и взаимосвязаны, представляя собой отдельные элементы более сложных объектов (курганных цепочек Усть-Калманка 6, 5, 14 и Усть-Калманка 10, 12, 15). Отчетливо устанавливается взаимосвязь курганов не только между собой, но и с элементами ландшафта – гребень водораздела. На основе подобной взаимосвязи рукотворных и природных элементов Ю. Е. Антоновой и В. И. Ташак на материалах Забайкалья было предложено определение святилищ как сложноорганизованных в пространстве структур [14, с. 193]. Вероятно, и ансамбль курганных могильников в окрестностях с. Усть-Калманка можно рассматривать как сакрализованный ландшафт с рядами протяженных курганных цепочек (тоже своего рода «линейных структур»), часть насыпей которых уничтожена распашкой, и единичных объектов, каким-то образом организующих пространство водораздела р. Чарыш и р. Калманка. При этом

значительная часть обследованных памятников может быть рассмотрена и с точки зрения семантической категории двойственности (Усть-Калманка 2, 5, 7, 10, 12).

Обследованные цепочки, пары и одиночные курганы приурочены к склонам и площадкам вершин водоразделов. Культ гор широко известен в религиозно-мифологической картине мира индоевропейских (например, гора Хара Березайти Авесты), тюркских и монгольских народов, его рассмотрению посвящен значительный массив специальной литературы [15; 16, с. 43–59; 17]. Особое значение возвышенностей и живописных мест для сооружения храмов саками отмечено Я. А. Шером [18, с. 135].

Реконструируя мифологическую картину мира кочевника, Л. Л. Абаева предполагает, что образ горы (мировой горы, оси мира) выполнял роль медиатора «между различными началами и силами (стихиями) мироздания – человеком и природой, небом и землей и т. д.» [16, с. 44]. С этих же позиций к культу гор подходит Т. Д. Скрынникова при реконструкции картины мира средневековых монголов, рассматривая гору как вариант мировой оси, соединяющей небо и землю [19, с. 162]. Представительные этнографические наблюдения о ритуальной и социальной роли горы в жизни алтайцев представлены в специальных работах Н. А. Тадиной [20–22]. Особо автором отмечается, что гора в представлении алтайцев обладает определенными антропоморфными чертами [22, с. 163]. Можно предположить, что гора-водораздел выделялась линейными по структуре курганными конструкциями как место проведения погребальных и меморативных обрядов благодаря своим медиаторским функциям.

Линейная планировка курганных цепочек позволяет рассмотреть ее семантическую параллель с поясом, элементом одежды, играющим особое символическое значение в среде различных сибирских народов. Зачастую пояс воспринимается как своеобразная граница между человеком и окружающим его миром [23, с. 8]. Пояс-ровик, отделяющий сакральное пространство от профанного, широко отмечен на исследованных в Алтайском крае курганах эпохи раннего железа. В обзоре представлений о поясе А. К. Байбурина указывает, что ему приписывалась посредническая роль в контактах между своим и иным миром. Кроме того, пояс являлся границей между двумя сущностями в человеке: чистым верхом и нечистым низом [23].

Учитывая расположение курганов на самой высокой позиции на местности, по сути дела, на реальной, физической границе между небом и землей, возможно рассматривать курганный цепочку как своеобразный образ пояса. При этом любопытно, что линейными украшениями и золотыми изображениями горных козлов украшались головные уборы населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, также образно связанные с символом горы [24]. По мнению Т. Д. Скрынниковой, снятие пояса можно рассматривать как размыкание границы [19, с. 151]. Обряд символической деструкции (расстегивания) пояса

отмечен в погребальной обрядности ряда могильников Алтая [25, с. 71; 26, с. 106–107; 27, с. 110–115; 28; 29]. Вероятно, несомкнутая линия цепочки курганов могла каким-то образом ассоциироваться с развязанным поясом, что должно было усиливать медиаторские функции водораздела как сакрализованного ландшафта, облегчающего проведение обрядов перехода.

Рассмотренные курганные могильники можно датировать лишь приблизительно на основании некоторых внешних признаков и по аналогии с соседними территориями. Размеры курганов от эпохи бронзы до эпохи раннего Средневековья колеблются в интервале от 3–6 м до 40 м в диаметре и от 0,2 м до 3 м в высоту (царские курганы имеют и большие размеры [7]). Ориентация курганов в цепочках (в основном по линиям *север – юг, северо-восток – юго-запад*) характерна в первую очередь для эпохи раннего железа, т. е. периода VI–II вв. до н. э. Это в целом соответствует общей картине распространения археологических памятников скифского круга на территории Верхнего Приобья [7; 11–13; 30]. Вероятно, меньшая часть курганов должна относиться к эпохе бронзы или раннего Средневековья. Подобная ситуация зафиксирована на территориях соседних Шипуновского [8; 9; 31; 32], Усть-Пристанского [33], Алейского [7] и Краснощековского районов [34–36].

Заключение

Курганные комплексы предварительно выделенных нами цепочек Усть-Калманка 6, 5, 14 и Усть-Калманка 10, 12, 15 могут быть датированы второй половиной I тыс. до н. э.

и отнесены к группе памятников скифо-сакского круга. К числу монографически опубликованных могильников данной культурно-исторической общности, располагавшихся в подобных ландшафтных зонах Алтайского края, относятся Новотроицкое-1, Новотроицкое-2 (Тальменский район) [37], Рогозиха-1 (Павловский район) [38], Локоть-4а (Локтевский район) [39]. Наблюдаемой в ландшафте специфической чертой обследованных в окрестностях с. Усть-Калманка в 2020 г. объектов является сочетание в курганных цепочках каменно-земляных и земляных конструкций, вероятно, маркирующих адаптационные стратегии реализации культовых практик и поликультурность оставившего их населения. Как отмечено исследователями, предгорные районы Алтайского края в эпоху раннего железа представляли собой контактную зону между носителями пазырыкской культуры и населением [7], осваивавшим территории Верхнего Приобья. Подводя итог в отношении ансамбля курганных могильников, расположенных в окрестностях с. Усть-Калманка, нельзя не отметить их перспективный рекреационный потенциал. Достаточно компактно расположенные комплексы, прилегающие к основной транспортной артерии района, могут стать стабильным объектом туристического показа.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Демин М. А. Первооткрыватели древности. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.
2. Демин М. А. Археологические исследования А. П. Уманского на Алтае (1973–1979 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5. С. 173–178. DOI: 10.14258/izvasu(2018)5-32
3. Лапшин Б. И. Археологические находки в предгорьях Алтая // Археологические открытия. 1978. Т. 1977. С. 247–248.
4. Алехин Ю. П., Владимиров В. Н. Разведочные работы в Предгорном Алтае // Археологические открытия. 1984. Т. 1982. С. 189–190.
5. Шульга П. И., Пугачев Д. А., Фролов Я. В. По результатам инспекционной поездки в южные районы Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 1999. № 10. С. 93–99.
6. Бородаев В. Б., Шульга П. И. К методике проведения археологических разведок: Новые возможности поиска памятников, выраженных в рельефе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: сб. тез. конф. (Барнаул, 20–21 апреля 1993 г.) Барнаул: АлтГУ, 1993. Т. 1. С. 19–22.
7. Тишкин А. А. Методологические принципы интерпретации крупных курганов Алтайского края // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: мат-лы Всерос. науч. конф. с Междунар. участием. (Барнаул, 24–26 сентября 2020 г.) Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 180–183.
8. Телегин А. Н. Шестой год раскопок курганной группы Объездное-1 // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история: мат-лы II Регион. науч.-практ. конф. (Барнаул, 1–2 декабря 2005 г.) Барнаул: БГПУ, 2006. Вып. 2. С. 77–80.
9. Телегин А. Н. Некоторые особенности планиграфии курганной группы Объездное-1 // Вопросы археологии и истории Сибири: памяти проф. А. П. Уманского / редкол.: Т. И. Баталова, М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 37–46.

10. Головченко Н. Н., Кузнецова Е. А. Археологическая разведка в Крутихинском районе Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Павлодар, 15–16 апреля 2014 г.) Павлодар: ПГПУ, 2014. Вып. 9. С. 25–32.
11. Бородовский А. П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3. С. 94–102.
12. Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. 2017. № 23. С. 229–240.
13. Фролов Я. В., Тишкин А. А. Крупные курганы в Мамонтовском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. № 26. С. 216–224. DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.37
14. Антонова Ю. Е., Ташак В. И. Древние святилища Западного Забайкалья: вопросы дефиниций и типологии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 4. С. 191–200.
15. Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. 1982. № 2. С. 83–92.
16. Абаева Л. А. Культ гор и буддизм в Бурятии (Эволюция верований и культов селенгинских бурят). М.: Наука, 1992. 144 с.
17. Конунов А. А. Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2010. № 4. С. 335–341.
18. Шер Я. А. Горные храмы саков // Проблемы археологии скифо-сибирского мира: социальная структура и общественные отношения: тез. Всесоюз. археол. конф. Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. 2. С. 135–136.
19. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 216 с.
20. Тадина Н. А., Ябыштаев С. Н. Алтайская традиция очеловечивания гор // Россия и мировой исторический процесс: мат-лы Всерос. межвуз. конф. (Бийск, 21–22 сентября 1998 г.) Бийск: АГГПУ им. В. М. Шукшина, 1999. С. 120–122.
21. Тадина Н. А. Опыт реконструкции модели мировоззрения алтае-саянских кочевников на основе этнокультурной символики алтайцев // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками / отв. ред. В. В. Невинский, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 150–153.
22. Тадина Н. А. Гора как организующее начало в культуре алтайцев // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история: мат-лы VI Регион. науч.-практ. конф. (Барнаул, 19–20 ноября 2009 г.) Барнаул: АлтГПА, 2009. Вып. 6. С. 161–165.
23. Байбурин А. К. Пояс (к семантике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы / отв. ред. Т. В. Станюкович. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. С. 5–13.
24. Бородовский А. П. Золотые изображения горных козлов эпохи раннего железа Южной Сибири // Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 231–239.
25. Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 195 с.
26. Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
27. Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
28. Головченко Н. Н. Некоторые результаты предварительного технико-технологического анализа образцов тканей из некрополей Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2017. Т. 16. № 3. С. 55–61.
29. Головченко Н. Н. Исследование и некоторые вопросы интерпретации фрагментов текстиля из кургана 15 некрополя Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2. С. 61–68. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-061-068
30. Бородовский А. П. Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. № 2. С. 87–96. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.087-096
31. Телегин А. Н. К реконструкции исторической ситуации в Верхнем Приобье в эпоху раннего железа // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции / отв. ред. П. В. Волков. Новосибирск: ИАИЭ, 1991. С. 138–149.
32. Телегин А. Н. Двадцать полевых сезонов Степного отряда археологической экспедиции ЛИК БГПИ–БГПУ–АлтГПА // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: Археология, этнография, устная история: мат-лы VII Регион. науч.-практ. конф. (Барнаул, 25–26 ноября 2010 г.) Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 36–38.
33. Фролов Я. В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: Очерки истории и культуры: VII Ползуновские чтения. (Усть-Пристань, 23–25 августа 1998 г.) Барнаул-Усть-Пристань: Комби-принт, 1999. С. 6–29.

34. Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии: мат-лы науч. конф. (Омск, 25–26 ноября 2004 г.) Омск: ГарантПромРесурс, 2004. С. 34–37.
35. Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Исследование курганов скифского времени на могильниках Чинета-II и Инской Дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2014. № 20. С. 94–100.
36. Демин М. А., Мамадаков Ю. Т., Головченко Н. Н. Курганный могильник эпохи раннего железа Черемшанка-1 // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 84–92.
37. Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГУ, 2009. 329 с.
38. Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: АлтГУ, 2005. 204 с.
39. Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 204 с.

original article

Sacralization of the Landscape: Survey Campaign 2020 in the Ust'-Kalmanka district of the Altai region

Nikolai N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul; <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>; nikolai.golovchenko@yandex.ru

Nikita R. Dyakov

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

Received 9 Mar 2021. Accepted 7 Apr 2021.

Abstract: In the summer of 2020, the steppe detachment of the archaeological expedition of the Altai State Pedagogical University explored the territory between the Charysh and the Kalmanka rivers in the Altai Territory. The team monitored 25 mounds of previously identified individual monuments at the top of the watershed near the village of Ust'-Kalmanka. They interpreted the semantics of the burial site from the standpoint of religious and mythical ideas of the Siberian peoples about the so-called world mountain. The scientists compared the semantics of the mounds to the belt symbol. The linear structure of the barrow chain and ditches could be associated with an untied belt, which should have strengthened the mediator functions of the watershed as a sacral landscape that facilitates the rite of passage. The mound chain combined stone-mud and mud structures, probably associated with the cult practices and the multiculturalism of the people that built them. Judging by the external parameters, the mounds were built in the middle or the second half of the 1st millennium BC.

Keywords: The upper Ob River, watershed, planigraphy, monitoring, semantics, mounds

Citation: Golovchenko N. N., Dyakov N. R. Sacralization of the Landscape: Survey Campaign 2020 in the Ust'-Kalmanka district of the Altai region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 314–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-314-324>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Demin M. A. *The discoverers of antiquities*. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1989, 120. (In Russ.)
2. Demin M. A. A. P. Umansky's archaeological research in Altai (1973–1979). *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, 5: 173–178. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2018)5-32
3. Lapshin B. I. Archaeological finds in the foothills of Altai. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1978, 1977: 247–248. (In Russ.)
4. Alekhin Iu. P., Vladimirov V. N. Exploration works in the Altai foothills. *Arkheologicheskie otkrytiia goda*, 1984, 1982: 189–190. (In Russ.)
5. Shulga P. I., Pugachev D. A., Frolov Ya. V. Inspection trip to the southern regions of the Altai Territory. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 1999, (10): 93–99. (In Russ.)

6. Borodaev V. B., Shulga P. I. Methodology of archaeological exploration: New possibilities of identification of archeological monuments on the terrain. *Protection and study of the cultural heritage of Altai*: Proc. Conf., Barnaul, 20–21 Apr 1993. Barnaul: AltGU, 1993, vol. 1, 19–22. (In Russ.)
7. Tishkin A. A. Methodological principles of interpretation of large barrows of Altai region. *Fundamental problems of the humanities: experience and development prospects of RFBR research projects*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Barnaul, 24–26 Sep 2020. Barnaul: AltGPU, 2020, 180–183. (In Russ.)
8. Telegin A. N. The sixth year of excavations of the Obyezdnoe-1 burial mound group. *Field research in the Upper Ob and Altai: Archeology, ethnography, and oral history*: Proc. II Region. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 1–2 Dec 2005. Barnaul: BGPU, 2006, iss. 2, 77–80. (In Russ.)
9. Telegin A. N. Some features of the planigraphy of the Obyezdnoe-1 mound group. *Issues of archeology and history of Siberia: in memory of prof. A. P. Umansky*, ed. board: Batalova T. I., Demin M. A., Shcheglova T. K. Barnaul: BGPU, 2008, 37–46. (In Russ.)
10. Golovchenko N. N., Kyznetsova E. A. Archaeological exploration in the Krutikhinsky district of the Altai Territory. *Field research in the Irtysh region, the Upper Ob region, and the Altai mountains*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., Pavlodar, 15–16 Apr 2014. Pavlodar: PGPU, 2014, iss. 9, 25–32. (In Russ.)
11. Borodovskiy A. P. Policulturalism of the Early Iron Age in the forest steppe Ob region according to the Bystrovka necropolis materials. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2016, (3): 94–102. (In Russ.)
12. Borodovskiy A. P. Funeral space in the polycultural context (materials from the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob'). *Arkheologicheskie vesti*, 2017, (23): 229–240. (In Russ.)
13. Frolov Ya. V., Tishkin A. A. Large barrows in the territory of the Mamontovsky district of the Altai Territory. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 2020, (26): 216–224. (In Russ.) DOI: 10.14258/2411-1503.2020.26.37
14. Antonova Yu. E., Tashak V. I. Ancient sanctuaries of Western Transbaikalia: questions of definitions and typology. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN*, 2014, (4): 191–200. (In Russ.)
15. Kyzlasov I. L. Mountain as a progenitor in Khakas folklore. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, (2): 83–92. (In Russ.)
16. Abaeva L. L. *The Cult of the Mountains and Buddhism in Buryatia (Evolution of beliefs and cults of the Selenga Buryats)*. Moscow: Nauka, 1992, 144. (In Russ.)
17. Konunov A. A. Reflection of the Cult of Mountains in the Altai heroic legends. *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii v istoricheskoi retrospektive*, 2010, (4): 335–341. (In Russ.)
18. Sher Ya. A. Mountain temples of the Saks. *Problems of archeology of the Scythian-Siberian world: social structure and social relations*: Proc. All-Union Archeol. Conf. Kemerovo: KemGU, 1989, pt. 2, 135–136. (In Russ.)
19. Skrynnikova T. D. *Charisma and power in the era of Genghis Khan*. Moscow: Vost. lit., 1997, 216. (In Russ.)
20. Tadina N. A., Yabyshtaev S. N. Altai tradition to personify mountains. *Russia and the global historical process*: Proc. All-Russian Interuniversity Conf., Biysk, 21–22 Sep 1998. Biysk: AGGPU im. V. M. Shukshina, 1999, 120–122. (In Russ.)
21. Tadina N. A. Reconstructing the worldview model of the Altai-Sayan nomads on the basis of the ethnocultural symbolism of the Altai. *Altai-Sayan highlands and the local nomads*, eds. Nevinskiy V. V., Tishkin A. A. Barnaul: AltGU, 2007, 150–153. (In Russ.)
22. Tadina N. A. Mountain as an organizing principle in the culture of the Altai peoples. *Field research in the Upper Ob and Altai: Archeology, ethnography, and oral history*: Proc. VI Region. Sci.-Prac. Conf., Barnaul, 19–20 Nov 2009. Barnaul: AltGPA, 2009, iss. 6, 161–165. (In Russ.)
23. Baybyrin A. K. Belt (Semantics of the clothes). *Cultural heritage of the peoples of Eastern Europe*, ed. Staniukovich T. V. St. Petersburg: Nauka. S. Peterburg. otd-nie, 1992, 5–13. (In Russ.)
24. Borodovsky A. P. Golden images of mountain goats of Early Iron Age of Southern Siberia. *Altai among the Eurasian antiquities*, eds. Derevianko A. P., Molodin V. I. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2016, 231–239. (In Russ.)
25. Mogilnikov V. A. *Population of the Upper Ob region in the middle – second half of the 1st millennium BC*. Moscow: Nauka, 1997, 195. (In Russ.)
26. Frolov Ya. V. *Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the VI century BC – II century AD (based on burial mounds)*. Barnaul: Azbuka, 2008, 479. (In Russ.)
27. Shulga P. I. *Equipment of the saddle horse and warrior belts in Altai. Pt. I: Early Scythian period*. Barnaul: Azbuka, 2008, 276. (In Russ.)
28. Golovchenko N. N. On results of the preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the necropolis of the Upper Ob dated Early Iron Age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, 16(3): 55–61. (In Russ.)

29. Golovchenko N. N. Research and some issues of interpretation of fragments of textiles from the mound 15 of the necropolis of Novotroitskoye-1. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2018, (2): 61–68. (In Russ.) DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-061-068
30. Borodovsky A. P. The reconstruction of cultural processes in the forest-steppe Ob basin during the Early Iron Age, based on the chronology of the Bystrovska cemetery. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2015, 43(2): 87–96. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.087-096
31. Telegin A. N. A reconstruction of the historical situation in the Upper Ob region in the early Iron Age. *Material culture and problems of archaeological reconstruction*, ed. Volkov P. V. Novosibirsk: IAIE, 1991, 138–149. (In Russ.)
32. Telegin A. N. Twenty field seasons of the Steppe detachment of the archaeological LIK BGPI–BGPU–AltGPA expedition. *Field research in the Upper Ob and Altai: Archeology, ethnography, and oral history: Proc. VII Region. Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 25–26 Nov 2010. Barnaul: AltGPA, 2011, iss. 7, 36–38. (In Russ.)
33. Frolov Ya. V. Ancient monuments of the Ust-Pristanskiy region. *Lower Precharyshie: Essays on history and culture: VII Polzunov readings*, Ust-Pristan, 23–25 Aug 1998. Barnaul-Ust-Pristan: Kombi-print, 1999, 6–29. (In Russ.)
34. Dashkovskiy P. K. Chineta archaeological microdistrict in Altai: some results and research prospects. *Archaeological microdistricts of Northern Eurasia: Proc. Sci. Conf.*, Omsk, 25–26 Nov 2004. Omsk: GarantPromResurs, 2004, 34–37. (In Russ.)
35. Dashkovskiy P. K., Meykshan I. A. Exploration of burial mounds of the Scythian era at the burial grounds of Chineta-II and Inskoy Dol. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 2014, (20): 94–100. (In Russ.)
36. Demin M. A., Mamadakov Yu. T., Golovchenko N. N. Burial mound of Early Iron Age Cheremshanka-1. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, 14(7): 84–92. (In Russ.)
37. Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A. *The necropolis of Novotroitsk*. Barnaul: AltGU, 2009, 329. (In Russ.)
38. Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. *Scythian burial site Rogozikha-1 on the left bank of the Ob river*. Barnaul: AltGU, 2005, 204. (In Russ.)
39. Shulga P. I. *Scythian burial site Lokot-4a*. Barnaul: AltGU, 2003, 204. (In Russ.)

УДК 93+711.4(571.51)

оригинальная статья

История становления градостроительной политики развития малых городов Красноярского края в 1950–1960-е гг.

Олеся Владимировна Киселева

Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск;
Kis-73@mail.ru

Лариса Федоровна Малютина

Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

Поступила в редакцию 17.03.2021. Принята в печать 13.05.2021.

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления формирования градостроительной политики по развитию малых городов в Красноярском крае в 1950–1960-е гг., которые характеризуются массовым индустриальным развитием как в стране, так и в крае. Градостроительная политика в рассматриваемый период представляла собой составляющую политики органов государственной власти по вопросам пространственной организации обустройства территории как материальной среды обитания граждан, а именно градостроительного планирования развития территорий и населенных пунктов, проектирования, строительства и реконструкции объектов, а также национальных, историко-культурных, экологических, природных особенностей территорий. В истории формирования и развития градостроительной политики периода 1950–1960-х гг. выделяются критерии классификации малых городов, дана эволюция градостроительной политики от индивидуальных к типовому массовому строительству малых городов Красноярского края. Одной из основных задач в эти годы стала разработка новых принципов оптимальной системы расселения населения с учетом природно-климатических условий и укреплением обороноспособности страны. Предметом исследования являются малые города Красноярского края 1950–1960-х гг. В эти годы была заложена база нового курса экономического, архитектурно-градостроительного развития городов. Отсюда возникла необходимость в модернизации и изменении отраслевой структуры экономики в малых городах, ориентированных на новые виды деятельности. В качестве методологической основы изучения проблем истории градостроительной политики в отношении малых городов использован историко-хронологический и геополитический метод – освоение значительной части территории Сибири в стратегическом, экономическом и социально-культурном планах. Практическая значимость эмпирического и аналитического материала работы состоит в его использовании для написания обобщающих трудов по проблемам градостроительной политики, преподавания общих и специальных курсов в вузах, применения в управленческой практике с целью избегания ошибок предшественников.

Ключевые слова: партия, постановления, промышленность, типовое жилье, массовое строительство, культурно-бытовые объекты

Цитирование: Киселева О. В., Малютина Л. Ф. История становления градостроительной политики развития малых городов Красноярского края в 1950–1960-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 325–340. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-325-340>

Введение

Высокие темпы урбанизации современного мира ставят перед человечеством ряд социально-экономических, политических, экологических и градостроительных вопросов. Особый исследовательский интерес приобретает изучение проблем развития малых городов. В основном это связано с тем, что малые города, выступая посредниками между сельскими населенными пунктами и крупными городами, играют ключевую роль в интеграции пространства городской и сельской жизни. В России малые города составляют почти две трети от общей численности городов страны, иначе можно сказать, что Россия – страна малых городов. Малые города всегда имели важное геополитическое значение, обеспечивая территориальное, социально-экономическое единство и целостность, а также национальную безопасность России. Сегодня они рассматриваются

как ресурс культурного и духовного возрождения России. Именно малые города выступают хранителями исторической культуры, национальных традиций и имеют свой индивидуальный облик. Как правило, они являются определенными промышленными центрами, транспортными узлами, логистическими и сервисными центрами, центрами здравоохранения, образования и культуры для большой периферийной части регионов России. Формирование современной стратегии развития малых городов предопределяет уровень хозяйственного и социального развития регионов и страны в целом.

Последние десятилетия федеральные и региональные власти уделяют возрастающее внимание малым городам. Это обусловлено тем, что указанные города демонстрируют огромное количество проблем в своей жизнедеятельности –

необходимость изменения отраслевой структуры экономики в старых городах, миграционные процессы, отток молодых кадров в крупные города, нехватка социально-культурных объектов. Все это приводит к необходимости поиска новых направлений и целей деятельности региональных и муниципальных властей, новых стратегий и инструментов в градостроительном развитии. В 2018 г. по поручению Президента РФ был организован Всероссийский конкурс лучших проектов по созданию комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Конкурс проводится ежегодно в рамках реализации национального проекта «Жилье и городская среда». Минстроем России во исполнение Указа Президента РФ разработан паспорт национального проекта от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». Паспорт состоит из четырех федеральных проектов, один из которых – «Формирование комфортной городской среды»¹. В конкурсе могли принять участие малые города со всей страны с численностью до 100 тыс. человек включительно и исторические поселения федерального и регионального значения. За три года было подано более 1 тыс. заявок из 83 регионов страны, из них 240 победителей и 83 реализованных проекта. Малые города Красноярского края приняли активное участие и стали победителями ежегодного Всероссийского конкурса лучших проектов по созданию комфортной городской среды – Енисейск, Минусинск, Зеленогорск, Дивногорск, Бородино, Игарка, Назарово, Заозерный и Козинск.

В рамках национального проекта по созданию комфортной городской среды правительство Красноярского края в 2017 г. утвердило Государственную региональную программу «Содействие органам местного самоуправления в формировании современной городской среды»². Данная программа наметила ряд мер по повышению уровня благоустройства дворовых и общественных территорий, широко привлечение общественности и проектно-строительных организаций к благоустройству территорий муниципальных образований, в т. ч. малых городов края.

В настоящее время в Красноярском крае взят курс на инвентаризацию малых городов. На XI съезде Совета муниципальных образований региона 2020 г. губернатор Красноярского края Александр Усс подчеркнул, что акценты бюджетной политики региона будут смещены на малые города и районы, в особенности на южных и северных территориях. Планируется в ближайшем будущем спроектировать, построить и реконструировать в малых

городах края более ста объектов социально-культурного назначения – образовательные, здравоохранения, спорта и культуры, а также благоустройство общественных и рекреационных пространств. Счетная палата РФ предложила региональным властям в феврале 2021 г. усилить контроль реализации проектов по благоустройству малых городов. Усиленное внимание федеральных и региональных властей к жизнедеятельности малых городов говорит об актуальности изучения данной проблемы.

Повышенное внимание к современному состоянию и историческому прошлому малых городских поселений привело к появлению работ, посвященных истории развития малых городов Западной и Восточной Сибири. А. В. Аксенова, Е. Н. Блинов, М. Г. Рутц, О. А. Тяпкина, Л. М. Салахова, Е. А. Смирнова, Л. В. Макущенко, А. В. Слабуха, М. В. Холина в своих исследованиях рассматривают историческое, торгово-промышленное развитие городов Сибири, политические, социально-экономические, культурные и градостроительные проблемы малых городов, их возможности и перспективы развития. А. В. Слабуха, В. И. Царев исследуют в своих работах прошлое и раскрывают эволюцию архитектурно-градостроительной деятельности развития малых городов Красноярского края. Авторы выделяют те малые города, которые характеризуются совокупностью благоприятных условий для аграрного и промышленного развития во второй половине XX в. Иркутский архитектор и историк М. Г. Меерович впервые в отечественной историографии изучил и раскрыл идею города-сада на примере малых городов советского градостроительства 1920–1930-х гг. В его исследованиях показаны постепенные изменения содержания базовых идей, принципов, законодательных и нормативных регуляторов советского градостроительства на основе эмпирического метода.

Для современных историков характерно исследование истории малых городов в основном до второй половины XX в. Несмотря на значительное количество публикаций, остаются малоизученными вопросы формирования и развития малых городов Сибири. В частности, не исследованы особенности влияния региональных условий на преемственность градостроительных традиций и становления градостроительной политики малых городов: изменение статуса поселения, численность населения, градостроительные преобразования, промышленное и гражданское строительство. Красноярский край не является исключением. Расположенные на его территории малые города – Енисейск, Минусинск, Шушенское, Боготол, Шарыпово, Уяр, Ужур, Иланский и др. – в большинстве своем играют роль опорных точек, столиц сельских

¹ Об организации работы по исполнению пунктов 35 и 37 Правил предоставления средств государственной поддержки из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ для поощрения муниципальных образований – победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды, утвержденных постановлением Правительства РФ от 07.03.2018 № 237. Приказ Минстроя России от 26.06.2018 № 363/пр. Режим доступа: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/17006/> (дата обращения: 25.12.2020).

² Об утверждении государственной программы Красноярского края «Содействие органам местного самоуправления в формировании современной городской среды». Постановление правительства Красноярского края от 29.08.2017 № 512-п. Режим доступа: <http://www.zakon.krskstate.ru/0/doc/43456> (дата обращения: 01.12.2020).

районов, являясь единственными очагами культуры и образования на обширной территории региона [1]. Это один из крупных сибирских регионов, на территории которого высокими темпами развивались промышленные комплексы и градостроительная деятельность.

Истории малых городов посвящен ряд работ краеведов. В них авторы обращают внимание на преобразование небольших городов края под влиянием развития экономики, роста населения, что вносило изменения в градостроительные планы малых городов. Например, В. Новиков и Ж. Трошев в книге «Игарка. Города Красноярского края» показывают, как на фоне роста значения порта среди деревянных малоэтажных домов возводились современные каменные жилые здания – девятиэтажные дома. Это один из первых городов за Полярным кругом, в котором ускоренными темпами проводилось промышленное и культурное строительство. В. П. Зыков в своей книге «Дивногорск» рассматривает становление и развитие молодого города на Енисее, связанного с Красноярской ГЭС. Автор отмечает особенность г. Дивногорск как города-спутника Красноярска, города энергетиков. Генеральный план Дивногорска отличался от других городов тем, что в нем максимально сохранялся естественный лес с высокой степенью благоустройства.

Источниковой базой для подготовки работы явились документальные материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и периодическая печать. При подготовке статьи были использованы фонды Государственного Комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, Управления по делам строительства и архитектуры, Исполнительного Комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся, Управления строительства Красноярского совнархоза и службы по контролю в области градостроительной деятельности края. В этих фондах проанализированы приказы, распоряжения, директивные материалы Управления по делам строительства и архитектуры; переписка с краевыми учреждениями о строительстве домов культуры и театров в крае. В статьях краевой газеты «Красноярский рабочий» за 1950–1960-е гг. приводятся статистические данные, критические материалы по реализации тех или других программ градостроительной политики в отношении малых городов края.

Цель статьи – проследить становление градостроительной политики развития малых городов Красноярского края в 1950–1960-е гг.

Критерии классификации малых городов

В исторической, социологической науке идут дискуссии – какой населенный пункт относится к малому городу. Малые города можно определить по основным признакам: численность населения, наличие исторического прошлого, занятость населения. Для выделения малого города в самостоятельный объект исследования существуют две точки зрения:

официальный статус и численность жителей. Первая точка зрения – изучение официальных городов, поскольку в них существовали особые административные порядки, свойственные городам [2]. Вторая точка зрения выделяет малый город по признаку людности [3, с. 49], который обозначил В. П. Семенов-Тянь-Шанский, известный российский географ. Изучая историческую планировку городов, он разработал детальную классификацию российских городов второй половины XIX – начала XX в. В основу классификации автор положил следующие категории: численность населения, степень экономического, торгово-промышленного и промышленного развития, соответствие территориальному типу заселения. На основе административно-территориального подхода автор отнес поселения с численностью людности от 5–10 тыс. к малым городам.

Проблемы классификации малых городов нашли отражение в ряде научных работ. А. А. Канатбаева предлагает классификацию малых городов по структурно-функциональному типу: многофункциональный, в котором высокий уровень концентрации промышленного производства; города с преимущественным значением индустриальных центров; города с преимущественным значением транспортных центров; города переходного типа между промышленными и местными организующими центрами; промышленные города на основе местного сырья и местного потребления; города рекреационного профиля, с преимущественным значением оздоровительных центров и города научного профиля [4]. Но эти принципы классификации можно отнести не только к малым городам, но и к крупным.

Оригинальный подход к классификации малых городов наблюдаем у Ж. Б. Балландоржиева [5]. Автор за основу берет культурное наследие, которое является одним из главных критериев выделения малых городов, их типологии и классификации. Им выделены две типологии развития малых городов: эритарный тип (от фр. *hériter* – наследовать) – малый город, основанный в дореволюционный период с богатым культурным наследием, и второй тип – эссорный (от фр. *essor* – подъём, быстрое развитие) – город, основанный в советский период, имеющий сравнительно небольшой объем культурного наследия, характеризующийся наличием градообразующего предприятия [6].

Не менее интересным является подход у научного сотрудника отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах И. А. Секушиной. Она выделила несколько типов малых городов, согласно которым они являются производственными, транспортными, сельскохозяйственными, научными, строительными, рекреационными, торгово-распределительными центрами [7].

Современные исследователи выделили проблемы, характерные в той или иной степени для малых городов России. Эти же проблемы характерны и для малых городов Красноярского края. Основными из них являются демографическая ситуация, ограничения трудовых и производственных ресурсов, преобладание одной отрасли, дефицит

рабочих мест и рост безработицы, технологическая отсталость предприятий, низкий уровень и нехватка социально-культурной и бытовой инфраструктуры. Для каждого малого города свойственна своя проблематика, которую необходимо учитывать при выборе наиболее эффективной градостроительной стратегии для его дальнейшего развития [8].

За основу классификации малых городов Красноярского края 1950–1960-х гг. мы взяли признаки людности и жизнедеятельности и обозначили следующие типы: промышленный, культурно-исторический, транспортно-промышленный, сельскохозяйственно-промышленный и военно-оборонительный.

К **промышленному типу** относятся малые города Игарка, Дудинка, Лесосибирск и Дивногорск [9; 10, с. 118]. Развитию этих малых городов в рассматриваемый период способствовали новые планировочные принципы размещения промышленных предприятий в виде промышленных узлов на основе кооперирования производства и строительства жилых районов, общих для всего узла. Основным градообразующим узлом малого города являлись промышленные предприятия, с помощью которых развивалось культурно-бытовое и жилищное строительство.

К **культурно-историческому типу** принадлежат города Енисейск и Шушенское. Енисейск имеет богатое историческое прошлое. До строительства Сибирской железной дороги Енисейск был транспортным, торгово-ремесленным и административным центром края. С вводом в эксплуатацию железной дороги Енисейск утратил свое значение и остался уездным городом. В нем сосредоточено немалое количество памятников истории и культуры, архитектуры. Со строительством Лесосибирского деревообрабатывающего комбината Енисейск стал крупным портом на Енисее. Культурные преобразования произошли и в Шушенском – построен сельскохозяйственный техникум, школа механизации, четыре средних и семь семилетних общеобразовательных школ, два Дома культуры, библиотека и т. д.³ Немаловажное значение для малого города имеет усадьба дома-музея В. И. Ленина, которую посещает огромное количество туристов. В 1970 г. к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина был построен Шушенский мемориальный музей-заповедник. В его территорию была включена мемориальная зона с 29 усадьбами, Песчаная и Журавлиная горки, сосновый бор, березовая роща, оз. Перово⁴. В заповеднике разместили со всеми надворными постройками дома конца XIX в. Шушенское был не только крупным культурным центром, но и центром зернового и животноводческого развития в крае.

К **транспортно-промышленному типу** мы относим такие малые города, как Боготол, Заозерный, Бородино и Иланский [11]. Активное экономическое и социальное развитие они приобрели при железнодорожных узлах. Заозерный служит воротами для выхода на Транссибирскую магистраль угля Ирша-Бородинского месторождения. Бородино образовался из рабочего поселка угольщиков Ирша-Бородинского разреза, который располагался в зоне Транссибирской железной дороги и автомагистрали союзного значения. Это был молодой, активно застраиваемый жилыми и социально-культурными объектами малый город⁵.

К **сельскохозяйственно-промышленному типу** относятся малые города Ужур, Уяр, Минусинск. Ужур, имея обширные территории с высокоразвитым зерновым производством, мясо-молочным скотоводством и овцеводством, стал центром переработки сельскохозяйственного сырья. В городе были построены один из крупных мясокомбинатов, молокозавод, элеватор и предприятия районного значения. Строительство промышленных объектов способствовало социально-культурному развитию этого малого города. Уяр являлся крупным узлом железнодорожной станции сибирской магистрали. Важная роль в производстве принадлежала обработке минеральных и строительных материалов. В связи с развитием жилищного строительства были построены заводы по производству строительных материалов. Также в Уяре проводилась переработка сельскохозяйственного сырья. Минусинск был крупным центром легкой и пищевой промышленности [12].

Военно-оборонительный тип – малые города Зеленогорск и Железногорск. После Великой Отечественной войны в СССР началось создание ракетно-ядерного щита. Было принято решение построить в Красноярском крае два закрытых малых города атомного ведомства: Железногорск (Красноярск-26) и Зеленогорск (Красноярск-45) [13; 14]. В 1954 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, в котором говорилось о преобразовании некоторых населенных пунктов в города областного подчинения и рабочих поселков. Претворяя данный Указ в жизнь, Красноярский крайисполком населенный пункт № 815 17.03.1954 преобразовал в малый город областного подчинения и назвал его Железногорск⁶. Основным градообразующим предприятием Железногорска стал Горнохимический комбинат [15; 16, с. 310], а Зеленогорска – Электрохимический завод [17, с. 158].

Критерии понятия *малый город* отражены в Градостроительном кодексе РФ. В качестве главного классификационного признака города в кодексе использована численность его населения. По этому признаку городские поселения подразделяют на следующие: сверхкрупные –

³ Пахомов В., Ерофеев Ф. Шушенское сегодня // Красноярский рабочий. 21.04.1959. № 94. С. 2.

⁴ Здесь Ленин жил, работал и мечтал // Красноярский рабочий. 1970. № 86. С. 3.

⁵ Мельников К. Дома сдаются круглый год // Красноярский рабочий. 1957. № 252. С. 2–3.

⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 181. Л. 1. 1954 г.

3000 тыс. человек; крупнейшие – свыше 1000–3000 тыс.; крупные – 250–1000 тыс.; большие – 100–250 тыс.; средние – 50–100 тыс.; малые – 10–50 тыс. человек. В своде правил (СНиП 2.07.01-89*) ввели поправку о включении в группу малых городов поселков городского типа⁷. Таким образом, к малым городам можно отнести официальные города с числом жителей, не превышающим 50 тыс. человек.

Градостроительная политика развития малых городов

Малые города в России имели свое экономическое, социальное, историческое и культурное развитие и, как правило, возникали из мелких поселений [18]. В дальнейшем некоторые из них перерастали в крупные города. Изначально малые города имели оборонительную функцию от врагов. В процессе эволюции эта функция утратила свое значение. Это было связано с расширением территории страны и проведением социально-экономических реформ, что способствовало развитию российской системы расселения. Малые города приобрели новую функцию, связанную с развитием сельского хозяйства и промышленности.

Большая часть малых городов в Красноярском крае возникла в процессе индустриализации страны с конца 1920-х гг. Одним из главных факторов промышленного и градостроительного освоения территории являлось расширение сети транспортных коммуникаций и железных дорог, в особенности Транссибирской магистрали [19]. Например, возникновение поселка Боготол связано со строительством Сибирской железной дороги и получением новой функции – железнодорожного поселка. В ходе развития крупных мастерских, депо и промышленных предприятий поселок был преобразован в малый город Боготол. Отсюда возникла необходимость пересмотра генеральных планов малых городов, полоса отвода железнодорожной линии которых стала элементом регулирования композиционно-планировочной структуры города [20].

В связи с этим, по решению XV съезда ВКП(б), взявшей курс на индустриализацию страны, создание в кратчайший срок экономической мощи и обороноспособности страны⁸, было обращено внимание на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие черной, цветной металлургии и химических производств и дальнейшее развертывание добычи полезных ископаемых в Сибири. Поэтому в основу градостроительной политики Советской власти были поставлены задачи территориального закрепления градообразующих предприятий в регионе. Она должна была

учитывать географические, климатические, транспортные и другие факторы.

Приоритет учета промышленного производства в советской градостроительной политике конца 1920-х – начала 1930-х гг. выявил в своих исследованиях М. Г. Меерович. Он подчеркнул, что в Сибири именно промышленный объект выступал в роли градообразующего импульса [21; 22; 23, с. 11]. От его расположения зависел характер планировочной структуры населенного пункта. Промышленный объект, как правило, располагали в центре поселения. В начале 1920-х гг. не было еще четких градостроительных нормативных предписаний, указывались лишь требования оградить жилые дома от вредных выбросов. В этом случае, когда производство располагалось на значительном отдалении от поселения, композиционную ось начинали занимать общественные здания (административное здание, клуб, дома для приезжих и т. д.). Примером служит строительство малого города Игарка. В первую очередь был построен морской порт, являющийся в тот период одним из крупных для экспорта лесной продукции. Вдоль прибрежной линии были построены промышленные объекты – крупнейший на Севере лесоперерабатывающий завод и графитная фабрика. Одновременно со строительством промышленных предприятий развивалась и социокультурная жизнь Игарки [24, с. 29]. Уже к 1935 г. в Игарке были построены школы, детские сады, магазины, городской клуб, библиотека, кинотеатр, школа политпросвещения, типография, народный театр им. В. Н. Пашенной, педагогическое училище, стадион, парк культуры и отдыха и т. д. В 1931 г. приглашенный архитектор Иван Леонидов предлагал линейное развитие города, вдоль прибрежной линии, а по обеим сторонам центральной улицы разместить жилые и общественные здания. Это был один из первых экспериментальных северных промышленных городов [25].

Каждое новое промышленное предприятие, железнодорожный узел, речной порт, ремонтные мастерские, возводимые, реконструируемые или расширяющиеся, выступали поводом для расширения существующей селитебной территории⁹ или строительства новой. М. Г. Меерович указывал на основополагающий принцип градостроительной политики в период индустриализации в Сибири: использование планировочных структур как средства градостроительного оформления трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения [26].

Приоритет промышленного производства обуславливал невозможность влияния архитекторов на решение проблем качества комфортной среды проживания населения,

⁷ СНиП 2.07.01-89*. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Взамен СНиП II-60-75; введ. 01.01.1990. М.: ФГУП ЦПП, 2007. 56 с.

⁸ О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Резолюция XV съезда ВКП(б). 19.12.1927. Режим доступа: <https://istmat.info/node/6178> (дата обращения: 10.11.2020).

⁹ Селитебная территория – часть территории населенного пункта, предназначенная для размещения жилой, общественной (общественно-деловой) и рекреационной зон.

о чем написано в Постановлении СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 11.02.1936 «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства»¹⁰. В нем указывалось на необходимость внедрения в проекты новых индустриальных методов строительства с применением современных материалов и механизмов, но не об улучшении качества среды проживания населения. Партия призвала архитекторов активнее включаться в работу по удешевлению, усовершенствованию строительства, повышению уровня элементов стандартизации и типизации жилых зданий, обеспечив их лучшими архитектурными качествами¹¹. Все эти мероприятия необходимы были для ускоренного развития промышленных регионов страны, в том числе и Красноярского края. Со строительством градообразующего предприятия встал вопрос о важности обеспечения рабочих жильем. Это обусловило формирование и нового направления в градостроительстве – развитие районной планировки. Ее цель состояла в рациональном размещении промышленности, устранении чрезмерной скученности населения в городах, выравнивании уровней экономического и культурного развития различных районов страны. Возникла необходимость планового подхода к модернизации старых малых городов и строительству новых промышленных центров с многообразными конкретными функциями.

В конце 1940-х гг. решающим значением в народнохозяйственном освоении Сибири стали принятые партией и правительством постановления, связанные с комплексным освоением природных богатств, созданием мощной индустриально-энергетической базы, что обуславливало необходимость удешевления строительства. Новым словом в градостроительной политике стало применение типовых проектов в жилищном строительстве. Совет Министров СССР в постановлении от 20.10.1948¹² обязал Комитет по делам архитектуры разработать типовые проекты одно- и двухквартирных индивидуальных домов для рабочих, инженеров и служащих предприятий, расположенных в больших и малых городах Сибири. Для реализации данного постановления было создано бюро по распространению типовых проектов клубов, столовых, школ, детских учреждений, больниц, ремесленных училищ, бань, общежитий, одноэтажных и многоэтажных жилых зданий. Кроме того, создавались и распространялись альбомы типовых деталей, норм и технических условий для жилищного и гражданского строительства. На их основе, например, в Ирша-Бородинском жилом поселке Красноярского края (ныне малый город Бородино) по типовым проектам трестом

«Канскуголь» за 1948 г. были построены кирпичное двухэтажное здание школы на 400 учащихся, два одноэтажных общежития на 60 человек, больница, детский сад и одно-, двух-, четырех-квартирные одноэтажные и восьми-квартирные двухэтажные жилые дома¹³. По такому же принципу в г. Шушенское ввели в строй учебный корпус сельскохозяйственного техникума на 500 человек для подготовки квалифицированных кадров сельского хозяйства.

В приказе № 294 Комитета по делам архитектуры при СМ СССР от 31.03.1949¹⁴ особое внимание уделялось улучшению качества проектно-планировочных работ, проектам планировки городов. Впервые были подчеркнуты важность благоустройства городов и внедрение типовых проектов. Этот курс отражал стремление партии и правительства ликвидировать противоположности между городом и деревней. Перед архитекторами ставилась задача улучшения качества проектов жилых и общественных зданий, исключения всяческих проявлений формализма в архитектуре. При утверждении комплексов застройки старались не допускать реализации проектов с примитивной и однообразной композицией планировки улиц и кварталов.

Таким образом, государственная политика в период индустриализации определяла главные задачи архитектурно-градостроительной деятельности – развитие районной планировки городов, внедрение типовых проектов жилых и общественных зданий, регулирование застройки центральной части и размещение в малых городах градообразующих предприятий. Это позволило в годы Великой Отечественной войны разместить в Сибири, в том числе и в Красноярском крае, промышленные предприятия. Они в дальнейшем способствовали развитию производительных сил и экономической базы как больших, так и малых городов. Послевоенный период был отмечен активной градостроительной деятельностью, связанной с преобразованием исторически сложившихся населенных пунктов и с появлением новых городов [27].

Партия и правительство, учитывая остроту наличия проблем в экономическом и социально-культурном развитии страны, обращали внимание на градостроительную политику и содействовали развитию и внедрению стратегических программ по архитектуре и строительству.

С 1953 г. начинается новый этап народнохозяйственного и градостроительного освоения Сибири, который характеризуется комплексным подходом к формированию систем расселения. Система расселения, перспектива роста больших и малых городов, сел и поселков, городской

¹⁰ Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 11.02.1936. Режим доступа: <https://istmat.info/node/43732> (дата обращения: 10.11.2020).

¹¹ За удешевление проектирования и строительства! За высокую культуру стройки! // Архитектура СССР. 1936. № 1. С. 1–2.

¹² О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений. Постановление от 20.10.1948 № 3905. Режим доступа http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4719.htm (дата обращения: 10.12.2020).

¹³ ГАКК. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 42. 1948 г.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 71. Л. 10–15. 1949 г.

транспорт, санитарное оздоровление городов, культурно-бытовое обслуживание, индустриализация и экономика градостроительства, повышение архитектурно-художественных качеств застройки и развитие индивидуальных особенностей каждого города – эти и другие важнейшие вопросы строительства и проектирования приобрели особое значение. Указанные годы связаны с необходимостью повышения обороноспособности страны, решением продовольственной проблемы и внедрением достижений науки и техники в производство. Немаловажная роль в решении этих проблем отводилась малым городам. Они сконцентрировали основную часть населения и мелкие населенные пункты и стали играть важную роль в жизни обширных районов. Градостроительное проектирование необходимо было осуществлять с учетом особенностей формирования малых городов, их роли в системе расселения. Сложившиеся малые города были ориентированы на быстрые темпы роста населения, экономической базы и на коренное преобразование планировочной структуры.

Малые города Красноярского края в 1950–1960-е гг.

Со второй половины 1950-х гг. экономика Красноярского края делает мощный рывок. Край становится грандиозной строительной площадкой, особенно его центральные и южные районы, что обусловлено богатыми природными ресурсами. Их наличие способствовало развитию сельского хозяйства, энергетики, угольной, тяжелой, деревообрабатывающей промышленности и т. д. В свою очередь, партией определялись задачи дальнейшего развития экономики Красноярского края, которые требовали постоянного совершенствования административно-территориального, социально-культурного устройства края. Постановления СМ СССР от 30.05.1958 и СМ РСФСР от 08.09.1958 содействовали разделению капиталовложений на жилищное, коммунальное, культурно-бытовое строительство и капиталовложений на строительство объектов производственного назначения. В планах развития народного хозяйства утверждались капитальные вложения совнархозами, крайисполкомами, министерствами и ведомствами. Они обязывали региональные органы, в том числе Красноярский крайисполком, предусмотреть в объемах плана проекты жилищного, коммунального, культурно-бытового строительства для строящихся или реконструируемых промышленных предприятий¹⁵, что отразилось на совершенствовании градостроительной деятельности.

Социальная сфера определяет жизненные интересы населения в малых городах: уровень доходов и потребления людей, их обеспеченность жильем, транспортом, сетью здравоохранения, торговли, бытового обслуживания,

детских учреждений и т. п. Следовательно, развитие данной сферы было направлено на обеспечение материальных и культурных запросов общества. В Красноярском крае большое внимание уделялось строительству в малых городах социально-культурных объектов – школ, детских садов и ясель, больниц, санаториев и домов отдыха, клубных зданий, кинотеатров и магазинов. Так, за 1952 г. был выполнен народно-хозяйственный план по строительству объектов культпросветучреждений в районах Красноярского края и составил: РДК – 61, сельских клубов – 560, изб-читален – 459, крайобластных окружных библиотек – 63, сельских библиотек – 310, городских библиотек – 13, детских библиотек – 19, музеев – 13, парков – 4 и красных чумов – 45¹⁶. В 1953 г. согласно плану по отделу кинофикации за 10 месяцев в 47 центрах района края были построены кинотеатры. Например, в г. Боготол – к/т «Совкино»; Енисейск – к/т «Совкино»; Иланск – к/т «Комсомолец»; Минусинск – к/т «Енисей», «Луч»; Уяр – к/т «Искра», а также в Дидинке, Игарке, Ужуре и Шушенском.

Строительство объектов культпросветучреждений напрямую зависело от капиталовложений, но их поступление зачастую опаздывало, что нередко приводило к срыву сроков строительства. Например, на 1952 г. план капиталовложений по строительству домов культуры в районах Красноярского края в общей сумме составлял 645,5 тыс. руб. Выполнение же плана на 01.01.1953 по строительству домов культуры составило в сумме 578,4 тыс. руб., или 89 % к годовому плану. Тем не менее партия уделяла особое внимание строительству типовых социально-культурных объектов в каждом населенном пункте. Необходимо отметить, что наряду с массовым строительством зданий культурно-бытового назначения по типовым проектам широкое распространение получило экспериментальное строительство этих видов зданий. Одна из основных задач экспериментального строительства – освоение полносборных индустриальных конструкций из бетона и железобетона. В свою очередь это позволило сократить сроки строительства, снизить стоимость и уменьшить затраты труда. Данный метод строительства привел к экономической эффективности при строительстве полносборных социально-культурных объектов, что не раз подчеркивалось в постановлениях краевых и центральных органов власти.

Новым словом в градостроительном деле стало привлечение предприятий к участию в строительстве объектов социального значения. Усилиями промышленных предприятий были построены учреждения здравоохранения: больницы строились предприятиями Красноярскуголь в Черногорске, Назаровским разрезом № 2 – в Назарово. Игарский лесокombинат (Главлесдрев) построил поликлинику и современный

¹⁵ ГАКК. Ф. Р-1389. Оп. 1. Д. 24. Л. 58–61. 1958 г.

¹⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 151. Л. 19–21, 71–77. 1953 г.

Дом культуры в Игарке¹⁷. Особое внимание отводилось вводу в строй объектов социального значения – дома инвалидов в Минусинске и Енисейске; детских домов в Боготоле и профшколы в Иланском¹⁸, а также школам-интернатам. Вопросы по расширению сети культурно-просветительских учреждений в малых городах при промышленных предприятиях находились под постоянным контролем партийных организаций. Например, газета «Красноярский рабочий» за шесть месяцев 1955 г. шесть раз посвятила передовые статьи контролю строительства клубов в малых городах.

Помимо строительства объектов социально-культурного значения широкое распространение получило строительство жилья коллективами предприятий – Красноярской железной дороги, судостроительного и Канского литейно-механического, «Хакасуголь», Абаканского мясокомбината, Назаровского угольного разреза и мн. др.¹⁹ в целях решения жилищной проблемы в крае. Так, в Канске силами предприятия в 1957 г. было сдано 39 тыс. м² жилья, а в 1958 г. – уже 50 тыс. м²; в Черногорске с 1940 по 1956 г. жилая площадь возросла в три раза и только за 1957 г. было введено 16 тыс. м² в эксплуатацию²⁰. Коллективами предприятий проводилось активное строительство жилья в таких малых городах, как Норильск, Бородино, Назарово, Заозерный, Дивногорск и т. д.

В итоге в середине XX в. в градостроительной политике впервые социальные вопросы приобрели существенное значение. В годы оттепели советское правительство обратило внимание на неотложные нужды народа, накопившиеся нерешенные социально-бытовые проблемы. В центре политики КПСС стояла идея улучшения жизни советского народа, но холодная война сдерживала правительство в решении данной проблемы.

В 1955 г. по инициативе Н. С. Хрущева было создано Всесоюзное совещание архитекторов, инженеров и строителей с повесткой «Об архитектуре, типовом проектировании и экономических решениях в массовом жилищном и культурно-бытовом строительстве». На Совещании было особо подчеркнуто, что тормозом развития прогрессивных методов жилищного строительства является художественная направленность в архитектуре, а именно наличие в ней декоративных архаических излишеств. На основе материалов совещания был сделан анализ состояния советской архитектуры. ЦК КПСС и СМ СССР принял специальное постановление «Об устранении излишеств

в проектировании и строительстве»²¹, имевшее большое значение для творческой перестройки в советской архитектуре. Партия особенно обратила внимание руководителей министерств и ведомств, строительных, проектных и научно-исследовательских организаций, главных архитекторов городов, главных инженеров и архитекторов проектов на необходимость устранения излишеств во всех видах строительства, широкое внедрение типового проектирования и улучшение качества строительства. Государство отвечало за объемы жилищного строительства и размещение застройки, за организацию и финансирование строительства. Поэтому производство типового жилья в СССР было государственной задачей [28, с. 18]. Эта тема была озвучена в докладе заместителя председателя исполкома Красноярского Горсовета Н. Н. Каминского, присутствовавшего на краевом совещании строителей в Красноярске. Докладчик указал на необходимость быстрого перехода всего строительства на типовое проектирование и индустриальные заводские методы строительства, прогрессивные возможности которых были уже доказаны на практике. Критике были подвергнуты красноярские архитекторы за использование архитектурно-художественных излишеств на фасадах зданий²², что способствовало удорожанию строительства.

В декабре 1955 г. на Втором Всесоюзном съезде советских архитекторов партией и правительством были указаны недостатки в деятельности архитекторов и строителей и определены направления развития архитектурно-градостроительного дела. На съезде присутствовал главный архитектор Красноярска Г. Б. Кочар. В своем выступлении он отметил неправильный подход к вопросам планировки и застройки городов Красноярского края. Причину такого неправильного подхода он видел в том, что проектными работами в крае занимались свыше 30 индустриальных организаций, которые не знали специфики местного ландшафта и совершенно не учитывали местные условия. Г. Б. Кочар предложил провести реорганизацию проектного дела и создать архитектурно-проектный институт в крае, что позволит быстрее решать вопросы застройки больших и малых городов, улучшать качество и подготовку местных квалифицированных кадров проектировщиков²³.

Красноярский Горком КПСС 10.04.1957 провел совещание со строителями, на котором были поставлены вопросы по совершенствованию управления строительными

¹⁷ Игарке 30 лет // Красноярский рабочий. 22.07.1959. № 171. С. 3.

¹⁸ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 151. Л. 28–30. 1953 г.

¹⁹ Есть полтора миллиона квадратных метров нового жилья // Красноярский рабочий. 17.01.1959. № 14. С. 3.

²⁰ Шахтерский город // Красноярский рабочий. 20.10.1957. № 250. С. 3.

²¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Красноярский рабочий. 11.11.1955. № 267. С. 1–2.

²² Об архитектуре, типовом проектировании и экономических решениях в массовом жилищном и культурно-бытовом строительстве // Красноярский рабочий. 25.01.1955. № 20. С. 2–3.

²³ Дело чести архитекторов и строителей // Красноярский рабочий. 11.12.1955. № 291. С. 2.

организациями. В этих целях было решено объединить проектные организации в крае в один проектный институт. В его функции входило осуществление привязки типовых проектов по жилищному, культурно-бытовому и промышленному строительству и выполнение рабочего проектирования²⁴. В 1958 г. был создан Красноярский филиал Ленинградского «Гостройпроекта», который впоследствии объединили с проектной организацией гражданского профиля «Крайгорпроект», история которого начинается с 1928 г. [29]. В дальнейшем при объединении двух местных проектных организаций в 1964 г. был учрежден институт «Гражданпроект» как составная часть Всероссийской системы проектных институтов, которые обеспечивали реализацию государственных жилищных программ. Одновременно при Красноярском Совнархозе было создано Управление по строительству. Это управление объединило под своим руководством все крупные стройки, в том числе стройки, осуществляемые Министерством строительства металлургической, химической, лесной и деревообрабатывающей промышленности. При управлении создали Научно-исследовательский институт по строительству и филиал Академии наук СССР, задачей которых стало внедрение передовых методов строительства и прогрессивных конструкций и материалов в практику.

Учитывая большой размах строительства в крае и острую потребность в квалифицированных инженерно-технических кадрах, встала необходимость подготовки специалистов за счет местного населения. Крайком партии принял решение о создании в Красноярске инженерно-строительного факультета в составе Политехнического института²⁵. Все это способствовало созданию местных проектных и строительных институтов в крае и содействовало росту и повышению качества строительного производства, в том числе в малых городах.

В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 31.07.1957 «О развитии жилищного строительства в СССР» были намечены меры по ускоренному производству сборных жилых домов. Министерство строительства указало Красноярскому строительному тресту № 72, Канскому строительному тресту № 143 при проектировании жилья, культурно-бытовых объектов и при привязке проектов промышленных предприятий широко применять типовые прогрессивные конструкции, а именно сборный железобетон и полносборные конструкции. Руководствуясь постановлением, Красноярский совнархоз поставил задачу перед предприятиями лесной и деревообрабатывающей

промышленности по вводу в строй к началу 1960 г. до 1850 тыс. м² жилой площади. Для решения данной задачи задействовали производственные мощности малых городов, реконструируя старые и создавая новые цеха и предприятия по производству строительных материалов. Реконструировали и расширяли цеха по производству сборных домов на Маклаковском лесозаводе и Черногорском домостроительном комбинате. На строительство и расширение домостроительных комбинатов было выделено около 275 млн руб. Строительство домостроительных комбинатов брали под свой контроль партийные организации – Черногорский горком, райкомы КПСС Енисейского, Нижне-Ингашского и других районов. Главная задача в этот период состояла в создании в крае мощного центра заводского домостроения для быстрого обеспечения жилыми и социально-культурными объектами в малых городах²⁶. Заводские центры домостроения были построены в Канске, Ачинске, Черногорске, что обусловило ускоренное строительство жилых и общественных зданий. Помимо строительства жилых домов сборная технология применялась и на строительстве социально-культурных объектов. Например, по такой технологии в 1955–1957 гг. были построены Дома Культуры в Минусинске и Маклаково; библиотека и Дом Культуры угольщиков в Назарово; районный универсам в Ужуре; новый клуб в Бородино; школы, клуб и магазины в Дивногорске; в Енисейске в 1957 г. появилась детская музыкальная школа Министерства культуры РСФСР²⁷.

В декабре 1957 г. второй секретарь Красноярского краевого комитета КПСС А. А. Кокарев на собрании краевого партийного актива еще раз обратил внимание на ускоренное строительство предприятий по производству строительных материалов²⁸. Он подчеркнул важность данной отрасли как локомотива экономики края и дальнейшего развития производительных сил, способствующих быстрому росту населения в малых городах. Был разработан ряд мер по реализации данной задачи, что обусловило перевыполнение в первом полугодии 1958 г. плана по строительству жилья по краю на 110 %, в том числе по совнархозу на 100,7 % – Канским трестом № 143, управлением строительством Красноярской ГЭС, трестом «Красноярсклеспроект», «Жилстрой», «Сибтранспецстрой», «Стройтрест № 124» и трестом № 72²⁹.

Новым направлением в градостроительной политике во второй половине 1950-х гг. стало создание межколхозных строительных организаций. На это нацеливали решения

²⁴ ГАКК. Ф. Р-1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8. 1957 г.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–13. 1957 г.

²⁶ Шире размах заводского домостроения // Красноярский рабочий. 19.12.1957. № 298. С. 1.

²⁷ Новые детские музыкальные школы // Красноярский рабочий. 20.08.1957. № 196. С. 3.

²⁸ За новый подъем жилищного строительства. С собрания краевого партийного актива // Красноярский рабочий. 28.12.1957. № 306. С. 2.

²⁹ Капитальное строительство // Красноярский рабочий. 12.08.1958. № 189. С. 4.

ЦК КПСС и Советов Министров СССР о расширении объема строительства жилых домов силами колхозников³⁰. В Красноярском крае такие организации были созданы в Ермаковском, Минусинском, Рыбинском, Новоселовском, Уярском, Канском и других районах края. Они принимали активное участие в развертывании жилищного строительства в таких малых городах, как Бородино, Заозерный, Игарка, Иланский, Назарово, Шушенское, Черногорск, Дивногорск, Ужур и др. Как правило, межколхозные строительные организации имели свою производственную базу – кирпичные, шлакоблочные заводы, деревообрабатывающие мастерские и другое производство.

Данное производство максимально использовало местные строительные материалы. Широкое применение в строительстве нашел камень-плитняк, недорогой по добыче, и в применении при строительстве жилья. Колхозы Минусинского района старались использовать этот материал как более экономичный. Ежегодный объем его применения в строительстве жилья района составлял более 200 тыс. м³. Этот камень использовали не только при строительстве в колхозах, но и в самом г. Минусинск. Из-за низкой себестоимости один м² каменной стены толщиной 80 см стоил 40–50 руб., что было дешевле в два раза одного м² деревянной стены³¹. Помимо строительства жилых объектов силами колхозно-строительных бригад возводились лечебно-профилактические, детские учреждения, дома отдыха, больницы. За 1958 г. было сдано в эксплуатацию 1580 мест в типовых детских яслях, 6 больниц, 11 фельдшерских пунктов в Минусинском, Шушенском, Боготольском и ряде других районов. Например, в Минусинске благодаря постоянному контролю со стороны горкома КПСС и исполкома райсовета на кооперативных началах колхозами «За коммунизм», «Свободный труд» и имени Ленина была построена первая в крае межколхозная больница на 25 коек³². Силами межколхозных строительных организаций, предприятий по строительству и производству местных строительных материалов улучшилось благоустройство и возросли темпы ввода в строй жилья в населенных пунктах края.

Новым направлением градостроительной политики в малых городах с середины 1950-х гг. стало строительство новых типов жилых зданий – двух-трех-этажных и четырех-пяти-этажных многоквартирных жилых домов как наиболее экономичных в строительстве. Этому содействовало

развитие сборного домостроения. Кроме того, в начале 1960-х гг. типовые проекты были переработаны, улучшена планировка квартир, условия их инсоляции и проветривания. В малых городах появились блокированные³³ и кооперированные³⁴ общественные здания, наметилась тенденция перехода от сооружения отдельных общественных зданий к комплексной застройке административных, торговых и бытовых центров.

Партийные и общественные организации усилили внимание к разработке и контролю мероприятий по строительству и благоустройству малых городов, что было связано с политикой по улучшению жизни трудящихся. Например, Шушенский райком партии несколько раз за первую половину 1956 г. заслушал на своих заседаниях председателей профсоюзных организаций и поддерживал их инициативу по благоустройству центральной улицы Ленина и центральной площади Шушенского. Это содействовало формированию архитектурного ансамбля из общественных зданий: Дом Советов, административное здание и районный Дом культуры. Кроме того, были построены гостиница, средняя школа и стадион³⁵. На благоустройство Шушенского государство выделило свыше 60 млн руб. Под пристальным контролем партийной организации района за 1956–1960 гг. были построены свыше 300 новых благоустроенных домов, гостиница, детские ясли, здания связи и строителей, 2 общежития. В 1960 г. были построены универсам, больничный городок, Дом пионеров, туристическая база, библиотека, общежитие сельскохозяйственного техникума, школа-интернат и плодовоовощной комбинат. Все это отражалось на страницах краевой газеты «Красноярский рабочий». С 1955 по 1960 г. она посвятила около 10 статей развитию малого города Шушенское, что было связано с днями рождениями и созданием Дома-музея В. И. Ленина.

Сборный железобетон в это время стал основой промышленного строительства. В 1956 г. прошла Всепольская научная конференция по сборным предварительно напряженным железобетонным конструкциям³⁶. Конференцию организовал Инженерный комитет по строительству Польской академии наук на юге Польши в г. Крыница. В конференции приняла участие советская делегация в составе канд. техн. наук Н. А. Перельштейна, старшего научного сотрудника Б. А. Калатунова и инспектора Главуралстроя В. Я. Копейко. Участники обсудили вопросы качества

³⁰ Шире развернем строительство на селе // Красноярский рабочий. 25.03.1959. № 72. С. 1.

³¹ Сергеев А. Новостройки колхозной деревни // Красноярский рабочий. 28.08.1958. № 203. С. 3.

³² Титков Н. Больше внимания инициативному строительству // Красноярский рабочий. 22.08.1958. № 198. С. 2.

³³ Блокированные общественные здания, т. е. при строительстве культурно-бытового обслуживания населения в малых населенных пунктах или в микрорайонах городов необходимо строить небольшие общественные учреждения в одном большом здании.

³⁴ Кооперирование общественных зданий, т. е. в одном здании совместно используются помещения в разное время суток. Это рационально, экономятся площади, уменьшаются эксплуатационные расходы на содержание обслуживающего персонала, на отопление, водопровод, энергоснабжение, сокращается застраиваемая территория, уменьшается протяженность дорог и коммуникаций.

³⁵ С каждым годом растет и благоустраивается старинное село Шушенское // Красноярский рабочий. 13.05.1956. № 113. С. 3.

³⁶ ГАКК. Ф. Р-1389. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–32. 1957 г.

применяемых стале, нормирования, расчета и проектирования предварительно напряженных железобетонных конструкций, их технико-экономические показатели. Обменялись опытом по производству сборных железобетонных конструкций, монолитного железобетона, сборных безбалочных перекрытий и т. д. Они познакомились со строительством металлургического комбината, двумя предприятиями по изготовлению сборного железобетона, с научно-исследовательскими и проектными организациями в Варшаве. По результатам конференции Президиум Технического Совета при Министерстве строительства СССР отобрал наиболее ценное из опыта проектирования и строительства напряженных сборных железобетонных конструкций в ПНР для рекомендаций к внедрению в отечественную практику. Материалы данной конференции обсуждались строителями и архитекторами, затем были использованы в малых городах края, например при застройке Норильска, Игарки, Дивногорска и т. д. Внедрение железобетонных конструкций содействовало росту экономичности строительного производства.

С середины 1950-х гг. было обращено внимание на улучшение качества планировки городов. По распоряжению СМ СССР от 13.08.1956 Министерству морского флота и институту «Союзморпроект» было поручено составить новые схемы планировки и застройки Игарки³⁷. Это было связано, прежде всего, с необходимостью перспективного развития лесопильной промышленности города и планами строительства второго лесокombината. Управление строительства Красноярского совнархоза указывало на необходимость сосредоточения в жилой части города социально-культурных учреждений – театров, кинотеатров, парков, столовых, магазинов, стадионов, спортплощадок, библиотек и т. д. Учебные заведения – школы ФЗО, РУ, строительные школы и технические училища – необходимо было располагать вблизи от производственных объектов. Это связано с тем, что не менее 70–80 % учебного времени отводилось на практические занятия³⁸, которые проводились непосредственно в производственных цехах.

Еще раз к этой проблеме вернулись в 1958 г., когда по решению ЦК КПСС и СМ СССР было созвано Всесоюзное совещание по строительству³⁹. На совещании обсуждались насущные задачи планировки и застройки городов и намечены пути их решения. В 1959 г. актуальность этой проблемы на XXI съезде КПСС подчеркнул Н. С. Хрущев. Он обратил внимание, что рост промышленного строительства способствует росту малых городов. Увеличение числа

таких городов требует по-новому взглянуть на их развитие и пересмотр генеральных планов городов. Поэтому предложено было планировать строительство жилых кварталов на определенном расстоянии от производственных объектов (заводов, фабрик, шахт и рудников). Обычно промышленные объекты располагали в центре или вдоль центральных улиц населенного пункта, а вокруг него уже формировалась жилая и общественная застройка. Например, вдоль центральных улиц малого города Уяр как раз были расположены производственные объекты – завод по производству железобетонных конструкций и изделий и завод по производству керамических изделий⁴⁰.

В связи с развитием и увеличением производительных сил немаловажное значение партия уделяла строительству социальных объектов. В 1959 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли Постановление «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитанию и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста»⁴¹. Был утвержден план, согласно которому крайкомам и обкомам партии, исполкомам краевых и областных министерств, ведомствам и совнархозам необходимо было принять меры к улучшению качества и удешевлению строительства детских дошкольных учреждений. В этом плане акцентировалось внимание при проектировании и строительстве жилых зданий и кварталов на строгое соблюдение утвержденных Госстроем СССР норм и расчетных показателей строительства детских дошкольных учреждений. В плане указывалось на возможность объединения двух типов детских учреждений – ясли и детский сад в единое дошкольное детское учреждение. Предполагалось их строить с учетом шаговой доступности к месту жительства. Данное постановление повлияло на градостроительное решение по размещению в городской структуре дошкольных детских учреждений. Например, размещение детских садов в Заозерном, Черногорске, Бородино, Игарке и др.

В конце 1950-х – начале 1960-х г. в связи с усиленным вниманием к социальной политике партия и правительство в основу градостроительной политики поставили переход строительного производства на методы полносборного массового домостроения. Для решения данной задачи были построены заводы по производству полносборного массового домостроения – Уярский завод по производству сборного железобетона, деревянных и напряженных конструкций; Черногорский домостроительный комбинат⁴², Канский и Маклаковский лесозаводы и Усть-Абаканский лесокombинат. Расширена мощность по строительству

³⁷ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 139. Л. 113. 1957 г.

³⁸ ГАКК. Ф. Р-1389. Оп. 1. Д. 1. Л. 12. 1957 г.

³⁹ Всесоюзное совещание по строительству // Красноярский рабочий. 12.04.1958. № 87. С. 2.

⁴⁰ Каспирович М. И города должны стать другими // Красноярский рабочий. 06.01.1959. № 4. С. 3.

⁴¹ О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста // Красноярский рабочий. 29.05.1959. № 125. С. 1.

⁴² Требесов А. Новые прогрессивные материалы на стройки Красноярска // Красноярский рабочий. 14.02.1958. № 38. С. 2.

кирпичных заводов (Канск, Заозерный), крупнопанельных перегородок и силикатных блоков. По итогам выполнения государственного плана промышленностью Красноярского края только за первый квартал 1960 г. рост производства⁴³ строительного кирпича составил около 105 тыс. штук, сборных железобетонных конструкций и деталей, включая армированные изделия из ячеистого бетона, – 177 м³, шифера – 112 тыс. штук усл. плит, пиломатериалов – 114 тыс. м³. Большая строительная база была создана в Ачинске – построен крупный глиноземный и цементный заводы.

В СССР в 1959 г. начинается переход к крупнопанельному домостроению, которое позволяло сократить сроки строительства, численность рабочей силы при возведении объекта и затраты на создание производственной базы. Быстрому возведению зданий содействовало новое конструктивное решение – каркасно-панельное домостроение. Оно отличалось от сборного отсутствием стоечно-балочной системы. Основой развития крупнопанельного домостроения стали заводы по производству сборного железобетона. Это был большой прорыв в проектно-строительной индустрии. С начала 1960-х гг. малые города края перешли на данный метод строительства – Канск, Абакан, Ачинск, Назарово, Железногорск, Зеленогорск, Дудинка, Норильск и т. д.

Несмотря на определенные достижения в жилищном строительстве в малых городах, ряд районных и городских комитетов КПСС допускали крупные недостатки. В Игарке, Енисейском, Новоселовском, Богучанском, Дзержинском и Пировском районах райкомы, горкомы партии, райисполкомы и горисполкомы не смогли организовать повседневный контроль за выполнением принятых обязательств строительными организациями и предприятиями. В результате во многих малых городах медленно решались вопросы жилищного строительства, что приводило к невыполнению государственного плана. В итоге же индустриальное строительство положило начало укрупнению и сосредоточению комплексов массовой застройки на свободных территориях, снижению стоимости и резкому сокращению сроков возведения зданий. Быстрое развитие строительной индустрии определило не только количественный рост массового строительства в малых городах, но и новые качественные изменения в размещении строительства, в архитектурно-планировочной структуре малых городов и их районов.

Индустриальное строительство обусловило более рациональное зонирование городской территории в Красноярском крае. По инициативе московского Института градостроительства в крае был введен принцип микрорайонирования,

который закрепился в «Правилах и нормах планировки и застройки городов» 1959 г.⁴⁴ Для жилищного строительства выбирались наиболее здоровые и удобные земли, организовывались хорошие связи селитебных территорий с промышленными территориями, создавалась целостная система общественных центров, зеленых насаждений и т. п. Структура жилых районов складывалась не из отдельных мелких кварталов, а из укрупненных единиц жилой застройки – микрорайонов, каждый из которых проектировался как комплекс жилых и общественных зданий массового назначения. Такой подход содействовал преобразованию облика и малых городов, улучшал жизнь населения и ознаменовал новый этап советского градостроительства.

Улучшению жизни населения способствовало повышение уровня благоустройства в малых городах. Особое внимание уделялось проектированию и строительству парков и скверов отдыха. В 1959 г. проводили двухмесячник по благоустройству, озеленению и улучшению санитарного состояния городов, малых городов, рабочих поселков, районных центров и населенных пунктов. В старинном поселении Ужур, получившем статус малого города в 1953 г., в пристанционной его части появились парк и детская железная дорога в нем, а также новые скверы. Благоустраивались вновь построенные улицы⁴⁵. В Дивногорске гидростроители провели инженерные коммуникации, построили котельную. В центре Шушенского был построен парк Культуры, а за тихоструйной рекой Шушь благоустроен Остров отдыха со стадионом, пляжем и зелеными аллеями⁴⁶. Значительное внимание уделялось улучшению бытового обслуживания населения. В малых городах открывали новые и расширяли действующие предприятия бытового обслуживания. Увеличивалась сеть мастерских по ремонту культтоваров, мебели, одежды и автомашин. В Черногорске были построены две парикмахерские, цех по ремонту мотоциклов, мотороллеров и велосипедов, цех по пошиву одежды. За 1959 г. в крае сдано в эксплуатацию 86 мастерских индивидуального пошива, 66 парикмахерских, 22 фотоателье, 12 мастерских по ремонту металлических изделий и 9 радиоремонтных мастерских⁴⁷.

08.06.1960 в Большом Кремлевском дворце прошло Всесоюзное совещание по градостроительству⁴⁸. На нем выступил Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам строительства В. А. Кучеренко с докладом «О состоянии и мерах улучшения градостроительства СССР». Докладчик подчеркнул, что в целях

⁴³ Об итогах выполнения государственного плана промышленностью Красноярского края за первый квартал 1960 года. Статистическое управление Красноярского края // Красноярский рабочий. 21.04.1960. № 95. С. 1.

⁴⁴ СН 41-58. Правила и нормы планировки и застройки городов; введ. 01.02.1959. М.: Госстройиздат, 1959. 173 с.

⁴⁵ Шадрин А. Так ли надо благоустраивать город // Красноярский рабочий. 06.08. 1958. № 184. С. 2.

⁴⁶ Пахомов В., Ерофеев Ф. Шушенское сегодня... С. 2.

⁴⁷ Лесных В. Расширять сеть бытовых предприятий // Красноярский рабочий. 13.08.1959. № 190. С. 3.

⁴⁸ Всесоюзное совещание по градостроительству // Красноярский рабочий. 11.06.1960. № 138. С. 1.

улучшения градостроительства городов необходимо повысить уровень их инженерного и санитарно-технического благоустройства, строительство жилых микрорайонов с включением культурно-бытового обслуживания. По решению совещания вводились новые элементы в градостроительную политику: утверждение генеральных планов и проектов детальной планировки застройки городов. В свою очередь член Академии строительства и архитектуры СССР Н. В. Баранов обратил внимание на цель градостроительной политики – создание городов с благоприятными условиями труда, быта и отдыха для населения. Он впервые высказал мысль о необходимости регулирования и ограничения роста городов как градостроительной проблемы, связав ее с ухудшением экологии городов многочисленными промышленными предприятиями. Он предложил для ограничения роста крупных городов создание городов-спутников. Например, при крупном городе Норильск были построены города-спутники Талнах и Агарен.

Заключение

Градостроительная политика в Красноярском крае соответствовала тем задачам, которые ставили перед ней партийные и советские органы, учитывала потребности экономики и общества. Это отражалось в характере проектирования и застройки малых городов: от индивидуального к типовому проектированию зданий; от концентрированных

комплексов и малоэтажных строений – к крупноэлементному сборному домостроению повышенной этажности зданий. Важным элементом политики было стремление к удешевлению и быстрому строительству жилья и социально-культурных объектов. К специфическим особенностям относится использование местных строительных материалов. Массовое типовое строительство характерно для хрущевского периода с вводом в производство современных материалов и методов строительства. Применение новых приемов планировки малых городов, новых строительных материалов, появление новых типов зданий, изменение методов строительства в малых городах способствовало созданию предпосылок к постепенной ликвидации культурно-бытовых различий между городом и деревней. Концентрация крупных промышленных предприятий дала толчок социально-экономическому развитию малых городов. 1950–1960 гг. считаются вполне успешными для Красноярского края: в экономическом, социальном, культурном и градостроительном развитии. Они заложили фундамент будущих красноярских десятилеток.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Хонина М. В. Изучение мира повседневности жителей малых городов на территории Красноярского края в 1920–1930-е гг. (к постановке проблем) // Социально-экономическое развитие Красноярского края. 1917–2006 гг.: мат-лы VI краеведч. чтений / ред. Ю. Н. Яблоков, Т. Л. Савельева. Красноярск: ГУНБ Краснояр. края, 2007. С. 4–9.
2. Тяпкина О. А. Социально-экономическое развитие малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 24 с.
3. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1910. 212 с.
4. Канатбаева А. А. Методологические основы типологии и классификации малых городов // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2010. № 13. С. 73–79.
5. Балдандоржиев Ж. Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья) // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 112–119.
6. Мурин Д. В. Понятие малых городов и их классификация // Теория и практика современной науки. 2017. № 5. С. 570–575.
7. Секушина И. А. Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2. С. 84–93. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-84-93
8. Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / отв. ред. Х. Беркинг и М. Лев. 2-е изд. М.: НЛО, 2018. 424 с.
9. Зыков В. П. Дивногорск. Красноярск: Кн. изд-во, 1978. 167 с.
10. Чаган В. И. От Дивногорска до Диксона. Красноярск: Кн. изд-во, 1976. 189 с.
11. Голомидова А. В. Концепция развития малых городов Красноярского края при железнодорожных узлах (на примере г. Заозерного, г. Иланского) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. Т. 20. № 2. С. 42–52.
12. Ковалев В. А., Ермолаева Е. Н., Шадрин И. Е. Минусинск. Красноярск: Кн. изд-во, 1986. 183 с.
13. Реут Г. А. Закрытые города Красноярского края как феномен советского градостроительства // Экономическое развитие Сибири: мат-лы Сибирского исторического форума. (Красноярск, 12–13 октября 2016 г.) Красноярск: Резонанс, 2016. С. 271–274.

14. Усанова А. Л. Советская архитектура и градостроительство 1920–1950-х годов: стратегия жилищного строительства и виды городского жилья // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-2. С. 205–210. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-40
15. Железнодорож (Красноярск-26): статьи, очерки, отрывки из монографий. 50-летию юбилею города посвящается... / науч. ред. С. П. Кучин, А. А. Просвирин. Красноярск: Офсет, 2000. 464 с.
16. Гайдин С. Т., Гонина Н. В., Павлюкевич Р. В., Реут Г. А., Рогачев А. Г., Шевченко В. Н. Развитие Красноярского края в годы «Оттепели»: материалы круглого стола // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 292–313.
17. Волобуев Г. Т. От слюды до урана. Зеленогорск: Типография ОАО «ПО "ЭХЗ"», 2009. 240 с.
18. Холина М. В. Исследования истории малого советского города в отечественной и региональной историографии // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3-3. С. 167–175.
19. Слабуха А. В. Градостроительное освоение Приенисейского края в XVIII–XX веках. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: КрасГАСА, 2006. 192 с.
20. Горбачёв В. Т., Крадин Н. Н., Крадин Н. П., Крушлинский В. И., Царёв В. И., Степанская Т. М. Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. 783 с.
21. Меерович М. Г. Уникальность урбанизации СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 9–16.
22. Меерович М. Г. Градостроительная политика в СССР, 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: НАО, 2018. 346 с.
23. Советское градостроительство 1920–1930-х годов: новые исследования и материалы / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2010. 379 с.
24. Форпост Игарка: в фотографиях 1930–1940-х годов / сост. О. П. Ермакова. Красноярск: КАСС, 2019. 215 с.
25. Новиков В. Ф., Трошев Ж. П. Игарка. Красноярск: Кн. изд-во, 1979, 120 с.
26. Меерович М. Г. Соцгорода в Сибири: градостроительная и расселенческая политика в СССР в период индустриализации // Баландинские чтения. 2014. Т. 9. № 3. С. 121–127.
27. Захарченко Е. К. Этапы территориальных преобразований малых городов Центральной Сибири во второй половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 46–55. DOI: 10.17223/22220836/31/4
28. Мойзер Ф., Задорин Д. К типологии советского типового домостроения: индустриальное жилищное строительство в СССР, 1955–1991. Berlin: DOM, cop. 2018. 447 с.
29. Гонина Н. В. Благоустройство городов и квартирный вопрос в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 75–80. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-11

original article

Urban Planning Policy in Small Towns of the Krasnoyarsk Territory in 1950s–1960s

Olesya V. Kiseleva

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk; Kis-73@mail.ru

Larisa F. Malyutina

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

Received 17 Mar 2021. Accepted 13 May 2021.

Abstract: The present research featured the development of urban planning policy in small towns of the Krasnoyarsk Territory in 1950s–1960s, when it was designed by the local authorities and included construction, repairs, national, historical, cultural, environmental, and natural features of the terrain, etc. The authors developed some criteria for the classification of small towns and traced the evolution of urban planning policy from individual to mass construction. The new principles that appeared in 1950s–1960s included the natural and climatic conditions and aimed at strengthening the country's defense. The new course of economic, architectural and urban development modernized and changed the structure of the economy in small towns. The research was based on the historical-chronological and geopolitical method that covered the strategic, economic, and socio-cultural development of Siberia in general. The research contributes to the development of urban planning policy and helps to improve city management practices.

Keywords: party, decrees, industry, standard housing, mass construction, cultural and household facilities

Citation: Kiseleva O. V., Malyutina L. F. Urban Planning Policy in Small Towns of the Krasnoyarsk Territory in 1950s–1960s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 325–340. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-325-340>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Khonina M. V. Everyday life of residents of small towns in the Krasnoyarsk Territory in 1920s–1930s (problem statement). *Socio-economic development of the Krasnoyarsk Territory. 1917–2006: Proc. VI local hist. readings*, eds. Iablokov Iu. N., Savelieva T. L. Krasnoyarsk: GUNB Krasnoiar. kraia, 2007, 4–9. (In Russ.)
2. Tyapkina O. A. *Socio-economic development of small towns in Western Siberia in the second half of the XIX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2003, 24. (In Russ.)
3. Semenov-Tyan-Shansky V. P. *City and village in European Russia*. St. Petersburg: Tip. V. F. Kirshbauma, 1910, 212. (In Russ.)
4. Kanatbaeva A. A. Methodological foundations of typology and classification of small towns. *Financial analytics: science and experience*, 2010, (13): 73–79. (In Russ.)
5. Baldandorzhiev Zh. B. Small towns: typology and classification in the context of cultural heritage (on the example of the towns of Eastern Transbaikalia). *Humanitarian Vector*, 2011, (3): 112–119. (In Russ.)
6. Murin D. V. The concept of small towns and their classification. *Teoriia i praktika sovremennoi nauki*, 2017, (5): 570–575. (In Russ.)
7. Sekushina I. A. Theoretical approaches to the classification of small and medium-sized cities of Russia. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, 2019, (2): 84–93. (In Russ.) DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-84-93
8. *Own logic of cities: New approaches in urban studies*, eds. Berking H., Löw M., 2nd ed. Moscow: NLO, 2018, 424. (In Russ.)
9. Zykov V. P. *Divnogorsk*. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1978, 167. (In Russ.)
10. Chagan V. I. *From Divnogorsk to Dikson*. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1976, 189. (In Russ.)
11. Golomidova A. V. Concept development of towns in Krasnoyarsk Krai at railway hubs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2018, 20(2): 42–52. (In Russ.)
12. Kovalev V. A., Ermolaeva E. N., Shadrina I. E. *Minusinsk*. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1986, 183. (In Russ.)
13. Reut G. A. Closed cities of the Krasnoyarsk Territory as a phenomenon of Soviet urban development. *Economic development of Siberia: Proc. Siberian Hist. Forum*, Krasnoyarsk, 12–13 Oct 2016. Krasnoyarsk: Rezonans, 2016, 271–274. (In Russ.)
14. Usanova A. L. The Soviet architecture and town planning in the 1920–1950-s: strategy of housing construction and types of city housing. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (2-2): 205–210. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-40
15. *Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26): articles, essays, and excerpts from monographs. Dedicated to the 50th anniversary of the city...*, eds. Kuchin S. P., Prosvirin A. A. Krasnoyarsk: Offset, 2000, 464. (In Russ.)
16. Gaidin S. T., Gonina N. V., Pavlyukevich R. V., Reut G. A., Rogachev A. G., Shevchenko V. N. Development of Krasnoyarsk Territory during the "Thaw": materials of the round table. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnojarskogo GAU*, 2016, (4): 292–313. (In Russ.)
17. Volobuev G. T. *From glist to uranium*. Zelenogorsk: Tipografia OAO "PO "EKhZ", 2009, 240. (In Russ.)
18. Kholina M. V. Researches of the history of a small Soviet town in domestic and regional historiography. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2009, (3-3): 167–175. (In Russ.)
19. Slabukha A. V. *Urban development of the Yenisei region in XVIII–XX centuries*, 2nd ed. Krasnoyarsk: KrasGASA, 2006, 192. (In Russ.)
20. Gorbachev V. T., Kradin N. N., Kradin N. P., Krushlinsky V. I., Tsarev V. I., Stepanskaya T. M. *Urban planning of Siberia*. St. Petersburg: Kolo, 2011, 783. (In Russ.)
21. Meerovich M. G. Urbanization uniqueness of the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2015, (2): 9–16. (In Russ.)
22. Meerovich M. G. *Urban planning policy in the USSR, 1917–1929: from a garden city to a departmental workers' settlement*. Moscow: NLO, 2018, 346. (In Russ.)

23. *Soviet urban planning 1920–1930-ies: new research and materials*, comp. and ed. Kosenkova Yu. L. Moscow: URSS; LIBROKOM, 2010, 379. (In Russ.)
24. *The outpost of Igarka: in photographs of the 1930–1940s*, comp. Ermakova O. P. Krasnoyarsk: KASS, 2019, 215. (In Russ.)
25. Novikov V. F., Troshev Zh. P. *Igarka*. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1979, 120. (In Russ.)
26. Meerovich M. G. Sotsgorod (a socialistic town) in Siberia: principles of urban planning and settlement' formation in the period of industrialization. *Balandinskie chteniia*, 2014, 9(3): 121–127. (In Russ.)
27. Zakharchenko E. K. Stages of territory transformations of small towns in Central Siberia in the second half of the XXth century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*, 2018, (31): 46–55. (In Russ.) DOI: 10.17223/22220836/31/4
28. Moiser F., Zadorin D. *On the typology of the Soviet typical house building: industrial housing construction in the USSR, 1955–1991*. Berlin: DOM, cop. 2018, 447. (In Russ.)
29. Gonina N. V. Urban land improvement and housing problem in the Krasnoyarsk Krai in the second half of the 1950-s – the beginning of the 1980-s. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (2): 75–80. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-11

оригинальная статья

УДК 94(470.51):638.1

У истоков развития племенного репродуктора медоносных пчел Удмуртской АССР (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.)

Лидия Михайловна Колбина

Удмуртский федеральный исследовательский центр
УрО РАН, Россия, г. Ижевск; <https://orcid.org/0000-0002-6954-559X>; lidakolbina@yandex.ru

Анастасия Сергеевна Осокина

Удмуртский федеральный исследовательский центр
УрО РАН, Россия, г. Ижевск; <https://orcid.org/0000-0001-9452-139X>

Поступила в редакцию 04.05.2021. Принята в печать 07.06.2021.

Аннотация: Статья посвящена развитию прародителя современного репродуктора по разведению пчел среднерусской породы в Удмуртской АССР в послевоенные годы. Предмет – пчеловодство Большеучинского сельского совета Большеучинского района Удмуртии. Цель – определение основных тенденций и результатов развития пчеловодства Большеучинского сельского совета в послевоенные годы. В основу исследования положен ретроспективный анализ с использованием архивных материалов и годовых отчетов изучаемых хозяйств, хранящихся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики. По результатам анализа архивных документов выявлено, что развитие колхозного пчеловодства данного сельского совета шло неравномерно. Одной из важных причин, как было отмечено на Пленуме ЦК КПСС, стало нарушение принципа материальной заинтересованности пчеловодов в развитии производства и низкая трудовая дисциплина на пасеках. Существенной причиной отставания пчеловодства являлось неудовлетворительное руководство этой отрасли со стороны Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР и сельскохозяйственных органов на местах. В мае 1950 г. развернулось массовое укрупнение колхозов для создания более благоприятных условий работы путем уменьшения количества слабых колхозов (присоединения их к сильным), что позволило повысить производительность труда, заметно расширить механизацию наиболее трудоемких процессов производства и намного сократить производственные расходы. В годы послевоенного сталинизма в условиях Большеучинского района Удмуртской АССР сложились благоприятные условия для развития пчеловодства и создания основы для будущего племенного репродуктора среднерусской породы пчел.

Ключевые слова: архив, отчет, колхоз, пчеловодство, пчелиная семья, мед, площадь посевов

Цитирование: Колбина Л. М., Осокина А. С. У истоков развития племенного репродуктора медоносных пчел Удмуртской АССР (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 341–349. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-341-349>

Введение

В общероссийской истории послевоенные годы (1946–1953 гг.) характеризуются периодом восстановления экономики, это время подсчета потерь от войны, воссоздания хозяйства и постановки новых грандиозных целей. Граждане СССР продолжали верить в светлое коммунистическое будущее и торжество социальной справедливости. Со смертью И. В. Сталина в 1953 г. ушла целая эпоха, за которой последовал новый виток истории [1].

В марте 1946 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», в котором предусматривалось не только восстановить довоенный уровень развития промышленности и сельского хозяйства, но и превзойти его¹. По пчеловодству было отмечено: «Всемерно развивать пчеловодство в колхозах, совхозах, а также у рабочих, крестьян и служащих; принять меры к повышению продуктивности

пчеловодства. Увеличить производство ульев, пчеловодного инвентаря и искусственной вошины» [2, с. 386–387].

В годы послевоенного сталинизма в сельском хозяйстве, как и в промышленности, планы выполнялись плохо [3]. Этот период истории был тяжелым для всех отраслей народного хозяйства. Понимая всю сложность ситуации, Правительство СССР впервые в послевоенные годы направило все силы на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Был отмечен рост объемов работ машинно-тракторных станций, повысилось их качество. Увеличилась численность трудоспособного сельского населения, восстанавливалось колхозное землепользование, артелям возвращалось расхищенное в годы войны имущество. Первые послевоенные годы, кроме 1946 г., когда была сильная засуха, отмечены быстрым ростом сельскохозяйственного производства [4]. Работа по восстановлению

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. 18.03.1946 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 3: 1941–1952 годы. М.: Политиздат, 1968. С. 250–273.

сельского хозяйства в Удмуртской АССР велось в нескольких направлениях, в том числе и в пчеловодстве.

Известно, что успешная работа в отрасли пчеловодства зависит от селекционно-племенных мероприятий и опирается в значительной степени на исходный материал. В данном случае под термином *исходный материал* рассматривается использование определенного типа породы медоносной пчелы в каждой пчеловодной зоне [5]. Селекционно-племенная работа – важный элемент интенсификации пчеловодства, способствующий повышению продуктивности пчелиных семей и рентабельности пчеловодства. Эффективность селекционно-племенной работы зависит от методов оценки пчелиных семей и качества отбора племенного материала лучших генотипов пчелиных семей, которые отличаются устойчивыми высокими хозяйственно полезными признаками [6]. В соответствии с планом породного районирования пчел в регионах России на территории Удмуртии рекомендовано содержать среднерусскую породу пчел (*Apis mellifera mellifera* L.) [7, с. 3; 8, с. 2–4].

На сегодняшний день в Удмуртской Республике единственным репродуктором среднерусской породы пчел является ООО «Россия» Можгинского района. Данное хозяйство насчитывает около 300 пчелиных семей. Колхоз «Россия» расположен в северо-западной части Можгинского района. Центральная усадьба хозяйства – село Большая Уча, находится в 26 км от районного центра г. Можга и в 118 км от республиканского центра г. Ижевск. История колхоза «Россия» началась в конце 1920-х гг., когда в с. Большая Уча были созданы три сельскохозяйственные артели: Кенеш, Коклан и Первое мая. В конце 1929 г. организовалась четвертая сельскохозяйственная артель «Путь социализма» в центре с. Большая Уча [9, с. 58–59].

Предпосылки возникновения племенного репродуктора по разведению пчел среднерусской породы в ООО «Россия» начались в 1937 г. с 12 колхозов Большеучинского района Большеучинского сельского совета, которые в последующем стали основой для создания колхоза «Россия».

Цель работы – провести ретроспективный анализ по архивным материалам и годовым отчетам хозяйств Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР) о деятельности колхозных пасек Большеучинского сельского совета Большеучинского района Удмуртской АССР в послевоенные годы. Дискуссионность и недостаточная изученность проблемы колхозного пчеловодства вышеуказанных хозяйств определяют актуальность и научную новизну исследования.

Методы и материалы

Анализ архивных документов проводился на основании методических рекомендаций «Формы, виды и способы

статистического наблюдения»². В основу исследования положен ретроспективный анализ и модернизационный подход, также использовались общенаучные и исторические методы исследования.

Проанализированы материалы фондов Р-567 и Р-1263 ЦГА УР. Основные виды источников из архива: годовые отчеты колхозов Большеучинского сельского совета Большеучинского района Удмуртской АССР; годовые, финансовые отчеты и планы, протоколы совещаний, объяснительные записки Удмуртской конторы пчеловодства и Министерства сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики.

Результаты

Территория Большеучинского района в 1930-е гг. составляла 500 км², общая посевная площадь – 24,6 тыс. га, из них 99 % принадлежало колхозам. Из 92 населенных пунктов было образовано 82 колхоза и 9 сельских советов, один из них – Большеучинский сельский совет [10].

Пчеловодство переживало большие трудности во время Великой Отечественной войны. Фактически все мужчины-пчеловоды, способные воевать, были взяты в армию и находились на фронте, их заменили женщины, подростки и старики. Многие из них становились пчеловодами и работали за троих, топили воск, преподавали в пчеловодных школах и на курсах и пр. [11].

В это время прибыли на пасеки неопытные и абсолютно далекие от подобной деятельности новички, которых пришлось учить на краткосрочных курсах пчеловодства. После тяжелейших военных лет наступили не менее трудные героические годы восстановления и развития народного хозяйства страны, в том числе Удмуртской АССР.

При изучении архивных документов ЦГА УР было выявлено, что в Большеучинском сельском совете в 1948 г. зарегистрировано 6 пчеловодов, из них по национальности – один русский и пять удмуртов. Средний возраст – 49 лет, самый старший пчеловод – 1895 г. р., самый молодой – в возрасте 40 лет. Образование пчеловодов: 34 % – 1 класс, 16 % – 3 класса, 50 % – 4 класса. Специального пчеловодного образования не имел ни один из пчеловодов, тем не менее Гордилов Павел Яковлевич из колхоза «Гор Шеп», Херов Иван Иванович из колхоза «Калинино» и Курков Савелий Григорьевич из колхоза «Маяк» прошли 3-месячные курсы обучения пчеловодству в с. Вавож Вавожского района Удмуртской АССР. Стаж работы пчеловодов составил в среднем 4 года, наибольший – 8 (И. И. Херов) и 7 лет (С. Г. Курков), один год у пчеловода К. А. Смирнова³.

В годовых отчетах колхозов Большеучинского сельского совета Большеучинского района имеются данные (на 1 января каждого года) о количестве пчелиных семей

² Формы, виды и способы статистического наблюдения. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/student/statistika/vidy-statisticheskogo-nablyudeniya.html> (дата обращения: 15.02.2021).

³ ЦГА УР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 26. Л. 62.

в хозяйствах по годам (табл. 1⁴). Из 11 колхозов только 8 имели колхозные пасеки, численность пчелиных семей была непостоянной, наблюдалось как увеличение, так и уменьшение количества семей. Видно, что наибольшее число пчелиных семей было в 1945 г., в остальные годы количество семей было стабильно.

Табл. 1. Количество пчелиных семей в колхозах Большеучинского сельского совета до укрупнения хозяйств

Tab. 1. Number of bee colonies in collective farms of Bolshaya Ucha before the consolidation of farms

Колхоз	1941	1945	1946	1947	1948	1949
Горд Шеп	16	21	17	14	15	14
Им. Войкова	14	18	15	14	17	15
Вормон	4	1	1	–	–	–
Путь социализма	7	12	10	–	–	–
Калинино	1	1	4	14	17	23
Моторки	–	6	6	3	3	1
Им. Ульянова	5	5	5	5	–	–
Маяк	19	20	16	14	13	13
Всего	66	84	74	64	65	66

Однако по годовым отчетам на начало послевоенной сталинской пятилетки видно, что план развития пчеловодства в республике, как и в Большеучинском сельском совете, из года в год не выполнялся вследствие неблагоприятных метеорологических условий весенне-летних периодов 1946, 1947 и 1948 годов, что отразилось на медосборе и на росте пчелиных семей на колхозных пасеках. В 1948 г. засуха зарегистрирована до 27 июня, далее пошли дожди, похолодания и только поздние посевы гречихи и частично сорняки полей дали небольшой медосбор. В республике преобладали пасеки с небольшим количеством пчелиных семей – мелкие, что говорит о невыполнении приказа Министерства сельского хозяйства СССР о наличии на пасеках не менее 15–20 семей пчел⁵.

Тем не менее на колхозных пасеках Большеучинского сельского совета большинством пасек план был выполнен, за исключением колхозов «Горд Шеп», «Моторки» и «Маяк», а в колхозах «Вормон», «Путь социализма» и им. Ульянова пасеки ликвидировали.

В протоколе № 14 от 19 марта 1947 г. совещания у начальника Главного управления пчеловодства Министерства сельского хозяйства РСФСР по рассмотрению годовых

отчетов за 1946 г. контор пчеловодства областей, краев и автономных республик РСФСР отмечено, что колхозное пчеловодство в республике находится в крайне неудовлетворительном состоянии. В 1946 г. произошли ликвидация 70 колхозных пасек и сокращение на 3200 пчелиных семей⁶.

При таком бедственном положении в целом по республике пчеловодство в Большеучинском сельском совете удалось сохранить и увеличить численность пчелиных семей довоенного уровня. Так, в 1940 г. было 58 пчелиных семей, в 1946 г. – 64 [12].

Положение переменялось к лучшему, когда в мае 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»⁷, началось широкое движение за объединение мелких хозяйств в крупные. Объединялись в крупные пчеловодческие фермы и мелкие пасеки. Это позволило в перспективе поднять продуктивность отрасли. Одновременно укреплялась материальная база колхозных пасек. В связи с этим в Большеучинском районе после 1950 г. произошло объединение и укрупнение колхозов.

Укрупнение хозяйств позволило значительно повысить производительность труда, заметно расширить механизацию наиболее трудоемких процессов производства, намного сократить производственные расходы. Мелкий размер колхозных пасек был одним из основных тормозов развития колхозного пчеловодства. Колхозники на таких пасеках не были материально заинтересованы. Вместе с тем мелкие пасеки вызвали большие расходы (по отношению к количеству получаемой от них продукции) на их охрану и обслуживание. Пасеки в несколько пчелиных семей не могли быть обеспечены современным оборудованием, специальным помещением и квалифицированными кадрами. Все это заметно снижало и продуктивность пчел [13].

Массовое укрупнение колхозов явилось закономерным результатом всего предшествующего развития производительных сил и производственных отношений в деревне. Оно создало дополнительный импульс для дальнейшего роста и совершенствования производительных сил и производственных отношений колхозов, явилось важной предпосылкой подъема сельскохозяйственного производства⁸.

23 июня 1950 г. колхозы «Горд Шеп», «Вормон», «Путь социализма», им. Войкова и Азина объединили в колхоз «Путь социализма». В новом крупном хозяйстве трудилось 266 членов колхоза, насчитывалось 3776 га сельскохозяйственных угодий, было 138 лошадей, 245 голов крупного рогатого скота, 163 свиньи, 251 овца, 176 голов

⁴ Составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 1676. Л. 13, 21, 29, 62, 78; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 2509. Л. 14, 19, 34, 43, 68; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 1182. Л. 35, 41, 89, 97, 105, 129, 145; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 1775. Л. 128, 139, 165, 174, 183, 201; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 2126. Л. 27, 39, 51, 173, 185, 209.

⁵ ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 26. Л. 1, 3.

⁶ ЦГА УР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 24. Л. 278.

⁷ Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле. 30.05.1950 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 8: 1946–1955. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1985. С. 214–217.

⁸ Укрупнение колхозов в СССР после Великой Отечественной войны // Блог Ильи Винштейна. 24.11.2018. Режим доступа: <https://www.winstein.org/publ/36-1-0-3268> (дата обращения: 12.03.2021).

птиц. Правление этого объединенного колхоза возглавлял П. З. Кузнецов. К моменту организации этого укрупненного колхоза в нем было 7 бригад и 3 фермы. Руководители этих подразделений, к сожалению, имели лишь начальное образование, специалистов с более высоким образованием не было совсем [9]. Остальные колхозы: Калинино, Маяк, Моторки, им. Ульянова – объединили в колхоз «Маяк». Произошло и укрупнение колхозных пасек.

В табл. 2⁹ представлены данные по численности пчелиных семей и количеству полученного товарного меда. Установлено, что в среднем на одну пчелиную семью в обоих хозяйствах получено одинаковое количество товарного меда. Исключением был пчеловодный сезон 1951 г., в колхозе «Путь социализма» получено 15,11 кг товарного меда, что в 8 раз больше, в сравнении с колхозом «Маяк». В колхозе «Путь социализма» в 1951 г. было посеяно 161 га гречихи, а в колхозе «Маяк» – только 22 га.

Передовиками по сбору меда в годы послевоенного сталинизма стали колхозы «Горд Шеп», «Маяк», «Калиново», им. Войкова, которые в среднем собирали по 9,6 кг на одну пчелиную семью. При отслеживании истории отдельных колхозов заметно, что в разные годы медовая продуктивность

в среднем на одну пчелиную семью отличалась. Так, в колхозах им. Войкова и «Горд Шеп» в 1946 г. на одну пчелиную семью в среднем приходилось 2,5 и 5,8 кг меда, в 1949 г. – 17,3 и 14,2 кг соответственно. При этом за этот же период в колхозе «Маяк» медовая продуктивность осталась на прежнем уровне – 5,7 и 4,1 кг. В колхозе «Моторки» в 1946 г. в среднем на одну пчелиную семью было получено 8,33 кг меда, в 1948 г. – 5 кг. В 1948 г. в колхозе стали высевать лен и бобовые культуры. Общие показатели эффективности работы пасек Большеучинского сельского совета представлены в табл. 3.

История СССР шла своим чередом, происходили значимые события, отражающиеся на жизни обычных людей и их деятельности. Так, Президиумом Верховного Совета СССР был издан указ от 11 августа 1948 г. «О подоходном налоге с колхозов». В состав облагаемого дохода колхоза входили денежные и натуральные доходы. Исключение составляли продукты, выделенные на корм птицам колхозных ферм, а также на мед и на подкормку пчел. Поэтому, вероятно, руководство колхозов для снижения платы налогов, как видно из архивных документов, перераспределяло мед большей долей по строке расходов

Табл. 2. Численность пчелиных семей и количество товарного меда в колхозах Большеучинского сельского совета после укрупнения

Tab. 2. Number of bee colonies and the amount of commercial honey in the collective farms of Bolshaya Ucha after the consolidation

Год	Всего пчелиных семей	Путь социализма			Маяк		
		количество пчелиных семей	товарный мед, всего, кг	в среднем на одну семью, кг	количество пчелиных семей	товарный мед, всего, кг	в среднем на одну семью, кг
1945	84	52	374	7,19	32	223	6,96
1950	66	34	192	5,64	32	–	–
1951	60	36	544	15,11	24	45	1,87
1952	59	40	41	1,02	19	49	2,57
1953	71	45	122	2,71	19	73	3,84

Табл. 3. Показатели эффективности работы пасек Большеучинского сельского совета

Tab. 3. Performance indicators of Bolshaya Ucha bee farms

Показатель	1946	1949	1951	1952	1953
Получено меда, кг	322,0	773,0	589,0	90,0	194,0
Средняя цена меда по государственным заготовительным ценам, руб. за ц	143,5	261,6	1261,0	1231,0	582,0
Продажа на колхозном рынке и прочие продажи, кг	86,5	34,0	17,0	12,6	60,0
Относительная величина, %	26,9	4,3	2,8	14,0	30,9
Количество меда на производственные нужды, кг	159,6	156,0	91,0	62,7	72,9
Относительная величина, %	49,5	20,2	15,4	69,7	37,5
Количество меда, выделяемое на общественное питание, кг	56,5	69,0	8,0	13,7	60,0
Относительная величина, %	17,5	8,9	1,35	1,52	30,9

⁹ Составлена по: ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 2496. Л. 53, 135; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 2717. Л. 55, 87; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 2916. Л. 7, 22; ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 1. Д. 3106. Л. 58, 238.

на производственные нужды. В связи с этим на производственные нужды за изучаемый период колхозы выделяли 15,4–69,7 % меда. Стоимость 1 кг по заготовительным ценам в послевоенный период (до 1952 г.) в среднем варьировалась от 2,8 до 3,0 руб., исключение составил 1952 г. – 43,4 руб./кг, в 1953 г. стоимость уменьшилась в 5 раз по сравнению с предыдущим годом.

Укрупнение колхозов продолжалось вплоть до 1953 г. Обесцениванию труда колхозников способствовало и начисление трудодней за работы, выполняемые для различных районных организаций. Выработка трудодней в годы войны увеличилась, однако вследствие уменьшения фондов распределения в колхозах выдача по ним в Удмуртской АССР сократилась в два раза [14]. По данным архивных документов, с 1946 по 1949 г. количество выданного меда за трудодни увеличилось в среднем в 7 раз в колхозах им. Войкова и «Горд Шеп», а в «Моторках» уменьшилось на 3,5 кг. Количество меда, выделяемого за трудодни, в укрупненном колхозе «Путь Социализма» с 1950 по 1951 г. уменьшилось на 86 кг.

По архивным документам, сезон 1950 / 1951 г. зарегистрирован неблагоприятным по метеорологическим условиям, в результате этого произошла большая гибель пчел весной 1951 г.¹⁰ В 1952 г. зафиксирована засуха¹¹, что отразилось на количестве собранного меда на одну пчелиную семью¹².

Негативные явления в сельском хозяйстве возникли в начале 1950-х гг. вследствие действия различных факторов, т. к. в 1949 г. началось сокращение трудовых ресурсов в связи с окончанием демобилизации и массовым оттоком сельского населения в промышленность. На развитии отрасли сказалась сильная засуха, которая продолжалась три года подряд, начиная с 1951 г.

С 1950 г. колхозные пасеки планово стали сдавать воск на перерабатывающий Сарапульский воскозавод. В этом же году пчелоконтрора Удмуртской АССР досрочно выполнила годовой план по изготовлению искусственной вошины¹³. Так, в 1951 г. колхоз «Маяк» с 24 пчелиных семей сдал 60 кг воска, такой же объем воска сдал колхоз «Путь Коммунизма» с 36 пчелиных семей. В следующем году колхоз «Путь Коммунизма» сдал воска меньше – всего 8,2 кг с 40 пчелиных семей, а в 1953 г. – 25 кг с 45 пчелиных семей.

В 1951–1952 гг. темпы увеличения бремени обложения налогами превысили темпы прироста сельхозпродукции, что негативно сказалось на экономике колхозов и материальном благосостоянии колхозников. Но главной причиной кризиса сельского хозяйства явилась низкая производительность подневольного и практически бесплатного труда

колхозников. В связи с этим все большему числу представителей партийно-государственной верхушки становилось ясно, что дальнейшее развитие отрасли на старых принципах невозможно. Чтобы двинуть ее вперед, необходимы были существенные перемены. Они начались после смерти И. В. Сталина [15].

Восстановление сельского хозяйства в послевоенные годы во многом зависело от состояния земледелия и растениеводства, поэтому особое внимание уделялось восстановлению посевных площадей [16]. Одним из препятствий на пути развития пчеловодства в послевоенные годы являлась кормовая база [17]. Из всего разнообразия высеянных культур в хозяйствах высевались следующие энтомофильные растения, которые формировали стабильную медоносную базу для развития пчеловодства: гречиха посевная (*Fagopyrum esculentum* M.), вика посевная (*Vicia sativa*), конопля посевная (*Cannabis sativa* L.), бобовые (горох, фасоль, чечевица), лен-долгунец (*Linum usitatissimum*), люцерна посевная (*Medicago sativa*).

Все вышеперечисленные культуры играют важную роль не только для пчеловодства, но в целом для народного хозяйства. Например, гречиха является ценной крупяной продовольственной культурой [18, с. 77–79; 19] и лучшим откормочным продуктом для птиц. Используется гречиха в лечебных целях (малокровие, желудочно-кишечные заболевания, заболевания нервной системы, почек). Гречиха, благодаря возделыванию позднего посева, может служить страховой культурой для пересева погибших озимых культур и ранних яровых. Пожнивные остатки гречихи более богаты фосфором и калием, чем жнивные злаковых и бобовых.

Температурный режим на территории Удмуртской АССР в летние месяцы соответствует биологическим требованиям гречихи. В послевоенный период в результате большого спроса на гречневую крупу увеличились площади под гречихой. Гречиха – медоносное растение, что способствовало развитию пчеловодства. С 1 га гречихи при благоприятных условиях сбора меда можно получить до 100 кг высококачественного продукта. Одновременно со сбором меда пчелы опыляют цветы гречихи, тем самым способствуют и увеличению урожайности. С целью повышения урожайности и получения меда каждому хозяйству, занимающемуся выращиванием гречихи, нужно иметь свою пасеку, и наоборот – хозяйствам, имеющим пчел, необходимо сеять гречиху [20, с. 5–10].

В кормопроизводстве для крупного рогатого скота используют бобовые: люцерну и вику посевные. Люцерна посевная занимает ведущее место среди многолетних трав благодаря ее ценным биологическим и кормовым достоинствам. По сравнению с другими бобовыми культурами

¹⁰ ЦГА УР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 34. Л. 16.

¹¹ ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 8. Д. 61. Л. 50.

¹² ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 8. Д. 89. Л. 75.

¹³ Хроника // Пчеловодство. 1950. № 2. С. 64.

(клевер, донник), она содержит больше переварного протеина, богата минеральными соединениями и витаминами [21, с. 70–71].

Конопля посевная использовалась для получения волокна (пеньки), из которой изготавливали ткани, морские канаты, веревки, парусину. Для скорейшего восстановления коноплеводства руководящими государственными органами были приняты постановления о необходимых мерах по подъему сельского хозяйства страны в целом и коноплеводства в частности, ставилась задача «увеличить посевные площади конопли и довести их в 1948 г. до 506 тыс. га» [22, с. 136].

Лен-долгунец – однолетнее травянистое растение до 60 см и более высотой. Цветет 5–10 дней. Лен дает пчелам поддерживающий взятки до 15 кг с га¹⁴. Стебель льна-долгунца использовался в качестве источника натуральных волокон для производства тканей, из семян делали масло и жмых [23].

В Удмуртской Республике лен-долгунец является главной технической культурой, единственным ежегодно возобновляемым источником экологически чистого текстильного сырья, позволяющим получать значительные экономические выгоды его производителям [24].

Структура посевных площадей энтомофильных культур основывается на потребностях животноводческого направления и продовольственных запросов. Изменяется под влиянием ценовой конъюнктуры на рынке зерна, масличных культур и продукции животноводства. Так, целесообразность развития кормовой базы зависит от размеров и состояния животноводческих отраслей, которые являются потребителями конечных результатов кормопроизводства [25].

Архивные данные о посевных площадях Большеучинского сельского совета показывают, что обнаружена тенденция увеличения посевов с 1946 по 1953 г. в среднем: гречихи – в 11 раз, конопли – в 2,5 раза, бобовых – в 1,5 раза, льна-долгунца – в 3,2 раза (рис.).

Это связано с изданием приказа «О мерах по обеспечению в 1950 году выполнения государственного плана развития пчеловодства в колхозах РСФСР»: колхозам, имеющим пасеки, рекомендовано производить посевы специальных медоносных растений на припасечных участках размером 3–5 га. Приказом также предусмотрено увеличение количества пчелиных семей, повышение продуктивности пчеловодства и использование пчел на опыление сельскохозяйственных культур¹⁵.

Выявлена тенденция роста посевов гречихи в послевоенные годы, в сравнении с довоенными годами, в 4,7 раза, что можно объяснить восполнением недостатка продовольственных круп [26]. В военные годы страна нуждалась в продовольствии, в связи с этим наибольшее количество

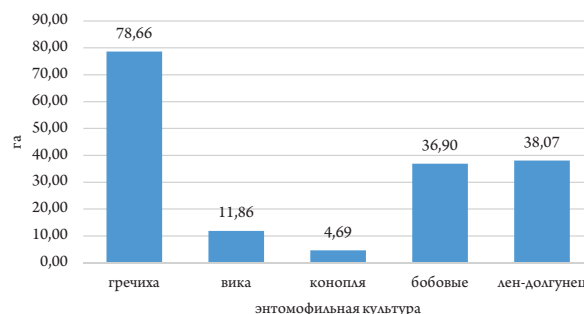

Рис. Средние значения посевных площадей, засеянных в Большеучинском сельском совете в 1946–1953 гг., га
Fig. Mean values of acreages in Bolshaya Ucha in 1946–1953, ha

площадей гречихи приходится на 1941–1945 гг. Пик ее посевов в Большеучинском сельском совете достиг в 1943 г. – 157,29 га. В 1944 г. выявлен незначительный спад посевов данной культуры (83,19 га), а в 1945 г. посевы достигли 139,1 га [10]. При этом незначительно снизились, в сравнении с довоенными годами, посевные площади посевов конопли в 1,3 раза, чечевицы – в 2 раза, бобовых – в 4,2 раза. Значительно сократились площади посевов льна-долгунца в данном сельском совете – с 127 (1938 г.) до 38 га [26].

С 1950-х гг. в Большеучинском сельском совете дополнительно высевались подсолнечник и бобовые (горох, бобы и др.). Количество посевных площадей энтомофильных сельскохозяйственных культур напрямую зависело от количества пчелиных семей, заметна стабильная и однородная ситуация в изучаемые годы. Сведения о пчеловодстве за 1947, 1948, 1950 г. Большеучинского района Большеучинского сельского совета в ЦГА УР отсутствуют. По метеорологическим наблюдениям большой ущерб сельскому хозяйству нанесла засуха 1946 г., которая весной и летом захватила значительную часть страны¹⁶ [17].

Заключение

Годы послевоенного сталинизма стали основой для дальнейшего развития страны, не исключением стала отрасль сельского хозяйства – пчеловодство. Прародитель современного племенного репродуктора по разведению пчел среднерусской породы ООО «Россия» – Большеучинский сельский совет Большеучинского района Удмуртской АССР – стал ярким примером становления и восстановления технологий содержания пчелиных семей, экономики отрасли и увеличения посевных площадей энтомофильных культур, что поддерживалось государством на всех уровнях. Развитие колхозов шло неравномерно. Среди факторов, снижающих темпы развития, были нарушение принципа материальной заинтересованности пчеловодов в развитии производства, низкая

¹⁴ Лен-медонос. Режим доступа: <https://ylejbees.com/index.php/medonosy/591-len-polevyje-medonosy> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁵ В министерстве сельского хозяйства РСФСР // Пчеловодство. 1950. № 5. С. 317.

¹⁶ ЦГА УР. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 1364. Л. 56.

трудовая дисциплина, не везде был хорошо организован труд на пасеках. На развитие пчеловодства повлияла недостаточность квалифицированных кадров на колхозных пасеках, т. е. к руководству пчеловодством пришли люди, не получившие специального образования и без надлежащей практики, которые не обеспечили плана развития пчеловодства. Для эффективности управления в начале 1950-х гг. колхозы укрупняли, сохранялась традиция выделять мед на нужды общественного питания, фонд помощи инвалидам и сиротам. В 1950 г. по итогам социалистического соревнования пчеловодов республики Советом Министров Удмуртской АССР Можгинскому району, занявшему третье

место, была присуждена денежная премия¹⁷. Таким образом, в послевоенные годы в условиях нынешнего Можгинского района Удмуртии сложились благоприятные условия для развития пчеловодства и создания закладки племенного репродуктора среднерусской породы пчел.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Поляков Н. Ф. Послевоенное время: реформа сельскохозяйственного налога и денежная реформа // Налоговая политика и практика. 2013. № 9. С. 24–25.
2. Справочник пчеловода / под ред. А. М. Ковалева. М.: Гос. изд-во с.-х. лит., 1949. 400 с.
3. Кимерлинг А. С. Борьба за урожай: мобилизационные кампании в деревне в 1946–1953 годах (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 4. С. 109–118. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-4-109-118
4. Мотревич В. П. Валовая продукция сельского хозяйства на Урале в послевоенные годы // Аграрный вестник Урала. 2015. № 2. С. 36–40.
5. Воробьева С. Л., Федорова А. С. Анализ селекционных признаков среднерусской породы пчел и их помесей в Удмуртской Республике // Вестник Ижевской ГСХА. 2020. № 2. С. 18–24. DOI: 10.48012/1817-5457_2020_2_18
6. Брандорф А. З., Ивойлова М. М. Методическое руководство по проведению селекционно-племенной оценки медоносных пчел среднерусской породы. Киров: НИИСХ Северо-Востока, 2015. 40 с.
7. Бородачев А. В. Породы пчел для разведения в России. Рыбное: НИИ пчеловодства, 1997.
8. Кривцов Н. И., Сокольский С. С. Породы пчел. Сочи, 2001. 25 с.
9. Вичужанин А. Г., Мокрецова Н. Д. Я люблю тебя, «Россия»: история развития ООО «Россия» Можгинского района Удмуртской Республики. Ижевск: Удмуртия, 2009. 279 с.
10. Колбина Л. М., Осокина А. С. Оценка отрасли пчеловодства в годы Великой Отечественной войны на примере Большеучинского сельсовета Удмуртской АССР // Аграрная наука. 2021. № 1. С. 144–146. DOI: 10.32634/0869-8155-2021-344-1-144-146
11. Иньшин С. Я. Пчеловодство в послевоенные годы // Пчеловодство. 1987. № 11. С. 15–16.
12. Колбина Л. М., Осокина А. С. Пчеловодство в Большеучинском сельском совете с 1937 по 1941 годы // Пчеловодство. 2021. № 2. С. 56–59.
13. Розов С. А. Укрупнение колхозов – новый стимул для дальнейшего развития пчеловодства // Пчеловодство. 1950. № 11. С. 6–7.
14. Мотревич В. П. Хлеб Оренбуржья: динамика зернового производства в Чкаловской области в послевоенные годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3. С. 130–141. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.12
15. Ильиных В. А. Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири // Экономическая история: ежегодник. 2009. Т. 2009. С. 374–409.
16. Мотревич В. П. Восстановление сельского хозяйства на Урале в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Аграрный вестник Урала. 2012. № 4. С. 23–26.
17. Ищенко Ю. В. Состояние некоторых отраслей сельскохозяйственного производства в послевоенный период на материалах Саратовской и Сталинградской областей // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2015. № 5. С. 98–105.
18. Фархутдинов Р. Г., Туктаров В. Р., Ишемгулов А. М. Медоносные ресурсы. Уфа: Башкирский ГАУ, 2010. 100 с.
19. Семькин В. А., Оксененко И. А., Пигорев И. Я., Гугало В. П., Коротченков Ю. А. Приемы возделывания гречихи на темно-серых почвах Центрального Черноземья // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2008. № 5. С. 52–58.
20. Антонов Н. А. Гречиха в Предуралье. Ижевск: Удмуртия, 1978. 180 с.

¹⁷ Хроника // Пчеловодство. 1950. № 4. С. 64.

21. Савин А. П., Докукин Ю. В. Технологии возделывания основных медоносных культур. Рязань: Рязоблтипография, 2010. 110 с.
22. Серков В. А., Смирнов А. А., Александрова М. Р. История коноплеводства в России // Масличные культуры. Научно-технический бюллетень Всероссийского научно-исследовательского института масличных культур. 2018. № 3. С. 132–141. DOI: 10.25230/2412-608X-2018-3-175-132-141
23. Голуб И. А. Перспективы возделывания и переработки льна-долгунца в республике Беларусь // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. 2017. № 3. С. 91–98.
24. Пименова Н. Б. Формирование эффективно функционирующей производственной инфраструктуры отрасли льноводства (на материалах Удмуртской Республики): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ижевск, 2005. 24 с.
25. Зубахин А. М., Воробьев С. П., Воробьева В. В. Оценка медового запаса как фактора эффективности размещения пчеловодства в регионе (на материалах Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2012. № 2. С. 109–113.
26. Колбина Л. М., Осокина А. С. Колхозное пчеловодство Можгинского района Удмуртии в 1930-е годы // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. № 1. С. 109–120. DOI: 10.24411/2076-8176-2021-11005

original article

Honey Bee Farming in the Udmurt ASSR in the Latter Half of the 1940s – Early 1950s

Lidia M. Kolbina

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Izhevsk; <https://orcid.org/0000-0002-6954-559X>; lidakolbina@yandex.ru

Anastasia S. Osokina

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Izhevsk; <https://orcid.org/0000-0001-9452-139X>

Received 4 May 2021. Accepted 7 Jun 2021.

Abstract: The article traces the history of the Central Russian honey bee breeding station in the Udmurt ASSR after World War II. The research objective was to determine the main trends and results of beekeeping in the Bolshaya Ucha rural area in the postwar years. The research involved a retrospective analysis of archival materials and annual reports of bee farms. The development of collective-farm beekeeping proved uneven because of poor motivation, labor discipline, and management. In May 1950, the local collective farms merged together to create more favorable working conditions. The reform improved labor productivity, increased mechanization of the most labor-intensive production processes, and lowered production costs. It also developed favorable conditions for the future Central Russian bee breeding farm.

Keywords: archive, report, collective farm, beekeeping, bee hive, honey, planted acreage

Citation: Kolbina L. M., Osokina A. S. Honey Bee Farming in the Udmurt ASSR in the Latter Half of the 1940s – Early 1950s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 341–349. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-341-349>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Polyakov N. F. The time of Post-war: reform agricultural tax and monetary reform. *Nalogovaia politika i praktika*, 2013, (9): 24–25. (In Russ.)
2. *Beekeeper's guide*, ed. Kovalev A. M. Moscow: Gos. izd-vo s.-kh. lit., 1949, 400. (In Russ.)
3. Kimerling A. S. Fight for yield: mobilization campaigns in village in 1946–1953 (on the example of Molotov region). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2017, (4): 109–118. (In Russ.) DOI: 10.17072/2219-3111-2017-4-109-118
4. Motrevich V. P. Gross agricultural output in Ural in the postwar years. *Agrarium Bulletin of the Urals*, 2015, (2): 36–40. (In Russ.)

5. Vorobiova S. L., Fyodorova A. S. Analysis of breeding characters of Central Russian breed of bees and their crosses in the Udmurt Republic. *Vestnik Izhevskoj GSKHA*, 2020, (2): 18–24. (In Russ.) DOI: 10.48012/1817-5457_2020_2_18
6. Brandorf A. Z., Ivoilova M. M. *The methodological guidelines for conducting selection and breeding evaluation of honeybees of the Central Russian breed*. Kirov: NIISKh Severo-Vostoka, 2015, 40. (In Russ.)
7. Borodachev A. V. *The breeds of bees for breeding in Russia*. Rybnoe: NII Pchelovodstva, 1997. (In Russ.)
8. Krivtsov N. I., Sokolsky S. S. *The bee breeds*. Sochi, 2001, 25. (In Russ.)
9. Vichuzhanin A. G., Mokretsova N. D. *I love you, "Russia": the history of the development of LLC "Russia" Mozhginsky district of the Udmurt Republic*. Izhevsk: Udmurtia, 2009, 279. (In Russ.)
10. Kolbina L. M., Osokina A. S. Estimation of the beekeeping industry during the Great Patriotic War on the example of the Bolsheuchinsky village soviet of the Udmurt ASSR. *Agrarian science*, 2021, (1): 144–146. (In Russ.) DOI: 10.32634/0869-8155-2021-344-1-144-146
11. Inshin S. Ia. Beekeeping in the post-war years. *Pchelovodstvo*, 1987, (11): 15–16. (In Russ.)
12. Kolbina L. M., Osokina A. S. Beekeeping in the Bolsheuchinsky village council of the Udmurtian ASSR from 1937 to 1941. *Pchelovodstvo*, 2021, (2): 56–59. (In Russ.)
13. Rozov S. A. The consolidation of collective farms – a new incentive for the further development of beekeeping. *Pchelovodstvo*, 1950, (11): 6–7. (In Russ.)
14. Motrevich V. P. Bread of the Orenburg region: dynamics of grain production in Chkalov region during the post-war years (1946–1960). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2018, (3): 130–141. (In Russ.) DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.12
15. Il'yinyh V. A. Agrarian policy of the Soviet state and agriculture of Siberia. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik*, 2009, 2009: 374–409. (In Russ.)
16. Motrevich V. P. Restoration of agriculture in the Urals in the early postwar years (1946–1950). *Agrarium Bulletin of the Urals*, 2012, (4): 23–26. (In Russ.)
17. Ishchenko Y. V. Condition of some branches of agricultural production during the post-war period on materials of the Saratov and Stalingrad areas. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki*, 2015, (5): 98–105. (In Russ.)
18. Farkhutdinov R. G., Tuktarov V. R., Ishemgulov A. M. *Honey farming resources*. Ufa: Bashkirskii GAU, 2010, 100. (In Russ.)
19. Semykin V. A., Oksenenko I. A., Pigorev I. Ya., Gugalo V. P., Korotchenkov Yu. A. The methods of cultivation buckwheat on dark gray soils of the Central Chernozem region. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skhozaystvennoj akademii*, 2008, (5): 52–58. (In Russ.)
20. Antonov N. A. *The buckwheat in the Urals*. Izhevsk: Udmurtia, 1978, 180. (In Russ.)
21. Savin A. P., Dokukin Yu. V. *Technology of cultivation of the main honey crops*. Riazan: Riazobltpografiya, 2010, 110. (In Russ.)
22. Serkov V. A., Smirnov A. A., Alexandrova M. R. The history of hemp in Russia. *Maslichnye kultury. Nauchno-tekhnicheskii biulleten Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta maslichnykh kultur*, 2018, (3): 132–141. (In Russ.) DOI: 10.25230/2412-608X-2018-3-175-132-141
23. Golub I. A. Aspects of cultivation and processing of fiber flax in the Republic of Belarus. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Agrarian Series*, 2017, (3): 91–98. (In Russ.)
24. Pimenova N. B. *Formation of an effectively functioning production infrastructure of the flax industry (based on the materials of the Udmurt Republic)*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Izhevsk, 2005, 24. (In Russ.)
25. Zubakhin A. M., Vorobyov S. P., Vorobyova V. V. Assessment of the honey stock as a factor of the efficiency of beekeeping placement in the region (based on the materials of the Altai territory). *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2012, (2): 109–113. (In Russ.)
26. Kolbina L. M., Osokina A. S. Collective-farm beekeeping of the Mozhga Raion of Udmurtia in the 1930s. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 2021, 13(1): 109–120. (In Russ.) DOI: 10.24411/2076-8176-2021-11005

оригинальная статья

УДК 93/94+327.5

Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011–2020 гг.)

Оксана Геннадьевна Лекаренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск; <https://orcid.org/0000-0003-2421-5869>; olekarenko@gmail.com

Кирилл Викторович Гостев

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

Поступила в редакцию 04.03.2021. Принята в печать 13.04.2021.

Аннотация: Цель – выявить особенности участия Организации Североатлантического договора (НАТО) и Европейского союза (ЕС) в урегулировании ливийского кризиса. Для достижения поставленной цели были проанализированы резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, отчеты генерального секретаря НАТО, документы ЕС и агентства «Фронтекс», статистика, речи европейских политиков, публикации в западной прессе и мировых информационных агентствах. В статье рассмотрена реакция международного сообщества на подавление мирных демонстраций в Ливии. Исследованы причины, по которым США и страны Европы доверили проведение военной операции Североатлантическому альянсу. Подведены итоги деятельности НАТО в Ливии. Проанализированы инструменты политики ЕС в Ливии, проведена оценка их эффективности. Установлено, что разногласия между странами-членами ЕС не только помешали Союзу проводить самостоятельную и последовательную политику в Ливии, но и затруднили реализацию мероприятий, о которых удалось договориться. Выявлено, что в условиях отсутствия активной позиции США, сворачивания деятельности НАТО и слабости ЕС лидерство в урегулировании ливийского кризиса перешло к отдельным государствам. Сделан вывод: ливийский кризис подтверждает тезис о том, что в регионе Ближнего Востока и Северной Африки между НАТО и ЕС сложилась четкая дифференциация ролей, при которой НАТО берет на себя решение военных задач, а Европейский союз – осуществление миротворческой деятельности. Проведенное исследование вносит вклад в понимание специфики общего сотрудничества НАТО и ЕС в вопросах обеспечения безопасности.

Ключевые слова: «арабская весна», военные операции, гражданские миссии, евроатлантическая безопасность, «коалиция желающих», Ливия, миротворчество

Цитирование: Лекаренко О. Г., Гостев К. В. Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011–2020 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 350–359. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-350-359>

Введение

В феврале 2011 г. волна народных выступлений, обрушившая политические режимы в Тунисе и Египте, добралась до северо-восточных провинций Ливии. Жестокое подавление мирных демонстраций ливийским правящим режимом стало причиной международного вмешательства в ливийский кризис. Военная операция в Ливии (март–октябрь 2011 г.), руководство которой взяла на себя Организация Североатлантического договора (НАТО), привела к свержению режима М. Каддафи и переходу власти к повстанческим группировкам. После окончания военной операции ситуация в Ливии оставалась нестабильной, страна остро нуждалась в поддержке международного сообщества для возвращения к мирной жизни. Ведущую роль в оказании помощи ливийским властям взял на себя Европейский союз (ЕС), который предоставил гуманитарную помощь народу Ливии, а также развернул несколько гражданских миссий в регионе.

Ливийский кризис, который все еще далек от завершения, вызывает пристальное внимание научного сообщества.

Исследователей интересуют как внутренние, так и внешние факторы, повлиявшие на его развитие, причины и последствия кризиса не только для Ливии, но и для всего региона в целом, интересы и участие различных акторов в урегулировании ситуации в Ливии. В научной литературе рассмотрены такие сюжеты, как легитимность действий НАТО в Ливии [1–3], побудительные мотивы участников военной интервенции и последствия военной операции НАТО для будущего альянса и трансатлантических отношений в целом [4–7]. Авторы, изучающие политику ЕС в Ливии, акцентируют свое внимание на таких вопросах, как уровень координации усилий стран-членов Союза в ее реализации [8–10], миграционная политика ЕС и эффективность военно-морских операций [11–14].

В статье анализируются особенности участия НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса. Данный анализ вносит вклад в понимание специфики сотрудничества НАТО и ЕС в вопросах обеспечения безопасности.

Операция «Объединенный защитник»

Ливийский кризис начался 16 февраля 2011 г. на востоке страны в г. Бенгази, население которого вышло на мирную демонстрацию в знак протеста против ареста правозащитника. В скором времени протесты распространились по всей территории и достигли столицы Ливии – г. Триполи, мирные демонстрации переросли в организованное повстанческое движение, образовалась формальная оппозиционная группа – Переходный национальный совет. Все это создавало угрозу для режима М. Каддафи, правившего страной на протяжении 42 лет. С самого начала ливийский лидер был настроен на быструю и решительную расправу с народным движением. По его распоряжению силы безопасности и наемники из соседних стран стреляли без разбора по безоружным протестующим.

Жесткая реакция полковника М. Каддафи на протесты в районе Бенгази вызвала возмущение международного сообщества в лице Организации Объединенных Наций (ООН) и таких региональных организаций, как Африканский союз, Лига арабских государств, Организация Исламская конференция. 26 февраля 2011 г. Совет Безопасности (СБ) ООН единогласно принял резолюцию 1970, осуждающую «насилие и применение силы в отношении гражданских лиц» в Ливии, «грубые и систематические нарушения прав человека, включая подавление мирных демонстраций»¹. Резолюция требовала немедленного прекращения насилия и санкционировала применение следующих мер: передача вопроса о ситуации в Ливийской Арабской Джамахирии на рассмотрение Международного уголовного суда, введение эмбарго на поставку вооружений в Ливию, запрет на поездки в страны-члены ООН родственников М. Каддафи и лиц, тесно связанных с режимом, заморозка их финансовых активов. После принятия резолюции начались переговоры о создании бесполетной зоны над территорией Ливии.

Поскольку репрессии в Ливии продолжались, в ООН решили руководствоваться положением, если государство не способно или не хочет обеспечить безопасность своих граждан, то это становится ответственностью международного сообщества. 17 марта 2011 г. была принята резолюция 1973, которая уполномочила государства-члены ООН, действуя «самостоятельно или через региональные организации или соглашения», принять все необходимые меры для защиты гражданского населения Ливии². Резолюция ввела запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливии. Из стран-членов СБ ООН десять проголосовали за принятие резолюции, пять – воздержались (ФРГ и страны БРИК – РФ, КНР, Индия и Бразилия). На следующий день президент Франции Н. Саркози дал зеленый свет односторонним французским воздушным ударам по силам

М. Каддафи,двигающимся к Бенгази. Военная операция началась 19 марта серией воздушных ударов по Ливии. В тот же день Франция организовала Парижский саммит для планирования военных действий с союзниками.

Изначально военная операция в Ливии проводилась силами «коалиции желающих», в которой главную роль играли Франция, Великобритания, США и их союзники. Всего в операции участвовало 28 стран (в том числе 14 стран-членов НАТО), из которых только 8 наносили воздушные удары по Ливии. Создание «коалиции желающих» объяснялось необходимостью быстрой ответной реакции на ситуацию в Ливии, однако уже 31 марта 2011 г. военное командование и контроль за проведением операции были переданы НАТО. Операция Североатлантического альянса в Ливии получила название «Объединенный защитник».

Все три страны, возглавившие операцию, – США, Великобритания и Франция (недавно вернувшаяся в военную организацию НАТО) – являлись постоянными членами СБ ООН и голосовали за принятие резолюции 1973. Однако американский президент Б. Обама, который в ходе своей предвыборной кампании обещал вывести американские войска из зон международных конфликтов и избегать односторонних действий в будущем, вначале колебался в отношении военного вмешательства, которое могло бы стать третьей по счету интервенцией США в исламскую страну (после Афганистана и Ирака). Ливийский кризис не представлял непосредственной угрозы интересам национальной безопасности США, в отличие от европейских стран, учитывая географическую близость Ливии к Европе и планы М. Каддафи разорвать контракты ливийской Национальной нефтяной корпорации с европейскими компаниями, включая такого крупного гиганта, как «Бритиш петролеум» [6, р. 86]. Правительство США поддержало применение военных мер только после того, как Лига арабских государств потребовала от ООН немедленных действий для прекращения насилия в Ливии.

Администрация Б. Обамы склонялась в пользу проведения операции европейскими странами при поддержке союзников НАТО из Лиги арабских государств, т. е. создания расширенной «коалиции желающих» под руководством Североатлантического альянса по типу коалиции в Афганистане. В ходе интервенции в Ливию США предоставили свои военные активы, без которых операция «Объединенный защитник» вряд ли бы завершилась успешно, но предпочли передать политическое руководство европейским странам, ограничившись закулисным участием. Так правительство Б. Обамы вынудило европейские страны признать свою региональную ответственность и взять на себя лидерство в урегулировании кризиса. Президент

¹ Резолюция 1970 (2011), принятая СБ ООН на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1970\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1970(2011)) (дата обращения: 12.12.2020).

² Резолюция 1973 (2011), принятая СБ ООН на его 6498-м заседании 17 марта 2011 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)) (дата обращения: 12.12.2020).

Франции Н. Саркози изначально выступал за проведение операции под эгидой ЕС с руководящей ролью Франции и Великобритании. Европейское решение позволило бы Франции укрепить свое лидерство в ЕС, добиться большей независимости Европы от США и не обострять отношения Франции с арабскими государствами [1, р. 373].

Ливийский кризис 2011 г. стал вызовом для Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, в очередной раз актуализировав вопрос о том, будет ли ЕС играть более весомую роль в мировой политике помимо использования своей «мягкой силы». Лидерским потенциалом в ЕС обладали только две страны – Великобритания и Франция. В ноябре 2010 г. они заключили договор о сотрудничестве в области обороны и безопасности, понимая, что смогут добиться статуса глобальных игроков только при объединении ресурсов в ряде стратегически важных областей. По мнению западных исследователей, ливийский кризис 2011 г. подтвердил неэффективность ОПБО ЕС. Начиная с кризиса на Балканах 1990-х гг., ЕС поставил перед собой задачу создания мобильных вооруженных сил для урегулирования кризисов средней интенсивности, подобных ливийскому, на территории самой Европы или ее непосредственной периферии, действуя автономно или в сотрудничестве с НАТО. Однако вариант проведения операции в рамках ОПБО даже не рассматривался европейскими странами [5, р. 405, 407–408].

На заседании Европейского совета 11 марта 2011 г. Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон выступила против упоминания военной операции в коммюнике. Правительство ФРГ не поддерживало военное вторжение в Ливию в принципе. Еще важнее было отсутствие политической воли и разрыв между желанием ЕС играть активную роль в мировой политике и реальными возможностями для проведения военных операций. После провала на заседании Европейского совета Н. Саркози безуспешно пытался продвинуть идею франко-британской миссии в Ливии в соответствии с двусторонним договором 2010 г., однако столкнулся с тем, что США рассматривали в качестве потенциального лидера Великобританию. В свою очередь британский лидер Д. Кэмерон считал, что операцией может руководить только НАТО, особенно ввиду закулисного участия США.

Поскольку Франция и Великобритания не обладали достаточными военными возможностями, а США не хотели возглавлять операцию, выбор НАТО стал очевиден, что повлияло на позицию Франции, которая в конечном итоге согласилась на передачу командования Североатлантическому альянсу. По сравнению с другими организациями, НАТО обладала хорошо развитой командной и контрольной структурой, необходимой для проведения военной операции. Альянс располагал

материальными и организационными возможностями для нанесения быстрых ударов, а также мог предоставить форум для переговоров, что облегчало процесс принятия решений между партнерами по коалиции (последнее было особенно важным для таких сравнительно небольших государств, как Бельгия, Нидерланды, Дания). Заметную роль в выборе Североатлантического альянса сыграла активная роль генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена. Поскольку США не располагали возможностями и желанием мобилизовать поддержку для односторонних действий, правительство Б. Обамы было заинтересовано в том, чтобы быстро превратить военную операцию в Ливии в операцию под руководством НАТО, в которой США могли бы оставаться за кулисами. Вовлеченность НАТО, таким образом, придавала легитимность американскому участию в интервенции [1, р. 368–379].

Операция «Объединенный защитник» не была в полном смысле слова операцией альянса как организации. НАТО стала механизмом для создания «коалиции желающих». Хотя 27 марта страны-члены Североатлантического альянса приняли единогласно решение передать командование и контроль за проведением операции НАТО, только половина членов альянса принимали в ней участие. Другие по разным причинам не поддерживали проведение операции под эгидой НАТО или предпочли остаться в стороне. ФРГ была против военного вмешательства в принципе. Польша считала, что мало получила от альянса за поддержку в Афганистане и Ираке. Турция выступала за автономные действия в ключевых районах бывшей Османской империи. По сути операция «Объединенный защитник» стала франко-британской операцией, в которой Франция и Великобритания нанесли половину воздушных ударов. Операционный контроль осуществлялся через Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Политическое руководство по инициативе Франции, которая хотела держать НАТО подальше, развивалось как неформальное трехстороннее партнерство Парижа, Лондона и Вашингтона.

Хотя в резолюции СБ ООН 1973 не было мандата на смену политического режима в Ливии, очень скоро именно свержение М. Каддафи стало целью многих участников коалиции. В конце марта 2011 г. международная контактная группа по Ливии призвала М. Каддафи отказаться от власти и покинуть страну. 14 апреля 2011 г. в западных газетах появилась совместная статья лидеров США, Великобритании и Франции, которая давала понять, что НАТО будет продолжать операцию и оказывать давление на режим до тех пор, пока М. Каддафи находится у власти³. 20 октября 2011 г. авиация НАТО нанесла удары по конвою ливийского лидера в пригороде Сирта. При попытке вырваться из осажденного Сирта М. Каддафи попал в плен к повстанцам и погиб

³ Obama B., Cameron D., Sarkozy N. Libya's Pathway to Peace // The New York Times. 14.04.2011. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2011/04/15/opinion/15iht-edlibya15.html> (дата обращения: 14.12.2020).

в результате учиненного над ним самосуда. 27 октября 2011 г. СБ ООН принял резолюцию 2016 о прекращении действий, предусмотренных ранее принятыми резолюциями по Ливии⁴. Операция НАТО закончилась 31 октября 2011 г.

Таким образом, на последнем этапе операции «Объединенный защитник» участники коалиции, не ограничиваясь защитой гражданского населения страны, поддерживали одну из сторон конфликта, что выразилось в политической поддержке повстанцев, снабжении и координации действий с ними, контактах с Переходным национальным советом (ПНС) и его признании как единственного легитимного представителя народа Ливии. Как отмечают некоторые западные исследователи, то, что коалиция нарушила принцип беспристрастности и вышла за пределы мандата ООН, подорвало доверие к гуманитарным интервенциям, проводимым западными странами [2, p. 169–170]. Уже при обсуждении ситуации в Сирии в СБ ООН не было такого единодушия, как в отношении ливийского кризиса.

Миссии ЕС в Ливии

После сворачивания операции «Объединенный защитник» присутствие НАТО в Ливии сократилось до минимума, и вплоть до военной кампании, направленной против террористической организации «Исламское государство» в 2015–2016 гг., его проявлений практически не наблюдалось. Происходили единичные эпизоды взаимодействия НАТО с ливийскими властями, такие как согласие НАТО создать группу специалистов-консультантов по оборонному институциональному строительству в ответ на просьбу премьер-министра Ливии Али Зейдана в октябре 2013 г.⁵ При администрации Д. Трампа в США возобновилась внутренняя дискуссия о судьбе Ливии, которая, однако, не привела к существенным сдвигам. Американская политика по отношению к ливийскому кризису, который наносил минимум ущерба национальным интересам, оставалась пассивной и исходила из понимания, что его должны решать те, кого он напрямую затрагивает [15, p. 55–57; 16].

Начиная с осени 2011 г. Ливия вступила в период послевоенного мирного строительства, в котором инициативу помощи перехватил ЕС, действующий через механизм ОПБО. Власть в стране перешла к Переходному национальному совету, который в августе 2012 г. передал полномочия избранному Всеобщему национальному конгрессу (ВНК). 31 октября 2012 г. ВНК сформировал новое правительство,

но в феврале 2014 г. в правительстве произошел раскол, положивший начало следующему этапу гражданской войны.

События «арабской весны», охватившей регион Северной Африки, привели к эволюции политики ЕС по отношению к южным соседям. Новым приоритетом стало управление потоками мигрантов из Ливии (причем не только потоками ливийцев, т. к. из-за последствий гражданской войны контроль Триполи над собственными границами сильно ослаб). Естественная потребность Европейского союза заключалась в стабилизации горячей точки в соседнем регионе. Наконец, тревогу вызывало наличие в охваченной конфликтом Ливии химического оружия⁶.

Реагируя на развитие кризиса в Ливии, ЕС задействовал два важных инструмента: механизм гражданской защиты и оказание гуманитарной помощи. Благодаря механизму гражданской защиты в конце февраля – начале марта 2011 г. из Ливии было эвакуировано около 5,8 тыс. граждан ЕС⁷. За 2011 г., по данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), одна только Европейская комиссия выделила 18,9 млн долларов гуманитарной помощи (почти четверть всех денег, которые прошли через Управление, и почти вчетверо больше финансовой помощи со стороны США). По данным ЕС, на 11 января 2012 г. Ливия получила от Еврокомиссии и стран-членов ЕС гуманитарную помощь на общую сумму 158,7 млн евро. Таким образом, с самого начала кризиса ЕС взял на себя роль крупнейшего донора и миротворца [8].

О том, что основная роль Европейского союза в Ливии состоит не в военной, а в миротворческой деятельности, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон заявила еще в марте 2011 г. на страницах газеты «Нью Йорк таймс». К. Эштон выдвинула принцип «трех М», на которых должна была строиться работа ЕС в Ливии в частности и в охваченной «арабской весной» Северной Африке в целом. Принцип «трех М» включал «деньги, доступ к рынкам и мобильность» (по-английски: *money, market access, mobility*). Тем самым представитель ЕС дала понять правительству США, что полномасштабного военного вмешательства со стороны ЕС ждать не стоит⁸.

Первым шагом ЕС после завершения военной операции НАТО стало открытие собственного представительства в Ливии. 12 ноября 2011 г. К. Эштон на церемонии открытия Представительства ЕС в Триполи подтвердила приверженность ЕС народу Ливии и его стремление тесно

⁴ Резолюция 2016 (2011), принятая СБ ООН на его 6640-м заседании 27 октября 2011 г. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/2016\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2016(2011)) (дата обращения: 14.12.2020).

⁵ The Secretary-General's Annual Report 2013 // NATO Public Diplomacy Division. 2014. P. 9–11. Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/stock_publications/20140123_SG_AnnualReport_2013_en.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

⁶ UN urges Libya to track down missing weapons // France24. 01.11.2011. Режим доступа: <https://www.france24.com/en/20111101-united-nations-urges-libya-track-down-missing-shoulder-weapons-destroy-chemical> (дата обращения: 16.02.2021).

⁷ European Commission. Humanitarian Aid and Civil Protection. Libyan Crisis. 2012. Режим доступа: https://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/libya_factsheet.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

⁸ Ashton C. What next in North Africa? // The New York Times. 18.03.2011. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2011/03/19/opinion/19iht-edashton19.html> (дата обращения: 17.02.2021).

сотрудничать с Ливией как во время переходного периода, так и на долгосрочной основе⁹. Ключевым инструментом сотрудничества ЕС и Ливии в последующий период стали разного рода гражданские миссии и операции, в которых присутствовал значительный гражданский компонент.

Было бы неверным утверждать, что ЕС совсем не предпринимал попыток организовать собственную военную операцию в Ливии, которая носила бы комплементарный характер по отношению к операции НАТО. Предполагалось, что такой миссией может стать EUFOR Libya, учрежденная 1 апреля 2011 г. решением Совета ЕС в рамках ОПБО. В задачи миссии входило оказание всесторонней поддержки различным гуманитарным агентствам на территории Ливии и обеспечение безопасной эвакуации беженцев¹⁰.

Вопреки намерениям ее архитекторов, миссия EUFOR Libya обернулась провалом и продемонстрировала неспособность ОПБО в ее настоящем виде к самостоятельным действиям. Грубые ошибки были допущены даже не на стадии планирования, а на стадии концептуального оформления миссии. В частности, существовало противоречие между характером миссии и ее задачами. Де-юре EUFOR Libya являлась военной операцией, но преследовала политические и гуманитарные цели. Стратегический контроль миссией осуществляли органы ОПБО ЕС – Комитет политики и безопасности, Военный комитет. При этом миссия была поставлена в зависимость от Управления ООН по координации гуманитарных вопросов и не могла действовать без его согласия.

Нейтральный характер гуманитарных миссий ООН является одним из принципов деятельности данной организации, что постоянно подчеркивается в средствах массовой информации и в документах ООН. Неудивительно, что согласия УКТВ руководство EUFOR Libya так и не дождалось, ведь вмешательство военных могло вызвать недоверие со стороны местного населения и поставить под угрозу всю миротворческую деятельность в стране [9]. Наиболее близка к проведению самостоятельной полевой операции EUFOR Libya была летом 2011 г. во время боев за г. Мисрата, когда власти Германии выразили принципиальное согласие на отправку в Ливию своих вооруженных сил, однако против выступила ООН по указанной выше причине [17].

Из числа миссий и операций ЕС в Ливии наиболее масштабными стали совместные морские операции в Средиземном море, разворачиваемые усилиями Агентства по защите внешних границ ЕС «Фронтекс». Начало морским операциям было положено 20 февраля 2011 г., когда по просьбе министерства внутренних дел Италии была срочно развернута операция «Гермес». В задачи «Гермеса» входили перенаправление потоков беженцев из Северной Африки (главным образом из Туниса и Ливии) в сторону временного лагеря на острове Лампедуза¹¹ и предотвращение нелегальной миграции в Италию. Важнейшим компонентом операции являлись спасательно-поисковые мероприятия. По состоянию на 2012 г. в составе «Гермеса» насчитывалось 15 судов (все – итальянские), 4 самолета и 2 вертолета из Исландии, Италии, Португалии, Испании и Польши¹². В 2014 г. на смену «Гермесу» пришла операция «Тритон», а в 2018 г. ее заменила «Фемида». «Тритон» в последние месяцы существования насчитывал 3 разведывательных самолета, 9 судов, 2 вертолета и 7 команд, занимающихся сбором и обработкой данных о маршрутах нелегальной миграции [11]. Мандат «Фемиды» был расширен за счет правоохранительного компонента (борьба с нелегальной торговлей оружием и контрабандой наркотиков, противодействие терроризму). Кроме того, появилось требование доставлять спасенных мигрантов в ближайший порт страны ЕС, а не в ближайший итальянский порт, как это обстояло ранее¹³.

Важно отметить, что операции Агентства «Фронтекс» не относятся к операциям в рамках ОПБО и не требуют согласования со странами-членами ЕС благодаря юридической, административной и финансовой автономии Агентства. С другой стороны, область их применения ограничивается общими задачами Агентства, а именно охраной сухопутных и морских границ Шенгенской зоны в дополнение к соответствующим функциям стран-членов Союза¹⁴.

В апреле 2015 г. в поддержку операции «Тритон» в рамках ОПБО стартовала операция EUNAVFOR MED Sophia («София»), действовавшая уже непосредственно в международных и ливийских водах. «София» предполагала противодействие нелегальной миграции, включая задержание судов предполагаемых контрабандистов,

⁹ EU High Representative Catherine Ashton Visits Tripoli and Opens European Union Delegation // European Commission Press Release. 12.11.2011. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_11_1340 (дата обращения: 17.02.2021).

¹⁰ Council Decision 2011/210/CFSP of 1 April 2011 on a European Union Military Operation in Support of Humanitarian Assistance Operations in Response to the Crisis Situation in Libya (EUFOR Libya). OJ L 89, 5.4.2011. P. 17–20. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32011D0210> (дата обращения: 17.02.2021).

¹¹ Statement by Commissioner Malmström Announcing the Launch of the Frontex Operation "Hermes" in Italy on 20 February 2011. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_11_98 (дата обращения: 17.02.2021).

¹² Frontex Evaluation Report 2012. EPN Programme JO Hermes 2012. P. 4–6. Режим доступа: https://www.asktheeu.org/en/request/1674/response/6081/attach/13/FER%20HERMES%202012.pdf?cookie_passthrough=1 (дата обращения: 17.02.2021).

¹³ Scherer S. In New EU Sea Mission, Ships not Obligated to Bring Migrants to Italy // Reuters. 02.02.2018. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-europe-migrants-italy-idUSKBN1FL62M> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁴ Regulation (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council of 13 November 2019 on the European Border and Coast Guard and repealing Regulations (EU) No 1052/2013 and (EU) 2016/1624. PE/33/2019/REV/1. OJ L 295, 14.11.2019. P. 1–131. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1573722151667&uri=CELEX:32019R1896> (дата обращения: 17.02.2021).

проведение обысков и конфискацию. В 2016 г. при продлении мандата к задачам операции добавились проведение тренингов для ливийской береговой охраны и борьба с нелегальной торговлей оружием, в последующие годы список мероприятий расширился¹⁵. Параллельно с «Софией» в Средиземном море действовала полномасштабная контртеррористическая операция НАТО (с 2001 по 2016 гг. она называлась «Активные усилия», а с 2016 г. – «Морской страж»). В рамках операций НАТО и ЕС в Средиземном море было хорошо отлажено взаимодействие на тактическом уровне, стороны вели непрерывный обмен информацией и делились своими ежедневными планами, что помогало избегать дублирования функций [12].

Так как операции ОПБО и «Фронтекс» в этом регионе получили довольно схожие функции, кооперация между структурами стала приобретать системный характер. Однако имели место и определенные трения, связанные с различиями в подходах к проблеме миграции. В отличие от операций ОПБО, «Фронтекс» считает действия судов неправительственных организаций, которые подбирают и доставляют на берег нелегальных мигрантов, незаконными. Поэтому внутри структуры появились взгляды, что «София» и другие операции ОПБО укрывают владельцев таких судов от наказания и мешают деятельности «Фронтекс» [18, р. 50–53].

С окончанием операции «София» связан показательный эпизод. Перед истечением очередного мандата миссии в марте 2019 г. вице-премьер и министр внутренних дел Италии М. Сальвини в качестве условия продления срока действия миссии выдвинул предложение о заключении соглашения о распределении спасенных мигрантов между странами-членами ЕС. Незадолго до этого Берлин отозвал фрегат «Аугсбург» из состава операции, сославшись на нежелание итальянских портов принимать мигрантов. В результате европейские лидеры договорились о продлении действия морской операции на шесть месяцев, оставив в ее составе только воздушные суда [13]. Блокирование операции продолжалось до марта 2020 г., когда «Софию» сменила операция «Ирины». В ее арсенале появилась важная задача по контролю за соблюдением оружейного эмбарго на море. Данная задача стала основной, отодвинув

задачи по борьбе с нелегальной миграцией на второй план [14, р. 303]. Однако эффективность операции сомнительна, поскольку нелегальные поставки оружия в Ливию осуществляются главным образом не морскими, а воздушными маршрутами [19]. За девятимесячный период операции в пределах ее зоны ответственности произошло четыре инцидента с подозрительными судами [20].

В оценке эффективности морских операций ЕС в Средиземном море, помимо выполнения поставленных задач, есть и другой не менее важный критерий, а именно количество спасенных жизней. Так, ЕС заявляет о более чем 539 тыс. спасенных людей за период с 2016 г., в том числе 266 тыс. – в рамках операций «Фемида» и «Тритон», 45 тыс. – в рамках операции «София»¹⁶. Операцию «София» обвинили даже в увеличении потока нелегальной миграции в ЕС. В 2016 г. офицер ливийской береговой охраны отметил в интервью, что после спасения люди «звонят друзьям и знакомым и говорят, что всего в 20 милях от ливийских вод стоят европейские суда, которые могут их подобрать»¹⁷. Аналогичную точку зрения в 2017 г. высказали и в палате лордов британского парламента¹⁸.

Наконец, с мая 2013 г. в Ливии действует гражданская миссия EU Border Assistance Mission in Libya (EUBAM). Основная задача миссии состоит в помощи ливийским властям в обеспечении эффективного контроля над своими наземными, воздушными и морскими границами путем обучения пограничников¹⁹. Однако с августа 2014 г. из-за нестабильной обстановки в Ливии миссия сменила место дислокации на Тунис и сократила штат сотрудников, из-за чего не может в полной мере выполнять свои функции²⁰. EUBAM Libya взаимодействует в основном с государственными акторами, такими как министерства и правительственные агентства, а они в Ливии традиционно слабы ввиду прочной племенной структуры общества и присутствия сильных внешних игроков [21], а также крупнейших национальных компаний (Национальная нефтяная корпорация, Центральный банк Ливии), которые после смерти М. Каддафи получили беспрецедентную степень автономии [22]. В феврале 2016 г. мандат миссии был расширен, она получила возможность оказывать помощь властям Ливии в вопросах кризисного управления, что,

¹⁵ EUNAVFOR MED Operation Sophia: Mandate Extended by One Year, Two New Tasks Added // Council of the EU Press Release. 20.06.2016. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/06/20/fac-eunavfor-med-sophia/> (дата обращения: 17.02.2021).

¹⁶ Saving Lives at Sea and Targeting Criminal Networks // European Council. Council of the European Union. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/migratory-pressures/sea-criminal-networks/> (дата обращения: 18.02.2021).

¹⁷ EU Boosts Migrant Smuggling, Says Libyan Coastguard // EU Observer. 16.06.2016. Режим доступа: <https://euobserver.com/tickers/133849> (дата обращения: 06.12.2020).

¹⁸ Foster P. EU Anti-migrant Naval Mission in Med is a "Failure", Lords Report Finds // The Telegraph. 12.07.2017. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/07/11/eu-anti-migrant-naval-mission-med-failure-lords-report-finds/> (дата обращения: 06.12.2020).

¹⁹ EU Border Assistance Mission (EUBAM) in Libya. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/archives/docs/csdp/missions_operations/eubam-libya/eubam_factsheet_en.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

²⁰ EU Integrated Border Assistance Mission in Libya (EUBAM Libya). 2015. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/archives/docs/csdp/missions-and-operations/eubam-libya/pdf/factsheet_eubam_libya_en.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

однако же, ввиду удаленности миссии от места событий никак не отразилось на ее текущей деятельности²¹.

Поскольку международное сообщество заинтересовано в сохранении территориальной целостности и политической субъектности ливийского государства, поиски путей урегулирования ливийского кризиса продолжают. В связи с тем, что в ливийском кризисе США заняли выжидательную позицию, а ЕС не всегда мог выработать единую точку зрения (например, в 2016–2017 гг. Франция и Италия оказывали поддержку противоположным сторонам конфликта – генералу Хафтару и ПНС соответственно) [10], в сфере дипломатии на первый план вышли усилия отдельных стран-членов ЕС, а также России и Турции [23–25]. В 2018–2020 гг. переговоры ливийских фракций проходили в Париже, Неаполе, Берлине, Сочи и Москве. На саммите в Берлине в 2020 г. удалось добиться принципиального согласия сторон о прекращении огня и возвращении к мирному процессу, что дало начало Берлинскому процессу мирного урегулирования²².

Заключение

Анализ участия НАТО и ЕС в ливийском кризисе подтверждает тезис о складывании своеобразного «разделения труда» между ними, в котором НАТО наносит решающий военный удар, а ЕС выступает в роли миротворца. Поскольку нестабильная обстановка в Ливии задевала больше европейские, чем американские интересы, правительство США уклонилось от прямого единоличного вмешательства в дела данного государства, тем самым подтолкнув европейские страны к тому, чтобы они признали свою региональную ответственность и взяли на себя лидерство в урегулировании ливийского кризиса.

Данная ситуация стала вызовом для ЕС, который мог бы использовать механизмы и ресурсы ОПБО ЕС для проведения независимой военной операции. Однако страны-члены ЕС в очередной раз продемонстрировали отсутствие воли

для проведения военной операции. В конечном итоге операция в Ливии была осуществлена силами НАТО, которая, однако, действовала не как традиционный альянс, а как механизм для создания очередной «коалиции желающих». Деятельность ЕС в Ливии свелась к борьбе с нелегальной миграцией и содействию усилиям ООН в оказании гуманитарной помощи и достижении перемирия. Попытки проводить более активную политику не имели успеха из-за отсутствия единой позиции и усложнения ситуации в Ливии с началом нового витка вооруженного конфликта в 2014 г.

На этапе послевоенного строительства, к которому, в сущности, относятся рассмотренные в статье миссии и операции, взаимодействие США и ЕС оставалось минимальным. Еще администрация Б. Обамы настаивала на том, что европейцы должны по крайней мере «сделать вид», что берут на себя бремя лидерства на ливийском театре военных действий – отсюда и метафора «командования из-за спины», появившаяся во время операции «Объединенный защитник». При администрации Д. Трампа США также отказались от более активной роли в Ливии, сосредоточившись на уничтожении остатков сил террористической организации «Исламское государство». Взаимодействию США и ЕС мешают низкая эффективность операций и миссий ЕС, по сравнению с аналогичными инициативами ООН, разногласия внутри ЕС и отсутствие четких целей США, за исключением противодействия влиянию России и Турции.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Разделы *Введение* и *Операция «Объединенный защитник»* написаны О. Г. Лекаренко, раздел *Миссии ЕС в Ливии* – К. В. Гостевым, заключительные выводы в равной степени принадлежат обоим авторам.

Литература

1. Reykers Y. Capacity, legitimacy or hegemony? A multi-tier explanation for NATO's involvement in the Libya crisis // *Journal of Transatlantic Studies*. 2017. Vol. 15. № 4. P. 366–385. DOI: 10.1080/14794012.2017.1371445
2. Ulfstein G., Christiansen H. F. The legality of the NATO bombing in Libya // *International & Comparative Law Quarterly*. 2013. Vol. 62. № 1. P. 159–171. DOI: 10.1017/S0020589312000565
3. Wedgwood A., Dorn W. A. NATO's Libya campaign 2011: Just or unjust to what degree? // *Diplomacy & Statecraft*. 2015. Vol. 26. № 2. P. 341–362. DOI: 10.1080/09592296.2015.1034573
4. Hallams E., Schreer B. Towards a "Post-America" alliance? NATO burden-sharing after Libya // *International Affairs*. 2012. № 2. P. 313–327.
5. Howorth J. "Operation Harmattan" in Libya: a paradigm shift in French, European and Transatlantic Arrangements? // *Journal of Transatlantic Studies*. 2014. Vol. 12. № 4. P. 405–417.

²¹ About EU Border Assistance Mission in Libya (EUBAM). 20.06.2016. Режим доступа: [https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/3859/About%20EU%20Border%20Assistance%20Mission%20in%20Libya%20\(EUBAM\)](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/3859/About%20EU%20Border%20Assistance%20Mission%20in%20Libya%20(EUBAM)) (дата обращения: 20.02.2021).

²² The Berlin Conference of Libya. Conference Conclusions // Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Pressemitteilung nummer 31/20 vom 19 January 2020. Режим доступа: https://unsmil.unmissions.org/sites/default/files/berlin_conference_communique.pdf (дата обращения: 06.12.2020).

6. Song Y. The US Commitment to NATO in the post-Cold War period – a case study on Libya // *Journal of Transatlantic Studies*. 2016. Vol. 14. № 1. P. 83–113.
7. Воронин Е. Р. Ливийский кризис и применение новой стратегической концепции НАТО // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2012. № 1. С. 189–202.
8. Koenig N. The EU and the Libyan crisis: In quest of coherence // *The International Spectator*. Vol. 46. № 4. P. 11–30. DOI: 10.1080/03932729.2011.628089
9. Brattberg E. Opportunities lost, opportunities seized: the Libya crisis in as Europe's perfect storm. Brussels: European Policy Centre, 2011. Режим доступа: https://www.files.ethz.ch/isn/141489/pub_1310_opportunities_lost.pdf (дата обращения: 17.02.2021).
10. Falchi L. Italy and France at Odds over Libya? // *IAI Commentaries*. 2017. Art. 9. Режим доступа: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1709.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
11. Dibenedetto A. G. Operation Themis and its meaning for Italy // *Centro Studi Internazionali*. 29.03.2018. Режим доступа: <https://www.cesi-italia.org/contents/Operation%20Themis%20impaginato%20Eng.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
12. Drent M. Militarising migration? EU and NATO involvement at the European border // *Clingendael Spectator*. 2018. Vol. 72. № 4. Режим доступа: https://spectator.clingendael.org/pub/2018/4/_/pdf/CS-2018-4-drent.pdf (дата обращения: 17.02.2021).
13. Mantini G. A EU naval mission without navy: The paradox of operation Sophia // *IAI Commentaries*. 2019. Art. 33. Режим доступа: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1933.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
14. Pricopi M. The military operation EUNAVFOR MED IRINI – a downscale of the EU's involvement in the migration crisis // *Land Forces Academy Review*. 2020. Vol. 25. № 4. P. 302–306. DOI: <https://doi.org/10.2478/raft-2020-0036>
15. Ibrahim A. Rise and fall? The rise and fall of ISIS in Libya. Carlisle, PA: USAWC Press, 2020. 79 p.
16. Лукьянов Г. В. Ливия: Если не США, то кто? // Российский совет по международным делам. 02.05.2017. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/liviya-esli-ne-ssha-to-kto/> (дата обращения: 06.02.2021).
17. Gowan R. The EU and Libya: Missing an action in Misrata // *European Council on Foreign Relations*. 31.05.2011. Режим доступа: https://ecfr.eu/article/commentary_the_eu_and_libya_missing_in_action_in_misrata/ (дата обращения: 17.02.2021).
18. Recasting EU civilian crisis management / ed. T. Tardy. Paris: EU Institute for Security Studies, 2017. 86 p.
19. Scazzieri L. The EU's new Libya operation is flawed // *Centre for European Union*. 08.04.2020. Режим доступа: <https://www.cer.eu/insights/eus-new-libya-operation-flawed> (дата обращения: 17.02.2021).
20. Попцов Д. Операция IRINI: основные итоги 2020 года // Российский совет по международным делам. 08.02.2021. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/operatsiya-irini-osnovnye-itogi-2020-goda/> (дата обращения: 20.02.2021).
21. Toaldo M. Don't close borders, manage them: How to improve EU policy on migration through Libya // *European Council on Foreign Relations*. 15.06.2017. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/resrep21557> (дата обращения: 06.02.2021).
22. Pack J. It's the economy stupid: How Libya's civil war is rooted in its economic structures // *IAI Papers*. 2019. Art. 17. Режим доступа: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip1917.pdf> (дата обращения: 06.02.2021).
23. Weitershausen I. von, Schäfer D., Wessels W. A "Primus Inter Pares" in EU foreign policy? – German leadership in the European Council during the Libyan and Ukrainian crises // *German Politics*. 2020. Vol. 29. № 1. P. 42–58. DOI: 10.1080/09644008.2019.1583328
24. Morana W. The OSCE and the Libyan crisis challenges and opportunities for comprehensive security in the Mediterranean // *Security & Human Rights*. 2019. Vol. 30. № 1-4. P. 23–38. DOI: 10.1163/18750230-03001005
25. Kekilli E., Öztürk B. Turkey's position in the Libyan crisis // *Insight Turkey*. 2020. Vol. 22. № 2. P. 53–62.

original article

NATO and EU's Involvement in the Libyan Crisis (2011–2020)

Oksana G. Lekarenko

Tomsk State University, Russia, Tomsk; <https://orcid.org/0000-0003-2421-5869>; olekarenko@gmail.com

Kirill V. Gostev

Tomsk State University, Russia, Tomsk

Received 4 Mar 2021. Accepted 13 Apr 2021.

Abstract: The research objective was to describe the role of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) and the European Union (EU) in the Libyan crisis. The study was based on the resolutions of the United Nations Security Council, reports of the NATO Secretary General, documents of the EU and FRONTEX, speeches of European politicians, statistics, and publications in the Western press and world news agencies. The article focuses on the reaction of the international community to the suppression of peaceful demonstrations in Libya and the reasons why the USA and the EU authorized the North Atlantic Alliance to lead a military operation. The authors summed up the outcomes of NATO's activities in Libya, analyzed the EU foreign policy instruments in Libya, and evaluated their efficiency. The disagreements between the EU states not only prevented the EU from pursuing an independent and coherent policy in Libya, but also complicated the implementation of the previously agreed measures. The leadership in resolving the Libyan crisis passed to the national states as a result of the weak position of the USA and the EU, as well as NATO's withdrawal from Libya. The authors concluded that the Libyan crisis confirms the differentiation of roles between the NATO and the EU in the Middle East and North Africa region, in which the NATO resolves military conflicts, whereas the EU is responsible for peacekeeping activities.

Keywords: "Arab spring", military operations, civilian missions, Euro-Atlantic security, "coalition of the willing", Libya, peacekeeping

Citation: Lekarenko O. G., Gostev K. V. NATO and EU's Involvement in the Libyan Crisis (2011–2020). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 350–359. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-350-359>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: O. G. Lekarenko wrote the *Introduction* and described the *Operation Unified Protector*; K. V. Gostev wrote about the *EU Mission in Libya*; both authors are equally responsible for the conclusions.

References

1. Reykers Y. Capacity, legitimacy or hegemony? A multi-tier explanation for NATO's involvement in the Libya crisis. *Journal of Transatlantic Studies*, 2017, 15(4): 366–385. DOI: 10.1080/14794012.2017.1371445
2. Ulfstein G., Christiansen H. F. The legality of the NATO bombing in Libya. *International & Comparative Law Quarterly*, 2013, 62(1): 159–171. DOI: 10.1017/S0020589312000565
3. Wedgwood A., Dorn W. A. NATO's Libya campaign 2011: Just or unjust to what degree? *Diplomacy & Statecraft*, 2015, 26(2): 341–362. DOI: 10.1080/09592296.2015.1034573
4. Hallams E., Schreier B. Towards a "Post-America" alliance? NATO burden-sharing after Libya. *International Affairs*, 2012, (2): 313–327.
5. Howorth J. "Operation Harmattan" in Libya: a paradigm shift in French, European and Transatlantic Arrangements? *Journal of Transatlantic Studies*, 2014, 12(4): 405–417.
6. Song Y. The US Commitment to NATO in the post-Cold War period – a case study on Libya. *Journal of Transatlantic Studies*, 2016, 14(1): 83–113.
7. Voronin E. R. The crisis in Libya and the application of the new NATO strategic concept. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnykh otnoshenii (Universiteta) Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii*, 2012, (1): 189–202. (In Russ.)
8. Koenig N. The EU and the Libyan crisis: In quest of coherence. *The International Spectator*, 46(4): 11–30. DOI: 10.1080/03932729.2011.628089
9. Brattberg E. *Opportunities lost, opportunities seized: the Libya crisis in as Europe's perfect storm*. Brussels: European Policy Centre, 2011. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/141489/pub_1310_opportunities_lost.pdf (accessed 17 Feb 2021).
10. Falchi L. Italy and France at Odds over Libya? *IAI Commentaries*, 2017: 9. Available at: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1709.pdf> (accessed 17 Feb 2021).

11. Dibenedetto A. G. *Operation Themis and its meaning for Italy*. 29.03.2018. Available at: <https://www.cesi-italia.org/contents/Operation%20Themis%20impaginato%20Eng.pdf> (accessed 17 Feb 2021).
12. Drent M. Militarising migration? EU and NATO involvement at the European border. *Clingendael Spectator*, 2018, 72(4). Available at: https://spectator.clingendael.org/pub/2018/4/_/pdf/CS-2018-4-drent.pdf (accessed 17 Feb 2021).
13. Mantini G. A EU naval mission without navy: The paradox of operation Sophia. *IAI Commentaries*, 2019: 33. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1933.pdf> (accessed 17 Feb 2021).
14. Pricopi M. The military operation EUNAVFOR MED IRINI – a downscale of the EU's involvement in the migration crisis. *Land Forces Academy Review*, 2020, 25(4): 302–306. DOI: <https://doi.org/10.2478/raft-2020-0036>
15. Ibrahim A. Rise and fall? *The rise and fall of ISIS in Libya*. Carlisle, PA: USAWC Press, 2020, 79.
16. Lukyanov G. V. *Libya: If not the USA, then who?* 02.05.2017. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/liviya-esli-ne-ssha-to-kto/> (accessed 6 Feb 2021). (In Russ.)
17. Gowan R. *The EU and Libya: Missing an action in Misrata*. 31.05.2011. Available at: https://ecfr.eu/article/commentary_the_eu_and_libya_missing_in_action_in_misrata/ (accessed 17 Feb 2021).
18. *Recasting EU civilian crisis management*, ed. Tardy T. Paris: EU Institute for Security Studies, 2017, 86.
19. Scazzieri L. *The EU's new Libya operation is flawed*. 08.04.2020. Available at: <https://www.cer.eu/insights/eus-new-libya-operation-flawed> (accessed 17 Feb 2021).
20. Poptsov D. *Operation IRINI: Key Results of 2020*. 08.02.2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/operatsiya-irini-osnovnye-itogi-2020-goda/> (accessed 20 Feb 2021). (In Russ.)
21. Toaldo M. *Don't close borders, manage them: How to improve EU policy on migration through Libya*. 15.06.2017. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep21557> (accessed 6 Feb 2021).
22. Pack J. It's the economy stupid: How Libya's civil war is rooted in its economic structures. *IAI Papers*, 2019: 17. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip1917.pdf> (accessed 06 Feb 2021).
23. Weitershausen I. von, Schäfer D., Wessels W. A "Primus Inter Pares" in EU foreign policy? – German leadership in the European Council during the Libyan and Ukrainian crises. *German Politics*, 2020, 29(1): 42–58. DOI: 10.1080/09644008.2019.1583328
24. Morana W. The OSCE and the Libyan crisis challenges and opportunities for comprehensive security in the Mediterranean. *Security & Human Rights*, 2019, 30, (1-4): 23–38. DOI: 10.1163/18750230-03001005
25. Kekilli E., Öztürk B. Turkey's position in the Libyan crisis. *Insight Turkey*, 2020, 22(2): 53–62.

оригинальная статья
УДК 902/904

Планиграфические и архитектурные особенности памятника Телль Саби Абьяд (Сирия)

Фадель Мажар

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-5656-8469>; fadel.rf987@gmail.com

Поступила в редакцию 25.03.2021. Принята в печать 28.05.2021.

Аннотация: *Введение.* Телль Саби Абьяд является одним из важнейших археологических памятников бассейна Балиха. Он расположен примерно в 30 км к югу от сирийско-турецкой границы и состоит из четырех холмов, раскопки которых проводились в ходе нескольких сезонов. Археологические работы были начаты голландской экспедицией, возглавляемой профессором М. Ван Лоном, в 1986 г., продолжены под руководством П. Аккерманса и осуществлялись вплоть до 2010 г. *Методы и материалы.* Материалами исследования послужили результаты раскопок комплекса, опубликованные в ряде работ участниками экспедиций. Для изучения материалов памятника был применен метод исторической реконструкции. *Результаты.* Изучение материалов раскопок памятника Телль Саби Абьяд позволило выделить культурные слои, в которых были обнаружены культовые сооружения, жилища, хозяйственные постройки, а также прочие следы долговременного присутствия человека. В работе рассматриваются хронологические слои и их насыщенность артефактами в различные периоды существования памятника. На основе этого были выявлены новые факты, позволяющие уточнить представления о Северной Месопотамии эпохи неолита, полученные из иных археологических источников. *Заключение.* Исследование памятника показало, что здания возводились на устойчивых возвышающихся платформах и носили регулярный жилой характер. В их строительстве применялись кирпич, глина, дерево и тростник. Большинство домов имели прямоугольную планировку и были связаны друг с другом небольшими проемами (дверьми). Имелись и дома со входами через крышу. Кроме того, были обнаружены постройки круглой формы – толосы. В поздних хронологических слоях, в эпоху халафской культуры, толосы широко использовались не только как места отправления религиозного культа, но и как жилища и хранилища припасов.

Ключевые слова: неолит, поселение, холм, раскопки, слои, керамика, толос, платформа

Цитирование: Мажар Ф. Планиграфические и архитектурные особенности памятника Телль Саби Абьяд (Сирия) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 360–370. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-360-370>

Введение

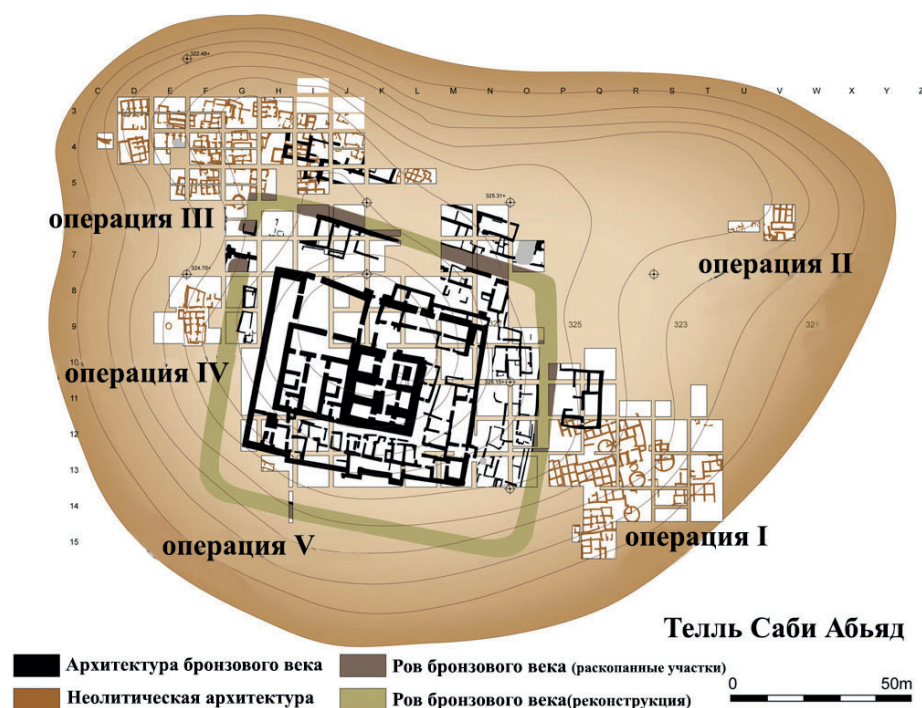
Телль Саби Абьяд расположен примерно в 30 км к югу от сирийско-турецкой границы и приблизительно в 80 км к северу от города Ракка. Памятник состоит из четырех холмов, сформировавшихся в доисторическую эпоху и известных под номерными обозначениями I–IV.

История исследования Телль Саби Абьяд начинается с раскопок, инициированных в 1986 г. археологической миссией Амстердамского университета в Сирии под руководством профессора Морица Ван Лона. Результаты раскопок первого сезона были опубликованы Питером Аккермансом с соавторами в нескольких публикациях.

К настоящему времени детально изучены два холма памятника: Телль Саби Абьяд I и II [1, р. 3]. Второй холм по данным стратиграфии древнее первого и находится в 100 м от него [2, с. 7]. В 2005 и 2010 г. было проведено обширное зондирование участка в 1 га на низком склоне Телль Саби Абьяд III [3, р. 101]. Четвертый холм не исследован, т. к. полностью покрыт современными исламскими захоронениями и следовательно не может быть подвергнут раскопкам [4].

В период 1986–1999 гг. работы на памятнике были сосредоточены главным образом в относительно низкой юго-восточной части холма I (раскоп I). В дальнейшем, начиная с 2001 г., изыскания распространились и на другие части холма (раскопы II и V) (рис. 1), каждая из которых примечательна впечатляющими стратифицированными находками позднего неолита [6; 7]. В данном исследовании мы рассмотрим самые важные архитектурные открытия, сделанные в ходе трех первых раскопок холма Телль Саби Абьяд I, а также раскопок холмов Телль Саби Абьяд II и III.

Анализ результатов крупномасштабных раскопок памятника в период 1986–2010 гг. позволил выявить последовательность слоев неолитического поселения, хронология которых укладывается в рамки 7100–5500 гг. до н. э. [8]. Для уточнения датировки стратиграфических слоев было получено 145 радиоуглеродных дат, что способствовало созданию наиболее точной хронологии не только для данного памятника, но и для Ближнего Востока эпохи позднего неолита в целом [8, р. 65].

Актуальность и важность исследования обусловлена тем, что его предметом является архитектура одного из ключевых поселений эпохи неолита в долине реки Балих на северо-востоке Сирии – памятника Телль Саби Абьяд. В ходе раскопок данного памятника были обнаружены прямоугольные здания и здания круглой формы, считающиеся самыми ранними строениями подобного типа на территории региона.

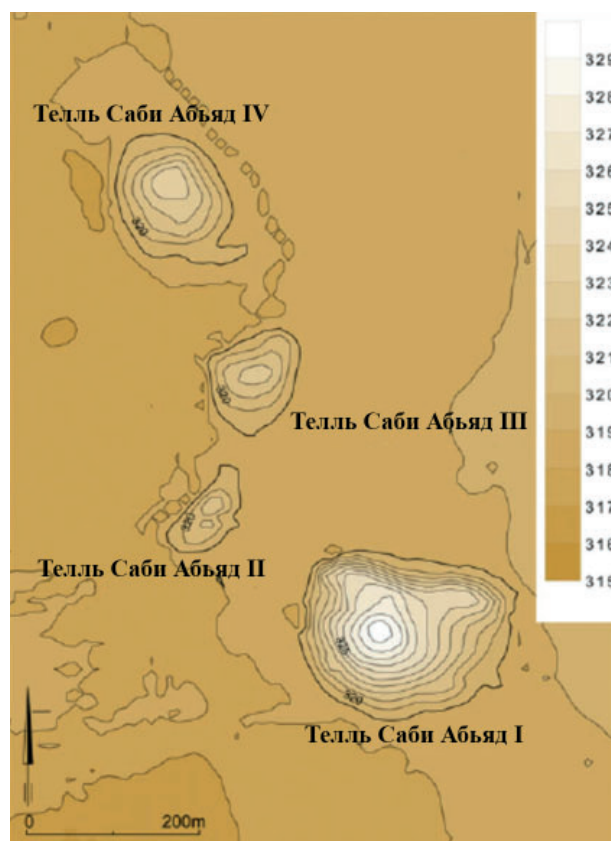
Цель – научная идентификация типов архитектуры памятника Телль Саби Абьяд путем анализа специфики (платформы, стены и т. п.) архитектурных объектов, выявленных при раскопках 1986–2010 гг.

Методы и материалы. В качестве объекта исследования выступают планиграфия и архитектура памятника. Эмпирической базой работы служат публикации по материалам раскопок, включающие описание конструкций зданий и их оснований, подсчет обнаруженных в ходе раскопок строительных деталей, объема строительного материала и т. д.

Результаты

Планиграфия

Телль Саби Абьяд находится в верхнем течении реки Балих на высоте примерно 320 м над уровнем моря [9, p. 11]. Четыре холма памятника занимают площадь от 1 до 5 га и расположены в нескольких сотнях метров друг от друга. Исследование культурных слоев памятника позволяет заключить, что холмы были обитаемы с конца VIII до начала VI тыс. до н. э., хотя не все из них одновременно. Первоначально поселение охватывало все четыре холма, но позже, после 6800 г. до н. э., жизнь сосредоточилась на главном холме – Телль Саби Абьяд I [10] (рис. 2).

Линейная ориентация холмов с севера на юг на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга позволяет предположить, что Нахр аль-Туркман, приток реки Балих, первоначально протекал вдоль комплекса [9, p. 11].

Телль Саби Абьяд I является крупнейшим из холмов. Размеры основания холма составляют 240×170 м, площадь – приблизительно 4,1 га, высота – от 5 до 10 м. Его ранние отложения находятся на глубине 4 м от современной дневной поверхности [11]. Северо-восточная часть холма I возвышается примерно на 5 м. Его северный склон – относительно крутой, восточная и особенно южная стороны – более пологие [9, p. 17].

Памятник состоит из четырех последовательных хронологических слоев. Датировка самого раннего стратиграфического слоя (А) определена по керамике и укладывается в период от раннего керамического неолита (7000–6700 гг. до н. э.) до начальной стадии развития керамики дохалафского периода (6200 г. до н. э.) [10]. Слой В продолжает традиции дохалафского периода, включает в себя переходный период и ранний этап халафского периода (6200–5900 гг. до н. э.). В свою очередь, слои С (5900–5800 гг. до н. э.) и D (5700–5500 гг. до н. э.) соотносятся со средним этапом халафской культуры [7; 12, p. 7]. Эта последовательность была определена на основе стратиграфии, независимо от культурно-исторической атрибуции [13, p. 14].

Телль Саби Абьяд II – холм более скромных размеров. Его основание составляет 123×76 м, высота не превышает 4,5 м. Археологические раскопки площадью в 540 м² позволили отнести поселение к докерамическому неолиту В (PPNB) (7500–6850 гг. до н. э.) (калиброванная дата) [2].

Архитектура

В целом архитектурная традиция комплекса характеризуется наличием двух моделей: 1) здания прямоугольной формы; 2) круглые в плане здания (толосы). Данные модели позволяют судить о функциональном стиле архитектуры комплекса Телль Саби Абьяд. Стены зданий с угловыми остроугольными проекциями были тщательно построены на основании из местного известняка, и назначение этих зданий, вероятно, жилое, в то время как круглые здания предназначались для хранения запасов на осенне-зимний период и голодные годы [14].

На раскопе I Телль Саби Абьяд I на юго-востоке холма был обнаружен длинный ряд из как минимум семи ранненеолитических жилищ, относящихся примерно к 6200–5950 гг. до н. э. [4]. Они представляли собой тесно расположенные прямоугольные здания, окруженные множеством небольших круглых построек. Ярким примером подобного архитектурного устройства служит т. н. сгоревшая деревня, которая, по всей видимости, была уничтожена в ходе пожара около 6000 г. до н. э. Ее остатки зафиксированы в переходных слоях (6–4) – между слоями дохалафского неолита (уровни 11–7) и верхними слоями 3–1 [15, p. 17; 16, p. 8]. Сгоревшая деревня имела площадь около 1 га и состояла

из больших прямоугольных строений и меньших зданий круглой формы. В центре деревни в три ряда располагались крупные здания, состоящие из пятнадцати и более маленьких комнат площадью от 3 до 5 м². В сожженных зданиях были обнаружены сотни целых и разбитых керамических изделий, каменных сосудов, кремневых и обсидиановых орудий, статуэток, украшений и глиняных печатей, а также большой объем зерна, что свидетельствует о его массовом хранении в соответствующих помещениях [16, p. 11] (рис. 3).

Иногда проход в здания на уровне пола отсутствовал, и доступ в комнаты был возможен лишь через проемы, расположенные высоко в стене или на крыше. Таково, к примеру, здание 5 в сгоревшей деревне, состоявшее из 10 комнат разного размера. При этом комнаты имели либо обычный вход (комнаты 2–8), либо вход через боковые проемы (комната 10). Прямой доступ в комнату 2 был заблокирован после постройки соседних комнат 3–5; по-видимому, доступ в комнату 2, как и в комнату 3, переместился на крышу. Проход в комнату 9 в центре здания был возможен лишь с крыши [16, p. 15].

Крыши, как представляется, сооружались из деревянных стропил и покрывались тростниковыми циновками, которые покрывал толстый слой грязи. Пространство крыши могло использоваться для различных видов деятельности, в том числе для совершения ритуалов, возможно, связанных с огнем и погребальным культом [4, p. 34]. Что примечательно, в 7-й комнате здания 5 были найдены скелетные останки двух взрослых людей с полностью измельченными и сожженными костями. Вероятно, данные останки упали с крыши, поскольку в других домах останков возможных жертв пожара обнаружено не было. Судя по всему, большинство жителей деревни вовремя спаслись от катастрофы. Кроме того, в здании 5 были обнаружены не только останки людей, но и глиняные статуэтки животных. Есть все основания утверждать, что оба явления связаны друг с другом и искать их объяснение следует в ритуальном контексте [16, p. 16]. По-видимому, на момент разрушения здания оба человека уже были мертвы, и их останки покоились на его крыше в ожидании окончательного погребения. Дж. Мелларт выдвинул предположение о сходном обряде вторичного захоронения, практиковавшемся на памятнике Чатал-Хююк в центральной Анатолии в шестом тысячелетии [17, p. 204].

При раскопках Телль Саби Абьяд I были обнаружены небольшие округлые постройки-толосы диаметром до 4 м, иногда подразделявшиеся на более мелкие отсеки. Они располагались в огороженных дворах или зазорах между прямоугольными зданиями. Функциональное назначение этих сооружений могло быть самым различным – от подсобного помещения до хлева или амбара. Некоторые из толосов имели ульевидную форму, другие были увенчаны плоскими или скатными крышами [4, p. 34].

Отметим, что остатки сгоревшей деревни на памятнике Телль Саби Абьяд I указывают на следующее. Ее центр образуют плотно сосредоточенные прямоугольные постройки,

Рис. 3. Телль Сабь Абьяд I. План сгоревшей деревни с сектором, подвергшимся пожару (отмечен серым цветом) [5, р. 69]
Fig. 3. Tell Sabi Abyad I. Plan of the Burnt Village with the area affected by the fire (marked in gray color) [5, p. 69]

расположенные хорошо организованными рядами и окруженные небольшими круглыми зданиями. Каждое из прямоугольных зданий с трехчастной планировкой включает в себя несколько небольших комнат. Некоторые из них имеют обычные входы; проходы, ведущие в другие комнаты, настолько малы, что проникнуть внутрь можно лишь ползком, у ряда помещений входы отсутствуют вовсе. Вполне вероятно, что крыши зданий носили многофункциональный характер, используя, как свидетельствует пример здания 5, в том числе и для деятельности, связанной с религиозными ритуалами.

На раскопе II в северо-восточной части Телль Сабь Абьяд I были обнаружены остатки здания Т-образной формы,

относящегося к позднему переходному периоду (около 6000–5900 гг. до н. э.) [4]. Оно имело одну большую комнату размером 4,5×2 м с очагом в углу. В северной стороне главной комнаты располагалось три ряда небольших квадратных отсеков размерами не более 1,25×1,25 м. В одном из отсеков залежали сотни глиняных жетонов и несколько статуэток и печатей [6, р. 129]. Под этими строениями был обнаружен фрагмент оштукатуренного пола и стен, а также еще один слой, содержащий большое количество пепла и руины более древнего, полностью сгоревшего дома Т-образной формы размерами примерно 10×7 м [18]. Радиоуглеродная датировка строения свидетельствует, что оно было возведено до 6050 г. до н. э. [4, р. 35].

Здание состоит из трех параллельных рядов маленьких комнат, а также еще одной – длинной, но узкой комнаты (разделенной на два меньших отсека), расположенной под прямым углом перед ними. Каждый ряд в передней части содержит узкую прямоугольную комнату размером примерно 3×1 м и меньшую квадратную комнату в задней части. По-видимому, только восточный ряд разделен на меньшие отсеки – не более 1,5 м² каждый [18].

В ходе данной фазы раскопок, площадь которых не превышает 100 м², было обнаружено сгоревшее здание Т-образной формы под останками более нового здания, практически аналогичного по размеру и планировке. Это свидетельствует о том, что владельцы земельного участка при строительстве воспользовались архитектурными останками, залегающими в старых слоях. Строение состоит из восьми комнат разного размера, где комната 5 является центральной, а остальные помещения располагаются к северу от нее (рис. 4). Сходство между сгоревшим зданием Т-образной планировки на раскопе II со зданиями сгоревшей деревни на раскопе I может служить свидетельством того, что в конце VII тыс. до н. э. на памятнике Телль Саби Абьяд при строительстве прямоугольных зданий использовалась определенная архитектурная модель.

Площадь раскопа III (слои A1–A9) на северо-западной стороне холма составила порядка 2100 м². Верхние уровни слоев A1–A4, датируемых около 6450–6220 гг. до н. э. [4], были раскопаны практически полностью. Обнаруженные поселения занимали площадь от 1200 м² (слой A1) до 2000 м² (слой A4) [4, р. 37]. Слой A4 включал в себя четырнадцать прямоугольных в плане глинобитных конструкций – от небольших однокомнатных зданий площадью около 15 м² до многокомнатных трехчастных домов, занимающих до 64 м² (рис. 5). Аналогичные структуры наблюдаются в слоях A1 и A3. В дополнение к многочисленным

прямоугольным зданиям на территории раскопа III были найдены и круглые строения (начиная со слоя A5 и далее), датируемые интервалом 6500–6450 г. до н. э. [4; 19], что делает их самыми ранними толосами северной Сирии, известными на настоящий момент [19]. Размер круглых зданий составлял от 3 до 5 м в поперечнике, со стенами толщиной 40–50 см. Внутри и снаружи их покрывала красная или серая грязевая штукатурка, иногда с толстым гипсовым слоем. В некоторых толосах располагался очаг подковообразной формы, помещенный вплотную к стене напротив дверного проема [4, р. 38].

На ранних уровнях поселения круглые структуры практически не встречаются. В слоях 5C–2B раскопа III было найдено в общей сложности 6 толосов [4, р. 38; 19, р. 24]. В каждом из этих слоев одно круглое здание стояло среди целого ряда больших и малых, одно- или многокомнатных прямоугольных строений. Более того, их строительство не было непрерывным, о чем свидетельствуют промежуточные подуровни, вовсе не содержащие круглых зданий.

Лишь в одном случае круглые здания несут следы восстановления или перестройки: толос на уровне 2B был (частично) построен на остатках толоса нижнего уровня 2C. Многокомнатные сооружения прямоугольной планировки, расположенные по обе стороны от толоса, подверглись перестройке примерно в том же месте и на том же уровне, что предполагает непрерывное использование архитектурного пространства в течение длительного периода, возможно, одной семьей [19].

В данном случае, кажется, имеет место прямая взаимосвязь между круглой и прямоугольной архитектурой. Оба типа строений, по-видимому, служили потребностям одной и той же группы людей и, вероятно, использовались для различных целей, принимая во внимание разницу в планировке. Связь менее ясна в случае других толосов, каждый

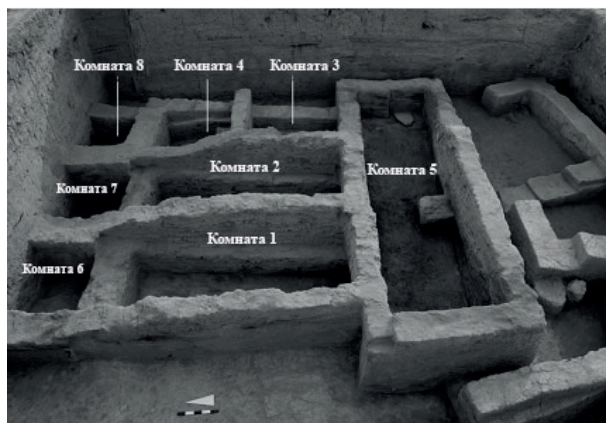

Рис. 4. Сгоревшее здание на раскопе II Телль Саби Абьяд I. Трехчастное Т-образное строение с чрезвычайно правильной планировкой [18, р. 311]

Fig. 4. The heavily burnt building in Operation II at Tell Sabi Abyad I, The tripartite, T-shaped structure with its very regular layout [18, p. 311]

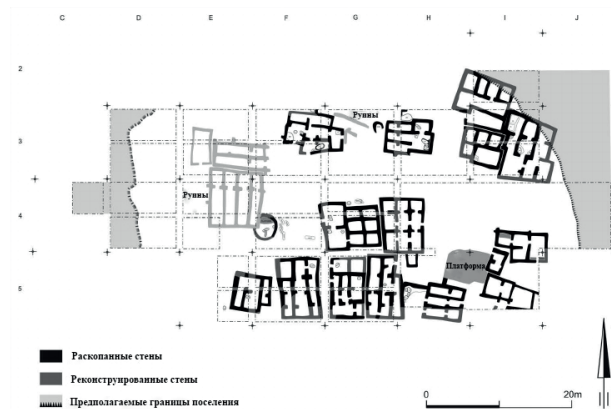

Рис. 5. Телль Саби Абьяд I, раскоп III: план здания в слое A4, датированном радиоуглеродным методом, ок. 6430–6395 гг. до н. э. [4, р. 37]

Fig. 5. Tell Sabi Abyad I, Operation III: plan of building in level A4, radiocarbon-dated at ca. 6430–6395 BC [4, p. 37]

из которых стоял во дворах изолированно, на некотором расстоянии от прямоугольных зданий.

Исследование территории холма Телль Саби Абьяд II показало, что тот был застроен свободно стоящими зданиями с прямоугольной планировкой, расположенными на близком расстоянии друг от друга. Архитектура холма II в значительной степени походит на архитектуру соседнего холма III. Еще одним сходством между памятниками являются свидетельства использования крупных глинобитных платформ размером до $10 \times 7 \times 0,6$ м, иногда частично облицованных гипсом [20; 21].

В третьем слое холма II было обнаружено тринадцать строений. Здание 2 занимало площадь 65×10 м и включало в себя 11 комнат, длина каждой из которых составляла от 1,5 до 2,5 м. Их стены, шириной 30–35 см, были возведены из кирпича и сохранились до высоты 50 см. Небольшие комнаты здания использовались для хранения запасов, две комнаты с относительно большой площадью (9 и 10 м^2) были жилыми. Между некоторыми комнатами отсутствовали проходы, что предполагает возможность проникновения в помещения через отверстия в стенах или проем в крыше [2, с. 8].

Архитектурное пространство памятника Телль Саби Абьяд III на всех этапах имело одинаковую планировку из свободно стоящих зданий, окруженных большими открытыми дворами. Здания имели трехчастную планировку, состоящую из относительно широкого центрального зала, обрамленного параллельными рядами узких, но протяженных комнат вдоль каждой из длинных сторон строения, обычно с небольшим отгороженным отсеком в задней части. Иногда большой зал делился посередине на более мелкие отсеки. Трехчастные здания отличались симметрией планировки и были примерно равны по площади, составлявшей от 30 до 40 м^2 [3, р. 102]. Внешний вход в эти здания, шириной 60–70 см, всегда помещался на одной из коротких сторон и давал доступ в центральный зал. Прочие комнаты были доступны по отдельности только из центрального зала. Площадь боковых комнат в каждом из трехчастных зданий составляла от 0,6 до $2,4 \text{ м}^2$ (рис. 6), их ширина в некоторых случаях едва превышала 50 см [3, р. 102].

Здания были сооружены из глиняных плит длиной до 1–1,2 м, шириной 35–40 см и толщиной 10–12 см – преобладающего строительного материала на холмах Телль Саби Абьяд в период между 7000 и 6200 гг. до н. э. [5, р. 32; 6]. Примечательно, что все здания стояли на прямоугольных платформах площадью от 10 до 7 м^2 и высотой до 1 м [22, р. 1] (рис. 7). Платформы строились тремя различными способами. Наибольшее распространение имели платформы в виде прямоугольников, составленных из больших глиняных плит. Второй вид платформы представлял собой «коробку», ограниченную несущими стенами, также сложенными из плит. Почвенное заполнение «коробок» включало остатки обрушившихся стен и бытовые отходы.

Рис. 6. Трехчастное здание с узкими, но протяженными комнатами, воздвигнутое на платформе. Квадрат раскопок J9 на Телль Саби Абьяд III, ок. 7000 г. до н. э. Вход в здание расположен на короткой стороне с севера [3, р. 104]

Fig. 6. Tripartite building with narrow but long rooms on a platform. Square J9 at Tell Sabi Abyad III, ca. 7000 BC. Entrance to the building is on the short side from the north [3, p. 104]

Рис. 7. Трехчастное здание в квадрате раскопок H8 на Телль Саби Абьяд III, ок. 6900 г. до н. э. С краев сооружения хорошо просматривается платформа под зданием [3, р. 103]

Fig. 7. The tripartite building in square H8 at Tell Sabi Abyad III, ca. 6900 BC. The platform below the building is clearly visible along the edges of the structure [3, p. 103]

Третий способ строительства заключался в использовании остатков ранее разрушенного здания, перемежавшихся с плитами. Платформу покрывал слой глины и штукатурки от 5 до 15 см, защищавший конструкцию и создававший ровную поверхность для возведения последующих архитектурных элементов. Большинство платформ имели нерегулярную высоту из-за неровности поверхности, на которой были построены [3, р. 104].

Отличительной чертой памятников Балиха было использование больших прямоугольных платформ, преимущественно сложенных из глиняного кирпича и лишь изредка облицованных или укрепленных гипсом. Впервые сооружения подобной конструкции были обнаружены при раскопках памятника Телль Дамишлия в 1983 г. Крупные платформы, возведенные из глиняных плит и служащие в качестве фундаментов зданий, найдены и в других регионах северо-восточной Сирии. К примеру, на памятнике Секер эль-Ахеймар в треугольнике Хабур были раскопаны «большие платформенные конструкции из глиняных плит, часто использовавшиеся как фундаменты строений» [23, р. 57].

Значительное внимание было уделено изучению кирпичной кладки обнаруженных платформ. Выявлено, что в ее основе, как правило, лежит чередование рядов кирпичей, обращенных к фасаду стены длинной гранью, и кирпичей, укладываемых вдоль стены короткой гранью, – ложкового и тычкового рядов соответственно – для повышения общей прочности здания [22, р. 2].

Кроме того, систематически использовались крупные и тяжелые каменные блоки размером 40–50 см, которые в большинстве случаев аккуратно укладывались короткими рядами по краям у основания платформ. Объяснением этой строительной практики могут служить факторы прочности и защиты.

При раскопках Телль Саби Абьяд III были найдены десятки платформ. Немаловажно, что на платформах были возведены практически все здания на памятнике, как большие, так и маленькие. Строения на платформах в высокой степени единообразны по планировке и размерам. Очевидно, что их размеры были пропорциональны платформам, на которых они стояли. Это доказывает, что платформы применялись в качестве фундаментов, повышающих прочность сооружений.

Тем не менее нельзя полностью исключать вариант, что платформы использовались не только как фундамент, но и с иными целями, поскольку в более поздних слоях памятника Телль Саби Абьяд I было выявлено как минимум две платформы, которые не поддерживали какие-либо строения [22, р. 4]. Отсутствие оснований для связи платформ с укреплением архитектуры позволяет предполагать, что, вероятно, те играли некую роль в общественных или ритуальных контекстах [1, р. 176; 20].

Не вызывает сомнений то, что практика возведения платформ не ограничивалась памятниками позднего неолита в долине Балиха, но имела более широкое распространение

по краям Верхней Месопотамии и, как свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа, впервые стала применяться около 7000 г. до н. э. [22, р. 1].

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало значимость Телль Саби Абьяд как одного из наиболее характерных археологических памятников бассейна Балиха. Первый этап оседлости человека на данной территории имел место в конце неолита между 6500 и 6000 гг. до н. э. [24]. Наиболее важным из слоев, относящихся к этой эпохе, является слой, где была раскопана т. н. сгоревшая деревня. Здания строились на устойчивых возвышающихся платформах и имели регулярный жилой характер. В их строительстве использовались кирпич, глина, дерево и тростник. Большинство помещений имели прямоугольную планировку и были связаны друг с другом небольшими проемами (дверьми). Кроме того, имелись и дома с входами через крышу. Помимо прочего, были обнаружены толосы – сооружения круглой, а также ульеобразной формы, служащие самым ранним примером построек подобного типа на Древнем Востоке.

Следует отметить близкое сходство архитектуры, засвидетельствованной на первом этапе оседлости человека, с архитектурой памятников хассунской культуры. Данная культура берет свое название от памятника Телль Хассуна, расположенного к югу от г. Мосул в Ираке [25, ص 232]. Несмотря на трудность точной датировки данной культуры, принято считать ее временными границами период с 6500 до 5500 гг. до н. э. (калиброванная дата) [26, р. 34]. Самые известные археологические памятники данной культуры – Телль Хассуна и Ярым-Тепе [27, ص 114]. В ранних слоях памятника Ярым-Тепе I были обнаружены типичные круглые здания докерамического неолита диаметром от 2,5 до 3 м, где были найдены кости животных, украшения, посуда и человеческие останки (под полами). Эти круглые здания, судя по археологическим свидетельствам, имели нежилой характер [28]. С другой стороны, на памятнике Телль Хассуна были раскопаны здания диаметром до 5 м, разделенные внутри на несколько комнат. В них были обнаружены очаги и пепел, кости и каменные орудия труда, что заставляет нас полагать, что эти здания могли иметь жилую функцию.

На основании архитектурного сходства, наблюдаемого между зданиями Телль Саби Абьяд и зданиями памятников хассунской культуры, можно утверждать, что данные сооружения имеют общие корни в неолитической традиции, предшествовавшей культуре Халафа.

Второй этап заселения памятника относится к VI тыс. до н. э., т. е. к эпохе халафской культуры (около 6000–5300 гг. до н. э.) [29, tab. 1a]. Она носит название в честь памятника Телль Халаф, расположенного к северо-западу от города Рас-эль-Айн в бассейне реки Хабур вблизи турецкой границы. Помимо Телль Халаф, к числу самых известных памятников халафской культуры принадлежат Телль Чагар Базар, Телль

Саби Абьяд, Телль Юнус и др. в Сирии [25, с. 305]; Телль Хазна II, Телль Кашкашок I и Телль Умм Ксейр в Хабурской степи [30, с. 57] и Ярм-Тепе II и Арпачия в Ираке [31, с. 11; 32, с. 10, 12]. Данная культура, вопреки гипотезам о ее происхождении из-за пределов региона, является естественным продолжением местных традиций предыдущей эпохи. Для этого этапа особо характерно строительство толосов, получивших широкое распространение не только как места отправления религиозного культа, но и в качестве жилья и хранилищ припасов. Отметим,

что халафцы жили в прямоугольных домах, имеющих комнаты разных размеров, однако со среднехалафской эпохи круглые здания получают большее распространение, чем прямоугольные. Иногда прямоугольные здания соединены с круглыми общим проходом. Считается, что эти строения использовались для религиозных ритуалов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Tell Sabi Abyad II – the pre-pottery Neolithic B Settlement / eds. M. Verhoeven, P. M. M. G. Akkermans. Leiden / Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, 2000. VIII+188 p.
2. عبد الرحمن.عمار. الاستيطان في حوض البليخ خلال عصور ما قبل التاريخ / عمار عبد الرحمن // مجلة دراسات تاريخية. 2014. العدد 126–128. ص: 24–3
3. Akkermans P. M. M. G., Brüning M. Architecture and social continuity at Neolithic Tell Sabi Abyad III, Syria // Ina dmarri u qantuppi – Par la bêche et le stylet! Cultures et sociétés syro – mésopotamiennes Mélanges offerts à Olivier Rouault / eds. P. Abrahami, L. Battini. Summertown: Archaeopress, 2019. P. 101–110.
4. Akkermans P. M. M. G. Tell Sabi Abyad, or the Ruins of the White Boy. A short history of research into the Late Neolithic of Northern Syria // 100 Jahre archäologische Feldforschungen in Nordost-Syrien – eine Bilanz / eds. D. Bonatz, L. Martin. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. P. 29–43.
5. Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria – The 1994–1999 field seasons / eds. P. M. M. G. Akkermans, M. L. Brüning, H. O. Huigens, O. P. Nieuwenhuys. Turnhout: Brepols Publishers, 2014. 271 p.
6. Akkermans P. M. M. G., Cappers R., Cavallo C., Nieuwenhuys O., Nilhamn B., Otte I. N. Investigating the Early Pottery Neolithic of Northern Syria: new evidence from Tell Sabi Abyad // American Journal of Archaeology. 2006. Vol. 110. № 1. P. 123–156.
7. Plicht J. V. D., Akkermans P. M. M. G., Nieuwenhuys O., Kaneda A., Russell A. Tell Sabi Abyad, Syria: radiocarbon chronology, cultural change, and the 8.2ka event // Radiocarbon. 2011. Vol. 53. № 2. P. 229–243. DOI: 10.1017/S0033822200056514
8. Akkermans P. M. M. G. Tell Sabi Abyad (Raqqa) // A History of Syria in One Hundred Sites / eds. Y. Kanjou, A. Tsuneki. Oxford: Archaeopress Publishing LTD, 2016. P. 65–68.
9. Excavations at Tell Sabi Abyad – prehistoric investigations in the Balikh Valley, Northern Syria / ed. P. M. M. G. Akkermans. Oxford: British Archaeological Reports International Series, 1989. 386 p.
10. Nieuwenhuys O., Akkermans P. M. M. G., Plicht J. V. D. Not so coarse, nor always plain – the earliest pottery of Syria // Antiquity. 2010. Vol. 84. № 323. P. 71–85. DOI: 10.1017/S0003598X00099774
11. Akkermans P. M. M. G. Burying the dead in Late Neolithic Syria // Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East / eds. J. M. Cordoba, M. Molist, C. Perez, I. Rubio, S. Martinez. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2008. P. 621–645.
12. Russell A. Retracing the steppes: a zooarchaeological analysis of changing subsistence patterns in the Late Neolithic at Tell Sabi Abyad, Northern Syria, ca. 6900 to 5900 BC: PhD-thesis. Leiden: Leiden University, Faculty of Archaeology, 2010. 317 p.
13. Arntz M. Re-figuring the past: interpreting early halaf figurines from Tell Sabi Abyad (Syria): Bachelor Scriptie. Universiteit Leiden, Faculteit der Archeologie, Heemskerk, 2013. 105 p.
14. بدر.رشا. تل الصبي أبيض / رشا بدر // جريدة الخليج. 2011.
15. Akkermans P. M. M. G., Duistermaat K. Of storage and nomads: the clay sealings from Late Neolithic Sabi Abyad, Syria // Paléorient. 1997. Vol. 22. № 2. P. 17–44.
16. Akkermans P. M. M. G., Verhoeven M. An image of complexity: the Burnt Village at Late Neolithic Sabi Abyad, Syria // American Journal of Archaeology. 1995. Vol. 99. № 1. P. 5–32.
17. Mellart J. Çatal Hüyük: A Neolithic town of Anatolia. N. Y.: McGraw-Hill, 1967. 233 p.
18. Akkermans P. M. M. G., Brüning M., Hammers N., Huigens H., Kruijer L., Meens A., Nieuwenhuys O. P., Raat A., Rogmans E. F., Slappendel C., Taipale S., Tews S., Visser E. Burning down the house: the burnt building V6 at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria // Analecta Praehistorica Leidensia. 2012. Vol. 43/44. P. 307–324.
19. Akkermans P. M. M. G. Late Neolithic architectural renewal: The emergence of round houses in the Northern Levant, ca. 6500–6000 BC // The Development of Pre-State Communities in the Ancient Near East / eds. D. Bolger, L. Maguire. Oxford: Oxbow books, 2010. P. 22–28.

20. Verhoeven M. The 1996 Excavations at Tell Sabi Abyad II, a Later PPNB Settlement in the Balikh Valley, Syria // *NeoLithics*. 1997. № 1/97. P. 1–3.
21. Verhoeven M. Tell Sabi Abyad II – A Late Pre-Pottery Neolithic B Village in Northern Syria. Report on architecture and related finds of the 2001 campaign // *Anatolica*. 2004. Vol. 30. P. 179–218.
22. Akkermans P. M. M. G., Brüning M., Kaneda A. Foundation or rendezvous? Constructing platforms in Late Neolithic Syria // *Correlates of Complexity* / eds. B. S. Düring, A. Wossink, P. M. M. G. Akkermans. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2011. P. 1–13.
23. Nishiaki Y., Le Mièrre M. The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Khabur, Northeast Syria // *Paléorient*. 2005. Vol. 31. № 2. P. 55–68. DOI: 10.3406/paleo.2005.5125
24. محيسن. سلطان. تل الصبي أبيض / سلطان محيسن // الموسوعة العربية
25. محيسن. سلطان. 2006. عصور ما قبل التاريخ. منشورات جامعة دمشق. 464 ص
26. Bryce T., Birkett-Rees J. *Atlas of the ancient Near East: from prehistoric times to the Roman imperial period*. Routledge, 2016. 336 p.
27. توم. جمال. 2011. الجذور ما قبل التاريخية للحضارات الباكورة في المشرق العربي القديم. دمشق. 368 ص
28. Matthews R. The early prehistory of Mesopotamia 500,000 to 4,500 BC. Turnhout: Brepols, 2000. 149 p.
29. Bach A. G., Cruells W., Molist M. Sharing spheres of interaction in the 6th millennium cal. BC: Halaf communities and beyond // *Paléorient*. 2016. Vol. 42. № 2. P. 117–133.
30. Амиров Ш. Н. Хабу́рская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: ТАУС, 2010. 412 с.
31. Амиров Ш. Н. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований // *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 6–22. DOI: 10.31857/S086919080007226-5
32. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981. 319 с.

original article

Planigraphic and Architectural Features of Tell Sabi Abyad (Syria)

Fadel Majar

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-5656-8469>; fadel.rf987@gmail.com

Received 25 Mar 2021. Accepted 28 May 2021.

Abstract: *Introduction.* Tell Sabi Abyad is one of the most important archaeological sites in the Balikh basin, located about 30 km south of the Syrian-Turkish border. It consists of four mounds excavated in different seasons. The excavation was initiated by a Dutch archaeological expedition that started on 1986 and finished in 2010. It was led first by Professor M. Van Loon and then by P. Akkermans. *Methods and materials.* The research was based on the results of archaeological excavations, published by the excavation team. The historical reconstruction method was used to study the materials of the site. *Results.* The study of excavation materials of the Tell Sabi Abyad monument made it possible to identify the cultural layers, which revealed religious buildings, dwellings, farm buildings, as well as other traces of the long-term human presence. The paper describes chronological layers and the amount of artefacts at different periods. The research made it possible to acquire new facts that can clarify the existing knowledge about Northern Mesopotamia of the Neolithic era. *Conclusion.* The study of the monument showed that the houses were built on stable towering platforms, had a regular residential character, and involved bricks, clay, wood, and cane. Most of the houses had a rectangular layout and were connected to each other by small openings (doors). There were also houses with roof entrances. In addition, circular buildings, the tholoi, were found. In the late chronological layers, the era of Halaf culture, the tholoi were widely used not only as places of worship, but also for housing and food storage. **Keywords:** Neolithic, settlement, hill, excavations, layers, ceramics, tholoi, platform

Citation: Majar F. Planigraphic and Architectural Features of Tell Sabi Abyad (Syria). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 360–370. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-360-370>

Conflict of interests: The author declares no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. *Tell Sabi Abyad II – the pre-pottery Neolithic B Settlement*, eds. Verhoeven M., Akkermans P. M. M. G. Leiden / Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut, 2000, VIII+188.
2. Abd al-Rahman A. Inhabitation in the Balikh basin in prehistoric times. *Historical research journal*, 2014, 125–126: 3–24. (In Arab.)
3. Akkermans P. M. M. G., Brüning M. Architecture and social continuity at Neolithic Tell Sabi Abyad III, Syria. *Ina dmarri u qantuppi – Par la bêche et le stylet! Cultures et sociétés syro – mésopotamiennes Mélanges offerts à Olivier Rouault*, eds. Abrahams P., Battini L. Summertown: Archaeopress, 2019, 101–110.
4. Akkermans P. M. M. G. Tell Sabi Abyad, or the Ruins of the White Boy. A short history of research into the Late Neolithic of Northern Syria. *100 Jahre archäologische Feldforschungen in Nordost-Syrien – eine Bilanz*, eds. Bonatz D., Martin L. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013, 29–43.
5. *Excavations at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria – The 1994–1999 field seasons*, eds. Akkermans P. M. M. G., Brüning M. L., Huigens H. O., Nieuwenhuys O. P. Turnhout: Brepols Publishers, 2014, 271.
6. Akkermans P. M. M. G., Cappers R., Cavallo C., Nieuwenhuys O., Nilhamn B., Otte I. N. Investigating the Early Pottery Neolithic of Northern Syria: new evidence from Tell Sabi Abyad. *American Journal of Archaeology*, 2006, 110(1): 123–156.
7. Plicht J. V. D., Akkermans P. M. M. G., Nieuwenhuys O., Kaneda A., Russell A. Tell Sabi Abyad, Syria: radiocarbon chronology, cultural change, and the 8.2ka event. *Radiocarbon*, 2011, 53(2): 229–243. DOI: 10.1017/S0033822200056514
8. Akkermans P. M. M. G. Tell Sabi Abyad (Raqqā). *A History of Syria in One Hundred Sites*, eds. Kanjou Y., Tsuneki A. Oxford: Archaeopress Publishing LTD, 2016, 65–68.
9. *Excavations at Tell Sabi Abyad – prehistoric investigations in the Balikh Valley, Northern Syria*, ed. Akkermans P. M. M. G. Oxford: British Archaeological Reports International Series, 1989, 386.
10. Nieuwenhuys O., Akkermans P. M. M. G., Plicht J. V. D. Not so coarse, nor always plain – the earliest pottery of Syria. *Antiquity*, 2010, 84(323): 71–85. DOI: 10.1017/S0003598X00099774
11. Akkermans P. M. M. G. Burying the dead in Late Neolithic Syria. *Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, eds. Cordoba J. M., Molist M., Perez C., Rubio I., Martinez S. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2008, 621–645.
12. Russell A. *Retracing the steppes: a zooarchaeological analysis of changing subsistence patterns in the Late Neolithic at Tell Sabi Abyad, Northern Syria, ca. 6900 to 5900 BC*. PhD-thesis. Leiden: Leiden University, Faculty of Archaeology, 2010, 317.
13. Arntz M. *Re-figuring the past: interpreting early halaf figurines from Tell Sabi Abyad (Syria)*. Bachelor Scriptie. Universiteit Leiden, Faculteit der Archeologie, Heemskerk, 2013, 105.
14. Badr R. Tell Sabi Abyad. *Al-Khaleej newspaper*, 2011. Available at: <http://www.alkhaleej.ae/supplements/page/1774ac42-e724-4bff-ad6d467f90f00e67> (accessed 23.02.2021). (In Arab.)
15. Akkermans P. M. M. G., Duistermaat K. Of storage and nomads: the clay sealings from Late Neolithic Sabi Abyad, Syria. *Paléorient*, 1997, 22(2): 17–44.
16. Akkermans P. M. M. G., Verhoeven M. An image of complexity: the Burnt Village at Late Neolithic Sabi Abyad, Syria. *American Journal of Archaeology*, 1995, 99(1): 5–32.
17. Mellart J. *Çatal Hüyük: A Neolithic town of Anatolia*. N. Y.: McGraw-Hill, 1967, 233.
18. Akkermans P. M. M. G., Brüning M., Hammers N., Huigens H., Kruijer L., Meens A., Nieuwenhuys O. P., Raat A., Rogmans E. F., Slappendel C., Taipale S., Tews S., Visser E. Burning down the house: the burnt building V6 at Late Neolithic Tell Sabi Abyad, Syria. *Analecta Praehistorica Leidensia*, 2012, 43/44: 307–324.
19. Akkermans P. M. M. G. Late Neolithic architectural renewal: The emergence of round houses in the Northern Levant, ca. 6500–6000 BC. *The Development of Pre-State Communities in the Ancient Near East*, eds. Bolger D., Maguire L. Oxford: Oxbow books, 2010, 22–28.
20. Verhoeven M. The 1996 Excavations at Tell Sabi Abyad II, a Later PPNB Settlement in the Balikh Valley, Syria. *Neolithics*, 1997, (1/97): 1–3.
21. Verhoeven M. Tell Sabi Abyad II – A Late Pre-Pottery Neolithic B Village in Northern Syria. Report on architecture and related finds of the 2001 campaign. *Anatolica*, 2004, 30: 179–218.
22. Akkermans P. M. M. G., Brüning M., Kaneda A. Foundation or rendezvous? *Constructing platforms in Late Neolithic Syria. Correlates of Complexity*, eds. Düring B. S., Wossink A., Akkermans P. M. M. G. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 2011, 1–13.
23. Nishiaki Y., Le Mièrre M. The oldest pottery Neolithic of Upper Mesopotamia: New evidence from Tell Seker al-Aheimar, the Khabur, Northeast Syria. *Paléorient*, 2005, 31(2): 55–68. DOI: 10.3406/paleo.2005.5125
24. Mukhaisen S. Tell Sabi Abyad. *Arabic encyclopedia*. Available at: <http://arab-ency.com.sy/detail/7407> (accessed 26.02.2021). (In Arab.)

25. Mukhaisen S. *Prehistoric eras*. Damascus University Publications, 2006, 464. (In Arab.)
26. Bryce T., Birkett-Rees J. *Atlas of the ancient Near East: from prehistoric times to the Roman imperial period*. Routledge, 2016, 336.
27. Tammum D. *Prehistoric roots of early historical civilizations in the Ancient Arab East*. Damascus, 2011, 368. (In Arab.)
28. Matthews R. *The early prehistory of Mesopotamia 500,000 to 4,500 BC*. Turnhout: Brepols, 2000, 149.
29. Bach A. G., Cruells W., Molist M. Sharing spheres of interaction in the 6th millennium cal. BC: Halaf communities and beyond. *Paléorient*, 2016, 42(2): 117–133.
30. Amirov Sh. N. *Habur Steppe of the Northern Mesopotamia in the IV – first half of the III millennia B. C.* Moscow: TAUS, 2010, 412. (In Russ.)
31. Amirov Sh. N. Modern approaches to the research of Halaf Culture (Northern Mesopotamia). *Vostok (Oriens)*, 2019, (6): 6–22. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086919080007226-5
32. Munchaev R. M., Merpert N. Y. *Early agricultural settlements of Northern Mesopotamia. The investigations of Soviet expedition in Iraq*. Moscow: Nauka, 1981, 319. (In Russ.)

оригинальная статья
УДК 930.23:94(57)"19"

Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007) как комплексный историографический источник

Сергей Владимирович Макаrchук
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-8448-7556>;
makarchuk-sv@mail.ru

Елена Сергеевна Генина
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>

Поступила в редакцию 18.05.2021. Принята в печать 23.06.2021.

Аннотация: Проведен историографический анализ межвузовского сборника научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007). На основе примененных в статье общенаучных и специальных историко-историографических принципов и методов исследования проанализированы как представленный историографический источник в целом, так и отдельные его составляющие. Проведенный количественный анализ позволил представить наглядную внешнюю характеристику комплексного историографического источника: показать соотношение частного и целого в его содержании, оценить количественный и качественный состав редакторского и авторского корпусов, дать представление о тематическом и видовом его компонентах. Семантический (тематический) анализ проделан на основе контент-анализа текстов с выявлением особенностей участия авторов в историческом дискурсе. В связи с этим проведены ретроспективный и перспективный анализы основных научных трудов ведущих сибирских ученых – авторов научных трудов сборника, что позволило достичь основной цели статьи – выявления закономерностей и особенностей современной историографической ситуации на основе осмысления изученности основных исторических процессов в Сибири.

Ключевые слова: историография, редактор, автор, историографическая ситуация, историографический факт, количественный анализ историографического источника, семантический (тематический) анализ историографического источника, контент-анализ

Цитирование: Макаrchук С. В., Генина Е. С. Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007) как комплексный историографический источник // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 371–388. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-371-388>

Введение

Современная историографическая ситуация характеризуется возрастанием роли историографической культуры научных исследований, появлением как специальных научных разработок по общей теории, истории и методологии историографии как науки, так и аналитических трудов, содержащих историографическую критику отдельных историографических источников, в том числе сборников статей и материалов научных конференций. Не утратила методологического значения переизданная монография итальянского историографа Б. Кроче [1]. Общее состояние современной отечественной историографической культуры оценено в труде А. П. Логунова [2]. Методологические подходы и проблему классификации источников в проблемно-тематических историографических исследованиях рассмотрел Г. М. Ипполитов [3]. Примером всестороннего анализа историографической культуры в работах по истории пограничной службы в России может служить статья С. Г. Бандурина и И. Б. Цветкова [4]. Г. Н. Ланской оценил «Труды Историко-архивного института» как историографический источник [5]. В диссертации

Е. М. Петропавловской проанализированы историографические проблемы, поднимаемые в статьях по истории, опубликованных в ряде общественно-политических журналов [6].

Региональная историография также не осталась в стороне от общей линии развития и совершенствования принципов и методов историографической критики [7]. Для нее характерна разработка конкретного историографического поля, связанного с анализом как отдельных трудов по определенной исторической тематике, так и комплексных историографических источников. Особое место в региональном историографическом пространстве начали занимать историографические портреты отдельных ученых [8]. В сибирской историографии в последнее время комплексному историографическому анализу подверглись исторические работы по проблемам истории еврейских общин Сибири XX–XXI вв. [9]. При этом основное внимание уделено материалам семи научно-практических конференций и двадцати двум монографиям и сборникам статей, вышедшим в сериях «Еврейские общины в Сибири

и на Дальнем Востоке» и «Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке». Отмечена выдающаяся роль в развитии сибирской иудаики редактора сборников и автора ряда трудов Я. М. Кофмана. Кузбасский историк С. П. Звягин проанализировал вклад ученых кемеровских вузов в изучение истории Сибири периода Гражданской войны и оценил десять вышедших под его редакцией сборников материалов по итогам прошедших в Кемерове специализированных научных конференций «История Белой Сибири» [10].

Анализируемый в данной статье сборник также внес вклад в теорию, историю, культурологию и источниковедение историографической науки. В одной из публикаций предпринята попытка формирования индивидуального историографического образа кемеровского историка Н. П. Шуранова как выдающегося исследователя проблем угольной промышленности и промышленного развития Кузбасса в годы Великой Отечественной войны [11]. Сам Н. П. Шуранов, развивая концептуальный подход в историографии, выдвинул и обосновал собственную концепцию истории России советского периода [12]. В. П. Машковский назвал общую историографическую ситуацию конца XX в. кризисной, но отметил позитивную роль ряда исследований кузбасских ученых, в том числе появившиеся в это время комплексные историографические источники: сборник статей «Из истории юга Западной Сибири», первый том «Исторической энциклопедии Кузбасса», 3–5 выпуски сборника «Вопросы истории и теории культуры» [13]. В одной из его статей обоснованы факторы, выдвигающие на первый план именно региональную историографию, позволяющую со временем оформить целостную концепцию региональной истории [14]. Региональную научно-техническую программу «Сибирь» охарактеризовала в одной из статей сборника заместитель губернатора Кемеровской области Т. О. Машковская [15]. Начальник Архивного управления Администрации Кемеровской области В. А. Сергиенко обосновал осуществлявшийся исследовательский проект «Исторический паспорт Кузбасса» [16].

Выпуски сборника содержат историографические статьи, характеризующие степень изученности и концептуально-осмысления конкретных проблем сибирской истории. Омский историк А. П. Толочко отметил качественные сдвиги и складывание новой методологической ситуации в изучении черносотенно-монархического движения в Сибири в начале XX в. Впервые в сибирской историографии было заявлено, что погромное движение конца 1905 г. было стихийным протестом и не было связано с правомонархическими партиями, отделов которых в то время в Сибири просто не существовало [17, с. 36]. Статья в сборнике стала результатом глубокого осмысления исторического материала, содержащегося в вышедшей ранее монографии о черносотенном движении в Сибири [18]. Дальнейшая работа историка по расширению историографической проблематики привела к появлению монографии «Современная отечественная историография партийно-политического движения

в Сибири в начале XX в.», ставшей весомым вкладом в разработку истории региональной историографии проблемы [19]. Количественный и тематический анализ приведенных в монографии историографических источников содержит статья М. В. Шиловского, концептуально рассматривающая специфику историографической ситуации по проблеме революции 1905–1907 гг. в Сибири. Автор пришел к выводу об «обвальном падении интереса к "опальной" революции» и «кардинальных изменениях на ее исследовательском поле» [20, с. 25]. Необходимо отметить, что последующие научные изыскания самого ученого способствовали восстановлению интереса к революции. Современная сибирская историография пополнилась фундаментальной обобщающей монографией о Первой русской революции [21]. Подробному изучению подвергся и крупнейший на территории Сибири Томский погром, носивший в целом, по заключению автора, стихийный характер [22].

Историография проблем дореволюционного профессионального образования в Западной Сибири рассмотрена в статье А. П. Толочко и И. С. Сковородиной [23]. Она явилась результатом обобщения материалов вышедшей ранее монографии авторов [24]. Вклад ученых в изучение дореволюционного судебного строя России представлен в такой форме историографического жанра, как рецензия, ставшая, к сожалению, единственной во всех выпусках сборника [25].

Историография исторических событий первых послереволюционных лет представлена в статье М. В. Шиловского с критикой историографической позиции, утверждающей, что колчаковский переворот 18 ноября 1918 г. в Омске был организован сторонниками «кадетско-монархической реакции» [26, с. 48]. Он охарактеризовал позицию А. В. Колчака как «близкую к радикально-либеральной» [26, с. 49]. Иркутские исследователи Ю. А. Петрушин и И. В. Чапыгин посвятили статью [27] историографии казачьей эмиграции в Маньчжурии, проанализировав в том числе материалы сборников статей, прежде всего, вышедший в 1920 г. сборник «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией». М. В. Казьмина обратила внимание на опыт изучения современными отечественными историками истории повседневности 1930-х гг. [28]. Совместно с В. Н. Казьминым она раскрыла особенности трактовки сталинизма в историографии рубежа 1980–1990-х гг. [29]. Историография 1960–1990 гг. о состоянии угольной промышленности и положении шахтерских кадров в Сибири подробно изучена в статье К. А. Заболотской [30]. Комплексным историографическим источникам в ней также уделяется значительное внимание.

Культура историографического дискурса рассмотренных историографических трудов позволила выработать оптимальные методологические приемы анализа как представленного историографического источника в целом, так и отдельных его составляющих. В предлагаемой статье применяются общенаучные и специальные исторические принципы и методы

в преломлении к особенностям историографии как исторической дисциплины. Это принципы историзма, объективности, целостности, ценностного подхода, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический методы исследования, а также методы периодизации, ретроспективного и перспективного анализа, тематического, количественного анализа, контент-анализа текстов и их источников-видовой характеристики. Указанные принципы и методы исследования позволили представить анализ историографических процессов на региональном уровне, оценить степень политизированности историографической практики и историографического конформизма, проанализировать становление и пути развития новой историографической ситуации, сложившейся на рубеже XX–XXI вв., как раз во время выхода выпусков рассматриваемого сборника.

Следует отметить явную недостаточность подобного рода аналитических работ в современной историографии, что указывает на новизну и научную актуальность данной статьи. Кроме того, в статье проводится критика работ, содержание которых актуально непосредственно для современной социальной практики. Цель статьи – выявить закономерности и особенности современного этапа историографической ситуации через анализ изученности основных исторических процессов в Сибири на основе ретроспективного и перспективного рассмотрения научных трудов ведущих сибирских историков – авторов статей анализируемого сборника, а также содействовать введению в научный оборот содержащихся в сборнике материалов.

Количественный анализ комплексного историографического источника

Методы количественного анализа в настоящее время интенсивно разрабатываются в исторической и историографической литературе. Из вышедших в последний период работ выделяются публикации и докторская диссертация И. М. Гарсковой, защищенная по специальности «Историография, источники и методы исторического исследования». Особый интерес для нас представляет глава 4 «Количественный анализ историографии исторической информатики», в которой представлены конкретные образцы статистического и количественного анализа комплексных историографических источников [31, с. 205–222]. Количественный анализ дает наглядную (с таблицами и схемами) внешнюю характеристику рассматриваемого источника, показывает соотношение частного и целого в его содержании, определяет количественный и качественный состав редакторского и авторского корпусов, усиливает представление о тематической и видовой составляющих комплексного источника. Общее количественно-статистическое представление об анализируемом источнике дают выходные данные отдельных выпусков (табл. 1).

Сборник не удалось сделать регулярно выходящим периодическим изданием. Это было связано с нехваткой денежных средств, т. к. сборник финансировался только из одного

Табл. 1. Выходные данные межвузовского сборника научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997–2007)

Tab. 1. Imprint of "Siberia: XX century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007)

Номер выпуска	Год издания	Количество страниц	Условно-печатные листы	Тираж
1	1997	144	9	200
2	1999	152	9,5	100
3	2001	132	8	150
4	2002	163	9,5	300
5	2007	204	11,9	200
6	2007	183	10,7	500

источника – бюджета Кемеровского государственного университета (КемГУ). Та же главная причина лежала в основе небольшого объема и малотиражности издания. Только тираж одного выпуска удалось довести до 500 экземпляров, но он, к сожалению, стал последним в связи с нехваткой денежных средств. Малые тиражи по тем же причинам были характерны и для подобных межвузовских сборников, выпускавшихся Новосибирским государственным университетом (НГУ). Так, межвузовский сборник «Вопросы истории Сибири XX века» вышел тиражом всего 120 экземпляров [32], «Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век» (вып. 8) – 100 экземпляров [33]. По своему объему они не превышали тиражей сборников КемГУ.

Ответственным редактором всех шести выпусков сборника являлся д-р ист. наук С. В. Макаручук. В редакционную коллегию входили: канд. (вып. 1, 2, 3) и в последующем д-р (вып. 4) ист. наук Т. О. Машковская, канд. ист. наук В. А. Сергиенко (вып. 1, 4), д-р ист. наук Н. П. Шуранов (вып. 2, 3, 5), канд. ист. наук А. А. Зеленин (вып. 5), д-р ист. наук М. В. Казьмина (вып. 6), канд. ист. наук Г. А. Макурина (вып. 6). Техническим редактором всех сборников являлась В. И. Труханова, а работу по редактированию осуществляли Т. А. Козяева, Н. В. Тиунова, Т. С. Тодорович, И. А. Петухова, С. А. Мазаева.

Ответственный редактор и члены редколлегии стали постоянными авторами статей большинства выпусков сборника. Во всех выпусках приняли участие доктора ист. наук С. В. Макаручук, Н. П. Шуранов, С. П. Звягин, кандидаты ист. наук Г. А. Макурина, З. П. Галаганов. В пяти выпусках участвовали доктора ист. наук М. В. Шиловский (НГУ), Ю. П. Горелов, М. В. Казьмина, В. Н. Казьмин и канд. ист. наук Е. Н. Шуранова. В четырех сборниках опубликовались доктора ист. наук Т. О. Машковская, В. П. Андреев (Томский государственный университет, Томский государственный университет строительства и архитектуры), К. А. Заболотская, А. В. Курас (Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН),

канд. ист. наук М. Г. Леухова. В трех выпусках помещены статьи д-ра ист. наук Е. В. Суверова (Барнаульский филиал Рязанского института права и экономики МВД РФ). В географии сборника – Москва, Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул, Иркутск, Кемерово, Улан-Удэ, Якутск, Галифакс (Канада) (табл. 2).

Все статьи (за исключением двух: из Галифакса и Москвы) поступили из регионов Сибири и Дальнего Востока. Наибольшее количество статей представлено авторами КемГУ (71 из 129), что составляет 55 % от их общего числа. Авторы из других вузов и учреждений г. Кемерово представили 14 статей (10,8 %), из Томского государственного университета – 7 (5,4 %), других томских вузов – 5 (3,8 %), НГУ – 6 (4,6 %), Омского государственного университета – 6 (4,6 %), из вузов и учреждений г. Улан-Удэ – 7 (5,4 %), г. Барнаул – 6 (4,6 %).

Табл. 3 дает представление о количестве статей, авторов / соавторов и числе архивов, цитируемых в статьях

каждого выпуска сборника. Количество авторов учтено по каждому выпуску. В физическом выражении во всех выпусках сборника приняли участие 60 ученых, из них ученую степень д-ра ист. наук имели 31 человек, канд. ист. наук – 25 человек, не имели ученой степени на момент участия в сборнике 4 человека. Среди авторов были представлены: д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН (ныне академик), директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б. В. Базаров; д-р ист. наук, проф., зав. сектором Института истории СО РАН, зав. кафедрой истории России НГУ М. В. Шиловский; д-р ист. наук, проф., проректор НГУ, директор Института переподготовки и повышения квалификации при НГУ И. А. Мошетотов; д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета А. П. Толочко; д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета Ю. А. Петрушин и другие известные сибирские ученые.

Табл. 2. Представительство авторов межвузовского сборника научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007) по вузам и учреждениям

Tab. 2. Authors in "Siberia: XX century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007) by universities and institutions

Город	Наименование вуза, учреждения	Количество статей	Номера выпусков
Барнаул	Алтайский государственный технический университет	3	1, 4, 5
	Барнаульский филиал Рязанского института права и экономики МВД РФ	3	1, 2, 6
Галифакс (Канада)	Далхаузский университет	1	3
Иркутск	Иркутский государственный университет	2	4, 6
Кемерово	Администрация Кемеровской области	2	3, 4
	Архивное управление АКО	1	1
	Департамент молодежной политики и спорта АКО	1	6
	Департамент науки, высшей школы и молодежной политики Кемеровской области	2	1, 2
	Кемеровская государственная академия культуры и искусств	1	4
	Кемеровский государственный университет	71	1–6
	Кемеровский филиал Омской академии МВД РФ	6	1–6
	Кузбасский государственный технический университет	1	2
	Без указания учреждения	1	6
Москва	Московский автодорожный институт (технический университет)	1	3
Новосибирск	Институт истории СО РАН	1	5
	Новосибирский государственный университет	6	1–4
Омск	Омский государственный университет	6	2, 3, 4, 6
Томск	Томский государственный университет	7	1, 2, 5
	Томский государственный университет строительства и архитектуры	4	3, 5, 6
	Томский университет систем управления и радиоэлектроники	1	6
Улан-Удэ	Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств	2	2, 4
	Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН	2	2, 3
	Народный Хурал Республики Бурятия	1	5
	Без указания учреждения	2	5
Якутск	Институт гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия)	1	5

Табл. 3. Количество статей, авторов / соавторов и цитируемых архивов по выпускам межвузовского сборника научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007)

Tab. 3. Number of articles, authors / co-authors, and cited archives per issue of "Siberia: XX century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007)

Номер выпуска	Количество авторов	Количество статей	В том числе статей в соавторстве	Количество архивов
1	21	20	1	11
2	23	22	1	23
3	19	17	2	20
4	25	24	4	19
5	22	21	1	23
6	27	25	3	22

Высокая острепенность участников сборника и их известность в научном мире гарантировала качество опубликованных 129 статей, большинство из которых отличаются актуальностью, научной новизной и вводят в научный оборот новые исторические источники. Среди использованных архивов – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Российский центр хранения и использования документации новейшей истории (РЦХИДНИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный военный архив (РГВА), Архив федеральной службы безопасности РФ (АФСБ РФ). Использованы материалы всех республиканских, краевых и областных архивов Сибири, большинства архивов субъектов РФ Дальнего Востока, ряда областных архивов других российских регионов. Из редко встречающихся в научных исследованиях архивов отметим Государственный архив Таймырского автономного округа (ГАТАО), Государственный архив города Новосибирска (ГАГН), Архивный отдел администрации города Прокопьевска (АОАП), Тяжинский районный государственный архив (ТРГА), Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Бурятия (АУФСБ РФ по РБ), Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Томской области (АУФСБ РФ по ТО).

Количественно-видовой анализ требует определения видовой принадлежности всех составных элементов комплексного историографического источника. В сборнике «Сибирь: XX век» представлены 4 вида статей: историографические, научно-исследовательские, мемуарные статьи и исторические очерки. В разделе «Введение» кратко

проанализированы все 15 историографических статей, представленные в сборнике. Мемуарный характер носят 5 статей. Все они посвящены юбилейным датам жизни и деятельности видного кемеровского историка, профессора Н. П. Шуранова. Видовой подход приравнивает статью без библиографических и архивных ссылок не к научной статье, а к историческому очерку. В рассматриваемом сборнике к этому виду относится статья И. А. Молетотова, в научно-популярном ключе описывающая становление научных школ в первое десятилетие истории СО РАН [34]. В статьях З. П. Галаганова, хотя и указано, что они написаны по материалам Государственного архива Кемеровской области (ГАКО), ссылки на конкретные фонды, дела, описи, листы отсутствуют, как и библиографические сноски, что дает основание определить их видовую принадлежность к историческим очеркам [35–37]. Итак, 129 статей сборника по видам распределились следующим образом: исторические очерки – 4 (3,1 %); мемуары – 5 (3,8 %); историографические статьи – 15 (11,6 %); научно-исследовательские статьи – 105 (81,4 %).

Семантический (тематический) анализ научно-исследовательских статей сборника

Семантический анализ историографического источника предполагает применение качественного контент-анализа, т. е. такой методики изучения научных текстов, когда текст рассматривается как авторская, личностная коммуникативная сфера с выделением особенностей участия автора в историографическом дискурсе. Семантический анализ источника, таким образом, носит авторско-тематический характер и имеет целью выявление содержащихся в нем историографических фактов, представляющих собой историческое знание в авторской интерпретации. Семантический анализ комплексного историографического источника начинается с хронологическо-тематической классификации статей и составления хронологических и тематических рубрик (табл. 4). Приведем количественное соотношение 105 научно-исследовательских статей сборника «Сибирь: XX век», поместив их в условный тематико-хронологический рубрикатор.

Объем статьи не позволяет провести подробный семантический и контент-анализ всех представленных в сборнике текстов, поэтому при их рассмотрении пришлось применить библиографически-описательный метод, остановившись на более полном анализе лишь отдельных историографических источников и историографическом образе их авторов.

Дореволюционный этап истории Сибири (конец XIX в. – 1917 г.) (первый раздел)

Дореволюционный этап представлен достаточно инновационной тематикой, связанной с проблемами повседневности, религиозно-нравственным состоянием общества, национальными движениями. В. А. Волчек изучил исторические истоки падения религиозного чувства и нравственного уровня сибирского населения [38]. Бурятский исследователь

Табл. 4. Тематико-хронологический рубрикатор межвузовского сборника научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6.

Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007)

Tab. 4. Subject-chronological rubricator of "Siberia: XX century"

(Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007)

Исторический этап	Количество статей	% от научно-исследовательских статей
Дореволюционный этап истории Сибири (конец XIX в. – 1917 г.)	29	27,6 %
Сибирь в период революции, Гражданской войны и в 1920–1930-е гг.	39	37,2 %
Сибирь в предвоенные, военные и послевоенные годы (1940–1950-е гг.)	16	15,2 %
1960-е – первая половина 1980-х гг. в Сибири	8	7,6 %
Сибирь в 1985–2007 гг.	13	12,4 %

С. Ч. Мантурова предметом исследования избрала повседневные проблемы социально-незащищенного, обездоленного населения и обобщила исторический опыт их решения на примере деятельности Иркутского приказа общественного призрения [39]. С. Ч. Мантурова известна как специалист в области истории призрения и благотворительности, ею защищена докторская диссертация и выпущена монография [40].

Другой исследователь из Бурятии – Л. В. Кальмина – посвятила статьи распространению просвещения среди евреев и развитию еврейского национализма в форме сионизма [41; 42]. В статье о становлении Общества для распространения просвещения между евреями (ОПЕ) автор поддержал сформулированный рядом историков и ставший историографическим фактом тезис о полной поддержке ОПЕ политики сионизма. Д-р ист. наук Л. В. Кальмина является автором фундаментальной монографии по истории еврейских общин Восточной Сибири [43]. В настоящее время она стала одним из ведущих специалистов в области сибирской иудаики [9, с. 109].

Историки из Бурятии внесли весомый вклад в публикацию материалов сборника. Л. В. Курасу и Б. В. Базарову принадлежит концептуальная статья «У истоков бурятской государственности», в которой дана оценка насильственному крещению бурят в Российской империи и одновременно раскрыта роль буддизма как фактора национального единения. Статья выходит за рамки первого раздела тематико-хронологического рубрикатора и рассматривает проблемы становления бурятской государственности вплоть до 1923 г., когда открылся Первый съезд Советов Бурят-Монгольской АССР [44].

Вопросы состояния христианской религии ставит статья О. Н. Устьянцевой, в которой особое внимание уделяет своеобразие территориально-административного деления Томской епархии в конце XIX – начале XX в. [45]. Проблему конфессионального выбора аборигенных этносов юга Сибири в XIX – начале XX в. ставит М. В. Шиловский, особое внимание обращая на конкуренцию мировых религий – ислама, буддизма, христианства [46].

Новая историографическая ситуация полностью изменила подходы к анализу дореволюционной политической сферы, деятельности общественно-политических движений и политических партий, отдельных политических деятелей. Ушла в прошлое советская историографическая традиция с ее излишней идеологизацией, трафаретами, штампами, запретными темами. Выше уже упоминалось о новом историографическом концепте в отношении крайне правых, черносотенно-монархических организаций. В отношении либерального политического спектра Сибири новые подходы продемонстрировала томский исследователь, д-р ист. наук и автор монографии по проблемам сибирского либерализма О. А. Харусь [47]. В сборнике «Сибирь: XX век» она опубликовала две статьи, касающиеся вопросов партийного строительства кадетской партии и работы либералов в культурно-просветительных организациях. Ею зафиксированы исторические факты создания организаций кадетской партии не только в конкретных городах, но и в ряде сел Сибири, чем преодолен историографическая лакуна, связанная с изученностью региональных особенностей положения либеральной оппозиции в сельской местности [48]. Внесен вклад в историографический дискурс о сущности изменений политической ситуации в межреволюционный период. О. А. Харусь на конкретных исторических архивных данных показала проигрыш либералов в конкуренции с радикал-социалистическими течениями, в частности в вопросах влияния на культурно-просветительные организации. Она пришла к выводу, что в период Первой мировой войны либеральный сценарий длительного формирования гражданского общества не встречал поддержки народных масс, стремившихся к радикальным переменам [49].

Исторические портреты отдельных сибирских либералов представили С. П. Звягин и М. В. Шиловский. В статье С. П. Звягина приведен историографический факт о членстве видного сибирского общественного и государственного деятеля профессора Н. Я. Новомбергского в кадетской партии [50]. Исследуя биографию иркутского купца и областника С. С. Попова, М. В. Шиловский поддержал содержащийся в трудах историков биоисториографический факт об агентурном сотрудничестве купца с Третьим отделением [51].

Омский историк Ю. П. Родионов проделал большую работу с архивными источниками с целью установления и подтверждения партийной принадлежности сибирских депутатов Государственных дум, как либерального, так и социалистического крыла [52].

Различные аспекты социал-демократической работы в Сибири и на Дальнем Востоке рассмотрены в статьях С. В. Макаруча. Она представлена в рамках выдвинутого им нового историографического концепта об отсутствии в восточных регионах России отдельных большевистских организаций и о существовании не объединенных, а единых организаций РСДРП, в которых совместно работали социал-демократы, придерживавшиеся преимущественно большевистских, меньшевистских или примиренческих взглядов. Данный концепт обоснован в выпущенной в 1994 г. монографии [53]. В самом сборнике содержатся статьи автора о зарубежных связях сибирских и дальневосточных социал-демократов, их совместной с эсерами и анархистами работе, в том числе радикально-экстремистской направленности. В ряде статей специально акцентируется внимание на особенностях функционирования группировок эсеров и анархистов в Сибири [54–56].

Деятельность эсеров Дальнего Востока в годы Первой мировой войны оценил томский исследователь А. А. Бондаренко [57]. Московский историк Г. Г. Касаров проанализировал стачечную борьбу рабочих Томской губернии во время войны [58]. Г. А. Макурина исследовала методы борьбы против революционеров и внутреннее состояние системы политического сыска в Сибири [59]. Серия статей Ю. П. Горелова посвящена состоянию соединений российской армии и флота в период русско-японской войны и Первой мировой войны. Он также поставил вопросы повседневной жизни сибиряков в военные годы, состояния госпитальной системы и помощи беженцам [60; 61]. Все эти проблемы нашли отражение и развитие в докторской диссертации и монографии автора [62].

Сибирь в период революции, Гражданской войны и в 1920–1930-е гг. (второй раздел)

Данный раздел касается становления государственности в советской и «белой» Сибири, событий Гражданской войны и окончательного укрепления советской политической и экономической системы. В материале М. В. Шиловского рассмотрены первые попытки антибольшевистских группировок создать региональную небольшевистскую власть сразу после большевистского переворота на декабрьском 1917 г. Чрезвычайном областном съезде, прошедшем в Томске [63].

Дальнейшая деятельность Сибирской областной думы, в том числе роль национального фактора в ее работе, рассмотрена в статье И. В. Нам [64]. Томский исследователь стала д-ром ист. наук и автором фундаментальной монографии о национальных меньшинствах Сибири и Дальнего Востока в годы революции и Гражданской войны [65].

Феномен «атаманщины» и роль атамана Г. М. Семенова в гражданском противостоянии на востоке России рассмотрел в своей статье канадский исследователь Норман Перейра [66]. К моменту выхода выпусков сборника он был известен в России как специалист по истории Гражданской

войны в Сибири и автор монографии по этой проблеме [67]. Л. В. Курас в одной из статей сборника остановился на причинах и формах поддержки атаманом Г. М. Семеновым панмонголизма и панмонгольского движения [68]. Постоянный автор сборника известен как всесторонний исследователь исторических, историографических, источниковедческих проблем революции и Гражданской войны в Сибири. Согласно выпущенному к 70-летию ученого библиографическому указателю, им опубликовано 660 научных трудов, большинство из которых касается названной проблематики, в том числе революции и Гражданской войны на востоке России посвящено 12 монографических трудов [69].

Еще один постоянный автор – С. П. Звягин – посвятил свои статьи изучению опыта становления «белой» государственности, прежде всего правоохранительных органов: судов, милиции, прокурорского надзора. Как раз в период выхода выпусков сборника он защитил докторскую диссертацию и опубликовал монографию о правоохранительной политике А. В. Колчака [70]. С. П. Звягин одним из первых обобщил позитивные черты в различных сферах деятельности антибольшевистских правительств Сибири, в том числе в национальном вопросе [71], медиапропаганде и распространении правовых знаний [72]. Особенности исторического дискурса автора стали опорой на неизвестные источники редко посещаемых исследователями архивов (включая муниципальные), широкое использование материалов провинциальной периодической печати (включая газеты малых городов), вовлечение в научный оборот источников личного характера и реконструкция биографий деятелей «белого» движения.

Непростые и противоречивые процессы смены «белой» государственности советской властью в Сибири также нашли отражение в статьях сборника. Повстанческое крестьянское движение против большевистской политики «военного коммунизма» нашло всестороннюю характеристику в материале алтайских историков В. М. Суверова и Е. В. Суверова [73]. Е. В. Суверов выделил особенности развития сибирской торговли в первые годы нэпа [74]. В статьях Е. Н. Шурановой на материалах истории повседневности показаны непростые отношения между крестьянами и коммунистами в период проведения нэпа [75; 76]. Процессы дальнейшего укрепления советской власти в Сибири по всем направлениям изучены в работах Е. Э. Казакова (о роли профессиональных союзов в государственном строительстве) [77], В. П. Андреева и Н. В. Воробьева (по укреплению Советов) [78; 79], Н. А. Грика (о формировании институтов финансовой инспекции) [80]. С. О. Гаврилов изучил формы и особенности социалистического соревнования в колхозах и совхозах на примере Ефремовского движения [81]. Он также остановился на проблемах социального развития Западной Сибири и роли местных Советов депутатов трудящихся в их решении [82]. За время выхода сборника С. О. Гаврилов защитил докторскую диссертацию и выпустил монографию [83].

Значительное количество статей рассматриваемого сборника анализируют особенности исторического процесса в Кузбассе. М. Г. Леухова и Г. А. Макурина подробно остановились на проблемах формирования рабочего класса Кузбасса и росте его трудовой активности [84–86]. Подверглись изучению межнациональные отношения и вопросы государственного строительства в национальных районах [87–89]. Е. С. Генина впервые изучила феномен идеологизации населения Кузбасса [90]. Авторы сборника обращались к теме государственной репрессивной политики в Кузбассе и Западной Сибири [91; 92].

Сибирь в предвоенные, военные и послевоенные годы (1940–1950-е гг.) (третий раздел)

В третьем разделе тематико-хронологического рубрикатора представлены материалы, касающиеся предвоенного, военного и послевоенного периодов истории Сибири. В статье алтайского исследователя Н. Д. Ростова на основе вновь вводимых в научный оборот и ранее недоступных архивных документов раскрыты формы и методы работы политучреждений по подготовке молодежи к защите Родины [93]. Многие аспекты работы сибирского тыла нашли научное освещение в опубликованных во всех выпусках сборника статьях Н. П. Шуранова: создание и развитие промышленности боеприпасов, деятельность партийно-государственных органов по руководству военной промышленностью, состояние угледобычи в Кузбассе. Заслуженный деятель науки РФ, д-р ист. наук, проф. Н. П. Шуранов известен в научной среде как автор более 300 научных работ, большинство из которых посвящены военной тематике, в том числе монографии «Политика кануна Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война. Краткая история», «Кузбасс в годы Великой Отечественной войны», «Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны» [94]. Учитывая научные заслуги Н. П. Шуранова, выпуски 1, 4, 6 сборника посвящены юбилейным датам его жизни и деятельности.

Послевоенному развитию угольной промышленности Сибири посвятила свою статью К. А. Заболотская. На основе документов центральных федеральных архивов (ГАРФ, РГАСЗ) она провела сравнительный анализ производства угольных бассейнов Восточной Сибири и Кузбасса [95]. Томский исследователь Н. И. Наумова впервые поставила проблему положения немцев-спецпоселенцев после войны [96], а Л. А. Селиванова – проблему оседания коренных народов Енисейского Севера в послевоенные годы [97]. Е. С. Генина опубликовала статью о начале кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири [98]. В дальнейшем она защитила по данной проблематике докторскую диссертацию и выпустила монографию [99], а результатом продолжения исследовательской работы стал выход совместной с С. В. Макаркуком монографии, отражающей события кампании по борьбе с космополитизмом в Кузбассе [100].

1960-е – первая половина 1980-х гг. в Сибири (четвертый раздел)

Наименьшее количество материалов сборника приходится на данный раздел. В ряде статей затронута производственная и научно-техническая политика в период застоя [101–103]. А. В. Горбатов в одной из статей сборника показал процессы стабилизации государственно-церковных отношений в 1965–1970 гг. [104], а вскоре им была защищена докторская диссертация и выпущена монография о взаимодействии государства и религиозных организаций в Сибири в 1940–1960-е гг. [105]. В. Н. Казьмин объективно оценил опыт и проблемы в деятельности пропагандистов системы политического просвещения застойного времени [106]. Затем он сопоставил советскую систему идейно-политического воспитания с формами и методами политического влияния на массы в период перестройки, защитив докторскую диссертацию и издав монографию [107].

Сибирь в 1985–2007 гг. (пятый раздел)

В. Н. Казьмин с новых методологических позиций оценил расстановку политических сил и рабочее движение в Кузбассе перестроечного периода [108; 109]. Опираясь на вновь поступившие документы ГАКО и материалы органа Совета рабочих комитетов Кузбасса «Наша газета», М. В. Казьмина дала развернутую политическую характеристику сложившемуся в Кузбассе феномену «двоевластия» [110]. А. Б. Коновалов заполнил историографическую лауну, подняв запрещенную ранее тему партийной номенклатуры, причем изучив не только ее политические настроения и действия, но и особенности материально-технического и хозяйственно-бытового обеспечения [111; 112]. Расширив хронологические рамки исследования с перестройки на предыдущие периоды, он защитил докторскую диссертацию и издал монографию [113].

Рассматриваемые в сборнике исторические события доводятся вплоть до даты окончания его издания. П. А. Казарян, характеризуя современные национально-культурные объединения в Якутии, пришел к выводу, что они стали одним из факторов сохранения межнационального мира и гармонизации межнациональных отношений в регионе [114]. М. В. Белозерова обратилась к проблемам национального школьного образования, в том числе у абorigенных групп Кузбасса [115]. А. А. Зеленин поставил проблему возрождения студенческих отрядов, рассмотрев их как «общественное движение, новое для современной России» [116, с. 177]. В статье К. А. Заболотской и Г. С. Некрасовой прослежена эволюция настроений россиян, в том числе кузбассовцев, в ходе либеральных реформ конца XX – начала XXI в. [117].

Заключение

Предпринятое КемГУ издание межвузовского сборника научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997–2007) пришлось на время утверждения

в исторической науке новой историографической ситуации, связанной со сменой идеологического вектора, утверждением новых методологических подходов, расширения тематики исследований и появления свободных от политизации и конформизма историографических фактов, основанных на объективных исторических данных. Материалы сборника внесли вклад в развитие этих процессов в исторической науке Сибири.

Авторский корпус издания, состоящий из ведущих региональных ученых, переосмыслил основные этапы сибирской истории XX в., внес существенные изменения в сложившийся исторический образ макрорегиона и обогатил его новыми историческими фактами. Ретроспективный и перспективный анализ научного потенциала авторского коллектива свидетельствует о его высоком качестве и способности решить самые сложные задачи, связанные с модернизацией исторической науки.

В области историографии авторы сборника внесли вклад в теорию и практику дальнейшим развитием концептуальных подходов, методологии формирования индивидуального

историографического образа ученого, методов оценки предшествующей и нынешней историографической ситуации и критики историографических позиций отдельных групп ученых. Историческая наука в целом обогатилась не только концептуальным осмыслением и переосмыслением конкретных проблем сибирской истории, но и детальной проработкой исторических портретов известных сибиряков, выдвижением неизвестных биоисториографических фактов, формулировкой новых концепций и применением инновационных форм ведения исторического дискурса.

Материалы сборника не утратили актуальности. Они достойны широкого введения в научный оборот и могут послужить исторической, методологической и историографической школой для молодых ученых.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1998. 192 с.
2. Логунов А. П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии / науч. ред. А. П. Логунов. М.: РГГУ, 2001. С. 7–58.
3. Ипполитов Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 501–509.
4. Бандурин С. Г., Цветков И. Б. Историографическая культура в работах по пограничной истории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 1. С. 75–81. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.08
5. Ланской Г. Н. «Труды Историко-архивного института» как историографический источник // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 80–88.
6. Петропавловская Е. М. Проблемы отечественной истории в литературно-художественных и общественно-политических журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» 1985–1991 годов (структурно-тематический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2008. 30 с.
7. Асташева М. В. Историографический обзор исследований, посвященных региональной культурной идентичности // Социодинамика. 2015. № 4. С. 75–83. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.4.15051
8. Личман Б. В. Современный этап теории и методологии историографии в трудах главы уральской историографической научной школы В. Д. Камынина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 3. С. 85–90.
9. Макачук С. В., Генина Е. С., Гончаров Ю. М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI в. в оценках современных отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 108–115. DOI: 10.17223/19988613/64/14
10. Звягин С. П. Вклад ученых кемеровских вузов в изучение истории Сибири периода Гражданской войны // Кузбасс – 75: мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посв. юбилею Кемеровской области. (Кемерово, 25 января 2018 г.) Кемерово: КРИПО, 2018. С. 40–42.
11. Бельков В. И., Макачук С. В. Николай Павлович Шуранов – человек, учитель, ученый // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 4–9.
12. Шуранов Н. П. Концепция истории России советского периода // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 9–21.
13. Машковский В. П. Историческая наука Кузбасса в конце столетия // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 128–134.
14. Машковский В. П. Проблемы региональной истории как фактора культуры в современном мире // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 146–150.

15. Машковская Т. О. Региональная научно-техническая программа «Сибирь»: новая концепция 90-х гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 123–127.
16. Сергиенко В. А. Исследовательский проект: «Исторический паспорт Кузбасса» // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 134–139.
17. Толочко А. П. К изучению отечественной историографии черносотенно-монархического движения в Сибири в начале XX века // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 33–39.
18. Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.). Омск: ОмГУ, 1999. 123 с.
19. Толочко А. П. Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск: ОмГУ, 2001. 140 с.
20. Шиловский М. В. «Забытая революция»: Размышления историка по поводу 100-летия Первой русской революции // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 23–36.
21. Шиловский М. В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 320 с.
22. Шиловский М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: ТГУ, 2010. 150 с.
23. Толочко А. П., Сквородина И. С. Низшее и среднее профессиональное образование в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (к историографии и проблематике вопроса) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 22–29.
24. Толочко А. П., Ищенко О. В., Сквородина И. С. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (опыт истории в контексте современности). Омск: ОмГУ, 2005. 223 с.
25. Леухова М. Г. Весомый вклад в изучение судебного строя России. Рецензия на монографию: Курас А. В., Курас Т. Л., Щербаков Н. Н. История Иркутской судебной палаты (1897 – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2003. 254 с. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 20–23.
26. Шиловский М. В. К вопросу о политической оценке государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 48–53.
27. Петрушин Ю. А., Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая в 1920–1945 гг.: Некоторые итоги изучения темы // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 98–110.
28. Казьмина М. В. Отечественная историография рубежа XX–XXI вв. об изучении истории повседневности 1930-х гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 89–98.
29. Казьмина М. В., Казьмин В. Н. Трактровка сталинизма в отечественной историографии рубежа 80–90-х гг. XX века // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 149–157.
30. Заболотская К. А. Угольная промышленность и шахтерские кадры Сибири в историографии 1960–1990 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 97–106.
31. Гарскова И. М. Историческая информатика: методологические и историографические аспекты развития: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 611 с.
32. Вопросы истории Сибири XX века / под ред. М. В. Шиловского. Новосибирск: НГУ, 1999. 162 с.
33. Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век / под ред. А. Г. Борзенкова. Новосибирск: НГУ, 2007. Вып. 8. 243 с.
34. Мошетов И. А. Первое десятилетие в истории СО РАН. 1957–1966 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 93–97.
35. Галаганов З. П. Горная Шория, 1929 год: так был ли «перелом»? // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 79–88.
36. Галаганов З. П. Горная Шория, 1930 год: нарастание напряженности. (По материалам Государственного архива Кемеровской области) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 106–114.
37. Галаганов З. П. Колхозное строительство в Горной Шории в 30-е годы (по материалам ГАКО) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 96–105.
38. Волчек В. А. Некоторые черты нравственного состояния сибирского общества в XVII–XIX вв. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 3–10.
39. Мантурова С. Ч. Деятельность Иркутского приказа общественного призрения во второй половине XIX века // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 3–13.
40. Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. 231 с.
41. Кальмина Л. В. ОПЕ в Сибири: инструмент просвещения или политики? (1863–1917 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 13–20.
42. Кальмина Л. В. Сионистское движение в Забайкалье до 1917 года // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 73–79.

43. Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. 423 с.
44. Курас Л. В., Базаров Б. В. У истоков бурятской государственности // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 9–19.
45. Устьянцева О. Н. Своеобразие территориально-административного деления Томской епархии в конце XIX – начале XX в. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 42–46.
46. Шиловский М. В. Проблема конфессионального выбора аборигенных этносов юга Сибири в XIX – начале XX вв. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 27–33.
47. Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 228 с.
48. Харусь О. А. Формирование организаций кадетской партии в Сибири. Конец 1905 – начало 1906 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 51–60.
49. Харусь О. А. Либералы и культурно-просветительные организации в Сибири в межреволюционный период (1907 – февраль 1917 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 37–50.
50. Звягин С. П. Н. Я. Новомбергский: краткий очерк жизни и деятельности // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 16–23.
51. Шиловский М. В. Купец, областник, секретный агент (к 170-летию со дня рождения С. С. Попова) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 10–16.
52. Родионов Ю. П. Идентификация партийности сибирских депутатов Государственной думы в 1906–1917 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 23–30.
53. Макаrchук С. В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.): Состояние социал-демократических и внепартийных организаций. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 298 с.
54. Макаrchук С. В. Социалисты-революционеры Сибири: «правый» и «левый» фланги партии в 1907–1914 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 33–39.
55. Макаrchук С. В. Анархисты восточных регионов России в конце XIX – начале XX в. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 23–33.
56. Макаrchук С. В. Движение анархистов на Дальнем Востоке в 1907–1914 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 60–66.
57. Бондаренко А. А. Эсеры Дальнего Востока в период Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 50–59.
58. Касаров Г. Г. Стачечная борьба рабочих Томской губернии в годы Великой Мировой войны // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 46–52.
59. Макурина Г. А. Меры органов политического сыска России по обеспечению общественной безопасности в 1913 г. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 31–37.
60. Горелов Ю. П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 66–73.
61. Горелов Ю. П. Жители Томска в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 37–40.
62. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 385 с.
63. Шиловский М. В. Декабрьский (1917 г.) сибирский чрезвычайный областной съезд // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 59–67.
64. Нам И. В. Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы (август-ноябрь 1918 г.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 67–76.
65. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
66. Перейра Н. Атаманщина и белая власть в Восточной Сибири во время гражданской войны // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 57–63.
67. Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории, 1996. 196 с.
68. Курас Л. В. Атаман Семенов и панмонгольское движение // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 52–56.
69. Курас Леонид Владимирович: библиографический указатель. К 70-летию со дня рождения / сост. И. С. Цыремпилова. Иркутск: Оттиск, 2021. 176 с.
70. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 352 с.
71. Звягин С. П. Евреи в условиях «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 76–87.

72. Звягин С. П. Распространение правовых знаний небольшевистскими газетами Урала, Сибири и Дальнего Востока в период Гражданской войны // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 79–84.
73. Суверов В. М., Суверов Е. В. Повстанческое движение в Сибири. 1920–1923 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 53–60.
74. Суверов Е. В. Формирование и развитие торговли в Сибири в первые годы нэпа // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 87–91.
75. Шуранова Е. Н. Отношение сибирских крестьян к коммунистам в 1921–1923 годах // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 61–76.
76. Шуранова Е. Н. Отношение сибирских крестьян к советской власти в 1921–1927 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 70–78.
77. Казаков Е. Э. Структурная перестройка профсоюзов Сибири в 1930-е годы // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 79–86.
78. Андреев В. П. Перевыборы горсоветов Сибири в 1926–1927 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 106–113.
79. Андреев В. П., Воробьев Н. В. Городские Советы Сибири и развитие государственной кооперативной торговли в 1926–1932 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 78–84.
80. Грик Н. А. Некоторые вопросы становления и формирования финансовой инспекции в Томской губернии в начале нэпа // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 51–58.
81. Гаврилов С. О. Ефремовское движение в Сибири во второй половине 1930-х гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 117–122.
82. Гаврилов С. О. Советы депутатов трудящихся и проблемы социального развития Западной Сибири во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 110–118.
83. Гаврилов С. О. Местные Советы Российской Федерации в предвоенный период. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 373 с.
84. Макурина Г. А. Рабочие Кузбасса в 1920-е годы // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 67–72.
85. Леухова М. Г., Макурина Г. А. Источники формирования рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса в годы первой пятилетки // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 73–79.
86. Леухова М. Г. Трудовая активность горняков Кузнецкого угольного бассейна в годы индустриализации // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 114–121.
87. Галкина Л. Ю. Межнациональные отношения в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 98–106.
88. Садовой А. Н., Белозерова М. В. Некоторые аспекты формирования национальной политики в СССР на региональном уровне: Горная Шория, 1920–1930-е гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 101–106.
89. Заболотская К. А., Прокопенко М. А. Некоторые аспекты советского государственного строительства на территориях проживания телеутов (20–30-е гг. XX в.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 86–96.
90. Генина Е. С. Идеологизация населения Кузбасса в 1924–1928 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 92–101.
91. Гвоздкова Л. И. Ленинск-Кузнецкий в огне репрессий. 1930 – начало 1940-х гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 86–93.
92. Казьмина М. В. Некоторые аспекты репрессивной политики в РСФСР и Западной Сибири в 1930–1940-е гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 112–120.
93. Ростов Н. Д. Деятельность политпросветучреждений Западной Сибири по подготовке молодежи к защите Родины (1938–1941 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 121–127.
94. Шуранов Николай Павлович // Доктора наук КемГУ. Кемеровский государственный университет в юбилейном году: биографический справочник / отв. ред. Б. П. Невзоров, Б. А. Сечкарев. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 144–146.
95. Заболотская К. А. Восстановление и развитие угольной промышленности Сибири в первые послевоенные годы // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 134–142.
96. Наумова Н. И. Немцы-спецпоселенцы Томской области в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 130–134.
97. Селиванова Л. Л. Проблемы оседания коренных народов Енисейского Севера в послевоенные годы // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. С. 103–110.
98. Генина Е. С. Начало кампании по борьбе с космополитизмом в Иркутске (по материалам газеты «Восточно-Сибирская правда») // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 125–132.
99. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: КемГУ, 2009. 255 с.

100. Генина Е. С., Макаrchук С. В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.). Кемерово: КРИПО, 2018. 176 с.
101. Машковская Т. О. Основные направления государственной научно-технической политики в Сибири и на Дальнем Востоке в 70-е гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. Вып. 4. С. 142–149.
102. Казьмина М. В. Социальные ориентиры в развитии предприятий черной металлургии Кузбасса в первой половине 70-х гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 138–141.
103. Мишенин С. Е. Исторический опыт осуществления безопасности хранения груза и его перевозки на железнодорожном транспорте Кузбасса в 1965–1991 гг. (К постановке проблемы) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 151–157.
104. Горбатов А. В. Стабилизация государственно-церковных отношений в СССР (1965–1970 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 132–137.
105. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 408 с.
106. Казьмин В. Н. Опыт и проблемы деятельности пропагандистов системы политического просвещения. 1971–1985 гг.: федеральный и региональный компоненты // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 142–151.
107. Казьмин В. Н. Идеино-политическая борьба в регионах России. 1971–1991 гг. (на примере Западной Сибири). Кемерово: КемГУ, 2009. 280 с.
108. Казьмин В. Н. Расстановка политических сил Кузбасса в период «перестройки». 1985–1991 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 113–120.
109. Казьмин В. Н. Рабочее движение Кузбасса в период «перестройки» (1989–1991 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. Вып. 2. С. 141–146.
110. Казьмина М. В. Местные органы власти Кузбасса во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 1. С. 120–128.
111. Коновалов А. Б. Эволюция политических настроений сибирской партноменклатуры в годы «перестройки» (1985–1991) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 157–166.
112. Коновалов А. Б. Материально-техническое и хозяйственно-бытовое обеспечение партийной номенклатуры Западной Сибири в период «перестройки» (1985–1991 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 146–166.
113. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 636 с.
114. Казарян П. Л. Национально-культурные объединения в Якутии (1988–2003 гг.) // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 189–200.
115. Белозерова М. В. Некоторые проблемы в развитии системы национального школьного образования в 80-е гг. XX в. – начале XXI в. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 5. С. 181–189.
116. Зеленин А. А. Из истории движения студенческих отрядов в России на современном этапе // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 172–179.
117. Заболотская К. А., Некрасова Г. С. Эволюция настроений россиян в контексте либеральных реформ конца XX – начала XXI в. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. Вып. 6. С. 166–172.

original article

Interuniversity Collection of Papers "Siberia: XX Century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007) as a Comprehensive Historiographic Source

Sergey V. Makarchuk

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-8448-7556>; makarchuk-sv@mail.ru

Elena S. Genina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-0560-6581>

Received 18 May 2021. Accepted 23 Jun 2021.

Abstract: The article presents a historiographic review of "Siberia: XX Century". This interuniversity collection of research papers was published in Kemerovo in 1997–2007. Based on standard research methods and special historical and historiographic principles, the authors analyzed the periodical as a complex historiographic source. The quantitative analysis made it possible to calculate the ratio of the special issues, to assess the editorial board and authors, to describe the research subjects, etc. The semantic analysis was based on the content analysis, which also revealed to what degree the authors of the journal participated in the historical discourse. The paper features retrospective and prospective analyzes of the main research works of the leading Siberian scientists published in "Siberia: XX Century". The research objective was to identify the patterns of the current historiographic situation based on the state of knowledge of the key historical processes in Siberia.

Keywords: historiography, editor, author, historiographic situation, historiographic fact, quantitative analysis of a historiographic source, semantic (subject) analysis of a historiographic source, content analysis

Citation: Makarchuk S. V., Genina E. S. Interuniversity Collection of Papers "Siberia: XX Century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007) as a Comprehensive Historiographic Source. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 371–388. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-371-388>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Croce B. *Theory and history of historiography*. Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1998, 192. (In Russ.)
2. Logunov A. P. Domestic historiographic culture: current state and trends of transformation. *Images of historiography*, ed. Logunov A. P. Moscow: RGGU, 2001, 7–58. (In Russ.)
3. Ippolitov G. M. The classification of sources in the problem-thematic historiographical studies and some methodological approaches to their analysis. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, 13(3-2): 501–509. (In Russ.)
4. Bandurin S. G., Cvetkov I. B. Historiographic culture in works on border history. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kultura. Istoriia. Filosofiia. Pravo*, 2018, (1): 75–81. (In Russ.) DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.08
5. Lansky G. N. "Studies of Institute for history and archives" as a historiographical source. *The New Historical Bulletin*, 2013, (2): 80–88. (In Russ.)
6. Petropavlovskaya E. M. *Problems of Russian history in literary-artistic and socio-political magazines "Znamya", "New World", "October" 1985–1991 (structural and thematic analysis)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2008, 30. (In Russ.)
7. Astasheva M. V. Historiographical review of studies on the regional cultural identity. *Sociodynamics*, 2015, (4): 75–83. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-7144.2015.4.15051
8. Lichman B. V. The current stage of theory and methodology of historiography in the works of the head the Ural scientific school of historiography V. D. Kamynina. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 2015, (3): 85–90. (In Russ.)
9. Makarchuk S. V., Genina E. S., Goncharov Yu. M. Issues of the history of Jewish communities in Siberia in the 20th – early 21st century as viewed by contemporary Russian researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, (64): 108–115. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/64/14

10. Zvyagin S. P. Contribution of scientists from Kemerovo universities to the study of the history of Siberia during the Civil War. *Kuzbass – 75: Proc. Region. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the anniversary of the Kemerovo region*, Kemerovo, 25 Jan 2018. Kemerovo: KRIRPO, 2018, 40–42. (In Russ.)
11. Belkov V. I., Makarchuk S. V. Nikolay P. Shuranov – man, teacher, and scientist. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 4–9. (In Russ.)
12. Shuranov N. P. The concept of the history of Russia in the Soviet period. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 9–21. (In Russ.)
13. Mashkovsky V. P. Historical science of Kuzbass at the end of the century. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 128–134. (In Russ.)
14. Mashkovsky V. P. Problems of regional history as a factor of culture in the modern world. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 146–150. (In Russ.)
15. Mashkovskaya T. O. Regional scientific and technical program "Siberia": a new concept of the 90s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 123–127. (In Russ.)
16. Sergienko V. A. Research project: "Historical passport of Kuzbass". *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 134–139. (In Russ.)
17. Tolochko A. P. Domestic historiography of the Black Hundred monarchist movement in Siberia in the XX century. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 33–39. (In Russ.)
18. Tolochko A. P. *Black Hundreds in Siberia (1905 – February 1917)*. Omsk: OmGU, 1999, 123. (In Russ.)
19. Tolochko A. P. *Modern Russian historiography of the party-political movement in Siberia in the early XX century*. Omsk: OmGU, 2001, 140. (In Russ.)
20. Shilovskiy M. V. "Forgotten revolution": reflections of a historian on the 100th anniversary of the First Russian Revolution. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 23–36. (In Russ.)
21. Shilovskiy M. V. *The first Russian revolution 1905–1907 in Siberia*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012, 320. (In Russ.)
22. Shilovskiy M. V. *Tomsk pogrom 20–22 October 1905: chronicle, commentary, and interpretation*. Tomsk: TGU, 2010, 150. (In Russ.)
23. Tolochko A. P., Skovorodina I. S. Lower and secondary vocational education in Western Siberia in the late XIX – early XX century (historiography and problem statement). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 22–29. (In Russ.)
24. Tolochko A. P., Ishchenko O. V., Skovorodina I. S. *Development of vocational education in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries (experience of history in the context of modernity)*. Omsk: OmGU, 2005, 223. (In Russ.)
25. Leukhova M. G. A significant contribution to the study of the judicial system in Russia. Review of the monograph: L. V. Kuras, T. L. Kuras, N. N. Shcherbakov. *History of the Irkutsk Court of Justice (1897 – February 1917)*. Ulan-Ude: VSGAKI, 2003, 254. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 20–23. (In Russ.)
26. Shilovskiy M. V. Political assessment of the coup d'etat on November 18, 1918, in Omsk. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 48–53. (In Russ.)
27. Petrushin Yu. A., Chapygin I. V. Cossack emigration in the Russian diaspora of North-East China in 1920–1945: Some results of the study. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 98–110. (In Russ.)
28. Kazmina M. V. Domestic historiography at the turn of the XX–XXI centuries on the study of the history of everyday life in the 1930s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 89–98. (In Russ.)
29. Kazmina M. V., Kazmin V. N. Interpretation of Stalinism in Russian historiography at the turn of the 1980s–1990s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 149–157. (In Russ.)
30. Zabolotskaya K. A. Coal industry and miners in Siberia in the historiography of 1960–1990. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 97–106. (In Russ.)
31. Garskova I. M. *Historical informatics: methodological and historiographic aspects of development*. Dr. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2018, 611. (In Russ.)
32. *Questions of the history of Siberia of the XX century*, ed. Shilovskiy M. V. Novosibirsk: NGU, 1999, 162. (In Russ.)
33. *Social and political life of Siberia. XX century*, ed. Borzenkov A. G. Novosibirsk: NGU, 2007, iss. 8, 243. (In Russ.)
34. Moletotov I. A. The first decade in the history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 1957–1966. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 93–97. (In Russ.)
35. Galaganov Z. P. Gornaya Shoria, 1929: Was there a "turning point"? *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 79–88. (In Russ.)
36. Galaganov Z. P. Gornaya Shoria, 1930: growing tension. (Based on materials from the State Archives of the Kemerovo Region). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 106–114. (In Russ.)
37. Galaganov Z. P. Collective farm construction in Gornaya Shoria in the 1930s (based on the materials of the State Agricultural Committee). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 96–105. (In Russ.)

38. Volchek V. A. Some features of the moral state of Siberian society in the XVII–XIX centuries. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 3–10. (In Russ.)
39. Manturova S. Ch. Activity of the Irkutsk order of public charity in the second half of the XIX century. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 3–13. (In Russ.)
40. Manturova S. Ch. *State charity and charity in the social and cultural life of Transbaikalia in the second half of the XIX – early XX centuries*. Ulan-Ude: Resp. tip., 2005, 231. (In Russ.)
41. Kalmina L. V. OPE in Siberia: an instrument of education or politics? (1863–1917). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 13–20. (In Russ.)
42. Kalmina L. V. Zionist movement in Transbaikalia before 1917. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 73–79. (In Russ.)
43. Kalmina L. V. Jewish communities of Eastern Siberia (mid-XIX century – February 1917). Ulan-Ude: Izd.-poligr. kompleks VSGAKI, 2003, 423. (In Russ.)
44. Kuras L. V., Bazarov B. V. At the origins of the Buryat statehood. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 9–19. (In Russ.)
45. Ustyantseva O. N. The originality of the territorial-administrative division of the Tomsk diocese in the late XIX – early XX centuries. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 42–46. (In Russ.)
46. Shilovskiy M. V. The problem of confessional choice of aboriginal ethnic groups in the south of Siberia in the XIX – early XX centuries. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 27–33. (In Russ.)
47. Kharus O. A. *Liberalism in Siberia at the beginning of the twentieth century. Ideology and politics*. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 1996, 228 p. (In Russ.)
48. Kharus O. A. Formation of organizations of the Cadet Party in Siberia. Late 1905 – early 1906. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 51–60. (In Russ.)
49. Kharus O. A. Liberals and cultural and educational organizations in Siberia in the inter-revolutionary period (1907 – February 1917). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 37–50. (In Russ.)
50. Zvyagin S. P. N. Ya. Novombergsky: a short sketch of life and work. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 16–23. (In Russ.)
51. Shilovskiy M. V. Merchant, regional specialist, secret agent (to the 170th anniversary of S. S. Popov). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 10–16. (In Russ.)
52. Rodionov Yu. P. Identification of the party affiliation of the Siberian deputies of the State Duma in 1906–1917. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 23–30. (In Russ.)
53. Makarchuk S. V. *Political underground in the eastern regions of Russia (June 1907 – February 1917): The state of social democratic and non-party organizations*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994, 298. (In Russ.)
54. Makarchuk S. V. Socialist-revolutionaries of Siberia: "right" and "left" flanks of the party in 1907–1914. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 33–39. (In Russ.)
55. Makarchuk S. V. Anarchists of the eastern regions of Russia in the late XIX – early XX centuries. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 23–33. (In Russ.)
56. Makarchuk S. V. Anarchist movement in the Far East in 1907–1914. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 60–66. (In Russ.)
57. Bondarenko A. A. Socialist-Revolutionaries of the Far East during the First World War (1914 – February 1917). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 50–59. (In Russ.)
58. Kasarov G. G. The strike struggle of the workers of the Tomsk province during the Great World War. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 46–52. (In Russ.)
59. Makurina G. A. Measures of the bodies of political investigation of Russia to ensure public safety in 1913. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 31–37. (In Russ.)
60. Gorelov Yu. P. Reception of refugees in Siberia during the First World War. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 66–73. (In Russ.)
61. Gorelov Yu. P. Residents of Tomsk in the First World War (1914–1918). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 37–40. (In Russ.)
62. Gorelov Yu. P. *Siberians defending the Fatherland in the wars of the early twentieth century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003, 385. (In Russ.)
63. Shilovskiy M. V. December (1917) Siberian extraordinary regional congress. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 59–67. (In Russ.)
64. Nam I. V. The national factor in the activities of the Siberian Regional Duma (August–November 1918). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 67–76. (In Russ.)

65. Nam I. V. *National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)*. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 2009, 500. (In Russ.)
66. Pereira N. Atamanshchina and White Power in Eastern Siberia during the Civil War. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 57–63. (In Russ.)
67. Pereira N. *Siberia: Politics and Society in the Civil War*. Moscow: Izd. tsentr In-ta ros. istorii, 1996, 196. (In Russ.)
68. Kuras L. V. Ataman Semyonov and the Pan-Mongol movement. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 52–56. (In Russ.)
69. Leonid V. Kuras: *bibliographic index. 70th birthday*, comp. Tsyrempilova I. S. Irkutsk: Ottisk, 2021, 176. (In Russ.)
70. Zvyagin S. P. *Law enforcement policy of A. V. Kolchak*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, 352. (In Russ.)
71. Zvyagin S. P. Jews in the "white" Siberia (1918–1920). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 76–87. (In Russ.)
72. Zvyagin S. P. Dissemination of legal knowledge by non-Bolshevik newspapers of the Urals, Siberia, and the Far East during the Civil War. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 79–84. (In Russ.)
73. Suverov V. M., Suverov E. V. The insurrectionary movement in Siberia. 1920–1923. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 53–60. (In Russ.)
74. Suverov E. V. Formation and development of trade in Siberia in the early years of the NEP. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 87–91. (In Russ.)
75. Shuranova E. N. The attitude of Siberian peasants to the communists in 1921–1923. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 61–76. (In Russ.)
76. Shuranova E. N. The attitude of Siberian peasants to the Soviet regime in 1921–1927. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 70–78. (In Russ.)
77. Kazakov E. E. Structural restructuring of trade unions in Siberia in the 1930s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 79–86. (In Russ.)
78. Andreev V. P. Re-election of the City Councils of Siberia in 1926–1927. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 106–113. (In Russ.)
79. Andreev V. P., Vorobiev N. V. City Councils of Siberia and the development of state cooperative trade in 1926–1932. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 78–84. (In Russ.)
80. Grik N. A. Formation and development of financial inspection in the Tomsk province during the early New Economic Policy. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 51–58. (In Russ.)
81. Gavrilov S. O. Efremov movement in Siberia in the second half of the 1930s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 117–122. (In Russ.)
82. Gavrilov S. O. Soviets of Working People's Deputies and the problems of social development of Western Siberia in the second half of the 1930s – early 1940s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 110–118. (In Russ.)
83. Gavrilov S. O. *Local Councils of the Russian Federation in the pre-war period*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2003, 373. (In Russ.)
84. Makurina G. A. Workers of Kuzbass in the 1920s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 67–72. (In Russ.)
85. Leukhova M. G., Makurina G. A. Sources of working personnel in the coal industry of Kuzbass during the first five-year plan. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 73–79. (In Russ.)
86. Leukhova M. G. Labor activity of miners of the Kuznetsk coal basin during industrialization. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 114–121. (In Russ.)
87. Galkina L. Yu. Interethnic relations in the Autonomous Industrial Colony "Kuzbass". *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 98–106. (In Russ.)
88. Sadovoy A. N., Belozerova M. V. Some aspects of the formation of national policy in the USSR at the regional level: Gornaya Shoria, 1920s–1930s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 101–106. (In Russ.)
89. Zabolotskaya K. A., Prokopenko M. A. Some aspects of the Soviet state building in the territories of residence of Teleuts (20–30s XX century). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 86–96. (In Russ.)
90. Genina E. S. Ideologization of the Kuzbass population in 1924–1928. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 92–101. (In Russ.)
91. Gvozdkova L. I. Leninsk-Kuznetsky in the blaze of repressions. 1930 – early 1940s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 86–93. (In Russ.)
92. Kazmina M. V. Some aspects of the repressive policy in the RSFSR and Western Siberia in the 1930s–1940s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 112–120. (In Russ.)

93. Rostov N. D. Activities of political education institutions in Western Siberia to prepare young people to defend the Motherland (1938–1941). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 121–127. (In Russ.)
94. Shuranov Nikolai Pavlovich. *Doctors of sciences of the Kemerovo State University. Kemerovo State University in the anniversary year: biographical reference*, eds. Nevzorov B. P., Sechkarev B. A. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 152. (In Russ.)
95. Zabolotskaya K. A. Restoration and development of the coal industry in Siberia in the first post-war years. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 134–142. (In Russ.)
96. Naumova N. I. Germans-special settlers of the Tomsk region in the post-war period (1945–1953). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 130–134. (In Russ.)
97. Selivanova L. L. Problems of subsidence of the indigenous peoples of the Yenisei North in the post-war years. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, iss. 3, 103–110. (In Russ.)
98. Genina E. S. Beginning of the anti-cosmopolitanism campaign in Irkutsk (based on the materials of the newspaper "Vostochno-Sibirskaya Pravda"). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 125–132. (In Russ.)
99. Genina E. S. *Campaign to combat cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)*. Kemerovo: KemSU, 2009, 255. (In Russ.)
100. Genina E. S., Makarchuk S. V. *The fight against cosmopolitanism: political affairs and revelations in the Kemerovo region (1949–1953)*. Kemerovo: KRIRPO, 2018, 176. (In Russ.)
101. Mashkovskaya T. O. The main directions of the state scientific and technical policy in Siberia and the Far East in the 1970s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, iss. 4, 142–149. (In Russ.)
102. Kazmina M. V. Social guidelines in the development of ferrous metallurgy enterprises of Kuzbass in the first half of the 70s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 138–141. (In Russ.)
103. Mishenin S. E. Historical experience of the implementation of the safety of storage of cargo and its transportation on the railway transport of Kuzbass in 1965–1991. (To the problem statement). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 151–157. (In Russ.)
104. Gorbatov A. V. Stabilization of state-church relations in the USSR (1965–1970). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 132–137. (In Russ.)
105. Gorbatov A. V. *State and religious organizations of Siberia in the 1940s–1960s*. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2008, 408. (In Russ.)
106. Kazmin V. N. Experience and problems of the activities of propagandists of the system of political education. 1971–1985: federal and regional components. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 142–151. (In Russ.)
107. Kazmin V. N. *Ideological and political struggle in the regions of Russia in 1971–1991 (the case of Western Siberia)*. Kemerovo: KemGU, 2009, 280. (In Russ.)
108. Kazmin V. N. The alignment of political forces in Kuzbass during Perestroika (1985–1991). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 113–120. (In Russ.)
109. Kazmin V. N. Workers' movement of Kuzbass during Perestroika (1989–1991). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, iss. 2, 141–146. (In Russ.)
110. Kazmina M. V. Local authorities of Kuzbass in the second half of the 1980s – early 1990s. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, iss. 1, 120–128. (In Russ.)
111. Konovalov A. B. Evolution of political moods of the Siberian party members in the years of "perestroika" (1985–1991). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 157–166. (In Russ.)
112. Konovalov A. B. Material and technical and household support of the party nomenclature of Western Siberia during Perestroika (1985–1991). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 146–166. (In Russ.)
113. Konovalov A. B. *The party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 636. (In Russ.)
114. Ghazaryan P. L. National-cultural associations in Yakutia (1988–2003). *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 189–200. (In Russ.)
115. Belozeroва M. V. Some problems in the development of the system of national school education in the 1980s – early XXI century. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 5, 181–189. (In Russ.)
116. Zelenin A. A. From the history of the movement of student detachments in Russia at the present stage. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 172–179. (In Russ.)
117. Zabolotskaya K. A., Nekrasova G. S. Evolution of Russians' sentiments in the context of liberal reforms of the late XX – early XXI centuries. *Siberia: XX century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, iss. 6, 166–172. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 93/94:51(09)

С Кузбассом связанные судьбы: Николай Самуилович Пенн (К 300-летию Кузбасса)

Николай Михайлович Морозов

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-4641-1353>;
oven.77777@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2021. Принята в печать 29.06.2021.

Аннотация: Рассмотрены основные вехи научной деятельности профессора Николая Самуиловича Пенна, в 1930–1940-е гг. выдающегося специалиста по обогащению углей Кузбасса. Выделен период его работы в Томском технологическом институте, в течение которого Н. С. Пенн не только состоялся как удачливый геолог, открывший ряд месторождений полезных ископаемых в Кузбассе и Восточной Сибири, как организатор учебного процесса на горном факультете, редактор серьезных научных журналов, но и выступил в числе организаторов сибирской угольной науки. Рассмотрен период его работы в Кузнецком научно-исследовательском угольном институте (КузНИУИ, г. Новосибирск, г. Прокопьевск), в течение которого Н. С. Пенн сосредоточился на теоретических проблемах, связанных с происхождением угля, разработкой метода математического анализа углей, позволяющего теоретически определить составные части угля в условиях тяжелых жидкостей и научно обосновать степень обогатимости углей, в том числе составить их соответствующую оригинальную классификацию. Проведены исторические параллели между научной биографией профессора Н. С. Пенна и личными качествами, достижениями его известных предков, в свое время оказавшихся причастными к некоторым ключевым событиям в истории Англии и Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: профессор Н. С. Пенн, обогащение углей, Томский технологический институт, адмирал Уильям Пенн, Пенсильвания

Цитирование: Морозов Н. М. С Кузбассом связанные судьбы: Николай Самуилович Пенн (К 300-летию Кузбасса) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 389–395. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-389-395>

Введение

Величие Кузбасса измеряется не только огромными запасами разнообразных природных богатств, покоящихся в его недрах, впечатляющими объемами их добычи и лидирующими в мире позициями этого региона по угледобыче и выплавке металла, но и талантливыми специалистами, которые формировали и в дальнейшем наращивали научный и иной фундамент его экономических достижений. К когорте основоположников сибирской науки об угле, безусловно, относится профессор Николай Самуилович Пенн (1880–1964), чье имя, по различным причинам, со временем оказалось полузабытым и уже к концу XX в. в научной литературе упоминалось крайне редко.

О научной деятельности Н. С. Пенна написано по половине страницы лишь в двух биографических справочниках, посвященных профессорам Томского политехнического университета. Ее некоторые вехи до сих пор остаются малоизвестными, являются белым пятном и в истории угольной промышленности Кузбасса¹ [1]. В этой связи автор в контексте просопографического метода ставит

задачу ликвидировать этот пробел с помощью документов и мемуаров, отложившихся в государственных архивах Кемеровской и Томской областей, а также в Прокопьевском городском краеведческом музее.

Биография и научный вклад Н. С. Пенна в индустриальное развитие Кузбасса

Николай Самуилович родился 7 (18) августа 1880 г. в селе Ощепково Камышловского уезда Пермской губернии в семье мирового посредника, в анкетах советского периода указывал себя русским. В 7 лет остался круглым сиротой, был взят в приемную семью и увезен в г. Шадринск. Там он окончил 3 класса городского училища и в 15 лет поступил в 4-й класс Алексеевского реального училища г. Екатеринбург. На жизнь зарабатывал частными уроками, которые начал давать уже с 4-го класса². В 1900 г. поступил в только что открытый Томский технологический институт на механическое отделение. Однако весной 1901 г. за участие в забастовке был отчислен и уехал

¹ Маршрут длиной в 100 лет: геологическая хроника: взгляд из Томска [1908–2008] / вып. ред. Т. Н. Прилепских. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2008. С. 121.

² Папка «Н. С. Пенн». 1947 г. // Прокопьевский городской краеведческий музей. Документальный фонд.

в г. Верхнеудинск, где устроился работать помощником машиниста Верхнеудинского депо (март-июль 1901 г.).

Осенью 1901 г. он снова держал экзамен в институт и был зачислен на открывшееся горное отделение. В рядах сокурсников находились: будущий «патриарх угольных инженеров» профессор Д. А. Стрельников, будущий первый сибирский академик М. А. Усов, представитель знаменитой томской купеческой династии В. П. Вытнов и другие способные молодые люди [2]. В летние месяцы студент Пенн зарабатывал деньги на дальнейшее обучение: в качестве помощника машиниста Нижнеудинского депо (июнь-сентябрь 1903 г.), механика драги «Общества Путиловских заводов» в Северо-Енисейской тайге (июнь-октябрь 1904 г.). В 1905 г. после ареста за участие в Екатеринбургском землячестве (был секретарем землячества, г. Томск) состоял под надзором полиции. С июня 1908 г. по июнь 1909 г. служил управляющим Саралинских золотых приисков (Хакасия). В апреле 1909 г. Н. С. Пенн получил диплом горного инженера по разведочно-геологической специальности с правом на производство в чин X класса как окончивший курс в числе отличников³.

В июне 1909 г. Николай Самуилович был зачислен стипендиатом в институт для подготовки в течение двух лет к научной деятельности по горному искусству под руководством профессоров Л. А. Тове и В. А. Обручева⁴. В том же году он принял активное участие в организации общества сибирских инженеров, ядро которого составляли профессора, преподаватели и выпускники Томского технологического института: Е. А. Зубашев, И. И. Бобарыков, И. Н. Бутаков, С. А. Введенский, П. П. Гудков, Н. В. Гутовский, В. А. Обручев, А. А. Потебня, Л. А. Тове, М. А. Усов и др. Общество издавало «Журнал общества сибирских инженеров», редактором которого в 1916–1918 гг. являлся Н. С. Пенн. В годы Гражданской войны в составе общества работала комиссия по разработке Урало-Кузнецкого проекта. Уже в мирное время результаты ее работы были использованы Госпланом РСФСР для разработки проекта Урало-Кузбасского комбината.

В течение двух лет Попечительский Совет Западно-Сибирского учебного округа дважды направлял Н. С. Пенна в командировки: на угольные копи Урала (декабрь 1909 – январь 1910 гг.) и в Южно-русский горнозаводской округ с целью ознакомления с оборудованием угольных копей и образцами промышленной выставки в Екатеринославле (июнь, октябрь 1910 г.). По результатам двухгодичного обучения Николай Самуилович был оставлен стипендиатом при кафедре горного искусства на третий год. В период учебы участвовал в работах по сооружению обогатительной

фабрики на Центральном руднике в Мариинском уезде (1912 г.), рассчитал выявленные там запасы золота.

Обучение завершилось весной 1913 г. успешной сдачей экзаменов на право преподавания на кафедре горного искусства по программе магистерских экзаменов по разделам: обогащение руд и горючих ископаемых, рудничная механика, горное искусство, рудные и нерудные месторождения, «золотое дело», металлургия золота. В октябре того же года по предложению товарища Министра народного просвещения Н. С. Пенн был командирован на один год с научной целью в Европу, США и Канаду с выдачей ежегодной стипендии в сумме 2000 руб. В дальнейшем заграничная командировка была продлена еще на один год. За этот период молодой ученый в Массачусетском технологическом институте (г. Бостон) под руководством профессора Р. Н. Рихардса получил второе образование в области обогащения руд и горючих ископаемых. В США он посещал обогатительные фабрики, серебряные, золотые и медные рудники, ознакомился с экспонатами Панамо-Тихоокеанской международной выставки в Сан-Франциско (1915), изучал постановку преподавания горного дела в американских университетах и горных школах⁵.

После возвращения в Томск в январе 1916 г. Н. С. Пенн был назначен преподавателем Технологического института с поручением чтения лекций по обогащению руд, а в следующем году издал первое в Сибири учебное пособие по обогащению полезных ископаемых методом флотации [3].

В январе 1917 г. был избран старшим лаборантом при кабинете горного искусства, в июне 1918 г. – экстраординарным профессором кафедры горного искусства, а в 1920 г. утвержден профессором этой кафедры. Во время революционных событий в России летом 1917 г. руководил геолого-разведочными работами в Урянхайском крае, а в летний сезон 1918 г. обследовал месторождения медных руд, открыл золотосодержащие кварцевые жилы в северной части Енисейского золотоносного округа.

В первые десятилетия советской власти Н. С. Пенн выступил одним из организаторов сибирской угольной науки. В 1919 г. он участвовал в создании Института исследователей Сибири и работал его секретарем [4, с. 89, 92, 193]. В 1918–1919 гг. являлся редактором журналов «Вестник сибирских инженеров» и «Известия Томского технологического института», с 1923 г. был членом президиума горного факультета, а с января 1925 г. по май 1927 г. – деканом горного факультета⁶. Им было выпущено более 100 инженеров, многие из которых стали знаменитыми учеными и руководителями предприятий, в том числе член-корреспондент АН СССР Т. Ф. Горбачёв, академик Казахской ССР К. И. Саптаев, начальник

³ Там же.

⁴ Государственный архив Томской области. Ф. Р-435. Оп. 2. Д. 71. Л. 2 об.

⁵ Папка «Н. С. Пенн». 1947 ...

⁶ Там же.

комбината «Кузбассшахтострой», а затем и «Кузбассуголь» В. И. Воробьев, ректор Кемеровского политехнического института П. И. Кокорин и др.

В начале 1920-х гг. Н. С. Пенн принимал участие в проектировании Тельбесского железорудного месторождения, входил в правительственную комиссию по обследованию предприятий акционерного общества «Лена Голдфилдс». По предложению Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) был избран в техническую комиссию по осмотру угольных копей в Кольчугино и Кемерово⁷. В составе рабочей группы на Горбуновской площадке забивал вешки периметра будущих цехов Кузнецкого металлургического комбината, чем потом очень гордился.

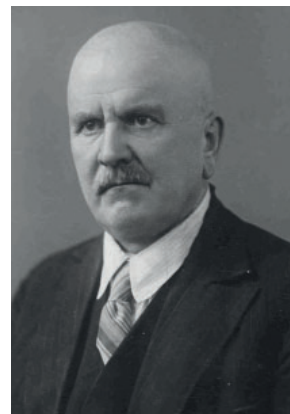
В 1930 г. в качестве делегата участвовал в работе I-го Всесоюзного съезда по обогащению полезных ископаемых (г. Ленинград) и работал в составе его Президиума⁸. В том же году организовал Томский научно-исследовательский институт обработки полезных ископаемых для изучения углей Сибири. Позднее институт был преобразован в Западно-Сибирский филиал Ленинградского института механической обработки полезных ископаемых «Механообр» (г. Новосибирск), и с 1934 по 1939 г. Н. С. Пенн был его научным руководителем, активно участвовал в исследовании угольных пластов Черембасса, Кузбасса, сапропелитов Барзаса. Одновременно работал заведующим кафедрой Института хозяйственников (1935–1938, г. Новосибирск) и профессором-консультантом Института редких металлов (1938–1939, г. Новосибирск). Коллеги считали его крупнейшим и единственным в Сибири специалистом по обогащению полезных ископаемых⁹.

С марта 1939 г. Николай Самуилович перешел работать в Кузнецкий научно-исследовательский угольный институт (КузНИУИ, г. Новосибирск), с которым в июле 1941 г. переехал в г. Прокопьевск. К этому времени он уже давно состоялся как ведущий в Сибири специалист по анализу качественных характеристик углей [6; 7] и в КузНИУИ продолжил изучение углей Кузбасса на обогатимость. В списке работ, выполненных в 1930–1940-е гг., значится более сотни отчетов по исследованию более 150 угольных пластов большинства шахт региона на предмет определения сырьевой базы пусковых обогатительных фабрик. Итогом многолетних трудов явилась написанная к 1947 г. докторская диссертация «Закономерности, открываемые при изучении угля, и их практическое использование», защита которой так и не состоялась по причине ухудшения здоровья¹⁰.

Пенн Николай Самуилович,
фото 1919 г. [5, с. 13]

Nikolai Penn, 1919 [5, p. 13]

Пенн Николай Самуилович,
фото до 1941 г.¹¹

Nikolai Penn, before 1941

По мнению ректора Томского политехнического института профессора А. А. Воробьева, а также руководителей Сибирского отделения АН СССР членов-корреспондентов АН СССР Т. Ф. Горбачева и Н. А. Чинакала, хорошо знавших Николая Самуиловича, результаты его научной деятельности явились основой как для строительства, так и эксплуатации обогатительных фабрик Кузбасса. Он уделял исключительное внимание разрешению теоретических проблем, связанных с происхождением угля. В этой области ему удалось разработать метод математического анализа углей, позволяющий теоретически определить составные части угля в условиях тяжелых жидкостей, научно обосновать степень обогатимости углей и предложить их соответствующую оригинальную классификацию¹².

Ученый установил связь между физическими и химическими свойствами углей, предложил сетки (математический алгоритм), дающие возможность точно построить кривые обогатимости и вывести производную функцию, связывающую различные переменные, нашел способ, позволяющий точно определить выход и качество продуктов обогащения.

Н. С. Пенн в ВКП(б) – КПСС не состоял. В 1948 г. за многолетний труд и большие заслуги в области угольной промышленности ему было присвоено персональное звание Горного Директора. Коллеги, наряду с исключительной скромностью и неприхотливостью, которую выдавали за непрактичность, отмечали его общительность, умение заинтересовать слушателей, поэтому Николай Самуилович всегда был желанным собеседником в обществе, в совершенстве знал английский язык. В 1952 г. по состоянию здоровья

⁷ ГАК. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 224. Л. 7 об.

⁸ Первый Всесоюзный съезд по обогащению полезных ископаемых, 25–31 марта 1930 г. Л.: Гос. техн. изд-во, 1930. С. 8.

⁹ ГАК. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 224. Л. 7 об.

¹⁰ Папка «Н. С. Пенн». 1947 ...

¹¹ Государственный архив Кузбасса (ГАК). Фотофонд. Оп. 8. Д. 676. Л. 1.

¹² Там же.

уволился из института, а в апреле 1964 г. скончался и был похоронен в г. Прокопьевск.

В этом человеке пылкий математический склад ум гармонично сочетался с целеустремленностью лишенного тщеславия первопроходца, которые, не исключено, Николай Самуилович унаследовал от своих знаменитых предков, в свое время оказавшихся причастными к некоторым ключевым событиям в истории Англии и Соединенных Штатов Америки.

Предки Н. С. Пенна в мировой истории

Некоторые факты биографии его прапрадеда Уильяма Пенна (1644–1718), квакера, проповедника веротерпимости и пацифиста, почитаемого в США как одного из отцов-основателей государства и его первой столицы – Филадельфии, ранее были рассмотрены зарубежными и отечественными историками [8; 9, с. 111, 156; 10, с. 65–66; 11, с. 61; 12, с. 33; 13, с. 12]. Происхождение рода Пенн они связывают с нормандским рыцарем Де ля Пенном, ставшим владельцем земель в Уэльсе, который прибыл в Англию в свите Вильгельма Завоевателя еще в 1066 г. Уильям был старшим из трех сыновей адмирала английского флота сэра Уильяма Пенна (1621–1670) и его жены, датчанки Маргарет Джасперс (Ясперс). Вначале адмирал являлся сподвижником Оливера Кромвеля, был единственным моряком Англии, носившим необычное звание – Генерал морского флота, получившим после завоевания Ирландии обширное на этом острове поместье [14, с. 115]. Во время Реставрации монархии он на корабле доставил короля Карла II Стюарта из Нидерландов в Лондон. Позже был удостоен рыцарского звания, слыл состоятельным человеком, фаворитом и кредитором королевской семьи Стюартов [15, с. 261; 16, с. 264, 267].

Так и не окончив Оксфордский университет, в 1667 г. Уильям Пенн-младший вступил в Общество друзей (квакеры). Карл II, будучи его другом и должником уже умершего отца, в погашение долга (16 тыс. фунтов стерлингов) в 1681 г. официально пожаловал Уильяму Пенну-младшему провинцию в северной Америке площадью в 47 млн акров между Мэрилендом и Нью-Джерси, размером с территорию Англии, названную королем в честь Пенна-отца Пенсильванией («Лесная страна Пенна») с условием уплаты в казну пятой части найденных в колонии золота и серебра. До этого, в 1675 г., Пенн-младший выступил одним из пайщиков земли в восточном Нью-Джерси, участвовал в выработке ее Конституции, затем стал владельцем западной части Нью-Джерси и приобрел

у герцога Йоркского часть территории колонии Нью-Йорк (позднее штат Дэлавер).

В Пенсильвании, через несколько лет ставшей самой многонациональной колонией, были открыты богатые месторождения угля (Аппалачский угольный бассейн) и железа. Уильям Пенн, как владелец земли и губернатор, имел намерения для всех изгнанников из Европы, страдающих от религиозных преследований и нищеты, основать колонию путем раздачи земли в льготную аренду (1 пенни за 1 акр). В 1682 г. он впервые приплыл в Ньюкасл (нижняя Пенсильвания) и выбрал место для будущей столицы колонии – Филадельфии («город братской любви»), вскоре превратившейся в один из самых крупных преуспевающих городов колониальной Америки [17, с. 21]. В целях укрепления демократических начал в управлении территорией в том же году У. Пенном на основе Хартии Мериленда (1632) была разработана и подписана Хартия

Свобод – один из первых конституционных документов в истории США. 50 лет спустя Ассамблея Пенсильвании в ознаменование Хартии У. Пенна приняла решение отлить колокол, впоследствии ставший символом США – Колоколом Американской Свободы. За три века до принятия Декларации Независимости США он высказал идею единства североамериканских колоний, а также создания в Европе Лиги Наций [18–20; 21, с. 5, 54, 55; 22].

В 1698 г. во время путешествия по Европе Петр I заинтересовался учением квакеров. Состоялась его встреча с Уильямом Пенном, уже знаменитым публицистом, автором более 1000 афоризмов, изложившим свои взгляды в специальном послании. По-видимому, на царя эта встреча не оказала особого влияния.

Со временем огромные издержки на обустройство Пенсильвании разорили ее владельца. Несбывшийся проект построения идеального демократического общества, непрактичность и чрезмерная доверчивость к подчиненным и родственникам в финансовых делах привели его в 1708 г. к банкротству, морально и физически разбитому состоянию, от которых он уже не смог оправиться. Обремененный долгами У. Пенн сначала заложил земли, а в 1712 г. продал их британской короне¹³. В 1984 г. президент Рональд Рейган официально утвердил Уильяма Пенна почетным гражданином Соединенных Штатов Америки.

Отец Николая Самуиловича Пенна – Самуил Самуилович (1828–1887) – приехал в Россию из Англии в 1836 г. с семьей отца, заключившего с правительством контракт на работу механиком Воткинского завода. В России

Уильям Пенн (1644–1718)

[10, с. 116]

William Penn (1644–1718)

[10, p. 116]

¹³ Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, 1898. Т. XXIII. С. 146.

С. С. Пенн женился на девушке Сусанне, родственнице академика М. А. Павлова (1863–1958), знаменитого русского и советского металлурга, который гордился этим родством и многие годы бережно хранил семейную фотографию молодых супругов Пенн.

В 1850-е гг. С. С. Пенн жил в Закавказье, занимался переводами текстов местных народов на русский язык, в частности впервые перевел огузский эпос «Кёр-Оглы». С 1860 г. являлся редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей». Служил в канцелярии Губернского правления, затем секретарем Губернского статистического комитета и управляющим общественной библиотекой (с 1864 г.), выступил издателем «Памятной книжки Пермской губернии на 1963 год» [23, с. 29]. На страницах «Пермских губернских ведомостей» «англичанин по рождению, воспитанник русского университета, оригинал по жизни и привычкам» неоднократно публиковал краеведческие материалы. По воспоминаниям современников, он был «одним из тех добросовестных работников, которые не трубят о своих трудах, делая порученное им дело без шума, спокойно, не умея делать его иначе» [24, с. 252]. Очевидно, это жизненное кредо усвоил и его сын Николай. В 1873 г. С. С. Пенн поступил на службу мировым посредником 2-го участка Камышловского уезда Пермской губернии, а в 1880-е гг. (до кончины в 1887 г.) – судебным приставом этого уезда.

У зарубежного прадеда (XVII век) – Уильяма Пенна – было 2 брата и 5 сестер. В настоящее время, чаще в англоязычных странах, можно встретить носителей фамилии

Пенн. Среди них наиболее известным является голливудский актер Шон Пенн, портретное сходство которого с Николаем Самуиловичем Пенном (ср. с его фото 1919 г.) очевидно.

Заключение

Нельзя не обратить внимания на логически вытекающие исторические параллели между научной биографией профессора Николая Самуиловича Пенн и личными качествами и достижениями его известных предков. В историю его семьи с интервалом в два с половиной столетия вошли эпизоды участия в освоении двух крупнейших угольных бассейнов: Аппалачского и Кузнецкого. Факт большого вклада потомка одного из отцов-основателей США в научное обеспечение индустриального развития Кузбасса приобретает глубокое символическое значение, указывающее на историческую связь между странами через человеческие судьбы. Ведь общая история семей, как и позитивные контакты представителей различных народов в других сферах жизни, в пределе являются каналами их духовного сближения и осознания, что земля – их общий дом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Статья написана в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII–XX вв.», проект № АААА-А21-121011590011-2.

Литература

1. Профессора Томского политехнического университета: биографический справочник / авт.-сост. А. В. Гагарин. Томск: Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1. 300 с.
2. Романова Т. А., Бакшт Ф. Б. Первый выпуск горных инженеров Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 1. С. 96–101.
3. Пенн Н. С. Флотационный процесс. Томск: Б. и., 1917. 26 с.
4. Раскоlec В. В. Организация и деятельность института исследования Сибири: 1917–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 346 с.
5. Беломестных В. Н., Романова Т. А. К 100-летию начала выхода «Известий» Томского политехнического // Известия Томского политехнического университета. 2003. Т. 306. № 7. С. 9–16.
6. Пенн Н. С. Графический анализ углей. М.-Л.: ОНТИ. Глав. ред. горно-топливной лит-ры, 1936. 167 с.
7. Пенн Н. С. Графический расчёт шахтных подъёмных машин // Известия Томского Технологического Института. 1922. Т. 42. [Вып. 3]. С. 1–49.
8. Исаев С. А. У истоков американской истории. СПб.: Нестор-История, 2018. 21 с.
9. Уразметова А. В. Топонимическая система США. Первичная и вторичная номинация. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 187 с.
10. Фофанова А. Р. Внешняя политика США в период действия Статей Конфедерации: 1781–1787 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 298 с.
11. Журавлев А. В. Социально-политические взгляды Джеймса Тиррелла в контексте борьбы партий в Англии, 1679–1700 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 225 с.
12. Философско-эстетические константы литературы США в динамике художественных направлений / отв. ред. Е. А. Стеценко. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 333 с.
13. Трофименко В. Г. Политическая система и основы внешней политики США. Архангельск: САФУ, 2017. 191 с.
14. Жук С. И. Вильям Пенн и основание Пенсильвании // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 115–127.

15. Алентьева Т. В. Уильям Пенн, квакеры и основание Пенсильвании // *Метаморфозы истории*. 2002. № 2. С. 259–272.
16. Ивонина Л. И. Драма династии Стюартов. М.: Ломоносовъ, 2016. 312 с.
17. Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи и города. 3-е изд. М.: Стрелка Пресс, 2017. 217 с.
18. Исаев С. А. Хартии колониальной Пенсильвании // *Петербургский исторический журнал*. 2014. № 1. С. 212–230.
19. Ирышков А. В. Совмещая религию и политику. Уильям Пенн и его взгляды // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 4-8. С. 33–35.
20. Пенн В. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путём создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств // *Трактаты о вечном мире* / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 88–101.
21. Орлов А. А. Справедливый порядок в европейских проектах «вечного мира» периода Нового времени. М.: МПГУ, 2017. 130 с.
22. Мазуркова Т. В. Апелляционная юрисдикция Тайного совета Великобритании: рождение доктрины // *Вест. Моск. ун-та. Сер. Право*. 2019. № 1 С. 62–83.
23. Масальцева Т. Н. История отечественной журналистики: периодическая печать Пермской губернии XIX – начала XX в. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2017. 170 с.
24. Шабаршина О. В. «Они заключают в себе много данных и статей, интересных не только для человека, серьёзно изучающего край, но и вообще для всякого просвещённого человека»: о ежегодниках Пермской губернии // *Документ. Архив. История. Современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 11–12 октября 2007 г.)* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2007. Вып. 8. С. 252–256.

original article

Nikolai S. Penn, a Man from Kuzbass (300th Anniversary of Kuzbass)

Nikolay M. Morozov

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-4641-1353>; oven.77777@mail.ru

Received 9 Jun 2021. Accepted 29 Jun 2021.

Abstract: The article features the biography of Professor Nikolai S. Penn, who was the leading specialist in coal enrichment in Kuzbass in the 1930s – 1940s and a successful discoverer of coal deposits in Kuzbass and Eastern Siberia. At the Tomsk Institute of Technology, he organized the work of the mining department, edited scientific journals, and developed Siberian coal science. At the Kuznetsk Research Mining Institute (KuzNIUI, Novosibirsk, Prokopyevsk), N. S. Penn focused on the theoretical issues of coal origin and the mathematical analysis of coal, which made it possible to define coal components, washability, and type. The article also describes Prof. Penn's personal qualities, as well as achievements of his famous ancestors who were involved in some major events in the history of England and the United States.

Keywords: professor N. S. Penn, enrichment of coals, Tomsk Institute of Technology, admiral William Penn, Pennsylvania

Citation: Morozov N. M. Nikolai S. Penn, a Man from Kuzbass (300th Anniversary of Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 389–395. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-389-395>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was part of scientific project «Kuzbass as part of the Russian state: socio-economic and socio-political development of the region in the XVII–XX centuries», project No. AAAA-A21-121011590011-2.

References

1. *Professors of the Tomsk Polytechnic University: biographic reference book*, author and comp. Gagarin A. V. Tomsk: Izd-vo NTL, 2000, vol. 1, 300. (In Russ.)
2. Romanova T. A., Baksht F. B. The first graduation of mining engineers of Siberia. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2009, 315(1): 96–101. (In Russ.)
3. Penn N. S. *Flotation process*. Tomsk, 1917, 26. (In Russ.)

4. Raskolets V. V. *Organization and activities of the Institute for Siberian Studies: 1917–1921*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2018, 346. (In Russ.)
5. Belomestnykh V. N., Romanova T. A. To the 100th anniversary of the Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2003, 306(7): 9–16. (In Russ.)
6. Penn N. S. *Graphical analysis of coals*. Moscow-Leningrad: ONTI. Glav. red. gorno-toplivnoi lit-ry, 1936, 167. (In Russ.)
7. Penn N. S. Graphic calculation of mine lifting machines. *Izvestiia Tomskogo Tekhnologicheskogo Instituta*, 1922, 42(3): 1–49. (In Russ.)
8. Isaev S. A. *The origins of American history*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018, 21. (In Russ.)
9. Urazmetova A. V. *The toponymic system of the USA. Primary and secondary nomination*, 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2018, 187. (In Russ.)
10. Fofanova A. R. *US foreign policy during the period of the Articles of Confederation: 1781–1787*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2018, 298. (In Russ.)
11. Zhuravlev A. V. *The socio-political views of James Tyrrell in the context of the struggle of parties in England, 1679–1700*. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2018, 225. (In Russ.)
12. *Philosophical and aesthetic constants of US literature in the dynamics of artistic directions*, ed. Stetsenko E. A. Moscow: IMLI RAN, 2019, 333. (In Russ.)
13. Trofimenko V. G. *Political system and foundations of US foreign policy*. Arkhangelsk: SAFU, 2017, 191. (In Russ.)
14. Zhuk S. I. William Penn and the foundation of Pennsylvania. *Voprosy istorii*, 2000, (1): 115–127. (In Russ.)
15. Alentieva T. V. William Penn, Quakers and basis of Pennsylvania. *Metamorfozy istorii*, 2002, (2): 259–272. (In Russ.)
16. Ivonina L. I. *The drama of the Stuart dynasty*. Moscow: Lomonosov, 2016, 312. (In Russ.)
17. Rybchinskii V. *City designer. Ideas and cities*, 3rd ed. Moscow: Strelka Press, 2017, 217. (In Russ.)
18. Isaev S. A. Pennsylvania: a review of colonial charters. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2014, (1): 212–230. (In Russ.)
19. Iryshkov A. V. Combining religion and policy. William Penn and his views. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (4-8): 33–35. (In Russ.)
20. Penn V. Experience about the present and future world in Europe by creating a European Congress, Parliament or House of States. *Treatises on the Eternal World*, comps. Andreeva I. S., Gulyga A. V. Moscow: Sotsekgiz, 1963, 88–101. (In Russ.)
21. Orlov A. A. *Fair order in European projects of the «eternal world» of the New Time period*. Moscow: MPGU, 2017, 130. (In Russ.)
22. Mazurkova T. V. Appellate jurisdiction of the Privy Council of Great Britain: the birth of a dock. *Bull. Moscow Univ. Ser. Law*, 2019, (1), 62–83. (In Russ.)
23. Masaltseva T. N. *History of Russian journalism: periodical press of the Perm province of the XIX – early XX centuries*. Perm: Permskii gos. nats. issled. un-t, 2017, 170. (In Russ.)
24. Shabarshina O. V. "They publish data and articles that can be of interest to scientists and educated people": Yearbooks of the Perm province. *Document. Archive. History. Modernity: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 11–12 Oct 2007. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 2007, iss. 8, 252–256. (In Russ.)

оригинальная статья
УДК 94(520).032.3/4

Первая мировая война (1914–1918 гг.) и продовольственный кризис в России

Татьяна Александровна Реховская

Кемеровский государственный институт культуры, Россия, г. Кемерово; rehowskaia@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.05.2021. Принята в печать 28.06.2021.

Аннотация: Первая мировая война рассматривается в контексте ее влияния на продовольственную ситуацию в России. Изучением вопросов такого влияния ученые стали заниматься еще в период самой войны, в дальнейшем интерес к данной теме то ослабевал, то появлялся вновь. В статье анализируется масштаб продовольственных трудностей, с которыми столкнулась наша страна на разных этапах своего развития. Рассматриваются различные пути выхода из кризисной ситуации, применявшиеся российским правительством, при этом отмечается многообразие вариантов решения продовольственных проблем. Отмечается, что меры царского правительства по решению продовольственного вопроса были малоэффективными, а часто и запоздавшими. В результате продовольственный кризис нарастал и ситуация с продовольственным обеспечением в конечном итоге вышла из-под контроля. В статье также приводятся сведения о решении продовольственных проблем в других странах-участницах Первой мировой войны. В дальнейшем с продовольственными трудностями столкнулось Временное правительство, которое тоже не смогло наладить процесс продовольственного обеспечения страны на должном уровне. Финальную точку в решении продовольственного вопроса поставила советская власть.

Ключевые слова: продовольствие, армия, сельское хозяйство, цены, урожай, посевные площади

Цитирование: Реховская Т. А. Первая мировая война (1914–1918 гг.) и продовольственный кризис в России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 396–404. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-396-404>

Введение

Проблемы продовольственного обеспечения населения являются центральными во внутренней политике любого государства, т. к. полноценное питание населения – залог стабильного развития страны. Питание является одной из основных потребностей человека, следовательно ее удовлетворение стоит в числе приоритетных задач для самого человека и необходимых для государства, стремящегося к устойчивому состоянию общества. В условиях любого кризиса, вызванного экономическими или политическими причинами, когда нарушается привычное существование общества и государства, возникают продовольственные трудности. Мировая история содержит немало таких примеров.

Первая мировая война (1914–1918) вызвала социально-политический кризис во многих странах-участницах. Одним из проявлений данного кризиса явились сложности с продовольственным обеспечением населения. Практически все страны в большей или меньшей степени столкнулись с данной проблемой. Степень ее выраженности зависела во многом от организации продовольственного дела в стране в довоенное время. В России продовольственный вопрос в ходе войны встал очень остро, и его нерешенность

во многом способствовала политической катастрофе, произошедшей в России в 1917 г.

Анализом вопросов продовольственного снабжения населения в ходе Первой мировой войны исследователи начали заниматься параллельно с военными событиями [1–3], в дальнейшем данная проблема анализировалась учеными в 1920-е гг. [4; 5]. В последующие десятилетия вопросами продовольственного снабжения занимались редко [6–8]. Появление интереса к данной теме наблюдается в конце XX в., когда стали исследовать сложные и противоречивые периоды отечественной истории, в том числе и период военного коммунизма, ключевым моментом которого являлся продовольственный вопрос [9–24]. Особо можно выделить исследования Питирима Сорокина, рассматривавшего голод как социальное явление, анализируя его с теоретической точки зрения [25].

Источниками при написании данной работы явились законодательные материалы и статистические данные¹. Законодательные материалы представлены декретами Советской власти, регулирующими процесс распределения продовольственных товаров среди населения и устанавливающими наказание за нарушения принятых законодательных

¹ Декреты по продовольствию. Вып. 1. Ч. 1. Организация снабжения и распределения продовольствия. М.: 6/и, 1921. 123 с.; Как рабочее и крестьянское правительство борется с продовольственной разрухой и налаживает снабжение и распределение продуктов в РСФСР. Вып. 1. Пг.: 6/и, 1918. 146 с.; Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913–1925 гг. / под ред. Н. Д. Кондратьева, с предисл. М. Бронского. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. 231 с.

норм в данном вопросе. Статистические источники содержат богатый фактический материал, иллюстрирующий сельскохозяйственное производство как основу осуществления продовольственной политики и позволяющий сделать вывод о причинах продовольственных затруднений в рассматриваемых странах.

В работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза, при изложении материала использовались проблемно-хронологический принцип и принцип историзма, а также историко-сравнительный метод.

Цель – проанализировать пути выхода, использовавшиеся руководством России, из продовольственного кризиса, возникшего в результате Первой мировой войны.

Проблемы продовольственного снабжения населения в странах-участниках

Мировой продовольственный кризис был следствием военных действий, что являлось безусловным и вполне объяснимым явлением. Экономика периода кризисных ситуаций развивается по своим законам, отличным от законов мирного времени. Прежде всего, это выражается в сокращении продуктов потребления, что в свою очередь является результатом падения сельскохозяйственных показателей. Аналогичная ситуация наблюдалась в России в начале XX в. Об этом наглядно свидетельствуют статистические данные.

Во-первых, происходило сокращение посевных площадей (табл. 1²). Этот процесс неизбежен в условиях военного времени: с одной стороны, аграрные территории могут становиться зонами военных действий, а с другой – мужчины-крестьяне уходят на войну. Во-вторых, происходило

сокращение сбора сельскохозяйственных культур вследствие сокращения посевных площадей (табл. 2).

Первая мировая война дестабилизировала работу экономик всех ее участников. Это можно считать объективным явлением, и каждая страна справлялась с этим своими способами. Для Англии, страны с развитой системой колоний и всегда существовавшим процессом ввоза продовольствия, приемлемым было сохранение старых форм снабжения продуктами питания. В условиях продовольственных затруднений в парламенте страны обсуждались меры по регламентации производства и распределения продовольствия, и в 1917 г. такие меры были приняты. 16 апреля 1917 г. было принято решение о реквизиции в пользу государства запасов ячменя. 20 апреля того же года было принято постановление, согласно которому ограничивалось потребление пшеницы, ржи и риса, их можно было использовать только для питания людей. 23 апреля 1917 г. были введены ограничения на изготовление пирожных, пирожков и сдобных булок [2, с. 6].

Франция также зависела от подвоза продовольствия из других стран. Для стимулирования сельскохозяйственной деятельности правительство страны пошло по пути увеличения цены на пшеницу. Кроме этого, правительство попыталось ввести ограничения на потребление мяса. 1 (14) апреля 1917 г. был принят Декрет президента республики, запрещавший в период с 15 мая по 15 октября по четвергам и пятницам продажу мяса и потребление мясных блюд в общественных местах. Это решение вызвало недовольство французов. В результате было принято решение о запрете продавать мясо после 13.00 и употреблять его в вечернее время [2, с. 9].

Табл. 1. Посевные площади в 1910–1920-е гг., тыс. га, ср. годовое за пятилетие

Tab. 1. Acreage in the 1910s–1920s, thousand ha, annual mean per five years

Страна	1909–1913 (1909/1910–1913/1914)	1914–1918 (1914/1915–1918/1919)	1919–1923 (1919/1920–1923/1924)
<i>Пшеница</i>			
Австрия (в новых границах)	197,7	124,4	166,3
Великобритания и Сев. Ирландия (в новых границах)	749,5	902,0	825,6
Германия (в новых границах)	1676,7	1513,7	1391,2
Россия / СССР (европейская часть)	23473,9	21733,1	10986,2
Франция	6786,8	5236,2	5201,4
Аргентина	6495,7	6704,2	6485,8
Канада	4024,6	5898,8	8556,1
США	19059,6	21901,5	25893,2
<i>Рожь</i>			
Австрия (в новых границах)	418,6	306,7	319,3
Германия (в новых границах)	5259,3	5073,1	4282,4
Россия / СССР (европейская часть)	23859,3	23149,2	20515,9

² Составлена по: Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913–1925 гг... С. 16, 20, 24, 28.

Страна	1909–1913 (1909/1910–1913/1914)	1914–1918 (1914/1915–1918/1919)	1919–1923 (1919/1920–1923/1924)
Франция	1252,7	901,5	873,7
Канада	47,0	93,0	550,3
<i>Ячмень</i>			
Австрия (в новых границах)	136,2	93,3	112,1
Великобритания и Сев. Ирландия (в новых границах)	680,8	640,0	675,2
Германия (в новых границах)	1428,4	1346,3	1248,7
Россия / СССР (европейская часть)	9445,9	9802,1	5513,1
Франция	804,3	686,9	645,1
Канада	636,8	854,9	1082,7
США	3083,6	Нет данных	2965,5
<i>Овёс</i>			
Австрия (в новых границах)	344,3	242,7	275,5
Великобритания и Сев. Ирландия (в новых границах)	1352,0	1571,9	1429,1
Германия (в новых границах)	3924,7	3522,2	3171,8
Россия / СССР (европейская часть)	14623,5	14485,4	8306,1
Франция	3977,6	3144,7	3313,8
Аргентина	69,3	1144,4	957,6
Канада	3883,7	4914,2	6206,2
США	15118,1	16905,3	16814,7

Табл. 2. Сбор основных культур за годы Первой мировой войны, млн квинт., среднее за год [5, с. 30]

Tab. 2. Harvest of major crops during the First World War, million quintal, annual mean [5, p. 30]

Страна	Пшеница		Рожь		Картофель		Овёс	
	1909–1913	1914–1918	1909–1913	1914–1918	1909–1913	1914–1918	1909–1913	1914–1918
Англия	16	19	0,12	0,05	69	78	30	34
Франция	86	58	12	8	132	94	52	36
США	187	224	9	15	97	104	164	205
Германия	41	30	113	87	458	372	86	60
Австрия	17	15	28	3	124	7	24	2
Италия	50	46	14	13	17	15	5	4
Россия	181	148	225	196	340	214	13	10

Германия, ввозившая до войны большое количество продовольствия, в условиях войны оказалась отрезанной от этих источников и была вынуждена перейти к политике монополизации и фиксированного распределения продуктов³. Германия одой из первых пошла по пути широкого вмешательства государства в решение продовольственного вопроса [2, с. 2]. До войны основными поставщиками зерновых культур в Германию были Россия, США и Аргентина. В условиях военного времени Германия,

по понятным причинам, потеряла своих поставщиков и была вынуждена сделать ставку на внутренние ресурсы. Предвоенный 1913 г. был для Германии благоприятным в плане урожайности зерновых. Данное обстоятельство и поставки из других стран создавали благоприятную продовольственную ситуацию.

В 1914 г. ситуация резко изменилась, помимо потери иностранных поставщиков, сократилось производство зерновых и в самой Германии. Так, пшеницы собрали только 85 %

³ Цены на хлеба и мероприятия по снабжению гражданского населения хлебом в Германии, Англии и Франции во время войны. Пг.: Тип. М. Квара, 1916. С. 3.

от урожая 1913 г., ячменя – 81 %, овса – 90 %⁴. Недостаток продовольственных хлебов сопровождался и недостатком кормовых хлебов, что затрудняло ведение животноводства. К примеру, свиноводство в стране развивалось с использованием российских кормов. В этих условиях Германия была вынуждена принимать экстренные меры. В ряде регионов местные власти пошли на установление фиксированных цен на зерно, в масштабах всей Германии подобные меры были приняты 28 октября 1914 г., когда Союзный Совет своим решением зафиксировал предельные цены на пшеницу в 220 марок (в пересчете на русские показатели – 1,96 руб. за пуд) и рожь в 195 марок (1,66 руб. за пуд). Эти цены касались зерна, но не касались муки и печеного хлеба⁵. Тем не менее рост цен на зерно не остановил роста цен на другие продукты питания. В ноябре были установлены фиксированные цены на картофель – 50 марок за тонну.

В декабре 1914 г. Союзным Советом было принято решение отчуждать в пользу государства продукты, на которые были установлены предельные цены. Данное решение принимали местные органы в силу сложившейся ситуации, а владельцы отчужденного имущества получали плату, соответствующую предельным ценам⁶.

В 1915 г. Германия пошла по пути установления государственной монополии на основные продукты питания и корма. 11 февраля была установлена монополия на содержащий сахар корм; 13 февраля – на овёс; 5 марта – на отруб; 12 марта – на ячмень. Государство стало контролировать производство и распределение продовольствия. Во-первых, собственники земли получали от государства указания, какие сельскохозяйственные культуры выращивать, в каком количестве, кому и по какой цене сдавать собранный урожай. Во-вторых, была введена карточная система распределения продовольствия [2, с. 2, 4, 5].

Продовольственный кризис в России

Российские власти с начала войны также приступили к организации продовольственного снабжения. Во-первых, Совет министров поручил министру земледелия организовать закупки скота и мяса для фронта. Для этих целей предполагалось использовать земства и производить закупки непосредственно у населения [1, с. 8]. Во-вторых, был создан Главный Продовольственный Имперский Комитет, возглавляемый кн. Шаховским, в производящих губерниях были созданы Губернские Продовольственные Комитеты, от имени которых работали их агенты, непосредственно занимавшиеся скупкой хлеба, либо закупкой хлеба занимались представители существующих органов власти, как, например, в Москве этими вопросами занималась Городская Управа [3, с. 11].

Практически с первых месяцев войны начали действовать факторы, мешавшие нормальному продовольственному снабжению населения. Первым таким фактором стало сокращение производства сельскохозяйственной продукции как основы продовольственных товаров. Вторым фактор был связан с тем, что произошло расстройство транспортной системы в стране. В первую очередь перевозились товары, предназначенные для фронта. Для перевоза товаров мирного назначения часто не хватало подвижного состава, они перевозились во вторую очередь.

Продовольствие для армии заготавливалось прежде всего. Это можно считать третьим фактором, вызывавшим кризис продовольственного снабжения населения. Для вывоза закупленного продовольствия из губерний требовалось получить разрешение от председателя Главного продовольственного Комитета, от Командующих войсками, от губернаторов и местных Уполномоченных по закупкам продовольствия для армии, но даже полученные разрешения не гарантировали приобретения продовольствия, которое могло быть конфисковано в любой момент на нужды армии [3, с. 12].

Продовольственные закупки для армии велись по всей территории России. Из-за сокращения производства сельскохозяйственной продукции и роста потребностей в ней сформировались две тенденции, мешавшие стабильному продовольственному снабжению населения: образовался дефицит продуктов питания и начался рост цен на них. Уже к 1916 г. цены на продовольственные товары значительно выросли. Осенью того же года стали вестись дискуссии в руководстве страны о необходимости повышения фиксированных цен [2, с. 15]. Особую тревогу вызывали растущие цены на мясо и хлеб.

В 1916 г. цены на скот не фиксировались жестко, они сохраняли тенденцию к росту и только в январе 1917 г. были зафиксированы. Если в 1916 г. цены колебались от 5 руб. 25 коп. за пуд живого веса при весе животного в 15 пудов, то в январе 1917 г. цены колебались в пределах 8 руб. 20 коп. – 8 руб. 80 коп. при таком же весе. В сентябре 1917 г. цены выросли и с сентября 1917 г. по август 1918 г. цены колебались от 11 руб. 50 коп. до 12 руб. 20 коп. [1, с. 70].

Твердые цены на хлеб для населения страны были введены царским правительством осенью 1916 г. [4, с. 139]. Это была во многом запоздалая мера, т. к. цены, несмотря на запреты, продолжали расти.

1916 год можно считать переломным в развитии продовольственной ситуации в России. Если до 1916 г. правительство могло держать снабжение продовольствием под контролем путем ряда ограничительных мер, то в 1916 г. ситуация резко ухудшилась. К концу 1916 г. в промышленных центрах появилась угроза голода, осложнилась ситуация с поставками продовольствия в армии. В этих

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 7.

условиях царское правительство посчитало возможным введение разверстки с целью принудительного изъятия хлеба, но мера эта так и не была осуществлена [4, с. 142].

Царское правительство, идя по пути различных ограничений в заготовках и поставках товаров, не осуществило мер по регламентации потребления. Определенные ограничения были введены только относительно соли и сахара. Законом от 30 июня 1916 г. вводились ограничения в потреблении мяса, а именно «мясопустные» дни [2, с. 37].

Кризис в продовольственном снабжении нарастал постепенно, и не все регионы попали под его влияние. Прежде всего это коснулось Москвы и Петрограда, которые всегда зависели от подвоза продовольствия. В первый год войны продовольственное снабжение Москвы сохранялось на довоенном уровне, но сложившаяся ситуация в стране нарушила привычный ход продовольственного снабжения. Это было связано с тем, что при доставке грузов в первую очередь пропускались составы, поставлявшие вооружение, боеприпасы и продовольствие на фронт. Доставка скота в Москву прекратилась в связи с тем, что скотопромышленники несли убытки. Во-первых, составы, перевозившие скот, отгонялись на запасные пути, в результате срок доставки грузов увеличивался в 2 раза, во-вторых, скот терял в весе, что опять же приводило к убыткам поставщиков. В результате сократилось поступление скота в Москву и Петроград, в связи с сезонностью поставок ухудшение ситуации наблюдалось весной 1915 г. и весной 1916 г. Торговцы скотом перешли на сотрудничество с уполномоченными, осуществлявшими поставки скота в армию⁷.

Снабжение Петрограда осуществлялось посредством поставок продовольствия по железной дороге и по реке Неве, причем по Неве шли все грузы, доставлялись ли они в порты Балтийского или Черного морей. В 1915 г. по ряду показателей поставки по Неве даже превосходили показатели 1914 г., на 23 % больше привезли ржаной муки, на 35 % – пшеничной, рекорд составил подвоз рыбы: в 1914 г. – 20499 пудов рыбы, а в 1915 – 92785 пудов. Но перебои с поставками продовольствия начались уже в то время: в 1915 г. не подвезли 322 пуда мяса, 35170 пудов картофеля, 3156 пудов сала, 1200 пудов макарон, 25100 пудов патоки; сократились поставки ржи на 78 %, пшеницы – на 80 %, овса – на 5 %. В целом продовольственных грузов в 1915 г. было поставлено 49,1 % от поставок 1914 г.

В общем снабжении Петрограда снабжение по реке Неве играло второстепенную роль. В 1915 г. 115882 вагона было привезено в Петроград с продовольствием, из них только 8,4 % вагонов приходилось на речные перевозки (в пересчете на вагоны). В снабжении мясными продуктами также намечался кризис. В ноябре 1914 г. в Петроград прибывало ежедневно по 898 голов крупного рогатого скота и по 72 вагона битого

мяса, в ноябре 1915 г. прибывало битого мяса 47–57 вагонов, происходило сокращение пригоняемого рогатого скота. Стали расти цены на продукты питания. К примеру, баранина, стоившая 16–18 коп. за фунт, стала стоить 35–40 коп. Стал отмечаться дефицит некоторых видов продуктов. Например, в Петрограде на Петроградской стороне, Васильевском острове и в рабочих кварталах отмечалось полное отсутствие французских булок по 3 и по 5 коп. Это объяснялось тем, что данный вид хлебобулочных изделий подлежал контролю, в случае нарушения веса булочки привлекались к ответственности. За нарушения при изготовлении прочих булок булочки к ответственности не привлекались, чем они и пользовались. Они выпекали булки с меньшим весом, но продавали их по более высокой цене. В Москве наблюдался недостаток скота, рыбы, масла. Рыба в Москву поступала из Астрахани и Сибири, но в 1915 г. этих поставок не было.

Принимаемые меры сводились к следующему: борьба с ростом цен, контроль подвозимых товаров, сопровождавшийся их быстрой разгрузкой с целью незамедлительной подвозки продовольствия. Работу железных дорог по поставке продовольствия в Москву и Петроград взял под свой личный контроль Управляющий министерством путей сообщения А. Ф. Трепов, был поставлен вопрос об увеличении норм поставок продовольствия в столицы государства (Петроград и Москву)⁸.

Широко обсуждался вопрос об увеличении средств транспорта, использовавшихся для разгрузки товара. Уполномоченный Министерства путей сообщения Г. А. Невжин вел переговоры с военными о предоставлении ими грузовиков для разгрузки продовольствия, эта практика была опробована в Петрограде. Рассматривался проект Министерства Внутренних Дел о привлечении крестьян, живущих рядом с большими городами, к разгрузочным работам. Эта была своего рода повинность, но выполнявшаяся за определенную плату. Согласно проекту крестьяне должны были поставлять лошадей и повозки для разгрузки вагонов. Начали проводить реквизиции невооруженных грузов и грузов на предъявителя, их продавали от лица государства по фиксированным ценам. Уполномоченный по продовольствию Петрограда отдал приказ об учете всех мясников, которые должны были иметь специальные книжки, где записывалось количество покупаемого ими мяса.

Планировалось созвать продовольственный съезд представителей городских комитетов. Данный съезд был инициирован экономическим советом Всероссийского Союза Городов под председательством А. А. Мануйлова. Цель съезда – согласовать деятельность городских и земских учреждений в продовольственном вопросе, а также обсудить вопросы о предоставлении продовольственных кредитов городам⁹.

⁷ Сведения о снабжении Петрограда и Москвы продовольственными продуктами. Пг.: 6/и, 1915–1916. С. 13–15, 25.

⁸ Как рабочее и крестьянское правительство борется с продовольственной разрухой... С. 42, 43.

⁹ Сведения о снабжении Петрограда и Москвы продовольственными продуктами... С. 9–45.

В первые годы экономического кризиса еще ясно не осознавались причины продовольственных затруднений, но было очевидным, что намечается противоречие между поставками грузов гражданскому населению и армии. В тот период уже необходимо было разработать план снабжения гражданского населения продуктами питания, но это не было сделано.

Итак, начало продовольственного кризиса совпало с началом военных действий. Правительство пошло по пути централизованных заготовок и централизованного распределения товаров. Однако проводившаяся политика оказалась неэффективной, в конечном итоге она не привела к нормальному продовольственному обеспечению населения. Причины неэффективности можно объяснять по-разному. Во-первых, к числу причин можно отнести неудовлетворительное состояние инфраструктуры (отсутствие складов и перебои в работе транспорта). Во-вторых, запоздалость принятия подобных мер. В-третьих, не использовались продовольственные резервы по максимуму (для решения продовольственного вопроса не была задействована территория Сибири).

Продовольственная политика была противоречивой, с одной стороны, вводились ограничения по торговле продуктами питания, а с другой – свободная торговля ими разрешалась. Все эти причины были порождены, безусловно, войной. Самое главное, что мешало царскому правительству решить продовольственную проблему – неадекватность внутренней политики, отсутствие политической воли и притупленные инстинкты самосохранения.

Пришедшее к власти Временное правительство вынуждено было учитывать тяжелую продовольственную ситуацию в стране. В связи с этим повысились хлебные цены на 50–60 % на урожай 1916 и 1917 годов [2, с. 15]. Эта мера, хоть и призвана была урегулировать процесс снабжения хлебом населения, не возымела положительных последствий. 25 марта 1917 г. Временное правительство вводит хлебную монополию с подачи министра земледелия А. И. Шингарёва [4, с. 139–140].

Пришедшие к власти большевики почти сразу ощутили всю тяжесть нерешенного продовольственного вопроса. Причем ситуация в данном вопросе постоянно ухудшалась. Весной были предприняты кардинальные меры по регулированию вопросов заготовок и распределения продуктов питания. При Наркомате Продовольствия создавался Совет Снабжения, представлявший собой совещательный орган, занимавшийся вопросами заготовок сельскохозяйственных продуктов, товарообменом и согласовывал действия организаций, осуществлявших снабжение. В состав данного совета входили представители Наркомата Продовольствия, ВСНХ, Комиссариатов Торговли, Промышленности, Путей Сообщения, Земледелия, Военно-Морского ведомства,

а также представители областных и столичных комитетов продовольствия, Центросоюза. На местах создавались областные, губернские и уездные продовольственные комитеты, в их подчинении находились продовольственные отряды, деятельность которых регулировалась особой инструкцией Наркома Продовольствия. Задача местных органов сводилась к организации деятельности по реализации политики продразверстки. А именно: осуществление хлебной монополии, т. е. изъятие по установленным твердым ценам всех излишков хлебов (излишки в понимании Советской власти) у крестьян и складирование их в государственных хранилищах и распределение продовольствия согласно инструкциям Народного Комиссариата Продовольствия. Губернские и уездные продкомитеты создавали заготовительные конторы в пределах своих территорий. Местные Советы рабочих и Крестьянских депутатов должны были оказывать помощь местным продовольственным комитетам в случае оказания сопротивления их деятельности со стороны кулаков и спекулянтов и в случае, если на территории оставались излишки хлеба или другой продукции¹⁰.

Заключение

Продовольственные затруднения, явившиеся следствием Первой мировой войны, затронули большинство стран-участниц, каждая из которых искала свои пути выхода из данной ситуации. Продовольственный кризис, разразившийся в России, имел очень серьезные последствия как для рядовых жителей, так и для правящей элиты. В России продовольственные затруднения начались в первый же год войны, а к 1916 г. они превратились в очень большую проблему. Власти страны в начале войны не относились серьезно к возникшим продовольственным затруднениям. В дальнейшем, можно сказать, у них не хватило политической воли, чтобы принять непопулярные, но так необходимые решения.

Продовольственная проблема как тяжелое наследство досталась Временному правительству, которое попыталось ее решить. Ему это не удалось, т. к. данная проблема носила комплексный характер. Она была следствием войны, кризиса в сельском хозяйстве, транспортных проблем и т. д. С одной стороны, Советская власть смогла решить данную проблему, только устранив все ее глубинные причины, с другой – экономический строй, созданный большевиками, в дальнейшем породил более тяжелые продовольственные проблемы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

¹⁰ Декреты по продовольствию... С. 7–11.

Литература

1. Бреславец В. Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 год. М.: Товарный отд. Моск. народного банка, 1918. 84 с.
2. Гинс Г. К. Продовольственное законодательство: [организация народного хозяйства во время войны]. Омск: М-во продовольствия Временного Сибирского правительства, 1918. IV+63 с.
3. Лузин Ф. А. Продовольственные операции города Москвы. М.: Гор. тип., 1915. 22 с.
4. Свицерский А., Смит М. Кто ввел хлебную монополию // Продовольственное положение в свете общего хозяйственного строительства Советской власти. М.: Гос. изд-во, 1920. С. 134–143.
5. Суханов Н. Н. Мировое хозяйство накануне и после войны 1913–1923: попул. очерк. Л.-М.: Книга, 1924. 108 с.
6. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М.: АН СССР, 1962. 483 с.
7. Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма»: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 45 с.
8. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 384 с.
9. Балюкин К. С. К вопросу об экономической политике большевиков в период «военного коммунизма» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № S9. С. 41–45.
10. Баловнев Н. С. Политика военного коммунизма в современной отечественной историографии (2000-е гг.) // Наука и образование сегодня. 2017. № 3. С. 12–16.
11. Бравина М. А. Продовольственный кризис 1917 г. и его проявления в Симбирской губернии // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.) М.: Книгодел, 2017. Т. 1. С. 310–317.
12. Гришакова Л. В., Шмакова Н. Н. «Продовольственный вопрос» в современной историографии Первой мировой войны // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 47–53.
13. Гуськов Ю. В. Военный коммунизм и Новая экономическая политика: теоретические основы и их реализация в политической практике // Великая российская революция: общество, человек, культура, повседневность: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 16–18 марта 2017 г.) М.: Книгодел, 2017. Т. 2. С. 146–155.
14. Давыдов А. Ю. Российская кооперация и продовольственная политика Временного правительства // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: мат-лы Междунар. науч. конф. (Витебск-Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г.) Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. С. 49–53.
15. Ефремов И. В. К вопросу о причинах противостояния сибирских крестьян с большевиками в 1918–1923 гг. // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. Т. 1. С. 23–28.
16. Канайкин П. А. Продовольственный вопрос в России в сентябре-октябре 1917 года // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2. С. 185–190.
17. Лозбенев И. Н. Особенности развития советского экономического законодательства в период осуществления политики «военного коммунизма» (1918–1921 гг.) // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2016. № 2. С. 122–132.
18. Николаева А. И. Особенности экономической политики большевиков в период «военного коммунизма» // Экономика и социум. 2017. № 1-2. С. 233–237.
19. Собожинов Н. А. Политика Временного правительства по снабжению населения продовольствием и товарами первой необходимости (на примере Западной Сибири) // Kant. 2018. № 1. С. 265–269.
20. Телицын В. А. Крестьянское хозяйство Урала в условиях военного коммунизма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 25 с.
21. Тумурхонова Н. В. Хлебный кризис и хлебная монополия Временного правительства на территории Забайкалья (март-октябрь 1917 г.) // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 10. С. 111–116. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.22
22. Филиппов И. Т. Продовольственная политика в России в 1917–1923 гг. М.: Моск. гос. акад. вет. медицины и биотехнологии, 1994. 228 с.
23. Чемоданов И. В. Реализация политики «продовольственной диктатуры» и «военного коммунизма» в вятской деревне (1918–1919 гг.) // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XVI Междунар. науч. конф. (Иваново, 5–6 апреля 2017 г.) Иваново: ИвГУ, 2017. Ч. 2. С. 475–481
24. Шекшеев А. П. Власть и Енисейское крестьянство: экономические отношения. Март 1917 – июнь 1918 гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 1. С. 73–94.
25. Сорокин П. А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция: Филос. альм. / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М.: Политиздат, 1990. С. 371–413.

original article

World War I and the Food Crisis in Russia

Tatyana A. Rehovskaya

Kemerovo State University of Culture, Russia, Kemerovo; rehovskaia@yandex.ru

Received 19 May 2021. Accepted 28 Jun 2021.

Abstract: The Great War, or World War I, had a major effect on the food situation in Russia and other countries. This aspect still remains largely understudied. The article describes the scale of food supply crisis in Western Europe and Russia, as well as solutions and potential options. It focuses on the antifamine measures taken by the Government of Nicholas II, which were ineffective and slow. As a result, the food crisis escalated and the food supply situation eventually got out of control. The Provisional Government also failed to solve the food supply problem, which passed on to the Soviet government.

Keywords: food, army, agriculture, prices, harvest, acreage

Citation: Rehovskaya T. A. World War I and the Food Crisis in Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 396–404. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-396-404>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Breslavets V. N. *Army and population meat supply. 1914–1918*. Moscow: Tovarnyi otd. Mosk. narodnogo banka, 1918, 84. (In Russ.)
2. Gins G. K. *Food legislation: [organization of the national economy during the war]*. Omsk: M-vo prodovolstviia Vremennogo Sibirskogo pravitelstva, 1918, IV+63. (In Russ.)
3. Luzin F. A. *Food operations of the city of Moscow*. Moscow: Gor. tip., 1915, 22. (In Russ.)
4. Svidersky A., Smith M. Who introduced the grain monopoly. *The food situation in the light of the general economic construction of the Soviet Government*. Moscow: Gos. izd-vo, 1920, 134–143. (In Russ.)
5. Sukhanov N. N. *World economy before and after the war in 1913–1923: popular essay*. Leningrad-Moscow: Kniga, 1924, 108. (In Russ.)
6. Volobuev P. V. *Economic policy of the Provisional Government*. Moscow: AN SSSR, 1962, 483. (In Russ.)
7. Kabanov V. V. *Peasant economy in the conditions of "war communism"*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1989, 45. (In Russ.)
8. Kitanina T. M. *War, bread, and Revolution: (The food question in Russia, 1914 – October 1917)*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1985, 384. (In Russ.)
9. Baliukin K. S. Bolsheviks' economic policy during the period of "military communism". *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2005, (S9): 41–45. (In Russ.)
10. Balovnev N. S. The politics of war communism in modern Russian historiography (2000s). *Nauka i obrazovanie segodnia*, 2017, (3): 12–16. (In Russ.)
11. Bravina M. A. The food crisis of 1917 and its manifestations in the Simbirsk province. *The Great Russian Revolution: society, man, culture, everyday life*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ulyanovsk, 16–18 Mar 2017. Moscow: Knigodel, 2017, vol. 1, 310–317. (In Russ.)
12. Grishakova L. V., Shmakova N. N. "The food question" in modern historiography of the World War I. *Modern scientific thought*, 2019, (2): 47–53. (In Russ.)
13. Guskov Yu. V. War communism and New Economic Policy: theoretical foundations and their implementation in political practice. *The Great Russian Revolution: society, man, culture, everyday life*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ulyanovsk, 16–18 Mar 2017. Moscow: Knigodel, 2017, vol. 2, 146–155. (In Russ.)
14. Davydov A. Yu. Russian cooperation and food policy of the Provisional Government. *The Great Russian Revolution of 1917 in the history and fates of the peoples and regions of Russia, Belarus, Europe, and the world in the context of the historical realities of the XX – early XXI century*: Proc. Intern. Sci. Conf., Vitebsk-Pskov, 27 Feb – 3 Mar, 2017. Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova, 2017, 49–53. (In Russ.)
15. Efremov I. V. Reasons for the confrontation between the Siberian peasants and the Bolsheviks in 1918–1923. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2019, 1: 23–28. (In Russ.)
16. Kanaikin P. A. The food problem in Russia in September-October in 1917. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2013, (2): 185–190. (In Russ.)

17. Lozbenov I. N. Features of the development of Soviet economic legislation during the implementation of the policy of "military communism" (1918–1921). *Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*, 2016, (2): 122–132. (In Russ.)
18. Nikolaeva A. I. Features of the economic policy of the Bolsheviks during the period of "military communism". *Ekonomika i sotsium*, 2017, (1-2): 233–237. (In Russ.)
19. Sobozhnikov N. A. Policy of Provisional Government on supply of the population with food and essentials (on the example of Western Siberia). *Kant*, 2018, (1): 265–269. (In Russ.)
20. Telitsyn V. L. *The peasant economy of the Urals under the conditions of war communism*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1993, 25. (In Russ.)
21. Tumurkhonova N. V. Bread crisis and grain monopoly in the Transbaikalian region (March–October 1917). *Manuscript*, 2020, 13(10): 111–116. (In Russ.) DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.22
22. Filippov I. T. *Food policy in Russia in 1917–1923*. Moscow: Mosk. gos. akad. vet. meditsiny i biotekhnologii, 1994, 228. (In Russ.)
23. Chemodanov I. V. The implementation of the policy of "food dictatorship" and "military communism" in the Vyatka village (1918–1919). *State, society, and church in the history of Russia in the XX–XXI centuries: Proc. XVI Intern. Sci. Conf.*, Ivanovo, 5–6 Apr 2017. Ivanovo: IvGU, 2017, pt. 2, 475–481 (In Russ.)
24. Shekshchev A. P. The power and the Yenisei peasantry: economic relations. March, 1917 – June, 1918. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2016, (1): 73–94. (In Russ.)
25. Sorokin P. A. Famine and social ideology. *Quintessence: Philosophical Almanac*, comps. Mudragei V. I., Usanov V. I. Moscow: Politizdat, 1990, 371–413. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 902/904

Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла)

Анна Сергеевна Савельева

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>; antverpen@mail.ru

Поступила в редакцию 24.03.2021. Принята в печать 13.04.2021.

Аннотация: С целью выявления особенностей медно-бронзовых сплавов сопроводительного инвентаря из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры был предпринят анализ элементного состава металла из склепов курганов 2, 12 и 16 (III–I вв. до н. э.) могильника Серебряково I в Кия-Чулымском междуречье. Состав образцов металла 72 предметов исследован методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. В ходе статистической обработки полученных данных выделены семь химико-металлургических и металлургических групп сплавов на медной основе. Сопоставление выявленных рецептур бронз с данными о типологии инвентаря различных категорий (ножи, чеканы, зеркала, оленные бляшки) показало отсутствие устойчивых корреляций типов сплавов с типами / вариантами изделий. По соотношению медно-бронзовых рецептур изученный металл лепешкинского этапа тагарской культуры из могильника Мариинской лесостепи согласуется с его относительной хронологической позицией между металлокомплексами сарагашенского и тесинского этапов тагарской культуры. Проанализированная коллекция демонстрирует тенденцию к снижению доли оловянистых бронз и к уменьшению средних концентраций лигатур олова. Исследование доказывает целесообразность применения археометаллургических данных как одного из признаков для определения относительной хронологической позиции погребальных комплексов тагарской культуры.

Ключевые слова: лепешкинский этап, медно-бронзовый инвентарь, типология, элементный состав, металлургические группы сплавов

Цитирование: Савельева А. С. Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 405–414. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-405-414>

Введение

Исследования традиций цветной металлообработки тагарской культуры к настоящему времени позволили сформулировать идеи об отличиях производственных стратегий ее носителей на различных этапах. Бронзы из хронологически дифференцированных комплексов демонстрируют разное соотношение медно-мышьяковых, мышьяковистых и оловянистых сплавов по материалам памятников Минусинских котловин и Мариинской лесостепи [1, с. 184, 187, 188–191; 2; 3, с. 95; 4, с. 121; 5; 6]. Несмотря на представительность опубликованных серий данных об элементном составе тагарских бронз [1; 2; 5; 6], все еще остаются отдельные аспекты развития металлургических традиций культуры, исследованные недостаточно. В их числе – металл из комплексов лепешкинского этапа, не изученный по материалам Мариинской лесостепи и нуждающийся в продолжении специальных исследований по материалам Минусинских котловин [7, с. 96]. Краткие сведения, которые возможно экстраполировать на изучаемый период, приводятся С. С. Миняевым. По его наблюдениям, на рубеже III–II вв. до н. э. в Минусинских котловинах происходила смена оловянных бронз, характерных для IV–III вв. до н. э., мышьяковыми и оловянно-

мышьяковыми сплавами [8, с. 76]. В связи с актуальностью работ по изучению состава металла III–II вв. до н. э. предметом публикации выступает инвентарь из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры курганного могильника Серебряково I в Мариинской лесостепи (Кия-Чулымское междуречье).

Материалы

Могильник Серебряково I располагался в Тисульском районе Кемеровской области, в 6 км к северо-востоку от с. Серебряково и состоял из 17 курганов. Раскопки производились в 1969 г. экспедицией Кемеровского государственного педагогического института, возглавляемой А. И. Мартыновым [9]. Могильник полностью раскопан, результаты раскопок опубликованы [10]. Находки хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ, ОФ-65/1-477, коллекция 61) [11, с. 48–51]. Период функционирования могильника датирован А. И. Мартыновым в пределах с V по I вв. до н. э. [12, рис. 20].

Склепы в курганах 2, 12 и 16 (могила 1) представлены значительным числом бронзовых предметов, относятся к числу наиболее поздних погребальных сооружений могильника и датируются специалистами от III в. до н. э. до II в. н. э. [9, с. 195; 10, с. 116; 12, с. 66; 13, табл. 63; 14, с. 131]. Анализ погребального инвентаря и конструкций склепов позволяет выделить следующие диагностические признаки: обособленное расположение курганов в составе могильника; обожжение погребальных камер; покрытие берестой бревен наката; большое число погребенных; вотивные формы сопроводительного инвентаря; проушные чеканы; строенные бляшки; предметы неизвестного назначения (ПНН); орнаментированные зеркала; сосуды со сливом. По материалам Мариинской лесостепи эти особенности погребальных комплексов характерны для заключительного этапа (III–II вв. до н. э.) тагарской культуры [15, с. 19] или для назаровского этапа позднетагарского времени III в. до н. э. [12, с. 81–85, 87]. По материалам Минусинских котловин рассматриваемые комплексы могильника Серебряково I соотносятся с погребениями лепешкинского этапа тагарской культуры III в. до н. э. [16], названного по опорному памятнику третьего этапа Минусинской Курганной культуры, выделенного С. А. Теплоуховым по материалам раскопок у деревни Лепешки [17, с. 48, 49]. Н. Ю. Кузьминым время рубежа III–II вв. до н. э. маркируется как начало более длительного и сложного по содержанию периода сосуществования позднетагарских / позднесарагашенских / лепешкинских и раннетесинских I этапа тесинской культуры памятников Минусинской, Сыдо-Ербинской и юга Чулымо-Енисейской котловин, завершившегося только в первой половине I в. до н. э. [18, с. 238, рис. 45]. В предлагаемой публикации материалы курганов 2, 12 и 16 (могила 1) датируются III–I вв. до н. э. и атрибутируются как лепешкинские. Более подробно о проблематике и разнообразии подходов к датировке и археологической характеристике лепешкинского этапа тагарской культуры см. в [16; 18, с. 73, 203; 19–21; 22, с. 7, 8; 23, с. 80; 24, с. 34, 38].

Ниже приводится краткое описание анализируемого предметного комплекса. Применяемая последовательность описания признаков – категория, тип, вариант – представляет собой систематизацию, основанную на подходах А. В. Субботина [13, с. 48–52], хотя и несколько упрощенную.

■ **Категория: чеканы (миниатюрные, уменьшенные)**

► Тип А: втульчатые

- вариант 1: с четырехгранным в сечении бойком и плоским в сечении обушком: № 161 (рис. 1, 1)
- вариант 2: с четырехгранным в сечении бойком и каннелированным или рубчатым обушком: № 24, № 93 (рис. 1, 2)
- вариант 3: с линзовидным в сечении, каннелированным бойком и линзовидным в сечении обушком: № 36 (рис. 1, 8)

- вариант 4: с головой грифона под овальным в сечении, истонченным в нижней плоскости бойком: № 98 (рис. 1, 9)

► Тип Б: втульчатые с укороченной втулкой

- вариант 1: с круглыми в сечении бойком и обушком: № 30, № 126 (рис. 1, 10)
- вариант 2: с четырехгранным в сечении бойком и круглым обушком: № 51 (рис. 1, 11)
- вариант 3: с округлым в сечении бойком и плоским рубчатым обушком, расширяющимся к краю: № 32 (рис. 1, 12)
- вариант 4: с четырехгранным в сечении бойком и круглым в сечении обушком: № 25, № 50 (рис. 1, 15)

► Тип В: втульчатые с укороченной глухой втулкой

- вариант 1: с каннелированными бойком и обушком: № 99 (рис. 1, 3)

► Тип Г: проушные

- вариант 1: с круглыми в сечении бойком и обушком: № 35 (рис. 1, 4)

■ **Категория: втоки**

► Тип А: колоколовидной формы

- вариант 1: с лопаточковидным основанием: № 294 (рис. 1, 6)

► Тип Б: конусовидной формы

- вариант 1: с трапециевидным заovalенным основанием: № 322 (рис. 1, 7), № 139
- вариант 2: с секировидным основанием: № 97 (рис. 1, 5)

■ **Категория: кинжалы**

- вариант 1: с грибовым уплощенным навершием, плоской каннелированной рукояткой, сердцевидным перевернутым перекрестием и простым прямым – с ребром – лезвием: № 48 (рис. 1, 13)
- вариант 2: с простым скобковым навершием, плоской каннелированной рукояткой, сосцевидным перекрестием и простым прямым – с ребром – лезвием: № 38 (рис. 1, 14)

■ **Категория: ножи (миниатюрные, уменьшенные)**

► Тип А: с прямой спинкой

- вариант 1: с овальным навершием: № 18 (рис. 1, 20)
- вариант 2: с овальным дырчатым навершием: № 39 (рис. 1, 21), № 64, 87, 190
- вариант 3: с петельчатым навершием: № 60 (рис. 1, 19)

► Тип Б: дугообразнообушковые

- вариант 1: с овальным навершием с намеченным отверстием: № 19 (рис. 1, 22)

► Тип В: змейчатообушковые

- вариант 1: с трапециевидным навершием и овальным отверстием: № 53 (рис. 1, 18)

Фрагментами представлены ножи № 28, 37, 40, 42, 61, 67, 70, 142, 149, 156, 164, 172.

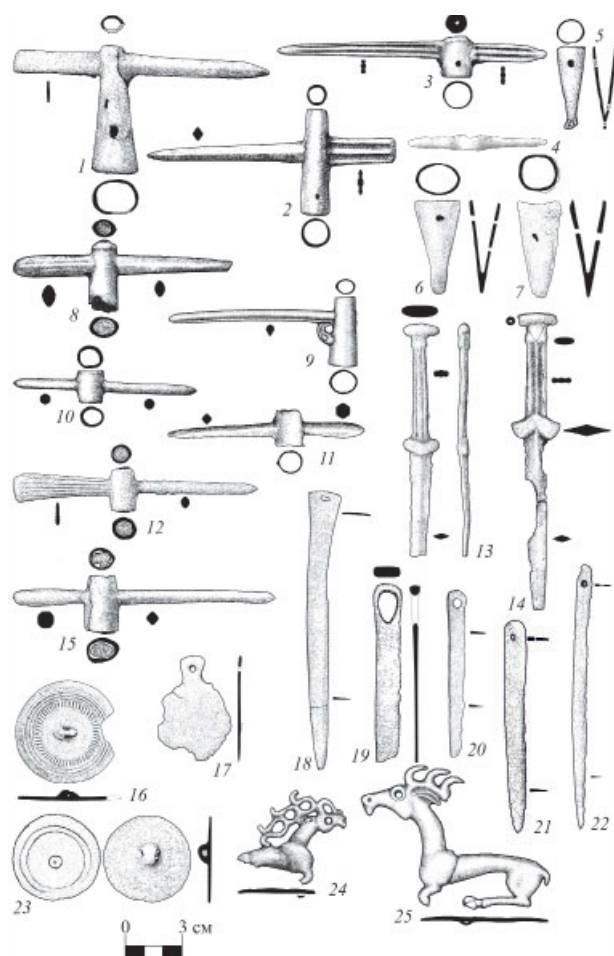

Рис. 1. Лепешкинский комплекс бронз из погребений могильника Серебряково I: 1 – № 161; 2 – № 93; 3 – № 99; 4 – № 35; 5 – № 97; 6 – № 294; 7 – № 322; 8 – № 36; 9 – № 98; 10 – № 126; 11 – № 51; 12 – № 32; 13 – № 48; 14 – № 38; 15 – № 50; 16 – № 41; 17 – № 14; 18 – № 53; 19 – № 60; 20 – № 18; 21 – № 39; 22 – № 19; 23 – № 73; 24 – № 109; 25 – № 138. Рисунки выполнены С. Н. Леонтьевым
Fig. 1. Lepeshkinsky complex of bronzes from Serebryakovo I burial ground: 1 – No. 161; 2 – No. 93; 3 – No. 99; 4 – No. 35; 5 – No. 97; 6 – No. 294; 7 – No. 322; 8 – No. 36; 9 – No. 98; 10 – No. 126; 11 – No. 51; 12 – No. 32; 13 – No. 48; 14 – No. 38; 15 – No. 50; 16 – No. 41; 17 – No. 14; 18 – No. 53; 19 – No. 60; 20 – No. 18; 21 – No. 39; 22 – No. 19; 23 – No. 73; 24 – No. 109; 25 – No. 138. The drawings were made by S. N. Leontiev

Категория: шилья

- Тип А: с четырехгранным острием

- вариант 1: с круглой в сечении шейкой: № 52

Категория: зеркала

- Тип А: дисковидные неорнаментированные

- вариант 1: с овальной петелькой: № 27, 47, 55, 84, 90

- вариант 2: с подпрямоугольной петелькой: № 66

- вариант 3: с отверстием в центре: № 151

У дисковидных зеркал № 33, 76, 101, 147 петельки утрачены.

- Тип Б: дисковидные орнаментированные: № 41 (рис. 1, 16), № 73 (рис. 1, 23)

- Тип В: медалевидные: № 14 (рис. 1, 17)

Категория: оленные бляшки (изображения оленей с подогнутыми под туловище ногами)

- Тип А: с S-видными отростками рогов: № 109 (рис. 1, 24)

- Тип Б: с рогами в виде отростков, помещенных на дуге: № 71, 138 (рис. 1, 25), № 140, 438

Оленные бляшки № 69 и № 100 сохранились в малоинформативных фрагментах.

Анализу элементного состава подвергнут также металл фрагментов ножного браслета № 57, гривен № 49, 196, 34, полусферической бляшки № 26, диадема № 31, 200, 21, штандарта № 54, ПНН № 184 и № 167.

Результаты

Методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой установлен элементный состав образцов металла 72 бронзовых предметов из курганов 2, 12, могилы 1 кургана 16 могильника Серебряково I (табл. 1). Анализ производился в Центре коллективного пользования ФИЦ УУХ СО РАН на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO LA (аналитик – канд. хим. наук, старший научный сотрудник Р. П. Колмыков). Данные о составе металла зеркал № 47, 101, 90, 14, 27, 33, 41 и 66 публиковались ранее [25, с. 46, табл. 1] и дублируются в табл. 1.

График распределения концентраций олова (рис. 2) позволяет наметить границу легирования меди оловом – 1,02 %. Металл 36 изделий содержит искусственные добавки олова, достигающие концентраций 10,5 % (зеркало № 90). График распределения концентраций мышьяка (рис. 3) позволяет наметить границу легирования меди мышьяком – 2,35 %. Мышьяком легирован металл 26 предметов. Металл с содержанием мышьяка более 0,75 %, но менее 2,35 % образует самостоятельную химическую группу мышьяковой меди.

Данные элементного состава позволяют выделить следующие группы сплавов:

1. «Чистая» медь (Cu): вток № 322.

2. Мышьяковая медь (Cu(As)): семь предметов.

3. Мышьяковистая бронза (Cu+As): 28 предметов, в том числе зеркало № 41 и чекан № 24 с повышенным содержанием железа; оленная бляшка № 69 с повышенным содержанием железа и золота; оленная бляшка № 138 с повышенным содержанием сурьмы и висмута; чекан № 32 с повышенным содержанием цинка.

4. Мышьяковисто-оловянистая бронза (Cu+As+Sn): четыре предмета (вток № 97, зеркало № 14, ножи № 39 и 142).

5. Оловянистая бронза (Cu+Sn): 28 предметов, в том числе семь предметов из сплавов на основе мышьяковой меди, включая нож № 61 с повышенным содержанием железа.

Табл. 1. Результаты анализа элементного состава бронз из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры могильника Серебряково I, %

Tab. 1. Elemental composition of bronzes from the burials of Lepeshkinsky Stage of Tagar culture, Serebryakovo I burial ground, %

№	Предмет (курган)	Sn	As	Pb	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
100	бляшка оленняя (16)	0,6	4	0,51	0,43	0,54	0,08	0,009	0,087	0,014	0,01	0,15
109	бляшка оленняя (16)	0,21	4,9	0,05	0,083	0,06	0,12	0,004	0,03	0,004	0,008	0,036
138	бляшка оленняя (16)	0,1	7,2	0,29	1,5	1,27	0,03	0,06	0,023	0,004	0,003	0,25
140	бляшка оленняя (16)	8,1	0,46	0,56	0,05	0,017	0,09	0,05	0,1	0,015	0,0025	0,07
438	бляшка оленняя (16)	0,42	3,66	0,041	0,101	0,028	0,750	0,011	0,086	0,015	0,006	0,076
69	бляшка оленняя (2)	0,36	8,62	0,092	0,224	0,018	2,53	0,023	0,128	0,054	1,354	0,131
71	бляшка оленняя (2)	6,94	0,95	0,025	0,076	0,031	0,153	0,015	0,063	0,007	0,007	0,088
26	бляшка полусферическая (12)	5,94	0,38	0,087	0,022	0,054	0,053	0,005	0,089	0,009	0,004	0,034
139	вток (16)	0,14	2,98	0,079	0,31	0,2	0,038	0,003	0,086	0,004	0,007	0,11
294	вток (16)	1,6	0,15	0,079	0,007	0,015	0,12	0,012	0,06	0,004	0,002	0,04
322	вток (16)	0,11	0,94	0,014	0,014	0,06	0,062	0,007	0,036	0,002	0,002	0,026
97	вток (16)	1,4	5,2	0,52	0,46	0,32	0,06	0,2	0,09	0,025	0,005	0,09
49	гривна (12)	5,00	0,472	0,052	0,063	0,052	0,891	0,04	0,135	0,018	0,005	0,048
196	гривна (16)	0,08	8,37	0,025	0,19	0,047	0,11	0,004	0,101	0,005	0,016	0,103
34	гривна (2)	8,35	0,601	0,015	0,072	0,04	0,794	0,006	0,101	0,011	0,008	0,094
31	диадема (12)	5,15	0,414	0,019	0,072	0,016	0,168	0,009	0,174	0,001	0,005	0,07
200	диадема (16)	0,51	2,42	0,084	0,145	0,059	0,354	0,011	0,127	0,02	0,011	0,098
21	диадема (2)	0,75	2,6	0,146	0,295	0,194	0,109	0,004	0,108	0,007	0,009	0,217
147	зеркало (16)	0,2	3,77	0,16	0,1	0,096	0,2	0,27	0,06	0,006	0,005	0,07
151	зеркало (16)	0,15	1,5	0,09	0,01	0,16	0,057	0,026	0,099	0,01	0,009	0,053
73	зеркало (16)	0,17	4,2	0,39	0,49	0,6	0,07	0,05	0,06	0,007	0,008	0,18
76	зеркало (16)	0,55	2,1	0,18	0,096	0,12	0,24	0,003	0,58	0,015	0,007	0,05
84	зеркало (16)	0,64	4,2	0,38	0,49	0,67	0,05	0,026	0,1	0,02	0,0095	0,13
55	зеркало (2)	5,7	0,5	0,06	0,08	0,07	0,047	0,088	0,11	0,012	0,005	0,06
47	зеркало (12)	6,417	1,456	0,063	0,065	0,252	0,212	0,139	0,497	0,146	0,008	0,056
101	зеркало (16)	0,63	1,5	0,29	0,12	0,08	0,35	0,012	0,084	0,015	0,008	0,09
90	зеркало (16)	0,13	10,5	0,15	0,15	0,77	0,38	0,024	0,1	0,025	0,015	0,09
14	зеркало (2)	1,3	1,95	0,63	0,57	0,22	0,027	0,12	0,15	0,015	0,005	0,14
27	зеркало (2)	0,098	1,3	0,12	0,1	0,21	0,055	0,09	0,09	0,011	0,008	0,07
33	зеркало (2)	3,04	2,16	0,47	0,1	0,17	0,047	0,1	0,19	0,023	0,007	0,08
41	зеркало (2)	0,074	8,6	0,2	0,05	0,21	1,44	0,63	0,14	0,024	0,007	0,14
66	зеркало (2)	0,2	1,35	0,19	0,036	0,094	0,045	0,05	0,127	0,005	0,004	0,09
38	кинжал (12)	0,49	1,56	0,08	0,122	0,132	0,095	0,375	0,105	0,005	0,007	0,074
48	кинжал (2)	0,7	1,3	0,087	0,05	0,7	0,049	0,23	0,09	0,008	0,003	0,08
28	нож (12)	1,75	0,936	0,049	0,28	0,126	0,848	0,613	0,172	0,034	0,006	0,052
37	нож (12)	0,61	2,44	0,062	0,159	0,161	0,105	0,004	0,102	0,006	0,007	0,101
39	нож (12)	2,00	2,74	0,131	0,415	0,115	0,145	0,169	0,134	0,013	0,25	0,102
40	нож (12)	0,81	1,62	0,07	0,332	0,104	0,87	0,004	0,204	0,055	0,007	0,079
42	нож (12)	5,76	0,307	0,075	0,049	0,025	0,22	0,025	0,147	0,016	0,005	0,206
142	нож (16)	1,3	1,7	0,12	0,13	0,35	0,04	0,06	0,17	0,014	0,007	0,13
149	нож (16)	2,11	0,63	0,11	0,15	0,95	0,063	0,022	0,098	0,006	0,005	0,05
156	нож (16)	7,4	0,4	0,19	0,038	0,01	0,07	0,03	0,075	0,01	0,002	0,08
164	нож (16)	1,1	1,53	0,19	0,18	0,15	0,26	0,014	0,13	0,027	0,009	0,09
172	нож (16)	3,6	0,48	0,16	0,024	0,02	0,1	0,3	0,08	0,008	0,004	0,05
190	нож (16)	3,68	0,549	0,077	0,067	0,435	0,111	0,007	0,138	0,027	0,008	0,046
60	нож (16)	2,98	1,1	0,075	0,24	0,07	0,08	0,01	0,14	0,006	0,005	0,16
61	нож (16)	3,3	1,5	0,15	0,23	0,089	1,7	0,008	0,18	0,04	0,002	0,08
64	нож (16)	0,06	2,36	0,045	0,056	0,074	0,13	0,038	0,038	0,007	0,005	0,04
70	нож (16)	6,3	0,59	0,08	0,045	0,19	0,046	0,005	0,09	0,008	0,011	0,04

№	Предмет (курган)	Sn	As	Pb	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
87	нож (16)	0,29	2,4	0,1	0,16	0,3	0,16	0,05	0,06	0,005	0,011	0,09
18	нож (2)	4,9	0,6	0,2	0,085	0,076	0,21	0,64	0,1	0,021	0,005	0,07
19	нож (2)	0,14	2,03	0,15	0,14	0,14	0,72	0,038	0,09	0,008	0,008	0,08
53	нож (2)	0,28	6,1	0,23	0,2	0,26	0,09	0,012	0,08	0,008	0,01	0,13
67	нож (2)	5,6	0,8	0,09	0,18	0,038	0,067	0,009	0,18	0,006	0,005	0,09
57	ножной браслет (2)	1,02	1,05	0,083	0,184	0,061	0,044	0,003	0,137	0,011	0,007	0,107
167	ПНН (16)	10,4	0,4	1,5	0,04	0,023	0,58	0,016	0,077	0,009	0,002	0,045
184	ПНН (16)	0,37	2,66	0,17	0,042	0,27	0,04	0,017	0,06	0,005	0,0025	0,07
36	чекан (12)	0,23	1,81	0,104	0,55	0,14	0,175	0,127	0,134	0,011	0,008	0,075
126	чекан (16)	2,5	1,3	0,2	0,17	0,21	0,17	0,2	0,16	0,013	0,007	0,09
161	чекан (16)	7,3	0,23	0,21	0,012	0,03	0,18	0,02	0,065	0,008	0,003	0,05
93	чекан (16)	0,41	5,4	0,55	0,13	0,69	0,25	0,016	0,1	0,02	0,006	0,08
98	чекан (16)	0,19	2,5	0,048	0,15	0,17	0,61	0,032	0,088	0,008	0,01	0,095
99	чекан (16)	0,4	7,6	0,2	0,52	0,45	0,19	0,003	0,087	0,007	0,012	0,15
24	чекан (2)	0,037	16,9	0,18	0,09	0,7	2,55	0,3	0,093	0,035	0,015	0,09
25	чекан (2)	4,4	1,21	1,6	0,14	0,24	0,1	0,22	0,16	0,03	0,007	0,1
30	чекан (2)	2,4	1,2	0,1	0,24	0,12	0,62	0,003	0,13	0,015	0,004	0,15
32	чекан (2)	0,25	3,2	0,09	0,19	0,043	0,08	1,00	0,72	0,3	0,009	0,087
35	чекан (2)	0,69	1,7	0,53	0,59	0,12	0,06	0,003	0,08	0,005	0,005	0,17
50	чекан (2)	3,9	0,77	0,12	0,07	0,07	0,01	0,42	0,14	0,011	0,006	0,06
51	чекан (2)	4,00	0,52	0,21	0,12	0,17	0,058	0,013	0,1	0,015	0,004	0,06
52	шило (2)	8,18	0,445	0,203	0,053	0,004	0,182	0,005	0,081	0,006	0,004	0,046
54	штанцарт (12)	4,28	0,506	1,88	0,063	0,009	0,120	0,008	0,142	0,038	0,002	0,097

Прим.: номер предмета соответствует инвентарному, а также числовому обозначению в тексте. В основе металла всех образцов – медь.

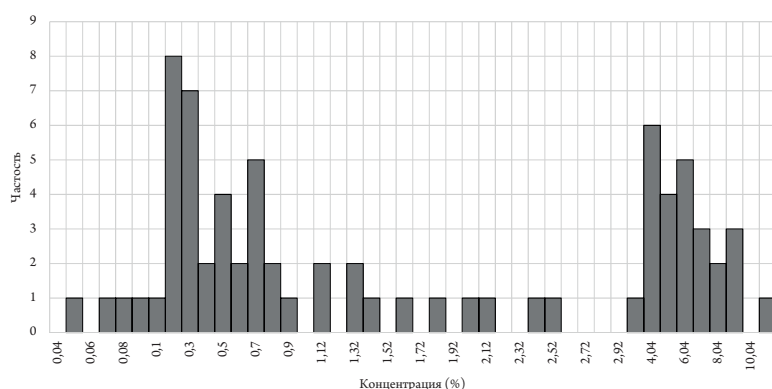

Рис. 2. Гистограмма распределения примесей олова в металле предметов из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры могильника Серебряково I
Fig. 2. Tin impurities in the metal artifacts from the burials of Lepeshkinsky Stage, Serebryakovo I

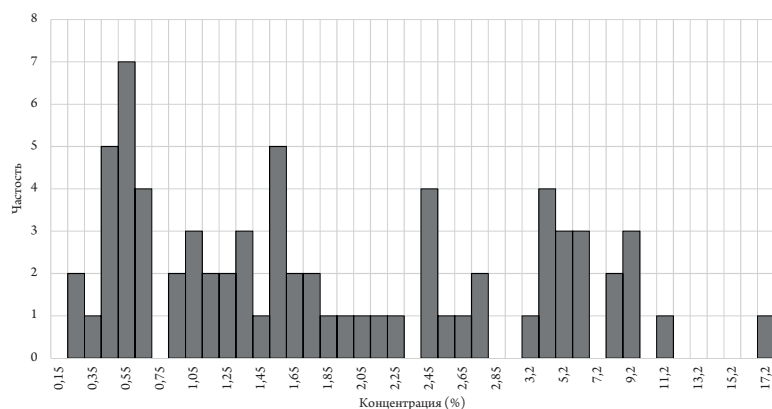

Рис. 3. Гистограмма распределения примесей мышьяка в металле предметов из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры могильника Серебряково I
Fig. 3. Arsenic impurities in the metal of artifacts from the burials of Lepeshkinsky Stage, Serebryakovo I

6. Оловянисто-мышьяковистая бронза (Cu+Sn+As): зеркало № 33.

7. Оловянисто-свинцовистая бронза (Cu+Sn+Pb): три предмета (ПНН № 167, штандарт № 54, чекан № 25).

Распределение групп сплавов (рецептур бронз) по категориям инвентаря отражено в табл. 2.

Пять из семи оленных бляшек – из мышьяковистой бронзы. Сопоставление рецептур бронз с типами изображений оленей показывает, что из четырех бляшек с рогами в виде отростков, помещенных на дуге (тип Б), по два экземпляра изготовлены из мышьяковистой (№ 138 и 438) и из оловянистой (№ 71 и 140) бронзы.

Для металла ножей характерна оловянистая бронза – из нее изготовлены 60 % предметов этой категории. Остальные экземпляры – из сплавов, легированных мышьяком, либо из мышьяковой меди. Ножи из разных сплавов принадлежат к одному варианту, равно как ножи разных типов изготовлены из сплава одной металлургической группы (например, ножи типа Б1, В1 и А2 – из мышьяковистой бронзы).

Два зеркала изготовлены из оловянистой бронзы, во всех остальных случаях сплавы легированы мышьяком либо представлены мышьяковой медью. Нами рассматривался вопрос о соотношении метрических, морфологических, хронологических и металлургических признаков для данной категории инвентаря [25]. Состав металла разновременных зеркал указывает на взаимосвязь диаметров и типов сплавов с принадлежностью предметов к определенному этапу тагарской культуры [25, с. 50]. В анализируемой коллекции зеркал преобладают изделия из сплавов меди с мышьяком.

В металле чеканов доля мышьяковистой бронзы составляет 46 %. В остальных случаях металл содержит лигатуру олова.

Сопоставление типов сплавов с типами / вариантами изделий из погребений лепешкинского этапа тагарской

культуры могильника Серебряково I позволяет заключить, что погребальный бронзовый инвентарь схожей морфологии может быть изготовлен из разных сплавов, равно как применяется одинаковый сплав при производстве предметов разных типов и категорий.

Вопрос о зависимости элементного состава от вида и предназначения изделия традиционно является одним из важнейших компонентов исследований древнего металла. Анализ историографии показывает – легирование оловом связывалось специалистами с требованиями к прочности изделий [26; 27]; присадка свинца – со снижением температуры плавления [26], с приданием вещам серовато-серебристого цвета [27]; комплексные лигатуры олова и свинца объяснялись улучшением литейных свойств металла уменьшенных копий предметов [4]. Так аргументировалась технологическая обусловленность тагарских рецептур – зависимость типов сплавов от внешнего вида изделия.

Попытка проследить связь типов вещей с типами сплавов, имевшая иные результаты, была предпринята С. С. Миняевым и М. П. Грязновым по материалам памятников тесинского этапа тагарской культуры. Их вывод был следующим: «среди рассматриваемых бронз не наблюдается зависимость типа сплава от характера изделия. Из мышьяковистых бронз, например, изготовлены различные предметы – пуговица, сбруйные кольца, ложечковидные наконечники ремней, пластина-пряжка» [28, с. 162]. Так демонстрировался приоритет хронологической принадлежности медно-бронзовых изделий (с соответствующим ей элементным составом металла) перед морфологическими характеристиками.

Возможно, выводы о положительной взаимосвязи рецептур бронз и предназначения изделий обусловлены выборкой источников, включавшей разновременные находки.

Табл. 2. Распределение рецептур бронз по категориям инвентаря из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры могильника Серебряково I

Tab. 2. Bronze formulations by categories of items from the burials of Lepeshkinsky Stage, Serebryakovo I

Категория инвентаря	Cu	Cu(As)	Cu+As	Cu+As+Sn	Cu+Sn	Cu+Sn+As	Cu+Sn+Pb
Ножи (20)	–	1	5	2	12	–	–
Зеркала (14)	–	4	6	1	2	1	–
Чеканы (13)	–	–	7	–	5	–	1
Оленные бляшки (7)	–	–	5	–	2	–	–
Втоки (4)	1	–	1	1	1	–	–
Гривны (3)	–	–	1	–	2	–	–
Диадемы (3)	–	–	2	–	1	–	–
Кинжалы (2)	–	2	–	–	–	–	–
ПНН (2)	–	–	1	–	–	–	1
Полусферическая бляшка	–	–	–	–	1	–	–
Ножной браслет	–	–	–	–	1	–	–
Шило	–	–	–	–	1	–	–
Штандарт	–	–	–	–	–	–	1
Всего (72)	1	7	28	4	28	1	3

Прим.: после наименования категории в скобках указано количество проанализированных экземпляров.

Обращение к хронологически смешанным коллекциям тагарских бронз вело к заключениям о наличии связи по меньшей мере некоторых категорий изделий с определенным типом сплава. По всей видимости, отсюда истоки представлений о том, что в числе «чеканов нет ни одного, который был бы отлит из низкокачественной мышьяковистой бронзы» [29, с. 100] и «из металла с незначительным содержанием олова никогда не отливали чеканов» [29, с. 101], которые не подтверждаются современными аналитическими данными (табл. 2).

Заключение

Соотношение рецептур сплавов медно-бронзовых изделий из погребений лепешкинского этапа тагарской культуры могильника Серебряково I показывает, что оловом легирована половина металла изученной выборки. По связанным с этим компонентом показателям – доле легированного оловом металла и средней концентрации оловянных лигатур – опубликованных данных достаточно для сравнения трех хронологически последовательных коллекций тагарского металла по материалам памятников Мариинской лесостепи (табл. 3).

По доле легированных оловом сплавов металл из погребений лепешкинского этапа тяготеет к металлокомплексу кургана Алчедат I тесинского этапа тагарской культуры [7]. Здесь меньше число бронзовых предметов, изготовленных с применением оловянных лигатур, по сравнению с коллекциями сарагашенского этапа [6], когда сплавы почти в полном объеме легировались оловом. По среднему количественному содержанию олова металлокомплекс лепешкинского этапа занимает промежуточную позицию между коллекциями сарагашенского и тесинского этапов. Он фиксирует снижение как концентраций оловянных лигатур, так и доли изделий из оловянистых бронз, по сравнению с сарагашенским этапом. В последующем оба этих показателя продолжают снижаться и достигнут минимальных для тагарских металлургических традиций значений на тесинском этапе.

Данные о бронзах из склепов лепешкинского этапа тагарской культуры по материалам могильника Серебряково I в Мариинской лесостепи позволяют говорить о чертах специфичности цветной металлургии в III–I вв.

Литература

1. Хаврин С. В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 183–194.
2. Хаврин С. В. Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак – Арбан – Федоров улус) // Евразия сквозь века / отв. ред. И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2001. С. 117–125.
3. Хаврин С. В. Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии // Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001. С. 94–99.
4. Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинакского района Хакасии // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова / науч. ред. С. В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123.
5. Савельева А. С., Герман П. В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6. С. 108–118. DOI: 10.17223/19988613/38/17

Табл. 3. Доли легированных оловом бронз и средние концентрации оловянных лигатур в медно-бронзовых сплавах сарагашенского, лепешкинского и тесинского этапов тагарской культуры (по материалам памятников Мариинской лесостепи), %
Tab. 3. Shares of tin-alloyed bronzes and average concentrations of tin ligatures in copper-bronze alloys of the Saragashensky, Lepeshkinsky and Tesinsky Stages of the Tagar culture (on the base of materials from the sites of Mariinsk forest-steppe), %

Этап тагарской культуры	Памятник	Доля металла, легированного оловом	Средняя концентрация лигатуры олова
Сарагашенский	Серебряково I (146)	93	5,7
	Некрасово II (74)	91	5,3
Лепешкинский	Серебряково I (72)	50	4,4
Тесинский	Алчедат I (51)	32	2,8

Прим.: после названия памятника в скобках указано количество проанализированных образцов металла.

до н. э. Элементный состав изученных образцов металла дополняет основания для определения места рассматриваемой коллекции между металлокомплексами сарагашенского и тесинского этапов тагарской культуры. Проводимые исследования доказывают обоснованность использования археометаллургических данных как одного из признаков для определения относительной хронологии погребальных комплексов в рамках периодизации тагарской культуры.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 ЕГИСУ АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

6. Савельева А. С., Герман П. В., Боброва Л. Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1. С. 39–48.
7. Хаврин С. В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия: сб. докл. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения чл.-корр. Рос. акад. наук Сергея Владимировича Киселева. (Минусинск, 20–26 июня 2005 г.) Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 96–97.
8. Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1983. С. 47–84.
9. Мартынов А. И. Раскопки Серебряковского курганного могильника // Археологические открытия. 1970. Т. 1969. С. 195–197.
10. Мартынов А. И., Бобров В. В. Серебряковский могильник. Кемерово, 1971. 132 с.
11. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» / сост. Н. А. Белоусова и др. Кемерово: Скиф, 2004. Вып. 1. 112 с.
12. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 208 с.
13. Субботин А. В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ЭлекСис, 2014. 154 с.
14. Герман П. В. Тагарский склеп с изделиями из золотой фольги в Мариинской лесостепи (материалы раскопок 1969 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 129–133. DOI: 10.17223/19988613/42/23
15. Бобров В. В. Тагарская культура в северной лесостепи // Terra Scythica: мат-лы Междунар. симпозиума. (Денисова пещера, 17–23 августа 2011 г.) Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 11–22.
16. Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 167 с.
17. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: ГРМ, 1929. Т. IV. Вып. II. С. 41–62.
18. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
19. Кузьмин Н. Ю. Вопросы периодизации и хронологии тагарской культуры // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1987. Ч. II. С. 68–71.
20. Кузьмин Н. Ю. К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье: тез. докл. (Омск, 6–10 апреля 1987 г.) Омск: ОмГУ, 1987. С. 112–116.
21. Кузьмин Н. Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: мат-лы заседаний «круглого стола». (Санкт-Петербург, 22–24 декабря 1994 г.) СПб., 1994. С. 127–138.
22. Курочкин Г. Н., Субботин А. В. Скифы на юге Сибири: феномен тагарской культуры // Античная цивилизация и варварский мир: IV археологич. семинар. (Новочеркасск, 1 января – 31 декабря 1994 г.) Краснодар: КубГУ, 1994. С. 5–10.
23. Кузьмин Н. Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3. С. 77–87.
24. Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
25. Савельева А. С. Об элементном составе металла зеркал тагарской культуры // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 9. С. 40–52. DOI: 10.24411/2411-7838-2019-00005
26. Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. 1960. № 90. С. 116–206.
27. Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 28 с.
28. Миняев С. С., Грязнов М. П. Спектральный анализ бронз из погребений у горы Тепсей // Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. С. 162.
29. Мартынов А. И., Богданова-Березовская И. В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири / под. ред. В. Г. Мирзоева. Кемерово: Кн. изд-во, 1966. Вып. I. С. 66–104.

original article

Lepeshkinsky Complex of Bronzes from Tagar Burial Site Serebryakovo I in the Mariinsk Forest-Steppe: the elemental composition of the metal

Anna S. Savelieva

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>; antverpen@mail.ru

Received 24 Mar 2021. Accepted 13 Apr 2021.

Abstract: The present article introduces an elemental composition analysis of copper and bronze alloys from the burials of the Lepeshkinsky Stage of the Tagar culture, burial site Serebryakovo I in the Kiya-Chulym interfluvium. The research featured mounds 2, 12, and 16, which date back to 3–1 centuries B.C. The metal composition of 72 items was investigated by inductively coupled plasma atomic emission spectroscopy (ICP AES). The obtained data were subjected to statistical processing, which revealed seven chemical-metallurgical and metallurgical groups of copper-based alloys. The bronze alloys did not depend on the typology of the tools, i.e. knives, engravings, mirrors, deer plaques, etc. The results confirmed the dating of the Lepeshkinsky site between the Saragashensky and the Tesinsky Stages of the Tagar culture. The items revealed a tendency towards a decrease in the proportion of tin bronzes and average concentrations of tin ligatures. The study proved that archaeometallurgical data can help to determine the relative-chronological position of the Tagar culture burial complexes.

Keywords: Lepeshkinsky Stage, copper-bronze inventory, typology, elemental composition, metallurgical group of alloys

Citation: Savelieva A. S. Lepeshkinsky Complex of Bronzes from Tagar Burial Site Serebryakovo I in the Mariinsk Forest-Steppe: the elemental composition of the metal. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 405–414. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-405-414>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was part of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 0286-2021-0011 YGISU AAAA-A21-121012090006-0 "Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia".

References

1. Khavrin S. V. Tagar bronzes. Worldview. *Archeology. Ritual. Culture*. St. Petersburg, 2000, 183–194. (In Russ.)
2. Khavrin S. V. Metal of the Late Bronze Age of the lower Teya group of monuments (Torgazhak – Arban – Fedorov ulus). *Eurasia through the ages*, eds. Froianov I. Ia., Astakhov S. N. St. Petersburg: Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, 2001, 117–125. (In Russ.)
3. Khavrin S. V. Metal products of the Late Bronze Age – Early Iron Age from the Askiz District of Khakassia. Aleksandrov S. V., Pauls E. D., Podolskiy M. L. *Antiquities of the Askiz region of Khakassia*. St. Petersburg, 2001, 94–99. (In Russ.)
4. Khavrin S. V. The Tagar bronzes of the Shirinsky district of the Republic of Khakassia. A. V. *Collection of scientific papers in honor of the 60th anniversary of A. V. Vinogradov*, eds. Khavrin S. V. St. Petersburg: Kult-Inform-Press, 2007, 115–123. (In Russ.)
5. Savelieva A. S., German P. V. Bronzes from the Tagar burial mound Nekrasovo II (research based on the data of excavations in 1970). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2015, (6): 108–118. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/38/17
6. Savelieva A. S., German P. V., Bobrova L. Yu. The Alchedat I barrow's bronzes and the Tesin Stage of the Tagar culture metallurgy in the Mariinsk forest-steppe. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 39–48. (In Russ.)
7. Khavrin S. V. Spectral analysis of bronze items of the Scythian time in Sayano-Altai and problems of the chronology of the Tagar culture. *Archaeology of South Siberia: Ideas, methods, discoveries*: Proc. Intern. Sci. Conf., dedicated 100th anniversary of the birth of Sergei Vladimirovich Kiselev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Minusinsk, 20–26 Jun 2005. Krasnoyarsk: KGPU im. V. P. Astafieva, 2005, 96–97. (In Russ.)
8. Minyaev S. S. Hsiungnu bronze production. *Ancient ore-diggers and metallurgists of Siberia*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: AGU, 1983, 47–84. (In Russ.)
9. Martynov A. I. Excavations of Serebryakovo burial ground. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1970, 1969: 195–197. (In Russ.)
10. Martynov A. I., Bobrov V. V. *Serebryakovo burial ground*. Kemerovo, 1971, 132. (In Russ.)
11. *Catalog of the museum collections "Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University*, comps. Belousova N. A. and others. Kemerovo: Skif, 2004, iss. 1, 112. (In Russ.)

12. Martynov A. I. *Forest-steppe Tagar culture*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 208. (In Russ.)
13. Subbotin A. V. *The nonlinear nature of the development of the Tagar culture (based on materials from monographically excavated burial grounds)*. St. Petersburg: ElekSis, 2014, 154. (In Russ.)
14. German P. V. Tagar burial vault with objects of golden foil in Mariinsk forest-steppe (materials from excavations of 1969). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiya*, 2016, (4): 129–133. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/42/23
15. Bobrov V. V. The Tagar culture in the northern forest-steppe. *Terra Scythica: Proc. Intern. Symposium, Denisova cave, 17–23 Aug 2011*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011, 11–22. (In Russ.)
16. Gryaznov M. P., Zavitukhina M. P., Komarova M. N., Minyaev S. S., Pshenitsyna M. N., Khudyakov Yu. S. *Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisey River*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 167. (In Russ.)
17. Teploukhov S. A. The experience of the classification of ancient metal cultures of the Minusinsk region (In summary). *Materials on the ethnography*. Leningrad: GRM, 1929, vol. IV, iss. II, 41–62. (In Russ.)
18. Kuzmin N. Iu. *Burial sites of Hunno-Xianbei Epoch in the steppes of Middle Yenisei: Tesin culture*. St. Petersburg: Aising, 2011, 456. (In Russ.)
19. Kuzmin N. Iu. The questions of periodization and chronology of the Tagar culture. *The problems of the archaeology of the Eurasian steppes*. Kemerovo, 1987, pt. II, 68–71. (In Russ.)
20. Kuzmin N. Iu. To the question of formation of Early Tesin cultural traditions. *Historical readings in memory of M. P. Gryaznov. Scythian-Siberian cultural and historical community. Early and Late Middle Ages: abstr.*, Omsk, 6–10 Apr 1987. Omsk: OmGU, 1987, 112–116. (In Russ.)
21. Kuzmin N. Iu. The elite mounds of Tagar society. *Elite mounds of Eurasian steppes at Scythian-Sarmatian Epoch: round table Proc.*, St. Petersburg, 22–24 Dec 1994. St. Petersburg, 1994, 127–138. (In Russ.)
22. Kurochkin G. N., Subbotin A. V. Scythians in the South Siberia: The phenomena of Tagar culture. *Ancient civilization and the barbarian world: IV archaeological workshop, Novocherkassk, 1 Jan – 31 Dec 1994*. Krasnodar: KubGU, 1994, 5–10. (In Russ.)
23. Kuzmin N. Iu. The possibilities of correlation C-14 and archaeological dates for the sites of Scythian and Hunno-Sarmatian era in the Sayan-Altai region. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2008, (3): 77–87. (In Russ.)
24. Savinov D. G. *The sites of Tagar culture in the Grave Steppe (by the results of archaeological investigations at 1986–1989)*. St. Petersburg: ElekSis, 2012, 180. (In Russ.)
25. Savelieva A. S. On the elemental composition of the metal of Tagar mirrors. *Uchenye zapiski myzeia zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2019, (9): 40–52. (In Russ.) DOI: 10.24411/2411-7838-2019-00005
26. Grishin Iu. S. Production in the Tagar Era. *Materials and studies on the archaeology of USSR*, 1960, (90): 116–206. (In Russ.)
27. Bobrov V. V. *Deer in Scythian-Siberian animal style art (Tagar culture)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1973, 28. (In Russ.)
28. Minyaev S. S., Gryaznov M. P. Spectral analyses of the bronzes from the grounds near the Tepsey Mountain. Gryaznov M. P., Zavitukhina M. P., Komarova M. N., Minyaev S. S., Pshenitsyna M. N., Khudyakov Yu. S. *Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisey River*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 162. (In Russ.)
29. Martynov A. I., Bogdanova-Berezovskaia I. V. The bronze products and bronze industry in the north-western area of the Tagar culture. *From the history of the Western Siberia*, ed. Mirzoev V. G. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1966, iss. I, 66–104. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 159.9+316.6

Организация учебного материала видеолекции: психологические критерии и факторы эффективности

Светлана Александровна Безгодова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>

Анастасия Владимировна Микляева

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>; miklyaeva@herzen.spb.ru

Светлана Викторовна Васильева

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0002-6052-3431>

Поступила в редакцию 12.05.2021. Принята в печать 02.06.2021.

Аннотация: Представлены результаты экспериментального исследования, направленного на определение особенностей организации преподавателями ($n=30$) учебного материала публичных и внеаудиторных видеолекций, способствующих более высоким оценкам эффективности этих лекций студентами ($n=543$). Анализировались такие параметры организации учебного материала, как способы организации взаимодействия со студентами, способы презентации учебного материала и характер иллюстративного материала. Студенты оценивали видеолекции неизвестных им ранее преподавателей по четырем параметрам: содержательность, полезность для будущей профессиональной деятельности, интерес, готовность к самостоятельному просмотру за пределами обязательного содержания образовательного процесса. Установлено, что наиболее чувствительными к характеристикам организации материала видеолекции являются оценки содержательности и полезности. Внеаудиторная лекция оценивалась студентами по этим параметрам выше в том случае, когда она носила информационный характер и включала минимальное количество терминологии и отсылок к собственному профессиональному опыту преподавателей, публичная видеолекция, напротив, оценивалась выше, если преподаватель насыщал ее научной терминологией, примерами из своего профессионального опыта, а также иллюстрировал материал примерами из научных / экспериментальных исследований. Полученные результаты обсуждаются в контексте возможностей использования публичных и внеаудиторных видеолекций в высшем образовании.

Ключевые слова: электронные образовательные технологии, офлайн обучение, формат видеолекции, содержательность видеоконтента, стиль взаимодействия, параметры эффективности, предикторы эффективности

Цитирование: Безгодова С. А., Васильева С. В., Микляева А. В. Организация учебного материала видеолекции: психологические критерии и факторы эффективности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 415–426. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-415-426>

Введение

Распространение электронных образовательных технологий в высшем образовании, начавшееся в конце прошлого века и многократно усилившееся в связи с пандемией новой короновирусной инфекции в контексте т. н. экстренного ковид-обусловленного онлайн-обучения (COVID-19-Emergency Remote Teaching) [1; 2], способствует последовательному повышению интереса исследователей к анализу психолого-педагогической специфики обучения, опосредованного применением электронных образовательных технологий. Накопленный к настоящему времени опыт убедительно свидетельствует о том, что механический перенос приемов и способов организации учебной деятельности, хорошо зарекомендовавших себя в условиях офлайн обучения, в электронную образовательную среду не содействует достижению необходимых образовательных результатов, и эффективность электронных образовательных

технологий в высшем образовании может быть достигнута только благодаря пониманию специфики обучения, опосредованного их применением [3; 4], и, следовательно, определению спектра методических приемов, которые повышают эффективность электронного обучения с учетом его отличий от обучения офлайн. В связи с этим высока актуальность исследований, направленных на изучение эффективности использования различных методических приемов в условиях обучения, организованного с помощью электронных образовательных технологий.

В нашем исследовании в фокусе внимания находится такая форма организации учебного процесса, как лекционное занятие. В российском высшем образовании лекция традиционно была и остается одной из ведущих форм организации обучения в вузах. Лекция представляет собой учебное занятие, предполагающее изложение учебного

материала преподавателем в устной форме, преимущественно в монологическом формате [5]. Дидактические цели лекции, как правило, связаны с формированием у студентов представлений о той или иной предметной области научного знания, в процессе которого одновременно решаются образовательные и воспитательные функции [6] и тем самым закладывается фундамент для формирования профессиональных и личностных компетенций, составляющих ожидаемые результаты освоения образовательных программ. В условиях современной образовательной реальности широкое распространение получают лекции в видеоформате, что, по мнению целого ряда авторов, отражает магистральные тенденции научно-технического развития общества в России и в мире в целом [7–10]. Однако научно обоснованные сведения о том, каким образом должна быть организована эффективная видеолекция, сегодня носят фрагментарный характер, а методически ориентированные публикации часто представляют собой обобщение профессионального опыта авторов [11–13]. Именно дефицит знаний об особенностях организации учебного материала, позволяющих повысить эффективность видеолекций, и определил предметное поле нашего исследования.

Особенности организации учебного материала в видеолекции: что известно?

Специалисты в области информационно-коммуникационных технологий отмечают: для эффективного использования видеолекций в образовательном процессе вуза преподавателям необходимы профессиональные компетенции, входящие в структуру информационно-коммуникационной компетентности, в том числе умение методически грамотно выстраивать лекции и организовывать учебный материал [14]. Эти компетенции раскрываются в содержательных и технологических особенностях видеолекции, которые связаны, с одной стороны, с определением целей видеолекции, отбором презентуемого в ней материала и его структурированием (содержательный аспект), с другой – со способами представления подготовленного материала зрителям (технологический аспект) [15]. Параметры анализа технологического аспекта видеолекции (и лекции в целом) на сегодняшний день являются предметом методических дискуссий. Обобщая данные, имеющиеся в литературе, можно обозначить три группы таких параметров: 1) способ организации взаимодействия преподавателя со студентами; 2) способы презентации учебного материала; 3) характер используемого иллюстративного материала.

Организация взаимодействия преподавателя со студентами традиционно рассматривается в контексте анализа монологичности / диалогичности позиции преподавателя. Несмотря на то, что традиционно лекция тяготеет к монологическому формату взаимодействия, в последнее время намечается тенденция к переходу от сугубо информационного формата лекции, предполагающего монологичное изложение учебного материала с использованием

объяснительных методов [16], к интерактивным формам организации лекционных занятий, в которых трансляция студентам готовых знаний уступает место диалогу между студентами и преподавателями, благодаря чему повышается активность студентов как субъектов образовательного процесса [17]. Степень монологичности / диалогичности позиции преподавателя в условиях видеолекции, вероятно, определяется, помимо прочего, формой видеолекции. Так, имеются сведения, что публичная видеолекция, представляющая собой видеозапись лекции, прочитанной студенческой аудиторией в режиме непосредственного общения с ней, менее информативна, чем внеаудиторная видеолекция (видеолекция, записанная в студийных условиях без студентов-слушателей), независимо от профиля обучения [18], это, судя по всему, связано с более диалогичной позицией преподавателя, непосредственно взаимодействующего со слушателями. В то же время исследованиями установлено: студенты более ориентированы на просмотр информационно насыщенных видеолекций, в которых информация предлагается в концентрированной форме [19], что в большей степени релевантно монологичной позиции преподавателя.

На эффективность видеолекции также оказывают влияние способы презентации учебного материала, которые использует преподаватель. Одной из специфических особенностей видеолекции является отсутствие у студентов возможности по ходу лекции обращаться к преподавателю за уточнениями и разъяснениями (что несколько смягчается в условиях публичной видеолекции), поэтому эффективность видеолекции во многом определяется тем, насколько слушателям понятна используемая лексика (незнакомые термины, иноязычные слова), формулы, цитаты, фамилии и т. д. [20], что предполагает совместное использование в видеолекции естественного, разговорного языка общения и научного языка, апеллирующего к категориальному строю и математическому аппарату соответствующей предметной области знания, которые в совокупности способствуют поддержанию внимания студентов [21]. Зарубежными исследованиями выявлен интерес студентов к числовому контенту видеолекций [22]. Преподаватели, имеющие большой профессиональный опыт и сформированные профессиональные навыки, как правило, справляются с задачей сохранения баланса между содержательностью лекции и ее понятностью для аудитории лучше, чем их менее опытные коллеги, что отражается в студенческих оценках эффективности лекций [23; 24], причем ведущим фактором выступает именно опыт преподавателя, а не его / ее возраст и пол или организационные условия проведения занятий [25].

На эффективность видеолекции, вероятно, оказывает влияние характер используемого иллюстративного материала. Формат лекционного занятия позволяет совмещать в нем различные дискурсы – от бытового до академического [26], а значит использовать в лекции качественно разные примеры, начиная от примеров из жизни и заканчивая

примерами, содержащими сведения сугубо научного порядка, например экспериментальные данные. Эффективность задействия примеров разного типа определяется степенью сходства систем кодификации и декодификации, используемых преподавателями и студентами [27]. Отмечается довольно высокая эффективность методических приемов, направленных на упрощение материала видеолекции, и их связь с жизненным опытом и актуальными потребностями студентов, что в полной мере справедливо и для используемых примеров [28]. Но слишком высокая степень воспринимаемой легкости приобретения знаний, связанная с субъективной простотой учебного материала, является одним из факторов, снижающих эффективность обучения из-за возникновения эффекта чрезмерной уверенности, приводящего к сокращению усилий, затрачиваемых студентами для освоения лекционного материала [29; 30]. Особняком стоит проблема эффективности использования примеров из профессионального опыта: для профессионально-мотивированных студентов такие примеры могут быть дополнительным стимулом к изучению материала лекции [31], и отказ от апелляции к собственному профессиональному опыту может привести к снижению студенческих оценок преподавателя, что несколько ярче прослеживается в условиях публичной видеолекции, в сравнении с внеаудиторной [32]. Некоторыми студентами примеры из профессионального опыта преподавателя могут восприниматься как самореклама, которая приводит к снижению оценок эффективности лекции [33].

Таким образом, данные об эффективности различных способов организации учебного материала видеолекции носят неоднозначный характер. Можно предполагать, что особенности восприятия студентами тех или иных способов организации учебного материала опосредованы, в частности, форматом видеолекции, отсутствием или присутствием на видеозаписи студенческой аудитории, в непосредственном взаимодействии с которой осуществлялась запись лекции. Эта гипотеза требует эмпирической проверки путем сопоставления данных об эффективных способах организации учебного материала для видеолекций, запись которых осуществлялась в публичном и внеаудиторном форматах.

Подходы к оценке эффективности видеолекций

Вопрос о критериях эффективности видеолекции сегодня является предметом научных дискуссий. В самом общем виде можно выделить два подхода к анализу эффективности видеолекций, один из которых опирается на анализ содержания видеолекции, а второй – на анализ субъективных оценок лекционного материала, предложенных студентами после ознакомления с ним. В логике первого подхода эффективность лекции определяется ее информативной ценностью, степенью достижения образовательных и воспитательных целей и задач [17]. Реализация этого подхода предполагает анализ информативности и содержательности лекций,

которые могут быть представлены в виде соответствующих коэффициентов, отражающих соотношение представленных в материалах лекции сообщений разного типа и общего количества включенных в нее содержательных сведений [18; 21]. Второй подход предлагает использование рейтинговых оценок, отражающих воспринимаемое студентами качество обучения [34], которые могут представлять собой многомерные или одномерные шкалы [35]. Наиболее целесообразным признается совмещение разных подходов [36] или фокус внимания на рейтинговых оценках студентов как потребителей образовательных услуг [37].

Цель исследования и исследовательские вопросы

Цель исследования, сформулированная на основе представленного обзора литературы, заключается в определении особенностей организации учебного материала публичных и внеаудиторных видеолекций, способствующих более высоким оценкам эффективности этих лекций студентами, которым они предназначены. В фокусе внимания находятся различия эффективной организации учебного материала в условиях публичной и внеаудиторной видеолекции, что позволило сформулировать следующие исследовательские вопросы, раскрывающие цель исследования:

1. Чем отличается организация материала в условиях публичной и внеаудиторной видеолекции?
2. Влияет ли формат видеолекции (публичная или внеаудиторная) на взаимосвязи между особенностями организации лекционного материала, демонстрируемыми преподавателями, и студенческими оценками эффективности видеолекции?
3. Какие особенности организации лекционного материала определяют эффективность публичной и внеаудиторной видеолекции (согласно оценкам студентов)?

Методы и материалы

В экспериментальном исследовании приняли участие 573 человека: 30 преподавателей и 543 студента. Каждому преподавателю (средний возраст – $43,17 \pm 11,56$ лет; стаж работы в университете – $12,13 \pm 8,52$ лет; 50 % женщин, 50 % мужчин; преподавание дисциплин психологического цикла) было предложено дважды прочитать одну и ту же лекцию длительностью 10–12 минут для студентов – будущих педагогов (средний возраст – $19,10 \pm 1,27$; 79,6 % женщин, 20,4 % мужчин) в двух разных форматах: в формате аудиторной видеолекции и в формате внеаудиторной видеолекции (фреймрейт 25 кадров/с, разрешение 1920x1080; характеристики звука: битрейт 117 килобит/с, частота дискретизации 48,000 кГц, стерео; в кадре – только преподаватель). Видеозапись лекций осуществлялась в условиях университетских учебных аудиторий, мультимедийное сопровождение лекций (например, мультимедиапрезентации) не использовалось.

В дальнейшем видеозаписи лекций предъявлялись студентам, разделенным на 30 подгрупп, не знакомым

ранее с преподавателями-видеолекторами, которым предлагалось после просмотра последовательно оценить две видеозаписи, определенные для каждой подгруппы случайным образом, с использованием 7-балльной шкалы по следующим параметрам: содержательность, полезность для будущей профессиональной деятельности, интерес, готовность к самостоятельному просмотру за пределами обязательного содержания образовательного процесса (первые два параметра характеризуют оценки содержательной стороны видеолекции, третий и четвертый – эмоциональных впечатлений). Таким образом, в нашем исследовании был реализован многомерный рейтинговый подход к оценке эффективности видеолекции. Студенческие оценки, относящиеся к каждой видеозаписи, на этапе обработки результатов исследования усреднялись, усредненные оценки рассматривались как индикаторы эффективности видеолекции.

Для характеристики организации учебного материала видеолекции использовался метод дедуктивного контент-анализа. Контент-анализ видеозаписей лекций осуществлялся двумя независимыми экспертами, оценки которых впоследствии сопоставлялись и, в случае необходимости, усреднялись. Схема контент-анализа представлена в табл. 1.

Для статистической обработки результатов применялся программный пакет Statistica 10.0, использовались расчет описательных статистик ($M \pm S$), критерий Фишера (ϕ^*), дисперсионный (F), корреляционный (r) и регрессионный (β) анализ.

Табл. 1. Схема контент-анализа видеозаписей лекций
Tab. 1. Scheme of content analysis of videolectures

Параметр	Индикатор	Способ фиксации
Способ организации взаимодействия	• монолог (информационная лекция) • диалог (лекция-дискуссия)	дихотомическая оценка: признак присутствует / признак отсутствует
Презентация материала лекции	• точные цитаты • термины • точные числа (количественные данные) • источники информации	количество, в абсолютных единицах
Характер иллюстративного материала	• примеры исследований / экспериментов • примеры из собственного профессионального опыта • примеры из жизни (бытовые)	количество, в абсолютных единицах

Результаты

Изучение особенностей организации материала в рамках публичной и внеаудиторной видеолекции показало, что преподаватели в целом склонны отдавать предпочтение информационной лекции, в сравнении с лекцией-беседой, независимо от формата видеолекции, однако в условиях публичной видеолекции лекция-беседа встречается достоверно чаще, чем в ситуации видеозаписи лекции без студенческой аудитории, в которой преподаватели почти всегда используют формат информационной лекции ($\phi^*=1,97$, $p<0,05$) (рис. 1). При этом публичная видеолекция оказывается достоверно более насыщенной точной информацией (терминами, количественными данными) и примерами из жизни и профессионального опыта (последнее – на уровне выраженной статистической тенденции), в сравнении с внеаудиторной лекцией, при сохранении устойчивых значений таких параметров, как количество точных цитат, упоминаемых источников информации и примеров, содержащих сведения о различных научных исследованиях и экспериментах (табл. 2).

Корреляционный анализ не позволил выявить значимых взаимосвязей между возрастом и стажем работы преподавателей, с одной стороны, и используемыми ими способами организации материала публичной и внеаудиторной видеолекции, с другой стороны ($r<0,18$). Также не было обнаружено различий в организации материала видеолекций (независимо от формата) между преподавателями-мужчинами и преподавателями-женщинами ($F<1,27$).

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа было установлено, что эффективность способов организации взаимодействия со слушателями, выбираемых преподавателями, затрагивает, в первую очередь, содержательные оценки видеолекции, предлагаемые студентами (содержательность и полезность), и различается в зависимости от формата видеолекции: лекция-беседа значительно более приемлема для публичного видеоформата,

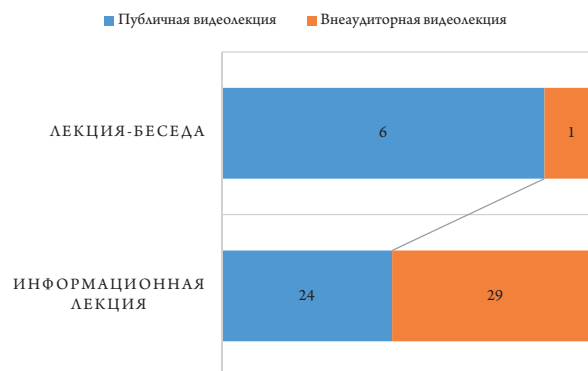

Рис. 1. Частота встречаемости форматов лекции в условиях публичной и внеаудиторной видеолекции
Fig. 1. Frequency of information lecture and lecture-conversation formats in the context of public and extracurricular videolectures

чем для внеаудиторного, тогда как оценки информационной лекции в обоих случаях оказались сопоставимы друг с другом (рис. 2): $F=8,28$ при $p=0,006$ для параметра *содержательность*, $F=5,58$ при $p=0,02$ для параметра *полезность*.

Результаты регрессионного анализа показали, что наиболее чувствительными к параметрам организации учебного материала видеолекции являются, так же как и в случае со способами организации взаимодействия, оценки содержательности и полезности видеолекции (в случае публичной видеолекции выявлены значимые предикторы и для оценок содержательности, и для оценок полезности, в случае внеаудиторной видеолекции – только для оценок полезности). При этом предикторы высоких оценок различаются для видеолекций, записанных в публичном и внеаудиторном форматах (табл. 3).

Так, положительными предикторами оценок содержательности и полезности публичной видеолекции оказались такие параметры анализа организации учебного материала, как количество примеров из исследований / экспериментов и количество примеров из собственного профессионального

опыта, а также (для оценок содержательности) общее количество использованных терминов. На материале анализа внеаудиторной видеолекции были зафиксированы только отрицательные предикторы для оценок полезности, в число которых вошли количество примеров из собственного профессионального опыта и общее количество терминов, включенных в содержание лекции.

Цель проведенного нами экспериментального исследования состояла в выявлении особенностей организации учебного материала видеолекций, способствующих более высоким оценкам их эффективности студентами. На основе результатов анализа литературы нами был избран путь сопоставления публичной и внеаудиторной видеолекции в аспекте определения общих для каждого из этих форматов эффективных способов организации учебного материала и специфических требований, характерных для каждого из этих форматов.

Первым шагом стал анализ различий в организации учебного материала видеолекции преподавателями в условиях публичной и внеаудиторной видеолекции.

Табл. 2. Сравнительный анализ способов презентации материала публичной и внеаудиторной видеолекции

Tab. 2. Comparative analysis of the informational presentation in public and extracurricular videolectures

Параметр анализа лекций	М±S, количество		F
	Публичная	Внеаудиторная	
Числа	5,43±6,36	3,47±4,50	2,92*
Точные цитаты	0,07±0,25	0,10±0,31	–
Упомянутые источники информации	0,20±0,48	0,20±0,55	–
Термины	64,60±22,88	60,17±17,88	3,15**
Примеры из исследований / экспериментов	0,67±1,30	0,63±1,25	–
Примеры из профессионального опыта	0,73±1,39	0,47±1,25	–
Примеры из жизни	3,57±4,53	2,27±2,84	3,25**

Прим.: * – $p<0,05$; ** – $p<0,01$.

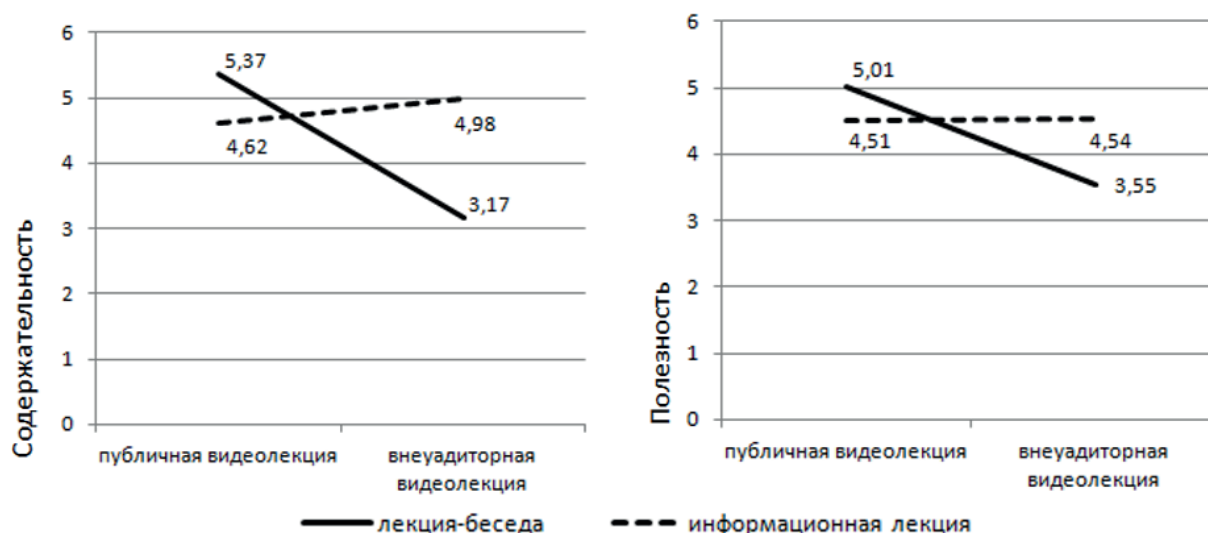

Рис. 2. Оценки информационной лекции и лекции-беседы, проведенных в форматах публичной и внеаудиторной видеолекции

Fig. 2. Evaluations of the informational lecture and lecture-conversation in public and extracurricular videolectures

Табл. 3. Предикторы оценок публичной и внеаудиторной видеолекции (результаты регрессионного анализа)
Tab. 3. Predictors of public and extracurricular videolectures assessments (results of regression analysis)

Предиктор	b*	Std. Err. of b*	b	Std. Err. of b	t	p
<i>Содержательность (публичная видеолекция): $R^2_{Adj}=0,41$, $F(6,23)=4,36$, $p<0,004$, Std. Error of estimate: 0,58</i>						
Количество примеров из исследований / экспериментов	0,65	0,16	0,38	0,09	3,98	0,00
Количество примеров из профессионального опыта	0,35	0,15	0,19	0,08	2,37	0,03
Общее количество терминов	0,37	0,16	0,01	0,01	2,32	0,03
<i>Полезность (публичная видеолекция): $R^2_{Adj}=0,39$, $F(9,20)=3,09$, $p<0,02$, Std. Error of estimate: 0,44</i>						
Количество примеров из исследований / экспериментов	0,45	0,18	0,20	0,08	2,47	0,02
Количество примеров из профессионального опыта	0,31	0,15	0,13	0,06	2,10	0,05
<i>Полезность (внеаудиторная видеолекция): $R^2_{Adj}=0,27$, $F(4,25)=2,35$, $p<0,08$, Std. Error of estimate: 0,54</i>						
Количество примеров из профессионального опыта	-0,30	0,17	-0,14	0,08	-1,76	0,05
Общее количество терминов	-0,49	0,15	-0,02	0,01	-2,05	0,05

Несмотря на то, что преподавателей просили прочитать в этих двух разных форматах одну и ту же лекцию, были зафиксированы статистически значимые различия, отражающие специфику организации преподавателями учебного материала в условиях наличия или отсутствия слушателей. Так, в случае видеозаписи лекции в студенческой аудитории в условиях реального взаимодействия со слушателями преподаватели достоверно чаще выбирали формат лекции-беседы, тогда как в процессе записи лекции в условиях отсутствия слушателей, находясь один на один с камерой, предпочтение почти всегда отдавалось информационной лекции. Тем самым косвенно подтверждаются результаты исследований других авторов, согласно которым видеолекции, записанные во внеаудиторном формате, превосходят публичные видеолекции по степени информативности [18]. В то же время анализ особенностей презентации учебного материала и использования примеров показывает, что преподаватели склонны несколько упрощать содержание внеаудиторной видеолекции (в сравнении с публичной), сокращая число используемых терминов и точной информации, выраженной в цифрах. Возможно, в этом находит отражение отмечаемая многими исследователями проблема возможностей применения видеолекций в образовательном процессе – невозможность получения обратной связи от аудитории в отношении степени понятности материала. При этом, однако, во внеаудиторном формате сокращается количество используемых примеров из жизни, что, вероятно, связано со стремлением преподавателей сохранить академический статус лекции.

В целом различия в организации учебного материала аудиторной и внеаудиторной видеолекции релевантны особенностям этих лекционных форматов, что свидетельствует о гибкости профессиональной позиции преподавателей, принявших участие в исследовании, их чувствительности

к социально-психологическим и психолого-педагогическим особенностям ситуации, в условиях которой осуществляется видеозапись лекции. Но вопреки ожиданиям, а также литературным данным [23; 24] мы не обнаружили связи между степенью выраженности описанных различий, с одной стороны, и профессиональным опытом преподавателей, с другой стороны. Отсутствие этих различий может объясняться как относительно небольшим объемом выборки преподавателей, привлеченных к участию в исследовании, так и спецификой их профессиональной позиции (все участники исследования – психологи). Отсутствие различий между преподавателями-мужчинами и преподавателями-женщинами соответствует сведениям, имеющимся в литературе [25].

На следующем этапе анализа определялся характер влияния формата видеолекции (публичная лекция или внеаудиторная лекция) на взаимосвязи между особенностями организации лекционного материала, демонстрируемыми преподавателями, и студенческими оценками эффективности видеолекции. Оцениваемые в нашем исследовании параметры организации учебного материала оказывают влияние, в первую очередь, на студенческие оценки, относящиеся к содержательному аспекту видеолекции (понятность и полезность для будущей профессиональной деятельности), но не затрагивают эмоциональные оценки (интерес и готовность к самостоятельному просмотру).

Анализ параметров, раскрывающих способы организации взаимодействия преподавателя с аудиторией, показал, что для видеолекции, независимо от ее формата, наиболее приемлемой (с точки зрения студентов) является информационная лекция. Вероятно, в этом находит отражение факт заинтересованности студентов в концентрированном получении информации посредством учебного видео, отмеченный в исследованиях других авторов [19]. Лекция-беседа

может быть уместна лишь в случае публичной видеолекции, во внеаудиторном формате лекция-беседа воспринимается студентами значительно менее содержательной и полезной, чем лекция, прочитанная во внеаудиторном формате.

Интересно, что параметры анализа способов презентации учебного материала и иллюстрации его примерами разного типа продемонстрировали диаметрально противоположный вклад в студенческие оценки содержательной стороны видеолекций, записанных в публичном и внеаудиторном форматах. Так, более высокие оценки публичной видеолекции оказались детерминированы использованием преподавателем научной терминологии, иллюстраций на основе примеров научных исследований, а также собственного профессионального опыта. Для оценок внеаудиторной видеолекции использование научной терминологии и примеров из своей профессиональной практики, напротив, оказалось отрицательным предиктором. Таким образом, приемы организации учебного материала, повышающие эффективность публичной видеолекции, связаны с поддержанием ее научно-академического статуса, с демонстрацией связей между наукой и практикой на примере собственного профессионального опыта, что, вероятно, отражает позитивные эффекты самопрезентационной стратегии самопродвижения [32] именно в данном лекционном формате. Эффективная внеаудиторная видеолекция, в свою очередь, связана с упрощением учебного материала и одновременно его некоторым обезличиванием, что, скорее всего, является отражением ориентации студентов преимущественно на информационную нагрузку и сокращение личностности восприятия преподавателя в ситуации просмотра видеолекции, записанной в данном формате [38]. Показателен момент, связанный с разной степенью сложности учебного материала, удобной для студентов при просмотре публичной и внеаудиторной видеолекции, он нашел отражение в тех изменениях, которые внесли в содержание своих лекций преподаватели, принявшие участие в исследовании. В связи с этим можно предположить, что наиболее сложным аспектом организации учебного материала в условиях видеолекций для преподавателей является именно регуляция степени личностности изложения. Эта гипотеза требует отдельной эмпирической проверки.

Полученные данные позволяют отметить некоторые особенности применения форматов публичной и внеаудиторной видеолекции в образовательном процессе в связи с теми задачами, которые планируется решать с помощью соответствующего видеоконтента. Относительно простой учебный материал, который, во-первых, не является сугубо авторским (т. е. не содержит отсылок к профессиональному опыту лектора) и во-вторых, может быть довольно сжато изложен простым, приближенным к бытовому языком, целесообразно записывать во внеаудиторном формате, который в целом является более универсальным, в сравнении с лекцией-беседой, форматом видеолекции (с точки зрения трансляции учебного содержания). Авторский

материал или же материал, который преподносится в научно-академическом ключе, может быть предложен студентам в формате публичной видеолекции, в процессе записи которой преподаватель использует элементы общения со слушателями, более отчетливо проявляя свою профессиональную позицию и уточняя позицию аудитории в отношении обсуждаемой проблематики.

Проведенное нами исследование имеет несколько ограничений. Так, к участию в исследовании были приглашены исключительно преподаватели психологических дисциплин и студенты, получающие педагогическое образование, поэтому результаты, могут быть экстраполированы на видеолекции, реализуемые в рамках других направлений профессиональной подготовки студентов, с определенной степенью осторожности. Количество преподавателей, привлеченных к участию в исследовании, было достаточно невелико и могло затруднить выявление отдельных статистически значимых взаимосвязей между характеристиками организации материала видеолекций и оценками их эффективности. Студенты рассматривались как однородная группа, в частности, не учитывались параметры их профессиональной мотивации и степени вовлеченности в профессиональную деятельность, которые могут оказывать влияние на оценки видеолекций [39].

Важно отметить, что для оценки эффективности видеолекций использовался субъективный подход, в котором учитываются только оценки, сформулированные студентами, что не позволяет проследить взаимосвязи между способами организации учебного материала в публичных и внеаудиторных видеолекциях и качеством освоения их материала студентами [30]. Исследование учитывало ограниченное количество параметров анализа организации учебного материала видеолекций, из-за чего могли быть упущены дополнительные аспекты изучаемой проблемы. Отдельно следует отметить, что при оценке эффективности видеолекции в фокусе внимания находились характеристики ее обучающего потенциала, но не затрагивались личностные эффекты образования, такие как формирование мировоззрения, профессионально важных качеств и др. Преодоление этих ограничений составляет перспективы данного исследования.

Заключение

Характеристики организации учебного материала видеолекции определяют, в первую очередь, студенческие оценки ее содержательности и полезности и не затрагивают сферу эмоциональных впечатлений, выраженных в показателях интереса и готовности к инициативному просмотру аналогичного видеоконтента. Способы организации учебного материала, определяющие более высокие студенческие оценки содержательности и полезности видеолекций, различаются. Для лекций, видеозапись которых осуществляется во внеаудиторном формате, более высокие оценки содержательности и полезности сопряжены с предпочтением

сугубо информационного стиля изложения учебного материала, а предикторами высоких оценок являются сокращение количества научных терминов, используемых преподавателями, так же как и сокращение числа примеров из собственного профессионального опыта. Высокие оценки публичных видеолекций могут достигаться и при использовании преподавателем информирующего стиля взаимодействия, и в случае осуществления взаимодействия со студентами в формате лекции-беседы. При этом предикторами высоких студенческих оценок публичных видеолекций, напротив, являются увеличение количества научных терминов, включенных в содержание лекции, привлечение в нее примеров из научных исследований и собственного профессионального опыта преподавателя.

Результаты исследования целесообразно учитывать при подготовке обучающих видеоматериалов, используемых при реализации образовательных программ в высшем образовании.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00412.

Литература

1. Trust T., Whalen J. Should teachers be trained in emergency remote teaching? Lessons learned from the COVID-19 pandemic // *Journal of Technology and Teacher Education*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 189–199.
2. Jili N. N., Ede C. I., Masuku M. M. Emergency remote teaching in higher education during Covid-19: challenges and opportunities // *International Journal of Higher Education*. 2021. Vol. 10. № 5. P. 1–9. DOI: 10.5430/ijhe.v10n5p1
3. Антошинцева М. А. Механизмы адаптации жанра научно-учебной лекции к электронной сфере коммуникации // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2010. № 134. С. 41–52.
4. Goodman J., Melkers J., Pallais A. Can online delivery increase access to education? NBER, 2016. 40 p. DOI: 10.3386/w22754
5. Зубкова Я. В. Тактики участников русского академического общения (на материале жанра лекции) // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2012. № 8. С. 15–19.
6. Остапенко И. А., Кроливецкая И. Е. Недостатки лекционной формы обучения и пути их преодоления // *Концепт*. 2016. № T23. С. 77–81.
7. Казаченко В. Ф. Методика подготовки и проведения лекции с использованием технических средств обучения // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2012. № 1. С. 122–124.
8. Каспаринский Ф. О., Полянская Е. И. Видеолекция как жанр // *Качество дистанционного образования: концепции, проблемы, решения (DEQ-2013): XV Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 6 декабря 2013 г.)* М.: МГИУ, 2013. С. 80–92.
9. Chapin L. A. Australian university students' access to web-based lecture recordings and the relationship with lecture attendance and academic performance // *Australasian Journal of Educational Technology*. 2018. Vol. 34. № 5. P. 1–12. DOI: 10.14742/ajet.2989
10. Rasi P. M., Poikela S. A review of video triggers and video production in higher education and continuing education PBL settings // *Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*. 2016. Vol. 10. № 1. DOI: 10.7771/1541-5015.1609
11. Каспаринский Ф. О., Полянская Е. И. Профессиональные интернет-видеолекции // *Научный сервис в сети Интернет: многообразие суперкомпьютерных миров: тр. Междунар. суперкомпьютерной конф. (Новороссийск, 22–27 сентября 2014 г.)* М.: МГУ, 2014. С. 432–435.
12. Гац И. Ю. Видеолекция в арсенале методических средств преподавателя // *Aktuální Pedagogika*. 2016. № 1. С. 60–63.
13. Шалыгина И. В., Шабалин Ю. Е. Дидактика учебных видеолекций // *Информация и образование: границы коммуникаций*. 2012. № 4. С. 223–230.
14. Евтушенко Н. Н., Кочетурова Н. А. Веб-лекции и видеолекции: новые компетенции преподавателя и тьютора // *Единая образовательная информационная среда: направления и перспективы развития электронного и дистанционного обучения: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф.-выставки. (Новосибирск, 22–24 сентября 2010 г.)* Новосибирск: НГТУ, 2010. С. 160–162.
15. Никишина Б. Б., Запесоцкая И. В., Кузнецова А. А. Технология создания видеолекций: мифы и реальность // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 4. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26635> (дата обращения: 03.05.2021).
16. Корнилова Н. В. Понятие и основные виды лекций // *Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права*. 2015. № 1. С. 78–81.
17. Свиренко Ж. С. Формат современной лекции в системе высшего профессионального образования // *Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. (Макеевка, 14 ноября 2019 г.)* Макеевка: ДонНАСА, 2019. С. 305–309.

18. Соловьева Н. А., Никишина В. Б. Критерии информативности учебных видеолекций // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. № 1. С. 6–10.
19. Traphagan T., Kucsera J. V., Kishi K. Impact of class lecture webcasting on attendance and learning // Educational Technology Research and Development. 2010. Vol. 58. № 1. P. 19–37. DOI: 10.1007/s11423-009-9128-7
20. Воробьёва А. Н. Создание обучающих видеокурсов в системе дистанционного образования // Образовательные технологии. 2013. № 4. С. 123–128.
21. Природова О. Ф., Никишина В. Б. Модульные лекции: оценка эффективности // Коллекция гуманитарных исследований. 2017. № 4. С. 17–23.
22. Joshi A., Sangle S., Nandurkar K., Pawar P. J. Improving student learning performance during on-line lectures // Journal of Engineering Education Transformations. 2021. № 34(Special Issue), P. 236–242. DOI: 10.16920/jeet/2021/v34i0/157149
23. Ginns P., Prosser M., Barrie S. Students' perceptions of teaching quality in higher education: the perspective of currently enrolled students // Studies in Higher Education. 2007. Vol. 32. № 5. P. 603–615. DOI: 10.1080/03075070701573773
24. Berbegal-Mirabent J., Mas-Machuca M., Marimon F. Is research mediating the relationship between teaching experience and student satisfaction? // Studies in Higher Education. 2018. Vol. 43. № 6. P. 973–988.
25. MacNell L., Driscoll A., Hunt A. N. What's in a name: Exposing gender bias in student ratings of teaching // Innovative Higher Education. 2015. Vol. 40. № 4. P. 291–303. DOI: 10.1007/s10755-014-9313-4
26. Сорокина Ю. В. Убеждающие и защитные тактики коммуникативной стратегии самопрезентации в лекционном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16. С. 128–131.
27. Черникова А. А., Обласова О. В. Вербальные и невербальные паттерны самопрезентации в контексте публичного выступления // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4. С. 189–193.
28. Deng R., Benckendorff P. What are the key themes associated with the positive learning experience in MOOCs? An empirical investigation of learners' ratings and reviews // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. № 18. DOI: 10.1186/s41239-021-00244-3
29. Finn B., Tauber S. K. When confidence is not a signal of knowing: How students' experiences and beliefs about processing fluency can lead to miscalibrated confidence // Educational Psychology Review. 2015. Vol. 27. № 4. P. 567–586. DOI: 10.1007/s10648-015-9313-7
30. Reber R., Greifeneder R. Processing fluency in education: How metacognitive feelings shape learning, belief formation, and affect // Educational Psychologist. 2017. Vol. 52. № 2. P. 84–103.
31. Hoogerheide V., Loyens S. M. M., van Gog T. Learning from video modeling examples: does gender matter? // Instructional Science. 2016. Vol. 44. № 1. P. 69–86. DOI: 10.1007/s11251-015-9360-y
32. Микляева А. В., Панферов В. Н., Безгодова С. А., Васильева С. В. Стратегии самопрезентации преподавателей как фактор восприятия их личности студентами в онлайн-взаимодействии (на примере медиалекции) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 175–184. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184
33. Farreras I. The effect of faculty self-promotion on student evaluations of teaching // College Student Journal. 2012. Vol. 46. № 2. P. 314–322.
34. Stewart B. A., Speldewinde P. C., Ford B. M. Influence of improved teaching practices on student satisfaction ratings for two undergraduate units at an Australian university // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2018. Vol. 43. № 4. P. 598–611. DOI: 10.1080/02602938.2017.1386281
35. Han H., Kiatkawsin K., Kim W., Hong J. H. Physical classroom environment and student satisfaction with courses // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2018. Vol. 43. № 2. P. 1–16. DOI: 10.1080/02602938.2017.1299855
36. Denson N., Loveday T., Dalton H. Student evaluation of courses: What predicts satisfaction? // Higher Education Research & Development. 2010. Vol. 29. № 4. P. 339–356. DOI: 10.1080/07294360903394466
37. Bunce L., Baird A., Jones S. E. The student-as-consumer approach in higher education and its effects on academic performance // Studies in Higher Education. 2017. Vol. 42. № 11. P. 1958–1978. DOI: 10.1080/03075079.2015.1127908
38. Безгодова С. А., Микляева А. В. Задачи психологического сопровождения взаимодействия «Учитель – Ученик» в цифровой среде // Служба практической психологии в системе образования: тенденции и перспективы: сб. мат-лов XXV Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11–12 февраля 2021 г.) СПб.: СПб АППО, 2021. С. 21–26.
39. Панферов В. Н., Безгодова С. А., Васильева С. В., Иванов А. С., Микляева А. В. Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции) // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 127–143. DOI: 10.17759/sps.2020110108

original article

Structuring a Videolecture: Psychological Criteria and Efficiency Factors

Svetlana A. Bezgodova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0001-5425-7838>

Svetlana V. Vasileva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0002-6052-3431>

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>;
miklyaeva@herzen.spb.ru

Received 12 May 2021. Accepted 2 Jun 2021.

Abstract: The present research feature the content structure of public and extracurricular videolectures compiled by university professors (n=30) and assessed by university students (n=543). The research included such parameters as interaction, presentation, and illustration. The students evaluated videolectures performed by unfamiliar lecturers according to the following parameters: content, professional applicability, interest, and readiness for further independent study. The students' assessments of the lectures content and usefulness were most sensitive to the way the content was organized. An extracurricular videolecture was rated higher if it was aimed at conveying information and included minimal amount of terminology and references to the lecturer's own professional experience, while a public videolecture was rated higher if the lecturers saturated it with scientific terminology and examples from their professional experience. The public and extracurricular videolectures were analyzed from the point of view of their applicability for higher education.

Keywords: electronic educational technologies, offline learning, videolecture, video content, interaction style, performance parameters, performance predictors

Citation: Bezgodova S.A., Vasileva S. V., Miklyaeva A. V. Structuring a Videolecture: Psychological Criteria and Efficiency Factors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 415–426. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-415-426>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: This publication was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00412.

References

1. Trust T., Whalen J. Should teachers be trained in emergency remote teaching? Lessons learned from the COVID-19 pandemic. *Journal of Technology and Teacher Education*, 2020, 28(2): 189–199.
2. Jili N. N., Ede C. I., Masuku M. M. Emergency remote teaching in higher education during Covid-19: challenges and opportunities. *International Journal of Higher Education*, 2021, 10(5): 1–9. DOI: 10.5430/ijhe.v10n5p1
3. Antoshintseva M. A. Adaptation mechanisms of academic lecture genre to electronic communication. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2010, (134): 41–52. (In Russ.)
4. Goodman J., Melkers J., Pallais A. Can online delivery increase access to education? *NBER*, 2016, 40. DOI: 10.3386/w22754
5. Zubkova Ya. V. Tactics of the participants of Russian academic communication (based on the material of the lecture genre). *Izvestiya Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2012, (8): 15–19. (In Russ.)
6. Ostapenko I. A., Krolivetskaya I. E. Disadvantages of the lecture form of training and ways to overcome them. *Koncept*, 2016, (T23): 77–81. (In Russ.)
7. Kazachenko V. F. Method of preparing and conducting lectures, using technical means of teaching. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2012, (1): 122–124. (In Russ.)
8. Kasparinsky F. O., Polyanskaya E. I. Videolecture as a genre. *The quality of distance education: concepts, problems, solutions (DEC-2013)*: XV Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 6 Dec 2013. Moscow: MGIU, 2013, 80–92. (In Russ.)
9. Chapin L. A. Australian university students' access to web-based lecture recordings and the relationship with lecture attendance and academic performance. *Australasian Journal of Educational Technology*, 2018, 34(5): 1–12. DOI: 10.14742/ajet.2989

10. Rasi P. M., Poikela S. A review of video triggers and video production in higher education and continuing education PBL settings. *Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*, 2016, 10(1). DOI: 10.7771/1541-5015.1609
11. Kasparinsky F. O., Polyanskaya E. I. Professional Internet video lectures. *Scientific service on the Internet: the variety of supercomputer worlds*: Proc. Inter. Supercomputer Conf., Novorossiysk, 22–27 Sep 2014. Moscow: MGU, 2014, 432–435. (In Russ.)
12. Gats I. U. Video lecture in the arsenal of methodological means of the higher school teacher. *Aktuální Pedagogika*, 2016, (1): 60–63. (In Russ.)
13. Shalygina I. V., Shabalin Yu. E. Didactic training video lectures. *Informatsiia i obrazovanie: granitsy kommunikatsii*, 2012, (4): 223–230. (In Russ.)
14. Evtushenko N. N., Kocheturova N. A. Web lectures and video lectures: new competencies of a teacher and a tutor. *Unified educational information environment: directions and prospects for the development of electronic and distance learning*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf.-exhibition, Novosibirsk, 22–24 Sep 2010. Novosibirsk: NGTU, 2010, 160–162. (In Russ.)
15. Nikishina V. B., Zapesotskaya I. V., Kuznetsova A. A. The technology of creating videolectures: myths and reality. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia*, 2017, (4). Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26635> (accessed 3 May 2021). (In Russ.)
16. Kornilova N. V. Concept and main types of lectures. *Vestnik Khabarovskoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i prava*, 2015, (1): 78–81. (In Russ.)
17. Svirentko Zh. S. The format of a modern lecture in the system of higher professional education. *Science and the world in the language space*: Proc. V Intern. Sci. Conf., Makeevka, 14 Nov 2019. Makeevka: DonNASA, 2019, 305–309. (In Russ.)
18. Soloveva N. A., Nikishina V. B. Criteria of informational content of educational video lectures. *The Collection of Humanitarian Researches*, 2018, (1): 6–10. (In Russ.)
19. Traphagan T., Kucsera J. V., Kishi K. Impact of class lecture webcasting on attendance and learning. *Educational Technology Research and Development*, 2010, 58(1): 19–37. DOI: 10.1007/s11423-009-9128-7
20. Vorobiova A. N. Creation of training video courses in the distance education system. *Obrazovatelnye tekhnologii*, 2013, (4): 123–128. (In Russ.)
21. Prirodova O. F., Nikishina V. B. Modular video lectures: assessment of effectiveness. *The Collection of Humanitarian Researches*, 2017, (4): 17–23. (In Russ.)
22. Joshi A., Sangle S., Nandurkar K., Pawar P. J. Improving student learning performance during on-line lectures. *Journal of Engineering Education Transformations*, 2021, (34(Special Issue)): 236–242. DOI: 10.16920/jeet/2021/v34i0/157149
23. Ginns P., Prosser M., Barrie S. Students' perceptions of teaching quality in higher education: the perspective of currently enrolled students. *Studies in Higher Education*, 2007, 32(5): 603–615. DOI: 10.1080/03075070701573773
24. Berbegal-Mirabent J., Mas-Machuca M., Marimon F. Is research mediating the relationship between teaching experience and student satisfaction? *Studies in Higher Education*, 2018, 43(6): 973–988.
25. MacNell L., Driscoll A., Hunt A. N. What's in a name: Exposing gender bias in student ratings of teaching. *Innovative Higher Education*, 2015, 40(4): 291–303. DOI: 10.1007/s10755-014-9313-4
26. Sorokina J. V. Assertive and defensive tactics of self-presentation strategy in lecture discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (16): 128–131. (In Russ.)
27. Chernikova A. A., Oblasova O. V. The verbal and non-verbal patterns of self-presentation in the context of public speaking. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2015, (4): 189–193. (In Russ.)
28. Deng R., Benckendorff P. What are the key themes associated with the positive learning experience in MOOCs? An empirical investigation of learners' ratings and reviews. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2021, (18). DOI: 10.1186/s41239-021-00244-3
29. Finn B., Tauber S. K. When confidence is not a signal of knowing: How students' experiences and beliefs about processing fluency can lead to miscalibrated confidence. *Educational Psychology Review*, 2015, 27(4): 567–586. DOI: 10.1007/s10648-015-9313-7
30. Reber R., Greifeneder R. Processing fluency in education: How metacognitive feelings shape learning, belief formation, and affect. *Educational Psychologist*, 2017, 52(2): 84–103.
31. Hoogerheide V., Loyens S. M. M., van Gog T. Learning from video modeling examples: does gender matter? *Instructional Science*, 2016, 44(1): 69–86. DOI: 10.1007/s11251-015-9360-y
32. Miklyaeva A. V., Panferov V. N., Bezgodova S. A., Vasileva S. V. Self-presentation strategies as a factor of lecturer's personality by students in online interaction at a media lecture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 175–184. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-175-184
33. Farreras I. The effect of faculty self-promotion on student evaluations of teaching. *College Student Journal*, 2012, 46(2): 314–322.

34. Stewart B. A., Speldewinde P. C., Ford B. M. Influence of improved teaching practices on student satisfaction ratings for two undergraduate units at an Australian university. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 2018, 43(4): 598–611. DOI: 10.1080/02602938.2017.1386281
35. Han H., Kiatkawsin K., Kim W., Hong J. H. Physical classroom environment and student satisfaction with courses. *Assessment & Evaluation in Higher Education*, 2018, 43(2): 1–16. DOI: 10.1080/02602938.2017.1299855
36. Denson N., Loveday T., Dalton H. Student evaluation of courses: What predicts satisfaction? *Higher Education Research & Development*, 2010, 29(4): 339–356. DOI: 10.1080/07294360903394466
37. Bunce L., Baird A., Jones S. E. The student-as-consumer approach in higher education and its effects on academic performance. *Studies in Higher Education*, 2017, 42(11): 1958–1978. DOI: 10.1080/03075079.2015.1127908
38. Bezgodova S. A., Miklyaeva A. V. Tasks of psychological support for the "Teacher – Student" interaction in the digital environment. *Service of Practical Psychology in the Education System: Trends and Prospects*: Proc. XXV Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 11–12 Feb 2021. St. Petersburg: SPb APPO, 2021, 21–26. (In Russ.)
39. Panferov V. N., Bezgodova S. A., Vasileva S. V., Ivanov A. S., Miklyaeva A. V. Efficiency of learning and academic motivation of students in conditions of online interaction with the teacher (on the example of video-lecture). *Social'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020, 11(1): 127–143. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110108

оригинальная статья

УДК 159.9+316.42

Массовые информационные запросы в ситуации пандемии COVID-19: психологические детерминанты и особенности

Елена Павловна Белинская

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва; <https://publons.com/researcher/2675973>; elena_belinskaya@list.ru

Елена Олеговна Цикина

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Елена Александровна Столбова

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Поступила в редакцию 15.04.2021. Принята в печать 17.05.2021.

Аннотация: Представлены результаты исследования информационно-поискового поведения пользователей в Интернете в период пандемии. На предварительном этапе было выявлено, что по мере распространения эпидемии и введения режима самоизоляции происходило постепенное снижение количества информационных запросов, связанных с темой пандемии, и наблюдалась относительная независимость содержательных характеристик поисковых запросов от официальных заявлений российских властных субъектов. Это задавало необходимость изучения социокогнитивных детерминант динамики информационного поиска, в частности характера сопутствующих социальных атрибуций. Также на начальном этапе распространения коронавируса была выявлена тенденция смещения содержания массовых поисковых запросов в сторону позитивно окрашенной информации, которая предположительно отражала влияние эффекта контррегуляции на информационный поиск, что потребовало введения в анализ личностных и ситуационных предикторов. Результаты основного этапа исследования свидетельствуют, что оценки рисков, характер атрибуции ответственности и восприятие возможности субъективного контроля за развитием событий в ситуации распространения COVID-19 имеют амбивалентный характер, реализуясь в дихотомии *личное – коллективное*. Разница эмоциональных предпочтений в информационном поиске между респондентами, болевшими и не болевшими коронавирусной инфекцией, не существенна, однако она наблюдается между ними по текущему аффективному состоянию. Выявленная значимая связь проблемно-ориентированных стратегий проактивного совладания (рефлексивного, стратегического и превентивного копинга) с эмоциональными предпочтениями в информационном поиске взаимосвязана с вовлеченностью как одним из параметров осознанности.

Ключевые слова: информационный поиск, осознанность, проактивное совладание, аффективные состояния, эффект контррегуляции, субъективный контроль

Цитирование: Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. Массовые информационные запросы в ситуации пандемии COVID-19: психологические детерминанты и особенности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 427–437. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-427-437>

Введение

Прошло уже больше года, как человечество столкнулось с коронавирусной инфекцией. В отличие от других глобальных угроз, ситуация пандемии не имеет аналогов в силу как минимум трех ее особенностей: всеобщности, неопределенной длительности и малой предсказуемости проявлений самого заболевания и его последствий, что заставляет исследователей говорить о кумулятивном характере данного стрессора [1; 2]. Внимание к социогуманитарным следствиям пандемии характерно для исследований разной дисциплинарной принадлежности, для психологии свойственно обращение к трем темам: 1) предметом психологического анализа являются проявления аффективных реакций в период пандемии – чувства неопределенности, тревоги и страха [3–8], в частности в группах риска [9; 10];

2) изучение динамики когнитивных и поведенческих реакций человека в данной ситуации, в том числе через исследование новых способов совладания [11–13]; 3) исследование социально-психологических аспектов воздействия этого коллективного стрессора – анализ аттитудов и социальных верований, характерных для данной ситуации [2], возможных атрибуций причинности ее возникновения [1; 14], закономерностей социально-психологической адаптации в целом [15] и поддержания субъективного благополучия [12]. Подчеркнем, что из трех выделенных тем последняя является на данный момент наименее эмпирически разработанной.

С нашей точки зрения, уникальность картины психологических и социально-психологических последствий

пандемии во многом связана с тем, что переживание опыта глобальной угрозы происходит преимущественно в информационном пространстве: при карантинных мерах сужение границ физического мира сопровождается существенным расширением границ мира виртуального. Уточним, что дело не только в очевидных проявлениях повышенной виртуальности в виде удаленной работы или учебы, перехода привычных способов потребления в онлайн-режим, а также вынужденной необходимости менять привычки досуга и развлечений. Представляется, что в подобной ситуации возрастает потребность в поиске информации, и потому интересным исследовательским вопросом становится динамика количества и содержания массовых информационных запросов в зависимости от тех или иных объективно фиксируемых социальных событий – объявлений начала / конца социальной изоляции, показателей заболеваемости / смертности от COVID-19, заявлений официальных представителей власти в массмедиа и т. п. На сегодняшний день подобных исследований еще очень немного, но те, что есть, свидетельствуют о наличии зависимостей, которые не всегда имеют однозначные объяснения.

Например, в одном из недавних исследований влияния официальных распоряжений правительства США в связи с быстрым распространением COVID-19 на состояние психического здоровья жителей страны [16] выявлено, что поисковые запросы о негативных аспектах психического здоровья резко увеличивались за несколько дней до заявлений представителей власти и столь же быстро снижались после них, причем эта динамика в гораздо меньшей степени была выражена для поисковых запросов относительно физического здоровья и симптомов заболевания. Авторы объяснили данный результат прямым воздействием на массовые настроения самого факта властных заявлений, снижающих у населения переживание неопределенности. Не отрицая этого (хотя очевидно, что полученные закономерности могут меняться в зависимости от уровня доверия населения субъектам власти и длительности воздействия стрессора), можно выдвинуть и дополнительное объяснение: не исключено, что подобная динамика испытывала влияние других психологических закономерностей, а именно эффекта контррегуляции, согласно которому содержание интернет-поиска субъекта в ситуации переживания им негативной аффективной реакции смещается в сторону позитивной информации [17]. Тем самым представляется, что изучение массовых информационных запросов в период пандемии может и должно включать в себя не только анализ количественных показателей, но и их тематический анализ с последующей социально-психологической интерпретацией.

Исходным основанием для эмпирического освоения поставленной задачи послужило наше исследование, проведенное еще в начале распространения коронавируса в России [18]. Исследование проводилось на основе данных поисковой системы Яндекс; случайным образом было выбрано

и проанализировано 5 млн поисковых запросов, из которых впоследствии были отобраны запросы, тематически связанные с распространением COVID-19 и введением режима самоизоляции; для сбора и анализа данных использовались количественные и качественные методы класса Data Mining, а также контекстный анализ. Полученные на тот момент (весна 2020 г.) результаты в целом свидетельствовали о следующем:

1. По мере роста заболеваемости и введения режима самоизоляции происходило постепенное снижение количества информационных запросов, связанных с темой пандемии. При этом если на начальном этапе прослеживалась их содержательная взаимосвязь с официальными заявлениями российских властных субъектов, то в конце первого периода самоизоляции она практически не наблюдалась, что в определенной степени противоречило закономерностям, выявленным в других странах [7; 19], и интерпретировалось нами как косвенный признак недоверия населения к власти и проявление склонности к конспирологическим версиям объяснения происходящего, что отмечалось и в других работах [1; 14; 20]. Это задавало для дальнейшего исследования необходимость изучения социокогнитивных детерминант динамики информационного поиска, в частности характера сопутствующих ему социальных атрибуций.

2. Мы наблюдали крайне слабую выраженность интереса пользователей к поиску информации о способах специализированной психологической помощи и / или самопомощи в связи с пандемией, что несколько парадоксально сочеталось с данными других отечественных и зарубежных исследований, свидетельствующих о повсеместном росте психопатологической симптоматики (депрессии, тревоги, фобий) по мере распространения COVID-19 [4–6; 8; 9; 13; 21]. Несмотря на очевидную возможную интерпретацию подобного рассогласования результатов (использование для поиска подобной информации других источников, нежели данных поисковой системы Яндекс), стоило учесть факт, что данные, полученные с помощью традиционных шкальных опросников, могут не совпадать с данными методов класса Data Mining. Это задавало необходимость в дальнейшем детализировать полученные результаты с помощью другого методического инструментария.

3. Наблюдалось значимое рассогласование количества информационных запросов, касающихся состояния российской экономики в целом, с поиском информации, связанной с «личной экономикой», – в пользу последней. Это не только совпадало с данными других исследований [10; 15], но и заставляло предположить, что содержание массового информационного поиска может быть реинтерпретировано с точки зрения отражения в нем соотношения общего и индивидуального интереса.

4. Была выявлена тенденция смещения содержания массовых поисковых запросов в сторону позитивно окрашенной информации. С нашей точки зрения, она отражала влияние эффекта контррегуляции [17], т. е. являлась

компенсаторной по своему смыслу. Это предположение требовало более детального изучения через введение в анализ как минимум двух дополнительных факторов: личностных характеристик пользователей и ситуационных предикторов информационного поведения.

Иными словами, перед нами встала задача более детального анализа содержания массовых поисковых запросов в сочетании с включением в него социокогнитивных, ситуационных и личностных детерминант.

Актуальное исследование включало в себя две взаимосвязанные части:

1) в целях более детального изучения поисково-информационного поведения человека в ситуации коллективной угрозы, вызванной распространением COVID-19, и отражения в нем тех или иных социальных атрибуций как факторов социокогнитивного уровня был проведен тематический анализ данных 42 официальных отчетов компании «Яндекс» «О реакции пользователей сервисов Яндекса на проблему коронавируса» за период с 5 апреля по 30 декабря 2020 г., основанных на более 500 млн поисковых запросов;

2) в целях изучения личностных и ситуационных факторов поисково-информационного поведения было проведено исследование взаимосвязи особенностей проактивного совладания, уровня осознанности, текущего позитивного / негативного аффекта и эмоциональных предпочтений информационного поиска. Выборка этого этапа исследования составила 114 человек, активных пользователей сети Интернет, возраст – 18–60 лет.

Выбор в качестве личностных характеристик пользователей, потенциально связанных с особенностями их информационного поведения в период пандемии, стратегий проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности определялся следующими соображениями: 1) ситуация переживания глобальной угрозы неопределенной длительности очевидно предъявляет повышенные требования к субъекту в плане актуализации новых ресурсов для поддержания своего психологического благополучия, а ориентированный на предвосхищение трудностей проактивный копинг и осознанность, понимаемая как способность к формированию новых когнитивных и социальных умений, могут выступать таковыми [6; 12; 22]; 2) наличием эмпирических фактов о связи отношения к глобальным рискам и специфики копинг-ответов, в том числе проактивного характера [11; 23]; 3) существованием эмпирических данных о связи стратегий проактивного совладания и уровня осознанности в целом [24; 25].

В качестве ситуационного параметра, потенциально влияющего на предпочтение информации определенного эмоционального знака (позитивной, негативной или нейтральной), было выбрано текущее аффективное состояние пользователя. Подобный выбор основывался на экспериментальном изучении эффекта контррегуляции [17] и эмпирических данных начального этапа исследования [18].

Гипотезы исследования:

1. Оценка рисков, атрибуция ответственности и восприятие возможности субъективного контроля за развитием событий в содержании массовых информационных запросов пользователей по темам, связанным с распространением коронавируса, имеет амбивалентный характер, реализуясь в дихотомии *личное – коллективное*.

2. Эмоциональные предпочтения в поиске информации о COVID-19 взаимосвязаны с актуальным переживанием пользователем угрозы личного заражения коронавирусом, причем опосредующим фактором этой связи является текущее аффективное состояние субъекта.

3. В ситуации глобальной угрозы стратегии проактивного совладания с трудностями и уровень осознанности субъекта связаны с его эмоциональными предпочтениями в информационном поиске.

Методы и методики исследования

1. Методом тематического анализа вопросов пользователей по темам *коронавирус* и *карантин*, зафиксированных поисковой системой Яндекс и приведенных в официальных отчетах компании, было выделено 4 тематических блока, в которые вошли вопросы, отражающие пользовательские оценки рисков, связанных с пандемией; характер социальных атрибуций, в частности атрибуции ответственности и субъективного контроля за развитием событий; содержание наиболее трудных жизненных проблем, связанных с распространением COVID-19.

2. Авторский опросник о предпочтении позитивной / негативной / нейтральной информации о COVID-19; используемых источниках получения подобной информации (информационные поисковые системы, социальные сети, массмедиа, личные разговоры); факте заражения и болезни COVID-19 самим респондентом или близким другом / членом его семьи; доминирующем режиме работы / учебы (онлайн, офлайн, смешанный формат) в период пандемии.

3. Шкала позитивного и негативного аффекта (PANAS) в адаптации Е. Н. Осина [26] для учета текущего эмоционального состояния пользователей, включающая в себя список из 20 различных эмоций, подлежащих оценке по лайкертской шкале, которые переживались за период вынужденной социальной изоляции.

4. Опросник Е. Грингласса «Проактивный копинг» в адаптации Е. П. Белинской и др. [27], включающий в себя 6 шкал, соответствующих стратегиям проактивного совладания: отношение человека к трудной ситуации как источнику позитивного опыта; когнитивная оценка ресурсов, возможных вариантов поведения и прогноз результатов; способность планирования будущих действий с дифференциацией отдельных задач; способность предвосхитить трудные ситуации с опорой на прошлый опыт; поиск информации от других людей для решения возможной трудной ситуации; способность к регуляции своего эмоционального состояния посредством возможной коммуникации с другими людьми.

5. Опросник Э. Лангер «Шкала осознанности» в адаптации Е. П. Белинской и М. Р. Джураевой [24], включавший в себя три субшкалы: открытость новому знанию; способность к формированию новых категорий; вовлеченность в новые социальные отношения благодаря когнитивной гибкости и чувствительности к контексту взаимодействия.

При статистической обработке полученных результатов использовались показатели описательной статистики, корреляционный анализ с помощью коэффициента Пирсона, дисперсионный анализ по критерию Фишера.

Результаты

Обратимся вначале к данным, полученным в результате тематического анализа официальных отчетов компании Яндекс. В первую очередь, нас интересовало, как в массовом информационном поиске представлена динамика запросов, связанных с угрозой личного заражения коронавирусом, т. е. поиск информации, носящей очевидно негативный характер. Оказалось, что вопросы, посвященные этой теме, входят в топ-5 только в начале распространения коронавируса в нашей стране и имеют определенный нюанс: *Насколько велик риск заразиться коронавирусом для обычного человека?* Иными словами, на начальном этапе большинство пользователей не рассматривали риск заболевания как угрозу для себя лично, относя к группе риска не похожих на себя, «необычных» людей. Так, последний раз вопрос о риске заражения вошел в топ-5 в начале июля 2020 г., а вопрос о потенциальной смертности от коронавируса в мире вошел в отчет только один раз. Столь малый интерес к риску заражения и смерти от коронавируса может быть, конечно, связан с объективными обстоятельствами: во-первых, с широким освещением статистики по коронавирусу в альтернативных источниках информации (прежде всего – ТВ), во-вторых, с низким процентом заболевших и умерших от COVID-19 в России по сравнению с другими странами. Однако, представляется, что в дальнейшем, по мере распространения заболевания, он может объясняться и сугубо психологическими причинами, а именно переживанием угрозы заражения на коллективном, а не личном уровне, при котором снижается оценка серьезности самой угрозы и, как следствие, интерес к этой теме [28]. Тем самым можно предположить, что оценка риска личного заражения снижалась пользователями в силу актуализации определенной социальной идентичности – сначала принадлежности к «обычным» людям (которым нечего бояться, в отличие от «необычных»), а затем – к «таким, как все» (которые не боятся в силу своей численности).

Особенности атрибуции ответственности пользователей и оценка ими возможности субъективного контроля в ситуации пандемии имели свою динамику и в целом носили выраженный амбивалентный характер. В начале эпидемии в нашей стране в топ-5 входили вопросы, отражающие интерес к действиям фигур официальной власти разного уровня (*Что сказал Путин губернаторам*

на совещании по коронавирусу?, *Почему Собянин продолжает держать Москву под карантином, если Путин решил регионам его снимать?*). При этом они сочетались с высокой частотностью вопросов об эффективности мер личной профилактики и о первых симптомах заболевания (например, в топ-5 апреля: *Если першение в горле является одним из симптомов, может ли полоскание горла быть профилактической мерой?*). Однако в дальнейшем, начиная с осени 2020 г., вопросы о властном контроле за ситуацией в топ-5 уже не входили, сменяясь поисковыми запросами конкретного личного характера (например: *Где в нашем городе можно сдать тест на антитела?*). Атрибуции внешней, обращенной к официальной власти ответственности практически исчезали, уступая место внутренним: высокая частотность вопросов о симптомах заражения, оставаясь константой за весь период исследования, начала сочетаться с вопросами о способах самолечения (с конца лета 2020 г. в топ-5 входит характерный вопрос – *Как лечатся дома заболевшие коронавирусом?*).

С нашей точки зрения, это связано с тем, что мышление угрозы довольно быстро сменилось мышлением вызова, при котором человек больше концентрируется на собственных усилиях при решении проблемы, нежели ориентируется на внешние источники ее устранения. Одновременно в топ-5 начинают входить вопросы, обращенные непосредственно к другим пользователям, имеющим личный опыт преодоления ситуации заболевания коронавирусной инфекцией (*Люди, переболевшие или болеющие коронавирусом, расскажите, как проходят ваши лечение и карантин?*). Интересно, что вопросы о личном карантине в случае заболевания, правила которого достаточно подробно были представлены в официальных источниках, также обращены в основном к личному опыту других пользователей. Такая особенность не только косвенно отражает стремление пользователей быть готовыми к проблемам, которые возникнут в результате заражения, но и возможное недоверие к действиям официальной медицины. Подобную ситуацию можно было бы однозначно квалифицировать как сдвиг атрибуции ответственности от внешнего к внутреннему полюсу, если бы не ее сочетание с полным отсутствием в топ-5 каких-либо вопросов о вакцинации на протяжении всего исследуемого периода и постепенным исчезновением (к осени 2020 г.) информационных запросов о прогнозах на будущее (о возможных волнах распространения коронавируса, потенциальных сроках новых периодов социальной изоляции для тех или иных групп населения и т. п.). Обе эти темы имеют отношение к личной безопасности субъекта, и потому их игнорирование заставляет говорить о более сложной ситуации атрибутирования: возможность заболевания и связанные с этим трудности воспринимаются пользователями как сугубо личное дело, а необходимость принятия мер по обеспечению индивидуальной и общественной безопасности (прививка от COVID-19) видится как коллективная ответственность, которой можно

и пренебречь. Косвенно об этом свидетельствует и нарастающее критическое отношение пользователей к угрозе коронавируса в целом: с лета 2020 г. в топ-5 информационных запросов о коронавирусе начинают входить вопросы, обращенные к деперсонифицированной власти и начинающиеся со слова *почему...*, имеющие не конкретный, а риторический характер, что в сочетании с отсутствием запросов о будущих коллективных проблемах, связанных с пандемией, свидетельствует о том, что данная ситуация начинает восприниматься пользователями как часть их повседневной жизни.

Какими же трудностями характеризуется эта повседневность? Здесь высокая вариативность вопросов зависит от конкретного этапа распространения коронавирусной инфекции в нашей стране: в то или иное время в топ-5 входят вопросы о проблемах, связанных с посещением школ / вузов и торговых центров, работой кинотеатров и музеев, взаимодействием с полицией, о возможности снятия ограничений на поездки / перелеты и т. п. Единственной константой в содержании информационных запросов на протяжении всего исследуемого периода остаются вопросы о личных финансовых проблемах в связи с пандемией: о том, как и где получить выплату владельцам малого бизнеса, что положено матерям-одиночкам и малоимущим, будут ли выплаты на детей от 16 до 18 лет, вопросы об оформлении и оплате больничных листов в связи с коронавирусом и др. Напомним, что абсолютное доминирование личной финансовой темы – при этом в сочетании с малым интересом к общим экономическим проблемам страны в связи с пандемией – отмечалось нами и на предварительном этапе исследования [18].

Итак, на начальном этапе распространения коронавирусной инфекции большинство пользователей поисковой системы Яндекс не рассматривали для себя риск заболеть COVID-19 как реальную угрозу, относя к группе риска только «необычных» людей, непохожих на себя. В дальнейшем, в ситуации роста числа случаев заболеваемости и смертности «обычных» людей, снижение оценки угрозы заболевания для себя лично поддерживалось, с одной стороны, коллективным характером переживания эпидемии, а с другой – сменой мышления угрозы на мышление вызова, благодаря атрибуции личной ответственности. Последняя, однако, имела противоречивый характер, касаясь только необходимости личного контроля за симптоматикой и течением заболевания и не затрагивая зон коллективного риска, что в определенной степени связано с переходом восприятия пандемии в ситуацию повседневности, где основной трудностью становится решение личных финансовых проблем.

Тем самым представляется возможным считать подтвержденной первую гипотезу исследования относительно амбивалентного характера оценки рисков, атрибуции ответственности и восприятия возможности субъективного контроля за развитием событий в ситуации распространения COVID-19.

Целью второго этапа исследования, включающего в себя использование психологических шкальных опросников и проведенного на ограниченной выборке, была проверка гипотез о возможных личностных и ситуационных детерминантах информационного поведения человека в ситуации пандемии. Выявление взаимосвязи эмоциональных предпочтений в поиске информации о COVID-19 (поиск позитивной, негативной, нейтральной информации) с переживанием пользователем угрозы личного заражения показало следующее. Для операционализации переживания угрозы заболевания мы предположили, что ситуация, когда респондент еще не болел или думает, что не болел, воспринимается им как ситуация личной угрозы, а ситуация, когда респондент уже переболел или думает, что переболел, воспринимается как ситуация вызова / повседневности. В связи с этим была введена независимая переменная *Я болел / не болел COVID-19* (табл. 1).

Табл. 1. Статистика при анализе таблиц сопряженности фактора *Я болел / не болел COVID-19* с эмоциональным предпочтением в информационном поиске

Tab. 1. Contingency tables factor for *I had / didn't have COVID-19* with emotional preference in on-line search

Шкала	Значение	ст. св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1,788	3	0,617
Отношение правдоподобия	1,790	3	0,617
Линейно-линейная связь	1,729	1	0,188
Количество валидных наблюдений	114	–	–

Разница эмоциональных предпочтений в информационном поиске между респондентами, болевшими и не болевшими коронавирусной инфекцией, не существенна. Однако нельзя исключить, что эмоциональные предпочтения при поиске информации о COVID-19 могут быть связаны с актуальным переживанием угрозы личного заражения опосредованным образом, завися не столько от характера восприятия респондентами угрозы заболевания для себя лично, сколько от каких-либо личностных и / или ситуационных факторов. Согласно второй гипотезе исследования мы предполагали, что одним из таких ситуационных факторов может быть текущее аффективное состояние субъекта. Ее проверка подразумевала обнаружение корреляционных зависимостей между переменными *Я болел / не болел COVID-19*, текущим аффективным состоянием и эмоциональными предпочтениями в информационном поиске.

При использовании t-критерия равенства средних была выявлена значимая связь ($t(65,49)=2,426, p=0,017$)

между текущим аффективным состоянием респондентов и фактором *Я болел / не болел*, разница в текущем аффективном состоянии между респондентами, переболевшими COVID-19 и не болевшими, отражена в табл. 2. Выраженность негативных переживаний (страха, тревоги, неуверенности и т. п.) выше в группе респондентов, которые не находятся в ситуации актуальной личной угрозы здоровью, такие эмоции более свойственны другой группе респондентов и одновременно сопровождаются более выраженными позитивными аффективными состояниями. Следует отметить, что это совпадает с эмпирическими данными других исследований, согласно которым в максимальной степени уязвимыми для негативных переживаний по поводу COVID-19 оказываются не люди из объективных групп риска, а, напротив, люди здоровые и активные [9]. При этом респонденты с текущим позитивным аффектом предпочитали позитивную информацию о заболевании, а респонденты с текущим негативным аффектом – негативную информацию (табл. 3). Дисперсионный анализ выявил существенную, значимую, связь текущих эмоций с эмоциональными предпочтениями в поиске информации о COVID-19: $F(3,110)=13,059, p<0,001$.

В целях проверки третьей гипотезы определялись взаимосвязи стратегий проактивного совладания и уровня осознанности как личностных детерминант эмоциональных предпочтений информационного поиска в ситуации переживания пандемии (табл. 4). Значимыми оказались корреляции с такими проактивными копинг-стратегиями,

как рефлексивное совладание, стратегическое планирование, превентивное совладание и поиск эмоциональной поддержки. Для проверки их содержательной достоверности был проведен дисперсионный анализ связи фактора предпочтения позитивной / негативной информации с проактивным копингом (табл. 5). Значимая связь эмоциональных предпочтений в информационном поиске обнаружена со стратегиями рефлексивного, стратегического и превентивного копинга, а со стратегией поиска эмоциональной поддержки не обнаружена – в отличие от данных корреляционного анализа. Иными словами, в последнем случае она была обусловлена внутригрупповой дисперсией, а не влиянием фактора переживания личной угрозы заболевания.

Дисперсионный анализ с помощью критерия Фишера показал, что между группами респондентов, столкнувшись с заболеванием коронавирусной инфекцией, и теми, кто не переживает это как личную угрозу, не обнаружено значимых различий в предпочтениях стратегий проактивного совладания (табл. 6).

При анализе взаимосвязей эмоциональных предпочтений информационного поиска с уровнем осознанности наиболее значимой была корреляция с субшкалой вовлеченности (способности к построению новых социальных отношений в силу чувствительности к контексту взаимодействия), при этом все параметры осознанности значимо коррелировали с текущим аффективным состоянием (табл. 7).

Табл. 2. Средние показатели текущих аффективных состояний респондентов по фактору *Я болел / не болел COVID-19*

Tab. 2. Average indicators of respondents' current actual affect by factor *I had / didn't have COVID-19*

Аффект	Вариант	N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Текущий позитивный аффект	Я не болел или думаю, что не болел	65	65,62	13,217	1,639
	Я болел или думаю, что болел	49	58,92	16,25	2,321
Текущий негативный аффект	Я не болел или думаю, что не болел	65	34,38	13,217	1,639
	Я болел или думаю, что болел	49	41,08	16,25	2,321

Табл. 3. Средние показатели текущих аффективных состояний респондентов по фактору эмоциональных предпочтений в информационном поиске

Tab. 3. Average indicators of respondents' current actual affect by the factor of emotional preferences in on-line search

Эмоциональные предпочтения		N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Текущий позитивный аффект	Негативная информация	16	55,81	16,526	4,131
	Позитивная информация	31	73,61	8,373	1,504
Текущий негативный аффект	Негативная информация	16	44,19	16,526	4,131
	Позитивная информация	31	26,39	8,373	1,504

Табл. 4. Корреляционный анализ эмоциональных предпочтений с помощью критерия Пирсона, N=114

Tab. 4. Correlation analysis of emotional preferences using the Pearson test, N=114

Стратегии проактивного копинга	Корреляция Пирсона	Значимость (2-сторонняя)
Эмоциональные предпочтения	1	–
Проактивное совладание	0,035	0,71
Рефлексивное совладание	0,304	0,001
Стратегическое планирование	0,294	0,001
Превентивное совладание	0,281	0,002
Поиск инструментальной поддержки	0,055	0,559
Поиск эмоциональной поддержки	0,188	0,045

Табл. 5. Данные однофакторного дисперсионного анализа по фактору предпочтения позитивной / негативной информации

Tab. 5. One-way ANOVA analysis data of the factor of preference for positive / negative information

Стратегии проактивного копинга	F	p
Проактивное совладание	1,168	0,325
Рефлексивное совладание	6,506	0,000
Стратегическое планирование	6,192	0,001
Превентивное совладание	6,669	0,000
Поиск инструментальной поддержки	0,858	0,466
Поиск инструментальной поддержки	1,936	0,128

Итак, мы можем считать третью гипотезу исследования подтвержденной частично: в ситуации переживания глобальной угрозы эмоциональные предпочтения в поиске информации, касающиеся пандемии, связаны с такими стратегиями проактивного совладания, как рефлексивный, превентивный и ориентированный на стратегическое планирование копинг, а также с одним из параметров осознанности.

Заключение

Анализ содержания массовых информационных запросов пользователей в ситуации глобальной угрозы (распространения коронавирусной инфекции) показывает, что в них отражаются особенности оценки потенциальных рисков, атрибуции ответственности и восприятия возможности субъективного контроля за развитием событий. Они имеют амбивалентный характер. С одной стороны, мышление угрозы довольно быстро сменяется мышлением вызова, когда ситуация пандемии начинает восприниматься как характеристика повседневности, приводя к тому, что поиск

Табл. 6. Данные однофакторного дисперсионного анализа по фактору Я болел / не болел COVID-19

Tab. 6. One-way ANOVA analysis data of the factor I had / didn't have COVID-19

Стратегии проактивного копинга	F	p
Проактивное совладание	0,506	0,478
Рефлексивное совладание	0,04	0,842
Стратегическое планирование	0,528	0,469
Превентивное совладание	0,139	0,71
Поиск инструментальной поддержки	1,765	0,187
Поиск инструментальной поддержки	0,08	0,931

Табл. 7. Корреляционный анализ Пирсона взаимосвязей текущего аффективного состояния пользователя с уровнем осознанности, $p < 0,001$, N=114

Tab. 7. Pearson's test of the relationship between emotional preferences in information search and the level of awareness, $p < 0.001$, N=114

Текущий аффект	Позитивный	Негативный
Открытость новому знанию	0,346	–0,346
Порождение новых категорий	0,462	–0,462
Вовлеченность	0,476	–0,476

позитивно или негативно окрашенной информации оказывается не связан с актуальностью переживания угрозы заболевания на личном уровне, нивелируя возможное компенсаторное воздействие эффекта контррегуляции. С другой стороны, наблюдается зависимость эмоциональных предпочтений в информационном поиске о пандемии от ситуативных аффективных состояний пользователей и ряда их личностных особенностей, а именно проблемно-ориентированных стратегий проактивного (ориентированного в будущее) совладания с трудными жизненными ситуациями и вовлеченности как готовности к построению новых социальных связей. Представляется, что неоднозначность выявленных взаимозависимостей между переменными социокогнитивного, ситуационного и личностного уровней отражает сложность переживания человеком ситуации глобальной угрозы и нуждается в дальнейших исследованиях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – сходства и различия».

Литература

1. Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 47–83. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
2. Fetzter T., Witte M., Hensel L., Jachimowicz J. M., Haushofer J., Ivchenko A., Caria S., Reutskaja E., Roth C., Fiorin S., Gomez M., Kraft-Todd G., Goetz F. M., Yoeli E. Measuring worldwide COVID-19 attitudes and beliefs. 2020. Режим доступа: <https://osf.io/3sn2k/> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Акименко Г. В., Кирина Ю. Ю., Начева А. В., Селедцов А. М. Психология эпидемии: как пандемия (COVID-19) влияет на психику людей // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 4. С. 45–54.
4. Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 102–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
5. Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. 2020. Режим доступа: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 15.04.2021).
6. Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205
7. Jacobson N. C., Lekkas D., Price G., Heinz M., Song M., O'Malley A. J., Barr P. J. Flattening the mental health curve: COVID-19 stay-at-home orders result in alterations in mental health search behavior in the United States // JMIR Mental Health. 2020. Vol. 7. № 6. DOI: 10.31234/osf.io/24v5b
8. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: from medical staff to common people // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. Vol. 87. P. 23–24. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.03.032
9. Карпова Э. Б., Николаева Е. А. Негативные психоэмоциональные последствия пандемии COVID-19 в группе риска // Национальный психологический журнал. 2020. № 3. С. 66–74. DOI: 10.11621/npj.2020.0310
10. Луковцева З. В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 13–25. DOI: 10.17759/sps.2020110402
11. Баранова В. А., Дубовская Е. М., Савина О. О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 10–25. DOI: 10.17759/sps.2021120102
12. Яремчук С. В., Бакина А. В. Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 26–43. DOI: 10.17759/sps.2021120103
13. Yu H., Li M., Li Z., Xiang W., Yuan Y., Liu Y., Li Z., Xiong Z. Coping style, social support and psychological distress in the general Chinese population in the early stages of the COVID-19 epidemic // BMC Psychiatry. 2020. Vol. 20. DOI: 10.1186/s12888-020-02826-3
14. Рассказова Е. И., Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Категоричные представления о причинах, проявлениях и последствиях коронавируса: психологическое содержание и связь с поведением // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 2. С. 62–82. DOI: 10.11621/vsp.2020.02.04
15. Fancourt D., Bu F., Wan Mak H., Steptoe A. Covid-19 Social Study. 2020. 48 p. Режим доступа: https://allcatsrgrey.org.uk/wp/download/public_health/3d9db5_d663978c3aa743b69751b3fb2c4a864b.pdf (дата обращения: 02.04.2021).
16. Barros J. M., Melia R., Francis K., Bogue J., O'Sullivan M., Young K., Bernert R. A., Rebholz-Schuhmann D., Duggan J. The validity of Google Trends search volumes for behavioral forecasting of national suicide rates in Ireland // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. № 17. DOI: 10.3390/ijerph16173201
17. Greving H., Sassenberg K. Threatened individuals prefer positive information during Internet search: An experimental laboratory study // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2018. Vol. 12. № 1. DOI: 10.5817/CP2018-1-6
18. Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. Динамика информационных поисковых запросов о COVID-19 на этапе самоизоляции // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 105–119. DOI: 10.17759/sps.2020110408
19. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

20. Кубрак Т. А., Латынов В. В. Возможности и ограничения информационно-психологического воздействия в ситуации пандемии коронавируса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 84–114. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.003
21. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpp.2020280204
22. Haass R. The pandemic will accelerate history rather than reshape it. Not every crisis is a turning point // Foreign Affairs. 07.04.2020. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it> (дата обращения: 02.04.2021).
23. Нестик Т. А., Николаев Е. Л. Связь отношения личности к глобальным рискам со страхом смерти и проактивным копингом: эмпирическое исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 812–821. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-812-821
24. Белинская Е. П., Джуряева М. Р. Взаимосвязь проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности: кросс-культурный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 48–62. DOI: 10.21638/spbu16.2021.103
25. Keng S.-L., Choo X., Tong E. M. V. Association between trait mindfulness and variability of coping strategies: a diary study // Mindfulness. 2018. Vol. 9. № 5. P. 1423–1432. DOI: 10.1007/s12671-018-0885-4
26. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
27. Белинская Е. П., Вечерин А. В., Агадулина Е. Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. DOI: 10.17759/cpse.2018070312
28. Jemmot J. B., Ditto P. H., Croyle R. N. Judging health status: effects of perceived prevalence and personal relevance // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50. № 5. P. 899–905. DOI: 10.1037//0022-3514.50.5.899

original article

Mass Information Requests during the COVID-19 Pandemic: Psychological Determinants and Specific Features

Elena P. Belinskaya

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow; <https://publons.com/researcher/2675973>; elena_belinskaya@list.ru

Elena O. Tsikina

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Elena A. Stolbova

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Received 15 Apr 2021. Accepted 17 May 2021.

Abstract: The present research featured on-line behavior during the COVID-19 pandemic. As the situation escalated, the number of information requests related to the pandemic decreased, and the content characteristics of search queries became relatively independent from official statements of the Russian government. Early in the epidemic, the content of mass search queries shifted towards positive information as a result of the counter-regulation effect, which required the introduction of personal and situational predictors into the analysis. The main stage of the research revealed an obvious personal / collective dichotomy and the ambivalent nature of risk assessment, responsibility attribution, and subjective control. COVID-19 patients and healthy users demonstrated little difference in the on-line search behavior; however, the difference in their current affective state was quite significant. The problem-oriented strategies of proactive coping (reflexive, strategic, and preventive coping) were connected with emotional preferences in information search, while personal involvement was one of awareness parameters.

Keywords: information search, mindfulness, proactive coping, affective states, counterregulation effect, subjective control

Citation: Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. Mass Information Requests during the COVID-19 Pandemic: Psychological Determinants and Specific Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 427–437. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-427-437>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00516 "Transitive and virtual spaces – similarities and differences".

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Nestik T. A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis. *Institut psikhologii Rossiiskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2020, 5(2): 47–83. (In Russ.) DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
2. Fetzter T., Witte M., Hensel L., Jachimowicz J. M., Haushofer J., Ivchenko A., Caria S., Reutskaja E., Roth C., Fiorin S., Gomez M., Kraft-Todd G., Goetz F. M., Yoeli E. *Measuring worldwide COVID-19 attitudes and beliefs*. 2020. Available at: <https://osf.io/3sn2k/> (accessed 2 Apr 2021).
3. Akimenko G. V., Kirina Yu. Yu., Nacheva L. V., Seledtsov A. M. Psychology of the epidemic: how a pandemic (COVID-19) affects the psyche of people. *Humanities and social sciences bulletin*, 2020, 1(4): 45–54. (In Russ.)
4. Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kazmina O. U. Dynamics of psychological reactions at the start of the pandemic COVID-19. *Psychological-Educational Studies*, 2020, 12(2): 102–126. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
5. Kharlamenkova N. E., Bykhovets Iu. V., Dan M. V., Nikitina D. A. *Experiencing uncertainty and anxiety in during the COVID-19 pandemic*. 2020. Available at: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (accessed 15.04.2021). (In Russ.)
6. Rasskazova E. I., Leontiev D. A., Lebedeva A. A. Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 90–108. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280205
7. Jacobson N. C., Lekkas D., Price G., Heinz M., Song M., O'Malley A. J., Barr P. J. Flattening the mental health curve: COVID-19 stay-at-home orders result in alterations in mental health search behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, 2020, 7(6). DOI: 10.31234/osf.io/24v5b
8. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: from medical staff to common people. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 87: 23–24. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.03.032
9. Karpova E. B., Nikolaeva E. A. Negative psycho-emotional consequences of the COVID-19 pandemic in risk groups. *National Psychological Journal*, 2020, (3): 66–74. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2020.0310
10. Lukovtseva Z. V. The COVID-19 pandemic as a social stressor: psychological and psychiatric risk factors (based on foreign studies). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020, 11(4): 13–25. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110402
11. Baranova V. A., Dubovskaya E. M., Savina O. O. Life experience and resources for overcoming the difficulties of social isolation in the first period of the COVID-19 pandemic among students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2021, 12(1): 10–25. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2021120102
12. Yaremchuk S. V., Bakina A. V. Subjective well-being in early adulthood and psychological distance to the objects of the socio-psychological space during COVID-19 pandemic. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2021, 12(1): 26–43. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2021120103
13. Yu H., Li M., Li Z., Xiang W., Yuan Y., Liu Y., Li Z., Xiong Z. Coping style, social support and psychological distress in the general Chinese population in the early stages of the COVID-19 epidemic. *BMC Psychiatry*, 2020, 20. DOI: 10.1186/s12888-020-02826-3
14. Rasskazova E. I., Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. Radical beliefs about the causes, manifestations and consequences of coronavirus: the psychological content and their relationship with behavior. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2020, (2): 62–82. (In Russ.) DOI: 10.11621/vsp.2020.02.04
15. Fancourt D., Bu F., Wan Mak H., Steptoe A. *Covid-19 Social Study*. 2020, 48. Available at: https://allcatsrgrey.org.uk/wp/download/public_health/3d9db5_d663978c3aa743b69751b3fb2c4a864b.pdf (accessed 2 Apr 2021).
16. Barros J. M., Melia R., Francis K., Bogue J., O'Sullivan M., Young K., Bernert R. A., Rebholz-Schuhmann D., Duggan J. The validity of Google Trends search volumes for behavioral forecasting of national suicide rates in Ireland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, 16(17). DOI: 10.3390/ijerph16173201
17. Greving H., Sassenberg K. Threatened individuals prefer positive information during Internet search: An experimental laboratory study. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2018, 12(1). DOI: 10.5817/CP2018-1-6

18. Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. The dynamics of information search queries about COVID-19 at the self-isolation stage. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020, 11(4): 105–119. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110408
19. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, 395: 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
20. Kubrak T. A., Latynov V. V. Opportunities and limitations of information-psychological influence in the situation of the coronavirus pandemic. *Institut psikhologii Rossiiskoy akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2020, 5(2): 84–114. (In Russ.) DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.003
21. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the "vicious circle" of anxiety? *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 70–89. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280204
22. Haass R. The pandemic will accelerate history rather than reshape it. Not every crisis is a turning point. *Foreign Affairs*, 07.04.2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it> accessed 2 Apr 2021).
23. Nestik T. A., Nikolaev E. L. Relationship between attitudes to global risks, fears of personal death, and proactive coping: an empirical study. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2020, 17(4): 812–821. (In Russ.) DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-812-821
24. Belinskaya E. P., Djuraeva M. R. The relationship between proactive coping with difficult life situations and the level of mindfulness: a cross-cultural analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, 11(1): 48–62. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu16.2021.103
25. Keng S.-L., Choo X., Tong E. M. V. Association between trait mindfulness and variability of coping strategies: a diary study. *Mindfulness*, 2018, 9(5): 1423–1432. DOI: 10.1007/s12671-018-0885-4
26. Osin E. N. Measuring positive and negative affect: development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012, 9(4): 91–110. (In Russ.)
27. Belinskaya E. P., Veherin A. V., Agadullina E. R. Proactive coping inventory: adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 2018, 7(3): 192–211. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2018070312
28. Jemmott J. B., Ditto P. H., Croyle R. N. Judging health status: effects of perceived prevalence and personal relevance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, 50(5): 899–905. DOI: 10.1037//0022-3514.50.5.899

оригинальная статья

УДК 159.9.072

Моральная травма: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностике и психотерапии

Руслан Васитович Кадыров

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Ольга Борисовна Дмитриева

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, г. Владивосток; olga-dmitrieva-99@mail.ru

Поступила в редакцию 23.05.2021. Принята в печать 15.06.2021.

Аннотация: Проведен обзор зарубежных исследований, цель которого – обобщить и систематизировать психологические работы, направленные на выяснение причин возникновения моральной травмы, а также работы по ее диагностике и психотерапии. Рассматривая в качестве предмета исследования моральную травму, авторы установили, что в работах зарубежных авторов чаще всего предполагается, что данное явление не является психической патологией. Метод анализа доступных работ показал, что моральную травму определяют как синдром, который характеризуется чувством стыда и вины, навязчивыми мыслями вследствие невозможности предотвращения своих действий или действий других людей. Авторы статьи предпринимают попытку разграничения понятий *посттравматическое стрессовое расстройство* и *моральная травма*. В статье раскрываются как различия, так и сходства данных психологических дефиниций. В ходе обзора теоретических исследований в области психотерапии моральной травмы приводятся примеры методов оказания первой психологической помощи; описываются способы применения психотерапии для психологов, медицинских работников и других лиц. В заключение сделан акцент на том, что все исследования по проблеме моральной травмы проводились до настоящего времени в зарубежных странах. В России исследования моральной травмы, ее сравнение с другими психическими явлениями только набирают обороты.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, моральный вред, моральный ущерб, потенциальные факторы риска, психотерапия моральной травмы

Цитирование: Кадыров Р. В., Дмитриева О. Б. Моральная травма: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностике и психотерапии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 438–446. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-438-446>

Введение

На современном этапе развития клинической психологии понятия посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и моральной травмы часто используются совместно. Проблемой моральной травмы активно занимаются многие зарубежные ученые, в том числе А. Брайтман, К. Буркман, Б. Гриффин, К. Дрехер, Б. Литц, С. Магвен, Н. Парцель и др.

Анализ проблематики показал, что в контексте изучения феномена ПТСР зарубежных исследователей все чаще привлекает концепция моральной травмы (морального вреда, морального ущерба) [1]. Она разрабатывалась в рамках изучения у респондентов психологических проблем, вызванных военной службой во время войны (военнослужащие, врачи и прочий персонал). В настоящее время данная проблема получила развитие в связи с изучением потенциальных факторов риска моральной травмы, которые могут быть применимы к этим и другим профессиям во время распространения пандемии COVID-19 [2]. Так, Р. Вильямс, Дж. Брундаж и Э. Вильямс отмечают, что во время пандемии врачи, психотерапевты, психологи, работающие в больницах, сталкиваются с риском смерти пациента, а также личным риском для собственного здоровья, что,

по мнению авторов, может затронуть глубочайшие основы бытия личности специалиста и нарушить систему его профессиональных функций. Таким образом, пандемия еще более усложнила реалии поддержания этики отношений врачей, психотерапевтов, психологов, пациентов и их родственников [3].

Моральная травма, или моральный вред (*moral injury*), – это переживание совершенного действия, неспособности предотвратить действие или свидетельства действий других, которые нарушают глубоко укоренившиеся собственные моральные убеждения и ожидания человека. Часто моральная травма описывается как синдром, характеризующийся виной, стыдом и навязчивыми самоосуждающими мыслями.

Ряд исследователей (П. Бартзак [4], Б. Литц и др. [5], А. Контрактор, К. Донданвилл, Е. Фоа, Дж. Минтц, А. Петерсон и др.) считают, что моральная травма входит в симптомокомплекс ПТСР. Другие исследователи проблемы (М. Беард [6], Х. Барнес, Р. Харлей, К. Табер, К. Папазоглоу и Б. Чопко [7] и др.) утверждают, что моральная травма имеет отдельный от ПТСР симптомокомплекс, который нуждается в специфической психотерапии.

При этом для клиницистов и клинических психологов остаются нераскрытыми следующие ключевые вопросы, касающиеся ПТСР и моральной травмы: Как диагностировать моральную травму? Является ли она недостающим или дополнительным элементом ПТСР? Нужны ли при диагностировании моральной травмы у индивидуумов дополнительные методы изучения и психотерапия? В целом эти и другие имеющиеся вопросы требуют как разработки шкал для измерения роли вредных событий и симптомов моральной травмы, так и разработки эффективных мероприятий по устранению их последствий.

Цель данного обзора – обобщить и систематизировать работы зарубежных исследователей, направленные на выяснение причин возникновения моральной травмы, ее диагностики и психотерапии.

Материалы и методы. Основными материалами для исследования послужили статьи о моральной травме зарубежных ученых США и Европы. Основным методом исследования стал сравнительный анализ литературных источников с последующим синтезом выявленной информации.

Моральная травма и ПТСР

Анализ работ в рамках исследуемой проблемы позволил выяснить, что моральная травма не классифицируется как психическое расстройство. К. Дрехер и др. [8], Б. Литц и др. [5], С. Магвен и др. [9] отмечают в своих работах, что это «мерная проблема», которая может иметь глубокое воздействие на критические области эмоционального, психологического, поведенческого, социального и духовного функционирования.

Появившаяся недавно в научной литературе концепция морального ущерба рассматривает моральную травму как отдельный аспект воздействия, в отличие от ПТСР [8]. Она была описана как синдром, характеризующийся чувствами вины, стыда, навязчивыми мыслями и самоосуждением. По определению DSM-V¹, моральная травма имеет и некоторое сходство с ПТСР, особенно в аффективной области.

В DSM первоначально ПТСР было определено как «нормальная реакция на ненормальные ситуации»², ответ на что-то настолько страшное, что это «вызывает значительные бедственные симптомы почти у всех» [10]. DSM периодически пересматривается, и ПТСР в различных его редакциях рассматривается то как норма, то как психическое отклонение. В DSM-IV оно определено как «психическое расстройство»; при этом для получения диагноза ПТСР человек должен стать свидетелем событий, связанных «с фактической или угрожаемой смертью или серьезной травмой, угрозой физической неприкосновенности себя

или других, и отреагировать на это событие сильным страхом, беспомощностью или ужасом» [10].

В контексте изучения феномена ПТСР зарубежных исследователей все чаще привлекает концепция моральной травмы [1]. Анализ литературы позволил выявить, что, несмотря на давний интерес к исследованию проблемы, в настоящее время нет единого определения моральной травмы. Часто в зарубежной психологии используют как синонимичные термины *моральная травма*, *моральный ущерб*, *моральный вред* [11].

Так, под моральной травмой, или опытом потенциально морально вредных событий, В. Вильямсон и др. понимают глубокий психологический стресс, который является результатом действий (или их отсутствием), нарушающих моральные или этические принципы человека. Моральная травма включает акты совершения (или бездействия), опыт предательства со стороны руководителей или доверенных лиц [2].

К. Дрехер и др. определяют моральный ущерб как «нарушение доверия и ожиданий человека относительно собственной или чужой мотивации к способности вести себя правильно в соответствии с этическими убеждениями» [8, p. 9]. Б. Литц и др. описывают моральный ущерб как нарушение, возникающее в результате «неспособности контекстуализировать, оправдывать и приспособиться к собственным действиям на основе опыта в уже существующих моральных схемах» [12, p. 705]. Д. Силвер пишет о глубокой ране души, которая пронзает личность человека, его чувство морали и отношение к обществу [13].

А. Джемтон дает определение моральной травме как моральному бедствию – такой кризисной ситуации у человека, в которой ничего нельзя сделать, поскольку способность обеспечить оптимальный выход является относительной [14].

Дж. Шей определяет моральную травму как физическое недомогание или психологическое страдание, которое выражается в мышечном напряжении, головных болях, желудочно-кишечных расстройствах, бессоннице, в появлении чувства вины, разочарования, беспомощности, стыда и беспокойства. Он делает акцент на том, что такие чувства часто испытывают многие медицинские работники [15]. Р. Вильямс, Дж. Брундаж и Э. Вильямс в своей работе подчеркивают, что у медицинских работников моральный вред может привести к профессиональному выгоранию и решению оставить профессию [3].

Заметим, что моральная травма как самостоятельный синдром не была включена в DSM-V или МКБ-11³ по причине отсутствия консенсуса в отношении ее характера и неопределенности в том, как измерить данный синдром в клинических условиях.

¹ Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th ed. (DSM-5). 2013. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

³ ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics (ICD-11 MMS). WHO, 2019. Режим доступа: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en> (дата обращения: 11.04.2021).

В рамках разграничения понятий ПТСР и моральной травмы отметим, что не у каждого индивидуума с ПТСР будет развиваться моральный ущерб, т. к. это явление возникает из-за значительного диссонанса с системой убеждений человека и мировоззрением [16]. И хотя травматическое событие рассматривается в качестве основной причины ПТСР, анализ имеющихся по данной проблеме исследований показывает, что подобное событие занимает второстепенную роль в формировании моральной травмы, поскольку последняя определяется самооценкой.

Кроме того, исследования Н. Штайна и др. показывают, что моральные травмы, являющиеся стимулом к развитию ПТСР, более тесно связаны с эмоциями, которые развивались после события, чем с эмоциями, испытанными во время события [17].

В целом попытки разграничить ПТСР и моральную травму на основе анализа доступных источников позволили выявить следующее:

- 1) имеющиеся трудности в различении анализируемых понятий – являются ли они отдельными, последовательными или одновременными – возникают из-за отсутствия ясности в определении концепций ПТСР и морального ущерба;
- 2) механизмы формирования, степень выраженности состояния, нейрпатологические изменения, а также роль духовности могут создавать как защитные факторы, так и уязвимости;
- 3) при текущем состоянии имеющихся исследований установление четких различий между ПТСР и моральным ущербом остается проблематичным [1].

Вместе с тем интересные результаты в рамках установления различий между ПТСР и моральной травмой были получены нейробиологами. Проведенные Б. Литцем, П. Резиком, А. Рэймаджем и др. исследования были направлены на выяснение того, какие отделы головного мозга задействованы при ПТСР и моральной травме (рис.). Авторами предполагалось, что ПТСР является результатом угроз жизни и обусловленного страха. В исследованиях на основе метаболизма глюкозы с использованием позитронно-эмиссионной томографии оценивалась нейронная

функция: как при травмах, связанных со страхом, так и в контрольных группах – при травмах, не связанных с опасностью для жизни. Полученные результаты показали, что отрицательные самореферентные эмоции (прежде всего страх, который лежит в основе моральной травмы) связаны с повышенным метаболизмом в миндалине – части лимбической системы мозга (на рисунке отмечено красным). В то время как травмы, не связанные с опасностью для жизни, были связаны с более высоким метаболизмом в предклинье (*precuneus*) (выделено синим цветом) [18].

А. Сан и др. также отмечают некоторое (частичное) отличие нейронных коррелятов ПТСР и моральных травм [19]. Это позволяет предположить, что протекающие при этом основные нейробиологические процессы могут отличаться.

Концепции, объясняющие причины возникновения моральной травмы

Первоначальное исследование психологов в области моральной травмы было основано на работе с ветеранами войны во Вьетнаме. Оно было сосредоточено на неудачах лидеров. Дж. Шей предположил, что этот вид морального ущерба требует присутствия трех обстоятельств: предательство того, что правильно, кем-то, кто обладает законной властью, в ситуации с высокими ставками [15].

Более поздние исследования морального ущерба основывались на работе с ветеранами военных действий в Ираке и Афганистане (Б. Литц и др.) и были сосредоточены на моральных неудачах индивидуума. Проводимые исследования показали, что формирование моральной травмы возникает, если человек пережил потенциально вредное событие, «совершая, не предотвращая, свидетельствуя, или узнавая о действиях, которые нарушают глубоко укоренившиеся моральные убеждения и ожидания» [12, р. 697]. Как следствие, данные морально-этические нарушения приводят к «длительному психологическому, биологическому, духовному, поведенческому и социальному воздействию» [12, р. 697].

Причины возникновения моральной травмы различны, но прежде всего – это негативная оценочная реакция на совершенное или не предотвращенное человеком действие, идущее в разрез с его моральными убеждениями и ценностями [3; 20; 21].

Боевые действия – одна из причин (но не единственная), которая может стать причиной моральной травмы. Среди других факторов – потенциальных причин моральной травмы – называют ошибки в назначаемом лечении; злоупотребления в профессиональной деятельности; управленческие решения, подвергшие риску других людей; выполнение обязанностей, с которыми категорически не согласен, и др. [2; 3].

В дальнейшем в ходе исследования проблемы среди практикующих клиницистов росло признание, что риску моральной травмы подвергаются и гражданские лица, оказавшиеся в критических для них ситуациях (например, беженцы, журналисты, члены семей военнослужащих) [22–25].

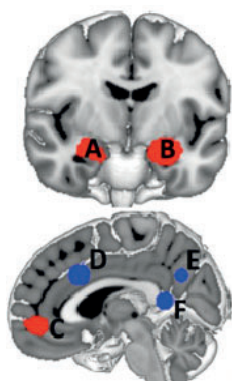

Рис. Локализация повышения метаболических процессов в структурах головного мозга при отрицательных самореферентных эмоциях
Fig. Localization of increased in the metabolic processes in the structures of the brain with negative self-referential emotions

Моральная травма может возникать в ситуациях боевых действий, когда военнослужащий:

- используя оружие, причинил вред или смерть гражданским лицам, случайно или сознательно, но без альтернативы выбора;
- отдал в бою приказ, приведший к физической травме или смерти сослуживца;
- не смог оказать медицинскую помощь пострадавшему гражданскому лицу или сослуживцу;
- не сообщил о сексуальном насилии или изнасиловании, совершенном против себя, сослуживцев или гражданского лица;
- выполнил незаконный аморальный приказ;
- изменил своей вере по необходимости или оправдываясь участием в войне, во время или после службы и т. п. [26].

Отметим, что среди основных причин развития морального вреда исследователи проблемы называют самообвинения, вопросы доверия, духовные / экзистенциальные вопросы [21; 27–30]. Среди событий, которые считаются потенциально морально вредными, С. Франкфурт и др. указывают военные / гражданские травмы, сексуальное насилие, предательство близких, убийство / самоубийство близкого человека, известия о травматических событиях [31].

Э. Джонс отмечает, что подверженные моральной травме люди обычно чувствуют себя во власти событий, способных регулировать их действия. Для некоторых индивидуумов это может подорвать их чувство смысла и места в мире, даже пошатнуть религиозные верования. Ученый предположил, что религиозные убеждения и духовность могут быть важными переменными для диагностирования уровня морального ущерба и связаны с симптомами ПТСР [20].

В ходе дальнейшего анализа работ было выяснено, что сложным аспектом изучаемой проблемы является диагностирование моральной травмы, для чего в настоящий момент существует ряд методик.

Так, в зарубежных исследованиях широко используются такие методики, как шкала MIES (Шкала событий морального вреда) и анкета MISS-M-LF (Moral Injury Questionnaire – Military version – Моральный вред – Военная версия) [32], обе из которых оценивают причины – предшествующие события – и симптомы. В последней из указанных методик (военная версия, длинная форма) содержится 45-балльная шкала симптомов моральной травмы. Она является наиболее полной, оценивающей моральную травму по 10 аспектам, включая психологические и духовные, что расширяет возможности данной методики [26].

В. Нэш и др. [33] описывают лонгитюдное исследование факторов риска и защитных факторов для профилактики ПТСР, связанного с боевыми действиями, которое проводилось у морских пехотинцев наземного боя с использованием шкалы MIES. В применяемой методике было выбрано равномерное число вариантов ответа с целью исключения нейтральных ответов. Два элемента были с противоположным ключом; баллы шкалы генерировались

путем обратного кодирования этих двух элементов, а затем производилось суммирование по элементам, причем более высокий балл указывал на то, что исследуемые испытали большую интенсивность событий. MIES была применена в 2-х группах у более чем 1 тыс. морских пехотинцев, участвующих в исследовании.

MIES в исходном исследовании использовалась дважды. В одной из групп (группа № 1, 533 участника) – через неделю после внедрения методики и через 3 месяца после внедрения. Дополнительные анализы были проведены в группе № 2 (506 участников), где MIES использовалась только один раз – через 6 месяцев после внедрения. Как указывают организаторы проведенного исследования, полученные в его ходе результаты позволили Институциональным наблюдательным советам Калифорнийского университета в Сан-Диего, Исследовательской службы штата Вирджиния в Сан-Диего и Исследовательского центра военно-морского здравоохранения одобрить исследование морального вреда, включающее MIES [34].

С. Брайан и др. в дальнейшем проводили исследовательский факторный анализ методики MIES с целью выяснения ее оптимальной структуры [35]. По мнению С. Франкфурта и П. Фразира, использование подобных шкал и опросников является необходимым в изучении воздействия морально вредного опыта [26, р. 319].

На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что трудно разработать такой спектр вопросов с возможными причинами (предшествующими событиями), который был бы не только наиболее кратким, но и наиболее этичным (чтобы не содействовать возникновению дополнительного травмирующего фактора).

Таким образом, в настоящее время нет однозначных критериев оценивания событий, предшествующих возникновению моральной травмы; методики и шкалы по изучению психодиагностических критериев моральной травмы еще разрабатываются.

Психотерапия моральной травмы

Отметим, что основное назначение психотерапии – помощь человеку в преодолении внутренних конфликтов, а также конфликтов, возникающих при осознании потребностей человека и требований, предъявляемых к нему обществом.

Психологи, владея ресурсами для оказания помощи пациентам (моделями здорового сна, правильного питания, регулярных физических упражнений и методами управления стрессом) и распространяя их, имеют уникальные возможности для сохранения эмоциональной безопасности своих клиентов. Кроме того, они могут применять принципы первой психологической помощи при взаимодействии не только с пациентами, но и коллегами, что будет способствовать моральной устойчивости специалистов здравоохранения. Однако, как отмечают Р. Вильямс, Дж. Брундаж и Э. Вильямс, психотерапевты не были обучены для работы по вопросам морали [3].

Анализ имеющихся работ в рамках психотерапии моральной травмы показал, что в настоящий момент довольно эффективные методы психотерапии были разработаны рядом американских специалистов. Ими было доказано, что наиболее эффективным методом лечения моральных травм является групповая терапия. Методики групповой терапии использует в своей программе морального восстановления Военно-морской медицинский центр моральной травмы в г. Сан-Диего, который является первым в своем роде. По-видимому, ветераны и военнослужащие оказываются более способными озвучивать свои эмоции и боль; поэтому они общаются с другими людьми, испытавшими подобные травмы [35].

В Великобритании клиницисты для устранения различных видов травмы используют когнитивно-поведенческую терапию и терапию сострадания. Э. Джонс указывает, что основная цель используемых терапий основана на необходимости помочь человеку переосмыслить вредное событие таким образом, чтобы у него была возможность объективно оценить произошедшие травмирующие ситуации. Автор описывает использование психодинамической терапии, которая помогает решить основные проблемы моральной травмы – преодолеть возникшие чувства вины и стыда – через исследование себя. При этом Э. Джонс подчеркивает, что данная терапия сосредоточена не только на вредном событии. Она может включать в себя репаративную деятельность, например для тех, кто пострадал в результате военных действий. Это может быть выполнение какой-либо добровольной работы (т. е. волонтерство) [20].

Реалии настоящего момента – в период COVID-19 – показывают, что актуальной в рамках психотерапии моральной травмы является первая психологическая помощь медицинскому персоналу, которая осуществляется на основе использования онлайн-связи психологов с персоналом. Оказание психотерапевтической помощи заключается в проведении практик осознанности, обучении персонала методам, способствующим регулированию эмоций, снижению депрессии и тревоги. В ходе такого онлайн-общения у персонала восстанавливаются связи с личными ценностями и убеждениями, что может создать чувство безопасности, восстановить силы для дальнейшей работы в условиях COVID-19 [3].

Заключение

В качестве синонима термина *моральная травма* в работах зарубежных исследователей применяются такие термины, как моральный стресс, моральный ущерб, моральный вред.

Литература

1. Bélanger S. A. H., Cramm H., Fletcher K., Demers J.-S. PTSD vs. moral injury: a scoping review // Journal of Military, Veteran and Family Health. 2018. Vol. 4. № 1. P. 2–4. DOI: 10.3138/jmvfh.4.1.002
2. Williamson V., Murphy D., Greenberg N. COVID-19 and experiences of moral injury in front-line key workers // Occupational Medicine. 2020. Vol. 70. № 5. P. 317–319. DOI: 10.1093/occmed/kqaa052

Многие исследователи (K. Burkman, B. Griffin, K. Drescher, B. Litz, S. Maguen, N. Purcell и др.) определяют моральную травму как переживание совершенного действия, неспособности его предотвратить или свидетельство действий других людей, которые нарушают глубоко укоренившиеся моральные убеждения и ожидания человека.

Данный феномен сравнивают с ПТСР. Ряд авторов считают моральную травму компонентом ПТСР (P. Bartzak, S. Belanger, A. Contractor, H. Cramm, B. Litz, C. Rhodes, K. Dondanville, A. Jordan, E. Foa, J. Yarvis, S. Young-McCaughan, J. Mintz, A. Peterson, P. Resick и др.). Другие считают, что моральная травма является отдельным синдромом (H. Barnes, M. Beard, B. Chopko, R. Hurley, K. Papazoglou, K. Taber и др.).

Среди основных причин возникновения моральной травмы называют физическое и психическое насилие и другие травмирующие ситуации (K. Burkman, M. Calhoun, J. Currier, B. DeBeer, A. Feinstein, S. Frankfurt, B. Griffin, W. Haight, J. Holland, S. Morissette, B. Pavisian, N. Purcell, L. Rojas-Flores, H. Storm, E. Sugrue и др.). В последние месяцы появились публикации о возникновении моральной травмы в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (J. Brundage, N. Greenberg, D. Murphy, E. Williams, R. Williams, V. Williamson и др.).

В настоящий момент методики и шкалы по изучению моральной травмы еще разрабатываются. Психотерапевтическая работа в области помощи по преодолению последствий моральной травмы также требует дальнейшей разработки. Имеющиеся методы психотерапии, основанные на групповой, психодинамической и других ориентированных терапиях, были разработаны рядом американских и британских специалистов, как правило, на базе исследований, проводимых с военнослужащими.

Проведенный анализ работ позволяет утверждать, что моральная травма как феномен является вызовом для психотерапии и клинической психологии. Определение ее значения в ПТСР – поле для новых идей, поиска новых методик изучения и методов психотерапии данного явления. Анализируемая проблема актуальна и для России, где исследования моральной травмы только начинаются.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

3. Williams R. D., Brundage J. A., Williams E. B. Moral injury in times of COVID-19 // *Journal of Health Service Psychology*. 2020. Vol. 46. № 2. P. 65–69. DOI: 10.1007/s42843-020-00011-4
4. Bartzak P. J. Moral injury is the wound: PTSD is the manifestation // *Medsurg Nursing*. 2015. Vol. 24. № 3. P. 10–11.
5. Litz B. T., Contractor A. A., Rhodes C., Dondanville K. A., Jordan A. H., Resick P. A., Foa E. B., Young-McCaughan S., Mintz J., Yarvis J. S., Peterson A. L. Distinct trauma types in military service members seeking treatment for posttraumatic stress disorder // *Journal of Traumatic Stress*. 2018. Vol. 31. № 2. P. 286–295. DOI: 10.1002/jts.22276
6. Beard M. T. Distinguishing PTSD from moral injury: conceptual and experiential approaches // *The Australasian Association of Philosophy*, at Macquarie University on July 9th, 2015. Режим доступа: <https://www.academia.edu/13862065/> (дата обращения: 12.04.2021).
7. Papazoglou K., Chopko B. The role of moral suffering (moral distress and moral injury) in police compassion fatigue and PTSD: an unexplored topic // *Front. Psychol.* 2017. Vol. 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01999
8. Drescher K. D., Foy D. W., Kelly C., Leshner A., Schutz K., Litz B. An exploration of the viability and usefulness of the construct of moral injury in war veterans // *Traumatology*. 2011. Vol. 17. № 1. P. 8–13. DOI: 10.1177/1534765610395615
9. Maguen S., Lucenko B. A., Reger M. A., Gahm G. A., Litz B. T., Seal K. H., Knight S. J., Marmar C. R. The impact of reported direct and indirect killing on mental health symptoms in Iraq war veterans // *Journal of Traumatic Stress*. 2010. Vol. 23. № 1. P. 86–90. DOI: 10.1002/jts.20434
10. Caplan P. J. When Johnny and Jane come marching home: how all of us can help veterans. Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 282 p.
11. Rozek D. C., Bryan C. J. A cognitive behavioral model of moral injury // *Addressing moral injury in clinical practice* / eds. J. M. Currier, K. D. Drescher, J. Nieuwsma. American Psychological Association, 2021. P. 19–33. DOI: 10.1037/0000204-002
12. Litz B. T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W. P., Silva C., Maguen S. Moral injury and moral repair in war veterans: a preliminary model and intervention strategy // *Clinical Psychology Review*. 2009. Vol. 29. № 8. P. 695–706. DOI: 10.1016/j.cpr.2009.07.003
13. Silver D. Beyond PTSD: Soldiers have injured souls. 03.09.2011. Режим доступа: <https://truthout.org/articles/beyond-ptsd-soldiers-have-injured-souls/> (дата обращения: 12.04.2021).
14. Jameton A. *Nursing practice: The ethical issues*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984. 331 p.
15. Shay J. Moral injury // *Psychoanalytic Psychology*. 2014. Vol. 31. № 2. P. 182–191. DOI: 10.1037/a0036090
16. Williamson V., Stevelink S. A. M., Greenberg N. Occupational moral // *Br J Psychiatry*. 2018. Vol. 212. № 6. P. 339–346. DOI: 10.1192/bjp.2018.55
17. Stein N. R., Mills M. A., Arditte K., Mendoza C., Borah A. M., Resick P. A., Litz B. T. A scheme for categorizing traumatic military events // *Behavior Modification*. 2012. Vol. 36. № 6. P. 787–807. DOI: 10.1177/0145445512446945
18. Ramage A. E., Litz B. T., Resick P. A., Woolsey M. D., Dondanville K. A., Young-McCaughan S., Borah A. M., Borah E. V., Peterson A. L., Fox P. T. Regional cerebral glucose metabolism differentiates danger- and non-danger-based traumas in post-traumatic stress disorder // *Soc Cogn Affect Neurosci*. 2016. Vol. 11. № 2. P. 234–242. DOI: 10.1093/scan/nsv102
19. Sun D., Phillips R. D., Mulready H. L., Zablonski S. T., Turner J. A., Turner M. D., McClymond K., Nieuwsma J. A., Morey R. A. Resting-state brain fluctuation and functional connectivity dissociate moral injury from posttraumatic stress disorder // *Depress Anxiety*. 2019. Vol. 36. № 5. P. 442–452. DOI: 10.1002/da.22883
20. Jones E. Moral injury in a context of trauma // *Br J Psychiatry*. 2020. Vol. 216. № 3. P. 127–128. DOI: 10.1192/bjp.2020.46
21. Farnsworth J. K., Drescher K. D., Nieuwsma J. A., Walser R. B., Currier J. M. The role of moral emotions in military trauma: implications for the study and treatment of moral injury // *Review of General Psychology*. 2014. Vol. 18. № 4. P. 249–262. DOI: 10.1037/gpr0000018
22. Griffin B. J., Purcell N., Burkman K., Litz B. T., Bryan C. J., Schmitz M., Villierme C., Walsh J., Maguen S. Moral injury: an integrative review // *J Trauma Stress*. 2019. Vol. 32. № 3. P. 350–362. DOI: 10.1002/jts.22362
23. Currier J. M., Holland J. M., Rojas-Flores L., Herrera S., Foy D. Morally injurious experiences and meaning in Salvadorian teachers exposed to violence // *Psychol Trauma*. 2015. Vol. 7. № 1. P. 24–33. DOI: 10.1037/a0034092
24. Haight W., Sugrue E., Calhoun M., Black J. A scoping study of moral injury: identifying directions for social work research // *Children and Youth Services Review*. 2016. Vol. 70. P. 190–200. DOI: 10.1016/j.childyouth.2016.09.026
25. Feinstein A., Pavisian B., Storm H. Journalists covering the refugee and migration crisis are affected by moral injury not PTSD // *JRSM Open*. 2018. Vol. 9. № 3. DOI: 10.1177/2054270418759010
26. Frankfurt S., Frazier P. A. A review of research on moral injury in combat veterans // *Military Psychology*. 2016. Vol. 28. № 5. P. 318–330. DOI: 10.1037/mil0000132
27. Hodgson T. J., Carey L. B. Moral injury and definitional clarity: betrayal, spirituality and the role of chaplains // *J Relig Health*. 2017. Vol. 56. № 4. P. 1212–1228. DOI: 10.1007/s10943-017-0407-z

28. Cunningham K. C., Davis J. L., Wilson S. M., Resick P. A. A relative weights comparison of trauma-related shame and guilt as predictors of DSM-5 posttraumatic stress disorder symptom severity among US veterans and military members // *Br J Clin Psychol.* 2018. Vol. 57. № 2. P. 163–176. DOI: 10.1111/bjc.12163
29. Vermetten E. J., Jetly R. A critical outlook on combat-related PTSD: review and case reports of guilt and shame as drivers for moral injury // *Mil Behav Health.* 2018. Vol. 6. № 2. P. 156–164. DOI: 10.1080/21635781.2018.1459973
30. Zerach G., Levi-Belz Y. Moral injury process and its psychological consequences among Israeli combat veterans // *J Clin Psychol.* 2018. Vol. 74. № 9. P. 1526–1544. DOI: 10.1002/jclp.22598
31. Frankfurt S. B., DeBeer B. B., Morissette S. B., Kimbrel N. A., La Bash H., Meyer E. C. Mechanisms of moral injury following military sexual trauma and combat in post9/11 U.S. war veterans // *Front Psychiatry.* 2018. Vol. 9. Art. 520. DOI: 10.3389/fpsyt.2018.00520
32. Currier J. M., McCormick W., Drescher K. D. How do morally injurious events occur? A qualitative analysis of perspectives of veterans with PTSD // *Traumatology.* 2015. Vol. 21. № 2. P. 106–116. DOI: 10.1037/trm0000027
33. Nash W. P., Carper T. L. M., Mills M. A., Au T., Goldsmith A., Litz B. T. Psychometric evaluation of the moral injury events scale // *Military Medicine.* 2013. Vol. 178. № 6. P. 646–652. DOI: 10.7205/MILMED-D-13-00017
34. Wood D. Healing. Can we treat moral wounds? // *Moral Injury.* 20.03.2014. Режим доступа: <http://projects.huffingtonpost.com/moral-injury/healing> (дата обращения: 06.03.2021).
35. Bryan C. J., Bryan A. B. O., Anestis M. D., Anestis J. C., Green B. A., Etienne N., Morrow C. E., Ray-Sannerud B. Measuring moral injury: psychometric properties of the moral injury events scale in two military samples // *Assessment.* 2016. Vol. 23. № 5. P. 557–570. DOI: 10.1177/1073191115590855

original article

Moral Injury: Modern Approaches to the Definition of the Concept, Etiology, Diagnosis, and Psychotherapy

Ruslan V. Kadyrov

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok;
<https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Olga B. Dmitrieva

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok;
olga-dmitrieva-99@mail.ru

Received 23 May 2021. Accepted 15 Jun 2021.

Abstract: In this article, the authors reviewed foreign publications on the issue of moral injury, its causes, diagnosis, and psychotherapy. Foreign experts do not consider this phenomenon as a mental pathology. They define it as a syndrome characterized by a sense of shame, guilt, and obsessive thoughts as a consequence of one's inability to prevent one's own actions or the actions of other people. The authors made an attempt to compare and contrast the concepts of "post-traumatic stress disorder" and "moral injury". The review also featured psychotherapy of moral injury and methods of psychological first aid to different categories of people, e.g. psychologists, medical workers, and others. Unfortunately, the issue of moral injury still remains largely understudied in domestic science.

Keywords: post-traumatic stress disorder, moral injury, moral damage, potential risk factors, psychotherapy of moral trauma

Citation: Kadyrov R. V., Dmitrieva O. B. Moral Injury: Modern Approaches to the Definition of the Concept, Etiology, Diagnosis and Psychotherapy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 438–446. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-438-446>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Bélanger S. A. H., Cramm H., Fletcher K., Demers J.-S. PTSD vs. moral injury: a scoping review. *Journal of Military, Veteran and Family Health*, 2018, 4(1): 2–4. DOI: 10.3138/jmvfh.4.1.002

2. Williamson V., Murphy D., Greenberg N. COVID-19 and experiences of moral injury in front-line key workers. *Occupational Medicine*, 2020, 70(5): 317–319. DOI: 10.1093/occmed/kqaa052
3. Williams R. D., Brundage J. A., Williams E. B. Moral injury in times of COVID-19. *Journal of Health Service Psychology*, 2020, 46(2): 65–69. DOI: 10.1007/s42843-020-00011-4
4. Bartzak P. J. Moral injury is the wound: PTSD is the manifestation. *Medsurg Nursing*, 2015, 24(3): 10–11.
5. Litz B. T., Contractor A. A., Rhodes C., Dondanville K. A., Jordan A. H., Resick P. A., Foa E. B., Young-McCaughan S., Mintz J., Yarvis J. S., Peterson A. L. Distinct trauma types in military service members seeking treatment for posttraumatic stress disorder. *Journal of Traumatic Stress*, 2018, 31(2): 286–295. DOI: 10.1002/jts.22276
6. Beard M. T. Distinguishing PTSD from moral injury: conceptual and experiential approaches. *The Australasian Association of Philosophy*, at Macquarie University on July 9th, 2015. Available at: <https://www.academia.edu/13862065/> (accessed 12 Apr 2021).
7. Papazoglou K., Chopko B. The role of moral suffering (moral distress and moral injury) in police compassion fatigue and PTSD: an unexplored topic. *Front. Psychol.*, 2017, 8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01999
8. Drescher K. D., Foy D. W., Kelly C., Leshner A., Schutz K., Litz B. An exploration of the viability and usefulness of the construct of moral injury in war veterans. *Traumatology*, 2011, 17(1): 8–13. DOI: 10.1177/1534765610395615
9. Maguen S., Lucenko B. A., Reger M. A., Gahm G. A., Litz B. T., Seal K. H., Knight S. J., Marmar C. R. The impact of reported direct and indirect killing on mental health symptoms in Iraq war veterans. *Journal of Traumatic Stress*, 2010, 23(1): 86–90. DOI: 10.1002/jts.20434
10. Caplan P. J. *When Johnny and Jane come marching home: how all of us can help veterans*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011, 282.
11. Rozek D. C., Bryan C. J. A cognitive behavioral model of moral injury. *Addressing moral injury in clinical practice*, eds. Currier J. M., Drescher K. D., Nieuwsma J. American Psychological Association, 2021, 19–33. DOI: 10.1037/0000204-002
12. Litz B. T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W. P., Silva C., Maguen S. Moral injury and moral repair in war veterans: a preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*, 2009, 29(8): 695–706. DOI: 10.1016/j.cpr.2009.07.003
13. Silver D. *Beyond PTSD: Soldiers have injured souls*. 3 Sep 2011. Available at: <https://truthout.org/articles/beyond-ptsd-soldiers-have-injured-souls/> (accessed 12 Apr 2021).
14. Jameton A. *Nursing practice: The ethical issues*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1984, 331.
15. Shay J. Moral injury. *Psychoanalytic Psychology*, 2014, 31(2): 182–191. DOI: 10.1037/a0036090
16. Williamson V., Stevelink S. A. M., Greenberg N. Occupational moral. *Br J Psychiatry*, 2018, 212(6): 339–346. DOI: 10.1192/bjp.2018.55
17. Stein N. R., Mills M. A., Arditte K., Mendoza C., Borah A. M., Resick P. A., Litz B. T. A scheme for categorizing traumatic military events. *Behavior Modification*, 2012, 36(6): 787–807. DOI: 10.1177/0145445512446945
18. Ramage A. E., Litz B. T., Resick P. A., Woolsey M. D., Dondanville K. A., Young-McCaughan S., Borah A. M., Borah E. V., Peterson A. L., Fox P. T. Regional cerebral glucose metabolism differentiates danger- and non-danger-based traumas in post-traumatic stress disorder. *Soc Cogn Affect Neurosci*, 2016, 11(2): 234–242. DOI: 10.1093/scan/nsv102
19. Sun D., Phillips R. D., Mulready H. L., Zablonski S. T., Turner J. A., Turner M. D., McClymond K., Nieuwsma J. A., Morey R. A. Resting-state brain fluctuation and functional connectivity dissociate moral injury from posttraumatic stress disorder. *Depress Anxiety*, 2019, 36(5): 442–452. DOI: 10.1002/da.22883
20. Jones E. Moral injury in a context of trauma. *Br J Psychiatry*, 2020, 216(3): 127–128. DOI: 10.1192/bjp.2020.46
21. Farnsworth J. K., Drescher K. D., Nieuwsma J. A., Walser R. B., Currier J. M. The role of moral emotions in military trauma: implications for the study and treatment of moral injury. *Review of General Psychology*, 2014, 18(4): 249–262. DOI: 10.1037/gpr0000018
22. Griffin B. J., Purcell N., Burkman K., Litz B. T., Bryan C. J., Schmitz M., Villierme C., Walsh J., Maguen S. Moral injury: an integrative review. *J Trauma Stress*, 2019, 32(3): 350–362. DOI: 10.1002/jts.22362
23. Currier J. M., Holland J. M., Rojas-Flores L., Herrera S., Foy D. Morally injurious experiences and meaning in Salvadorian teachers exposed to violence. *Psychol Trauma*, 2015, 7(1): 24–33. DOI: 10.1037/a0034092
24. Haight W., Sugrue E., Calhoun M., Black J. A scoping study of moral injury: identifying directions for social work research. *Children and Youth Services Review*, 2016, 70: 190–200. DOI: 10.1016/j.childyouth.2016.09.026
25. Feinstein A., Pavisian B., Storm H. Journalists covering the refugee and migration crisis are affected by moral injury not PTSD. *JRSM Open*, 2018, 9(3). DOI: 10.1177/2054270418759010
26. Frankfurt S., Frazier P. A. A review of research on moral injury in combat veterans. *Military Psychology*, 2016, 28(5): 318–330. DOI: 10.1037/mil0000132
27. Hodgson T. J., Carey L. B. Moral injury and definitional clarity: betrayal, spirituality and the role of chaplains. *J Relig Health*, 2017, 56(4): 1212–1228. DOI: 10.1007/s10943-017-0407-z

28. Cunningham K. C., Davis J. L., Wilson S. M., Resick P. A. A relative weights comparison of trauma-related shame and guilt as predictors of DSM-5 posttraumatic stress disorder symptom severity among US veterans and military members. *Br J Clin Psychol*, 2018, 57(2): 163–176. DOI: 10.1111/bjc.12163
29. Vermetten E. J., Jetly R. A critical outlook on combat-related PTSD: review and case reports of guilt and shame as drivers for moral injury. *Mil Behav Health*, 2018, 6(2): 156–164. DOI: 10.1080/21635781.2018.1459973
30. Zerach G., Levi-Belz Y. Moral injury process and its psychological consequences among Israeli combat veterans. *J Clin Psychol*, 2018, 74(9): 1526–1544. DOI: 10.1002/jclp.22598
31. Frankfurt S. B., DeBeer B. B., Morissette S. B., Kimbrel N. A., La Bash H., Meyer E. C. Mechanisms of moral injury following military sexual trauma and combat in post9/11 U.S. war veterans. *Front Psychiatry*, 2018, 9: art. 520. DOI: 10.3389/fpsy.2018.00520
32. Currier J. M., McCormick W., Drescher K. D. How do morally injurious events occur? A qualitative analysis of perspectives of veterans with PTSD. *Traumatology*, 2015, 21(2): 106–116. DOI: 10.1037/trm0000027
33. Nash W. P., Carper T. L. M., Mills M. A., Au T., Goldsmith A., Litz B. T. Psychometric evaluation of the moral injury events scale. *Military Medicine*, 2013, 178(6): 646–652. DOI: 10.7205/MILMED-D-13-00017
34. Wood D. Healing. Can we treat moral wounds? *Moral Injury*, 20 Mar 2014. Available at: <http://projects.huffingtonpost.com/moral-injury/healing> (accessed 6 Mar 2021).
35. Bryan C. J., Bryan A. B. O., Anestis M. D., Anestis J. C., Green B. A., Etienne N., Morrow C. E., Ray-Sannerud B. Measuring moral injury: psychometric properties of the moral injury events scale in two military samples. *Assessment*, 2016, 23(5): 557–570. DOI: 10.1177/1073191115590855

оригинальная статья

УДК 159.9

Психология от конца к началу

Олег Валерьевич Лукьянов

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск; <https://orcid.org/0000-0003-3819-6988>; lukyanov7@gmail.com

Поступила в редакцию 14.05.2021. Принята в печать 04.06.2021.

Аннотация: Представлена гипотеза о радикальном изменении психологического знания в контексте наступающей эпохи. Предполагается, что актуальным направлением развития психологии является движение от обществообразной (культурно-исторической) психологии (решавшей задачу индивидуализации общества) к природосообразной психологии (задача – индивидуализация индивида). Предлагается признать своеобразное поражение психологии в «битве» за человеческое развитие, выражающееся в том, что она не смогла быть достаточно убедительной в выполнении своей миссии: согласовывать различные уровни и порядки человеческого бытия, направлять развитие человека, уменьшать риски человеческой активности, способствовать формированию у индивидов аутентичной самоидентичности. Новый образ психологии предлагается строить на основе легитимизации психологических знаний по принципу комплементарности природе – природосообразности, воплощенности психологических феноменов на всех уровнях и порядках организации жизни.

Ключевые слова: общая психология, самоидентичность, глобализация, гуманизация, ценности, развитие, идентичность, аутентичность, природосообразность

Цитирование: Лукьянов О. В. Психология от конца к началу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 447–455. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-447-455>

Введение

Прежде чем излагать мысль, которой посвящена данная статья, возможно, будет полезно договориться о центральном понятии. В данном случае это понятие природы. Отметим, что в нашем подходе, следуя за В. И. Вернадским, мы предполагаем, что человек – не просто часть природы, ее элемент, а важный фактор эволюции, фактор развития природы [1]. Человек призван возделывать природу, т. е. дополнять ее, вкладываться в природу, дополняя ее, а не истощать и изолироваться, как это происходит сейчас. Роль психологии в эволюции состоит в том, чтобы обеспечивать соединение, согласованность различных уровней и порядков организации жизни¹.

«ПРИРОДА (NATURE). Physis древних греков и natura Лукреция и Спинозы – сама реальность с ее независимостью и спонтанностью, с ее способностью к самовоспроизводству и саморазвитию. Тем самым противостоит искусству или технике (как нечто производящее само себя, в отличие от того, что сделано человеком) и божественному (как нечто развивающееся и изменчивое, в отличие от того, что неподвижно). Слово употребляется как в обобщенном (природа есть совокупность природных существ), так и в более частном (природа отдельного существа, иногда называемая его сущностью, т. е. естественная составляющая существа, его,

по выражению Аристотеля, "принцип движения и устойчивости") смысле. В обоих пониманиях противостоит сверхъестественному и культуре. Природа это все то, что существует (или производит впечатление существующего) независимо от Бога, если, конечно, не определять Бога как саму природу, и от людей» [2, с. 453].

С опорой на данное определение миссию психологии можно обозначить как соединение человека (в процессе индивидуализации) с действительностью. Предметом психологии выступают формы и способы соединения человека с действительностью (природой), ранее обозначавшиеся как психика. История психологии показала, что психика на сегодняшний день слишком обобщенное, приблизительное понятие, хаотически совмещающее в себе различные по своему происхождению явления, что и проявилось в исторической тенденции к выделению различных областей психологии.

Проблема неаутентичности в жизни и в психологии

Сегодня психология, как и образование, а с ним и многие практики и профессии неаутентичны, т. е. несамостоятельны, несамостоятельны и помещаются в сферу услуг. Услугой предлагается считать всякое знание, в том

¹ Не путать идею человека как фактора эволюции природы с идеей т. н. трансгуманизма, направленного на изменение природы как сущности человека. В трансгуманизме предлагается изменять сущность человека, и сущность человека отождествляется с природой. Мы опираемся на совершенно иной подход: сущность человека и природа не тождественны (что и определяет необходимость психологии). Сущность человека и природа взаимно открыты друг другу и выступают возможностями освобождения. Может быть, этот аспект требует специального времени для обоснований, ссылок и разъяснений, но не в данной публикации.

числе и психологическое. Принятие такого направления определяет тенденции развития психологии, которые стоило бы назвать тенденциями деградации, т. к. психология в качестве услуги – это примерно то, что случилось в сказке А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», когда Старуха захотела, чтобы «Золотая рыбка ей служила и была у нее на посылаках» (современная психология осталась у «разбитого корыта»). Настоящая, действительная, подлинная психология не может никому служить. Настоящей психологией человеку следует руководствоваться. Не лишен смысла «диагноз» современной психологии, который ставится многому в современной цивилизации – она не настоящая, т. е. не психология. Какие результаты и победы психология может предъявить? Ни люди, ни институты не выглядят сегодня более здоровыми, чем раньше. А в некоторых сферах народ упорно ищет истину в прошлом, в древних мифах, в памятниках литературы, в тайнах древних практик, в мистике, не доверяя психологам или не принимая формы их активности. Почему такой большой и «богатой» современной психологии, накопившей множество теорий, методов, имен и пр., не хватает чего-то для жизни, для развития, для счастья? [3].

История психологии прошлого столетия выглядит несколько странно. При общей для индустриальной эпохи тенденции к глобализации (финансовой, технологической) от попыток создать общую психологию психологи отказались [4; 5]. Отказавшись от попыток создать общую (единую для всех) психологию, перешли к специализации и выделению психологических дисциплин, отдельных психологических отраслей, ограничению психологических деятельностей. Специализация в психологии нарастала, в связи с этим некоторые области вообще «ушли из психологии», а некоторые закрылись в своей специализации, перестав развиваться. По законам эволюции специализация переходит в деградацию в форме потери степеней самостоятельности. Так, когда-то свободно жившие организмы становятся паразитами, потом высоко специализированными паразитами, радикально меняя свой облик и способ жизни. Потом они погибают как вид вместе с видом-хозяином. Нам представляется, что психология в качестве услуги – это симптом, который следует понимать как неизбежность деградации множества известных психологических «организмов», но, разумеется, не сразу всех [6]. Психология не имеет перспектив развития из тех систем (видов), которыми она представлена сейчас. Высокоспециализированным «видам» психологии осталось только вымирание.

При этом политологи, экономисты, футурологи полагают, что эпоха экономики услуг кончается (наступает эпоха экономики знаний), а общество потребления переходит в новую форму (информационное общество) [7]. Логично предположить, что и прежняя психология должна смениться другой, соответствующей тенденциям развития нового общества, новой эпохи. Нам следует выявить, понять новую тенденцию развития психологии. Забегая вперед, упомянем,

что в данной статье мы предлагаем следующую идею: обществуобразная (культурно-историческая) психология прошлой эпохи должна смениться природосообразной психологией. Унаследовав источники (истины) существующей психологии, следует дополнить их новыми принципами, перейти от контекста индивидуализации общества к индивидуализации индивида. Ценность психологии, т. е. желаемое направление и цель развития – это одновременно духовный (насыщенно-спокойный) и естественный, т. е. познавший природу (полезный, приятный природе, безопасно включенный в природу) человек.

Представим эту перспективу подробнее. Как известно, современная психология выделилась в отдельную науку в связи с эпохой революций, которые в свою очередь были связаны с эпохой великих открытий, которые были связаны с техническим прогрессом и т. д. [8]. При всем многообразии психологических теорий в целом психологию от XVIII до XX столетия можно назвать обществуобразной психологией, поскольку перспектива развития человека определялась развитием общества. Образ психологии был соразмерен, комплементарен обществу [9; 10].

Образ – это когда начало присутствует в конце, а конец – в начале, начало включает конец, а конец – начало. Поэтому образы символически вписывают в круг. Обществуобразная психология – это психология, начала и концы которой – в обществе. Понятно почему. В эти века происходили радикальные изменения в структуре общества, можно сказать, что ткань общества расплеталась и ее надо было заново сплести. Психология объясняла и направляла соединение различных порядков организации жизни в общественной плоскости. Кстати, предмет психологии как науки долгое время выглядел таинственным, и не вполне было понятно, где этот предмет помещается: в сознании, в поведении, в отношении, в развитии, в управлении и пр. Это тоже можно объяснить обществуобразностью психологии. Общество виделось как система отношений, поэтому и предмет психологии все время получался относительным [11; 12].

Сегодня очевидно, что предмет психологии изменчив в диапазоне масштабов восприятия. Представители естественных наук не видят предмета психологии в фокусе принятых ими научных принципов. Но он есть. Собственно предметом как раз и является индивидуальная изменчивость. Для биолога психология поворачивается одним предметом, для политика – другим, для педагога – третьим и т. д. [13–15]. Можно определить ее главную функцию. Психология – это то, что соединяет различные порядки и уровни организации жизни. Например, при рассмотрении психологии ребенка (растущего) мы ищем способ согласовать физиологические процессы и структуры с условиями среды и поведением родителей. При изучении популяционной динамики мы ищем способы согласовать базовые процессы эволюции: питание, репродукцию и борьбу за выживание. Но масштаб согласования порядков жизни может быть разным не только в связи с объектом, но и в связи

с нашей позицией. Если масштаб согласования определяется уровнем точности измерительных приборов, например компьютерной томографии, то с точки зрения неврологов психологи – шарлатаны, поскольку современный томограф с доступной для него точностью не позволяет собрать данные о том, как согласуются процессы в мозге и психологические теории поведения человека. Поэтому концепции психологов выглядят спекулятивными. Для физиков текст, написанный психологом, кажется не читаемым, поскольку он не только недостаточно технологичен, он часто вообще не понятен о чем. Медики считают психологов безответственными, потому что психолог не отвечает за смерть пациента. Известный ученый, профессор С. В. Савельев в одном из своих видео-выступлений назвал психологов «попами для атеистов». Думается, что это слишком лестно для психологов. К сожалению, степень определенности психологов сегодня гораздо меньше.

Все науки живут в обществе, и только психология обществу уподобляется. Тем не менее проблемы, стоящие перед психологией, ни биология, ни физика, ни медицина решить не могут, а большинство психологических проблем другие науки не могут даже поставить. Может быть поэтому психология на всем периоде своего существования как науки западной цивилизации пребывает в состоянии кризиса, а в нее все продолжают инвестировать. Психология – в кризисе, т. е. всегда не соответствует самой себе, своим методам, своим предметам, своим задачам, своему языку и т. д. И для психологии в целом и для каждого индивида в частности психология XX столетия воплотилась в проблематике идентичности. Что тоже следует рассматривать как свидетельство, симптом деградации: нетождественность индивида самому себе понималась как проблема, а не как возможность и принцип развития, хотя и такие идеи высказывались [16; 17].

Нерешаемость проблемы самоидентичности

Психологическим перекрестком всех тенденций развития психологии прошлого века (уходящей эпохи) стала проблема самоидентичности – необходимости предваряющего всякую психологическую интерпретацию (понимание) отождествления субъекта с чем-то общественно легитимным – с «именем» [18]. Как в известной шутке – «даже для того, чтобы поругаться, нам надо сначала кое о чем договориться». Поскольку общество революционно менялось, т. н. институты идентификации снимали с себя ответственность за определение судьбы граждан и передавали ее самим гражданам [19; 20]. Индивиды – наследники революций – не могли естественным образом отождествляться с местом рождения, родом, племенем, этносом, нацией, национальностью, сословием и пр. Тенденция ненадежности оснований для идентификации обозначалась как либерализация (ключевой феномен – личная свобода), к нашему времени превратившаяся в тенденцию к глобализации, и как гуманизация (ключевой приоритет – личное

благополучие), сегодня развивающаяся в трансгуманизм (исправление человеческой природы). Аналогичный процесс происходил и происходит в экономике, в которой менялись системы легализации собственности. От региональных валют переходили к единому валютному миру и от натуральных стоимостей – к виртуальным. В явной риторике речь шла о свободе, которую обретал индивид (свободе от сословных, родовых, этнических, возрастных и пр. ограничений), и росте благополучия (качества жизни). Но в неявной, т. е. в психологической, реальности снималась персональная ответственность индивида перед обществом и нарастала персональная ответственность человека перед всем, за всего себя перед всем, за свою судьбу (обозначалось это как ответственность перед самим собой). Возрастала тревога, неопределенность, потеря оснований (опустошенность) и др. [21].

Не справляясь с персональной ответственностью за свой жизненный мир, изнемогая под бременем вины, тревоги, абсурда, неопределенности, изоляции и т. п., личности участников социальных изменений невротизировались, т. е. теряли психологический доступ к реальности. Психотерапия – область деятельности, возникшая в связи с потребностью разделять личные проблемы с Другим, возникшая в XX в., радикально ситуацию не изменила [22]. Недостаток связи с реальностью компенсировался иллюзиями. Виртуальные реальности поддерживались новыми технологиями. Психология, параллельно процессам в обществе, также становилась все более иллюзорной. От описания невротизированной личности психологи переходили к описанию невротизированных миров и невротизированности самой психологии, что выразилось в своеобразном «комплексе неполноценности» психологии (психология – и не наука в естественнонаучном смысле и не искусство, не имеет своего предмета, своего языка, способна только на помогающую и сопровождающую роль, есть ли вообще психологи? «Женщина психолог – не психолог. Мужчина психолог – не мужчина» и т. д.).

О «психологическом нездоровье» современной психологии свидетельствуют, кроме всего прочего, профессиональные стандарты для образовательных программ. Там прямым текстом указано: основная деятельность психолога – сопровождение образовательных процессов (профессиональный стандарт «Психолог в образовании») и оказание психологической помощи («Психолог в социальной сфере»). Биология, физика, математика, химия и другие дисциплины не сомневаются в своей самобытности, самостоятельности, состоятельности. Только психология выглядит паразитом, имитирующим помощь и полезность.

Признать поражение

По множеству признаков психология должна стать иной. Соответствующей новой эпохе. Но для этого необходимо признать вину прежней психологии. Понять, с чем она не справилась. Аналогичный шаг приходится делать человеку

на пути личностного развития: признать свою вину, признать свою слабость, свое поражение. Как часто повторяют в популярных сегодня проектах по личностному развитию, «Сильный – не тот, кто не падает, а тот, кто встает». Но как говорят современные подростки, «Это само не сдохнет», поэтому психологию еще предстоит «положить», прежде чем она научится вставать. Аналогично тому, как классики марксизма-ленинизма видели в пролетариате «могильщика капитализма», что, кстати, не подтвердилось, нам предстоит стать «могильщиками» старой психологии, т. е. дожидаться ее естественной смерти (как и живого человека, хоть и распадающуюся, но все же еще живую психологию не закопаешь) и похоронить с почестями.

Разумеется, на данном этапе мы можем только предлагать гипотезы о том, какая будет новая психология, на что она будет опираться и от чего отталкиваться. Очевидно, что желающих в этом разбираться (дожидаться и хоронить с почестями) гораздо меньше, чем тех, кто настроен прямо сейчас добыть психологическую пользу лично себе (это напоминает борьбу за наследство у постели впавшего в старческий маразм главы семейства).

У А. Сент-Экзюпери есть яркий образ каравана, идущего по привычному пустынному пути к колодезю. Но в этот раз колодезь высох. Караванщики об этом не знают. Они еще идут и занимаются обычными для них делами, но они уже мертвы, караван обречен.

Мы предполагаем, что основная вина прежней (и сейчас еще существующей) психологии – в ее несообразности природе, несовместимости с природой, отчуждении от природы². Подобная вина лежит и на природо-несообразной экономике, истощающей землю и ведущей к катастрофе. Экономисты выявили важный фактор природосообразной экономики: человек за календарный период времени должен забирать у природы меньше, чем в нее вносить. Так, некоторые способы землепользования могут уменьшать плодородный слой почвы в тысячи раз быстрее, чем он естественным образом образуется. Но есть и такие способы земледелия, когда плодородный слой увеличивается в десятки раз быстрее, чем естественным образом [23]. Мы предполагаем, что психология не смогла обеспечить главенство принципов развития над принципами потребления, главенство принципов соответствия природе (цикличность) над принципами прогресса (линейность). В философии, в гуманитарных и в естественных науках созданы концепции целостного развития человечества, но психология не может обеспечить их реализацию. Караван психологии направляется к высохшему колодезю. И эту вину психологии придется искупить.

Психология не смогла принять задачу развития человека на всех уровнях организации: на уровне личности, общества, человечества. Разумеется, попытки были. Особенно в русской и российской традиции [24; 25]. Но приходится

признать поражение идей природосообразности на уровне общей психологии, т. е. психологии всего человечества. Что могут психологи, даже гениальные? Написать книгу, провести консультацию, высказать мнение, оказать помощь, высказать критическое суждение. Могут ли психологи (имеются в виду не квазипсихологи по диплому, а психологи по существу, настоящие, понимающие и видящие психологическую реальность) управлять, создавать, развивать? Могут, но на очень локальных уровнях, в очень ограниченных условиях. Они могут управлять собой и отчасти своей аудиторией. Но могут ли они управлять производственными, политическими, экономическими, культурными силами? А точнее, есть ли такая психология, которой бы руководствовались представители производственных, политических, экономических сил? Нет. Есть психология, которую используют. Но нет такой психологии, которой можно было бы руководствоваться, а точнее, которой нельзя было бы не руководствоваться. Человечество по-прежнему руководствуется не достижениями психологии, а предрассудками, страстями, чувствами, страхами, тревогами, заблуждениями, проблемами, импульсами, догмами, влечениями, механизмами и пр., но только не психологией развития.

Парадоксальная немощь психологии выражается анекдотом про «Нечего надеть и некуда повесить». Какую бы мысль, явление, проблему мы не затронули, ее уже кто-то изучал и высказывал. Все понятия, символы, образы, модели, метафоры, алгоритмы, принципы, закономерности и пр. «заняты». Психологических деятельностей и деятелей множество. Обо всем написаны книги, ведутся блоги, читаются лекции и предлагаются семинары. Но от этого источники и перспективы не становятся очевиднее, решения не становятся более обоснованными, перспективы не проясняются, как ни странно, но самой психологии в жизни больше не становится, так же как от умножения порнографии и проституции в мире не становится больше любви.

Есть еще один интересный признак, указывающий на порок современной обществообразной психологии. Мы боимся создания общей (общечеловеческой) психологии потому, что это выглядит для нас как оружие массового контроля (в конечном итоге массового поражения). Мы не верим, что психология, которой нельзя не руководствоваться, будет направлена на благо. Мы «знаем», что она будет служить власти (обществу), что психология, какой бы общей она ни стала, будет продолжать служить законам биологической эволюции, отлитой в формы общественных отношений: стремлениям к выживанию, репродукции и доминированию, бесконечной борьбе (борьба – движущаяся сила эволюции).

Приходится признать, что дело не в том, что психология – маленькая, не зрелая, не развитая. Эта (обществообразная) психология никогда не будет хорошей. Она обречена. Как в мифах священного писания «земля проклята

² Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 857 с.

в делах людей», так нынешняя психология проклята в делах психологов. Заметим, что проклятие – это потеря своего и привязанность к чужому. Как раз то, что мы и наблюдаем: психология служит чужим ценностям и не имеет своей собственной почвы. Это очевидно в тех ролях, которые предлагаются психологам. Какие только власти не приглашают на них поработать, сформировать психологические компетенции, приглашают и финансовые власти в лице архитекторов цифровых платформ, и политические в лице архитекторов региональных стратегий, и педагогические в лице общественных советов и регуляторов:

– *Приходите, расскажите, как сформировать коммуникативные, надпрофессиональные, даже экзистенциальные компетенции, вы, психологи, такие полезные и умные.*

– *Занимайтесь помощью детям, инвалидам, мигрантам, жертвам, вы, психологи, такие добрые и развитые.*

– *Повышайте квалификацию менеджерам, аналитикам, стратегам, смотрите, консультировать каких статусных персон мы вас, психологов, приглашаем.*

– *Главное, не задавайтесь вопросом о том, что же вы психологи творите? Кто вы? Откуда? Куда? Оставляйтесь инструментом, идиоты.*

Сформулируем еще раз обвинительное заключение психологии: природосообразная нетождественность субъекта самому себе утверждалась как проблема (проблема самоидентичности), а должна была утверждаться как базовое обстоятельство развития (аутентичность). Психология отказалась от своей миссии, потеряла достоинство и перестала быть психологией.

Предположения о будущей психологии

Но как бы долго не пришлось ждать «похорон» старой жизни, начинать новую жизнь надо уже сейчас, поэтому вернемся к гипотезам. Будущая психология должна быть природосообразной и утверждать нетождественность субъекта самому себе не только как проблему (проблема идентичности), но и как обстоятельства развития (аутентификация) [26–28].

Под природой мы понимаем реальность воспроизводства жизни, под аутентичностью – воплощенность на всех уровнях организации жизни. У всего есть природа в том смысле, что все, что есть, воспроизводится характерным для него способом. У общей психологии должна быть общая природа. Это значит, что психологические положения должны проявляться не только в конструктах, абстрактных корреляциях, отношениях, но и в разных порядках организации жизни, в разных способах бытия. Например, совесть как психологический феномен должна быть описана не только на уровне общественных явлений (отношений, пониманий, представлений), но и на уровне явлений биологических (циклических), химических, физических и т. д. Кажется невозможным понимание совести и других психологических явлений на молекулярном, энергетическом или функциональном уровне, но это необходимо сделать. Кстати, раньше

что-то похожее существовало в виде мистики. Мистики создавали символические системы, показывающие смыслы и связи всего со всем. Разумеется, будущая психология – это не возвращение к мистике, но функцию мистики прошлого психологии необходимо взять на себя.

Будущая психология должна быть глобальной, т. е. соединяющей весь мир и всего человека. Эта мысль кажется еще более нереалистичной, поскольку глобальных общественных учений (религий) создать современной цивилизации не удалось. Но об этом мы и говорим: психология не может и не должна быть обществуобразной. Обществуобразность не может принять нетождественность субъекта самому себе как обстоятельство развития. Несамостождественность для общества – это нерешаемая проблема. Мы знаем относительно глобальные проекты религий или мировоззрений, но все вместе они не являются целым. При этом психологически отдельный человек вполне может примирить в своей голове все мировые учения. Подобно парадоксу Пифагора о том, что отрезок длиной в единицу нельзя алгебраически разделить на три равные части (получается 3 в периоде), а геометрически это сделать легко. Берем нитку длиной в этот отрезок и складываем в три раза. В приложении к личностному самоопределению это означает, что самоидентификация индивида должна аутентифицироваться в глобальном масштабе. Это как будто у каждого жителя земли есть свой аккаунт и все цифровые платформы его аутентифицируют (подтверждают). С технической точки зрения это требует решения задачи на идентичность, потому что разные платформы могут по-разному идентифицировать одного и того же человека. Но опорой для решения задачи на идентичность должна быть аутентичность индивида. Есть и проблема имитации – как отличать реального человека от симуляции.

В психологическом отношении это означает такую глубину проникновения в психологическую реальность, что симуляция идентичности имеет летальные последствия, а имя (символ идентичности) понятно всем. Нечто похожее происходит с ребенком в период взросления, когда он понимает границы своего существования, например, что падение с высоты, погружение в воду, в дым и пр. его убивают, кем бы он при этом себя не представлял, что потеря ориентации в пространстве лишает его контроля, как бы он себя не позиционировал, что пренебрежение потребностями в пище, воде и воздухе ведет к заболеванию, во что бы он при этом не играл, и т. д. Аналогично и психология должна так проникнуть в самоидентичность, чтобы «игры» со своими именами были для индивида смертельно опасны, а точность идентификаторов была безусловной [29–32].

Будущая психология должна гармонизировать бытие человека в мире (экзистенцию). Сегодня убедительными считаются корреляции, т. е. соответствия соразмерных объектов. Гармония – это согласованность минимум трех разновеликих объектов. Разновеликие – это значит характеризующиеся разными мерностями, разномерные,

не коррелирующие между собой. Например, гармония в приготовлении яичницы подразумевает согласованность количества и свежести яиц, степени их прожаривания и своевременности приготовления (можно добавить еще много измерений или выбрать три других измерения, важен принцип гармонии). Для психологии это означает освоение времени и вечности человеческой жизни. Что в свою очередь возвращает к вопросу о масштабах присутствия и согласовании масштабов присутствия. Сегодня предполагается, что раньше эту роль играла традиция, воплощающаяся в календарях и запретах (табу). Но ни общечеловеческой традиции, ни общечеловеческой культуры быть не может. Общечеловеческой является только природа.

Раньше люди жили в конкретном природном регионе. Предписания смены сезонов и дел, запреты, оформленные в символы мироустройства, позволяли индивиду знать, что ему следует делать в конкретный момент времени. Но теперь мы живем в глобализованном мире. Не стоит доказывать, что сегодня мы имеем не календарь, а абстрактную линейку, скорее скрывающую, чем проясняющую суть времени и симфонию времен. Символы (смыслы) требуют исправления и уточнения. При этом движение должно быть и поступательным (время) и вращательным (вечность). Методы и способы представления результатов должны отвечать присутствию людей в мире, т. е. тенденциям отбора. Мы предполагаем, что тенденцию отбора по принципу способности к лояльности (адаптации) сменит тенденция отбора по принципу способности к самоопределению.

Заключение

Сформулируем позитивные требования к новой психологии, переживающей завершение нынешней эпохи. Подобно семени, вмещающему в себя в виде гипотезы все качества растения, но при этом не являющемуся растением, семя новой психологии, тоже пока существующей для нас в виде гипотезы, должно быть явно идентифицировано, понято, даже при условии, что «посевная» будет не скоро.

Итак, основой гипотезы новой психологии мы считаем природосообразность, преодолевающую обществуобразность в предмете, методе, формах легитимизации результатов и компетенций. Существующая на данный момент основа

психологии – обществуобразность – должна стать критерием отсеивания, т. е. границей окончания собственно психологии и перехода в социологию, педагогику, экономику и пр. Это не значит, что психологи не должны формулировать гипотезы, констатировать чудеса, указывать на тайны. Просто не надо выдавать их за научные достижения.

Результаты психологических исследований должны противоречить всем господствующим идеологиям. Психология должна критиковать общественные догмы, а не ждать от общественных институтов легитимизации результатов психологических исследований.

Главный риск новой психологии замечен уже сегодня. Он связан с некомпетентностью общества и его институтов в области базовых знаний природы всего, что позволяет создавать различные симулякры для манипулирования вниманием (раньше это обозначали термином *невежество*). И сегодня мы можем встретить множество спекулятивных теорий, не имеющих никакого подтверждения со стороны природы (даже противоречащих ей), при этом имеющих популярность и приносящих большой доход от их общественной реализации.

Легитимизация результатов психологических исследований должна производиться по принципу комплементарности всем природным процессам. То есть с психологом должны быть согласны не политики и не управленцы, не стратеги и не проектировщики, а биологи, химики, физики, математики. Следует признать, что современная система легитимизации психологических результатов и компетенций не надежна и тенденция к сомнительности психологических обоснований вряд ли изменится, пока не будет изменен масштаб психологии, расширен за рамки общественных образов, подобий и отношений до глобального масштаба и природосообразности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0040.

Литература

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 575 с.
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна; Палимсест, 2012. 750 с.
3. Мазилев В. А. Предмет психологии. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2020. 175 с.
4. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 386–389.
6. Савельев С. В. Морфология сознания. М.: Веди, 2021. Т. 2. 208 с.
7. Переслегин С., Переслегина Е., Желтов А., Луковникова Н. Сумма стратегии. СПб., 2013. 1070 с.
8. Розеншток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. М.: Библийско-богословский ин-т святого апостола Андрея, 2002. 648 с.
9. Смит Н. Современные системы психологии: История, постулаты, практика. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.

10. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
11. Нартова-Бочавер С. К. Современное состояние психологии суверенности как учения о личностных границах // У истоков развития / ред.-сост. Л. Ф. Обухова, И. А. Котляр (Корепанова). М.: МГППУ, 2013. С. 56–67.
12. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с.
13. Леонтьев Д. А. О теории поля Курта Левина (Часть 1) // Гештальт-обзор. 2013. № 2. С. 35–49.
14. Леонтьев Д. А. О теории поля Курта Левина. Часть 2. Награда и наказание. Мотивационные конфликты // Гештальт-обзор. 2013. № 3. С. 56–73.
15. Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 532 с.
16. Леонтьев Д. А. Личность как преодоление индивидуальности: основы неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. С. 134–147.
17. Леонтьев Д. А. Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 205–225.
18. Лукьянов О. В., Бронер В. И., Васильев А. В. Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 39–52. DOI: 10.17223/17267080/75/3
19. Костенко В. Ю. Возможное Я: подход Хейзел Маркус // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 421–430. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-421-430
20. Костенко В. Ю., Гришутина М. М. Невозможное я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник. 2018. № 1. С. 126–148. DOI: 10.17689/psy-2018.1.8
21. Mobilis in Mobili: Личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Языки славянской культуры, 2018. 547 с.
22. Cooper M. Existential Therapies. 2nd ed. London: SAGE Publications Ltd, 2016. 230 p.
23. Забродоцкий Ю. Н. Видеология сотворения. М.: Полиграфиздат, 2004. 504 с.
24. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
25. Ухтомский А. А. Лицо другого человека: Из дневников и переписки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 664 с.
26. Schneider K. J. The paradoxical self: Toward an understanding of our contradictory nature. Insight Books / Plenum Press, 1990. 235 p.
27. Schneider K. J. Rediscovery of awe: splendor, mystery and the fluid center of life. Paragon House, 2004. 320 p.
28. Мэй Р. Свобода и судьба. М.: ИОИ, 2013, 288 с.
29. Barker R. Ecological psychology: concepts and methods for studying the environment of human behavior. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968. 242 p.
30. Hernandez B., Hidalgo M. C., Salazar-Laplace M. E., Hess S. Place attachment and place identity in natives and non-natives // Journal of Environmental Psychology. 2007. Vol. 27. № 4. P. 310–319. DOI: 10.1016/j.jenvp.2007.06.003
31. Марцинковская Т. Д. Психология пространства: от вселенной до личности, от экосферы до экзисферы // Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. С. 63–99.
32. Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В. Психологические границы личности: взросление и культура. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 119 с.

original article

Psychology from the End to the Beginning

Oleg V. Lukyanov

Tomsk State University, Russia, Tomsk; <https://orcid.org/0000-0003-3819-6988>; lukyanov7@gmail.com

Received 14 May 2021. Accepted 4 Jun 2021.

Abstract: We are currently witnessing radical changes in the science of psychology. The author believes that the psychology of the future will not center on culture, history, and society. Psychology used to individualize society. Instead, it will focus on nature, and its main objective will be to individualize an individual. Psychology lost the battle for human development. Psychology was not convincing enough in its mission, i.e. to coordinate different levels and norms of human life, to direct the path of personal development, to reduce the risks of human activity, to support the process of authentic identity formation, etc. The new image of psychology will be based on the legitimization of psychological knowledge on the principle of natural conformity, as psychological phenomena will be embodied on all levels of life.

Keywords: general psychology, self-identity, globalization, humanization, values, development, identity, authenticity, natural conformity

Citation: Lukyanov O. V. Psychology from the End to the Beginning. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 447–455. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-447-455>

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 0721-2020-0040.

References

1. Vernadsky V. I. *Biosphere and noosphere*. Moscow: Airis-press, 2004, 575. (In Russ.)
2. Compt-Sponville A. *Philosophical dictionary*. Moscow: Eterna; Palimpsest, 2012, 750. (In Russ.)
3. Mazilov V. A. *Subject of psychology*. Yroslavl: Iaroslavskii gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo, 2020, 175. (In Russ.)
4. Vygotsky L. S. *Psychology of human development*. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005, 1136. (In Russ.)
5. Vygotsky L. S. The historical meaning of the psychological crisis. *Collected Works. Vol. 1. Questions of the theory and history of psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 386–389. (In Russ.)
6. Saveliev S. V. *Morphology of consciousness*. Moscow: Vedi, 2021, vol. 2, 208. (In Russ.)
7. Pereslegin S., Pereslegina E., Zheltov A., Lukovnikova N. *The sum of the strategy*. St. Petersburg, 2013, 1070. (In Russ.)
8. Rosenstock-Huessy E. *Great revolutions. Autobiography of a Western Man*. Moscow: Bibleisko-bogoslovskii in-t sviatogo apostola Andreia, 2002, 648. (In Russ.)
9. Smith N. *Modern systems of psychology: history, postulates, and practice*. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2003, 384. (In Russ.)
10. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: [10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206)
11. Nartova-Bochaver S. K. The current state of the psychology of sovereignty as a doctrine of personal boundaries. *At the origins of development*, eds. and comps. Obukhova L. F., Kotlyar (Korepanova) I. A. Moscow: MGPPU, 2013, 56–67. (In Russ.)
12. Nartova-Bochaver S. K. *The psychological sovereignty: ten years after*. Moscow: Smysl, 2017, 200. (In Russ.)
13. Leontiev D. A. On Kurt Levin's field theory (Part 1). *Geshtalt-obzor*, 2013, (2): 35–49. (In Russ.)
14. Leontiev D. A. On Kurt Levin's field theory. Part 2. Reward and punishment. Motivational conflicts. *Geshtalt-obzor*, 2013, (3): 56–73. (In Russ.)
15. *Life space in psychology: Theory and phenomenology*, eds. Grishina N. V., Kostromina S. N. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2020, 532. (In Russ.)
16. Leontiev D. A. Personality as overcoming individuality: the foundations of non-classical personality psychology. *Psychological theory of activity: yesterday, today, tomorrow*, ed. Leontiev A. A. Moscow: Smysl, 2006, 134–147. (In Russ.)
17. Leontiev D. A. Non-classical approach in the human sciences and the transformation of psychological knowledge. *Psychology, linguistics and interdisciplinary communications: Sci. works, dedicated to the 70th anniversary of the birth of Aleksey Alekseevich Leontiev*, red. Akhutina T. V., Leontiev D. A. Moscow: Smysl, 2008, 205–225. (In Russ.)

18. Lukyanov O. V., Broner V. I., Vasiliev A. V. Categories of the psychology of involvement (authentication). *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, (75): 39–52. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/75/3
19. Kostenko V. Yu. Possible self: theory by Hazel Marcus. Psychology. *Journal of Higher School of Economics*, 2016, 13(2): 421–430. (In Russ.) DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-421-430
20. Kostenko V. Yu., Grishutina M. M. Impossible self: preliminary research in the context of the theory of Hazel Markus. *Penzenskii psikhologicheskii vestnik*, 2018, (1): 126–148. (In Russ.) DOI: 10.17689/psy-2018.1.8
21. *Mobilis in Mobili: Personality in an era of change*, ed. Asmolov A. G. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2018, 547. (In Russ.)
22. Cooper M. *Existential Therapies*, 2nd ed. London: SAGE Publications Ltd, 2016, 230.
23. Zabrodotskii Iu. N. *Videology of creation*. Moscow: Poligrafizdat, 2004, 504. (In Russ.)
24. Ukhtomskii A. A. *Dominant*. St. Petersburg: Piter, 2002, 448. (In Russ.)
25. Ukhtomskii A. A. *The face of another person: From diaries and correspondence*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 2008, 664. (In Russ.)
26. Schneider K. J. *The paradoxical self: Toward an understanding of our contradictory nature*. Insight Books / Plenum Press, 1990, 235.
27. Schneider K. J. *Rediscovery of awe: splendor, mystery and the fluid center of life*. Paragon House, 2004, 320.
28. May R. *Freedom and destiny*. Moscow: IOI, 2013, 288. (In Russ.)
29. Barker R. *Ecological psychology: concepts and methods for studying the environment of human behavior*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1968, 242.
30. Hernandez B., Hidalgo M. C., Salazar-Laplace M. E., Hess S. Place attachment and place identity in natives and non-natives. *Journal of Environmental Psychology*, 2007, 27(4): 310–319. DOI: 10.1016/j.jenvp.2007.06.003
31. Martsinkovskaya T. D. The psychology of space: from the universe to the person, from the ecosphere to the exist-sphere. *Life space in psychology: Theory and phenomenology*, eds. Grishina N. V., Kostromina S. N. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2020, 532. (In Russ.)
32. Nartova-Bochaver S. K., Silina O. V. *Psychological boundaries of personality: growing up and culture*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2018, 119. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 159.96

Диагностический ресурс кейс-метода в оценке готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности

Лариса Владимировна Скорова

Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск;
<https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>; larisa.skorova@gmail.com

Юлия Александровна Якушева

Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск

Анна Юрьевна Качимская

Иркутский государственный университет, Россия, г. Иркутск;
<https://orcid.org/0000-0003-1227-5063>

Поступила в редакцию 21.03.2021. Принята в печать 31.05.2021.

Аннотация: Теоретические и прикладные исследования, раскрывающие вопросы обеспечения психологической безопасности в образовании, описывают разные стороны этого процесса. Однако остается слабо изученным аспект профессиональной готовности педагога к обеспечению психологической безопасности в профессиональной деятельности. Такая ситуация обусловлена несовершенством диагностического инструментария, используемого в исследованиях. Стандартизированные тесты не обеспечивают в полной мере возможность измерения соответствующих профессиональных компетенций педагогов. Цель исследования – определить диагностические возможности кейс-метода в процедуре оценки готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности в образовательной среде. В основе исследования лежит допущение, что кейс-метод может быть использован в качестве измерительного инструментария оценки профессиональной готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности в образовании. Мы опирались на представления И. А. Баевой о психологической безопасности образовательной среды, Н. В. Кузьминой о структуре профессиональной готовности педагога. В исследование приняли участие студенты педагогических колледжей ($n=418$). Готовность к обеспечению психологической безопасности оценивалась путем решения студентами авторских кейс-ситуаций (профессиональных задач), состоящих из описания самой ситуации и четырех заданий, ответы на которые описывают отдельные аспекты готовности будущего педагога к обеспечению психологической безопасности в образовательной среде. Результаты были подвергнуты процедуре контент-анализа. Выбор категорий анализа был проведен на основе анализа понятий и умений, составляющих содержание профессиональной готовности к обеспечению психологической безопасности в образовательном процессе. Проверка надежности методики анализа осуществлялась на группе студентов психолого-педагогического направления подготовки. Полученные результаты позволяют считать достоверными диагностические данные, получаемые с использованием кейс-метода в качестве инструмента оценки профессиональных компетенций. Кейс-метод можно рассматривать как способ оценки профессиональной готовности к обеспечению психологической безопасности в образовании и инструмент измерения профессиональных компетенций педагогов.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, профессиональная готовность, педагогические умения, кейс-технология, кейс-ситуации, контент-анализ, семантическая оценка

Цитирование: Скорова Л. В., Качимская А. Ю., Якушева Ю. А. Диагностический ресурс кейс-метода в оценке готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 456–465. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-456-465>

Введение

Профессиональная подготовка педагогов в последние годы претерпевает многочисленные изменения. Эти изменения являются логичным ответом на задачи, которые встают перед педагогами любого уровня образования в их профессиональной деятельности. Вполне закономерно, что готовность будущих педагогов, формируясь на этапе профессионального обучения, должна отвечать тем запросам, которые актуализируются в реальной практике образования.

Одним из наиболее востребованных профессиональных навыков педагога является обеспечение психологической

безопасности субъектов образования. А значит, на этапе профессиональной подготовки будущих педагогов актуализируется задача оценки этой готовности. Знакомство с результатами исследований последних лет приводит нас к мысли, что эта задача в большей мере декларируется, нежели решается в практике подготовки педагогов.

Профессиональная готовность к обеспечению психологической безопасности образовательного процесса рассматривается нами как динамическое состояние педагога, имеющее отношение к выполняемой им деятельности, которая включает следующие компоненты: операционный –

имеющий в своем составе совокупность гностических, проектировочных, конструктивных, организаторских, коммуникативных знаний и умений по обеспечению психологической безопасности; рефлексивный – самоанализ собственной деятельности по этому направлению; поведенческий – личный опыт по обеспечению психологической безопасности в образовательном процессе. Представляется, что эффективным способом формирования указанных навыков будет использование в профессиональной подготовке педагогов таких образовательных приемов, которые были бы максимально близки к ситуациям, возможным в реальной практической деятельности. В процессе формирования психолого-педагогических профессиональных компетенций таким приемом может стать т. н. задачный подход, который в англоязычных публикациях получил название метода *case-study*.

За последние десятилетия в исследованиях, посвященных проблемам эффективной подготовки специалистов, кейс-метод получил всестороннее рассмотрение. В частности, описаны приемы конструирования педагогических кейсов в процессе обучения студентов [1], раскрыты деятельностные основания связи педагогической задачи и педагогической ситуации в контексте образования [2], предложены способы использования кейс-ситуаций для итоговой аттестации будущих педагогов [3], апробирована практика проектирования учебно-воспитательной ситуации в высшей школе и множественность решений ситуационных профессиональных задач [4], определены этапы работы с кейсом [5]. В ряде исследований показана дидактическая роль кейсов и активизирующие возможности кейс-метода в развитии аналитических, проектировочных, организаторских, коммуникативных и рефлексивных способностей будущих педагогов [6].

В литературе представлен опыт использования кейс-метода в подготовке специалистов для формирования навыков решения типичных профессиональных задач [7] и как способ пополнения студентами собственных знаний [8; 9]. Этот метод с успехом используют как один из интерактивных методов оценки знаний в высшей школе [10]. Е. В. Быстрицкая и К. С. Ядрышников обосновывают необходимость использования кейс-технологии в процессе формирования профессионально значимых качеств личности [11]. Описано использование кейс-технологии как одного из ведущих методов обучения в педагогических вузах [12]. Н. В. Голубева предлагает использовать кейс-метод для оценки социально-психологических компетенций работников [13]. В качестве положительного этот метод зарекомендовал себя и в процедуре диагностирования в рамках медицинской психологии [14; 15]. Профессиональные компетенции студентов предлагают диагностировать данным методом А. В. Шкерина [16] и О. С. Титова [17]. Измерительные возможности кейс-метода описаны в работе Н. С. Абрамовой и др. [18], где в качестве сильных сторон подчеркивается возможность дать несколько правильных

ответов на задачу, описываемую в кейсе. Кейс-задания используют в качестве одного из инструментов оценки профессиональной компетенции будущих педагогов [19]. Основными приемами диагностики профессиональной готовности чаще всего выступают тестирование и опрос, которые не могут измерить собственно готовность, поскольку до определенной степени стандартизированы и измеряют уже сформированный навык и / или умение, но не готовность.

В данной работе кейс-метод описан как диагностический метод, что позволяет, во-первых, осуществлять оценку сформированности профессиональных компетенций и своевременной коррекции образовательной деятельности, во-вторых, использовать конкретные реальные ситуации из образовательной практики в исследовательских целях. Об актуальности и значимости такого подхода отмечается в работе R. K. Yin. Автор рассматривает кейс как метод исследования, позволяющий осуществлять качественный анализ ситуации, и описывает исследовательский алгоритм с использованием конкретных примеров из практики [20]. В литературе описывается метод исследования отдельных случаев, направленный на использование конкретных ситуаций в решении исследовательских вопросов, описаны его надежность и валидность, сформулированы рекомендации по разработке тематических исследований с его использованием [21]. Вместе с тем в качестве одной из методологических проблем называется разработка инструментария для критической оценки метода исследования отдельных случаев [22].

Кейс-метод рассматривается как правильная стратегия для применения в таком исследовании, которое использует основные исследовательские вопросы *Как?* или *Почему?*: для этого требуется немного времени, чтобы контролировать изучаемые события; в центре внимания такого исследования – современные явления [23]. Кроме того, использование кейс-метода в профессиональной подготовке признается продуктивным, поскольку однозначного ответа в таких заданиях нет, есть несколько, которые могут соперничать между собой по степени истинности, что способствует формированию профессионально важных характеристик будущих специалистов [24]. Описан опыт использования кейс-ситуаций в процессе подготовки будущих специалистов в части терминологической компетентности [25].

Использование кейсов в исследовании позволяет в рамках данной работы изучить готовность будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности в реальном жизненном контексте. L. M. Fallon и др. обосновали, что эффективность вмешательства педагога определяется предварительным анализом фактов, она способствует его успешности в реализации воздействий. Анализ отдельных случаев позволяет определять педагогам способы воздействия в классе (инструкции, моделирование, обратная связь и пр.) [26].

Вместе с тем недостаточно изученным остается вопрос об использовании кейсов для оценки готовности педагогов к обеспечению психологической безопасности и комфортности в условиях профессиональной деятельности.

Новизна идеи об использовании кейсов в качестве диагностического инструментария в ходе процедуры оценки профессиональных компетенций педагогов обусловлена следующим:

- 1) этот метод позволяет оценивать не шаблонные варианты решения профессиональных ситуаций, которые, как правило, предлагаются в ряде стандартизированных методик, а собственный ответ, сформулированный респондентом;
- 2) основан не на самоотчете (в котором высок удельный вес психологической защиты, призванной предьявить себя в лучшем свете), а на нерегламентированном решении предьявляемой респонденту профессиональной ситуации;
- 3) позволяет производить количественный обсчет данных, что обеспечивает соблюдение научности в исследовании;
- 4) обладает высокой информативностью: дает возможность собрать качественную информацию, выстроить диалог и обсуждение;
- 5) позволяет решать не только диагностические, но и обучающие и развивающие задачи.

Цель данного исследования – изучить ресурсы кейс-метода в диагностике профессиональной готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности образовательной среды. В своем исследовании мы исходили из предположения, что кейс-метод может быть использован в качестве измерительного инструментария в процедуре диагностики профессиональной готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности в образовании.

Методология, методы и процедура исследования

Методологическую основу исследования составили основные принципы психологической науки, в том числе деятельностный (С. Л. Рубинштейн), основные положения культурно-исторической психологии (Л. С. Выготский). Кроме того, мы опирались на представления И. А. Бaeвой о психологической безопасности образовательной среды и Н. В. Кузьминой о структуре профессиональной готовности педагога, а также на взгляды основоположников применения кейс-метода в отечественном (Г. А. Брянского, Ю. Ю. Екатеринославского, О. В. Козлова, Ю. Д. Красовского, В. Я. Платова, Д. А. Поспелова, О. А. Овсянникова, В. С. Рапопорт и др. [27]) и зарубежном образовании [20–23; 26].

Методы исследования. На разных этапах исследования и в зависимости от задач использовались теоретические, эмпирические, качественные (контент-анализ) и количественные (коэффициент Яниса для выявления преобладающей

у респондентов оценки ответов и суждений – положительной, отрицательной, нейтральной – по заданиям кейса) методы.

В связи с отсутствием готовых кейсов, позволяющих диагностировать готовность к обеспечению психологической безопасности, нами были разработаны 10 кейс-ситуаций, содержащих описание реального контекста взаимодействия субъектов образовательных отношений. Каждый кейс включал подробное описание самой ситуации и задания к ней. Задания предполагали оценку гностических, проектировочных, конструктивных, организаторских и коммуникативных умений, входящих в структуру профессиональной готовности будущего педагога к обеспечению психологической безопасности в образовательной среде. Типовые задания ко всем ситуациям были сформулированы следующим образом:

1. Сформулируйте признаки, на основании которых Вы судите о наличии / отсутствии в представленной ситуации психологического комфорта.
2. Аргументируйте свое отношение к действиям и личности участников в представленной ситуации.
3. Дайте оценку действий педагога.
4. Предложите оптимальные, на Ваш взгляд, приемы (способы) взаимодействия педагога с воспитанником.
5. Предложите оптимальные, на Ваш взгляд, приемы (способы) взаимодействия педагога с родителями.
6. Определите, с кем из участников представленной ситуации целесообразно работать (с ребенком, его родителями, другими детьми, педагогом).
7. Предложите основные этапы работы с выбранным в предыдущем вопросе участником и определите необходимое и достаточное время для решения проблемы.

Первое, второе и третье задания направлены на диагностирование гностических умений, четвертое и пятое – на изучение коммуникативных и проектировочных умений, шестое и седьмое – на диагностику конструктивных и организационных умений.

Для установления валидности кейсов использовалась экспертная оценка. В качестве экспертов выступили студенты-бакалавры психолого-педагогического направления подготовки (n=27): $V=0,71$. Значение надежности (внутренняя согласованность) составило $r=0,83$.

Оценка выполнения кейсов осуществлялась с использованием процедуры контент-анализа. Выбор категорий контент-анализа был проведен на основе предварительного анализа понятий и умений, составляющих содержание компонентов профессиональной готовности к обеспечению психологической безопасности в образовательном процессе. Таким образом, был составлен классификатор, включающий все категории и единицы анализа; протокол контент-анализа; регистрационную карточку, в которой отмечалось количество единиц счета, характеризующее единицы анализа. На основе категоризации было выявлено 20 категорий контент-анализа (табл. 1). По каждому умению были сформулированы категории и единицы анализа –

Табл. 1. Категории контент-анализа содержания компонентов профессиональной готовности к обеспечению психологической безопасности в образовательном процессе

Tab. 1. Content analysis of the components of professional readiness to provide psychological safety in class

Гностические умения	Проектировочные умения	Конструктивные умения	Организаторские умения	Коммуникативные умения
Отношение к психологическому комфорту / дискомфорту ребенка	Наличие конструктивного планирования деятельности учителя	Предложенный характер руководства учебным процессом	Методы мотивации ученика	Оценка взаимодействия учитель – ученик
Отношение к действиям (личности) учителя	Наличие конструктивного планирования деятельности ученика	Оценка затрат сил и времени учителя на решение проблемной ситуации	Оценка организации деятельности учителя в проблемной ситуации	Наличие рекомендаций конструктивного взаимодействия
Выделение признаков психологического дискомфорта	Наличие конструктивного планирования собственной деятельности	Наличие ориентации на работу с учеником, с его мотивами и целями	Организация деятельности (поведения) учителя	Оценка эмоционального состояния ученика
Отношение к действиям (личности) ребенка	Оценка действий учителя к решению проблемы	Наличие оптимальных приемов, средств решения проблемы с учетом возрастных особенностей	Организация деятельности ученика	Оценка эмоционального состояния учителя

основные смысловые единицы, по представленности которых в ответах респондентов судили об их оценке, отношении и готовности к обеспечению психологической безопасности образовательного процесса. В основу контент-анализа был положен принцип формализации, в соответствии с которым понятие кодировалось знаком + в случае, если в ответах студентов само понятие или его синоним употреблялись. Частота выявленных единиц распределялась по положительному, отрицательному и нейтральному отношению. При обработке результатов контент-анализа использовался коэффициент Яниса, предназначенный для вычисления соотношения положительных и отрицательных (относительно избранной позиции в отношении ситуации, содержащей признаки нарушения комфортности) оценок, суждений, аргументов.

Исследование проводилось на базе Иркутского регионального колледжа педагогического образования, а также посредством заполнения Google формы студентами Самарского социально-педагогического колледжа, Омского педагогического колледжа № 1, Нижегородского педагогического колледжа им. К. Д. Ушинского. В исследовании приняли участие 418 студентов выпускных курсов.

Этапы исследования. На первом этапе будущие педагоги решали кейс-задания, отвечали на вопросы к ним и выполняли задания. На втором этапе осуществлялась процедура контент-анализа. Производился расчет коэффициента Яниса, который позволяет установить соотношение положительных и отрицательных оценок в отношении определенных категорий. Третий этап исследования включал в себя описание полученных данных, иллюстрирующих возможности кейс-ситуаций в процедуре диагностики готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности в образовании.

Результаты и обсуждение

В исследовании был определен состав умений, входящих в операционный компонент профессиональной готовности к обеспечению психологической безопасности образовательного процесса, разработан перечень заданий к кейс-ситуации. Результаты исследования представлены в табл. 2.

На основе контент-анализа выполненных студентами кейсов было выделено пять смысловых категорий, соответствующих умениям – гностические, проектировочные, конструктивные, организаторские, коммуникативные. Каждая из категорий включала от 4 до 5 подкатегорий. Соответственно всего была рассмотрена 21 смысловая единица, указывающая на понимание респондентами характеристик безопасности образовательной среды. Анализировалась готовность студентов к ее обеспечению. Для каждой из единиц подсчитывалась частота упоминаний и удельный вес. Количественной единицей счета выступал текст, содержащий ответ на вопрос к кейсу. Наибольшее количество (наличие / отсутствие) понятий, характеризующих понимание студентами психологической безопасности образовательного процесса, и наибольший удельный вес (58,8 %) имела категория *гностические умения*. Результаты контент-анализа показали неготовность к обеспечению психологической безопасности по всем выделенным единицам анализа. Это может указывать на необходимость включения метода анализа реальных ситуаций в практическую подготовку будущих учителей.

Гностические умения представлены умениями использовать знания о факторах, сущности и структуре психологической безопасности в образовательной среде, умениями оперировать основными понятиями, категориями, знаниями факторов, отрицательно влияющих на комфортность

участников образовательных отношений. Расчет коэффициента Яниса, устанавливающий соотношение положительных и отрицательных оценок относительно определенных единиц анализа, показал, что величина значения в этой категории (среднее значение – 0,33) не является максимальной: характеризуя ситуацию как дискомфортную, студенты не называли ее признаки. В единицах анализа по этой группе умений кейс позволил установить преобладание у будущих педагогов отрицательных суждений и оценок описанных ситуаций:

1. Отношение к психологическому комфорту / дискомфорту: чаще встречаются отрицательные суждения (соотношение 70/30, коэффициент Яниса $C = -0,32$). 30 % респондентов отметили наличие психологического дискомфорта у ребенка; большинство опрошенных (69 %) либо не определили наличие психологического дискомфорта, т. е. определили наличие психологического комфорта у ребенка, либо наличие дискомфорта определили у учителя. В ответах будущих педагогов преобладали: для учителей и одноклассников эта ситуация создает психологический

дискомфорт; дискомфорта не наблюдается, ученику было дозволено не ходить на урок, он считает это правильно, а значит так и должно быть; если ребенок играет; мальчик испытывает дискомфорт от того, что не слушается учителя; учитель испытывает дискомфорт от того, что ребенок не слушается; ребенок избалован родителями и т. д.

2. Выделение признаков психологического комфорта / дискомфорта: чаще встречаются отрицательные суждения (соотношение 82/18, коэффициент Яниса $C = -0,43$). Респонденты, которые определили наличие дискомфорта у учителя, указывают следующие признаки: избалованность ребенка; ребенок не хочет учиться; ребенок часто играет; раздражительность школьника; нарушение дисциплины ребенка, требует много внимания и т. д. Испытуемые, которые определили психологический комфорт у ребенка, отмечают признаки: ребенок не ходит на урок; балуется на уроке; не выполняет задания и т. д. Будущие педагоги определяют наличие психологического дискомфорта, однако, обнаруживая состояние психологического дискомфорта у учащегося, затрудняются корректно

Табл. 2. Слагаемые операционного компонента профессиональной готовности

Tab. 2. Operational components of professional readiness

Виды умений	Единицы анализа	Коэффициент Яниса (C)	%
Гностические умения	Отношение к психологическому комфорту / дискомфорту	-0,32	58,8
	Выделение признаков психологического комфорта / дискомфорта	-0,43	
	Отношение к действиям (личности) ребенка	-0,52	
	Отношение к действиям (личности) учителя	-0,034	
Проектировочные умения	Наличие конструктивного планирования деятельности учителя	–	5,8
	Оценка затрат сил и времени учителя и учащихся на решение проблемной ситуации	–	
	Наличие конструктивного планирования деятельности ученика	–	
	Наличие конструктивного планирования собственной деятельности	–	
	Оценка действий учителя к решению проблемы	–	
Конструктивные умения	Оценка затрат сил и времени учителя и учащихся на решение проблемной ситуации	–	29,9
	Предложенный характер руководства учебным процессом	–	
	Наличие ориентации на работу с учеником, с его мотивами и целями	-0,065	
	Наличие оптимальных приемов, средств решения проблемы с учетом возрастных особенностей	-0,25	
Организаторские умения	Методы мотивации ученика	–	2,1
	Организация поведения (деятельности) учителя	–	
	Организация деятельности ученика	–	
	Оценка организации деятельности учителя в проблемной ситуации	–	
Коммуникативные умения	Оценка взаимодействия учитель – ученик	–	3,4
	Оценка эмоционального состояния ученика	–	
	Оценка эмоционального состояния учителя	–	
	Наличие рекомендаций конструктивного взаимодействия	–	

определить причину этого дискомфорта из-за непонимания того, на какие именно признаки стоит обращать внимание как на признаки-маркеры психологического дискомфорта.

3. Отношение к действиям (личности) ребенка ($C=-0,52$): чаще встречаются отрицательные суждения по отношению к действиям (личности) ребенка. Большинство респондентов обвиняют ребенка в его действиях, избалованности, невнимательности на уроках, отсутствии дисциплины.

4. Отношение к действиям (личности) учителя ($C=0,034$): будущие педагоги чаще всего определяют учителя в качестве жертвы, которому *попался избалованный ребенок*.

Таким образом, по преобладанию отрицательных суждений и оценок у будущих педагогов при анализе кейс-ситуации можно сделать вывод о недостаточности у них знаний о факторах, признаках и угрозах психологической безопасности; будущие педагоги не умеют определять наличие психологического дискомфорта в условиях своей будущей профессиональной деятельности.

По всем категориям анализа *проектировочных умений* у выпускников педагогического колледжа в суждениях отсутствуют понятия и представления об образовательных и воспитательных результатах и способах их достижения, причем непосредственно относительно приемов создания психологической безопасности; отсутствуют навыки планирования конкретных мероприятий на основе возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, а также умения проектировать развивающие и личностно-мотивационные образовательные ситуации, нацеленные на психологическую безопасность всего образовательного процесса. Иными словами, результаты решения кейс-ситуаций будущими педагогами дают основание говорить о несформированности проектировочных умений, входящих в состав операционного компонента профессиональной готовности педагогов.

Конструктивные умения – умения отбирать такие приемы и средства обучения и воспитания, которые соотносились бы с возрастными потребностями и возможностями личности, с индивидуальными особенностями обучающихся – частично представлены в анализе кейс-ситуаций. Так, категории *Оценка затрат сил и времени учителя и учащихся на решение проблемной ситуации* и *Предложенный характер руководства учебным процессом* не представлены, а в категориях *Наличие ориентации на работу с учеником, с его мотивами и целями* и *Наличие оптимальных приемов, средств решения проблемы с учетом возрастных особенностей* чаще встречаются отрицательные отношения и суждения ($C=-0,065$ и $C=-0,25$ соответственно). Выпускники педагогического колледжа в большей мере ориентированы на решение проблем учителя, нежели ученика. Прослеживается связь с гностическим компонентом, при измерении которого большая часть респондентов «видят» психологической дискомфорт учителя, а не ученика.

В 80 % полученных ответов встречается обращение к деструктивным формам решения кейс-ситуации. В качестве часто встречающихся приемов будущие педагоги указывают: обращение к родителям за советом; проведение классного часа на тему «Как должен вести себя ученик»; нахождение компромисса с учеником; беседа с учеником, объяснение ребенку, что его будущее зависит от учебы в школе и пр. В остальных случаях ребенка переадресуют к «специалистам школы» или отвечают, что нет предложений. Конкретных приемов взаимодействия с ребенком ни один респондент не назвал. У будущих педагогов в ответах слабо представлены знания о возрастных особенностях, отсутствуют конкретные приемы, средства, методы, формы обеспечения его психологической безопасности.

Анализ кейс-ситуаций показал, что конструктивные умения в структуре операционного компонента профессиональной готовности слабо сформированы у будущих педагогов, что позволяет прогнозировать рост профессиональных неудач в ситуациях образовательных взаимоотношений с любым субъектом учебно-воспитательного процесса.

Организаторские умения – умения организовывать свою деятельность и деятельность школьников с соблюдением принципов психологической безопасности образовательного процесса – по категории *Методы мотивации ученика* обнаружили нейтральные отношения и суждения, в которых респонденты указывают, что необходимо замотивировать ребенка, найти особый подход, но не описывают конкретных способов, что свидетельствует либо о незаинтересованности респондентов в поиске разрешения ситуации, либо о недостаточном знании конструктивных методов мотивации учеников. Категория анализа *Организация поведения (деятельности) учителя* представлена ответами будущих педагогов, содержащими указание на их работу по проведению родительского собрания или классного часа. Отсутствуют ответы, в которых учитель организывает свою деятельность во время урока с ребенком или описывающие какое-то конкретное взаимодействие в ходе самого урока. Чаще всего респонденты предлагают *побеседовать с ребенком о его поведении*. Категории *Организация деятельности ученика* и *Оценка организации деятельности учителя* в проблемной ситуации не представлены у будущих педагогов.

Поскольку показатель коэффициента Яниса по единицам *Отношение к действиям (личности) учителя* ($C=0,034$) и *Наличие ориентации на работу с учеником, с его мотивами и целями* ($C=0,065$) очень низкий, то это может свидетельствовать об отсутствии четкости в понимании и готовности выполнять действия, обеспечивающие безопасность личности в образовательном пространстве.

Резюмируя возможности кейс-метода в диагностике организаторских умений в структуре профессиональной готовности будущих педагогов, отметим недостаточную сформированность данных умений у будущих педагогов.

Коммуникативные умения, обеспечивающие чувство психологической защищенности ребенка, доверие к миру, радость существования и определяющие вектор развития индивидуальных особенностей в соотношении с когнитивными характеристиками и мотивационной направленностью, представлены в нейтральных ответах респондентов по категории: *побеседовать с ребенком или родителями*. Других действенных, конструктивных рекомендаций взаимодействия будущие педагоги не предлагают. Категории *Наличие рекомендаций конструктивного взаимодействия*, *Оценка взаимодействия учитель – ученик*, *Оценка эмоционального состояния ученика*, *Оценка эмоционального состояния учителя* не представлены у выпускников педагогического колледжа.

Удельный вес всех умений в структуре операционного компонента профессиональной готовности педагогов к обеспечению психологической безопасности позволяет сделать вывод о большей представленности и диагностируемости в категориях анализа гностических умений. Результаты контент-анализа показали неготовность к обеспечению психологической безопасности по всем выделенным единицам анализа. Это может свидетельствовать о понимании ситуации исходя из личного опыта и указывать на необходимость актуализации программ подготовки будущих педагогов.

Результаты исследования готовности согласуются с представлениями будущих педагогов дошкольного образования о психологической безопасности образовательного процесса [28].

Таким образом, использование кейс-метода позволяет заключить, что операционный компонент профессиональной готовности к обеспечению психологической безопасности у выпускников педагогического колледжа недостаточно сформирован. Эта ситуация позволяет прогнозировать

трудности как в период адаптации в профессиональной деятельности педагога, так и в дальнейшей работе учителя, малую результативность его профессиональной деятельности.

Заключение

В ходе исследования была проведена оценка умений, составляющих содержание операционного компонента профессиональной готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности в образовательной стране. Использование в качестве диагностического инструментария кейс-метода позволило:

1) получить для оценки профессиональной готовности не стандартизированные ответы, затрудняющие понимание собственной позиции респондента, а т. н. авторское, т. е. субъективное понимание профессиональной ситуации;

2) в условиях отсутствия возможности выбрать готовый, предлагаемый респонденту ответ, выявить собственные позиции респондента в тех семантических категориях, которые он использует;

3) количественно обработать эмпирический материал для формулирования итоговых выводов исследования.

Представляется правомерным считать диагностический ресурс кейс-метода инструментарием для оценки профессиональной готовности педагогов к обеспечению психологической безопасности в образовательной деятельности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Сорова Л. В.: разработка дизайна исследования, обобщение материалов, написание и редактирование статьи; Качимская А. Ю.: систематизация, анализ и интерпретация данных, написание статьи; Якушева Ю. А.: сбор эмпирического материала, обработка и анализ данных.

Литература

1. Чурилов А. В., Петренко С. А., Минович Д. В., Желоманова С. А., Носкова О. В. Роль кейс-метода в учебном процессе // Вестник неотложной и восстановительной хирургии. 2016. Т. 1. № 1. С. 138–140.
2. Амельченко Т. В. Социально-ориентированная педагогическая ситуация как средство профессионального становления будущего специалиста // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 15. С. 87–92.
3. Уколова А. М. Кейс-метод как эффективный способ обучения в профессиональном обучении педагогов-дизайнеров // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2013. № 23. С. 80–84.
4. Ивлева М. А., Саенко Н. Р. Особенности применения кейс-метода в курсе «Педагогика и психология высшей школы» для аспирантов // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. Т. 10. № 2. С. 59–67. DOI: 10.12737/19549
5. Демидова Н. Н., Камерилова Г. С. Кейс-стади: «изучение случая» – технология инактивированного познания // Вестник Мининского университета. 2016. № 2. Режим доступа: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/205/206> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Бичева И. Б., Хижная А. В., Емелина А. В., Баскакова Н. В. Кейс-задача как инновационный способ подготовки будущих педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-8. С. 35–41.
7. Екимова В. И. Кейс-метод в высшей школе: проблемы применения и оценки эффективности // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 1. С. 86–97.
8. Царапкина Ю. М. Использование кейс-технологий при обучении студентов // Образование и наука. 2015. № 3. С. 120–129.

9. Трапезникова Т. Н. Новейшие педагогические технологии: кейс-метод (метод ситуационного анализа) // Территория науки. 2015. № 5. С. 52–59.
10. Конова Е. А., Поллак Г. А. Интерактивный метод оценки знаний на основе применения технологии case study // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2013. Т. 5. № 3. С. 93–97.
11. Быстрицкая Е. В., Ядрышников К. С. Методический инструмент инновационных технологий в образовании (на примере кейс-метода) // Вестник Мининского университета. 2015. № 1. Режим доступа: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/14/15> (дата обращения: 15.03.2021).
12. Добротин Д. Ю., Добротина И. Н. Применение кейс-метода в обучении студентов педагогических вузов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2019. № 1. С. 62–70. DOI: 10.18384/2310-7219-2019-1-62-70
13. Голубева Н. В. Кейс-метод в оценке профессиональных и социально-психологических компетенций персонала // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 7. С. 81–92.
14. Путинцев А. Н., Алексеев Т. В. Кейс-метод в медицинском образовании: современные программные продукты // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12-9. С. 1655–1659.
15. Северова Е. А., Охапкин А. С., Кошелева Г. Я. Использование кейс-метода в преподавании психиатрии и медицинской психологии // Смоленский медицинский альманах. 2016. № 2. С. 192–195.
16. Шкерица Л. В. Диагностика профессиональных компетенций студентов на основе учебных кейсов // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 4. С. 62–67.
17. Титова О. С. Использование кейс-технологии в курсе «Методика обучения математике» для студентов педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3. С. 35–37.
18. Абрамова Н. С., Колдина М. И., Ваганова О. И. Кейс-технологии в профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-3. С. 11–14.
19. Захарова И. М., Грахова С. И., Хакимова Н. Г. Кейс-задания как инструмент оценки профессиональной компетенции будущего педагога // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-4. С. 98–101.
20. Yin R. K. Case study research: design and methods. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. 282 p.
21. Guetterman T. C., Fetters M. D. Two methodological approaches to the integration of mixed methods and case study designs: a systematic review // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62. № 7. P. 900–918. DOI: 10.1177/0002764218772641
22. Onghena P., Maes B., Heyvaert M. Mixed methods single case research: state of the art and future directions // Journal of Mixed Methods Research. 2019. Vol. 13. № 4. P. 461–480. DOI: 10.1177/1558689818789530
23. Nur'aini R. D. Penerapan metode studi kasus Yin dalam penelitian arsitektur dan perilaku // Jurnal Teknik Sipil dan Arsitektur. 2020. Vol. 16. № 1. P. 92–104. DOI: 10.21831/inersia.v16i1.31319
24. Гладкова М. Н., Кутепов М. М., Лунова Ю. Б., Трутанова А. В., Юсупова Д. М. Технология кейс-обучения в подготовке бакалавров // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 6. С. 21–25.
25. Бордовская Н. В., Кошкина Е. А., Тихомирова М. А., Бочкина Н. В. Кейс-метод как средство оценивания и развития терминологической компетентности будущего педагога // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 4. С. 728–749. DOI: 10.15507/1991-9468.093.022.201804.728-749
26. Fallon L. M., Kurtz K. D., Mueller M. R. Direct training to improve educators' treatment integrity: a systematic review of single-case design studies // School Psychology Quarterly. 2018. Vol. 33. № 2. P. 169–181. DOI: 10.1037/spq0000210
27. Грузкова С. Ю., Камалеева А. Р. Кейс-метод: история разработки и использования метода в образовании // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 6. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-6-24
28. Скорова Л. В., Качимская А. Ю., Якушева Ю. А. Представления о психологической безопасности образовательного пространства у будущих педагогов дошкольного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 3. DOI: 10.15862/46PSMN320

original article

Case Method as a Diagnostic Tool for Assessing the Readiness of Future Teachers for Providing Psychological Safety in Class

Larisa V. Skorova

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk; <https://orcid.org/0000-0002-7849-8625>; larisa.skorova@gmail.com

Julia A. Yakusheva

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

Anna Y. Kachinskaya

Irkutsk State University, Russia, Irkutsk; <https://orcid.org/0000-0003-1227-5063>

Received 21 Mar 2021. Accepted 31 May 2021.

Abstract: The research featured such an understudied issue as psychological safety in class, which currently lacks diagnostic tools. Standard tests cannot measure the relevant competencies of future teachers. The research objective was to determine the diagnostic potential of the case method in assessing the readiness of future teachers to provide psychological safety in the class environment. The study relied on the ideas about the psychological safety of the educational environment (I. A. Baeva) and the structure of teachers' professional readiness (N. V. Kuzmina). The study involved 418 students of psychology and pedagogics who had to find solutions for case situations. The cases consisted of the case description and four tasks, the answers to which described certain aspects of the readiness to provide psychological safety in class. The results were subjected to a content analysis. The case method proved a reliable tool for assessing the professional readiness and competencies of future teachers.

Keywords: pedagogical activity, professional readiness, pedagogical skills, case-technology, case-situations, content analysis, semantic evaluation

Citation: Skorova L. V., Kachinskaya A. Y., Yakusheva J. A. Case Method as a Diagnostic Tool for Assessing the Readiness of Future Teachers for Providing Psychological Safety in Class. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 456–465. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-456-465>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: L. V. Skorova designed the research, generalized the materials, wrote and proofread the article; A. Y. Kachinskaya analyzed, interpreted and described the obtained data; J. A. Yakusheva collected the empirical material, processed and analyzed the data.

References

1. Churilov A. V., Petrenko S. A., Mirovich D. V., Dzhelomanova S. A., Noskova O. V. Role of case method in educational process. *Bulletin of urgent and recovery surgery*, 2016, 1(1): 138–140. (In Russ.)
2. Amelchenko T. V. Social oriented pedagogical situation as the means of professional formation of future expert. *Bulletin of Buryat State University*, 2011, (15): 87–92. (In Russ.)
3. Ukolova A. M. Case-method as an effective way of teaching in professional training of teacher-designers. *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia v Rossii*, 2013, (23): 80–84. (In Russ.)
4. Ivleva M. L., Saenko N. R. Features of the application of the case method in the course "Pedagogy and psychology of higher education" for PhD students. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, 2016, 10(2): 59–67. (In Russ.) DOI: 10.12737/19549
5. Demidova N. N., Kamerilova G. S. Case-herd: "studying of the occasion" – technology of the inactivated knowledge. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2016, (2). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/205/206> (accessed 15.03.2021). (In Russ.)
6. Bicheva I. B., Hizhnaya A. V., Emelina A. V., Baskakova N. V. Task case as innovative way of training of future teachers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2017, (56-8): 35–41. (In Russ.)
7. Ekimova V. I. Case study in higher school: problems of application and efficiency estimation. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2014, 3(1): 86–97. (In Russ.)
8. Tsarapkina Yu. M. The use of case technologies in teaching students. *The Education and Science Journal*, 2015, (3): 120–129. (In Russ.)
9. Trapeznikova T. N. The latest technology pedagogical: case-method (situational analysis method). *Territoriia nauki*, 2015, (5): 52–59. (In Russ.)

10. Konova E. A., Pollack G. A. Interactive method of knowledge assessment based on case study technology. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*, 2013, 5(3): 93–97. (In Russ.)
11. Bystritskaya E. V., Yadryshnikov K. S. Methodological tools of innovative technologies in education (on the example the case method). *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2015, (1). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/14/15> (accessed 15.03.2021). (In Russ.)
12. Dobrotin D. Yu., Dobrotina I. N. The use of the case method in training students of pedagogical universities. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, 2019, (1): 62–70. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7219-2019-1-62-70
13. Golubeva N. V. Case-method in assessment of professional and socio-psychological competencies of employees. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2013, (7): 81–92. (In Russ.)
14. Putintsev A. N., Alekseev T. V. Case Based Learning in medical education: modern software products. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*, 2016, (12-9): 1655–1659. (In Russ.)
15. Severova E. A., Okhapkin A. S., Kosheleva G. Y. Case-study technique in teaching psychiatry and medical psychology. *Smolenskii meditsinskii almanakh*, 2016, (2): 192–195. (In Russ.)
16. Shkerina L. V. Diagnostics of professional competencies of students on the basis of educational cases. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2012, (4): 62–67. (In Russ.)
17. Titova O. S. Using case-technology in the course "Methods of teaching mathematics" for students in pedagogical institutions. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2017, (3): 35–37. (In Russ.)
18. Abramova N. S., Koldina M. I., Vaganova O. I. Case technologies in professional education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (58-3): 11–14. (In Russ.)
19. Zakharova I. M., Grahova S. I., Hakimova N. G. Case tasks as a tool for evaluating the future teacher's professional competence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (66-4): 98–101. (In Russ.)
20. Yin R. K. *Case study research: design and methods*, 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2014, 282.
21. Guetterman T. C., Fetters M. D. Two methodological approaches to the integration of mixed methods and case study designs: a systematic review. *American Behavioral Scientist*, 2018, 62(7): 900–918. DOI: 10.1177/0002764218772641
22. Onghena P., Maes B., Heyvaert M. Mixed methods single case research: state of the art and future directions. *Journal of Mixed Methods Research*, 2019, 13(4): 461–480. DOI: 10.1177/1558689818789530
23. Nur'aini R. D. Penerapan metode studi kasus Yin dalam penelitian arsitektur dan perilaku. *Jurnal Teknik Sipil dan Arsitektur*, 2020, 16(1): 92–104. DOI: 10.21831/inersia.v16i1.31319
24. Gladkova M. N., Kutepov M. M., Luneva Y. B., Trutanova A. V., Yusupova D. M. Technology of case-training in preparation of bachelors. *International journal of experimental education*, 2017, (6): 21–25. (In Russ.)
25. Bordovskaia N. V., Koshkina E. A., Tikhomirova M. A., Bochkina N. V. Case method as a tool for evaluation and development of terminological competence of future teachers. *Integratsiya obrazovaniya*, 2018, 22(4): 728–749. (In Russ.) DOI: 10.15507/1991-9468.093.022.201804.728-749
26. Fallon L. M., Kurtz K. D., Mueller M. R. Direct training to improve educators' treatment integrity: a systematic review of single-case design studies. *School Psychology Quarterly*, 2018, 33(2): 169–181. DOI: 10.1037/spq0000210
27. Gruzskova S. Yu., Kamaleeva A. R. Case method: the story of the development and use of the method in education. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, (6). (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-24>
28. Skorova L. V., Kachinskaya A. Yu., Yakusheva J. A. Representations of the psychological safety of educational space in future preschool teachers. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 8(3). (In Russ.) DOI: 10.15862/46PSMN320

оригинальная статья
УДК 159.9+37.015.3

Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19

Михаил Сергеевич Яницкий

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>;
direktorspi@kemsu.ru

Андрей Викторович Серый

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Ольга Артуровна Браун

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Роман Олегович Балабашук

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

Поступила в редакцию 27.05.2021. Принята в печать 17.06.2021.

Аннотация: Образ мира, представляющий собой совокупность пространственно-временных и ценностно-смысловых хронотопических компонентов, рассматривается в качестве функциональной системы психологической адаптации к непрерывному изменению жизненного мира человека. Моделью резких и выраженных изменений жизненного мира и образа жизни человека является распространение пандемии COVID-19. Цель – выявить хронотопические характеристики образа мира в данной кризисной ситуации. Исследование на выборке в 92 человека проводилось дважды – до начала распространения пандемии и в период максимальных противоэпидемических ограничений. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в условиях пандемии COVID-19 происходит трансформация структуры образа мира человека, выражающаяся в изменении направленности идентификационных характеристик личности, в определенной переориентации – с национальной и гражданской идентичности на общечеловеческую, а также в повышении значимости семейно-ролевых компонентов образа Я. Временная перспектива личности в отношении своего прошлого субъективно расширяется, в отношении будущего, напротив, сокращается. Эмоциональная окраска настоящего становится более негативной, прошлого – позитивной, будущего – умеренно оптимистичной. При этом все три временных модуса начинают представляться более событийно наполненными. Данные процессы наблюдаются на фоне поляризации ценностных предпочтений, которая заключается в сокращении доли ориентирующихся на ценности среднего уровня за счет увеличения числа направленных на низшие либо высшие ценности. Уровень осмысленности жизни в данной ситуации демонстрирует разнонаправленный характер динамики, что свидетельствует о существовании различных механизмов совладания с данной кризисной ситуацией, имеющих разный уровень продуктивности. Сделан вывод, что ситуация пандемии COVID-19 обуславливает перестройку всех компонентов образа мира человека, которая в целом носит мобилизующий и продуктивный характер.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, ценностные ориентации, личностные смыслы, ситуация COVID-19

Цитирование: Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 466–476. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>

Введение

Образ мира как психологический феномен в содержательном плане раскрывается с использованием понятия *хронотоп*, заключающего в себе основные параметры континуума, в котором протекает жизнь человека. В понимании А. А. Ухтомского, хронотоп – это своего рода «спайка» пространства и времени, «закономерная связь пространственно-временных координат» [1, с. 347]. Вместе с тем, как справедливо отмечает В. П. Зинченко, наряду с пространством и временем в хронотопе человека представлены смысловые и ценностные аспекты сознания, которые он называет ценностно-смысловым измерением [2]. В этой связи образ мира рассматривается сегодня как сложное образование, включающее в себя как пространственно-

временные, так и ценностно-смысловые компоненты, выступающие его хронотопическими измерениями. В предложенной нами структурно-содержательной модели образа мира человека [3] в качестве пространственной характеристики мы рассматриваем упорядоченную иерархию его субидентичностей в основных сферах жизнедеятельности. Временными характеристиками образа мира выступают временная перспектива личности как совокупность представлений человека о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам, восприятие активности, эмоциональной окраски, наполненности времени и т. д. Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира в нашей модели являются ценностные ориентации

личности, их осознание, внутреннее принятие и степень фактической реализации, осмысленность жизни и ее конкретных временных локусов – прошлого, настоящего и будущего, которые определяют актуальное смысловое состояние личности.

В функциональном плане образ мира представляет собой систему, трансформирующуюся в ответ на изменение объективного мира, в котором происходит жизнеосуществление человека. Трансформация содержательных компонентов образа мира играет роль приспособительной реакции на изменение окружающей действительности и, соответственно, выполняет функцию механизма, позволяющего сохранить устойчивость по отношению к меняющемуся миру, адаптироваться к изменению условий жизни [4]. Тем самым образ мира выступает в качестве особой функциональной системы психологической адаптации к непрерывному изменению жизненного мира человека.

Вполне логично, что понятие хронотопа используется для объяснения поведения человека как системы, реагирующей на изменение окружающей действительности. Упоминая в этом контексте о выборе стратегии поведения, Е. С. Фоминых и И. А. Шаповал указывают, что он «происходит в рамках его хронотопа, конструируемого и реконструируемого им пространственно-временно-смыслового контекста его жизни, сеткой координат которого служит система границ множественного Я» [5, с. 34]. Важным свойством хронотопа в этом ключе выступает гетерохронность, понимаемая как рассогласованность между временем и пространством, либо разорванность времени и пространства, постоянно побуждающая к гармонизации хронотопа. По Т. Д. Марцинковской, такая гетерохронность, «как любое нарушение гомеостаза, повышает интенциональность, задает направление развития» [6]. Е. С. Фоминых и И. А. Шаповал в аналогичном контексте пишут о хронотопировании – механизме самоорганизации личности путем пространственно-временного упорядочивания ее образа мира, который включается при возникновении внешних и внутренних препятствий, и «представляет собой деконструкции и реконструкции хронотопа и границ Я: утрату части имевшихся элементов, переоценку и переосмысление оставшихся, появление новых эмерджентных качеств, перестройку внутри матрицы хронотопа образующих ее пространственных и временных конструкторов и границ между ними» [5, с. 34]. Результатом такого хронотопирования является подтверждение старого смысла жизни либо его разрушение и рождение смысла нового.

Как пишет В. П. Зинченко, можно привести множество примеров открывающего смысл «хронотопического изменения бытия-сознания» при выраженном изменении жизненной ситуации – «это точки кризисов, переломов и катастроф, когда миг по своему значению приравнивается к билиону лет, т. е. утрачивает временную ограниченность» [7, с. 29]. С другой стороны, изменение хронотопа в подобной ситуации может выражаться и потерей смысла

существования, и тогда, по мнению А. А. Остапенко, напротив, «настоящее сжимается, хронотоп уменьшается». Описывая такую модель исчезновения хронотопа и содержательного времени при утрате смыслов, автор констатирует, что в итоге «хронотоп сжимается до нуля и превращается в "миг между прошлым и будущим"» [8, с. 5]. Очевидно, при резком изменении действительности вследствие острого травматического события, такого как смерть близких, природная или техногенная катастрофа, война, эпидемия и т. п., трансформация хронотопических характеристик образа мира может оказаться неадаптивной. Как отмечает в этой связи Б. М. Мастеров, в состоянии выраженного посттравматического стресса в большинстве случаев наблюдается «сломанный» хронотоп, который проявляется полным разрывом между прошлым и настоящим, а также отсутствием будущего [9]. В свою очередь, смысловые характеристики могут выступать детерминантами переживания жизненной ситуации. Так, в постнеклассической психологии итоговая позитивность либо негативность экстремальной ситуации обоснованно связывается со смыслом, который придает ей человек, находящийся в ней [10]. Таким образом, продуктивность либо деструктивность респондентного изменения составляющих образа мира будет определяться субъективным смыслом возникшей ситуации.

Новой и необычной для человека является ситуация, связанная с распространением пандемии COVID-19. Используя термин *ситуация* в данном контексте, мы понимаем под ней всю совокупность новых условий жизнеосуществления человека, выходящих за рамки привычного опыта и выступающих факторами трансформации его жизненного мира. По мнению Н. В. Гришиной, пандемия коронавируса может быть названа экзистенциальным кризисом, который обусловлен нарушением психологических границ персонального пространства и пространства социального бытия, разрушением привычного жизненного мира и невозможностью реализовать свои жизненные замыслы в навязанных условиях [11]. Эта ситуация проявляется вынужденным изменением образа жизни при противоэпидемических мероприятиях – резким ограничением круга «живого» общения, необходимостью длительного пребывания в ограниченном пространстве, существенным изменением характера и режима деятельности и т. п. Выраженным психогенным фактором является опасение заразиться, ощущение незащищенности, страх за свою жизнь и жизнь близких. Согласно О. П. Цариценцевой и М. М. Елфимовой, данная кризисная ситуация субъективно переживается как «неподконтрольная, сопровождающаяся ощущением угрозы, пессимистичная, неразрешимая, трудная, публичная, тупиковая, иррациональная и непонятная» [12, с. 193]. Закономерно, что она сопровождается резким ростом тревожности: «результаты исследований подтверждают, что ключевой психологический феномен пандемии – тревога, объясняемая, как правило, ситуацией неопределенности и невозможности прогноза будущего или общим

стрессом в связи с риском заражения, негативных социальных последствий и изменением образа жизни» [13, с. 72]. К числу других психологических последствий переживания описываемой кризисной ситуации относят, прежде всего, те или иные психопатологические проявления – различные фобии, нарушения сна, депрессивные и психосоматические расстройства и т. д. [14]. Эти и подобные последствия закономерно привлекают наибольшее внимание специалистов в области психологии, поскольку являются наиболее острыми и требующими неотложного вмешательства.

Очевидно, что описанное изменение образа жизни должно проявляться и в трансформации образа мира, его пространственных, временных и ценностно-смысловых характеристик, которая может оказать негативное влияние на эффективность конструирования будущего и продуктивность дальнейшего жизнеосуществления. Рядом авторов в этой связи исследуется взаимосвязь между переживанием ситуации пандемии COVID-19 и особенностями ценностно-смысловой сферы личности, при этом отношения между этими феноменами рассматриваются фактически как односторонние – направленность доминирующих ценностей и субъективный смысл данной ситуации понимаются в качестве психологических детерминант отношения к пандемии и накладываемым ей ограничениям [15; 16]. В отдельных публикациях анализируется влияние переживания описываемой ситуации на пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики. Н. А. Купина связывает возникновение тревоги при самоизоляции с «продленным настоящим», не имеющим границ [17]. Согласно результатам исследования И. О. Логиновой, для жизненного мира человека в ситуации пандемии COVID-19 характерно доминирование временного модуса *прошлое – настоящее*, а также отсутствующее или ситуативное рефлексивное отношение к собственной жизни [18]. Е. В. Федосенко описывает психологическое состояние человека в условиях пандемии через призму его обусловленности изменениями социального пространства, мировоззрения, ценностно-смысловых составляющих субъективной картины мира, которая, по его словам, в данной чрезвычайной ситуации ярко характеризуется рассогласованностью [19]. Однако в этих и других работах трансформация тех или иных компонентов образа мира в ситуации пандемии COVID-19 затрагивается лишь фрагментарно. В этой связи целью настоящего исследования является выявление особенностей всей совокупности пространственно-временных и ценностно-смысловых хронологических характеристик образа мира в ситуации пандемии COVID-19.

Организация и методы исследования

Настоящее исследование базируется на теоретической модели хронологических характеристик образа мира и методологии их оценки, разработанных и верифицированных нами ранее [3; 20]. В качестве конкретных психодиагностических методик использовались опросник

структуры идентичности, разработанный нами на основе теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [21]; методика «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна [22]; методика «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой и К. Р. Червинской [23]; методика изучения ценностной структуры массового сознания, разработанная нами на основе методики Р. Инглхарта [24]; реконцептуализированный тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [24]. Для оценки достоверности групповых различий использовался U-критерий Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие 92 студента 1–6 курсов очной формы обучения вузов г. Кемерово. Диагностика хронологических характеристик образа мира проводилась дважды – до начала распространения пандемии COVID-19 (в январе 2020 г.) и в период максимальных противоэпидемических ограничений (в апреле-мае 2020 г.).

Результаты и обсуждение

На основании теоретического анализа проблемы исследования нами было выдвинуто предположение, что психологическим ответом на ситуацию пандемии COVID-19 является перестройка всех пространственно-временных и ценностно-смысловых хронологических характеристик образа мира человека.

В качестве характеристики психологического пространства человека мы рассматриваем его идентичность, очерчивающую границы его субъективной территории через оценку значимости членства в различных социальных группах. По словам О. В. Лукьянова, идентичность личности представляет собой системную характеристику, определяющую способность человека удерживать непрерывность и устойчивость своего Я в ситуации возникающего разрыва между образом жизни и образом мира [25, с. 59]. Как пишет в аналогичном ключе Т. Д. Марцинковская, «гармонизация хронотопа может рассматриваться и как гармонизация идентичности, ... и как обретение целостной идентичности» [6]. Закономерно, что результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в условиях пандемии COVID-19 происходит определенная трансформация структуры идентичности (табл. 1). Как видно из приведенных данных, в рассматриваемой ситуации заметно снижается ранг социально-ролевых, национальных и гражданских оснований идентичности и возрастает значимость мировоззренческих, семейно-ролевых и коммуникативных компонентов образа Я. Статистически значимая ротация национальной идентичности на общечеловеческую отражает, очевидно, представление о глобальном характере угрозы пандемии, не имеющей национальных и государственных границ. Одновременно семья в этой ситуации, вероятно, рассматривается как «последний бастион», обеспечивающий защиту и безопасность и / или требующий их обеспечения, что повышает

Табл. 1. Результаты теста структуры идентичности до и во время пандемии

Tab. 1. Results of the identity structure test before and during the pandemic

Компоненты структуры идентичности	Средний ранг		U-критерий	p
	До пандемии	Во время пандемии		
Я как профессионал (будущий профессионал)	4,18	4,13	871	0,94
Я как студент	6,70	7,48	793,5	0,44
Я как мужчина / женщина	4,64	5,26	791,5	0,55
Я как сын / дочь	5,32	4,75	745,5	0,23
Я как муж / жена (будущий муж / жена)	7,64	6,78	754	0,26
Я как уникальная личность	3,36	3,15	837	0,70
Я как представитель своего народа	9,43	10,85	636	0,03
Я как гражданин своей страны	9,84	10,55	777,5	0,36
Я как житель данного города	10,00	10,70	772	0,34
Я как отец / мать (будущий отец / мать)	8,73	8,05	781,5	0,38
Я как представитель молодежи	8,66	9,68	743	0,22
Я как член неформальной группы	11,95	12,05	856,5	0,84
Я как друг / подруга	6,98	5,78	733,5	0,19
Я как последователь своей религии	13,16	13,15	845,5	0,76
Я как представитель вида Homo sapiens	12,11	10,20	657	0,05
Другое	13,27	13,43	866	0,90

Прим.: достоверные различия выделены полужирным шрифтом.

приоритетность соответствующих субидентичностей в иерархии. Увеличение субъективной значимости коммуникативной идентичности может объясняться теми же факторами или иметь дефицитарный характер, обусловленный вынужденным ограничением социальных контактов. В целом можно констатировать переструктурирование системы идентификационных характеристик в сторону увеличения значимости ресурсных видов идентичности.

К субъективным временным характеристикам образа мира мы относим, в частности, его хронологические рамки – протяженность временной перспективы личности. Результаты свидетельствуют о влиянии ситуации пандемии COVID-19 на протяженность временной перспективы личности в отношении своего прошлого и будущего (табл. 2). Так, доля респондентов, воспринимавших временной диапазон от одного дня до одного года как ближайшее, недавнее или отдаленное прошлое, в период пандемии заметно уменьшилась. С другой стороны, процент опрошенных, рассматривавших этот же интервал как свое среднесрочное и долгосрочное будущее, увеличился. То есть зона прошлого субъективно расширяется, отражая, вероятно, ощущение его большей событийной наполненности по сравнению с настоящим. Будущее, напротив, сокращается, как бы переносится на более ранний срок, т. е. субъективно приближается, что, по-видимому, соответствует «нетерпению» при ожидании окончания ситуации пандемии и связанных с ней рисков и ограничений. Следует отметить, что, по словам Т. А. Нестика, подавляющее большинство людей в принципе

планирует свою жизнь не дальше, чем на год [16]. Очевидно, высокая неопределенность в условиях пандемии приводит к еще большему сокращению осознаваемой временной перспективы в отношении своего будущего.

Табл. 2. Результаты методики «Индекс протяженности временной перспективы» в отношении своего прошлого и будущего до и во время пандемии, % респондентов

Tab. 2. Results of the method "Index of the length of time perspective" in the context of the past and the future before and during the pandemic, % of respondents

Вариант ответа	Прошлое		Будущее	
	До пандемии	Во время пандемии	До пандемии	Во время пандемии
	Ближайшее прошлое		Ближайшее будущее	
1 день	2,9	6,5	–	2,1
1 неделя	11,4	6,5	11,1	10,6
2 недели	5,7	2,2	2,8	4,3
1 месяц	17,1	28,3	13,9	19,2
3 месяца	17,1	6,5	5,6	19,2
6 месяцев	11,4	6,5	19,4	12,8
9 месяцев	8,6	8,7	2,8	–
1 год	20,0	19,6	36,1	21,3

Вариант ответа	Прошлое		Будущее	
	До пандемии	Во время пандемии	До пандемии	Во время пандемии
3 года	5,7	13,0	2,8	6,4
5 лет	–	2,2	5,6	4,3
10 лет	–	–	–	–
15 лет	–	–	–	–
20 лет	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–
	Относительно недавнее прошлое		Будущее в среднесрочной перспективе	
1 день	–	–	–	2,1
1 неделя	2,8	6,4	2,8	2,1
2 недели	2,8	2,1	2,8	4,3
1 месяц	25,0	8,5	13,9	6,4
3 месяца	22,2	17,0	11,1	4,3
6 месяцев	13,9	14,9	11,1	12,8
9 месяцев	–	2,1	–	–
1 год	22,2	21,3	13,9	25,5
3 года	8,3	21,3	27,8	21,3
5 лет	2,8	6,4	11,1	21,3
10 лет	–	–	5,6	–
15 лет	–	–	–	–
20 лет	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–
	Отдаленное прошлое		Долгосрочное будущее	
1 день	–	–	–	–
1 неделя	2,8	–	–	–
2 недели	–	–	–	–
1 месяц	2,8	–	2,8	–
3 месяца	–	–	–	2,1
6 месяцев	2,8	–	2,8	–
9 месяцев	–	–	–	2,1
1 год	13,9	12,8	8,3	17,0
3 года	22,2	4,3	25,0	8,5
5 лет	41,7	34,0	30,6	23,4
10 лет	11,1	36,2	22,2	29,8
15 лет	–	8,5	5,6	8,5
20 лет	2,8	–	2,8	4,3
25 лет	–	2,1	–	2,1
Более 25 лет	–	2,1	–	2,1

В данном исследовании анализировалось также субъективное восприятие активности и эмоциональной окраски прошлого, настоящего и будущего (табл. 3). Образ настоящего в условиях пандемии претерпевает заметные изменения, становясь более тревожным, напряженным, пассивным, замедленным, печальным, тусклым и бесцветным. Метафорический образ прошлого трансформируется в прямо противоположном направлении, приобретая черты, отчетливо контрастирующие с настоящим, и в целом обретает выраженную ностальгическую окраску. Образ будущего становится несколько более негативным в плане эмоциональной окрашенности, но вместе с тем и менее тревожным, чем до пандемии, вероятно, отражая представление о том, что самое страшное уже случилось. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в условиях пандемии происходит изменение субъективного образа всех трех временных измерений. Отметим в этой связи, что Т. А. Нестик, отвечая на вопрос о способе сохранить свое психологическое здоровье в условиях самоизоляции, говорит о децентрации – рассмотрении ситуации пандемии «сквозь призму собственных прошлого, настоящего и будущего» [16]. Интересным является общее изменение восприятия плотности всех временных модулей – прежде всего прошлое, но и настоящее, и будущее в ситуации пандемии начинают представляться более насыщенными и наполненными событиями. Как пишет В. П. Зинченко, «лишенное событийности физическое время – это время распада, разложения. Оно не удерживается человеческой памятью, которая событийна, а не хронографична» [7, с. 31]. Соответственно, описанная трансформация временных характеристик образа мира в ситуации пандемии носит скорее мобилизующий и продуктивный характер.

Табл. 3. Результаты по методике «Семантический дифференциал времени» до и во время пандемии

Tab. 3. "Semantic time differential", before and during the pandemic

Характеристики времени	Средние баллы		U-критерий	P
	До пандемии	Во время пандемии		
Настоящее				
Активное	4,56	4,17	827,5	0,26
Напряженное	3,88	4,08	923	0,62
Радостное	4,61	4,19	762	0,07
Стремительное	4,29	3,94	877	0,38
Плотное	4,34	5,21	942	0,73
Яркое	4,61	4,21	814,5	0,16
Тревожное	3,61	3,98	831,5	0,21
Цветное	4,78	4,58	878	0,39
Постоянное	3,10	3,58	802	0,19
Светлое	4,41	4,46	962	0,86

Характеристики времени	Средние баллы		U-критерий	p
	До пандемии	Во время пандемии		
Прошлое				
Активное	4,05	4,54	875	0,29
Напряженное	4,50	4,00	846	0,19
Радостное	3,88	4,44	829,5	0,15
Стремительное	4,12	4,38	925,5	0,51
Плотное	3,81	4,50	769	0,05
Яркое	4,57	4,77	951	0,65
Тревожное	4,50	3,77	705	0,01
Цветное	4,38	4,63	935	0,55
Постоянное	3,26	3,00	935	0,56
Светлое	4,29	4,44	966	0,74
Будущее				
Активное	5,29	5,27	787	0,54
Напряженное	3,38	3,38	873	0,97
Радостное	5,23	5,04	746,5	0,19
Стремительное	4,97	4,89	807	0,43
Плотное	4,90	5,93	848	0,80
Яркое	5,28	5,11	767	0,25
Тревожное	3,03	2,84	818,5	0,60
Цветное	5,36	5,04	732	0,19
Постоянное	3,38	4,11	680	0,056
Светлое	5,13	5,30	861,5	0,76

Прим.: максимальный балл по характеристике – 6, минимальный – 1; достоверные различия выделены полужирным шрифтом.

Ценностные характеристики образа мира до и во время пандемии анализировались путем сравнения частоты доминирующей направленности на различные группы ценностей (табл. 4). Как указывают Н. В. Козлова и Ю. В. Овчинникова, ценностные ориентации трансформируются в кризисной ситуации, при изменении окружающей действительности, что в итоге приводит к видоизменению образа мира в целом [4, с. 96]. В нашем случае, как это видно из приведенных данных, в условиях пандемии фактически в два раза уменьшается число ориентирующихся на ценности социализации, определяющиеся значимостью межличностного взаимодействия, социального одобрения и общественного признания. Одновременно наблюдается рост доли ориентирующихся на ценности адаптации, связанные с потребностью в собственном выживании, либо на ценности индивидуализации, обусловленные направленностью на саморазвитие ради блага всех людей. С учетом того, что направленность на ценности адаптации, социализации и индивидуализации с известной долей условности соответствует разным уровням личностного развития,

описанное перераспределение отражает поляризацию ценностной структуры массового сознания, которая заключается в сокращении доли ориентирующихся на ценности среднего уровня за счет увеличения числа направленных на низшие либо высшие ценности. Полученные результаты согласуются с описанной нами ранее моделью развития системы ценностных ориентаций личности [26], по которой выбор вектора развития определяется разрешением противоречия между ориентацией на ценности более низкого или более высокого уровней, между направленностью на регресс либо на личностный рост, между описанными Э. Фроммом полярными стремлениями «иметь или быть», соответствующими, в его представлении, аномальному либо нормальному развитию.

Табл. 4. Результаты по методике ценностной структуры массового сознания до и во время пандемии, % респондентов

Tab. 4. Mass consciousness value structure, before and during the pandemic, % of respondents

Доминирующие ценности	До пандемии	Во время пандемии
Адаптации	28,2	33,3
Социализации	28,2	14,6
Индивидуализации	7,7	12,5
Промежуточный тип	35,9	39,6

Смысловые компоненты образа мира изучались посредством оценки уровня осмысленности жизни и ее отдельных временных локусов. В целом в ситуации пандемии COVID-19 происходит увеличение всех показателей осмысленности жизни, в первую очередь – уровня осмысленности настоящего. Однако обнаруженные различия не достигают уровня статистически значимых, возможно, вследствие разнонаправленности трансформации рассматриваемых смысловых характеристик. Как замечает В. В. Колпачников, условия, «осмысленные как "экстремальные", "сверх моих собственных возможностей", "непереносимые" и т. п., ...вызывают величайшее напряжение и стресс с вытекающими состояниями истощения, бессилия и невозможности что-либо сделать. Эти же самые обстоятельства, будучи осмыслены как сложные, но совладаемые, чувствуются и переносятся совершенно иначе, намного более спокойно и конструктивно» [27, с. 76]. Данное предположение подтверждается при анализе динамики частоты типов актуальных смысловых состояний (АСС), отличающихся различной продуктивностью, т. е. способностью извлекать смыслы из конкретной жизненной ситуации (табл. 5). В качестве критерия отнесения к продуктивному типу АСС рассматривается высокая осмысленность всех трех временных локусов, к частично продуктивному – осмысленность каких-либо двух локусов, к непродуктивному – осмысленность одного и менее локусов. Как следует из полученных результатов, доля продуктивных типов АСС до пандемии

составляла 39,5 %, во время пандемии – 33,3 %; частично продуктивных – 9,3 % и 18,8 % соответственно, непродуктивных – 51,2 % и 47,9 %. Таким образом, в условиях пандемии уровень осмысленности жизни может как повышаться, так и понижаться, что соответствует переориентации на высшие или низшие ценности, описанной выше. Это свидетельствует о существовании двух различных механизмов совладания с данной кризисной ситуацией, имеющих разный уровень системной организации и итоговой эффективности – как было показано нами ранее, при росте продуктивности АСС уровень функционирования механизмов интрапсихической адаптации снижается, а следствием увеличения непродуктивности АСС, напротив, является повышение напряженности различных психологических защит [28].

Табл. 5. Распределение типов актуальных смысловых состояний

до и во время пандемии, % респондентов

Tab. 5. Distribution of types of the meaningful state before and during the pandemic, % of respondents

№	Тип актуального смыслового состояния			До пандемии	Во время пандемии
	Осмысленность прошлого (результат)	Осмысленность настоящего (процесс)	Осмысленность будущего (цели)		
1	Низкая	Низкая	Низкая	44,19	31,25
2	Высокая	Низкая	Низкая	–	–
3	Низкая	Высокая	Низкая	4,65	10,42
4	Высокая	Высокая	Низкая	2,33	6,25
5	Низкая	Низкая	Высокая	2,33	6,25
6	Высокая	Низкая	Высокая	6,98	4,17
7	Низкая	Высокая	Высокая	–	8,33
8	Высокая	Высокая	Высокая	39,53	33,33

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что ситуация пандемии COVID-19 обуславливает существенное изменение жизненного мира человека и, соответственно, его субъективного образа. Как справедливо отмечает Д. А. Леонтьев, мир, который дан человеку, «выходит за рамки актуального, того что окружает субъекта здесь и сейчас, он находится за рамками данной ситуации, за пределами перцептивного поля, он существует также в прошлом и в будущем» [29, с. 28]. В этой связи можно заключить, что новые и экстраординарные условия, определяющие жизнь человека в ситуации пандемии, оказывают надситуативное, генерализованное воздействие на образ мира человека, детерминируя трансформацию всех его пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов.

Заключение

Образ мира человека выступает целостной функциональной системой, обеспечивающей адаптацию к сложной жизненной ситуации посредством ответного изменения пространственно-временных и ценностно-смысловых хромотопических характеристик. Новой и недостаточно изученной кризисной ситуацией, связанной с резким изменением жизненного мира и образа жизни человека, является распространение пандемии COVID-19. Мы предположили, что психологическим ответом на данную ситуацию будет являться перестройка всех хромотопических характеристик образа мира.

В условиях пандемии COVID-19 происходит трансформация как пространственно-временных, так и ценностно-смысловых компонентов образа мира человека. В рассматриваемой ситуации снижается значимость национальных и гражданских оснований идентичности и возрастает роль общечеловеческих и семейно-ролевых элементов образа Я, выступающих характеристиками субъективного пространства человека.

В ситуации пандемии изменяется протяженность временной перспективы личности – зона прошлого субъективно расширяется, а будущего, напротив, сокращается. Вместе с этим происходит и изменение субъективного восприятия активности и эмоциональной окраски всех временных модусов: образ настоящего становится более пассивным и негативно окрашенным; образ прошлого трансформируется в обратном направлении; образ будущего занимает как бы промежуточное положение, отражая умеренный оптимизм. При этом и прошлое, и настоящее, и будущее начинают представляться более насыщенными и наполненными событиями.

Трансформация системы ценностных ориентаций личности в ситуации пандемии носит вариативный характер и заключается в сокращении доли ориентирующихся на средние по своему уровню развития ценности социализации за счет увеличения числа направленных на низшие ценности адаптации либо на высшие ценности индивидуализации. В ситуации пандемии COVID-19 происходит разнонаправленное изменение показателей осмысленности жизни, отражающих существование различных смысловых механизмов совладания с данной кризисной ситуацией, имеющих разный уровень продуктивности.

С учетом тесной взаимообусловленности всех названных компонентов можно заключить, что ситуация пандемии COVID-19 вызывает системный ответ со стороны образа мира, заключающийся в целостной перестройке всех его компонентов. Это позволяет уточнить представление об образе мира как о функциональной системе динамической регуляции жизнедеятельности, обеспечивающей психологическую адаптацию при изменении жизненного мира человека и совладание со сложной жизненной ситуацией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
2. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
3. Яницкий М. С., Серый А. В., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира студентов вуза // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2019 г.) СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. Вып. 2. С. 851–859.
4. Козлова Н. В., Овчинникова Ю. В. Особенности образа мира личности на разных этапах личностно-профессионального становления // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 96–112. DOI: 10.17223/17267080/62/8
5. Фоминых Е. С., Шаповал И. А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
6. Марцинковская Т. Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (дата обращения: 26.05.2021).
7. Зинченко В. П. Человек в пространстве времен // Развитие личности. 2002. № 3. С. 23–50.
8. Остапенко А. А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного» // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 2–6.
9. Мастеров Б. М. Хронотоп травмы и пути социально-психологической реабилитации // Беслан. 5 лет вместе: сб. мат-лов специалистов, работавших в Беслане / отв. ред. А. В. Печников. М.: РПК «Агава», 2009. С. 43–52.
10. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 120–124.
11. Гришина Н. В. Экзистенциальный оптимизм и экзистенциальный пессимизм. Выбор за нами // 14-й Санкт-Петербургский Саммит психологов. (Санкт-Петербург, 31 мая – 3 июня 2020 г.) Режим доступа <https://psy.su/feed/8315/> (дата обращения: 26.05.2021).
12. Цариценцева О. П., Елфимова М. М. Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 191–201. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201
13. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpp.2020280204
14. Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
15. Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинов В. С. Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 174–182. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182
16. Пензина А. Как COVID-19 меняет образ будущего // В мире науки. 2020. № 4-5. С. 24–31.
17. Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 3. С. 5–13. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
18. Логинова И. О. Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии COVID-19 // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 2. С. 183–196. DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-211
19. Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме: мат-лы XXV Междунар. симпозиума. (Москва, 15–16 апреля 2020 г.) М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 34–47. DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040
20. Балабашук Р. О., Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 714–726. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726

21. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
22. Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: ИП РАН, 2011. 293 с.
23. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 43 с.
24. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности. Новокузнецк: МАОУ ИПК, 2010. 102 с.
25. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 46–63.
26. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
27. Колпачников В. В. Личностный смысл экстремальных условий как детерминанта совладания с ними // Личность в экстремальных условиях: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. Ч. 2. С. 74–83.
28. Серый А. В., Карась Д. В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 29–34.
29. Леонтьев Д. А. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34. DOI: 10.17759/chp.2019150103

original article

Chronotopic Characteristics of the Image of the World during the COVID-19 Pandemic

Mikhail S. Yanitskiy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>; direktorspi@kemsu.ru

Olga A. Braun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Roman O. Balabashchuk

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

Received 27 May 2021. Accepted 17 Jun 2021.

Abstract: The image of the world is a set of space-temporal and value-semantic chronotopic components. It is a functional system of psychological adaptation to the constant changes in the human lifeworld. The COVID-19 pandemic is a model of severe changes in lifeworld and lifestyle. The research objective was to identify the chronotopic characteristics of the image of the world in a crisis. The study was conducted twice, i.e. before the outbreak and during the period of maximum restrictions, and featured 92 people. The COVID-19 pandemic transformed the structure of the image of the world. The changes occurred in the orientation of the identification of one's characteristics, followed by a certain reorientation of these characteristics from the national and civil identity to the human one. The family-role components of the self-image became more significant. The past perspective expanded, while the future perspective shrank. The emotional coloring of the present became more negative, the past was seen as positive, while the future appeared moderately optimistic. All three time modes proved to be more event-filled. These processes were observed against the background of the polarization of value preferences. The level of meaningfulness of life showed multidirectional dynamics, probably, as a result of different crisis-coping mechanisms with different levels of productivity. The pandemic restructured all components of the image of the world, which had a mobilizing and productive character.

Keywords: chronotope, time, space, value orientations, personal meanings, COVID-19

Citation: Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Chronotopic Characteristics of the Image of the World during the COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 466–476. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Ukhtomskii A. A. *Dominant*. St. Petersburg: Piter, 2002, 448. (In Russ.)
2. Zinchenko V. P. Values in consciousness structure. *Voprosy filosofii*, 2011, (8): 85–97. (In Russ.)
3. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopic features of the university students' image of the world. *Herzen's readings: psychological research in education: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 9–10 Oct 2019. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2019, iss. 2, 851–859. (In Russ.)
4. Kozlova N. V., Ovchinnikova Yu. V. Special features of a world image on the process of personal and professional formation. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, (62): 96–112. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/62/8
5. Fominykh E. S., Shapoval I. A. Transformations of chronotope and personality borders as the disposition of destructiveness choice: between possibilities and objective laws. *Psychology and Psychotechnics*, 2017, (4): 23–36. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
6. Martsinkovskaya T. D. Internal form of psychological chronotope: approaches to the problem. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2017, 10(54). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (accessed 26 May 2021). (In Russ.)
7. Zinchenko V. P. Human in the space of time. *Razvitie lichnosti*, 2002, (3): 23–50. (In Russ.)
8. Ostapenko A. A. Chronotopos as the intersection of past and future, present and... "a make-beliefs". *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2010, (1): 2–6. (In Russ.)
9. Masterov B. M. Chronotope of trauma and ways of socio-psychological rehabilitation. *Beslan. 5 years together: Proc. specialists who worked in Beslan*, ed. Pechnikov A. V. Moscow: RPK "Agava", 2009, 43–52. (In Russ.)
10. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Transformation of ideas of the extreme situation in post-nonclassical psychology. *Lichnost v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeiatelnosti*, 2013, (3): 120–124. (In Russ.)
11. Grishina N. V. Existential optimism and existential pessimism. The choice is ours. *14th St. Petersburg Summit of Psychologists*, St. Petersburg, 31 May –3 Jun 2020. Available at: <https://psy.su/feed/8315/> (accessed 26 May 2021). (In Russ.)
12. Tsaritsentseva O. P., Elfimova M. M. Coping with the reality situation during the COVID-19 pandemic in the context of individual resilience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 191–201. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201
13. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the "vicious circle" of anxiety? *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 70–89. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280204
14. Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kazmina O. U. Dynamics of psychological reactions at the start of the pandemic of COVID-19. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2020, 12(2): 108–126. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
15. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinov V. S. Attitudes to lockdown in students with different indicators of responsibility and value orientations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 174–182. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-174-182
16. Penzina A. How COVID-19 is changing the image of the future. *V mire nauki*, 2020, (4-5): 24–31. (In Russ.)
17. Kupina N. A. Coronavirus pandemic: metaphorical diagnosis of anxious reality in the media texts. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2020, 26(3): 5–13. (In Russ.) DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
18. Loginova I. O. Features of human life-world stability during the pandemic period related to COVID-19. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2020, (2): 183–196. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-211
19. Fedosenko E. V. Life after the quarantine: psychology of sense and coronavirus COVID-19. *Psychological problems of the meaning of life and Acme: Proc. XXIV Intern. Symposium*, Moscow, 15–16 Apr 2020. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO, 2020, 34–47. (In Russ.) DOI: 10.24411/9999-042A-2020-00040

20. Balabashchuk R. O., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhaeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. Transformation of space-temporal and value-semantic components of the image of the world during the university studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 714–726. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726
21. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
22. Nestik T. A. *Attitude to time in small groups and organizations*. Moscow: IP RAN, 2011, 293. (In Russ.)
23. Vasserman L. I., Trifonova E. A., Chervinskaya K. R. *Semantic differential of time: expert psychodiagnostic system in medical psychology*. St. Petersburg: NIPNI im. V. M. Bekhtereva, 2009, 43. (In Russ.)
24. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. *Diagnostics of the level of development of the value-semantic sphere of the individual*. Novokuznetsk: MAOU IPK, 2010, 102. (In Russ.)
25. Lukyanov O. V. The factor in the system of psychological interpretations. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2010, 7(2): 46–63. (In Russ.)
26. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
27. Kolpachnikov V. V. Personalized meaning of extreme conditions as coping determinant. *Personality in extreme conditions: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU im. Vitusa Beringa*, 2012, 2012, pt. 2, 74–83. (In Russ.)
28. Seryy A. V., Karas D. V. The tension degree of psychological defense mechanisms in depend on actual meaning state type. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2007, (25): 29–34. (In Russ.)
29. Leontiev D. A. Human being and lifeworld: from ontology to phenomenology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2019, 15(1): 25–34. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2019150103

оригинальная статья

УДК 811.111

Корпусное исследование простых неинвертированных местоименных вопросительных конструкций в английском языке

Елена Николаевна Воробьева

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Россия, г. Вологда; <https://orcid.org/0000-0002-2578-6527>;
helenvorobyova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2021. Принята в печать 15.06.2021.

Аннотация: Рассмотрены ядерные модели местоименного вопросительного предложения с прямым порядком слов на материале английского языка. Проблема употребления неинвертированных вопросительных структур в речи определяется специфичностью английского языка как языка аналитического строя. Частичная инверсия подлежащего и сказуемого традиционно считалась одним из главных выражений категории вопросительности. Однако исследования показывают, что в современном английском языке вопросительные предложения с прямым порядком слов представляют собой регулярное явление в разговорной речи. Нарушение инвертированного порядка слов отражает явление языковой экономии, а также объясняется экспрессивно-стилистическими задачами. Хотя случаи нарушения порядка слов в отношении повествовательных структур были достаточно хорошо изучены и классифицированы, отступление от грамматически нормативного следования подлежащего и сказуемого в вопросительном предложении остается малоизученной областью отечественной и зарубежной лингвистики. Главным реализуемым в статье методом исследования является корпусный анализ, который получает уточнение применительно к задачам синтаксического изучения. Устанавливается частотность местоименных вопросительных структур с прямым порядком слов в Корпусе современного американского английского языка, анализируется их грамматическая специфика и жанровая отнесенность. В частности, было показано, что наибольшее распространение данные грамматические структуры получили в телевизионном и кинематографическом регистрах. Результаты исследования позволяют внести вклад в дальнейшую работу по составлению формальной классификации неинвертированных местоименных и неместоименных конструкций и описанию особенностей их дистрибуции в корпусе.

Ключевые слова: вопросительное предложение, прямой порядок слов, частичная инверсия, корпус английского языка, частотность, регистр

Цитирование: Воробьева Е. Н. Корпусное исследование простых неинвертированных местоименных вопросительных конструкций в английском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 477–485. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-477-485>

Введение

В настоящий момент активно обсуждаются вопросы функционирования единиц языка в речи. Они во многом вызваны фиксацией многочисленных отступлений от традиционных грамматических норм. Подобные процессы характерны и для употребления вопросительных структур в речевой цепи, что определяется особенностями строя английского языка как языка аналитического типа. В частности, лингвисты отмечают различные нарушения порядка слов, эллиптичность конструкций. Например, по исследованию М. С. Саидовой, вопросительные структуры с прямым порядком слов составляют 53,6 % от общего числа рассмотренных примеров [1, с. 1], что определяет высокую актуальность данной статьи. Несмотря на признаваемую даже традиционными грамматиками регулярность указанного явления [2, с. 293–294], не были предприняты попытки подробного описания, классифицирования нарушений порядка слов на материале вопросительного предложения. Аналогичные явления в английском повествовательном

предложении были исследованы достаточно подробно [3–12]. При этом нарушение нормативного порядка слов связывалось по большей части с реализацией экспрессивно-стилистической функции языка.

Значимость работы обусловлена также тем, что образцы использования неинвертированных конструкций анализируются в различных формах естественного текста, представленных в корпусе английского языка.

Хотя данная статья ограничивает свою цель систематизацией ядерных моделей местоименных вопросительных предложений с прямым порядком слов видовременных форм *Indefinite*, вносится существенный вклад в создание типологии неинвертированных вопросительных конструкций на материале английского языка и вырабатываются общие подходы к поиску и отбору синтаксических структур в лингвистических корпусах, имеющих зачастую только морфологическую разметку.

Теоретические предпосылки исследования

Универсальная синтаксическая категория порядка слов определяется расположением главных членов предложения – подлежащего и сказуемого. В английском языке в отсутствие развитой системы падежных окончаний фиксированный, «твердый» порядок слов решает, прежде всего, важную задачу установления различных синтаксических функций слов в предложении. Данное грамматическое значение порядка слов установилось в среднеанглийский период в результате морфологических изменений, связанных с разрушением флексий [13, с. 293–294]. Именно разрушение флексий в среднеанглийский период во многом обусловило установившийся приоритет логико-грамматической функции порядка слов [14, с. 9].

В нормативных грамматиках английского языка традиционно различаются прямой (подлежащее+сказуемое) и обратный (сказуемое+подлежащее) порядок слов; при этом обратный порядок слов обычно называется инверсией [2; 5; 15]. Термин *прямой порядок слов*, соотносящийся со схемой *подлежащее+сказуемое* в отечественном языкознании и закрепившийся за повествовательными конструкциями, в зарубежной лингвистике соответствует термину *канонический* (*canonical word order*). Это такой порядок слов, который соответствует схеме Субъект+Глагол+Объект (SVO (Subject+Verb+Object)) [16, р. 1–2]. При этом в понятие инверсии многие зарубежные исследователи не включают конструкции с *there* и вопросы со вспомогательным глаголом в позиции перед подлежащим. Например, Дж. М. Грин дает следующее определение инверсии: «Под инверсией нами понимаются те повествовательные конструкции, где субъект (*subject*) следует за частью или за полной глагольной фразой»¹ [17, р. 3]. Исключение инверсий с вспомогательным глаголом (*auxiliary inversions*) происходит на том основании, что данный тип имеет целый ряд семантических и синтаксических различий.

Исходя из того, что существует только два возможных варианта следования главных членов (*подлежащее+сказуемое* или *сказуемое+подлежащее*), возникает вопрос: следует ли считать один из двух установленных вариантов нормой современного английского языка, в то время как все остальные случаи будут являться отклонениями от нормы (инверсией), или же нормативный порядок слов должен устанавливаться для каждого конкретного типа предложения? [7, р. 238]. Согласно традиционной точке зрения, порядок слов основы вопросительного предложения по своему определению признается ненормативным, инверсивным.

По мнению ряда исследователей, следует уточнить понятие инверсии в связи с различными коммуникативными типами предложений. Т. К. Уварова отмечает: «инверсией следует считать измененный по отношению к основному типу порядок слов в данном коммуникативном типе

предложения» [18, с. 128]. Схожей точки зрения придерживается известный филолог-германист Б. А. Ильиш, по мнению которого, следует различать (противопоставлять) повествовательные и вопросительные предложения. Так, нормальным порядком следования членов в повествовательном предложении будет считаться порядок *подлежащее плюс сказуемое*, но обычным, нормальным порядком в вопросительном предложении будет модель *сказуемое плюс подлежащее* [7, р. 238–239]. Таким образом, в английском языке инверсия главных членов вопросительного предложения вызвана требованиями его грамматической структуры и должна считаться нормой. Любые же отклонения от инверсивного порядка следования главных членов предложения в вопросных структурах подлежат анализу и изучению функциональной значимости подобных случаев.

Несмотря на высказанные замечания, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике сохраняется традиционная терминология с ориентацией на прямой порядок слов повествовательных предложений. Что касается вопросительного предложения, выделяется два типа инверсий: полная и частичная. Случаи предшествования личных (вспомогательных) глаголов подлежащему в вопросительных предложениях определяются как частичная инверсия. Деление инверсии на полную (*full inversion*) и частичную (*subject-auxiliary, semi-inversion*) прослеживается и в трудах зарубежных языковедов [16; 17; 19]. Полная инверсия в вопросительных предложениях ограничивается конструкциями, где сказуемое выражено глаголом *to be* [2, с. 317]. Инверсивный порядок слов наблюдается во всех местоименных вопросительных конструкциях за исключением случаев, когда вопросительное слово является подлежащим или определением к подлежащему [5, р. 283–284].

Многие случаи нарушения порядка слов вопросительного предложения представляют собой эллипсис: *Who we talking about, Sarge?*² Эллиптические реплики – структуры с факультативными нулевыми формами в составе. Нулевая синтаксическая форма – значимое отсутствие определенного члена в эксплицитно выраженном составе предложения. Факультативная нулевая форма – результат редукции грамматической конструкции в речевой цепи. «При данной трансформации происходит диалектическое расщепление внешней и внутренней структуры: внешняя сторона сокращается, а внутренняя, смысловая, нарастает» [20, с. 95]. При анализе функциональной значимости нулевых форм высказывается точка зрения, что в неполном предложении отсутствие тех или иных членов предложения либо характеризует условия, в которых протекает общение, либо является следствием речевой экономии, нормой разговорной речи, при которой опускаются повторяющиеся синтаксические элементы. Явление речевой экономии имеет универсальный характер и отражает процессы, происхо-

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

² Buchanan E. Love kills: a Britt Montero novel. N. Y.: Pocket Books, 2008. P. 17.

дящие во всех языках. На использование коммуникантами неполных предложений самое непосредственное влияние оказывают такие компоненты ситуации, как диалогическая форма, контактность, неофициальность общения, дефицит времени [21, с. 63].

Довольно часто в эллипсисе мы имеем дело не с отсутствием, а с опущением по стилистическим причинам с целью эмоционального воздействия на читателя или партнера по коммуникации. Отмечается, что порядок слов, эллипсис, парцелляцию, вопросительные конструкции, экспрессивные побудительные предложения следует рассматривать как средства создания экспрессивности высказывания [22]. Подробно явление эллиптизации на материале вопросительного предложения было освещено в одной из наших предыдущих статей [23].

Методы и материалы

Корпусный синтаксис, являясь сравнительно новым направлением в изучении функционирования синтаксических структур в речи, противопоставлен традиционным лингвистическим методам исследования. По замечанию Н. В. Козловой, сбор и анализ практического материала посредством корпусов является «естественным шагом в лингвистике вслед за развитием информационных технологий» [24, с. 79]. Главным объектом корпусных исследований является язык, репрезентированный в корпусе текстов для лингвистического изучения. Под лингвистическим или языковым корпусом понимается «большой, представленный в машиночитаемом виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [25, с. 7].

Материалом для статьи послужил Корпус современного американского английского языка (*Corpus of Contemporary American English, COCA*), являющийся крупнейшим национальным языковым корпусом, содержащим 1 млрд словоупотреблений за 1990–2019 гг. Программное обеспечение аннотированных лингвистических корпусов позволяет использовать данные статистических критериев (мер) для решения исследовательских задач в различных областях лингвистического знания [26, с. 6]. Корпус современного американского английского языка является корпусом смешанного типа [27, с. 13], включающим материал устной и письменной речи, поэтому на его основе можно провести не только статистический (частотный) анализ лингвистических единиц, но и оценить их жанрово-стилистическую отнесенность.

Одной из основных характеристик лингвистического корпуса текстов является наличие разметки, которая существенно облегчает поиск заданных единиц. Синтаксическая разметка, важная для решения задач настоящего исследования, подразумевает указание синтаксической структуры для каждого отдельного предложения. Однако большинство языковых корпусов содержат исключительно морфологиче-

скую разметку, предоставляющую ограниченные возможности поиска словосочетаний и грамматических форм слов. Проблема составления поискового запроса (*search string*) для целого предложения потребовала от автора статьи определенных усилий и времени. В частности, в целях исключения примеров, где поисковый запрос совпадал с моделью косвенного вопроса, в котором прямой порядок слов считается грамматической нормой, автором использовались знаки точки и пробела перед вводимой синтаксической конструкцией.

Результаты

За основу систематизации вопросительных предложений принята общая классификация коммуникативных типов предложения по наличию / отсутствию вопросительного слова [28–30], соотносимая со способом обозначения ремы и коммуникативного задания вопроса: местоименный (специальный) и альтернативный (неместоименный) типы вопросительного предложения [31].

Объектом исследования в данной работе выступили местоименные вопросительные предложения с прямым порядком слов простой нераспространенной структуры (т. н. элементарные простые (монопредикативные) предложения [32, с. 152]) времен группы *Indefinite* активного залога (*What you think? Where you live?* и т. д.), где для образования вопросительной формы традиционно используется частичная инверсия. В задачи анализа входила сравнительная оценка частотности употребления вопросительных местоимений (*what, which, whom*) и наречий (*why, where, when, how*) в вопросительных конструкциях с прямым порядком слов. Рассматриваемые структуры были составлены в соответствии с обозначениями частей речи, предлагаемыми создателями корпуса, где PRON – местоимение, VV0 – первая форма основного глагола, VVD – форма основного глагола в прошедшем времени, VM VV0 – форма основного глагола в будущем времени. Исходя из опыта предыдущих исследований, позицию *subject* заняли местоимения (PRON) как наиболее частотная именная часть речи, выражающая подлежащее. Для сравнения: поисковый запрос *What NOUN* (существительное) VV0? составил лишь 12 примеров против 275 для *What PRON VV0?*

Таблицы 1–5 содержат информацию о частотности неинвертированных вопросительных структур (Freq), нормированные (Per Mil) и непосредственные подсчеты (Size (M)). Раздел нормированных подсчетов информирует о количестве случаев употребления конструкции на 1 млн слов. Непосредственные подсчеты неизменны и содержат информацию о размере регистра.

Данные таблиц показывают, что самый высокий уровень частотности выявляется у простой местоименной вопросительной конструкции в формах настоящего и прошедшего неопределенного времени, образованной вопросительным местоимением *what* (1,87 и 1,6 примеров на 1 млн употреблений соответственно). Значительно

уступают по употребительности интеррогативные структуры с вопросительными наречиями *how, where, why* и *when* (по убыванию частотности). Местоименные вопроситель-

ные предложения с прямым порядком слов, образованные местоимениями *which, whom*, в корпусе не зафиксированы.

Табл. 1. Местоименные вопросительные структуры с местоимением *what*

Tab. 1. Pronominal interrogative structures with the pronoun *what*

Genre	What PRON VV0? (The Present Indefinite)			What PRON VVD? (The Past Indefinite)			What PRON VM VV0? (The Future Indefinite)		
	Freq (275)	Per Mil	Size (M)	Freq (216)	Per Mil	Size (M)	Freq (0)	Per Mil	Size (M)
TV / Movies	239	1,87	128,1	205	1,60	128,1	0	0,00	128,1
Fiction	22	0,19	118,3	4	0,03	118,3	0	0,00	118,3
Web	5	0,04	124,3	0	0,00	124,3	0	0,00	124,3
Blog	3	0,02	128,6	0	0,00	128,6	0	0,00	128,6
Spoken	6	0,05	126,1	7	0,06	126,1	0	0,00	126,1
Magazine	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1
Newspaper	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7
Academic	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8

Табл. 2. Местоименные вопросительные структуры с наречием *why*

Tab. 2. Pronominal interrogative structures with the adverb *why*

Genre	Why PRON VV0? (The Present Indefinite)			Why PRON VVD? (The Past Indefinite)			Why PRON VM VV0? (The Future Indefinite)		
	Freq (34)	Per Mil	Size (M)	Freq (3)	Per Mil	Size (M)	Freq (0)	Per Mil	Size (M)
TV / Movies	15	0,12	128,1	2	0,02	128,1	0	0,00	128,1
Fiction	3	0,03	118,3	1	0,01	118,3	0	0,00	118,3
Web	6	0,05	124,3	0	0,00	124,3	0	0,00	124,3
Blog	7	0,05	128,6	0	0,00	128,6	0	0,00	128,6
Spoken	1	0,01	126,1	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1
Magazine	1	0,01	126,1	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1
Newspaper	1	0,01	121,7	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7
Academic	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8

Табл. 3. Местоименные вопросительные структуры с наречием *where*

Tab. 3. Pronominal interrogative structures with the adverb *where*

Genre	Where PRON VV0? (The Present Indefinite)			Where PRON VVD? (The Past Indefinite)			Where PRON VM VV0? (The Future Indefinite)		
	Freq (36)	Per Mil	Size (M)	Freq (11)	Per Mil	Size (M)	Freq (0)	Per Mil	Size (M)
TV / Movies	29	0,23	128,1	8	0,06	128,1	0	0,00	128,1
Fiction	4	0,03	118,3	2	0,02	118,3	0	0,00	118,3
Web	2	0,02	124,3	0	0,00	124,3	0	0,00	124,3
Blog	0	0,00	128,6	0	0,00	128,6	0	0,00	128,6
Spoken	0	0,00	126,1	1	0,01	126,1	0	0,00	126,1
Magazine	1	0,01	126,1	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1
Newspaper	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7
Academic	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8

Табл. 4. Местоименные вопросительные структуры с наречием *when*Tab. 4. Pronominal interrogative structures with the adverb *when*

Genre	Where PRON VV0? (The Present Indefinite)			When PRON VVD? (The Past Indefinite)			When PRON VM VV0? (The Future Indefinite)		
	Freq (12)	Per Mil	Size (M)	Freq (7)	Per Mil	Size (M)	Freq (0)	Per Mil	Size (M)
TV / Movies	9	0,41	128,1	7	0,32	128,1	0	0,00	128,1
Fiction	0	0,00	118,3	0	0,00	118,3	0	0,00	118,3
Web	2	0,02	124,3	0	0,00	124,3	0	0,00	124,3
Blog	1	0,04	128,6	0	0,00	128,6	0	0,00	128,6
Spoken	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1
Magazine	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1	0	0,00	126,1
Newspaper	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7
Academic	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8

Табл. 5. Местоименные вопросительные структуры с наречием *how*Tab. 5. Pronominal interrogative structures with the adverb *how*

Genre	How PRON VV0? (The Present Indefinite)			How PRON VVD? (The Past Indefinite)			How PRON VM VV0? (The Future Indefinite)		
	Freq (79)	Per Mil	Size (M)	Freq (5)	Per Mil	Size (M)	Freq (0)	Per Mil	Size (M)
TV / Movies	64	0,50	128,1	3	0,14	128,1	0	0,00	128,1
Fiction	7	0,06	118,3	0	0,00	118,3	0	0,00	118,3
Web	4	0,03	124,3	0	0,00	124,3	0	0,00	124,3
Blog	2	0,02	128,6	0	0,00	128,6	0	0,00	128,6
Spoken	1	0,01	126,1	1	0,05	126,1	0	0,00	126,1
Magazine	0	0,00	126,1	1	0,05	126,1	0	0,00	126,1
Newspaper	1	0,01	121,7	0	0,00	121,7	0	0,00	121,7
Academic	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8	0	0,00	119,8

Сравнение частотности употребления различных видовременных форм группы *Indefinite* показало, что видовременная форма будущего времени активного залога не представлена ни в одном типе местоименного вопроса. Наивысшая частотность во всех рассмотренных вопросительных конструкциях с прямым порядком слов наблюдается у настоящего неопределенного времени. Личное местоимение 2 лица *you* занимает лидирующую позицию по частотности относительно других местоимений (*I, we, they, he, she, it*). Например, для наиболее употребимой элементарной модели *What PRON VV0?* в регистре *TV / Movies* число употреблений местоимений выглядит следующим образом: *you* (202 примера), *I* (12), *she* (9), *it* (6), *he* (5), *they* (5), *we* (0). Форма 3 лица ед. ч. настоящего неопределенного времени (*What / Why / Where /*

When / How PRON VV0?) в корпусе не зафиксирована. Отмеченные случаи употребления местоимений *he, she, it* (для модели *What PRON VV0?*) не получают окончания *-s(es)*: *Mm-hm. What she want?*³; *What it say? Come on, now, what it say?*⁴; *Yeah. What he say? What he say?*⁵; *What he see? Answer me, cat!*⁶

Обозначенная тенденция устанавливается во всех рассмотренных примерах, это наводит на мысль – в основе нарушения инверсивного порядка слов в вопросительном предложении лежит механизм эллиптизации, «нулевания» грамматических форм, на что со всей очевидностью указывает следующий пример: *Emma, what did he sing? I talk about it. What he sing?*⁷ Данный текст также показывает, что не все примеры, соответствующие формальным признакам времени *Present Indefinite*, действительно относятся

³ COCA, MOV: Rust Creek, 2018.⁴ COCA, TV: Underground, 2017.⁵ COCA, TV: The Wire, 2004.⁶ COCA, MOV: Other Voices, Other Rooms, 1995.⁷ COCA, MOV: The Evil Inside Her, 2019.

к плану настоящего времени. Соответственно, каждый случай употребления подобной конструкции требует подробного контекстуального анализа.

Во многом фактическая (подразумеваемая) видовременная форма глагола зависит от значения основного глагола. Так, вопросы, где употреблены глаголы умственной деятельности (*think, mean* и др.), относятся к текущей ситуации и соотносятся с планом настоящего времени: "Still, not much sign she'll be all right, though. **What you think?**" Under his breath he said, "I don't know."⁸; Yes, goddamn it! Yes! Yes! Jesus! You think Eddie Money has to put up with this shit? Goddamn it! Jesus Christ. **What you think?** I think Pete's under a lot of pressure. I don't think we can say for sure. God, I don't know⁹.

В то же время глаголы, например, говорения, хотя и употребляются в настоящем времени, очень часто указывают на план прошедшего времени, о чем свидетельствует форма других глаголов в ближайшем контексте. Особенно это касается примеров, где в качестве подлежащего выступают местоимения третьего лица: *Did she like the flowers? – Who? What? – Madalena. Did she like the flowers? I reckon she loved the flowers. Well, here. What she say? She say, "Mr. Lowe, tell me..."*¹⁰. Вместе с этим вопросительные предложения, адресованные второму лицу, относятся по большей части к настоящему времени, поскольку значение глагола в данных вопросах тяготеет по смыслу к глаголам умственной деятельности (Что скажешь?): *This looks like a good deal. What you say? – A very good deal*¹¹.

В ходе исследования зафиксирована стереотипность, избирательность в употреблении определенных глаголов (на примере модели *What PRON VV0?*): *want* (59 случаев употребления из 238); *think* (50 примеров); *say* (48); *mean* (32); *need* (21); прочие глаголы: *sing, promise, miss, see* (3), *get, take, hear, remember* (2), *deserve* (3), *owe, do, bring, like, relax, represent, insinuate, decide, expect, figure, teach, seem, use, say* (28). В основном это глаголы состояния (статические глаголы), среди которых можно выделить глаголы умственной деятельности (*think, mean, remember, decide, expect, figure* – полагать), эмоционального отношения (*want, need, like*), чувственного восприятия (*see, hear*).

Данные корпуса позволяют сравнить частотность употребления ядерной местоименной вопросительной конструкции с прямым порядком слов в текстах разных жанров

(разговорная речь, художественная литература, периодические издания, академические тексты, телевизионные сериалы и фильмы, блоги и веб-ресурсы). Наименьшее количество употреблений конструкции приходится на периодику (*magazine, newspaper, academic*), при этом употреблений в научно-популярных изданиях не зафиксировано ни в одной анализируемой модели. Из материалов корпуса можно сделать вывод, что самый высокий показатель частотности на 1 млн словоупотреблений во всех видах неинвертированных вопросительных конструкций принадлежит регистру *TV / Movies*, который, по утверждению составителей корпуса, точнее отражает процессы, происходящие в языке, чем собственно разговорный жанр (*spoken*). Занимая второе место (43 примера), жанр художественной литературы (*fiction*) значительно уступает кинематографическому жанру и жанру сериалов. На интернет-жанры (*web, blog*) приходится в сумме 32 примера.

Заключение

Наиболее частотной является вопросительная конструкция с местоимением *what*, подлежащим *you* и сказуемым, выраженным статическими глаголами умственной деятельности и эмоционального состояния (*want, need, think, mean*) в настоящем неопределенном времени: *What you want? What you think? What you need? What you mean?* Все модели с прямым порядком слов получили наибольшее распространение в жанре кино и телесериалов, а не в жанре разговорной речи (*spoken*). Это объясняется, по-видимому, тем, что регистр *TV / Movies* отличается более неформальным, бытовым характером разговорной речи, в то время как регистр *spoken* представлен записями ток-шоу серьезных новостных каналов. Возможным механизмом образования неинверсивных структур вопросительного предложения является эллипсизация, «нулевание» вспомогательного глагола. Приведенная здесь классификация местоименных неинвертированных вопросительных предложений не является полной и требует дальнейшего рассмотрения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Саидова М. С. Коммуникативная функция вопросительного предложения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1987. 189 с.
2. Каушанская В. А., Ковнер Р. А., Кожевникова О. Н., Прокофьева Е. В., Райнес З. М., Сквирская С. Е., Цырлина Ф. Я. Грамматика английского языка. 8-е изд. М.: Айрис-пресс, 2016. 384 с.
3. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 13-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 384 с.

⁸ COCA, FIC: Obsidian: Literature in the African Diaspora, The Time is High, Camille F. Forbes, 2019.

⁹ COCA, MOV: Club Dread, 2004.

¹⁰ COCA, MOV: Cellmates, 2011.

¹¹ COCA, MOV: Dragons of Camelot, 2014.

4. Данилова И. Б. Явление инверсии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. Л., 1969. 14 с.
5. Ganshina M., Vasilevskaya N. English Grammar. 7th ed. Moscow: Foreign languages publ. house, 1951. 471 p.
6. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Либроком, 2019. 294 с.
7. Pylsh B. The structure of modern English. M.-L.: Progress Publishers, 1971. 654 p.
8. Трофимова Э. А. Структурные особенности английской разговорной речи. Ростов н/Д: Молот, 1972. 99 с.
9. Давыдова Н. А. Инверсия в английском дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 633. С. 88–94.
10. Карашаева Б. Б. Стилистическая инверсия как средство выражения эмоциональности и экспрессивности в английской литературе XIX–XX вв. // Актуальные проблемы языкознания. 2015. Т. 1. С. 46–48.
11. Zhiber E. V. Expressive inversion in the English language // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 11. С. 81–91.
12. Chen R. English inversion: a ground-before-figure construction. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003. 333 p.
13. Иванова И. П., Чахоян Л. П., Беляева Т. М. История английского языка. 3-е изд.. СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2006. 560 с.
14. Садыкова Г. В. Порядок слов: функциональный аспект (на материале текстов электронных газет на русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 22 с.
15. Сергеева Ю. М., Сыресина И. О. Синтаксис английского языка: от слова к тексту. М.: МПГУ, 2018. 204 с.
16. Dorgeloh H. Inversion in modern English: form and function. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 1997. 234 p.
17. Green G. M. Colloquial and literary uses of inversions. Illinois: University of Illinois at Urbana-Champaign, 1981. 88 p.
18. Уварова Т. К. К вопросу об инверсии в английском языке // Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков / отв. ред. В. И. Тур. Мн.: Высш. шк., 1963. С. 126–135.
19. Birner B. J. The discourse function of inversion in English. N. Y.-London: Routledge Taylor and Francis Group, 2012. 204 p.
20. Блох М. Я. Факультативные позиции и нулевые формы в парадигматическом синтаксисе // Проблемы синтаксиса английского языка. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1970. Т. 422. С. 75–105.
21. Езикеева Е. М. Стилистическая функция эллиптических предложений в диалогах // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2011. № 1-2. С. 60–64.
22. Оковитая Ю. Ф. Экспрессивные синтаксические конструкции в языке рекламы: соотношение структуры и значения: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 143 с.
23. Воробьева Е. Н. Эллиптические вопросительные структуры (на материале английского языка) // Язык и культура. 2019. № 48. С. 87–103. DOI: 10.17223/19996195/48/6
24. Козлова Н. В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. № 1. С. 79–88.
25. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. 3-е изд., перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 234 с.
26. Кочетова Л. А. Статистические методы в корпусных исследованиях // Теоретические и прикладные аспекты корпусных исследований / отв. ред. Л. А. Кочетова. Волгоград: ВолГУ, 2016. С. 5–14.
27. Захаров В. П. Корпусная лингвистика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 48 с.
28. Jespersen O. Essentials of English grammar. London: The Wren Press, 2013. 390 p.
29. Roberts P. English syntax. An introduction to transformational grammar. N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1964. 414 p.
30. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М.: Высш. шк., 1973. 423 с.
31. Блох М. Я. Коммуникативные типы предложения в аспекте актуального членения // Иностранные языки в школе. 1976. № 5. С. 14–23.
32. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 239 с.

original article

Corpus-Based Research of Simple Non-Inverted Pronominal Interrogative Constructions in English

Yelena N. Vorobyova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia, Vologda; <https://orcid.org/0000-0002-2578-6527>; helenvorobyova@mail.ru

Received 16 Apr 2021. Accepted 15 Jun 2021.

Abstract: The research featured nuclear models of pronominal interrogative sentences with direct word order in the English language. The use of non-inverted interrogative structures depends on the analytical character of English. The partial subject-predicate inversion is the main means of interrogativity. However, interrogative sentences with direct word order are quite common in colloquial English. The violation of the inverted word order reflects the phenomenon of language economy and can be explained by expressive and stylistic tasks. Although violation of word order in declarative sentences is a popular research topic, the subject-predicate inversions in interrogative sentences remain largely understudied in domestic and foreign linguistics. The research involved a modified corpus analysis. Based on the Corpus of Contemporary American English, the author established the frequency of pronominal interrogative structures with direct word order, analyzed their grammatical features, and defined the most popular genres, which appeared to be the discourse of television and cinema. The obtained results make it possible to develop a formal classification of non-inverted pronominal and non-pronominal constructions.

Keywords: interrogative sentence, direct word order, semi-inversion, English language corpus, frequency, register

Citation: Vorobyova Y. N. Corpus-Based Research of Simple Non-Inverted Pronominal Interrogative Constructions in English. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 477–485. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-477-485>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Saidova M. S. *The communicative function of the interrogative sentence in modern English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tashkent, 1987, 189. (In Russ.)
2. Kaushanskaya V. L., Kovner R. L., Kozhevnikova O. N., Prokofieva E. V., Reines Z. M., Skvirskaya S. E., Tsyrlina F. Ya. *A grammar of the English language*, 8th ed. Moscow: Airis-press, 2016, 384. (In Russ.)
3. Arnold I. V. *Stylistics. The modern English language*, 13th ed. Moscow: FLINTA, 2016, 384. (In Russ.)
4. Danilova I. B. *The phenomenon of inversion in modern English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1969, 14. (In Russ.)
5. Ganshina M., Vasilevskaya N. *English Grammar*, 7th ed. Moscow: Foreign languages publ. house, 1951, 471.
6. Smirnitkii A. I. *English language syntax*. Moscow: Librokom, 2019, 294. (In Russ.)
7. Ilyish B. *The structure of modern English*. Moscow-Leningrad: Progress Publishers, 1971, 654.
8. Trofimova E. A. *Structural features of English colloquial speech*. Rostov-on-Don: Molot, 1972, 99. (In Russ.)
9. Davydova N. A. Inversion in the English discourse. *Vestnik of Moscow state linguistic university*, 2011, (633): 88–94. (In Russ.)
10. Karashaeva B. B. Stylistic inversion as a means of expression of emotion and expressiveness in the English literature of the XIX–XX centuries. *Aktualnye problemy iazykoznaniia*, 2015, 1: 46–48. (In Russ.)
11. Zhiber E. V. Expressive Inversion in the English Language. *Vestnik of Moscow state linguistic university. Humanitarian sciences*, 2020, (11): 81–91.
12. Chen R. *English inversion: a ground-before-figure construction*. N. Y.: Mouton de Gruyter, 2003, 333.
13. Ivanova I. P., Chakhoyan L. P., Belyaeva T. M. *History of the English language*, 3rd ed. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-klassika, 2006, 560. (In Russ.)
14. Sadykova G. V. *Word order: functional aspect: the case of electronic newspaper texts in Russian and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 2005, 22. (In Russ.)
15. Sergeeva Yu. M., Syresina I. O. *A students' guide to English syntax: from word to discourse*. Moscow: MPGU, 2018, 204. (In Russ.)
16. Dorgeloh H. *Inversion in modern English: form and function*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 1997, 234.

17. Green G. M. *Colloquial and literary uses of inversions*. Illinois: University of Illinois at Urbana-Champaign, 1981, 88.
18. Uvarova T. K. Inversion in English. *Matters of lexicology and grammar of foreign languages*, ed. Tur V. I. Minsk: Vyssh. shk., 1963, 126–135. (In Russ.)
19. Birner B. J. *The discourse function of inversion in English*. N. Y.-London: Routledge Taylor and Francis Group, 2012, 204.
20. Bloch M. Ia. Optional positions and zero forms in paradigmatic syntax. *Problemy sintaksisa angliiskogo iazyka. Uch. zap. MGPI im. V. I. Lenina*, 1970, 422: 75–105. (In Russ.)
21. Ezikeeva E. M. Stylistic function of elliptic sentences in dialogues. *Nauchnye itogi goda: dostizheniia. proekty. gipotezy*, 2011, (1-2): 60–64. (In Russ.)
22. Okovitaya Yu. F. *Expressive syntactic constructions in the advertising language: structure-value relationship*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2004, 143. (In Russ.)
23. Vorobyova Y. N. Elliptical interrogative structures (on the English language material). *Jazyk i kul'tura*, 2019, (48): 87–103. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/48/6
24. Kozlova N. V. Linguistic corpus: typology and terms. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, 11(1): 79–88. (In Russ.)
25. Zakharov V. P., Bogdanova S. Yu. *Corpus linguistics*, 3rd ed. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020, 234. (In Russ.)
26. Kochetova L. A. Statistics in corpus linguistics. *Theoretical and applied aspects of corpus research*, ed. Kochetova L. A. Volgograd: VolGU, 2016, 5–14. (In Russ.)
27. Zakharov V. P. *Corpus linguistics*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2005, 48. (In Russ.)
28. Jespersen O. *Essentials of English grammar*. London: The Wren Press, 2013. 390.
29. Roberts P. *English syntax. An introduction to transformational grammar*. N. Y.: Harcourt, Brace & World, 1964, 414.
30. Barkhudarov L. S., Shteling D. A. *The English grammar*. Moscow: Vyssh. shk., 1973, 423. (In Russ.)
31. Bloch M. Ia. Communicative types of sentences in the aspect of thematic-rhematic articulation. *Inostrannye iazyki v shkole*, 1976, (5): 14–23. (In Russ.)
32. Bloch M. Ia. *Theoretical outline of English grammar*. Moscow: Vyssh. shk., 2005, 239. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 811.11/811.16

Ассоциативное поле лексемы *Инстаграм* в репрезентации носителей русского и немецкого языков

Галина Сергеевна Климова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Анна Геннадьевна Смирнова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; amica_anna@mail.ru

Поступила в редакцию 07.02.2021. Принята в печать 12.05.2021.

Аннотация: Представлено описание социальной сети Instagram и проведен сравнительный анализ образов языкового сознания, возникающих у носителей немецкого и русского языков в качестве реакций на лексику *Инстаграм*. Социальная сеть Instagram является малоизученным объектом с лингвистических позиций и очень популярной среди молодых людей России и Германии, а исследование по методике свободного ассоциативного эксперимента, несмотря на многочисленные работы, по-прежнему остается востребованным и популярным в современной лингвистике. Поэтому сопоставление вербальных реакций носителей разных языков представляется актуальным и на настоящий момент. Ядро ассоциативного поля *Инстаграм* у носителей немецкого и русского языков оказалось сходным, что говорит о глобальном характере этой сети, а также о глобализации языкового сознания в молодежной среде, о сходстве интересов, связанных с социальной сетью Instagram у молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет. Ядром ассоциативного поля *Инстаграм* для русских респондентов стали наиболее частотные реакции *видео, реклама, сториз, фотографии, блогер, животные, бизнес, еда, подписчики*. У немецких опрошенных – ассоциаты *Werbung* (реклама), *Bilder* (картинки), *Fotos* (фото), *Informationen* (информация), *Videos* (видео), *Essen* (еда), *Fake* (фальшивый), *Filter* (фильтр), *Posten* (посты). Заметное отличие заключается в том, что немецкие участники эксперимента имеют представления об Инстаграме как о социальной сети для общения (*Messenger* (мессенджер), *Kommentieren* (комментировать), *Freunde* (друзья)), а русские респонденты – как о средстве для заработка (*деньги, бизнес, бизнес платформа, самореклама, магазин*).

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, слово-стимул, ассоциаты, нейтральные реакции, положительные реакции, отрицательные реакции

Цитирование: Климова Г. С., Смирнова А. Г. Ассоциативное поле лексемы *Инстаграм* в репрезентации носителей русского и немецкого языков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 486–493. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-486-493>

Введение

По данным 2020 г. Instagram является третьей по популярности социальной сетью в мире. В 2018 г. общее число зарегистрированных пользователей составило 1,1 млрд человек.

Актуальность работы определяется растущим интересом ученых к относительно новому, пока малоизученному явлению внеязыковой действительности социальной сети Instagram, которая за минувшее десятилетие превратилась в одну из лидирующих социальных сетей. В последнее время это явление современной жизни вызывает интерес у представителей разных наук: психологии [1], экономики [2], социологии [3] и др. В работах филологов рассматриваются отдельные языковые средства и особенности их употребления в социальной сети Instagram [4; 5]. Однако еще не проводилось исследование по выявлению ассоциативных вербальных реакций у носителей языков на слово-стимул *Инстаграм*.

В настоящей статье объектом изучения является национально-культурная специфика языкового сознания русских и немцев на базе слова-стимула *Инстаграм*. По последним данным, Россия и Германия входят в топ стран, где Instagram пользуется большой популярностью (Россия – 37 млн человек и 6 место в мире; Германия – 20 млн человек и 10 место в мире)¹. Именно поэтому данное слово-стимул представляет особый интерес. Участниками эксперимента, проведенного авторами настоящей статьи, являются носители русского и немецкого языков, всего было опрошено 80 респондентов: 37 – из Германии, 43 – из России. Возраст участников – 20–25 лет.

Ассоциативный эксперимент (АЭ) является одним из эффективных способов исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики, позволяет выявить, каковы ментальные образы мира, присущие представителям того или иного этноса [6]. В Большом

¹ Количество активных пользователей Инстаграма по странам. Режим доступа: <https://instaguru.online/kolichestvo-aktivnyh-polzovatelej-instagrama-po-stranam/> (дата обращения: 06.12.2020).

психологическом словаре дано определение АЭ как особому методу изучения мотивации личности и как приему, направленному на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте².

В настоящее время АЭ широко используется и часто применяется для выявления сходств и различий представителей разных культур на определенный концепт [7–10]. Также есть работы, в которых с помощью АЭ оцениваются русские реалии представителями других наций. Например, в работе Н. В. Деевой и Е. Е. Рыбниковой рассмотрены репрезентации концепта *Русский характер* у носителей китайской культуры, говорящих на русском языке [11].

В современной филологической науке находят применение два типа АЭ: свободный и направленный. Свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) отличается тем, что участникам предлагается отвечать первой пришедшей в голову реакцией на слово-стимул при полном отсутствии ограничений. Направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ) основан на определенном ограничении (семантическом, формальном) испытуемых при выборе ответов [12]. Примечательно, что АЭ имеет широкое применение, помимо определения ассоциативных реакций у респондентов, он может использоваться и для выявления значений нового слова [13; 14].

В АЭ для интерпретации и обобщения результатов наиболее часто применяются такие понятия, как ассоциативное значение, ассоциативное поле. Понятие *ассоциативное значение* употребляется для уточнения значений новых слов [14]. Для нас релевантным является понятие *ассоциативное поле* – функционально обусловленная многомерная психолингвистическая модель, «которая содержит вербальные ассоциативные связи, выявленные в процессе АЭ» [15, с. 269]. Согласно Словарю лингвистических терминов Т. В. Жеребило, ассоциативное поле – «совокупность ассоциатов, т. е. реакций на слово-стимул. Ассоциативное поле включает ядро (наиболее частотные реакции) и периферию»³. В ядре ассоциативного поля находятся наиболее частотные вербальные реакции респондентов, тогда как на периферии – наименее частотные вербальные реакции.

Необходимо отметить, что некоторые ученые предлагают выделять в АЭ семантическое поле [16; 17], отмечая, однако, сложности в критериях его разграничения, «так как определение состава поля по наличию / отсутствию в значении слов "интегрального" признака предполагает возможность реализации субъективного подхода, который заключается в том, что исследователь сам определяет данный признак при интерпретации языкового материала» [16, с. 7]. Именно поэтому в данной работе мы придерживаемся термина *ассоциативное поле*, которое возникает в результате спонтанных вербальных реакций на слово-стимул.

Ассоциативное поле широко применяется для сопоставительного анализа при выявлении образов языкового сознания носителей разных языков [18; 19]; для выявления специфики определенных слов в том или ином языке [20; 21]; для определения вторичных, периферийных значений [22]; для выявления стереотипов [23].

Целью данной статьи стало выявление специфики образов языкового сознания у носителей русского и немецкого языков в границах ассоциативного поля *Инстаграм*, а также проведение сравнительного анализа этих образов у молодежи (20–25 лет) в Германии и России. Среди задач следует обозначить сбор и анализ данных по теме, выявление и группирование вербальных реакций участников АЭ на слово-стимул *Инстаграм*, сопоставление и сравнительный анализ вербальных реакций участников АЭ. Для достижения поставленных цели и задач в работе применялись метод анализа словарных дефиниций, метод АЭ, метод количественного анализа данных.

При попытке провести анализ словарных дефиниций лексемы *Инстаграм* выяснилось, что ни один из авторитетных толковых словарей русского языка не дает ей определения. В немецком толковом словаре *Duden*⁴, который является наиболее авторитетным словарем современного немецкого языка, такое определение имеется. Согласно данному словарю, *Инстаграм* – онлайн-сервис для редактирования и обмена фотографиями или видео (*Onlinedienst zum Bearbeiten und zur gemeinsamen Nutzung von Fotos oder Videos*). Это определение краткое, содержит лишь два примера словоупотребления, что также доказывает новизну этой лексики для немецкого языка.

Нами был применен САЭ. Участникам эксперимента было предложено заполнить онлайн-анкету на одном из сервисов, а именно на *Google Формы* или *Survio.com*. Примечательно, что немцы отдавали предпочтение последнему сервису, т. к. доверяли ему больше. Россияне в основном проходили опрос на *Google Формы*. Для участия нужно было перейти по ссылке и ответить на заданные в анкете вопросы, а именно написать свой возраст и вписать в пустое поле для ответов первые несколько слов, пришедших в голову в качестве вербальной реакции на слово *Инстаграм*. Количество слов было ограничено десятью. Следует подчеркнуть, что все участники САЭ – активные пользователи социальной сети *Инстаграм*.

Результаты

Вербальные русские и немецкие реакции с переводом на русский язык, полученные с сервисов *Google* и *Survio*, были обработаны и представлены в табл. 1 (сохранена орфография участников эксперимента). Отмечены и более

² Ассоциативный эксперимент // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. С. 56–57.

³ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. 6-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. С. 50.

⁴ Instagram // Duden. Режим доступа: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Instagram> (дата обращения: 06.12.2020).

редкие реакции, которые встретились в анализируемом материале однократно: *голые женщины, глобализация, образовательные ресурсы, самореклама, бизнес платформа, нарциссизм, сноубординг, дизайн, понты, телефон, фото в зеркало, зависть, новости, Кайли, скучно, не смешно, слава, борьба с одиночеством, личный дневник.*

Совпадающими ассоциативными реакциями у молодых людей России и Германии являются *Werbung* (реклама), *Essen* (еда), *Fotos* (фото), *Videos* (видео). Следует отметить, что данные слова-реакции являются частотными как для носителей немецкого, так и для носителей русского языков, что говорит о глобальном характере сети Инстаграм. Несовпадающие реакции ядер ассоциативных полей отмечены у русских респондентов словами *сториз, блогер, животные, бизнес, подписчики*, у немецких – *Bilder* (картинки), *Informationen* (информация), *Fake* (фальшивый), *Filter* (фильтр), *Posten* (посты). Для большей наглядности

восприятия полученных результатов анкетирования ниже представлена диаграмма Венна (рис.).

Для проведения сравнительного анализа русских и немецких ассоциатов внутри них были выделены две группы: нейтральные и положительные реакции и отрицательные реакции. Такое распределение представляет интерес с точки зрения того, как респонденты в целом оценивают социальную сеть Инстаграм. Наиболее многочисленной является группа ассоциатов, объединенных в группу нейтральных и положительных реакций (табл. 2) (сохранена орфография участников эксперимента).

Если проанализировать ответы всех участников эксперимента, то можно прийти к выводу, что их ассоциации связаны в большем количестве случаев с контентом или содержимым данной социальной сети, с тем, что они там видят, например, *видео, животные, города, стиль, Кайли⁵, Werbung, Katzen, Filter* (фильтр) и др.

Табл. 1. Частотность упоминаний вербальных реакций участников САЗ

Tab. 1. Verbal reactions of participants of the free association experiment, frequency of references

Русские реакции	Количество	Немецкие реакции	Количество
Фотографии / фото / фоточки	22	Werbung (реклама)	14
Видео	22	Bilder (картинки), Fotos (фото)	7
Реклама	15	Informationen (информация), Videos (видео)	6
Сториз	14	Essen (еда)	5
Блогер	11	Fake (фальшивый), Filter (фильтр), Posten (посты), liken (ставить лайки)	4
Животные, бизнес, еда, подписчики	8	Katzen (коты), Kleidung (одежда), Kreativität (творчество), Heuchelei (лицемерие), Messenger (мессенджер), Suchtpotential (зависимость), Story (стори)	3
Звезды, природа, информация	7	Nachhaltigkeit (устойчивость), Oberflächlichkeit (поверхностность), Konsum (потребление), Bildbearbeitung (редактирование фото), Facebook (фейсбук), Mode (мода), Alltag (повседневная жизнь), Fitness (фитнес), Influencer (влиятельные люди), Kommentieren (комментировать), Langeweile (скука), Freunde (друзья), Geld (деньги), Urlaub (отпуск), Leben (жизнь), Zeitverschwendung (трата времени)	2
Блоги, лайфхаки, подписки, самореализация, развитие	6	InfluencerINNEN (влиятельные люди), Ideen (идеи, мысли), Spaß (удовольствие), Idioten (идиоты), Kein Interesse (нет интереса), Zeitaufwändig (времязатратный), Nie genutzt (никогда не использую), Soziale Medien (социальные сети), Schein (фикция), Hass (ненависть), Selbstbetrug (самообман), Zensur (цензура), Einseitigkeit (односторонность), Politischer Aktivismus (политическая активность), Überfluss (избыток), Egal (безразличный), Farbe (цвета), GIFs (гифки), Foodblog (фудблог), Lifestyle (лайфстайл), Unnatürlich (неестественный), Models (модели), Zeit (время), Bilder posten (публиковать фотографии)	1
Мир, пост(ы)	5		
Города, одежда, зависимость, профиль, лента, путешествия	4		
Котики, трата времени, контент, селфи, магазин	3		
Личная жизнь, Кардашьян, бьюти-блогеры, приложение, стиль, самопрезентация, рецепты, деньги, глупость, смешные видосики / вайны	2		

⁵ Кайли Кристен Джиннер (англ. Kylie Kristen Jenner) – американская модель, предпринимательница, светская и медийная личность. Имеет более 200 млн подписчиков в Инстаграме, занимая 5 место в соответствующем списке.

Рис. Пересечение ассоциативных полей на слово-стимул *Инстаграм* у русских и немецких участников СЭА
Fig. Intersection of the associative fields of the lexical stimulus *Instagram* in Russian and German participants

Табл. 2. Нейтральные и положительные вербальные реакции на слово-стимул *Инстаграм*

Tab. 2. Neutral and positive verbal responses to the lexical stimulus *Instagram*

Русские реакции	Количество	Немецкие реакции	Количество
Фотографии / фото / фоточки, видео	22	Bilder (картинки) / Fotos (фото)	14
Реклама	15	Werbung (реклама)	7
Сториз	14	Videos (видео), Informationen (информация)	6
Блогер	11	Essen (еда)	5
Еда, подписчики, бизнес, животные	8	Posten (посты), Filter (фильтр), Liken (ставить лайки)	4
Природа, звезды, информация	7	Katzen (коты), Kleidung (одежда), Kreativität (творчество), Messenger (мессенджер), Story (стори)	3
Блоги, лайфхаки, подписки	6	Bildbearbeitung (редактирование фото), Facebook (фейсбук), Mode (мода), Alltag (повседневная жизнь), Fitness (фитнес), Kommentieren (комментировать), Freunde (друзья), Geld (деньги), Urlaub (отпуск), Leben (жизнь), Konsum (потребление)	2
Пост(ы), мир	5	InfluencerINNEN (влиятельные люди), Ideen (идеи, мысли), Spaß (удовольствие), Soziale Medien (социальные сети), Farbe (цвета), GIFs (гифки), Foodblog (фудблог), Lifestyle (лайфстайл), Models (модели), Bilder posten (публиковать фотографии)	1
Самореализация / развитие, путешествия, города, одежда, лента, профиль	4		
Магазин, селфи, контент, котик	3		
Рецепты, приложение, Кардашьян, личная жизнь, самопрезентация, деньги, быоти-блогеры, стиль	2		
Образовательные ресурсы, самореклама, бизнес платформа, смешные видеосюжеты / вайны, сноубординг, дизайн, телефон, фото в зеркало, новости, Кайли, слава, личный дневник, глобализация	1		

Участниками также были названы слова, прямо выражающие их положительное отношение к Инстаграму: *Spaß* у немецкоговорящих респондентов, *развитие, самореализация* – у русскоговорящих. Почти все участники эксперимента ответили, что Инстаграм ассоциируется у них с фото и видео, которыми можно делиться или постить (*фото, Bilder, Posten, пост(ы), лента, сториз, Story* и др.). Это не удивительно, поскольку основной целью данной социальной сети является публикация фото и видео для широкой аудитории.

Следует заметить, что как немцами, так и русскими участниками эксперимента было названо слово *информация / Informationen*, значит они относятся к данной социальной сети как к средству получения информации. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на другие реакции русской и немецкой сторон эксперимента: *новости, InfluencerINNEN* (с отсылкой на информацию, которую эти влиятельные люди несут), *образовательные ресурсы, Ideen* и др. Характер получаемой информации почти не отличается у немецких и русских опрашиваемых и зависит сугубо от интересов каждого из них. Так, русскими участниками были указаны слова *города, животные, стиль, лайфхаки, котики, путешествия, природа, еда, рецепты, новости* и т. д., в то время как немцами – *Foodblog, Fitness, Mode, Katzen, Kleidung, Essen* и т. д.

И русские, и немецкие участники эксперимента упоминают, что Инстаграм для них – это возможность для самореализации, творчества, высказывания своих мыслей и идей: *Самореализация, Самопрезентация, Самореклама, Личный дневник, Ideen, Kommentieren, Kreativität*.

Одно из сходств заключается в том, что и немцы, и русские следят в Инстаграме за жизнью знаменитостей: реакции *блогер, звезды, Кардашьян⁶, Кайли, Models, InfluencerINNEN*.

Отрицательных ассоциатов оказалось значительно меньше, чем положительных и нейтральных (табл. 3). Как у русских, так и у немецких респондентов есть ответ

зависимость / Suchtpotential. Опрашиваемые молодые люди признают пагубное влияние, которое имеет долгое пребывание в Инстаграме. Ответы *трата времени / Zeitverschwendung* передают отношение к потраченному в Инстаграме времени – респонденты считают, что потратили его напрасно, бесполезно. Инстаграм ассоциируется у некоторых опрашиваемых из России с лицемерием, фальшивостью, понтами. У некоторых опрашиваемых из Германии имеются схожие реакции: *Fake, Heuchelei, Oberflächlichkeit, Schein, Selbstbetrug*. У немногочисленных респондентов из России и Германии Инстаграм не вызывает никакого интереса, что подтверждается словами *глупость, скучно, Kein Interesse, Egal*.

Необходимо отметить то, что количество отрицательных реакций у немецких опрашиваемых гораздо больше, чем у русских: 25 и 13 соответственно. Следовательно, немецкие респонденты находят в использовании Инстаграма больше минусов, чем русские. Немецкие респонденты назвали такие слова, как *Zeitaufwändig, Zensur, Einseitigkeit, Überfluss, Unnatürlich, Hass*, подобных которым не было среди ответов русских участников эксперимента.

Заключение

Несмотря на пересечение ядер ассоциативных полей у немецких и русских респондентов (рис.), были выявлены некоторые различия в реакциях русских и немецких участников эксперимента. Заметное отличие заключается в том, что немецкие участники эксперимента имеют представления об Инстаграме как о социальной сети для общения: слова-ассоциации *Messenger, Kommentieren, Freunde*. Русские респонденты не представили подобных реакций. Следующее очевидное отличие – отношение к Инстаграму как к средству для заработка. Можно заметить, что русские респонденты дали реакции *деньги, бизнес, бизнес платформа, самореклама, магазин*. У немецких участников эксперимента подобных слов-ассоциаций не выявлено.

Табл. 3. Отрицательные вербальные реакции на слово-стимул *Инстаграм*

Tab. 3. Negative verbal reactions to the lexical stimulus *Instagram*

Русские реакции	Количество	Немецкие реакции	Количество
Зависимость	4	Fake (фальшивый)	5
Трата времени	3	Heuchelei (лицемерие), Suchtpotential (зависимость)	3
Нарциссизм, понты, зависть, скучно, глупость, не смешно	1	Oberflächlichkeit (поверхностность), Langeweile (скука), Zeitverschwendung (трата времени)	2
		Idioten (идиоты), Kein Interesse (нет интереса), Zeitaufwändig (времязатратный), Schein (фигция), Hass (ненависть), Selbstbetrug (самообман), Zensur (цензура), Einseitigkeit (односторонность), Überfluss (избыток), Egal (безразличный), Unnatürlich (неестественный)	1

⁶ Кимберли Нозль Кардашьян Уэст (англ. Kimberly Noel Kardashian West) – американская звезда реалити-шоу, актриса, фотомодель.

В группе нейтральных и положительных реакций преобладают ответы русских респондентов. В целом русскими респондентами было названо больше ассоциаций, чем немецкими: 211 и 91 соответственно. Очевидно, русскими респондентами социальная сеть Инстаграм используется более широко с различными намерениями и целями.

При сравнении ассоциативных полей, полученных в результате АЭ, выявлено больше сходств, чем различий, в представлениях об Инстаграме у русских и немецких респондентов, не исключено, что причиной этому может служить глобализация. Большинство из них относятся к Инстаграму положительно, видят в нем средство для самообразования и самореализации. Для большей части опрошенных молодых людей Инстаграм – развлечение, социальная сеть для общения, где они могут следить за жизнью своих сверстников, друзей, знакомых или даже знаменитостей. Именно ради информации и определенного контента они заходят в данную социальную сеть.

В связи с подвижностью объекта рассмотрения (социальной сети Инстаграм) исследования в данной области могут и должны быть продолжены. Очевидно, что с изменением контента меняется и отношение респондентов к сети Инстаграм, которая приобретает новые функции и значения, более не ограниченные только просмотром видео и коротких сообщений, но подразумевающие и другие виды деятельности, что в свою очередь ведет к изменению ассоциативного поля *Инстаграм* и приобретению данной лексемой новых оттенков значения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Осин Р. В., Першина К. В. Сравнительный анализ образа «Я» личности инстаграм-блогера и восприятия медиаобраза инстаграм-блогеров в молодёжной среде // Человеческий капитал. 2020. № 5. С. 132–141. DOI: 10.25629/НС.2020.05.16
2. Стась В. В. Инстаграм как инструмент продвижения личного бренда (на примере инстаграм-аккаунта Марины Щеняевой) // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 февраля – 24 апреля 2020 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2020. Ч. 2. С. 68–70.
3. Нурутдинова А. Р. Гендерный взгляд на селфи как особую форму интернет-коммуникации в социальной сети «Инстаграм» // Городская повседневность: региональный и социокультурный контексты: IV Нижневолжские чтения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 21–23 марта 2019 г.) Волгоград: ВолГУ, 2019. С. 513–518.
4. Гушкова Л. В. Функции формы интенсификации в интернет-коммуникации на примере социальной сети Инстаграм // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч. конф., посв. памяти д-ра филол. наук, проф. К. А. Войловой. (Москва, 27 февраля 2020 г.) М.: Диона, 2020. С. 78–82.
5. Лукина С. А., Егорова К. Г. Структурно-стилистическая характеристика корейского молодёжного сленга в интернет-дискурсе (на материале социальной сети «Инстаграм») // Applied science of today: problems and new approaches: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 12 апреля 2020 г.) Петрозаводск: Новая Наука, 2020. С. 201–204.
6. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 6–9.
7. Морозова И. А. Субъективные значения лексемы «женщина» в современном русском языке (на основе данных направленного ассоциативного эксперимента) // Преподаватель XXI век. 2010. № 3-2. С. 297–305.
8. Нестерова М. В. Роль свободного ассоциативного эксперимента в выявлении признаков концепта Human face в сознании американцев // Вопросы филологических наук. 2006. № 5. С. 128–133.
9. Хайрулина Д. Д. Концепт 'огонь' в английском и татарском языковом сознании (из опыта проведения ассоциативного эксперимента) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 17. С. 81–84.
10. Гуз Ю. В. Ассоциативный эксперимент на восприятие цвета носителями русского, английского, немецкого и китайского языков // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1. С. 46–49.
11. Деева Н. В., Рыбникова Е. Е. Концепт «русский характер» в репрезентации русскоговорящих представителей китайской лингвокультуры // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2020. № 4. С. 63–69. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-63-69
12. Борисова Ю. А. Факторы структуры семантического поля: психолингвистическое исследование специальной лексики сферы «финансы и банки»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 174 с.
13. Денисова Э. С., Немцева Е. В. Стратегии идентификации нового слова (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2. С. 120–126.
14. Тимошина Т. В. Выявление новых значений слова путем ассоциативного эксперимента // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 3. С. 112–114.
15. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1-1. С. 265–275. DOI: 10.25799/AR.2019.43.1.074

16. Ильина В. А. Ассоциативный эксперимент как способ образования семантического поля // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 5. С. 7–10.
17. Васильева С. П., Ильина А. Г. Семантическое поле «религия», по данным ассоциативного эксперимента // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2013. № 3. С. 162–166.
18. Маховиков Д. В. Сопоставительный анализ русского и английского языкового сознания (на материале ассоциативного поля «счастье») // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 78–80.
19. Гарбар И. А. Экспериментальное исследование языкового сознания: методология анализа ассоциативных полей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 43–46.
20. Патсис М. Специфика ассоциативного поля слова в греческом языке // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 91–98.
21. Иванова У. Ю. Представление ассоциативного поля «Дом» в испанском и русском языках // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2007. № 1. С. 226–227.
22. Доменко Н. В. Лексические единицы со вторично-номинативным значением в ассоциативном поле русской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 183 с.
23. Алимущкина О. А. Возможности изучения стереотипов в ассоциативных полях // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2-2. С. 14–15.

original article

The Associative Field of the Lexeme *Instagram* in the Representation of Russian and German Native Speakers

Galina S. Klimova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Anna G. Smirnova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo;

amica_anna@mail.ru

Received 7 Feb 2021. Accepted 12 May 2021.

Abstract: The article introduces a comparative analysis of the images of language consciousness that arise in native speakers of German and Russian as reactions to the lexeme *Instagram*. The vocabulary associated with this social net remains understudied in Russian linguistics. The research was based on a free associative experiment and compared verbal reactions of German and Russian native speakers aged 20–25. The core of the associative field *Instagram* appeared to be similar for both linguacultures. For Russian respondents, the core of the associative field of *Instagram* involved such frequent reactions as *video*, *advertising*, *stories*, *photos*, *blogger*, *animals*, *business*, *food*, *subscribers*, etc.; for German participants – *Werbung* (advertising), *Bilder* (pictures), *Fotos* (photos), *Informationen* (information), *Videos* (video), *Essen* (food), *Fake* (fake), *Filter* (filter), *Posten* (posts). The main difference was that the former saw Instagram as a means of earning (*money*, *business*, *business platform*, *self-promotion*, *shop*, etc.), while the latter used it for communication (*Messenger* (messenger), *Kommentieren* (comment), *Freunde* (friends)). The obtained results can be explained by the global nature of the network, similar interests of its users, and linguistic globalization.

Keywords: free associative experiment, lexical stimulus, associations, neutral responses, positive responses, negative reactions

Citation: Klimova G. S., Smirnova A. G. The Associative Field of the Lexeme *Instagram* in the Representation of Russian and German Native Speakers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 486–493. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-486-493>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Osin R. V., Pershina K. V. Comparative analysis of the "self-construction" of the personality of instagram-blogger and the perception of the media image of instagram-bloggers in the youth environment. *Chelovecheskii kapital*, 2020, (5): 132–141. (In Russ.) DOI: 10.25629/HC.2020.05.16
2. Stas' V. V. Instagram as instrument to promote a personal brand (on the example of a Marina Schenyaeva's Instagram-account). *Branding as a communicative technology of the XXI century: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 27 Feb – 24 Apr 2020. St. Petersburg: SPbGEU, 2020, pt. 2, 68–70. (In Russ.)*
3. Nurutdinova A. R. Gender view of selfie as a special form of Internet communication in the social network "Instagram". *Urban everyday life: regional and socio-cultural contexts: IV Lower Volga readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Volgograd, 21–23 Mar 2019. Volgograd: VolGU, 2019, 513–518. (In Russ.)*
4. Huskova L. V. Interestive form functions on the Internet communication on the example of social Instagram network. *Russian language in Slavic intercultural communication: Proc. Intern. Sci. Conf., dedicated to Prof. K. A. Voilova, Dr. Philol. Sci., Moscow, 27 Feb 2020. Moscow: Diona, 2020, 78–82. (In Russ.)*
5. Lukina S. A., Egorova K. G. Structural and stylistic characteristics of Korean youth slang in Internet discourse (on the material of social network "Instagram"). *Applied science of today: problems and new approaches: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Petrozavodsk, 12 Apr 2020. Petrozavodsk: Novaia Nauka, 2020, 201–204. (In Russ.)*
6. Arkhipova S. V. Associative experiment in psycholinguistics. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (11): 6–9. (In Russ.)
7. Morozova I. A. Subjective meanings of the lexeme "woman" in modern Russian (based on data from a directed associative experiment). *Prepodavatel XXI vek*, 2010: (3-2): 297–305. (In Russ.)
8. Nesterova M. V. The role of a free Associative experiment in revealing the signs of the Human face concept in the consciousness of Americans. *Voprosy filologicheskikh nauk*, 2006, (5): 128–133. (In Russ.)
9. Khairullina D. D. The concept "Fire" in English and Tatar linguistic consciousness (from the experience of conducting an associative experiment). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2009, (17): 81–84. (In Russ.)
10. Guz Y. V. Associative experiment on the perception of colours by native speakers of the Russian, English, German and Chinese languages. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2009, (1): 46–49. (In Russ.)
11. Deyeva N. V., Rybnikova E. E. Concept "Russian character" in the representation of Russian-speaking representatives of Chinese linguoculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, (4): 63–69. (In Russ.) DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-63-69
12. Borisova Yu. A. *Semantic field structure factors: psycholinguistic research of special vocabulary in the "finance and banking" sphere*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 174. (In Russ.)
13. Denisova E. S., Nemtseva E. V. Identification strategies for a new word (based on a free associative experiment). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (2): 120–126. (In Russ.)
14. Timoshina T. V. Identification of new word meanings by association experiment. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (3): 112–114. (In Russ.)
15. Borisova Yu. A. Association experiment in the modern psycholinguistic research. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya*, 2019, 8(1-1): 265–275. (In Russ.) DOI: 10.25799/AR.2019.43.1.074
16. Ilyina V. A. Associative experiment as a way of semantic field formation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2010, (5): 7–10. (In Russ.)
17. Vasilyeva S. P., Ilyina A. G. Semantic field "religion" according to the data of associative experiment. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2013, (3): 162–166. (In Russ.)
18. Makhovikov D. V. Contrastive analysis of Russian and English language consciousness (on the material of the associative field "happiness"). *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2008, (2): 78–80. (In Russ.)
19. Garbar I. L. Experimental research of linguistic consciousness: methodological issues. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2009, (2): 43–46. (In Russ.)
20. Patsis M. Specificity of the associative field of a word in Greek. *Journal of Psycholinguistics*, 2004, (2): 91–98. (In Russ.)
21. Ivanova U. Yu. Representation of the associative field "Home" in Spanish and Russian. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya "Chelovek v sovremennom mire"*, 2007, (1): 226–227. (In Russ.)
22. Domenko N. V. *Lexical units with a secondary-nominative meaning in the associative field of the Russian linguistic personality*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 183. (In Russ.)
23. Alimushkina O. A. Opportunities for learning stereotypes in associative fields. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2010, (2-2): 14–15. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 811.11

Вербализация аксиологического аспекта образа игрока в новелле С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины»

Изабелла Викторовна Корогодина
Иркутский государственный медицинский университет,
Россия, г. Иркутск; korogodina@mail.ru

Анна Андреевна Сазонова
Иркутский государственный медицинский университет,
Россия, г. Иркутск

Поступила в редакцию 21.04.2021. Принята в печать 21.06.2021.

Аннотация: Предметом исследования являются языковые метафоры с соматическим компонентом *Hand*, служащие для описания образа игрока. Цель – проанализировать языковые метафоры, вербализующие образ игрока, и описать частнооценочные значения, отражающие его аксиологический аспект. Цель и предмет исследования определили необходимость решения следующих задач: изучить и проанализировать языковые метафоры с соматическим компонентом *Hand*, выделить их частнооценочные значения, описать образ игрока и его аксиологический аспект, выраженный данными метафорами. В работе рассмотрена классификация языковых метафор с соматическим компонентом *Hand* по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. Выявлены их частнооценочные значения, представленные сенсорными, сублимированными и рационалистическими оценками. Установлено, что отличительной характеристикой образа игрока является преобладание негативных сублимированных оценок с акцентом на их этический аспект (морально / аморально). Сделан вывод, что образ игрока представляет собой совокупность положительных и отрицательных оценок, представленных частнооценочными значениями с преобладанием этического аспекта *аморально*, вербализованными языковыми метафорами с соматическим компонентом *Hand*.

Ключевые слова: соматизм, рука, семасиологическая метафора, ономасиологическая метафора, двустороннее метафорическое словосочетание

Цитирование: Корогодина И. В., Сазонова А. А. Вербализация аксиологического аспекта образа игрока в новелле С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 494–502. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-494-502>

Введение

Актуальность исследования определяется высоким интересом современной антропологической лингвистики к проблемам использования в речи соматической лексики. Внимание ученых к данному классу языковых средств обусловлено тем, что они представляют собой обширный лексикологический кластер, в котором зафиксированы особенности мировосприятия и национально-культурная специфика этноса. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект. <...> Присутствие человека даёт о себе знать на всём пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [1, с. 3].

Понятие соматизма (от др.-греч. σῶμα тело) вошло в научный оборот благодаря работе Ф. А. Вакка «О соматической фразеологии эстонского языка» [2]. Изучая фразеологию этого языка, он отметил, что во многих фразеологизмах содержатся наименования частей тела (голова, рука, нога и др.), что и позволило назвать данные фразеологизмы соматическими. Некоторые современные ученые склоняются к более широкому пониманию соматизма. По мнению Н. И. Якимовой, соматизмы охватывают названия не только частей тела человека, но и его внутренних органов [3].

Иными словами, ученый относит к соматизмам все те наименования, которые имеют непосредственное отношение к анатомии человека.

Более развернутую картину содержания соматизма предлагает Р. Ю. Мугу. Изучив и проанализировав соматическую лексику немецкого и русского языков, он разработал классификацию соматических лексических единиц, состоящую из следующих базовых разрядов: соматонимическая лексика, остеонимическая лексика, спланхтонимическая лексика, ангионимическая лексика, сенсонимическая лексика и лексика, обозначающая недуги, болезни и проявления человеческого организма [4]. Как видно из приведенной классификации, соматизмы представляют собой обширный комплекс лексических единиц, включающий в себя названия всего, что является неотъемлемой частью организма человека.

Характерной чертой большинства соматизмов является метафоризация представлений о человеческом теле. Процесс метафоризации осуществляется путем сопоставления разного рода объектов, связующим звеном которых выступает человек, являющийся по сути мерой всех вещей [5]. Свойственная метафоре антропометричность, по мнению В. Н. Телии, заключается в способности человека представить один объект, как если бы он был другим объектом

или чем-то известным и наблюдаемым, опираясь при этом на собственные знания и представления [6; 7]. Данная позиция основана на переосмыслении уже имеющихся в языке номинативных средств с целью их использования в новом для них отношении именования. В этой связи метафора представляет собой перенос формата с одного денотата на другой, помогая увидеть абстрактное в конкретном, а духовное – в материальном [8; 9]. Под формативом понимается фонетически и морфологически оформленная материальная оболочка, относящаяся к обозначению двух различных денотатов (единичных фрагментов действительности): фиктивного и реального.

Особое значение в данном процессе приобретают языковые метафоры, в том числе с соматическим компонентом. Они классифицируются по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. По уровню языковой иерархии они подразделяются на метафоры-слова, метафоры-словосочетания и метафоры-предложения; по типу переноса – на односторонние семасиологические, односторонние ономасиологические метафоры-слова, метафоры-словосочетания, метафоры-предложения с полным метафорическим переносом и двусторонние метафорические словосочетания; по критерию стилистической значимости – на узуальные и окказиональные метафоры [8; 9].

Односторонние семасиологические метафоры с полным метафорическим переносом характеризуются наличием одного и того же формата. Фиктивный денотат выражается эксплицитно, реальный же выявляется только из контекста [8, с. 78–79]. Односторонние ономасиологические метафоры с полным метафорическим переносом отличаются наличием денотатов (фиктивного и реального) в рамках одного предложения [8, с. 80]. Для двусторонних метафорических словосочетаний с полным метафорическим переносом свойственно эксплицитное выражение денотатов, относящихся к одному формату [8, с. 126].

Узуальные и окказиональные метафоры отличаются новизной их значения. Как отмечает С. А. Хахалова, узуальные метафоры характеризуются «привычной санкционированной узусом формой словоупотребления, в которой отсутствует элемент оригинальности» [8, с. 96]. Они представляют собой готовый элемент лексики, который не нужно каждый раз создавать, «делать» – их берут готовыми и употребляют в речи [10]. Окказиональные метафоры, напротив, уникальны и своеобразны. Это метафоры индивидуального творчества. Анализ метафор с соматическим компонентом дает возможность увидеть специфичность языковых средств автора, выявить их семантические особенности, а также раскрыть отношение автора к природе человека и его жизнедеятельности, в основе которого лежит оценка черт характера человека, его поступков и состояний, что соответствует аксиологическому или оценочному компоненту в значении метафоры, ее эмоционально-оценочному статусу [11, с. 94]

Под оценкой обычно понимают выражение ценностного отношения человека к фрагментам окружающего мира. Она содержит объективный и субъективный компоненты. Объективный компонент ориентирован на «свойства предметов и явлений, на основе которых выносятся оценки» [12, с. 22]. Он выражается «общеоценочными предикатами *хорошо / плохо*, имеющими обобщающую оценку, объединяющую частнооценочные значения, в которых дается оценка по отдельно взятому свойству» [1, с. 198]. Субъективный компонент предполагает «положительное или отрицательное отношение субъекта оценки, т. е. лица или социума, от которого исходит оценка, к ее объекту, т. е. тот предмет или явление, к которому относится оценка» [12, с. 22]. Его отражают частнооценочные значения, представленные предикатами *желательно / нежелательно, одобрение / неодобрение, привлекательно / непривлекательно* [1, с. 198].

Частнооценочные значения представлены в языке тремя группами оценок: сенсорными, сублимированными и рационалистическими. Сенсорные оценки связаны с чувственным опытом человека – физическим (сенсорно-вкусовые оценки: *вкусный / невкусный*), психическим (психологические оценки – интеллектуальные: *интересный / неинтересный, умный / глупый*) и эмоциональным (*приятный / неприятный, желательный / нежелательный*). К сублимированным оценкам относятся эстетические (*красивый / некрасивый*) и этические оценки (*моральный / аморальный, добрый / злой*). Эстетические оценки базируются на синтезе сенсорных и психологических оценок; этические – на степени соответствия предъявляемым нормам.

Рационалистические оценки ассоциированы с практической деятельностью человека и его повседневным опытом. Их основным критерием выступает физическая или психическая польза (*полезный / вредный*). Различают нормативные (соответствие установленному стандарту: *правильный / неправильный*) и телеологические оценки (направленность на достижение цели: *эффективный / неэффективный*) [13, с. 70].

Для определения роли языковых метафор с соматическим компонентом, а также их аксиологической значимости в художественном тексте проанализируем одно из произведений немецкоязычного писателя Стефана Цвейга (1881–1942). Повести этого знаменитого австрийского автора отличаются четко выстроенным захватывающим сюжетом и изобилием различного рода метафор, многие из которых содержат наименования частей тела. Одной из таких повестей является «Двадцать четыре часа из жизни женщины» о взаимоотношениях зрелой дамы и молодого офицера, страдающего игроманией. В фокусе внимания находятся эпизоды, описывающие руки человека во время игры за карточным столом. В каждом из них содержатся определенные соматические языковые средства, которые в совокупности объективируют образ игромана. Основными средствами вербализации этого образа являются метафоры с соматическим компонентом *Hand* (кисть руки) и его субкомпонентом *Finger* (палец).

Методы и материалы

В исследовании использованы описательный метод, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа и метод дискурсивного анализа. С помощью описательного метода языковые метафоры с соматическим компонентом *Hand* были классифицированы по уровню языковой иерархии, по типу переноса и по критерию стилистической значимости. В ходе компонентного анализа языковых метафор установлено, что образ игрока представлен узуальными и окказиональными односторонними семасиологическими метафорами-словами, двусторонними метафорами-словосочетаниями, односторонними ономасиологическими метафорами-предложениями с соматическим компонентом *Hand*. Выявлено преобладание окказиональных, односторонних ономасиологических метафор-предложений с полным метафорическим переносом при описании образа игрока. С помощью контекстуального анализа определены общеоценочное (*плохо*) и частнооценочные значения образа игрока, представленные сенсорными, сублимированными и рационалистическими оценками. С помощью дискурсивного анализа определена отличительная характеристика образа игрока – преобладание негативных сублимированных оценок в его структуре с акцентом на этический аспект, указывающих на взаимосвязь между языком и социальными процессами.

Исследование выполнено на материале текста новеллы С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» на немецком языке. Это и другие произведения С. Цвейга неоднократно становились объектом внимания лингвистов [14–19]. Работы данных авторов сфокусированы преимущественно на изучении концептуального, гендерного, эмотивного и нумерологического аспектов. Интерес ученых к новеллам этого известного австрийского писателя обусловлен уникальным авторским стилем, занимательным сюжетом, а также многообразием языковых и стилистических средств, включая метафоры с соматическим компонентом *Hand*. Насколько нам позволяет судить анализ работ по исследуемой тематике, исследование данного класса метафор в рамках произведения «Двадцать четыре часа из жизни женщины» выполняется впервые. Выбор метафор с соматическим компонентом *Hand* в качестве предмета исследования объясняется тем, что они позволяют вербализовать сложный и неоднозначный образ игрока, установить взаимосвязь между внутренним (сущностные характеристики человека, чувственный опыт) и внешним (жестикаляция, позы) в человеке.

Результаты

В процессе изучения произведения нами было выявлено 36 примеров использования языковых метафор с соматическим компонентом *Hand* и 8 примеров с соматическим

субкомпонентом *Finger*. Данные языковые метафоры чаще остальных применяются при описании образа игрока, т. к. руки являются самой активной частью тела человека. Более того, они имеют большое значение в оценке личности человека и его характера, поступков и состояний. Особенно наглядно это проявляется в поведении за карточным столом. По словам главной героини повести, внешний вид и движения рук лучше всего раскрывают истинную природу игромана: *Der Mensch verrät sich im Spiele <...> noch deutlicher verrät ihn während des Spieles seine eigene Hand*¹ (S. 34) – еще больше выдает его в игре его собственная рука, потому что все или почти все игроки умеют владеть своим лицом² (с. 72). Эта мысль находит свое подтверждение и во всех нижеследующих примерах.

Как было упомянуто выше, самым употребительным соматизмом в тексте повести является *Hand*. Рука или руки, замещающая собой тело человека, как часть – целое, наделяются собственной жизнью, характером и свободой действий, например: *Jede neue Hand am Tisch war mir Erlebnis und Neugier* (S. 36–37) – Каждая новая рука на столе была для меня источником новых переживаний и возбуждала мое любопытство (с. 73). Еще одним примером такого замещения служат следующие строки: *macht jede dieser hundert oder fünfhundert Hände unwillkürlich eine ganz persönliche, ganz individuelle Bewegung urtümlichen Instinkts* (S. 35) – эта сотня или даже сотни рук (досл. каждая из этой сотни или пяти сотен рук) невольно производят свое особое, совсем индивидуальное, глубоко инстинктивное движение (с. 72).

В дословном переводе этого фрагмента произведения руки олицетворяют собой человека, который, с одной стороны, обладает ярко выраженной индивидуальностью, а с другой – является лишь частью толпы, движимой первобытным стадным инстинктом. Эти черты являются важной составляющей образа игрока и вербализуются односторонними семасиологическими метафорами-словами с полным метафорическим переносом: *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände*, где фиктивные денотаты выражены эксплицитно – *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände*, а реальный денотат – *der Spieler* – выявляется из контекста при употреблении лексем *verrät, am Tisch, eine ganz persönliche, ganz individuelle Bewegung*. Односторонние семасиологические метафоры-слова *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände* являются также узуальными метафорами, которые часто используются заведомыми игорными заведениями. Употребление словосочетания *urtümlichen Instinkts* отражает негативное отношение автора к игрокам. Пристрастие к игре оценивается негативно не только автором, но и немецким социумом в целом. Оно рассматривается как аморальное и попирающее устои общества,

¹ Zweig S. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. Wien: Herbert Reichner Verlag, 2014. Здесь и далее по тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках.

² Цвейг С. Двадцать четыре часа из жизни женщины. М.: Public Domain, 2002. Здесь и далее по тексту перевод примеров приводится по данному изданию с указанием страниц в скобках.

что акцентирует внимание на этическом аспекте (морально / аморально) сублимированной оценки.

К другим свойствам, характеризующим личность азартного человека, относятся алчность, одержимость и беспринципность. В этом можно убедиться на следующем примере: *Die Hände, dieselben Hände, die ich noch nachmittags im heiligsten Eid an das Holz des Kirchengestühls verklammert gesehen, sie krallten jetzt wieder gekrümmt im Geld herum wie wollüstige Vampire* (S. 106) – *Руки, те самые руки, которые еще днем неподвижно лежали во время святой клятвы на церковной скамье, теперь неистово сжимались и жадно, как вампиры, тянулись к золоту* (с. 89). В данном отрывке тянущиеся к золоту руки сравниваются с ненасытными вампирами. Использование *Hand* в сочетании со словами *krallen* (впиваться когтями) и *gekrümmt* (искривленный) создают образ жалкого неуклюжего антропоморфного существа, испытывающего жажду наживы.

Данный образ находит выражение в употреблении двусторонней метафоры-словосочетания с полным метафорическим *die Hände krallen*. Фиктивный денотат выражен эксплицитно – *die Hände krallen*, реальный денотат (*der Spieler*) определяется контекстом (*die ich noch nachmittags im heiligsten Eid an das Holz des Kirchengestühls verklammert gesehen*). Сравнение рук с когтями указывает на узуальность, общепотребительность данной метафоры. Насколько можно судить из приведенного описания, действия данного персонажа вызывают у автора негативное отношение. Наиболее отчетливо это проявляется в описании ситуации в церкви. Молодой человек, который накануне молился о спасении души и обещал покончить с азартными играми, с легкостью нарушает свою клятву при первой же возможности. Такое поведение характеризует его как безнравственного аморального человека и является предметом осуждения и презрения, что выражает этический аспект сублимированной оценки немецкого общества.

Ненасытность и стремление к богатству воплощаются и в других фрагментах текста, например: *die Finger klimperten eitel und verliebt mit den runden Münzen* (S. 43) – *пальцы шаловливо и влюбленно сгребали круглые монеты* (с. 89). Данные свойства человека выражаются в его манере обращения с деньгами. Герой повести воспринимает монеты как нечто живое, испытывая к ним чувства вроде любви и нежности: *vor ihm glitzerte ein wirrer Haufen Jetons und Louisdors und Banknoten, ein schütteres, achtloses Durcheinander, in dem die Finger, seine zitternden, nervösen Finger, sich wohlig streckten und badeten* (S. 43) – *перед ним в беспорядке лежал большой ворох фишек, луидоров и ассигнаций, и его пальцы, дрожащие, нервные пальцы, с наслаждением окунались в них* (с. 89) (досл. приятно потягивались и купались).

Еще одним примером, показывающим маниакальную страсть человека к обогащению, являются следующие строки: *die Finger toll auf den Schmuck lossprangen und ihn hastig einschluckten in die Höhlung der Faust* (S. 89) – *пальцы*

яростно схватили драгоценность и торопливо зажали ее в кулаке (с. 89). В данном предложении пальцы игрока сравниваются с агрессивными зооморфными существами, которые неистово хватаются за все, что представляет материальную ценность, и тут же, словно воры, прячут ее от посторонних лиц. Ненасытность игрока (*die Finger klimperten ... mit den runden Münzen*), жажда наживы (*seine zitternden Finger ... sich wohlig streckten und badeten*), маниакальная страсть игрока (*die Finger toll auf den Schmuck lossprangen ... ihn hastig einschluckten*) выражаются односторонней семасиологической метафорой-словом *die Finger* с полным метафорическим переносом, фиктивный денотат которой выражен эксплицитно – *die Finger*, а реальный – *der Spieler* – выражен имплицитно лексемами *eitel und verliebt, nervös, hastig einschluckten*.

Исходя из того, что части собственного тела способствуют осознанию себя, своего места в мире и обществе, одностороннюю семасиологическую метафору-слово *die Finger* с полным метафорическим переносом можно считать узуальной, часто употребляемой [20, с. 169]. В приведенных примерах пальцы (*die Finger*) замещают человека в его способности выполнять определенные физические действия: потягиваться (*sich wohlig streckten*), купаться (*badeten*), глотать (*einschluckten*) и испытывать чувства (любовь (*verliebt*), удовольствие (*seine zitternden Finger*) и жадность (*die Finger toll auf den Schmuck lossprangen*)), что отражает эмоциональный аспект (приятный / неприятный, желательный / нежелательный) сенсорной оценки действий игрока, основанной на ощущениях.

Соматизмы *Hand* и *Finger* часто употребляются для описания ощущений, чувственного опыта, психологических и физиологических состояний человека – нервозности, мнимой сонливости. Например: *als ich seine zitternden, nervengeschnittenen Hände auf dem grünen Tisch gesehen habe* (S. 78) – *когда я увидела на зеленом столе его дрожащие, возбужденные руки* (с. 83). Другим примером выражения нервного возбуждения служат следующие строки: *Der krampfge Knäuel der Hände jetzt gleichsam von einer Explosion aufgerissen ward und die Finger zitternd wegsprengte* (S. 42) – *В его глазах вспыхнуло яркое пламя, как, словно от взрыва, разорвался судорожный узел рук, раскидывая дрожащие пальцы* (с. 74). В приведенных отрывках показано состояние человека различной степени интенсивности. В первом примере наблюдается незначительная нервная дрожь, во втором примере – состояние на грани нервного срыва. Средствами выражения последнего служат словосочетания с соматизмами *Hand* и *Finger*. Так, *zitternde, nervengeschnittenen Hände* указывают на небольшое волнение и дрожь, в то время как *der krampfge Knäuel der Hände* свидетельствует о физическом и эмоциональном перенапряжении, которое сравнивается со взрывом.

Еще один пример, отражающий состояние человека за карточным столом: *ein Augenblick kommt unweigerlich, der alle diese mühsam beherrschten, scheinbar schlafenden Finger*

aus ihrer vornehmen Nachlässigkeit aufreißt (S. 35) – Неминуемо приходит минута, которая выводит эти напряженные или, **казалось бы, сонные пальцы** из их деланного спокойствия (с. 72). В этом примере показано состояние человека, похожее на сон. Оно не связано непосредственно с физиологическим процессом сна, а лишь демонстрирует умение человека вовремя затаиться или притвориться спокойным. Использование соматизма *Finger* в словосочетании *scheinbar schlafende Finger* создает образ хитрого, непредсказуемого и порывистого человека.

В вышеприведенных примерах психологическое состояние человека за игровым столом описано с помощью двусторонней метафоры-словосочетания *nervengeschüttelte Hände* (возбужденные руки) с полным метафорическим переносом. Реальный денотат (*der Spieler*) выражен косвенно лексемой *nervengeschüttelt*, фиктивный (*Hände*) – эксплицитно. Лексемы, представляющие денотаты двусторонней метафоры – словосочетания *nervengeschüttelte Hände*, связаны синтагматически. По критерию стилистической значимости двустороннюю метафору-словосочетание *nervengeschüttelte Hände* можно отнести к узуальным метафорам. Нервозность игрока (*zitternde, nervengeschüttelte Hände*) характеризуется автором как негативное состояние, ощущение, которое демонстрирует эмоциональный аспект (приятный / неприятный, желательный / нежелательный) сенсорной оценки.

Физиологическое состояние игрока описывается двусторонними метафорами-словосочетаниями с полным метафорическим переносом: *der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger*. Реальный денотат (*der Spieler*) представлен косвенно лексемой *krampfge*, фиктивный денотат (*die Hände*) эксплицитен. Оба денотата представлены в рамках одной синтагмы. Употребление метафор-словосочетаний *der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger* подчеркивает творческую индивидуальность автора, что позволяет определить данные метафоры-словосочетания как окказиональные. Физическое перенапряжение игрока, выраженное метафорами-словосочетаниями *der krampfge Knäuel* (судорожный узел) *der Hände, scheinbar schlafende* (спящие пальцы) *Finger*, свидетельствует о вреде игромании, который эксплицируется утилитарным аспектом (полезный / вредный) рационалистической оценки.

Анализируя примеры использования языковых метафор с соматическими компонентами *Hand* и *Finger*, нельзя не отметить, что сравнение кистей и пальцев рук человека с животными является одним из основных приемов, используемых С. Цвейгом для создания образа игромана, например: *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände <...>, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit, jede anders geformt und gefärbt, manche nackt, andere mit Ringen und klirrenden Ketten aufgezäumt, manche behaart wie wilde Tiere ...* (S. 33) – **множество светлых, движущихся, ждущих рук <...>; руки, выползающие из берлог-рукавов, каждая как хищный**

зверь, готовый к прыжку, каждая другого цвета и формы, одни голые, другие окованные колодами и звенящими браслетами, одни покрытые волосами, как дикие звери ... (с. 72). В приведенном примере руки игроков описываются как свора хищников, готовая напасть на свою жертву в любой момент. Как и люди, они могут быть агрессивные и трусливые, голые и покрытые шерстью (волосами), свободные и прикованные цепью, и во всех этих сравнениях отмечается исключительно отрицательная оценка их страсти, поведения и образа жизни.

Другой пример сравнения рук человека с животными: *wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen* (S. 35) – **дикие звери с волосатыми, скрюченными пальцами, которые по-паучьи сгребают деньги** (с. 72). В данном примере руки человека сравниваются с бестиями или зверями, а его пальцы – с лапами паука. Благодаря сочетанию соматизма *Finger* со словами *Bestien* (бестии, звери), *spinnenhaft* (по-паучьи) и *einkrallen* (вцепляться) создается образ некоего паукообразного чудовища, вызывающего у окружающих страх и ужас. Не вдаваясь в подробное рассмотрение многообразной символики паука, отметим несколько основных значений. К ним относятся «алчность, дьявольское коварство и хитрость» [21, с. 269]. Все эти качества в той или иной мере присущи описываемому нами игроку, чей образ создают односторонние ономаσιологические метафоры-предложения *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit; wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen* с полным метафорическим переносом. И реальный денотат (*der Spieler*), выраженный косвенно лексемами *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände* (множество светлых, движущихся, ждущих рук), и *mit ... gekrümmten Fingern* (со ... скрюченными пальцами), и фиктивные денотаты *ein Raubtier* (хищник), *wilde Bestien* (дикие звери) присутствуют в рамках одного предложения. Данные метафоры-предложения являются окказиональными (авторскими) метафорами. Непреодолимая тяга к быстрой наживе и эфемерным материальным благам приводит к зависимости и утрате духовных ценностей. Такое поведение характеризуется автором как недостойное и аморальное, что обращает внимание на этический аспект сублимированной оценки.

Мы рассмотрели примеры, в которых описания кистей и пальцев рук игрока имеют негативную оценку и отражают только отрицательные стороны его личности. Между тем в тексте произведения есть фрагменты, где руки человека характеризуются положительно: *Es waren Hände von ganz seltener Schönheit* (S. 37) – **Это были исключительно изысканно красивые руки** (с. 72). В данном фрагменте содержится лишь описание внешнего вида рук, без указания на внутреннее состояние человека или его характер. Однако, учитывая, что эти слова были произнесены главной героиней при первой встрече с молодым офицером, можно сказать,

что они передают ее первое впечатление об этом человеке. Как мы видим, она восхищена необычайной красотой рук игрока и характеризует его в положительном ключе.

Также примером положительной оценки образа игрока является следующий контекст: *diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhaft steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben* (S. 44) – я не спускала глаз с этих **волшебных рук**, которые каждым мускулом пластически отражали взлет и падение чувств (с. 74). В приведенном фрагменте руки игрока описываются как волшебные и олицетворяют собой человека, способного испытывать самые разнообразные чувства, подчеркивая чувствительность и эмоциональность его натуры.

Положительная характеристика игрока вербализуется односторонними ономасиологическими метафорами-предложениями с полным метафорическим переносом: *Es waren Hände von ganz seltener Schönheit; diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhaft steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben*. Реальный денотат (*der Spieler*) выражен имплицитно лексемами *Schönheit* (красота), *stürzende Skala der Gefühle* (взлет и падение чувств), фиктивный денотат (*Hände*) – эксплицитно. При употреблении односторонних ономасиологических метафор-предложений оба денотата присутствуют в рамках одного предложения. По критерию стилистической значимости данные метафоры-предложения относятся к окказиональным (творческим) метафорам. Положительная оценка рук игрока как красивых (*von ganz seltener Schönheit*) и волшебных (*magisch*) указывает на эстетический аспект (красивый / некрасивый) сублимированной оценки.

Заключение

Образ игрока в новелле Стефана Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины» (*Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau*) вербализован языковыми метафорами с соматическим компонентом *Hand* и субкомпонентом *Finger* – метафорами-словами, метафорами-словосочетаниями и метафорами-предложениями. По типу метафорического переноса выделены односторонние семасиологические метафоры-слова *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände. die Finger*, двусторонние метафоры-словосочетания *die Hände krallten, nervengeschüttelte Hände, der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger*, односторонние ономасиологические метафоры-предложения *die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände <...>, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit; wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen; Es waren Hände von ganz seltener Schönheit;*

diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhaft steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben.

По критерию стилистической значимости данные метафоры относятся к узуальным метафорам: *seine Hand, jede Hand, jede dieser hundert oder fünfhundert Hände, die Finger, die Hände krallten, nervengeschüttelte Hände* – и окказиональным (авторским) метафорам: *der krampfge Knäuel der Hände, scheinbar schlafende Finger; die vielen hellen, bewegten, wartenden Hände <...>, alle aus der immer andern Höhle eines Ärmels vorlugend, jede ein Raubtier, zum Sprung bereit; wilde Bestien mit haarigen, gekrümmten Fingern, die spinnenhaft das Geld einkrallen; Es waren Hände von ganz seltener Schönheit; diese magischen Hände, die mit jedem Muskel die ganze springbrunnenhaft steigende und stürzende Skala der Gefühle plastisch wiedergaben.*

При описании образа игрока в новелле преобладают окказиональные, односторонние ономасиологические метафоры-предложения с полным метафорическим переносом, отражающие яркую индивидуальность творчества Стефана Цвейга. В данной новелле образ игрока предстает как «оценочная амальгама – органическое соединение нескольких типов оценок» [22, с. 78], сплав из положительных и отрицательных оценок, представленный общеоценочными и частнооценочными значениями. Общеоценочные значения составляют итог процедуры оценивания, они являются универсальными, «гиперонимическими, объединяя в себе гипонимические (частные) оценки, представленные рядом синонимичных оценочных номинаций» [23, с. 90–91].

Преобладающей общей, универсальной оценкой образа игрока является общеоценочный предикат *плохо*. Гиперонимическая оценка *плохо* представлена гипонимическими (частными) оценками – сенсорными, сублимированными, рационалистическими. Яркой характеристикой образа игрока является преобладание сублимированных оценок с акцентом на их этический аспект (морально / аморально). Это обусловлено тем, что поведение, поступки, образ жизни человека регулируются стандартами – «условностями, нормами, типичными для социального взаимодействия» [24, с. 366] – и более ориентированы на общее социологизированное понятие о моральности / аморальности действий человека.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. 422 с.
2. Вакк Ф. А. О соматической фразеологии эстонского языка // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: мат-лы IX Всесоюз. координац. совещания. (Баку, октябрь 1964 г.) Баку: АН АзССР, 1968. С. 152–155.
3. Якимова Н. И. История изучения соматической фразеологии // Чувашский язык и литература: теория и методика / отв. ред. А. Д. Ахвандерева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. Вып. XXV. С. 203–208.
4. Мугу Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003. 166 с.
5. Апресян В. Ю. Семантические типы эмоциональных метафор // Эмоции в языке и речи / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: РГГУ, 2005. С. 9–30.
6. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
7. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 19–67.
8. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: ИГЛУ, 1998. 249 с.
9. Гак В. Г. Метафора: Универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 11–25.
10. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
11. Аксенова Н. В. Аксиологический компонент в метафоре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. № 4. С. 94–100.
12. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2002. 260 с.
13. Корогодина И. В. Место оценки в структуре концепта ABNEIGUNG // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: мат-лы 3-й Всерос. конф. (Иркутск, 15–16 октября 2009 г.) Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 69–76.
14. Красавский Н. А. Концептосфера рассказа Стефана Цвейга «Звезда над лесом» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 167–173.
15. Красавский Н. А. Метафора как средство вербализации эмоций в произведениях Стефана Цвейга // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 3. С. 119–126.
16. Муртазина Р. И., Трофимова Л. В. Нумерология в новелле Стефана Цвейга «Brief einer Unbekannten» («Письмо незнакомки») // Наука, образование и культура. 2018. № 4. С. 49–51.
17. Соколова Е. В. Страдание и сострадание в романе Стефана Цвейга «Нетерпение сердца» // Поволжский вестник науки. 2019. № 2. С. 61–64.
18. Омелаенко Н. В. Концептуальный анализ текста новеллы Стефана Цвейга «Amokläufer» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 161–166.
19. Буриева Э. Т. Развитие гендерного аспекта в художественном переводе в зарубежном переводоведении на материале новеллы С. Цвейга «24 часа из жизни женщины» // Интернаука. 2020. № 24-1. С. 82–84.
20. Боргоякова О. А. Фразеологические единицы с соматическим компонентом в хакасском языке // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 5. С. 169–174.
21. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.
22. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.
23. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 87–95.
24. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект / сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1995. С. 314–385.

original article

Image of a Gambling Addict in Stefan Zweig's "24 Hours in the Life of a Woman": Verbalization of the Axiological Aspect

Izabella V. Korogodina

Irkutsk State Medical University, Russia, Irkutsk;
korogodina@mail.ru

Anna A. Sazonova

Irkutsk State Medical University, Russia, Irkutsk

Received 21 Apr 2021. Accepted 21 Jun 2021.

Abstract: The present research featured linguistic metaphors with the somatic component hand as part of the axiological aspect of the image of a gambling addict in Stefan Zweig's 24 Hours in the Life of a Woman. The research objective was to analyze the linguistic metaphors that verbalize the image of a gambling addict and to describe related evaluative meanings that reflect its axiological aspect. The authors also classified linguistic metaphors with the somatic component hand according to linguistic hierarchy, type of transfer, and stylistic significance. Their axiological meanings were represented by sensory, subliminal, and rationalistic evaluations. The image of a gambling addict was based on negative subliminal evaluations with an emphasis on their ethical aspect (moral vs. immoral). The image proved to be a set of positive and negative evaluations, represented by particular evaluative meanings with immoral aspect and verbalized via linguistic metaphors with the somatic component hand.

Keywords: somatism, hand, semasiological metaphor, onomasiological metaphor, bilateral metaphorical phrase

Citation: Korogodina I. V., Sazonova A. A. Image of a Gambling Addict in Stefan Zweig's "24 Hours in the Life of a Woman": Verbalization of the Axiological Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 494–502. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-494-502>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. *Logical analysis of the language. The image of man in culture and language*, eds. Aroutiounova N. D., Levontina I. B. Moscow: Indrik, 1999, 422. (In Russ.)
2. Vakk F. A. Somatic phraseology of Estonian. *Issues of phraseology and phraseological dictionaries*: Proc. IX All-Union. Meeting of Coordinators, Baku, Oct 1964. Baku: AN AzSSR, 1968, 152–155. (In Russ.)
3. Yakimova N. I. History study somatic phraseology. *The Chuvash language and literature: theory and methodology*, ed. Akhvanderova A. D. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t, 2016, iss. XXV, 203–208. (In Russ.)
4. Mugu R. Yu. *Polysemantism of somatic vocabulary in Russian and German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Maykop, 2003, 166. (In Russ.)
5. Apresjan V. Yu. Semantic types of emotional metaphors. *Emotions in language and speech*, comp. and ed. Sharonov I. A. Moscow: RGGU, 2005, 9–30. (In Russ.)
6. Teliya V. N. Metaphorization and its role in creating the Russian linguistic worldview. *The role of the human factor in the language. Language and picture of the world*, ed. Serebrennikov B. A. Moscow: Nauka, 1988, 173–204. (In Russ.)
7. Teliya V. N. Secondary nomination and its types. *Language nomination. Types of names*, eds. Serebrennikov B. A., Ufimtseva A. A. Moscow: Nauka, 1977, 19–67. (In Russ.)
8. Khakhalova S. A. *Metaphor in language, thought, and culture*. Irkutsk: IGLU, 1998, 249. (In Russ.)
9. Gak V. G. Metaphor: The universal and the specific. *Metaphor in language and text*, ed. Teliya V. N. Moscow: Nauka, 1988, 11–25. (In Russ.)
10. Skliarevskaia G. N. *Metaphor in the language system*. St. Petersburg: Nauka. S.-Peterb. izd. firma, 1993, 150. (In Russ.)
11. Aksenova N. V. Evaluative aspects in metaphors. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2006, (4): 94–100. (In Russ.)
12. Volf E. M. *Functional semantic of assessment*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2002, 260. (In Russ.)
13. Korogodina I. V. The place of evaluation in the structure of the concept ABNEIGUNG. *Issues of conceptual taxonomy of language, speech, and speech activity*: Proc. 3rd All-Russian Conf., Irkutsk, 15–16 Oct 2009. Irkutsk: IGLU, 2009, 69–76. (In Russ.)

14. Krasavskiy N. A. Concept sphere of the story by Stefan Zweig "The Star above the Forest". *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2016, (2): 167–173. (In Russ.)
15. Krasavskiy N. A. Metaphor as a means of verbalizing emotions in works by Stefan Zweig. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2018, (3): 119–126. (In Russ.)
16. Murtazina R. I., Trofimova L. V. Numerology in Stefan Zweig's "Brief einer Unbekannten" ("A Letter from a Stranger"). *Nauka, obrazovanie i kultura*, 2018, (4): 49–51. (In Russ.)
17. Sokolova E. V. Suffering and compassion in Stefan Zweig's novel "Impatience of the heart". *Volga Bulletin of Science*, 2019, (2): 61–64. (In Russ.)
18. Omelaenko N. V. Conceptual analysis of text of novella by Stefan Zweig "Amokläufer". *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2019, (9): 161–166. (In Russ.)
19. Burieva E. T. Developing a gender perspective in the fiction translation in foreign translation studies in Zweig's short story "24 Hours in the Life of a Woman". *Internauka*, 2020, (24-1): 82–84. (In Russ.)
20. Borgoyakova O. A. Phraseological units with a somatic component in the Khakass language. *Iazyk i kultura (Novosibirsk)*, 2013, (5): 169–174. (In Russ.)
21. Vovk O. V. *The encyclopedia of signs and symbols*. Moscow: Veche, 2006, 528. (In Russ.)
22. Baranov A. N. Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary). *Voprosy Jazykoznanija*, 1989, (3): 74–90. (In Russ.)
23. Gak V. G. Emotions and evaluations in the structure of speech and text. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*, 1997, (3): 87–95. (In Russ.)
24. Ortony A., Clore G., Collins A. The cognitive structure of emotions. *Language and Intelligence*, comp. Petrova V. V. Moscow: Progress, 1995, 314–385. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 070.41+81'38+808.1

Из истории фатической речи: приветственное слово издателя в научно-популярной журналистике первой половины XVIII в.

Александр Александрович Малышев

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0002-8936-3056>; malyshev.alexander@mail.ru

Поступила в редакцию 25.03.2021. Принята в печать 07.06.2021.

Аннотация: Для полноценного исследования коммуникативного потенциала современных медиатекстов необходимо обращаться к журналистским текстам более раннего времени и в диахроническом ключе рассматривать ситуационные модели взаимодействия с аудиторией. Современные научно-популярные медиатексты обнаруживают генетическое сходство с материалами периода становления русскоязычной периодической печати: отличия могут быть обусловлены появлением новых исследовательских данных или качественно иным иллюстративным материалом, однако композиционная и стилистическая преемственность, общие черты в проявлении авторского «я» и в тональности текста представляются нам очевидными. Академический журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) – первое русское научно-популярное издание, предназначавшееся читателям, желавшим приобрести знания об окружающем мире. Издатели Примечаний прекрасно осознавали, что важную роль при изложении в статьях сведений самого разного рода играет взаимодействие с аудиторией. Именно поэтому в ежегодных приветственных обращениях к читателю (аналог современного жанра *вступительное письмо / слово редактора*), с 1729 г. традиционно занимавших первый номер журнала, неоднократно проявляется фатическая речь как мощное средство установления контакта с аудиторией. Фатичность приветственного слова издателя проявляется в обещании обеспечить традиционное для XVIII в. сочетание приятности и полезности чтения, простоты и доступности изложения как основы создания статей, что располагало читателя к ознакомлению с материалом и настраивало на благоприятное восприятие материалов Примечаний уже на дотекстовом уровне. Непринужденность разговора с читателем и эффект лично ориентированной беседы (ты-общение), выражение заботы об интересах читателя в сочетании с информативностью и чувством собственного достоинства, шутивая тональность и намерение создать благоприятную атмосферу общения, формирование «своего круга» и солидаризация с аудиторией пронизывали приветственное слово фатичностью и определили основные черты жанра редакторского приветствия на всем протяжении его существования в отечественной журналистике.

Ключевые слова: историческая стилистика, контактоустановление, диалогизация, Примечания к ведомостям, журналистика XVIII века, редактор, фактор адресата

Цитирование: Малышев А. А. Из истории фатической речи: приветственное слово издателя в научно-популярной журналистике первой половины XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 503–511. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-503-511>

Введение

Современные научно-популярные медиатексты обнаруживают генетическое сходство с материалами периода становления русскоязычной периодической печати: отличия могут быть обусловлены появлением новых исследовательских данных или качественно иным иллюстративным материалом, однако композиционная и стилистическая преемственность, общие черты в проявлении авторского «я» и в тональности текста представляются нам очевидными. Эта преемственность проявляется и в элементах фатического взаимодействия издания с читателями.

Основными чертами фатического медийного общения, как отмечает Н. А. Корнилова, являются взаимоприятное речевое времяпрепровождение, формирование «своего круга» друзей и знакомых, лично ориентированное общение, диалогичность, этикетность [1, с. 34, 42–43],

см. также мнение Ж. Р. Сладкевич о разграничении понятий *фатика, этикет, вежливость и диалогичность* [2]. Поскольку эти признаки присущи коммуникации как таковой, хотя в различных коммуникативных ситуациях каждый из них проявляется по-разному, мы можем говорить о стабильном присутствии фатики в жизни человека разумного. Неслучайно признаки фатической речи, исследование которой началось Б. Малиновским в этнографическом ключе [3], находят в фольклоре и литературных сказках [4]. Действительно, обращение к читателям автора, переводчика, составителя или издателя книги или журнала вполне соотносится с обращением к слушателям сказителя, настраивающего аудиторию на правильное восприятие последующего рассказа о чем-либо. Понимая ритуальность как в том числе проявление фатического начала,

В. В. Дементьев обозначил необходимость сопоставления фатического общения в России конца XIX и конца XX в. как перспективное направление исследований [5, с. 48–49]. Н. А. Корниловой продемонстрированы общие черты использования фатической речи в общении с аудиторией в журналах «Вестник моды» (1888 г.) и «Добрые советы» (2010 г.) [6].

Диахронической основой подобного общения (монологического по форме, диалогического по содержанию) были имевшие глубокие исторические корни вступительные слова авторов текстов древнерусской литературы. А. С. Демин выделяет три составных части содержания книжных предисловий (прямые обращения к читателям и слушателям, рассуждения о значении чтения, пояснения о предлагаемом сочинении) и общие наставления, связанные с пониманием пользы чтения для разума и духа, самостоятельностью чтения (а не восприятием текста на слух), с его прилежностью и осмысленностью; однако осознавалась и определенная завышенность таких требований к читателю-неофиту [7, с. 14, 18–20, 24]. В наших примерах эти принципы также реализуются, т. е. можно говорить о непрерывности традиции независимо от книжной или газетной природы коммуникации. Однако в случае начального этапа истории отечественной журналистики следует иметь в виду, что она создавалась по несколько иным лекалам, будучи ориентированной на европейские образцы, что и предопределило иную основу взаимодействия с аудиторией.

Даже при самом общем сопоставлении приветственных слов издателя периодики XVIII в. с книжной традицией древнерусской литературы становится заметным стилистическое различие в форме ведения разговора с читателем. Древнерусский книжник традиционно обозначал себя как худоумного и многогрешного недостойного монаха, дерзнувшего слабым пером повествовать о чем-либо и просящим читателей о снисхождении. При поверхностном и буквальном чтении вступлений к летописям, житиям, хожд(а)ениям и другим произведениям подобное речевое поведение, безусловно, может ввести читателя, особенно современного, в заблуждение и сформировать пренебрежительное отношение к автору, который, по мнению исследователя XIX в., заискивал перед читателем, «мало сознавал в себе сил, был робок, постоянно извинялся» [8, с. 43]. Более глубокое восприятие с учетом исторических особенностей древнерусской словесности позволяет говорить о как минимум равнозначном статусе адресата и адресанта, поскольку в древнерусской книжности наблюдается неразрывное сочетание авторского самоуничижения и обладания автором правом на создание текста [9, с. 45], а «топос недостойности» постепенно переходит в активное воздействие на аудиторию [10, с. 17, 20]. Ключевую роль здесь играет чувство меры, или, согласно З. К. Тарланову, уместность использования отдельных языковых явлений с точки зрения целого [11, с. 12]. Таким образом, речь идет о восприятии себя книжником как знающего свое

дело мастера, стремящегося зафиксировать и сообщить читателям нечто важное и имеющего на это моральное право (как, впрочем, и обязанность) [12].

Г. В. Судаков, исследуя эволюцию речевого этикета Московской Руси, среди прочего отмечает фактическое отсутствие в этикетности общения XVII в. такого речевого действия, как знакомство: любой читатель воспринимается как уже знакомый человек. Кроме того, общая формульность и комплиментарность происходят от взаимовлияния устной и письменной речи (понимание письменной речи как беседы на зрительном, а не слуховом уровне) и привносятся из иноязычной культуры [13, с. 55], что актуально и для рассматриваемого нами материала.

Методы и материалы

Коммуникативный потенциал современных медиатекстов не может рассматриваться изолированно от более ранних журналистских текстов, поэтому плодотворным является обращение к текстам предшествующих эпох для диахронического анализа ситуационных моделей диалога с читателями. Это направление представляется перспективным с точки зрения исторической стилистики русской журналистики, целью которой, как и исторической стилистики в целом, является установление принципов стилистической организации языковых средств журналистских текстов на разных этапах развития языка [14, с. 419; 15; 16], входящих в «коллективную привычку способов пользования языком» [17, с. 257]. Историко-стилистический подход понимается нами как способ выявления «качественных преобразований в стилевом ряду языка» и является «динамической частью истории литературного языка» [18, с. 18–19]. В этом отношении не бесспорным, но несомненно заслуживающим внимания представляется понимание М. В. Ивановой и Н. И. Клушиной эволюции публицистики как движения от древнерусского наследия к интернет-эпохе [19]. На содержательно ином материале (тексты о домостроительстве) историко-стилистический подход успешно продемонстрирован в исследовании В. Н. Калиновской и О. А. Старовойтовой [20].

Академический журнал «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) (далее – Примечания) – первое русское научно-популярное периодическое издание. Журнал был рассчитан на широкий круг читателей, желавших приобрести новые или дополнительные знания об окружающем мире. По сути, каждый познавательный выпуск Примечаний был мини-лекцией, «прочитанной» в печатном виде и направленной на пробуждение читательской мысли [21, с. 14–30].

Издатели Примечаний не могли не общаться со своими читателями, поскольку судьба издания, как показывали европейские примеры, напрямую зависела от читательского благорасположения (примеры периодики XVIII в. неоднократно демонстрируют как сокращение тиражей, так и прекращение существования изданий из-за низкого спроса). Общее состояние науки и трудности, возникавшие

при распространении научного знания, подробно описаны П. П. Пекарским [22]. В то же время редакция прекрасно понимала, что государственная ориентация на распространение знаний, заданная Петром I, стимулировала общество приобщаться к новой информации, а в такой ситуации именно научно-популярная периодика, сочетающая научное содержание с популярным изложением, находилась в выигрышном положении. Следовательно, можно говорить если не о признании ведущей роли автора как отправной точки в процессе создания текста [23, с. 29–30] и нахождения читателя даже в случае приветственного слова издателя в роли «пассивного говорящего» [24], то о констатации такого положения, при котором «автор выступает как равноправная сторона в диалоге заинтересованных друг в друге собеседников» [25, с. 10]. Это равноправие проявляется в самой тональности речи издателя, который даже на уровне традиции не прибегает к самоуничижению, но, сохраняя учтивость, демонстрирует чувство собственного достоинства, соединяя демократическую публицистичность XVII в. с журналистикой как новой формой сознания XVIII в., обозначаемые Э. И. Токаревой в качестве дискурсивных формаций публицистики того времени [26].

Рассмотрение материала на основании сплошной выборки проявлений фатической речи в Примечаниях производится нами двояко: с одной стороны, рассматриваются общие принципы проявления фатичности в приветственных словах разных лет, с другой – внимание уделяется каждому приветственному слову от года к году, что позволяет определить специфические черты фатичности каждого из приветствий.

Результаты

Общие наблюдения

Приветственное слово издателя отсутствовало в 1728 г., однако косвенно его функцию могло выполнять напечатанное в первом выпуске «Санкт-Петербургских ведомостей» извещение о начале выпуска Примечаний и о пользе нового издания. Собственное же обращение к читателям Примечания получили в 1729 г., затем оно появилось в 1730, 1731, 1733, 1734, 1738, 1739 и 1741 годах. В 1732 г. вместо приветствия была напечатана ода на Новый год, в 1735 и 1736 – оды в честь Анны Иоанновны, в 1740 – новогодние стихи, в 1742 – описание новогоднего фейерверка, в 1737 г. Примечания не издавались. Таким образом, за 14 лет издания Примечаний читатель восемь раз (а с учетом извещения в «Санкт-Петербургских ведомостях» – девять) мог прочитать обращенные к нему пространные слова издателя. Представляется, что этого, вкупе с более частными случаями аналогичных кратких вступлений к отдельным статьям, было вполне достаточно, чтобы сформировать традицию разговора прессы, в том числе научно-популярной, со своей аудиторией. Диалог с читателем,

ставший неотъемлемой частью редакционной политики Примечаний, ведется в форме монолога со стороны автора статьи: читателю предлагается некая информация, которую он воспринимает, но ответить автору которой не имеет возможности; реплика читателя остается за пределами статьи, но определенно подразумевается.

В первую очередь стоит остановить внимание на обозначении самого жанра приветствия. С 1729 по 1731 г., а также в 1741 г. таковое обозначение отсутствовало, в 1733 г. приветствие было названо «предсказанием», в 1734 и 1738 – «предисловием». Выбор в двух последних случаях слова «предисловие» был, очевидно, связан с тем, что «предсказание» более связано с миром религии (в том числе суевериями), тогда как имеющее менее торжественную семантику «предисловие» на протяжении нескольких веков обозначало именно вступительную часть книги, послания и др. произведений.

Обращение к читателю (установление контакта) в Примечаниях в 1729–1731 гг. неизменно выражается с помощью звательного падежа (*благосклонный читателю*), в 1733 и 1738 г. перед нами не обращение, а просто форма мн. ч. (*наши читатели*), в 1739 г. происходит утрата звательного падежа: *любезный читатель*. Колебания ед. ч. и мн. ч., т. е. персонифицированного и обобщающе-обезличенного общения, позволяют редакции сначала установить контакт с каждым читателем, затем обозначить расширение аудитории, после чего вернуться к персонализации. Заметны и грамматические изменения: помимо утраты звательного падежа происходит изменение окончания мн. ч. дательного падежа: *нашим читателем* с 1734 г. систематично заменяется на *нашим читателям*.

Отметим, что лишь в двух случаях в конце приветственного слова приведена этикетная подпись (размыкание контакта): в 1729 г. – *Благосклонного читателя к службе охотнейший слуга издатель*, в 1734 г. – *Сочинители примечаний на ведомости*¹. Первый пример представляет собой сочетание кольцевой композиции (обращением к благосклонному читателю начиналось приветствие) с корневым повтором (*служба – слуга*) и суперлативом, причем от лица всего журнала выступает с почтительным *охотнейшим* поклоном лишь издатель, тогда как во втором примере с читателем говорят уже все авторы (текст приветствия пронизан местоимениями мн. ч.) и отсутствует малейшее упоминание подчиненного положения редакции.

Далее мы проанализируем как типичные черты обращения к читателю, характерные для приветствий разных лет, так и индивидуальные особенности приветствий конкретных годов.

Фатичность приветственного слова издателя на общем уровне наиболее ярко обнаруживается в рассмотренном нами ранее обещании обеспечить традиционное для XVIII в. сочетание приятности и полезности чтения, простоты

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии с сохранением правописания оригинала.

и доступности изложения как основы создания статей [27]. Это располагало читателя к ознакомлению с материалом и настраивало на благоприятное восприятие материалов Примечаний уже на дотекстовом уровне или, по выражению М. Н. Кима, на «предкоммуникативной фазе» [28, с. 200–201]. Сочетание пользы и приятности умственных и творческих упражнений и приобретения знаний становится в журналистике XVIII в. одной из ключевых идей, ср. хотя бы названия периодических изданий второй половины века: Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие (1755–1764), Праздное время, в пользу употребленное (1759–1760), Полезное увеселение (1760–1762), Полезное с приятным (1769), Приятное и полезное препровождение времени (1794–1798).

Польза, приятность, удовольствие, радость от приобретения знаний вкупе с *увеселением, услаждением и легкостью* познания являются ключевыми словами приветствий (особенно в 1729–1731 гг.). Встречаются и их сочетания: <труды> *которые токмо ради увеселения тебя, и ради твоей пользы восприимчивы* (1729: 1)²; *всякою трудится будет, к пользе и к удовольствованию* читателей (1729: 2); *ко удовольствованию* тебя и впредь какие *полезные* дела (1730: 1); *то есть тебе во известие, сие в научение*, но обоим *к твоему удовольствию* склоняется... *чтоб тебе полезную и приятную* забаву промыслить (1731: 2); *приятное* содержание... произвело *полезные* действия в разуме и воле наших читателей (1738: 3) и др.

Идея подчинения исключительно интересам аудитории неоднократно встречается в приветственных словах, ключевыми ее проявлениями становятся задаваемые на речевом уровне ревностное служение, усердный труд и желание угодить: *токмо ради увеселения тебя, и ради твоей пользы восприимчивы* (1729: 1); *разные персоны, из которых всякою трудится будет* (1729: 2); *вручая себя твоей любви и склонности, а в протчем ничего более не желаем, как всякому угодным быть* (1729: 4); *мы от времени до времени о том прилежно трудимся будем...* Я с моими товарищи желал бы *всякому* по его желанию и склонности *угодить* (1729: 1); *во всем единое намерение, а имено чтоб тебе полезную и приятную забаву промыслить* (1731: 2); *нашего старания...* *с ревностию исполнять* возможно было (1734: 1); *ревность, которую мы имеем к нашим читателям* (1738: 2).

Представляется, что даже с учетом того, что приведенные цитаты не исчерпывают всех примеров проявления как будто бы подобострастного взгляда на аудиторию, такое поведение во многом является внешним и продиктовано преимущественно дипломатическими традициями. Во-первых, это обусловлено особым положением журнала вследствие отсутствия подобных Примечаниям изданий (издававшиеся с того же 1728 г. академические «Комментарии» были строго научным журналом, печатавшимся на латыни

и потому доступным далеко не всем), т. е. осознанием своего места в системе просветительских координат. Во-вторых, причиной усомниться в подлинной смиренности могут быть возраст и полемический задор сотрудников Примечаний: например, главному редактору первых лет Примечаний Герхарду Фридриху Миллеру в 1730 г. было 25 лет, а один из самых плодовитых авторов Георг Вольфганг Крафт был всего четырьмя годами старше – при всех оговорках о значительно более раннем интеллектуальном развитии деятелей науки XVIII в. молодость остается молодостью.

Отмеченное ранее чувство собственного достоинства проявляется двояко: с одной стороны, есть «простые» читатели, с которыми вежливый издатель чувствует себя наравне, с другой – регулярно упоминаются «высокие особы», благоволение которых наиболее ценно и заставляет издателя и дальше стараться угодить с выбором тем для материалов: *Сие обязует нас всем тем высокого и нижнего чина благодарение чинить, которые наши труды милостиво и благосклонно воспринимают* (1731: 3); *Высокия наиважнейшими упражнениями объятые особы* свои прозорливые мнения о нашем труде нам благосклонно объявлять соизволяют... и мы признаем оное с наиглубочайшим почтением и с благодарственным движением нашего сердца, которое мы сим всенародно изъявляем (1733: 3).

Ритуальное высокопарное славословие позволяло в то же время донести до аудитории достаточно простую мысль: Примечания пользуются покровительством знати и признанием со стороны лучших умов своего времени, посему журнал обладает высоким статусом, а приобщение к числу читателей делает честь в первую очередь самим приобщившимся.

Особое место занимает августейшая особа: ...АННА солнцем России пребывает. К сея стопам припадаем мы такожде ныне с покорнейшим прошением о Всемилостивейшем заступлении и впредь на будущий год начатых наших трудов, и радуемся, что мы случаи имеем под державною Ея рукою сими нашими известиями последующим временам известно учинить, коим образом Россия... *счастлива была* (1731: 4) – здесь перед нами двунаправленность фатики: на читателей вообще, как отдающих дань нужности Примечаний, так и считающих это предприятие ненужным, и на высокопоставленных читателей, особенно на императрицу. Примечания, даже будучи освобождены от духовной цензуры, не могли обойтись без участия в освещении придворной жизни, публикуя манифесты и оды от имени Академии наук, подробные отчеты о прибытии посольств, о праздновании тезоименства и годовщин восшествия на престол Анны Иоанновны и описание ее похорон, а также материалы, связанные со светской модой (о театре и опере, фейерверках и др.).

Именно поддержка высшего света позволила издателю уже на третий год заявить вполне по-современному

² В скобках после цитаты приведен год издания Примечаний и номер страниц(ы).

о пренебрежении мнением своих противников и критиков: *... нерадостно я протчим из наших читателей, которое с вашим благосклонным разсуждением несогласуются, то объявить принужден, что нам в получении от оных подтверждения того ради не зело великая нужда имеется* (1730: 1).

Конкретные наблюдения

В приветствии 1729 г., задачей которого было формирование интереса к материалам Примечаний, особое место отведено рассуждениям о моде на обладание информацией: *В протчем есть дело о ведомостях безспорно в так великой моде, как оное никогда не бывало. В древние времена наши предки о том ничего не ведали – далее следует рассказ о роли Италии, Франции и Голландии в деле учреждения и распространения газет (1729: 3–4), слово мода является в этом приветствии одним из ключевых и повторяется несколько раз, закрепляя в сознании читателей мысль о том, что читать газеты и приложения к ним значит быть по-европейски модным (о фатическом потенциале ключевых слов см. [29]).*

Отдельно подчеркивается исключительная роль Петра I: *Ныне тому уже 27 лет будет, как чрез великое старание Блаженныя и Вечностойныя памяти Его Императорскаго величества ПЕТРА Перваго, в пользу своих подданных некоторые ведомости на Российском языке печатать начались* (1729: 4) – традиционная капитализация эпитетов и имени в сочетании с указанием точного количества лет создает крайне благоприятное впечатление и подчеркивает важность чтения как государственной новостной периодики, так и Примечаний как не менее государственного приложения к Ведомостям.

Здесь же привлекает внимание мягкий императив, смягченный шутиливой интонацией: *Любезный читателю, ты будешь оные употреблять по твоему соизволению, изволишь ли оные того удостоить, чтоб тебе оными несколько праздных окомотов препровождать, или ты оные к чему последнему употребить изволишь* (1729: 4) – с одной стороны, читатель не может пройти мимо Примечаний, будучи вынужден хоть что-то с ними сделать (императив будешь), с другой – он имеет полное право употребить их даже на что последнее, под чем вполне может подразумеваться их использование для деликатных физиологических нужд.

Приветствие 1730 г., поскольку в Европе принято делать подарки к Новому году, содержит объявление о некотором малом подарке читателям, состоящем во описании разных обычаев народов, как и с которого числа у оных новый год начинался (1730: 2), после чего описываются различия между юлианским и григорианским календарями. Сама идея сделать читателям небольшую приятность звучала как нечто новое и непривычное, а подарок в виде познавательного текста имеет отчетливые параллели с современным дарением книг.

Первая половина приветственного слова 1731 г. содержит ряд двухкорневых композитов с начальным компонен-

том благо-, к которым присоединяется качественное прилагательное: *Благосклонный читателю... я тебе за благое твое по ныне сих трудов восприятие прежде должнее благодарение отдал, а при сем обнадежил, что нам такая благосклонность побуждением будет... с вашим благосклонным разсуждением... Мы числом наших благодетелей довольны* (1730: 2) – подобное нагнетание однокоренных слов является как средством выражения благодарности и комплиментарности, так и подчеркиванием особого благорасположения и надежды на благополучное существование Примечаний и в дальнейшем.

Это приветствие также интересно использованием двух метафор: в первом случае еженедельное издание Примечаний уподоблено часам, которые, как скоро сойдут, оные вновь заводит надлежит (1731: 1), во втором случае издатель сравнивает авторов Примечаний с искусными садовниками, которые свои увеселительные сады в малые гряды или увеселительные части разделяют (1731: 2). Оба сравнения призваны подчеркнуть необходимость существования журнала (регулярность приобретения знаний и непринужденность этого процесса), а кажущееся обытовление вновь оказывается двояким: как часы в первой половине века были одновременно насущной необходимостью и предметом роскоши, так и искусный садовник при внешней простоте своей работы занимал особое положение.

Приветствие 1734 г. содержит критику ученых мужей, скрывающих свои знания темными словами, пустословием или прямым замалчиванием, и противопоставление надменной науки материалам Примечаний – это создавало облик издания, радостно и без утайки сообщающего читателям разнообразные сведения. Вновь мы встречаем юмор, направленный на преодоление суеверий: *Мы подлинно в том уверены, что читающие оныя <развенчивающие суеверия статьи Примечаний> спокойнее спать могут, нежели прежде, когда им от ложных мнений произошедшии страх того не позволял* (1734: 3), и новогоднее поздравление с пожеланием нашим читателям всякого благополучия, которого они себе сами от доброго намерения желать могут (1734: 4), которое согласуется с нередко встречающейся в наши дни фразой «Желаю тебе того, что ты сам себе желаешь».

Предисловие 1738 г., когда издание Примечаний возобновилось после более чем годового перерыва (июнь 1736 – весь 1737 г.), направлено на уже сформированный «свой круг» читателей, о чем свидетельствуют как наречие опять и прилагательное обыкновенные, так и подчеркнутый наречиями меры и степени так и образа действия еще отказ от дальнейших пояснений о целях и задачах журнала: *В сем году начинаем мы опять наши обыкновенные примечания... Намерение, которое мы притом имеем, уже так известно всем нашим читателям, что мы не надеемся, чтоб оное при сем случае еще изъяснить надлежало* (1738: 1).

В приветствии 1739 г. издатель сопоставляет Россию и Римскую империю периода расцвета, дабы пробудить

в читателе чувство гордости за великую державу, сравнимую с могущественными государствами прежних веков. Несомненно, это также двоякое приложение фатической речи: патриотическое воодушевление сочетается с хвалебными словами в адрес Анны Иоанновны, ставшей достойной наследницей петровских преобразований. Это приветственное слово отмечено особой диалогичностью. В первую очередь она проявляется посредством императивов, реализующих речевой акт призыва к действию: **Посмотри**, любезный читатель вместе с нами на древния времена... **Представь** себе оную высокую степень, на которой древний Рим в свое время находился... **Рассуди** теперь любезный читатель то, что ты всегда пред собою имеешь, и **скажи**, какое государство силою великую Россию превзойти может? ... И так **радуйся** любезный читатель! ... **соедини** токмо с нами твои молитвы, которые мы за ВСЕМИЛОСТИВЕЙШУЮ нашу ГОСУДАРЫНЮ приносить должны (1739: 1, 3, 4).

Кроме того, особую роль играет риторическая вопросно-ответная композиция (издатель задает вопрос и тут же сам на него отвечает, однако у читателя может создаться иллюзия совместного размышления): ... от чего он <Рим> получил имя великаго Рима. Не от великаго ли пространства, которое его стены в себе заключали? или только от многих улиц и площадей? или от множества высоких строений? или от богатства мещан? или от великаго множества чужестранных? Никак! ... в иных свойствах полагают. В каких же? В бодрости владетелей, в достоинстве Сената, в благородной крови шляхетства, в храбрости мещан, в прилежании и силе Римлян, в победах, великодушии, науках, и в добром рассуждении и почтении ученых дел (1739: 2). Синтаксический параллелизм вопросов и ответов позволяет упорядочить рассуждения и подвести читателя к доказательству преемственности России и Рима, которая, разумеется, стала возможной исключительно благодаря императрице: Ея токмо благополучием может Россия получать умножение империи, приращение силы и распространение наук и художеств (1739: 4).

Наконец, приветственное слово 1741 г. крайне интересно с точки зрения как содержания, так и преимущественно формы. Написано оно расположенной «в столбик» и не содержащей знаков препинания ритмической прозой, внешне напоминающей разностопные ямбы басен И. А. Крылова или «лесенку» В. В. Маяковского, если бы она была набрана с выравниванием по центру. Содержательно приветствие построено на методичном списочном нагнетании перечислительного сопоставления нового и старого, что в сочетании с формой создает при прочтении особое медитативное настроение. Приведем в качестве примера начало, две цитаты из середины и заключительные строки: С новым годом / опять новое издание сих еженедельных

листов / да притом / и новое их начало / Всегда нечто новое / А однакож / нет ничего новаго под солнцем <...> Новыя книги / Сколькож в них новаго / Много / а стараго еще больше <...> Но и в сей новости / нет также ничего новаго / Ибо / ничего новаго не обретается под солнцем <...> Старое поздравление / Нет тут ничего новаго / Ибо оно происходит от старой ревности / и возобновленной должности и древней верности / нашей / и всех верных жителей / Российския империи (1741: 3–4, 7–8).

Присутствие в данном приветствии открытого игрового начала (в том числе на уровне смысловых переключек и звукописи старой ревности – древней верности в последних строках), нестандартно вовлекающего читателя в размышления о жизни, выгодно выделяет его на фоне предшествующих.

Заключение

Непринужденность разговора с читателем и эффект личностно ориентированной беседы (ты-общение), учтиное выражение заботы об интересах читателя в сочетании с информативностью и чувством собственного достоинства, шутивая тональность и намерение создать благоприятную атмосферу общения, формирование «своего круга» и солидаризация с аудиторией пронизывали приветственные слова издателя Примечаний фатичностью и, насколько мы можем предположить, определили основные черты жанра редакторского приветствия на всем протяжении его существования в отечественной журналистике. Подобно тому, как в Петровское время происходили качественные стилистические преобразования в деловой речи [30], в послепетровское время постепенно вырабатывалась манера диалога с читателем, новая для того времени и кажущаяся вполне естественной в наши дни.

Дальнейшее историко-стилистическое сопоставление приветствий Примечаний с периодикой второй половины XVIII и последующих веков представляется плодотворным, поскольку позволит охарактеризовать конкретные проявления фатического начала каждого звена в цепочке как научно-популярной, так и «обычной» периодики и выявить сходства и различия в речевых принципах взаимодействия с аудиторией на протяжении трехвековой истории отечественной прессы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-312-00164 «Историческая стилистика русской научно-популярной периодики первой половины XVIII века».

Литература

1. Корнилова Н. А. Фатическая речь в массмедиа: композиционно-стилистические формы: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 229 с.
2. Сладкевич Ж. Р. К вопросу о разграничении понятий диалогичность, фатика, вежливость и речевой этикет // Перспективные направления современной лингвистики: сб. науч. тр. Междунар. науч.-теоретич. конф. (Москва, 15–16 октября 2020 г.) М.: РУДН, 2020. С. 53–71.
3. Senft G. Phatic communion // Culture and language use / eds. G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam, 2009. P. 226–233. DOI: 10.1075/hop.1.pha1
4. Zuraikat M. J., Al-Shawashreh E., Mashreqi S. Phatic Communion in Carroll's Alice's Adventures in Wonderland // Abhath Al-Yarmouk Humanities and Social Sciences Series. 2019. Vol. 28. P. 253–264.
5. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
6. Корнилова Н. А. Проявления фатического начала в русском журналистском тексте: традиция и современность // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 2. С. 322–336.
7. Демин А. С. Древнерусские рукописные книжные предисловия XI–XII вв. (на пути к массовому адресату) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий / под ред. А. С. Дёмина. М.: Наука, 1981. С. 12–26.
8. Некрасов И. С. Древне-русский литератор // Беседы в обществе любителей российской словесности при Императорском Московском университете. М.: Тип. Грачева и компании, 1867. Вып. 1. С. 39–50.
9. Епифанова Е. А. Структура житийных предисловий в древнерусской агиографической традиции (XII в. – до рубежа XIV–XV вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16. С. 41–45.
10. Ельникова О. Е. Публицистичность литературы Киевской Руси: тексты, авторы, аудитория. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2012. 152 с.
11. Тарланов З. К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка // Историческая стилистика русского языка / отв. ред. З. К. Тарланова. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 4–15.
12. Конявская Е. А. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Яз. рус. культуры, 2000. 195 с.
13. Судаков Г. В. Эволюция устного речевого этикета в Московской Руси в XIV–XVII вв. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 51–57. DOI: 10.17223/15617793/429/6
14. Кожина М. Н. Стилистика историческая, или диахроническая // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 416–420.
15. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Ч. 2. Синтаксис / под ред. М. Н. Кожин. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. 155 с.
16. Климкович О. А. Исследование памятников деловой письменности в аспекте сравнительно-сопоставительной исторической стилистики // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст: зборнік навуковых прац IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. (Мінск, 21–22 февраля 2017 г.) Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2017. С. 85–92.
17. Винокур Г. О. О задачах истории языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. II. С. 243–262.
18. Колесов В. В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка / отв. ред. З. К. Тарланова. Петрозаводск: ПГУ, 1990. С. 16–36.
19. Иванова М. В., Клушина Н. И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к интернет-коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 1. С. 50–62. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62
20. Калиновская В. Н., Старовойтова О. А. Три века – три автора – три текста: динамика жанра и стиля // Язык как материал словесности: XXI науч. чтения: к 95-летию проф. А. И. Горшкова. (Москва, 20 октября 2018 г.) Казань: Бук, 2018. С. 78–89.
21. Малышев А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на примере журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 288 с.
22. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. 578 с.
23. Тулупова К. В. Textoобразующие ресурсы публицистического дискурса. Статья 2. Три стратегии дискурсивности публицистического текста // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2008. № 7-8. С. 29–42.
24. Савина Е. А. О семантических параметрах русских контактоподдерживающих конструкций // Филология и культура. 2017. № 4. С. 79–83.

25. Горохов М. Ю. Автор публицистического текста как субъект высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 22 с.
26. Токарева Э. И. Языковая ситуация Древней Руси и возможности появления публицистических произведений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 84–88.
27. Малышев А. А. Рассуждения о языке и стиле в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3. С. 62–65.
28. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. СПб.: Михайлов, 2001. 320 с.
29. Prokofeva N. A. Phatic meanings of key words in popular science journalism // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 591–598. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-23-591-598
30. Садова Т. С., Руднев Д. В. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5. С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350

original article

Phatic Speech Diachrony: Editor's Welcome Speech in Russian Popular Science Journalism of the First Half of the 18th Century

Alexander A. Malyshev

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, <https://orcid.org/0000-0002-8936-3056>; malyshev.alexander@mail.ru

Received 25 Mar 2021. Accepted 7 Jun 2021.

Abstract: Early journalistic texts are important for a productive study of modern media texts communicative potential. The editor – reader interaction patterns, in this case, must be considered diachronically. Modern popular science media texts show the genetic similarity with those of the early days of Russian periodicals. The research data and illustrative material have changed, but the composition, stylistics, manifestation of the author's personality, and the general intonation remain the same. The academic journal *The Notes of the St. Petersburg Vedomosti* (1728–1742) was the first Russian popular science periodical intended for readers who wanted to acquire knowledge about the world. The publishers of *The Notes* were well aware that interaction with the audience plays the most important role in articles of various information types. Since 1729 in the annual greetings to the reader (the modern "editor's welcome speech"), phatic speech served as a powerful means of establishing contact with the audience. The phatic potential of the editor's welcome speech provided the traditional combination of pleasure and usefulness, simplicity and accessibility of presentation. The main phatic features of the editor's welcome speech included: an easy-going manner of conversation with the reader, the effect of personality-oriented conversations (friendly "you"), expression of concern about the reader's interests in combination with information value and self-esteem, joking tone and intention to create a favorable communication atmosphere, formation of the friendly circle and association with the audience.

Keywords: historical stylistics, contact setting, dialogization, Notes of the St. Petersburg Vedomosti, journalism of the 18th century, editor, addressee factor

Citation: Malyshev A. A. Phatic Speech Diachrony: Editor's Welcome Speech in Russian Popular Science Journalism of the First Half of the 18th Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 503–511. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-503-511>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was supported by Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-312-00164 "Historical stylistics of Russian popular science periodicals of the first half of the XVIII century".

References

1. Kornilova N. A. *Phatic speech in mass media: compositional and stylistic forms*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2013, 229. (In Russ.)
2. Sladkevich Zh. R. On the issue of distinguishing the concepts of dialogic, phatic, politeness, and speech etiquette. *Perspective directions of modern linguistics: Proc. Intern. Sci.-Theoret. Conf., Moscow, 15–16 Oct 2020*. Moscow: RUDN, 2020, 53–71. (In Russ.)
3. Senft G. Phatic communion. *Culture and language use*, eds. Senft G., Östman J.-O., Verschueren J. Amsterdam, 2009, 226–233. DOI: 10.1075/hop.1.pha1

4. Zuraikat M., Al-Shawashreh E., Al-Mashreqi S. Phatic Communion in Carroll's Alice's Adventures in Wonderland. *Abhath Al-Yarmouk Humanities and Social Sciences Series*. 2019, 28: 253–264.
5. Dementyev V. V. Phatic speech genres. *Voprosy Jazykoznanija*, 1999, (1): 37–55. (In Russ.)
6. Kornilova N. A. Phatic speech component in Russian journalistic texts: tradition and modernity. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 2013, 9(2): 322–336. (In Russ.)
7. Demin A. S. Old Russian handwritten book prefaces of XI–XII centuries (on the way to the mass reader). *Topics and stylistics of prefaces and afterwords*, ed. Demin A. S. Moscow: Nauka, 1981, 12–26. (In Russ.)
8. Nekrasov I. S. Old-Russian writer. *Conversations in the Society of Russian literature lovers at the Imperial Moscow University*. Moscow: Tip. Gracheva i kompanii, 1867, vol. 1, 39–56. (In Russ.)
9. Epifanova E. A. Structure of the introductions in Old Russian hagiographical tradition (XII–XIV CC.). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (16): 41–45. (In Russ.)
10. Yelnikova O. E. *Publicism of the Kievan Rus literature: texts, authors, and audience*. Yelets: Elets'kii gos. un-t im. I. A. Bunina, 2012, 152. (In Russ.)
11. Tarlanov Z. K. On the subject and tasks of the Russian language historical stylistics. *Historical stylistics of the Russian language*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1990, 4–15. (In Russ.)
12. Konyavskaya E. L. *Author's self-consciousness of the Old Russian scribe (XI – mid XV century)*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 195. (In Russ.)
13. Sudakov G. V. The evolution of oral speech etiquette in Russia in the 14th–17th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (429): 51–57. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/429/6
14. Kozhina M. N. Historical, or diachronic stylistics. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*, ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 416–420. (In Russ.)
15. *Essays on the scientific style of the Russian literary language history in the XVIII–XX centuries. Vol. 1: Development of a scientific style in the aspect of the functioning of linguistic units at various levels. Pt. 2. Syntax*, ed. Kozhina M. N. Perm: Izd-vo Permskogo un-ta, 1996, 155. (In Russ.)
16. Klimkovich O. A. Research of business manuscripts in the aspect of comparative historical stylistics. *Stylistics: language, speech, and text: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 21–22 Feb 2017*. Minsk: Adukatsiya i vykhavanne, 2017, 85–92. (In Russ.)
17. Vinokur G. O. On the problems of language history. Zvegintsev V. A. *History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts*. Moscow: Uchpedgiz, 1960, pt. II, 243–262. (In Russ.)
18. Kolesov V. V. General concepts of historical stylistics. *Historical stylistics of the Russian language*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1990, 16–36. (In Russ.)
19. Ivanova M. V., Klushina N. I. Publicism in the course of the Russian literature language: from Old Russian literature to internet communications. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2018, 16(1): 50–62. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-50-62
20. Kalinovskaya V. N., Starovoitova O. A. Three centuries – three authors – three texts: dynamics of genre and style. *Language as a material of literature: XXI Sci. readings: to the 95th anniversary of Prof. Gorshkov A. I.*, Moscow, 20 Oct 2018. Kazan: Buk, 2018, 78–89. (In Russ.)
21. Malyshev A. A. *Interpretation in popular science texts of the first half of the XVIII century (on the example of the magazine "Notes to the St. Petersburg Vedomosti")*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2017, 288. (In Russ.)
22. Pekarskii P. P. *Science and literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1: Introduction to the history of education in Russia in the XVIII century*. St. Petersburg: Tip. Tovarishchestva "Obshchestvennaia polza", 1862, 578. (In Russ.)
23. Tulupova K. V. Text forming resources of publicistic discourse. Article 2. Three strategies of publicistic text discursivity. *Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii*, 2008, (7-8): 29–42. (In Russ.)
24. Savina E. A. Semantic parameters of Russian phatic support constructions. *Philology and Culture*, 2017, (4): 79–83. (In Russ.)
25. Gorokhov M. Yu. *Author of a journalistic text as a speech subject*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2006, 22. (In Russ.)
26. Tokareva E. I. Language situation in Ancient Russia and opportunities of appearance of publicistic writings. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts*, 2009, (2): 84–88. (In Russ.)
27. Malyshev A. A. Reasoning on language and style in "Notes to Saint Petersburg Sheets" (1728–1742). *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2014, (3): 62–65. (In Russ.)
28. Kim M. N. *Technology of a journalistic work's creating*. St. Petersburg: Mikhailov, 2001, 320. (In Russ.)
29. Prokofeva N. A. Phatic meanings of key words in popular science journalism. *Neophilology*, 2020, 6(23): 591–598. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-23-591-598
30. Sadova T. S., Rudnev D. V. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2019, (5): 43–47. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350

оригинальная статья

УДК 81-119

Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика

Юлия Александровна Михеева

Сибирский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск; <https://orcid.org/0000-0002-5132-9645>; juami@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.04.2021. Принята в печать 18.06.2021.

Аннотация: Рассматриваются вопросы, направленные на изучение структурно-композиционной специфики текстов современных форм деловой коммуникации, сгенерированных в электронной среде. Материалом послужили электронные деловые письма (инициальные письма-просьбы туристической и гостиничной тематики), электронные инициальные сообщения на веб-форумах (на материале веб-форумов фармацевтической, автотехнической, технической тематики) и сообщения из деловой переписки в социальной сети Instagram (образовательной, жилищной, продовольственной тематики), которые анализировались с точки зрения эволюции их структуры и текстовой архитектоники. В исследовании используются общенаучные методы наблюдения и описания в сочетании с методом сравнительного анализа языкового материала. Установлено, что в сравнении с традиционным деловым письмом структурное оформление и текстовая организация электронных деловых писем, деловых сообщений на веб-форумах и в социальных сетях претерпевают значительные качественные изменения, что обусловлено спецификой программных алгоритмов, в рамках которых создаются эти тексты. Текст электронного делового письма или сообщения не всегда осознается коммуникантами как произведение, обладающее расчлененной структурой. Электронная деловая переписка подвергается процессам деформализации и стилевой гибридизации, связанными с особенностями сетевого общения, при этом определяется общая тенденция к либерализации языка в современной электронной переписке.

Ключевые слова: электронная коммуникация, электронное письмо, деловое общение, деловая e-коммуникация, деловое письмо, веб-форум, форум, социальная сеть, членимость, гибридизация, деформализация, структура текста, Инстаграм, поликод

Цитирование: Михеева Ю. А. Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 512–520. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-512-520>

Введение

Электронная деловая коммуникация занимает значимое место в современной социокультурной среде и обладает своей функционально-стилевой спецификой. В фокусе электронной деловой коммуникации активно развивающимся в рамках различных аспектов (текстологического, жанроведческого, социолингвистического и др.) является деловое письмо, в котором в связи с изменчивыми условиями жизни происходят существенные качественные изменения. Одной из главных причин эволюции текстовой и структурно-композиционной организации делового письма как одной из форм деловой коммуникации на современном этапе является внедрение и активное использование компьютерных технологий. Во многих сферах жизни, особенно в деловой, активно развивается компьютерная коммуникация, привлекая внимание ученых к изучению виртуального дискурса [1–6]. Постоянное развитие коммуникационных технологий привело к тому, что во многих случаях традиционные деловые письма на бумажном носителе заменяются электронной коммуникацией. Актуальность данной работы обусловлена

активным появлением и распространением различных форм электронной деловой коммуникации и недостаточной степенью изученности текстов современных форм электронной деловой коммуникации. На данном этапе работы исследователей посвящены анализу электронной деловой переписки и электронной коммуникации в целом [7–13].

Цель – структурно-композиционный анализ текстов электронной деловой коммуникации в сравнении с традиционным бумажным деловым письмом по параметру членимости текста на структурно-информативные блоки, их качественного наполнения и архитектоники. Частными задачами исследования являются сравнительный анализ традиционного делового письма и электронных форм коммуникации на уровне структуры и композиции, а также определение факторов, обуславливающих трансформацию традиционного делового письма, сгенерированного в компьютерно-опосредованной среде.

Наряду с традиционным бумажным деловым письмом и электронным деловым письмом формируются новые виды деловой коммуникации. В сфере делового общения

на данном этапе распространены такие альтернативные формы современного делового общения, которые по некоторым параметрам отличаются от традиционных форм деловой переписки на бумажном носителе и в то же время обладают существенными различиями между собой. Материалом для исследования послужили электронные деловые письма (инициальные письма-просьбы туристической и гостиничной тематики), электронные инициальные сообщения на веб-форумах (на материале веб-форумов фармацевтической, автотехнической, технической тематики) и сообщения из деловой переписки в социальной сети Instagram (образовательной, жилищной, продовольственной тематики) с точки зрения эволюции их структуры и текстовой архитектоники.

Под электронным деловым письмом (далее – ЭДП) понимается особый вид электронно-опосредованной коммуникации, позволяющий осуществлять диалоговое общение в режиме реального времени. Веб-форум представляет собой периферийный жанр, сочетающий конститутивные признаки институциональной деловой устной и письменной электронной коммуникации. Вслед за Л. Ю. Ивановым [10] и др. М. А. Овсянникова определяет веб-форум как форму электронного вербально-невербального общения с неограниченной коммуникацией в синхронно-асинхронном режиме с моно- или политематическим характером сообщений [14]. Под социальными сетями понимаются электронные сервисы, способствующие созданию виртуального сообщества пользователей, обеспечению деловой активности в обществе, сохранению и развитию связей в сфере делового общения [15].

Специфика структурной организации делового письма в электронной среде

По отношению к традиционному бумажному деловому письму существенным изменениям подвергается группа ЭДП. Официальность документа на уровне членимости сохраняется, однако ее степень несколько снижается за счет качественных изменений реквизитов. Состав реквизитов, обусловленный программными особенностями, сохраняется в электронном письме (реквизиты помечаются специальными указателями: От (или *From*), Кому (или *To*), Тема (или *Subject*), которые выполняют функцию формуляра-образца), однако меняется их качественное наполнение:

1) вместо наименования организации, выступающей в роли адресанта в традиционном письме, присутствует чаще всего указание на имя и фамилию отдельного лица – сотрудника организации: *From: Olga Vasnetsova; От: Николай Бессонов;*

2) справочные данные об организации: в традиционном письме это указание почтового адреса, телефона, факса, номеров банковских счетов и т. д., в электронном письме – указание электронного адреса сотрудника: *Olga_Vasnetsova@investbank.ru;*

3) адресат: в традиционном письме предполагается указание должности, наименование организации / подразделения и Ф. И. О. руководителя, в электронном письме – Ф. И. О. (либо только фамилии или имени и отчества) и указание электронного адреса *To: Dmitriyeva Elena centre@gk-sibir.sibnet.ru;*

4) реквизит *дата* представлен линейно и включает не только число, месяц и год, которые оформляются в традиционном деловом письме, но и время (часы, минуты, иногда секунды), а также день недели: *Date: Monday, January 17, 2005 4:17:56 PM;* наряду с датой в традиционном деловом письме линейно указывается порядковый номер документа, в составе ЭДП такой реквизит отсутствует;

5) заголовок к тексту в традиционном деловом письме оформляется в предложном падеже и указывается перед основным текстом, в электронном письме – в именительном: *Subject: Заявка на трансферы,* часто предшествует реквизиту *адресат* и *адресант*.

Качественное наполнение реквизитов зачастую обусловлено программными особенностями. Некоторые традиционные реквизиты включаются в состав других реквизитов, что связано с требованиями организации к единообразию оформления ЭДП. Например, реквизиты *наименование организации, справочные данные об организации* часто включаются в состав реквизита *подпись*:

*С уважением,
Валерия Злобина
Отдел бронирования
Christie Hotel & Natalia Hotel
Тел: 8 800 777 02 86
e-mail: reservations@christiehotels.com
christiehotels.com*

*Республика Крым, г. Евпатория, пгт. Мирный,
Южная коса, ул. Морская, д. 10*

Кроме того, если в традиционном деловом письме компонент реквизита *подпись* включает должность, собственно подпись и расшифровку (Ф. И. О.), то в подписи в ЭДП зачастую указаны Ф. И. О., или только фамилия и имя, должность, наименование организации, номер телефона организации, в некоторых случаях почтовый адрес, а также сайт организации. Отсутствие полного имени, возможность вариаций оформления реквизитов, цветовое оформление реквизита усиливает тенденцию к снижению официальности в ЭДП.

Некоторые элементы структуры письма могут быть включены в его основной текст, тем самым трансформируя текст ЭДП в гипертекстовое пространство. Так, электронной *отметкой о наличии приложений* является приложенный файл или гиперссылка на документ, которая часто используется в основном тексте электронного письма: *Просим заполнить форму Corporate Account Application Form, находящуюся по ссылке: www.nvtb.ru/form/corpaccountapplication.*

Основной текст инициального ЭДП оформляется в соответствии с традициями бумажного делового письма и обладает четкой структурой. Текст традиционного

делового письма предполагает следующую архитектуру: обращение, мотивировочная, констатирующая части и заключительная формула вежливости. Средством членения основного текста являются абзац, рубрикация и межстрочные интервалы. Подобная структура в тексте электронного письма встречается не так часто.

Чаще всего в тексте ЭДП мотивировочная и констатирующая части не разделяются: *Прошу вас выделить легковой автомобиль, желательно иномарку в хорошем состоянии, 6 октября для встречи в аэропорту, рейс № 178 из Москвы, 8 октября с 9.30 до 20.00, 9 октября для проводов в аэропорту, рейс № 174.*

В основном тексте документа некоторые части могут отсутствовать, например: обращение, мотивирующая и / или заключительная части:

Уважаемые господа,

Просим Вас забронировать трансфер для г-на Антонова.

Прибытие рейсом SU721 Москва – Новосибирск 23.04. в 05:10 утра

Гарантируем предварительную оплату.

Заранее благодарим.

В данном сообщении отсутствует мотивировочная часть, а также примечательна структура самого текста сообщения, выраженная инициацией каждого предложения с новой строки. Такое представление сообщения связано с определенной коммуникативной тактикой автора – подчеркнуть информационную значимость каждого предложения.

Встречаются случаи, когда основной текст письма представлен линейно в нерасчлененном виде, включая приветствие, основной текст и подпись в едином абзаце: *Здравствуйте, Андрей. Высылаю вам бриф, как мы и оговаривали. Отправьте мне, пожалуйста, ФИО и должность человека (или нескольких человек), у которых будут брать интервью, а также место и проведение интервью. С уважением, Роман.*

В ЭДП часто обнаруживается дополнительный структурный элемент текста *постскриптум*, оформляемый после подписи: *P.S.: постарайтесь предоставить нам информацию до 18 мая.*

Подобные элементы меняют конвенциональные нормы традиционного оформления делового письма, способствуют снижению формальности общения, придают устно-разговорный характер деловой письменной коммуникации и, таким образом, способствуют гибридизации данной коммуникативной формы.

Структурно-композиционные особенности сообщений на деловых веб-форумах

В сравнении с традиционным и электронным деловыми письмами наиболее выраженные изменения претерпевает переписка коммерческого характера на деловых веб-форумах (на материале инициальных сообщений-просьб). Основной коммуникативной целью веб-форума является

обмен информацией (получение и / или передача информации), реализующей различные функции [16]. Текст веб-форума представлен чередованием постов (структурных элементов веб-форума) – отдельных сообщений авторов в рамках темы, заданной автором предметного веб-форума. С формальной точки зрения веб-форум выстраивается линейно, по временной шкале, по мере поступления сообщений от коммуникантов форума, тем не менее в процессе общения приобретает более сложную структуру. Л. С. Патрушева отмечает, что макротема диалога (форума) реализуется через подтемы, которые в свою очередь состоят из микротем [17]. Степень политематичности веб-форума определяется в значительной степени количеством участников коммуникации. К тому же некоторые посты содержат отсылки к другим текстам в сети.

Переписка на деловых веб-форумах осуществляется между организацией или индивидуальным предпринимателем, заинтересованными в заключении сделки или предоставлении информации, на основе которой возможна потенциальная сделка, и физическим лицом, которому не требуется предоставлять подробную информацию о себе ввиду отсутствия необходимости. Для совершения сделки между коммуникантами достаточно сведений об индивидуальном предпринимателе / организации, указанными на сайте организации, на котором работает веб-форум. По этой причине не выделяется реквизит *справочные данные об организации*. В письмах отсутствует реквизит *отметка о приложении*, т. к. переписка носит оперативный характер и посвящена, как правило, какому-либо одному конкретному вопросу. В ряде случаев может отсутствовать и реквизит *подпись*, это обусловлено указанием имени составителя письма перед основным текстом или слева от текста сообщения, что задано автоматически программой, а также более естественным характером переписки. Реквизит *дата* обладает линейной структурой, как и в ЭДП, включает не только месяц, число и год, но и точное время (часы, минуты, секунды), иногда день недели.

Наиболее яркую структурную специфику сообщения на деловых веб-форумах демонстрируют в рамках основного текстового корпуса на уровне членимости. В отличие от традиционных и электронных деловых писем основной текст писем-просьб на веб-форумах в большинстве случаев членению не подвергается и оформляется при отсутствии абзацного отступа: *Здравствуйте, Я стал принимать 2 препарата: Один называется glutafekt: глютаминовая кислота 240mg и соевый лецитин 132mg О другой Q10 - 30mg + VITAMAX еще. Все это дневная норма. Скажите, вредит ли это здоровью, или можно ли это все принимать вместе? И что вы можете предложить на вашем рынке. Спасибо¹.*

Однако иногда текст может быть подвергнут определенному членению, но на иных основаниях, чем в традиционном деловом письме. Отдельным абзацем могут размещаться

¹ В приведенных примерах сохраняются авторские ошибки

дополнительные сведения, которые адресант настойчиво выделяет с определенным намерением, с локализацией после реквизита *подпись*, например:

Добрый день. Прошу вас отменить заказ, т.к. я ничего не заказывал. Наверное, это просто кто-то подшутил надо мной. Причем очень злая шутка <...>. С уважением, Алексей Бондаренко.

В случае не отмены заказа, я отказываюсь оплачивать этот якобы "мой заказ". Убедительно прошу Вас не высылать заказ. Просьба сообщите, что вы не отправили "мой заказ".

Встречается вычленение рубрикации не только с помощью нумерованных списков, но и интерлиньяжа (междустрочного пробела), который «оказывает существенное влияние на визуальное восприятие текста, облегчая или затрудняя его прочтение» [18, с. 81]:

Купил сегодня это "чудо"..... но остался недоволен

1. На диске написано ".... программы для редактирования графики, фотографий, видео и звука.....": для видео есть только плеер, никакого редактора

*2. Нет ни одной *.wav мелодии для Motorola MPx 200, только MIDI, которые устанавливать в качестве звонка на телефон данного уровня просто неприлично...*

3. Многие картинки повторяются под разными названиями...

*4. Нигде не написано как устанавливать темы для телефона... *.lme*

5. Нет ни одной игры для MPx 200, только Java.

Прошу ответить мне по почте хотя-бы на некоторые мои вопросы (замечания?).....

С уважением, Игорь Павлович.

Нередко основной текст сообщения на веб-форуме обладает одночастной структурой, представленной в виде запроса, например: *Здравствуйте! Меня интересует срок поставки и гарантия качества на поставляемые вами оригинальные детали; Добрый день. Я бы хотела приобрести датчик дождя.*

Зачастую в сообщениях отсутствуют обращение, мотивировочная и заключительная части: *Будет ли издаваться игра Информатикус от компании Neureka-Klett?* Такой структуре сообщения способствует гибридный характер коммуникации, диктующий деловой стиль общения наряду с неформальной диалоговой природой взаимодействия в электронной среде. В других случаях может содержаться приветствие и мотивировочная часть либо только мотивировочная часть, например: *Добрый день! Покрышки полетели.* Констатирующая часть следует, как правило, в дальнейшей переписке. В некоторых случаях в тексте могут содержаться мотивировки и констатации, однако они представлены в редуцированном виде и структурно не выделяются: *Здравствуйте, подскажите - передний мост-всборе не поставляется.* Заключительная часть в таких сообщениях отсутствует, поскольку переписка осуществляется в интерактивном режиме с тенденцией к трансформации в форму диалога, и таким образом заключительная часть обнаруживается в самом конце переписки.

Внешняя структурная организации ЭДП и веб-форумов обусловлена программными особенностями, реквизиты располагаются в строгой последовательности друг за другом благодаря фиксированности, которую обеспечивает компьютерная программа. Оформление ЭДП организуется по образцу-схеме, представляющему собой «наименее жесткий тип организации документа, представленный только параметром (а) – фиксированный набор основных элементов содержания, причем чаще всего имеет место употребление конституирующих данный тип текста начальных его реквизитов» [19].

Структурно-композиционные особенности делового общения в социальных сетях

Развитие информационных технологий способствовало появлению обширного арсенала социальных сетей, которые признаются исследователями как феномен, уверенно занимающий позицию доминирующего элемента в социальных коммуникациях и оказывающий существенное влияние на жизнь участников социальных сетей [15]. Отмечается тенденция дублирования всех процессов из реальной жизни в виртуальную, в том числе коммерческих процессов, реализующихся в спонтанном сотрудничестве через деловое общение посредством обмена сообщениями в синхронном и асинхронном режимах. Несомненно, социальные сети вызывают большой интерес у исследователей и анализируются в качестве и инструмента формирования общественного сознания [20; 21], и социально-психологического явления [22; 23], и инструмента продвижения коммерческих интересов [24]. Вслед за Д. В. Винником [21], Е. Д. Патаракиным [25], А. С. Воронкин определяет социальную сеть как интерактивный многопользовательский сервис, обладающий рядом обязательных качеств: 1) содержание создается пользователем; 2) сервис представляет собой автоматизированную среду, в рамках которой пользователи могут создавать связи с другими пользователями; 3) пользователи имеют возможность получать информацию об объектах, существующих в данной электронной социальной среде [26]. Среди современных социальных сетей самыми распространенными являются Instagram, Vk, Facebook наряду с LinkedIn, odnoklassniki.ru, MySpace и др., отступающими на второй план по сравнению с первыми ввиду специфики их целевой аудитории.

Наибольший интерес представляет социальная сеть Instagram как сервис для реализации делового общения в коммерческих целях. Помимо размещения пользователями информации личного характера, о своих интересах, потребительских предпочтениях, например, путешествиях, технике, продуктах и т. д., участники могут осуществлять замысел рекламного характера с намерением продвижения (продажи) товара или услуги с обратной связью от потребителя. Технология Web 2.0. является основой для существования социальных сетей, и ее особенностью является принцип привлечения пользователей к наполнению и многократной

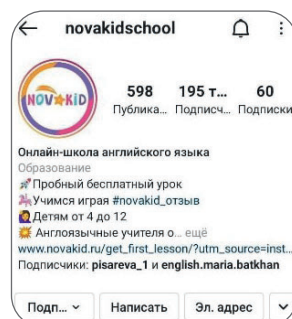
выверке контента (содержания), что способствует развитию деловых отношений на коммерческой основе. Для совершения сделки между коммуникантами достаточно сведений об индивидуальном предпринимателе / организации, указанных в шапке профиля: наименование организации, вид деятельности, специфическая информация рекламного свойства, ссылка, официальный сайт организации, электронный адрес (пример 1).

Возможности электронной среды позволяют включать в структуру данной платформы элементы электронного гипертекста различной функциональности. Система связей между ними строится на основе гипертекстовых ссылок, при этом интерактивным связующим звеном может быть не только текстовый компонент, но и графические элементы. В примере 1 имеется гипертекстовая ссылка на официальный сайт школы, где можно найти необходимые справочные данные об организации, а ниже обнаруживаются визуально-графические элементы в виде кнопок прямоугольной формы: Электронный адрес, Написать и т. д., каждая из которых несет свою функциональную нагрузку. Так, графический гипертекстовый элемент Написать связывает с тем электронным пространством, где непосредственно осуществляется директивная коммуникация между участниками в режиме синхронного или асинхронного времени.

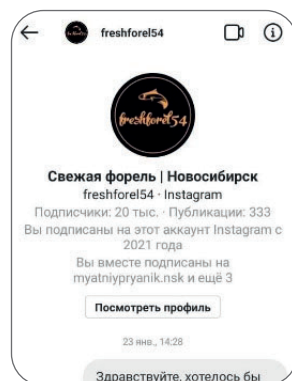
Сама структурная композиция директивного пространства для переписки оформлена реквизитом *сведения об адресате*, представленным эмблемой организации (или картинкой, символизирующей организацию), наименованием организации, а также информацией, характерной для данной социальной сети – количество подписчиков, количество публикаций в данной социальной сети, сведения об общих подписчиках. Информация о количестве подписчиков является весьма актуальной для адресанта, рассматривающего потенциальное сотрудничество с адресатом, т. к. значительное количество подписчиков вызывает доверие к такому участнику коммуникации, возможному будущему партнеру (пример 2).

Последовательность и пространственное расположение элементов текста организовано строго вертикально, что обусловлено интерфейсом современных смартфонов.

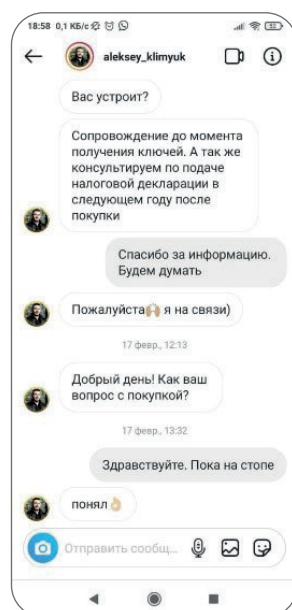
Пример 1

Пример 2

Пример 3

Помимо реквизита *справочные данные об организации* обнаруживается реквизит *дата*, локализующийся перед каждым сообщением одного из коммуникантов. Набор реквизитов малочислен, но каждый реквизит выделяется как самостоятельный структурный элемент, что связано с вертикальным пространственным расположением и удобством просмотра сообщений и окружающих его структурных элементов.

Сообщения социальной сети Instagram в прямой переписке демонстрируют контрастную специфику по сравнению с вышеописанными формами деловой коммуникации. С формальной точки зрения схожие черты таких сообщений с сообщениями веб-форума представлены линейным чередованием, выстраиванием диалога по мере поступления сообщений. Однако коммуникация в коммерческих целях на платформе Instagram в директивной переписке характеризуется именно диалогичностью, количество участников здесь предопределено, что обусловлено программным алгоритмом (пример 3).

В примере 3 наблюдается смешение коммуникативных стилей: сохраняется деловой стиль общения (*Добрый день, пожалуйста, Вас, ваш вопрос, Спасибо за информацию, консультируем по подаче налоговой декларации*) наряду с разговорно-бытовым стилем на синтаксическом и лексическом уровнях, что реализуется через сокращенные синтаксические конструкции (*Вас устроит? Будем думать. Сопровождение до момента получения ключей*), лексические единицы с эмпатической функцией (*пока на стопе*), разговорно-бытовую фразеологию (*я на связи*). Использование пунктуационных знаков в качестве эмотиконов усиливает эффект гибридации стилей. Специфика деловых сообщений в директивной переписке сервиса Instagram характеризуется наиболее низкой степенью официальности и ярким проявлением естественного разговорного характера коммуникации.

Также в данной форме коммуникации усматривается поликодовая специфика, выраженная гипертекстовыми вербальными (текстовыми гиперссылками) и невербальными компонентами (графика, анимация, эмотиконы и т. п.). Последние используются преимущественно для выполнения экспрессивной функции, усиливая семантическую нагрузку. Как правило, участники общения

используют вербальный и невербальный компоненты в комплексе для достижения определенного эффекта (визуализации услуги) (пример 4).

В примере 4 участник коммуникации от лица языковой школы дополняет вербальный компонент графическим, тем самым усиливая семантическую нагрузку вербального сообщения. Определенно выявляется тенденция визуализации информации в современном коммуникативном пространстве.

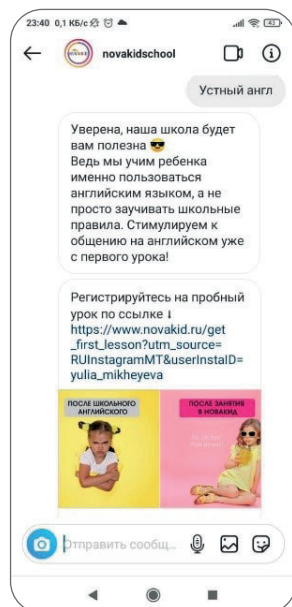
Поскольку деловая переписка осуществляется в форме диалога и нередко в режиме реального времени, зачастую инициальное сообщение представлено приветственной частью и основной – в виде вопросительного предложения – с целью получения информации, в то время как в реактивном сообщении приветственная часть может вовсе отсутствовать, целью реактивного участника коммуникации является предоставление информации без соблюдения ритуальных фраз, присущих этике делового письма (пример 5). Заключительная часть в сообщениях такой переписки, как правило, отсутствует, либо обнаруживается в конце переписки благодарственным выражением (пример 6).

Итак, тексты электронных сообщений на веб-форумах и в социальных сетях претерпевают трансформацию в сравнении с электронными письмами, которые по своей природе ближе к традиционным деловым письмам. Изменения связаны и с самой формой коммуникации, особенностями сетевого общения и тенденцией к либерализации языка в электронной переписке. Жесткие требования к соблюдению принципов членимости текста делового письма адресатом (организацией) не предъявляются, поэтому такие письма составляются в более свободной манере. Переписка происходит между сотрудниками, представителями профессиональных интересов, либо в рамках отношений *продавец – покупатель*, что определяет тенденцию к снижению официальности в современной деловой письменной коммуникации.

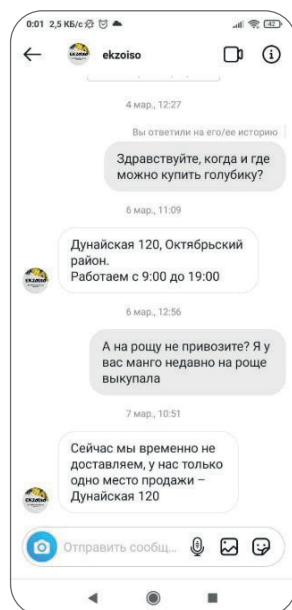
Заключение

Структурно-алгоритмическая специфика различных программ, в которых создаются электронные деловые сообщения, обуславливает многочисленные варианты построения текстов деловых писем. При сравнении

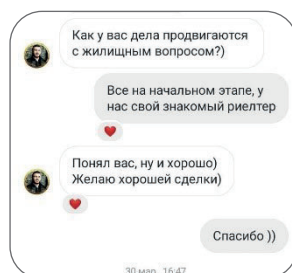
Пример 4

Пример 5

Пример 6

с традиционным деловым письмом перечисленные особенности ЭДП, сообщений на деловых веб-форумах и в социальных сетях демонстрируют изменение внешней формы и архитектоники деловых писем и сообщений, сгенерированных в компьютерно-опосредованной среде, изменение внутреннего наполнения большинства реквизитов (различные способы их выделения и оформления), а также трансформацию структуры текста письма.

ЭДП характеризуется сохранением состава реквизитов, однако содержательное наполнение многих реквизитов отличается от традиционного (например, линейное представление реквизитов, включение реквизита в состав другого, цветовое оформление, гипертекст). На текстовом уровне структура ЭДП обладает спецификой: отсутствие мотивировочной или заключительной части, линейное оформление, нечленимый текстовый блок, наличие дополнительных структурных элементов текста. Сообщения на деловых веб-форумах претерпевают более существенную трансформацию в отношении не только количественного и качественного состава, но и оформления реквизитов (например, отсутствие одного или нескольких реквизитов, линейное оформление структуры, новые композиционные элементы в составе реквизита, изменение локализации компонентов). Тексты сообщений деловых веб-форумов демонстрируют отличительные особенности: нечленимая одночастная структура текста, локализация основного текста до и после реквизита, вычленение рубрикации с помощью интерлиньяжа, отсутствие или редукция мотивировочной или констатирующей частей, полилогичность, умеренная стилевая гибридизация.

Наиболее контрастную специфику демонстрируют электронные сообщения социальных сетей как на структурно-композиционном уровне (особая последовательность и состав реквизитов, вертикальное пространственное расположение компонентов, наличие гипертекстовых ссылок, интерактивных / неинтерактивных визуально-графических элементов, новых структурных элементов), так и на текстовом (определенное чередование сообщений, поликодовая специфика, диалогичность, стилевая гибридизация, низкая степень

официальности). Текст ЭДП или сообщения не всегда осознается коммуникантами как произведение, обладающее расчлененной структурой, в отличие от традиционного делового письма. Если авторы ЭДП стараются соблюдать принцип членимости, то при создании сообщений на деловых веб-форумах и в социальных сетях требования к составлению менее жесткие, поскольку переписка осуществляется в интерактивном синхронно-асинхронном режиме. Данные трансформации обусловлены спецификой программных алгоритмов приложений и особенностями электронного общения, традициями естественной коммуникации, гибридной природой взаимодействия в электронной

среде с превалированием тенденции к деформализации деловой коммуникации и общей демократизацией делового стиля. В текстах такого рода наиболее ярко проявляется гибридный диалогичный, разговорный характер деловой речи, особенно в онлайн-переписке на деловых веб-форумах и в социальных сетях, одной из причин которого является возможность просмотра коммуникантами их переписки в интерактивном режиме.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Асмус Н. Г. Когнитивные основы виртуального дискурса // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 590–593.
2. Herring S. C. A faceted classification scheme for computer-mediated discourse // Language@Internet. 2007. Vol. 4. Art. 1. Режим доступа: <https://www.languageatinternet.org/articles/2007/761/citation> (дата обращения: 14.11.2020).
3. Байкулова А. Н. Рабочее общение // Проблемы речевой коммуникации / отв. ред. М. А. Кормилицына. Саратов: СГУ, 2012. Вып. 12. С. 127–138.
4. Михайлова Ю. Н. Электронный русский: между устным и письменным // Неклассические письменные практики современности / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород: НовГУ, 2012. С. 232–248.
5. Мягкова А. Ю. Инновационные исследования области сетевого бизнес-дискурса // Инновационные технологии бизнес-коммуникаций: стратегии и тактики: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 ноября 2011 г.) М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 142–146.
6. Якунина Г. Е. Исследование моделей цифровых коммуникаций внутри организаций и на государственном уровне в странах-лидерах по использованию цифровых коммуникативных технологий // E-management. 2019. Т. 2. № 4. С. 41–50. DOI: 10.26425/2658-3445-2019-4-41-50
7. Галичкина Е. Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 10. С. 55–59.
8. Груздева Е. А. Электронное деловое письмо: понятие и правила оформления // Актуальные проблемы гуманитарных наук: мат-лы науч.-методич. семинара. (Нижегород, 16 декабря 2017 г.) Нижегород: НВГУ, 2018. С. 106–110.
9. Дегальцева А. В. Основные тенденции развития электронной деловой переписки // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: СГУ, 2015. Вып. 15. С. 46–54.
10. Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации // Культура русской речи. Энциклопедический справочник / под общ. ред. Л. Ю. Иванова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2003. С. 791–793.
11. Карабань Н. А., Дикарева А. В. Сетикет, или правила речевого поведения в сети Интернет // Филология: научные исследования. 2018. № 1. С. 31–37. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.1.25379
12. Агаюлова С. И., Галичкина Е. Н., Горошко Е. И., Ильясова С. В., Каллистратидис Е. В., Карабань Н. А., Карасик В. И., Качанова А. Е., Колокольцева Т. Н., Кочетова Л. А., Красавский Н. А., Кудрявцева А. А., Лутовинова О. В., Митягина В. А., Рязков М. С., Черкасова И. С., Шарифуллин Б. Я., Шестак Л. А., Штукарева Е. Б. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 328 с.
13. Шмелева Т. В. Интернет-письмо как новая форма существования языка // Неклассические письменные практики современности / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород: НовГУ, С. 186–193.
14. Овсянникова М. А. Ценностные доминанты в Интернет-форуме как жанре спортивного дискурса (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 65–68.
15. Горбатов А. В. Социальные сети // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 6. С. 182–193.
16. Михеева Ю. А. Веб-форум как речевой жанр виртуальной коммуникации // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 120–125.
17. Патрушева Л. С. Интернет-форум как виртуальный полилог // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: ст. и мат-лы Третьей Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 февраля 2011 г.) СПб., 2011. Т. 2. С. 26–29.
18. Кучина С. А. Паралингвистические средства в электронном художественном тексте: типы, структура, семантико-прагматические характеристики // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2020. № 4. С. 77–88. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-4-77-88

19. Шварцкопф Б. С. Документ служебный // Культура русской речи. Энциклопедический справочник / под общ. ред. Л. Ю. Иванова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2003. С. 272–274.
20. Грахова И. А., Дрынъ Я. А. Анализ социальной сети Instagram как инструмента формирования общественного сознания // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т. 3. № 13. С. 175–177.
21. Винник Д. В. Социальные сети как феномен организации общества: сущность и подходы к использованию и мониторингу // Философия науки. 2012. № 4. С. 110–126.
22. Козлова Н. С. Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 387–390.
23. Панченко И. Н. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 2. С. 86–94. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006
24. Зырянов Б. В. Стратегии продвижения персонального аккаунта в Instagram // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 3. С. 539–556. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).539-556
25. Патаракин Е. Д. Педагогический дизайн социальной сети Scratch // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16. № 2. С. 505–528.
26. Воронкин А. С. Социальные сети: эволюция, структура, анализ // Образовательные технологии и общество. 2014. Т. 17. № 1. С. 650–675.

original article

Alternative Forms of Current Business Communication: Text Structure and Composition Evolution

Yulia A. Mikheeva

Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk; <https://orcid.org/0000-0002-5132-9645>; mikheeva-ya@ranepa.ru

Received 7 Apr 2021. Accepted 18 Jun 2021.

Abstract: The article deals with the structure and composition of texts of current electronic business communication. The research materials included electronic business letters (initial requests in the sphere of travel and hotel service), initial requests on the pharmaceutical, engineering, and technological Internet forums, and Instagram business communication texts in the sphere of education, real estate, and food. The messages demonstrated evolution of both structure and text architectonics of business letters. The main research methods included monitoring and description combined with the method of comparative language analysis. The structure and composition of electronic business letters and requests on the Internet forums and social networks proved different from traditional business letters due to the text-generating online algorithms. Internet users seem unable to perceive business e-mails, web-forum requests, or social network messages as a segmentable text. Electronic business communication is currently undergoing deformatization and style hybridization as a result of electronic communication peculiarities and liberalization.

Keywords: e-communication, e-mail, business communication, business e-communication, business letter, web-forum, forum, social network, segmentability, hybridization, deformatization, text structure, Instagram, polycode

Citation: Mikheeva Yu. A. Alternative Forms of Current Business Communication: Text Structure and Composition Evolution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 512–520. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-512-520>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Asmus N. G. Cognitive aspects of virtual discourse. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2014, (18): 590–593. (In Russ.)
2. Herring S. C. A faceted classification scheme for computer-mediated discourse. *Language@Internet*, 2007, 4: art. 1. Available at: <https://www.languageatinternet.org/articles/2007/761/citation> (accessed 14 Nov 2020).

3. Baikulova A. N. Working communication. *Verbal communication problems*, ed. Kormilitsina M. A. Saratov: SGU, 2012, iss. 12, 127–138. (In Russ.)
4. Mikhailova Ju. N. Electronic Russian: between spoken and written language. *Modern non-classical written practice*, ed. Shmeleva T. V. Velikiy Novgorod: NovGU, 2012, 232–248. (In Russ.)
5. Myagkova A. Yu. Innovative studies in the area of network business discourse. *Innovative technologies of business communication: strategies and tactics*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 25 Nov 2011. Moscow: NIU VHS, 2011, 142–146. (In Russ.)
6. Yakunina G. E. Research of digital communication models within organizations and at the state level in the countries-leaders in the use of digital communication technologies. *E-management*, 2019, 2(4): 41–50. (In Russ.) DOI: 10.26425/2658-3445-2019-4-41-50
7. Galichkina E. N. Characteristics of computer discours. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, (10): 55–59. (In Russ.)
8. Gruzdeva E. A. Electronic business letter: notion and rules of formation. *Current problems of humanities*: Proc. Sci.-Method. Seminar, Nizhnevartovsk, 16 Dec 2017. Nizhnevartovsk: NVGU, 2018, 106–110. (In Russ.)
9. Degaltseva A. V. The main trends in the development of computer based correspondence. *Verbal communication problems*, ed. Kormilitsina M. A. Saratov: SGU, 2015, iss. 15, 46–54. (In Russ.)
10. Ivanov L. Yu. Language of electronic communication media. *Russian language culture. Encyclopedia*, ed. Ivanov L. Yu. Moscow: FLINTA; Nauka, 2003, 791–793. (In Russ.)
11. Karaban N. A., Dikareva A. V. Netiquette, or rules of verbal behavior on the Internet. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2018, (1): 31–37. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0749.2018.1.25379
12. Agagiulova S. I., Galichkina E. N., Goroshko E. I., Il'yasova S. V., Kallistratidis E. V., Karaban N. A., Karasik V. I., Kachanova A. E., Kolokoltseva T. N., Kochetova L. A., Krasavskiy N. A., Kudryavtseva A. A., Lutovinova O. V., Mityagina V. A., Riazhkov M. S., Cherkasova I. S., Sharifullin B. Ya., Shestak L. A., Stukareva E. B. *Internet communication as a new verbal formation*. Moscow: FLINTA; Nauka, 2012, 328. (In Russ.)
13. Shmeleva T. V. Internet letter as a new form of language existence. *Modern non-classical written practice*, ed. Shmeleva T. V. Velikiy Novgorod: NovGU, 2012, 186–193. (In Russ.)
14. Ovsyannikova M. A. Value dominants on the Internet-forum as a sport discourse genre (English language). *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2011, (4): 65–68. (In Russ.)
15. Gorbato A. V. Social networks. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2011, (6): 182–193. (In Russ.)
16. Mikheyeva Yu. A. Web-forum as a speech genre of electronic communication. *Interaktivnaia nauka*, 2016, (3): 120–125. (In Russ.)
17. Patrusheva L. S. Internet-forum as a virtual polylogue. *Current issues of philology and foreign language teaching methodology*: Proc. Third Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 24–26 Feb 2011. St. Petersburg, 2011, vol. 2, 26–29. (In Russ.)
18. Kuchina S. A. Paralinguistic tools in an electronic literary text: types, structure, semantic and pragmatic characteristics. *Bulletin of Southern Federal University. Philological sciences*, 2020, (4): 77–88. (In Russ.) DOI: 10.18522/1995-0640-2020-4-77-88
19. Shvartskopf B. S. Official paper. *Russian language culture. Encyclopedia*, ed. Ivanov L. Yu. Moscow: FLINTA; Nauka, 2003, 272–274. (In Russ.)
20. Grakhova I. A., Dryn Y. A. Analysis of the social network Instagram as the tool for forming public consciousness. *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики*, 2017, 3(13): 175–177. (In Russ.)
21. Vinnik D. V. Social networks as a phenomenon of society organization: their nature and approaches to their use and monitoring. *Filosofiya nauki*, 2012, (4): 110–126. (In Russ.)
22. Kozlova N. S. Social network Instagram as a social and psychological phenomenon. *Molodoi uchenyi*, 2014, (16): 387–390. (In Russ.)
23. Panchenko I. N. Social networks as a new form of communication: benefit or danger to society? *Sociologiya nauki i tekhnologii*, 2018, 9(2): 86–94. (In Russ.) DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006
24. Zyryanov B. V. Strategies of personal account promotion in Instagram. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2018, 7(3): 539–556. (In Russ.) DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).539-556
25. Patarakin E. D. Pedagogical design of the social network Scratch. *Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo*, 2013, 16(2): 505–528. (In Russ.)
26. Voronkin A. S. Social networks: evolution, structure, and analysis. *Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo*, 2014, 17(1): 650–675. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 81.119

Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования

Олеся Геннадьевна Орлова

Новосибирский государственный технический университет,
Россия, г. Новосибирск; <https://orcid.org/0000-0002-3572-4274>;
orlovaog@mail.ru

Виктория Лембитовна Каракчиева

Новосибирский государственный технический университет,
Россия, г. Новосибирск; <https://orcid.org/0000-0002-3995-6785>

Поступила в редакцию 21.03.2021. Принята в печать 31.05.2021.

Аннотация: Все коммуникативные ситуации использования языка в научных целях – и письменного, и устного – формируют научный дискурс. Жанровая архитектура научного дискурса строится исходя из принадлежности текста к устной или письменной форме существования. Более мелкие форматы (например, аннотация) могут быть частью более крупного текста (например, статьи). Письменный научный дискурс имеет распределенный хронотоп, устный привязан к конкретному времени и месту. Онлайн-форматы характеризуются распределенным топосом и определенным временем. В научном дискурсе коммуникаторы (агенты и клиенты) выполняют определенные дискурсивные роли: магистрант, аспирант, докторант – научный руководитель, консультант; аспирант – рецензент; автор статьи – рецензент, редакция, аудитория и пр. Ядерным участником научного дискурса является ученый. Ключевые дискурсоформирующие признаки научного дискурса: регламентированность, логичность и структурированность; объективность, точность и абстрактность; полемичность, агональность; театральность; интертекстуальность; язык научного дискурса характеризуется обезличенностью и наличием пассивных конструкций. Каждое речевое произведение полифонично, интердискурсивно. Интердискурсивность связывается со взаимодействием научного дискурса с иными – отраслевыми – дискурсами, что приводит к развитию периферийных форм и жанров. В функционировании научного дискурса отмечается также тенденция к усилению авторской позиции. Нивелирование авторской позиции приводит к увеличению фатика.

Ключевые слова: дискурсоформирующий признак, жанр, речевая стратегия, автор, авторская позиция, полевая структура, фатика

Цитирование: Орлова О. Г., Каракчиева В. А. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 521–531. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531>

Введение

Цель – описать свойства и характеристики научного дискурса как особой сферы коммуникации и особенности его функционирования. С точки зрения достижения цели – эффективности научной коммуникации – автору некой научной позиции необходимо понимание правил, по которым строится научная коммуникативная ситуация, кто является ее участниками, каковы их роли и интенции, иначе говоря, необходимо понимание особенностей научного дискурса.

Методы и материалы. Методика, используемая для исследования, отраженного в данной статье, основывается на дискурсивном анализе. Из научных журналов последних десяти лет (2009–2019) отбирались статьи, которые, во-первых, сами принадлежат корпусу научного филологического дискурса, во-вторых, посвящены изучению особенностей научного дискурса. Кроме того, рассматривались произведения, входящие в периферию научного дискурса (имеющие признаки иных дискурсов и взаимодействующие на границе с другими дискурсами), для описания некоторых особенностей функционирования научного дискурса. Далее эти материалы были проанализированы как корпус

текстов, формирующих дискурс, с применением тактики последовательного выявления, описания и анализа следующих категорий: цели, хронотопа и контекста, агентов и клиентов дискурса, концептов и ценностей, стратегий и тактик, жанра и языковых особенностей. Такой анализ был проведен с целью описания жанрового состава и системообразующих признаков научного дискурса.

Теоретические основы. В настоящее время активно развивается изучение научного дискурса. Актуальность таких исследований связана с тем, что собственно дискурсивные исследования довольно длительное время находятся на пике популярности; во-вторых, научный дискурс является одной из разновидностей дискурса, требующей специального изучения хотя бы с точки зрения комфортного функционирования в нем. В век науки, техники и инноваций, а также ускоряющихся в развитии информационных технологий владение правилами научного дискурса становится довольно актуальным.

История термина *дискурс* и дискурс-анализа как метода изучения совокупности текстов, возникших в типологически

однородном пространстве, начинается еще с Женевской лингвистической школы, которой были заложены основные направления дискурсивных исследований. Современные отечественные лингвисты в своих разработках ставят во главу угла отдельные аспекты дискурса: аспект условий производства дискурса превалирует в исследованиях дискурса как общения в типологически однородном пространстве; аспект голосов дискурса (агентов и клиентов) доминирует в социолингвистическом подходе к дискурсу; аспект идеологии определяет содержание исследований, в которых дискурс понимается как совокупность тематически соотношенных текстов или как способ удержания власти.

С позиций социолингвистической теории дискурса отправной точкой в описании дискурса является социальный статус личности. В ней описываются такие типичные компоненты (или категории дискурса), как интенциональная и контекстно-ситуативная обусловленность (цель и хронотоп), содержание и ценности дискурса (концепты), участники дискурса (агенты и клиенты) и их коммуникативные стратегии и тактики, жанры дискурса. Автором этой теории является В. И. Карасик, который ввел в науку представление о том, что дискурсы делятся на два типа: статусно-ориентированные и личностно-ориентированные [1].

В результате синтеза теории дискурса французских ученых и современных отечественных дискурсологов мы предлагаем следующие концептуальные подходы к анализу дискурса, в том числе научного. Под дискурсом будем понимать социально детерминированный тип общения, формой выражения которого являются тексты. В процессе дискурс-анализа изучению подлежат тексты. При учете того, что всякий текст является представителем своего дискурса, дискурсом можно именовать и весь текст, и его часть, представленную предложением или рядом предложений.

Жанр по отношению к тексту понимаем как схему, когнитивную модель реализации замысла; по отношению к дискурсу – способ осуществления общения в рамках заданной социальной практики. Дискурс принципиально диалогичен, интертекстуален и интердискурсивен. С. Бакс указывает на то, что дискурс состоит из элементов языка, которые больше по размеру и объему, чем предложение. Дискурс сосредоточивает внимание на языке в контексте, поскольку значение в некоторой степени определяется контекстами, в которых создается текст [2, р. 20].

Дискурс возникает вокруг некоторого ценностного ядра, идеологии, и агенты дискурса являются его носителями; конкретные исторические условия (условия производства, контекст) – это непосредственное внетекстуальное окружение, но и одновременно конструируемая дискурсом реальность. Условия порождения дискурса мы соотносим с категорией хронотопа (экстратекстуальными, контекстуальными элементами дискурса); диалог автора (который теряет свою авторскую суверенность) и «другого»

(уже сказанного в дискурсе) соотносим с категориями агента и клиента дискурса; идеологическую составляющую дискурса соотносим с категорией топиков и концептов дискурса.

Коротко рассмотрим понятие дискурс-анализа. «Дискурсы не только передают общие для них значения, но и обладают особыми языковыми свойствами, характерными для них. Какие это значения и как они передаются при помощи языка – это и есть центральная проблема дискурс-анализа»¹ [3, р. 2].

Основные направления исследований научного дискурса – институциональные дискурсы и их категории [4; 5], дискурс, научный дискурс, научный текст и соотношение этих понятий [6–10], изучение концептов в дискурсе [11], закономерности развития научного дискурса как институционального образования [12], интертекстуальные связи в научном дискурсе [13; 14]. Так, решаемая научная проблема – а это формирование комплексного видения дискурсоформирующих признаков научного дискурса, его свойств, характеристик и жанрового состава, а также особенностей функционирования – является довольно изученной. Новизна предлагаемого подхода – в собственной методике комплексного дискурс-анализа, примененного к научному дискурсу.

Таким образом, используя данную методику и отталкиваясь от описанного подхода к анализу дискурса, мы полагаем, что все коммуникативные ситуации использования языка в научных целях – и письменного, и устного – формируют научный дискурс.

Н. Ферклоу предлагает термин *тип дискурса*; он представляет собой конфигурацию разных жанров и дискурсов или может быть основан на одном жанре или дискурсе. Жанр определяется ученым так: «такой способ использования языка, который соответствует социальной практике, в которую он вовлечен» [15, р. 76]. Можно сделать вывод, что все научные тексты: статьи, монографии, рецензии, тезисы, доклады, диссертации, рефераты, дипломные работы, отчеты, аннотации, а также тексты, существующие в устном (доклад, сообщение, защита) или аудиовизуальном виде (презентация, которая может быть и докладом, и сообщением, и защитой), формируют корпус научного дискурса.

Главные концепты, которые организуют содержательную составляющую научного дискурса: наука, ученый, познание / исследование, метод, результат и др. Можно предположить, что ценностная составляющая данных концептов значительно превалирует в их структуре. «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концептов. Концепт отражает категориальные и ценностные

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [16, с. 126–127]. В настоящей работе концепты научного дискурса являются фоновым знанием, их структуры, функционирование или превалирование тех или иных признаков еще предстоит изучить.

Результаты

Предложены такие категории для рассмотрения научного дискурса, как жанры, агенты дискурса и дискурсоформирующие признаки (в том числе особенности языка), детерминированные особенностями контекста (хронотопа) научного дискурса. Функционирование научного дискурса рассмотрено с позиций автора научного дискурса.

Жанры научного дискурса

К письменным жанрам научного дискурса относят статьи, монографии, рецензии, тезисы, доклады, диссертации, рефераты и авторефераты, дипломные работы, отчеты, аннотации и др. Нужно обратить внимание на то, что более мелкие форматы (например, аннотация) могут быть частью более крупного текста (например, статьи). Статьи, сгруппированные по тематическому признаку, формируют наджанр *сборник статей*. Таким же образом сгруппированные тезисы – сборник тезисов. Как правило, сборник тезисов появляется до или после научной конференции, которая сама по себе тоже является научным наджанром.

Монография – это результат авторского или коллективного научного авторского труда. Диссертация – это научный труд, который защищает магистрант, аспирант или докторант. К диссертации готовится ее автореферат – краткое изложение основных положений и выводов. Рецензия к любому из научных текстов имеет цель дать объективную, обоснованную оценку, иногда критику.

К устным научным жанрам можно отнести доклад, сообщение, защиту, презентацию, к наджанрам – конференцию, форум, конгресс, в которые встроены различные форматы: пленарное заседание, секция, круглый стол, панельная дискуссия и пр. Практикой в настоящее время является сопровождение любого своего устного научного сообщения презентацией, поэтому более правильно было бы называть эту группу жанров аудиовизуальными. Исключение – дискуссия, разворачивающаяся спонтанно в ходе круглого стола, защиты, секции на конференции. Устный научный текст характеризуется иными свойствами и признаками языка ввиду того, что разворачивается в устной форме коммуникации. «Письменный научный текст характеризует сжатость и четкость подачи материала, отсутствие избыточности, безличная форма изложения. Устный научный текст содержит прямые обращения к слушателям, повторы, уточнения, разъяснения. В устном научном тексте используются средства той или иной стилистической принадлежности (книжно-письменной, общелитературной, устно-разговорной) в определенных условиях научного общения. При этом следует отметить,

что соотношение книжно-письменных и экспрессивно-разговорных элементов будет различным в докладе или сообщении, предназначенном специалистам, и в полемическом выступлении на научном симпозиуме в ситуации научной дискуссии» [17, с. 141].

Агенты научного дискурса

С точки зрения социолингвистической теории дискурса научный дискурс – это статусно-ориентированный институциональный дискурс.

Во-первых, вся научная коммуникация осуществляется учеными и / или обучающимися в рамках их афiliation к тому или иному институту или университету. Это с очевидностью продемонстрировано и в программах конференций, и в научных журналах: автор доклада или статьи всегда указывает место своей работы. Научная или образовательная организация часто выступает топосом (физическим) осуществления научного дискурса. В практике организации научных конференций, например, присутствует топос конференц-залов отелей международного уровня. Такой жанр, как научная конференция, осуществляется в рамках ограниченного времени: как правило, указывается конкретное заданное время, отводимое для научной коммуникации. Существуют онлайн-форматы, которые характеризуются распределенным топосом и определенным временем. Письменная научная коммуникация, реализуемая в научных журналах, монографиях и пр., имеет распределенный характер как времени, так и места.

Во-вторых, всякая научная коммуникация всегда подразумевает выполнение коммуникаторами своих дискурсивных научных ролей: магистрант, аспирант, докторант – научный руководитель, консультант; диссертант, студент, аспирант – рецензент, оппонент, комиссия, диссертационный совет; докладчик – аудитория, модератор; автор статьи – рецензент, редакция, аудитория. Это все – агенты и клиенты научного дискурса. Ядерным, ключевым участником научного дискурса является исследователь, ученый. Необходимо обратить внимание на равенство ролей участников научного дискурса.

Каждый участник научной коммуникации ведет себя сообразно своей роли. Каждой роли приписываются свои, характерные только ей речевые стратегии и речевые стереотипы. Более того, многие из коммуникативных ситуаций научного дискурса имеют сценарии (речевые и поведенческие), по которым они разыгрываются. Известны и разделяемы всеми участниками сценарии защиты дипломных работ, диссертаций, выступлений на конференциях [18]. Часть этих правил имеет эксплицитный характер, часть – имплицитный, они могут быть понятны только опытным агентам научного дискурса.

Есть еще одна категория участников научного дискурса, которая зримо (и иногда незримо) присутствует во всем тексте или – концентрированно – в его частях, называемых обзор литературы, методика и методология. Это научные

предшественники, авторы научных трудов, концепций, теорий и методик, дающих нам обоснование и аргументацию и присутствующих в виде ссылок и цитат на их работы.

Дискурсоформирующие признаки научного дискурса

Одной из важнейших характеристик научного дискурса является **регламентированность, логичность и структурированность**. Регламентированность – свойство, которое возникает благодаря наличию в научной сфере регламентов и правил. Пример – требования к оформлению материалов, представляемых в редакцию журнала. В таких регламентах описываются формальные требования (размер шрифта, поля, межстрочный интервал и пр.) и содержательные (распределение содержания по структурным элементам публикации). Соответствие регламенту выражается вербально: авторы используют речевые стереотипы и формулы для обозначения продвижения мысли по структуре статьи: *В данной работе мы будем вести разговор об антропологичности научных текстов медицинского дискурса; как это проблема рассматривается в отечественной и зарубежной лингвистике и почему термин «научный медицинский дискурс» до сих пор не имеет полного научного обоснования?*²; **Заключение**. *Описав конверсационный анализ...*³ Часто используются вербальные обозначения структурных элементов текстов: Введение, Результаты, Заключение и пр.

Структурированность выражается в формальном плане научной статьи: «Исследователи, рассматривающие текст научной статьи с позиций когнитивного подхода, выделяют в стереотипно маркируемых разделах статьи следующие дискурсивные сегменты (дискурсивные процедуры): в разделе "Введение" – характеризацию, оценочную ассерцию, констатацию, формулировку цели, обоснование постановки вопроса, в разделе "Материалы и методы" – описание-характеристику объекта, описание процесса, краткое сообщение, а также иногда разъяснение, рекомендацию, совет, экзemplификацию, в разделах "Результаты" и "Обсуждение" – констатацию, оценочную ассерцию, классификацию, в разделе "Заключение" – ретроспективное информирование, констатацию, рекомендацию, резюмирующие микросегменты» [19, с. 143].

К этому свойству научного дискурса логично примыкают такие его характеристики, как объективность, точность и абстрактность. Объективность научного дискурса связана с тем, что любое утверждение и вывод необходимо

проиллюстрировать примерами, результатами эксперимента или аналогичными выводами, к которым пришли и другие ученые. При анализе языкового материала лингвисты используют аутентичные примеры на языке изучаемых текстов: *Полная цитация в научных текстах в настоящее время встречается достаточно редко. Полная цитация представляет собой взятый дословно, без сокращений отрезок текста-источника, законченный в смысловом отношении. Цитаты определяются как вид интертекстуальной связи, при котором фрагмент текста-источника интегрируется в текст-носитель. Например: «Es importante conocer los preceptos que indica el profesor Karl Terzaghi, pionero de meconica de suelos y de problemas en campo...»*⁴.

Точность научного дискурса объясняется стремлением ученого дать максимально точное объяснение термину или явлению, что для научного дискурса (научной позиции) является залогом его убедительности. Термин или понятие обычно вводится в научный дискурс при помощи определений: *В значении «упорядоченной, согласованной мысли, предмета мысли» употребление понятия «дискурс» восходит к латинскому «discursum», означающему «бегство к и от».* Дискурс (франц. discours, англ. discourse) – это: 1) связанный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная⁵.

Абстрактность научного дискурса формируется обилием научной терминологии в устных и письменных научных текстах, например: *Понятие «профессиональная языковая личность» вошло в научный обиход сравнительно недавно, появление его связано с развитием когнитивно-коммуникативного направления в современной лингвистике. Это понятие теснейшим образом связано с такими понятиями, как «профессиональная картина мира», «профессия», «профессиональная среда», «профессиональный дискурс», «профессиональная коммуникация»*⁶.

Еще одна ярко выраженная характеристика научного дискурса – **полемичность, агональность**. Термин *защита*, функционирующий для описания особенного коммуникативного события – жанра защиты диссертации, диплома, – с очевидностью иллюстрирует это свойство научного дискурса. На полемичность указывают вводные конструкции *тем не менее, кроме того* и пр. языковые маркеры: *Изученные расшифровки 13 лекций,*

² Макушева Ж. Н. Научный медицинский дискурс как совокупность понятий «медицинский дискурс» и «научный дискурс» // Культурология, филология, искусствознание: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по мат.-лам II–III Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 4–11 октября 2017 г.) Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2017. С. 30.

³ Там же. С. 45.

⁴ Попова Т. Г. Научный дискурс и интертекстуальные связи // Евразийское Научное Объединение. 2017. Т. 2. № 11. С. 145.

⁵ Давыдова И. С., Тупикова С. Е. Понятия «дискурс» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях: дефиниции, типологии, характеристики // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации / под ред. Р. З. Назаровой, Т. А. Спиридоновой. Саратов: Саратовский источник, 2017. Вып. 10. С. 53.

⁶ Нестерская А. А., Николенко Е. Ю. Научный дискурс как основа формирования профессиональной языковой личности магистранта-филолога // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-3. С. 139.

докладов, семинаров, совещаний, текстов научных дискуссий составили примерно 780 страниц машинописного текста. Тем не менее, мы оговариваем, что избранный метод эмпирического анализа массива экспериментального материала с целью выявления особенностей УНР, – это не простой статистический анализ данных, полученных в результате изучения 211 экспериментального материала. <... > Кроме того, мы полагаем, что имеющаяся выборка текстов нельзя считать моделирующей генеральную совокупность подобных текстов: ее анализ позволяет лишь наметить общую тенденцию в структурировании УНР. Данные соображения привели нас к решению о необходимости проведения психолингвистического эксперимента⁷.

Научная коммуникация обладает признаком **театральности**, который проявляется, в частности, в том, что у каждого участника научной коммуникации есть своя роль, а каждая роль разыгрывается по своим правилам. Так, известно, что роль модератора круглого стола может принадлежать ведущему ученому, заведующему кафедрой. Только модератору разрешено прекращать или начинать дискуссию, при этом каждый, кто хочет задать вопрос, должен поднятием руки и вопросом, обращенным к модератору, сигнализировать о своем желании задать вопрос.

Еще одна принципиальная характеристика научного дискурса – **интертекстуальность**. Всякая научная позиция должна быть хорошо обоснована. Это диктует необходимость большого количества цитат, пересказов и ссылок, и чем аккуратнее ученый цитирует своего коллегу, поддерживая или критикуя, тем лучше. Плагиат в научном дискурсе – признак недобросовестности, научной нечистоплотности, поэтому интертекстуальность в научном дискурсе носит характер прямого неискаженного цитирования. В целом интертекстуальность может проявляться в виде цитаты, автоцитаты, примечаний, комментариев, аннотации, приложения, библиографии, маркируется кавычками, сносками и ссылками. Частотны случаи сопоставления концепций, указание на наследование традиций, полемику, и в этом случае интертекстуальность может быть представлена сразу множественными способами: Термин «интертекстуальность» был введен в научный обиход в 1967 году Ю. Кристевой, в результате переосмысления работ М. М. Бахтина и его концепции «полифонического романа». <... > Тем не менее, источником для исследования природы межтекстового взаимодействия, наряду с теорией анаграмм Ф. де Соссюра, учением о пародии Ю. Тынянова и исследованиями А. Н. Веселовского по исторической поэтике и теории мифа стали, по собственному признанию

Ю. Кристевой, идеи М. М. Бахтина о том, что любой текст является диалогом не только автора с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой⁸.

Интертекстуальность научного текста имеет способность быть выраженной в виде прецедентности. «Прецеденты, будучи личностными знаками, способствуют упорядочению фактов науки, являются точками отсчета в изменении научной парадигмы, дают читателю и автору возможность систематизировать научное знание и ориентироваться в его фонде. Содержание предшествующего знания, актуального для авторской концепции, может и не получить в научном тексте эксплицитного выражения, оставаясь в то же время понятным подготовленному читателю. Это происходит в тех случаях, когда кванты старого знания – законы, гипотезы, теоремы – входят в дисциплинарный фонд той или иной науки под именем их авторов, превращаясь в терминологические понятия, владение которыми является условием профессиональной компетенции каждого ученого. Содержание дисциплинарного знания остается в подтексте и составляет имплицитную информацию, опирающуюся на общую профессиональную пресуппозицию автора и читателя» [13, с. 147].

Ввиду того, что всякий ученый, выдвигая для защиты свою позицию, сначала опирается на коллективные научные достижения, потом проверяет ее в малом научном коллективе – на кафедре, на семинаре научной школы, индивидуальность и авторство стираются и уступают место коллективности. Так в языке научного дискурса появляются **обезличенность и пассивные конструкции**: мы пришли к выводу; установлено, что; Считаем, что способ выражения я-позиции напрямую зависит от функциональных характеристик дискурса⁹; Рассмотрим несколько примеров...¹⁰

Особенности функционирования научного дискурса

Система любого речевого произведения полифонична: в нем взаимодействует множество дискурсивных парадигм [20]. Например, в конкретной научной статье отражаются как общие характеристики научного дискурса, так и парадигмы статьи как научного жанра, и далее поджанра (ср.: обзорная статья или статья полемическая); далее вступают в действие требования конкретных журналов и т. д. Более того, особенности дискурса различны в разные исторические периоды [21].

Отраслевая специфика также будет диктовать свои правила. В сфере аудита и бухгалтерского учета действует отраслевая конвенция, кодифицированная в Международных

⁷ Рыбка И. Н. Устный научный дискурс в психолингвистическом аспекте // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: ОГИК, 2009. С. 210.

⁸ Болотина К. А. Интертекстуальность научного дискурса в коммуникативном аспекте (на примере франкоязычного научного текста) // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сб. мат-лов XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 31 августа 2017 г.) Махачкала: Апробация, 2017. С. 41.

⁹ Болсуновская Л. М., Найдина Д. С. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсе // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-15. С. 3415.

¹⁰ Болотина К. А. Интертекстуальность научного дискурса в коммуникативном аспекте... С. 42.

стандартах финансовой отчетности (МСФО). Она требует четкого и однозначного использования специальной терминологии; соответственно, в данной сфере приняты специфические и строго определенные лексические эквиваленты в системах разных языков. К примеру, слово *relevance* – однозначно *уместность*, хотя вне отрасли у этого общенаучного слова множество эквивалентов: *значимость*, *актуальность*, *тематическое соответствие*, *применимость* и т. д. Кроме того, в когнитивном аспекте каждый термин – это своего рода «ключик» к специфической концептуальной системе. Например, из глоссария терминов МСФО¹¹ мы легко можем узнать, что *materiality* – это *существенность*, можем ознакомиться и с кодифицированным определением данного термина, но этого очевидно будет недостаточно для понимания его смысла. Умение оперировать смыслами (а не только словами) требует длительного пребывания и разнообразного опыта в пространстве отраслевого дискурса.

Всякий дискурс опирается на известное, конвенциональное, и при этом содержит некое приращение смысла, которое логично связать с индивидуальным авторским началом. Исследование, воплощенное в речевом произведении, начинается с вычленения и актуализации проблемы, т. е. предлагает новое видение реальности. А новое видение, когда оно «окрашено» авторской интенцией, тяготеет и к новой форме выражения. Таким образом, в пространстве дискурса возникает конфликт между конвенциональным и авторским. При этом, как известно, конфликт не обязательно является деструктивным явлением, напротив, именно эта энергия конфликта питает наиболее удачные речевые произведения в пространстве научного дискурса.

Рассмотрим, как в системе научного дискурса осуществляется взаимодействие индивидуально-авторского начала и правил, регламентирующих дискурс. Можно выделить три стратегии: 1) авторская интенция полностью подчиняется задаче соблюдения правил, результат – фатический (имитационный) дискурс; 2) коммуникативная энергия «выдавливается» из наиболее регламентированного ядра на периферию, результат – развитие периферийных форм и жанров в рамках научного дискурса; 3) авторская интенция нарушает систему правил научного дискурса, результат – усиление авторского начала в научном дискурсе.

1. Развитие имитационного дискурса. Фатическая коммуникация – это коммуникация, нацеленная на саму себя, речь ради речи, она выполняет важные регуляторные функции в обществе [22]. Однако в научном дискурсе ее позитивные возможности более чем скромны, т. к. «фатика – антипод информативности» [23, с. 134].

Исследователи отмечают тенденции к дисфункции научного дискурса, связанные именно с разрастанием в нем имитационного компонента. Важно, что этот процесс

связывается не с субъективным фактором, а рассматривается именно как объективный процесс развития научного дискурса как такового. Г. Г. Хазагеров [24] объясняет это рассогласованностью прагматических установок в коммуникативном пространстве научного дискурса: задачи презентации новых научных идей, с одной стороны, и задачи самопрезентации ученого – с другой. Установка на самопрезентацию приводит к развитию таких качеств научной речи, как многословность, логичность, противопоставленная фактологичности и представляющая собой не выявление логических связей в «затекстовой» реальности, а симметричность композиции и связность текста.

Другие исследователи, кроме того, акцентируют внимание на негативной роли внешних по отношению к научному дискурсу факторов [23]. Отмечается, что попытки жесткого руководства наукой с позиций формальных показателей приводят к росту в ней имитационной активности.

2. Активизация периферийных форм и жанров научного дискурса. Дискурс можно представить как полевую структуру, состоящую из ядра и периферии. Ядро характеризуется максимальной концентрацией системообразующих признаков, представленных в наиболее чистом виде; далее к периферии такие признаки ослабевают, и по мере удаления от ядра начинает проявляться действие смежных полей, в результате чего возникают синкретичные формы дискурса. Область ядра – это, например, научная статья, автореферат диссертации. Примером из области ближней периферии может служить такой жанр, как монография: на этом обширном поле автор имеет большую свободу в реализации своих коммуникативных стратегий. К области дальней периферии относятся различные научно-просветительские мероприятия (лектории), блоги и т. д. Крайняя периферия – это интервью и публичные выступления ученых на различных общественных мероприятиях. В этой области уже отчетливо проявляются законы медиадискурса.

Для ученого выход в пространство другого дискурса связан с необходимостью играть по другим правилам, встраивать свое содержание в иной контекст, в случае контакта с широкой аудиторией – в контекст обывденного сознания, при этом интересы обывденного сознания не противоречат задачам поиска истины о мире.

В качестве примера рассмотрим текст интервью Т. В. Черниговской журналу *Forbes*¹². В формате интервью рамки обывденного сознания четко задаются вопросами журналиста: *Наверное, это наивный вопрос, но, как вы считаете, деньги делают людей счастливыми?* Ответы даются таким же простым языком: *Деньги, разумеется, нужны, но счастье – это не о деньгах. Счастье – это найти смысл.* В тексте отсутствуют специальные термины, характерная для научной речи абстрактность, сложный синтаксис,

¹¹ Перевод терминов МСФО на русский язык // Аудит по МСФО. Режим доступа: <https://ifrs-audit.ru/?p=123> (дата обращения: 28.03.2021).

¹² Чем отличается мозг миллиардера? Объясняет Татьяна Черниговская // *Forbes*. 28.01.2019. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoe-biznes/371667-chem-otlichaetsya-mozg-milliardera-obyasnyat-tatyana-chernigovskaya> (дата обращения: 28.03.2021).

зато наличествуют эмоционально-экспрессивные средства: *С одной стороны, не стоит мучить детей и давать им то, что для них является аллергеном. Но, с другой стороны, если не дать, то и не поймешь, на что у него аллергия. Стилистическая примета текста – наглядно-образное пояснение тезиса: Если у человека ничего не получается, это значит, что он еще просто не нашел свою дорогу в жизни. ... Может быть, на самом деле у него нет планов покупать яхты и отправляться в кругосветные путешествия. А его план – сидеть дома у камина и вязать шарф, и это и есть счастье*¹³.

Связь данного коммуникативного события с научным дискурсом не прерывается. Во-первых, она осуществляется через личность ученого: Т. В. Черниговская интересна журналистам и читателям не просто как выразитель житейской мудрости, а именно как носитель научного знания: *известный российский биолог и лингвист, специалист в вопросах нейронауки и психолингвистики*. Кроме того, сам текст построен таким образом, что «житейская мудрость» представляется как адаптированное для широкого читателя резюме, верхушка айсберга, подводная часть которого – серьезное научное знание, и его незримое присутствие постоянно актуализируется: *То, что я скажу, может прозвучать банально на первый взгляд, но на самом деле это не так просто, как звучит*. Оценка содержания как сложного – еще одна коммуникативно значимая константа данного дискурса: *У меня есть только сложный ответ на этот вопрос. Но это очень трудный пункт. Это очень глубокая мысль*¹⁴.

В целом активизация периферийных областей научного дискурса – значимая тенденция на современном этапе его развития. В информационном обществе возникла и утвердилась концепция открытой науки. Научная коммуникация приобретает более сложные формы и большую социальную значимость [25].

В английском языке существует противопоставление *scientific communication* (коммуникация внутри научного сообщества), и *science communication* (взаимодействие науки и внешней среды). Цель такого взаимодействия – не только просвещение, но и создание личного бренда ученого, увеличение социального капитала, создание коммуникационных сетей для межотраслевого взаимодействия, привлечение новых кадров, финансовых и организационных ресурсов в науку.

3. Авторизация научного дискурса. Движущей силой этой тенденции является субъективный фактор – авторская воля, которая «включает» различные дискурсивные парадигмы не по требованиям жанра, а единственно с целью реализации своего коммуникативного намерения. В этом случае возникает конфликт между ближней и дальней прагматикой [24]. Конвенциональные правила научного

дискурса обслуживают интересы дальней прагматики; они выполняют охранительную роль и работают на сохранение устойчивого функционирования дискурса как системы. Автор конкретного текста действует в интересах ближней прагматики, стремясь усилить эффективность и воздействующую силу своего речевого произведения. Поэтому он может действовать как нарушитель конвенции дискурса. В качестве примера рассмотрим текст статьи Vicky Arnold "The changing technological environment and the future of behavioural research in accounting"¹⁵. Статья опубликована в авторитетном научном журнале и имеет привычную для такого типа публикаций структуру.

Обосновывая актуальность темы исследования, автор вполне традиционно использует привычную для письменного научного дискурса стратегию – ссылки на работы других авторов: *To study what is going on today, technology cannot be ignored (Ferguson and Seow, 2011; Cobbin et al., 2013; Sutton et al., 2016). All aspects of accounting are impacted by the technologies that collect data as well as support and, in many cases, guide those processes (Tee et al., 2007). In some cases, technology completely controls the environment (Sutton et al., 2016)*¹⁶. Однако обратим внимание: этот скромный и вполне конвенциональный отрывок сделан весьма продуманно. Сначала устанавливается факт влияния технологий на профессиональную среду: *technology cannot be ignored*. Затем следует ряд однородных сказуемых, между ними возникают контекстуальные градуальные отношения, которые создают впечатление усиливающейся угрозы: сначала названа вполне безопасная и позитивная функция технологий – сбор данных (*collect data*), далее следует неопределенное «поддерживает процессы» (*support processes*), за ним – настораживающее *guide* (направлять) и, наконец, угрожающее *control* (контролировать), усиленное наречием *completely* (полностью контролирует). Заметим, что ради этого эффекта автор нарушает хронологический порядок следования ссылок, т. е. заменяет объективную картину субъективной.

Пример доказывает, что автор данного текста, безусловно, имеет ясное представление о формате научного дискурса и обладает высокой речевой компетенцией, т. к. демонстрирует способность эффективно использовать крайне ограниченные тактические ресурсы в рамках стандартного высказывания. Таким образом, нарушение конвенции научного дискурса данным автором нельзя объяснить ошибкой или некомпетентностью.

Нарушение находим уже в следующем абзаце. Здесь автор продолжает развивать мысль о том, что современные технологии существенно изменили среду деятельности аудитора, и этот процесс заслуживает внимания исследователей.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Arnold V. The changing technological environment and the future of behavioural research in accounting // Accounting and Finance. 2018. Vol. 58. № 2. P. 315–339. DOI: 10.1111/acfi.12218

¹⁶ Там же. P. 316.

Но речевые тактики радикально меняются: *In a recent visit with an audit manager, who stopped by the office wearing jeans and an old T-shirt, he casually said that he was in the coffee shop across the street clearing review comments and was able to drop by. When asked about how he communicated with his audit team, the conversation proceeded as follows: 'I use instant messenger... Do you use Skype? No, I don't want my team to see me sitting in a coffee shop in my jeans and t-shirt'*¹⁷. Если мы применим к этому отрывку систему правил научного дискурса, возникает картина полной коммуникативной неудачи. Но этот фрагмент существует в иной парадигме публицистического дискурса, и тогда все указанные элементы приобретают смысл. Например, повторяющиеся дважды детали ситуации (*coffee shop, jeans, t-shirt*) актуализируют через наглядный образ идею о радикальном изменении условий деятельности аудитора, традиционный облик которого ассоциируется с офисом и строгим деловым дресс-кодом. Обращение к личному опыту, конкретность и детализация создают эффект присутствия, «включают» наглядно-образное восприятие высказывания и таким образом работают на убедительность речи.

В целом наличие признаков публицистического дискурса – характеристика данного текста, сформированная авторской интенцией. Это заявлено уже в самом его начале, в первых строках введения: *The traditional role of an academic... is the role of being an observer and critic of society's behaviour and evolution. Professors have traditionally assumed the role of the conscious of society and taken a leadership role in attempting to critique and influence that evolution*¹⁸. Отчасти такая нестандартная структура объясняется и историей создания данного текста: автор указывает, что в основу статьи легло ее выступление на пленарном заседании научной конференции (AFAANZ Annual Conference).

Таким образом, реализация авторской интенции в полифоничном дискурсе происходит на границе взаимодействия дискурсов и жанров. В коммуникативно удачном тексте нарушение системы правил не приводит к хаосу. Напротив, отказ от одной системы означает одновременное «включение» другой. При этом гармонизирующим началом в таком сложно организованном тексте является автор.

Заключение

Все коммуникативные ситуации использования языка в научных целях – и письменного, и устного – формируют научный дискурс. Жанровая архитектура научного дискурса строится исходя из принадлежности текста к устной или письменной форме существования: научные письменные тексты (статьи, монографии, рецензии, тезисы, доклады, диссертации, рефераты, авторефераты, дипломные работы, отчеты, аннотации и пр.) формируют корпус научного письменного дискурса, а тексты, существующие в устном или аудиовизуальном виде

(доклад, сообщение, защита), формируют корпус устного / аудиовизуального научного дискурса.

Более мелкие форматы (например, аннотация) могут быть частью более крупного текста (например, статьи). Сгруппированные статьи / тезисы формируют наджанр *сборник статей / тезисов*. К устным наджанрам можно отнести конференцию, форум, конгресс, в которые встроены различные более мелкие форматы: пленарное заседание, секция, круглый стол, панельная дискуссия и пр.

Письменный научный дискурс имеет распределенный хронотоп, устный привязан к конкретному времени и месту. Онлайн-форматы характеризуются распределенным топосом и определенным временем. В научном дискурсе коммуникаторы (агенты и клиенты) выполняют определенные дискурсивные роли: магистрант, аспирант, докторант – научный руководитель, консультант; диссертант, студент, аспирант – рецензент, оппонент, комиссия, диссертационный совет; докладчик – аудитория, модератор; автор статьи – рецензент, редакция, аудитория. Ядерным, ключевым участником научного дискурса является исследователь, ученый.

Ключевые дискурсоформирующие признаки научного дискурса: регламентированность, логичность и структурированность; объективность, точность и абстрактность; полемичность, агональность; театральность; интертекстуальность; язык научного дискурса характеризуется обезличенностью и наличием пассивных конструкций.

Функционирование научного дискурса определяют внешние по отношению к дискурсу социальные факторы; общие закономерности коммуникации: противоречия и взаимодействие между известным и новым, конвенциональным и авторским; внутренние тенденции и противоречия в развитии научного дискурса.

Каждое речевое произведение полифонично в том смысле, что является результатом взаимодействия множества дискурсивных парадигм. Такие парадигмы можно систематизировать в двух направлениях: по вертикали: от общей системы научного дискурса к подсистемам жанров и далее к специфическим отраслевым конвенциям и конвенциям конкретного дискурса; по горизонтали: от ядра научного дискурса, где максимально сконцентрированы его системообразующие признаки, к периферии вплоть до крайней периферии, где отчетливо ощущается действие смежных полей.

В развитии научного дискурса как системы доминируют три основные тенденции: тенденция к увеличению фатичности; вытеснение коммуникационной активности на периферию научного дискурса; тенденция к усилению авторской позиции в научном дискурсе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

¹⁷ Там же. Р. 316–317.

¹⁸ Там же. Р. 316.

Критерии авторства: О. Г. Орловой разработаны общая концепция и структура статьи, написаны разделы Введение, Жанры научного дискурса, Агенты научного дискурса, Дискурсоформирующие признаки научного дискурса, Заключение; В. А. Каракчиевой – раздел Особенности функционирования научного дискурса.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Bax S. Discourse and genre. Analysing language in context. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011. 224 p.
3. Paltridge B. Discourse Analysis. London, N. Y., 2006. 256 p.
4. Орлова О. Г. Стереотипы о России и русских в американском публицистическом дискурсе XIX–XXI веков. Материалы к составлению словаря // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1. С. 185–192.
5. Кравцова Е. В. Научный дискурс как вид институционального типа дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 25. С. 130–131.
6. Мордовина Т. В., Воякина Е. Ю., Королева Л. Ю. Научный дискурс через призму социолингвистического подхода и когнитивной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2. С. 366–369.
7. Дюмон Н. Н. Понятия «научный текст» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8-1. С. 65–67.
8. Давыдова И. С., Тупикова С. Е. Понятия «дискурс» и «научный дискурс» в лингвистических исследованиях: дефиниции, типологии, характеристики // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации / под ред. Р. З. Назаровой, Т. А. Спиридоновой. Саратов: Саратовский источник, 2017. Вып. 10. С. 52–58.
9. Рыбка И. Н. Устный научный дискурс в психолингвистическом аспекте // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: ОГИК, 2009. С. 209–215.
10. Болсуновская Л. М., Найдина Д. С. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсе // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-15. С. 3413–3416.
11. Бондаревская А. В. Научный дискурс как сфера бытования концепта «интерес» // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 37. С. 245–248.
12. Майлер М. Научный дискурс в цифровую эпоху – некоторые направления развития // Организационная психолингвистика. 2020. № 1. С. 45–58.
13. Попова Т. Г. Научный дискурс и интертекстуальные связи // Евразийское Научное Объединение. 2017. Т. 2. № 11. С. 145–147.
14. Болотина К. А. Интертекстуальность научного дискурса в коммуникативном аспекте (на примере франкоязычного научного текста) // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сб. мат.-лов XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 31 августа 2017 г.) Махачкала: Апробация, 2017. С. 41–48.
15. Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
16. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 126–132.
17. Нестерская Л. А., Николенко Е. Ю. Научный дискурс как основа формирования профессиональной языковой личности магистранта-филолога // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-3. С. 139–141.
18. Макушева Ж. Н. Научный медицинский дискурс как совокупность понятий «медицинский дискурс» и «научный дискурс» // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по мат.-лам II–III Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 4–11 октября 2017 г.) Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2017. С. 30–45.
19. Шамара И. Ф. Научный медицинский дискурс: о некоторых особенностях раздела «обсуждение» в научной медицинской статье на английском языке // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 142–151.
20. Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка. 2001. Режим доступа: http://zheltydom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (дата обращения: 07.02.2021).
21. Иваницкая Е. В. Трансформация научного стиля в условиях меняющейся коммуникационной среды. Особенности современной научной статьи // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 2. С. 62–75. DOI: 10.17759/langt.2016030207
22. Прокофьева Н. А. Специфика обращения к фатической речи в корпоративных изданиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 2. С. 163–171. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.215
23. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Имитационность, информативность и фатика в жанрах гуманитарного научного дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 131–148. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148

24. Хазарегов Г. Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 5–20.
25. Медведева С. М. Научная коммуникация в современном мире: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 253–255.

original article

Conceptual Approaches to Scientific Discourse and its Functions

Olesya G. Orlova

Novosibirsk Technical State University, Russia, Novosibirsk;
<https://orcid.org/0000-0002-3572-4274>; orlovaog@mail.ru

Viktoria L. Karakchieva

Novosibirsk Technical State University, Russia, Novosibirsk;
<https://orcid.org/0000-0002-3995-6785>

Received 21 Mar 2021. Accepted 31 May 2021.

Abstract: All communicative situations of using language for scientific purposes form a scientific discourse. The scientific discourse genre is built on the basis of the oral or written text form: scientific written texts form the corpus of scientific written discourse, while audiovisual texts form the corpus of audiovisual scientific discourse. Smaller forms can be part of a larger text, or mega-genre. Oral mega-genres are: conference, forum, and congress, which can be subdivided into various smaller forms. The written scientific discourse has a distributed chronotope, whereas the oral one is tied to a specific time and place. Online forms are characterized by a distributed topos and a specific time. Communicators perform certain discursive roles: undergraduate – consultant; graduate student – reviewer; the author of the article – editorial board, readers. A scientist is a nuclear participant of scientific discourse. The key discourse-forming features of scientific discourse are: regulation, consistency, and structuredness; objectivity, accuracy, and abstractness; polemic; theatricality; intertextuality. The language of scientific discourse is impersonal, with multiple passive constructions. The functioning of scientific discourse is determined by external social factors, general patterns of communication, internal trends, and developmental contradictions. Each text is polyphonic because it is the result of the interaction of many discursive paradigms that can be systematized in two directions: "vertical" and "horizontal" (from core to the periphery). Three tendencies dominate in the development of scientific discourse: the growth of phatic; displacement of communication activity to the periphery; authorization of scientific discourse.

Keywords: discourse-forming sign, genre, speech strategy, author, author's position, field structure, phatic communication

Citation: Orlova O. G., Karakchieva V. L. Conceptual Approaches to Scientific Discourse and its Functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 521–531. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-521-531>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: O. G. Orlova developed the concept and structure of the research and wrote the following paragraphs: Introduction, Genres of scientific discourse, Agents of scientific discourse, Discourse-forming features of scientific discourse, and Conclusion; V. L. Karakchieva was responsible for the section Features of the functioning of scientific discourse.

References

1. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
2. Bax S. *Discourse and genre. Analysing language in context*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2011, 224.
3. Paltridge B. *Discourse Analysis*. London, N. Y., 2006, 256.
4. Orlova O. G. 'Russia' stereotypes in the American journalistic discourse of the 19th–21st centuries. Materials for a dictionary. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (3-1): 185–192. (In Russ.)
5. Kravtsova E. V. Research discourse as type of institutional discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2012, (25): 130–131. (In Russ.)
6. Mordovina T. V., Voyakina E. Yu., Koroleva L. Yu. Scientific discourse through the prism of the sociolinguistic approach and cognitive linguistics. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2019, (2): 366–369. (In Russ.)
7. Dumon N. N. Notions "scientific text" and "scientific discourse" in linguistic researches. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2008, (8-1): 65–67. (In Russ.)

8. Davydova I. S., Tupikova S. E. The notions of "discourse" and "scientific discourse" in linguistic investigations: definitions, typology, and characteristics. *Foreign languages: teaching problems and communication risks*, eds. Nazarova R. Z., Spiridonova T. A. Saratov: Saratovskii istochnik, 2017, iss. 10, 52–58. (In Russ.)
9. Rybka I. N. Oral scientific discourse in the psycholinguistic aspect. *Genres and text types in academic and media discourse*, ed. Pastukhov A. G. Orel: OGIK, 2009, 209–215. (In Russ.)
10. Bolsunovskaya L. M., Naydina D. S. The models of authors position expression in scientific and popular science discourses. *Fundamental research*, 2015, (2-15): 3413–3416. (In Russ.)
11. Bondarevskaya A. V. Scientific discourse as sphere of existence of the concept "interest". *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2017, (37): 245–248. (In Russ.)
12. Meiler M. Scholarly discourse in the digital age – some directions of development. *Organizational Psycholinguistics*, 2020, (1): 45–58. (In Russ.)
13. Popova T. G. Scientific discourse of intertextual relations. *Evrasiiskoe Nauchnoe Obedinenie*, 2017, 2(11): 145–147. (In Russ.)
14. Bolotina K. A. Intertextuality of a scientific discourse in a communicative aspect (French scientific text). *Actual problems of modern science in the XXI century*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Makhachkala, 31 Aug 2017. Makhachkala: Approbation, 2017, 41–48. (In Russ.)
15. Fairclough N. *Media Discourse*. London: Edward Arnold, 1995, 214.
16. Pimenova M. V. Conceptual investigations and national mentality. *Humanitarian Vector*, 2011, (4): 126–132. (In Russ.)
17. Nesterskaya L. A., Nikolenko E. Y. Scientific discourse as the basis for forming professional linguistic personality of master students-philologists. *Lingvistoricheskaia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, 2017, (22-3): 139–141. (In Russ.)
18. Makusheva Zh. N. Research medical discourse as a unity of notions "medical discourse" and "research discourse". *Culturology, philology, and art history: topical problems of modern science*: Proc. II–III Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 4–11 Oct 2017. Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga, 2017, 30–45. (In Russ.)
19. Shamara I. F. Scientific medical discourse: on some peculiarities of the part "discussion" in a medical scientific article in English. *Teoriya iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiya*, 2018, (2): 142–151. (In Russ.)
20. Rudnev Yu. *The concept of discourse as an element of literary metalanguage*. 2001. Available at: http://zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (accessed 28 Mar 2021). (In Russ.)
21. Ivanitskaya E. V. The transformation of scientific style in the changing communication environment. Features of the modern scientific article. *Yazyk i tekst*, 2016, 3(2): 62–75. (In Russ.) DOI: 10.17759/langt.2016030207
22. Prokofeva N. A. Phatic speech using in corporate media. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2016, (2): 163–171. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.215
23. Brusenskaya L. A., Kulikova E. G. Imitation, informational value and phatic communication in the genres of academic discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(1): 131–148. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-131-148
24. Khazagerov G. G. Phenomena of senseless constructions in scientific discourse. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2010, (2): 5–20. (In Russ.)
25. Medvedeva S. M. Science communication in modern world: problems and prospects. *MGIMO Review of International Relations*, 2014, (2): 253–255. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 81'373.612.2

О некоторых аспектах языкового портрета киногероев (на примере научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи»)

Светлана Анатольевна Панкратова

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>; svetpankrat@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.04.2021. Принята в печать 15.06.2021.

Аннотация: Рассматривается проблема репрезентации лингвистическими средствами особенностей киногероев в современном западном кинематографе на примере научно-фантастической драмы «Робот по имени Чаппи». Цель – исследование ряда аспектов языковой личности в кино для выражения режиссерской сверхзадачи. В более широком когнитивно-дискурсивном контексте объектом исследования является сценарий как языковая фиксация живой непринужденной речи киногероев. Выдвинутая автором в статье гипотеза предполагает, что формирование образа героя языковыми средствами содержит категоризацию проблемных концептов для решения творческих задач, включающую привлечение жанровых и стилистических особенностей, образности и эмотивности. Метод сплошной выборки из современного киносценария предоставляет достаточный экзemplификативный материал, который затем подвергается исследованию посредством стилистического и когнитивно-семантического анализа. Материал исследования демонстрирует, что для формирования образа языковой личности современный кинематограф активно задействует ряд приемов: стилизацию под речь разных жанров, образность. Выявленные приемы способствуют тому, чтобы ярче раскрыть особенности речи героев, включающей детскую речь, родительскую речь, речь педагогов и жаргон. Анализ полученных результатов демонстрирует, что установленные особенности обусловлены не только соображениями максимальной аутентичности передачи образа киногероя в рамках сценария, но и эвристическими соображениями максимально доступного объяснения непознанного концепта, чему способствует образность. В качестве вывода в статье указывается, что языковой портрет личности формируется в жанрово-стилевых рамках сценарных требований, а применение образности способствует достижению консенсуса между киногероями в краткие сроки 120-минутного кинофильма.

Ключевые слова: языковая личность, лакуна, образность, образная схема, комплексная метафора, сценарий

Цитирование: Панкратова С. А. О некоторых аспектах языкового портрета киногероев (на примере научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 532–540. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-532-540>

Введение

Кино – специфический вид искусства, являющий собой гетерогенную семиотическую систему с аудио- и видеорядом в их единстве, невыразимом исключительно вербально, но представленном в киносценарии, интегрирующем не только слово, но и декорации, пейзажи, костюмы, музыку и жесты. Как креолизованный текст кинотекст таким образом сочетает вербальный и иконический компоненты, образуя визуально-структурно-смысловое единство. Во многом сценарные повороты и развитие «дуги персонажа» (от англ. *character arc* – моральный и этический рост или деградация героя в рамках сюжета, термин, принятый в западном киноделе), прописанные в сценарии, обусловлены опытом, мировоззрением и ценностными ориентировками героя. Творческая задача сценаристов и создателей фильма – продемонстрировать в краткие 120-минутные сроки показа фильма развитие персонажа через его коммуникацию и дать перспективу морально-философских выводов на примере судьбы персонажа. Задача должна быть решена, иначе фильм останется объектом «отвлеченного искусства» сам в себе.

Именно через языковой портрет героев, их вербальное и невербальное взаимодействие зритель понимает, что задача решена, и делает для себя выводы об этической ценности фильма. Лингвистика разрывает замкнутый философией экзистенциализма и персонализма круг, постулируя возможность познания языковой личности сквозь призму ее языковых примет. Само понятие *языковая личность* широко известно благодаря Ю. Н. Караулову, который разработал трехуровневую модель языковой личности. Углубляясь в персоналистскую тематику, многие лингвисты теперь выделяют такие типы личностей, как полилектная и идеолектная личности [1], этносемантическая личность [2], элитарная языковая личность [3; 4], семиологическая личность [5], языковая и речевая личность [6; 7], языковая личность западной и восточной культур [8], эмоциональная языковая личность [9]. Спектр мнений в определении самого понятия широко варьируется. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский ставят языковой портрет личности в зависимость от когнитивного стиля познавательной

деятельности [5]. В. В. Воробьев связывает развитие языковой личности с национальной идеей [10]. О. Б. Сиротина широко трактует языковую личность как определяющий фактор в создании текста [3]. Авторы сходятся в том, что языковая личность являет собой сложное и многоаспектное явление, достойный объект лингвистического и когнитивного изучения [11].

Речевая деятельность киногероев понимается как один из видов коммуникативной деятельности человека, общение, опосредованное языком для координации совместной деятельности, и как одна из форм достижения взаимопонимания и решения поставленных в сценарии задач. Когнитивный подход позволяет шире расставить акценты в решении проблемы языковой личности в системе кинообразности, включив в нее самого человека как прообраз героя и носителя культурного кода с его психофизиологическими свойствами. В связи с этим особенно важен вопрос вовлеченности языковой личности в языковую картину мира. Согласно современным представлениям, человеческая когниция опирается на «предданную» гипотезу о мире [12, с. 6], в качестве которой выступает коллективное знание о мире, воплощенное в языковой картине мира, включая опыт взаимодействия с миром и способность к оценочно-эмоциональному восприятию. Формирование картины мира индивидуального человека зависит от множества факторов: место проживания, историческая эпоха, социальный статус, его взаимоотношения с другими людьми, семейные связи, пол, возраст, уровень образования, профессиональные интересы и личные пристрастия.

Языковая личность

В исследовании языковой личности ставятся следующие задачи: проанализировать современные когнитивные и семантические подходы к изучению проблем языковой личности и ее репрезентации в кинодеке; определить и проанализировать салиентные приемы характеристики героев на материале современного киносценария; выявить лингвистические и стилистические основания обращения к тем или иным приемам формирования образа героя; определить эвристические возможности выявленных приемов для решения поставленной сценарной задачи.

Помимо традиционной для лингвистики языковой личности выделяется и особенно близкая кинематографу личность (это языковая личность героя фильма, запечатленная в сценарии в момент реализации языковой способности), которая также обладает индивидуальными чертами (пол, возраст, профессия, социальный статус, культурный уровень, уровень жизни, среда обитания, ментальное состояние, целевые установки, личные интересы). В речи в кино как отправитель, так и получатель пользуются сложным набором кодов и субкодов, жаргонизмами, бытовой лексикой. Таким образом, субъективно-индивидуальный

характер языковой личности базируется на особенности восприятия ситуации, объеме имеющихся у субъекта знаний и системе языка, в рамках которого осуществляется выбор образно-языковых средств.

Тем не менее, несмотря на всепроникающий императив индивидуального, следует отметить, что языковая личность обладает как индивидуальными, так и стереотипическими чертами. Это происходит потому, что на выбор языковых средств влияют как частноличностные впечатления и опыт, так и коллективные представления и архетипы. Так, Дж. Лакофф называл поле существования совместных для человечества структур знания «распределенный модус» (от англ. *shared distributed knowledge*), который трансформируется в структуру индивидуального, живого знания [13]. Это база знания образует основу мышления личности, составлена из концептов языка и формирует концептосферу национального языка и образ мира как совокупность представлений о мире (рациональные суждения и чувственно-наглядные образы). Итак, коллективное знание императивно, оно обладает социальной принудительной силой, воспринимается автоматически в готовом виде и «навязывается» личности с самого раннего детства в неизменном виде, передаваясь из поколения в поколение [14]. Относясь к области архетипического, по М. Осборну, подобное знание «применяется чаще, чем свежее, одинаково во все периоды и у всех культур, базируется на человеческом опыте, коррелирует с ведущими человеческими потребностями, влияет на большинство аудитории, встречается в центральных, наиболее значимых частях посланий»¹ [15, р. 347–348]. Речевое мышление базируется на стереотипизации, склонности человека избегать углубленного анализа, ориентации на стереотипы, шаблоны и клише. При этом человек склонен не обращать внимания на те явления, которые усложняют и проблематизируют его представления. Клише, стереотипы и шаблоны «усыпляют критическую настороженность читателя, что создает идеальные условия для манипулирования» [16, с. 457–458].

Суммируя размышления над проблематикой личностного и общественного, отметим, что исследование языковой личности подталкивает к противоречивым выводам: с одной стороны, языковой личности свойственна автономия мышления, а создаваемые ею когнитивные модели во многом субъективны, с другой стороны, нельзя игнорировать тенденцию к инертности и стереотипизации. «Человек подчиняется традициям, склонен фиксироваться на одном общепринятом качестве сформировавшейся модели» [17, с. 37]. Следовательно, как нам представляется, в силу присущих им свойств (неразвернутость, неполнота, субъективность) объектом лингвистического исследования может считаться не сама отвлеченная когнитивная модель репрезентации знания, а языковое воплощение процессов сознания в речи.

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Жанровые особенности языковой личности

Касательно профессиональной ориентации языковой личности мы можем отметить полярность и в этом ее проявлении. Содержание компонентов сознания значительно варьируется в диапазоне от обыденного до экспертного. На образный арсенал человека оказывает влияние его профессия. Образ способен вводить новое и переорганизовывать содержательные области за счет сдвига значения. Переконструирование содержания есть сигнал когнитивной салиентности этой области для творца, сигнал о том, что исходная идея близка создателю нового смыслового пространства. Е. А. Климов отмечает, что профессия накладывает свой отпечаток, расширяя знание некоторых предметных областей, развивая «зоркость» в одних и «слепоту» в других областях: «Чувствительность к определенным словам означает, что человек вооружен системой категоризации в знакомом ему отрезке. Устойчивость, невосприимчивость означает, что его система недостаточно категоризирована в этом отрезке» [18, с. 199–201].

Профессиональный вокабуляр не может быть не связан с выбором образных средств, позволяющих наглядно обрисовать объект [11; 19]. Ради минимизации двоякости профессионалы прибегают к доступной бытовой образности: *pocket protein* (карманный протеин), *leucine zipper* (лициновая молния), *hairpin protein binding* (шпильчатая протеиновая связка), образно ретерминологизируя новые концепты, т. е. заменяя узкоспециальные термины перифразами метафорического свойства. Ретерминологизация помогает науке осваивать новые термины, «вчувствоваться» в них для нового взгляда на то, что прежде было многократно неточно или предвзято описано. Многие авторы придерживаются мнения, что удачная развернутая образность базируется на эмотивно приятных и близких герою концептах, в то время как неприятие вызывают эмотивно отдаленные образы. Об этом писала В. Н. Телия: «экспрессивно-оценочная метафоризация поставляет материал для обиходно-разговорной стихии речи, а в ней нужна легкая опознаваемость, шаблонность, клишированность» [20, с. 52]. Фактор близости опыту соотносим с фактором актуальности для создающего сообщение. Согласно концепции социальных рамок М. Хальбвакса, человек (и общество в целом) в состоянии запомнить лишь то, что может быть реконструировано в качестве прошлого внутри рамок понятийной системы. Индивидуальная же система соотносима с «актуальным настоящим: следовательно, забывается именно то, что в данном настоящем больше не вписывается в рамки упомянутой системы» [21, с. 74–75]. Иными словами, чем шире «консенсуальная область взаимодействия организмов, тем больше вероятность уменьшения неопределенности в предсказании поведения ориентируемого организма» [22, с. 95].

Немаловажным является и отражение опыта языковой личности на ее языковом запасе. Здесь речь идет о т. н. концептуальной лакунарности. Дело в том, что объективно может отсутствовать лексема параллельно с существованием

концепта у языковой личности. Субъективно выпадение из памяти слова дает начало лакуне как пробелу, пропуску номинации, ее недостаточности. Лакуна может предполагать лексикализированный семой концепт, но сема эта может быть недоступна коммуниканту в силу усталости, дремотного состояния, стресса. Мысленный образ или понятие не всегда вызывает лексическое воплощение. Узнавание без называния есть лексически болезненный процесс недостаточной вербализации. Недостаточность номинации имеет различную степень глубины: с одной стороны, это эпизодическое забывание, с другой – полное незнание. Тем не менее нам представляется возможным восстановить творческую деятельность личности на материале эвристического образного осмысления техносферы в кино. Предполагается, что в выборе образных схем имеет место варьирование обыденного знания и специального, невероятный запас средств из ряда параллельных способов образной номинации и недостаточная реализованность словесного потенциала в результате стереотипизации выражения, а значимым фактором является социальное искажение, т. е. склонность конструировать природные сущности в человеческой системе координат.

В качестве анализируемого материала нами выбран сценарий фильма «Робот по имени Чаппи» (*Chappie*). Это фантастическая драма, вышедшая на экраны в 2015 г., она поставлена режиссером Нилом Бломкампом, в главных ролях снялись Шарльто Копли, Хью Джекман и Дев Патель. По сюжету гений робототехники Деон Вильсон впервые создает искусственный интеллект и помещает его в тело полицейского андроида Чаппи. Как и любой другой ребенок, Чаппи попадает под влияние своего окружения, и только его сердце и душа помогут ему отличить добро от зла. Следует оговорить специфику сценария как источника материала для анализа.

Сценарий (от итал. *scenario*, от лат. *scaena*) есть литературное произведение, предназначенное для воплощения на экране с помощью выразительных средств киноискусства. Метраж фильма ограничивает стандартный сценарий 90–120 страницами текста. Помимо литературного, различают сценарий режиссерский или постановочный. Это «детальный творческий план постановки фильма с точной разбивкой на кадры и указанием планов, музыкального и изобразительного решения» [23, с. 25–26]. Киноспецифика сценария состоит в отсутствии тщательной литературной обработки, сведении к минимуму описаний действия и характеристик персонажей, отсечении психологических отступлений. Анализ киносценария в печатном виде предполагает волевое и интеллектуальное усилие. В сценарии не должно быть выразительных литературных средств, метафор, литот и аллегорий, ибо все показывается через действие героя. Ф. Феллини полагал, что «слова порождают новые образы, уводят в сторону от цели, к которой стремится кинематографическое воображение» [24, с. 171–172]. Особенность сценария – в его прерывистой природе, динамизме, свободном оперировании временем и пространством, более действенным развитии конфликта.

Практические результаты

В сценарии Нила Бломкампа² есть ряд моментов, характеризующих языковую личность главного героя робота Чаппи и его создателя Деона Вилсона, а также главного антагониста по прозвищу Америка: 1) детская речь, 2) родительская речь, 3) педагогическая речь, 4) образность в сниженном речевом регистре.

В примерах детской речи особый интерес представляют грамматико-лексические особенности (малочисленность конструкций, неологизмы типа *копатка*, *помаза* и т. д.), связанные с развитием концептуализации и языковой способности. Мы встречаем лексическую перестановку (*fuck mother* вместо *motherfucker*), обусловленную грамматической гиперкоррекцией, и несоответствие лица предиката (*be, promise* вместо *is, promises*) в силу недостаточного для своего детского уровня знания грамматики. Детская речь характеризует главного героя Чаппи как находящегося на дошкольном уровне развития лингвистически, что входит в противоречие с его мощью боевого робота. На этом построена коллизия сценария кинофильма.

ШАРПИЕ: *Chappie be the rudest bad boy...* (р. 21) – ЧАППИ: *Чанпи есть самый грубый грубиян...*

ДЕОН: *You can't break a promise, Chappie.* ШАРПИЕ: *Chappie promise* (р. 23) – ДЕОН: *Ты не можешь нарушить обещание, Чанпи.* ЧАППИ: *Чанпи обещать.*

В сценарии Н. Бломкампа есть примеры родительского отношения Деона Вилсона к своему подопечному. Примеры родительской речи включают как отдельные номинативные единицы (*Mommy, little one*), так и поощрительные и порицательные реплики (*Watch your mouth, get yourself shanked*). Реплики дают начальные понятия о правилах жизни и призывают ребенка к порядку, что в ситуации с роботом-ребенком, который на порядок сильнее человека, выглядит комично.

ШАРПИЕ: *It's a car, Mommy* (р. 24) – ЧАППИ: *Это машина, мама.*

ДЕОН: *Chappie is painting. Yeah! Chappie, I'm so proud of you! Good boy!* (р. 24) – ДЕОН: *Чанпи рисует. Да! Чанпи, я так тобой горжусь! Молодец!*

ДЕОН: *Where did you learn that? These guys? Hey, hey, hey. Watch your mouth. Before you get yourself shanked. Chappie, please, have respect for me. I'm your maker* (р. 22) – ДЕОН: *Где ты это слышал? От тех парней? Но, но, но. Следи за речью. А то получишь нагоняй. Чанпи, прояви уважение. Я твой создатель.*

Отметим, что в сценарии Н. Бломкампа присутствует и педагогическая риторика, которая нацелена на то, чтобы педагогическими методами целенаправленно и систематически обучить и воспитать всесторонне развитого человека, формируя его мировоззрение, умственный, нравственный, трудовой, эстетический и физический облик.

Многие единицы из педагогической речи (*mind, abilities, potential, creativity*) и романтические образовательные идеалы (*develop, nurture*) не находят отклика в сознании робота Чаппи, оставаясь пустыми словами без наполненной интенциональной составляющей.

ДЕОН: *Chappie, sit here. Come on. I brought you things to help nurture your mind... and develop your abilities* (р. 23) – ДЕОН: *Чанпи, сядь. Ну вот. Я принес тебе кое-что для развития ума... и способностей.*

ДЕОН: *Listen, Chappie, in life, lots of people will try to tell you what you can't do. And you must never listen. If you wanna paint, you can. You can do anything in your life. ...Don't let people take away your potential* (р. 23) – ДЕОН: *Послушай, Чанпи, в жизни люди будут говорить тебе о том, что делать нельзя. Не слушай их. Хочешь рисовать – рисуй. В жизни можно попробовать все. Не дай людям загубить твой потенциал.*

ДЕОН: *Chappie, don't let this barbarian ruin your creativity! Nurture your creativity, Chappie* (р. 25) – ДЕОН: *Чанпи, не дай этому варвару разрушить твою креативность! Береги свою креативность, Чанпи.*

Несмотря на все увещания, подопечный Деона Вилсона остается глух к педагогическому напору своего воспитателя. Доказательством тому служит та компания уличных головорезов, в которой Чаппи оказывается впоследствии в ходе развития сюжета.

И наконец, обратимся к комплексной метафоре в кино-сценарии фильма «Робот по имени Чаппи». Комплексная метафора – сложный когнитивный инструмент целостного осмысления проблемных ситуаций и сценариев в противоположность разовой, точечной, фрагментарной, частной, разрозненной, «пульсирующей» метафоре, не обладающей системными ассоциативными связями. В сценарии Н. Бломкампа наличествует ряд технических образов, обнаружено всего 7 единиц из образной схемы ЧЕЛОВЕК>МЕХАНИЗМ. Образная схема – способ структурирования и толкования содержания когнитивной области. Это ряд лексических единиц:

- (1) *a remote* (пульт управления) = управление Чаппи;
- (2) *energy* (энергия) = сознание робота Чаппи;
- (3) *reset* (перезагружать) = помириться с Чаппи;
- (4, 5) *battery dies* (севшие батарейки) = Чаппи погибнет;
- (6, 7) *copy data* (копировать данные) = сохранить сознание Чаппи.

Сила образа чрезвычайно важна, ибо именно благодаря многочисленности состава «метафорических коннекций» [25, с. 335] происходит развитие заложенного в образе потенциала в сторону более выпуклой, детализированной, завершено-целостной картины. Главные герои применяют образность как ценный когнитивный ресурс в достижении понимания. Этот ресурс основан на механизме вторичной номинации неизвестного через известное и способствует

² Blomkamp N. Chappie. 54 p. Режим доступа: scripts.com/script/chappie_5307 (дата обращения: 13.10.2020). Здесь и далее по тексту примеры приводятся по данному тексту с указанием страниц в скобках.

стремительному достижению понимания на контрасте с отвлеченным педагогическим общением от создателя робота по имени Деон. Очевидно, что образность, а не педагогико-родительское общение, является ключом, сближающим робота Чаппи и гангстера по кличке Америка, который благодаря техническим образам находит общий язык с роботом.

AMERICA: *We know you have some kind of TV remote thing to switch those robots off.* DEON: *Excuse me?* AMERICA: *It's a machine. It's got an on-off switch* (p. 13) – АМЕРИКА: *Мы знаем у тебя есть какой-то пульт, чтоб выключить этих роботов.* ДЕОН: *Не понял.* АМЕРИКА: *Это машина. У нее есть выключатель.*

Проанализируем яркий пример, в котором антагонист по имени Америка пытается найти выключатель для роботов (*kind of TV remote thing to switch those robots off*). Здесь образность обеспечивает реализацию творческой функции сознания, а творческая установка описания фантастического мира осложняется существованием лакун для возможных или несуществующих еще концептов, которым нет пока языкового выражения. Именно поэтому помимо вторичного именования заполнение лакун осуществляется словами широкого значения, такими как *thing*. Широкозначные слова, называемые еще эмболы или слова-губки, абстрактны, соотносятся с понятием широкого объема и помогают компенсировать недостаток лексем.

В следующем примере приводится образ из антропоцентрической сферы (*a retarded robot*) как альтернатива доминирующей технической образности. Называя робота отсталым, герой проявляет свою человеческую природу и свое представление об ожидаемом нормативном уровне интеллекта, которому робот Чаппи не отвечает.

DEON: *It doesn't understand English yet. It doesn't understand you.* AMERICA: *You gave me a retarded robot?* (p. 15) – ДЕОН: *Он еще не понимает английский. Он не понимает тебя.* АМЕРИКА: *Ты дал мне отсталого робота?*

Образный способ передачи проблемных концептов способствует сближению в случае разлада, когда конфликт робота и антагониста разрешается в терминах перезагрузки, более понятной роботу Чаппи, чем морально-этическое понятие примирения.

AMERICA: *Sometimes, people make mistakes. I'm really, really, really sorry, Chappie. Do you forgive me?* CHAPPIE: *Forgive?* AMERICA: *Come here. Come, Chappie. Let's you and me reset.* CHAPPIE: *Reset? Forgive?* (p. 33) – АМЕРИКА: *Иногда люди ошибаются. Мне очень, очень жаль, Чаппи. Ты простишь меня?* ЧАППИ: *Простишь?* АМЕРИКА: *Ну вот, Чаппи. Давай ты и я перезагрузимся.* ЧАППИ: *Перезагрузимся? Простим?*

Рассмотрим для примера глагол *reset* (исходное значение: *you adjust or set it, so that it is ready to work again or ready to perform a particular function*), схематически представим следующим образом:

М1: гиперсема 1: *ремонттировать сломанный механизм*, гипосема 1: *необходимость перенастройки*, импликационал 1: *вновь устанавливать дружеские отношения.*

В производном метафорическом значении М2 *to make friends again* меняется семантический класс исходного значения, что является реализацией прототипной субстантивной метафоры. Обозначение починки сломанного механизма переходит в обозначение восстановления подорванных человеческих отношений. Основой метафорического переноса становятся признаки импликационала исходного значения, которые, моделируясь в соответствии с новой сферой своего бытия, образуют гипосему и импликационал производного значения. Семантические изменения можно представить в следующей модели:

М1	гиперсема 1: механизм	М2	гиперсема 2: дружба
	гипосемы 1: техническая сфера и неполадки в функционировании		гипосема 2 = импликационал 2: восстановление дружеских отношений к жизни
	импликационал 1: исправление неполадок		

[основа метафорического переноса]

Результатом метафорического переноса в рамках образной схемы ЧЕЛОВЕК>МЕХАНИЗМ является элиминация гипосем исходного значения, непосредственно связанных с техникой (*пульт, неисправность*), а также всех основных структурных признаков (*механизм, детали*), которая соответствует цели переноса – представить восстановление отношений как нечто возможное благодаря доброй воле коммуникантов.

Обсуждение практических результатов

Выскажем аргументированное примерами убеждение, что анализ языковых портретов главных героев сценария фильма «Робот по имени Чаппи» позволяет установить ряд существенных для их характеристики моментов. Главные герои используют образность для концептуализации непостижимых понятий и явлений. К примеру, сознание робота аналогически сравнивается с энергией (*energy*), командный механизм отключения – с пультом управления (*remote*), примирение с роботом – перезапуск (*reset*), а смерть робота – всего лишь севшие батарейки (*battery dies*). Сюжет сценария научно-фантастического фильма удивительно гармоничен, ибо как сама канва, так и образы (пульт, выключатель, энергия, перезагрузка) находятся в одной технической плоскости. Плотность освоения проблемной ситуации статистически высока, 7 единиц достаточны для детализации образной схемы МЕХАНИЗМ>ЧЕЛОВЕК. По сравнению с иными сферами

коэффициент образности равен семи единицам, а экспланаторный потенциал этих элементов позволяет объяснить ключевые моменты сценария, связанные с жизненно важной задачей – отключить роботов-убийц.

Амплификация образов двухвекторна: есть как антропоцентрические (*retarded robot*), так и технические образы. Синтаксическая валентность включает актанты в формулу вторичной номинации (*Let's you and me reset*), что говорит об освоенности образа антагонистом. Касательно градации можно говорить о способности к вариативности в образной номинации в пределах единой техносферы, когда гангстер Америка так настойчиво искомый неизвестный доселе механизм-отключатель роботов первоначально именует как нечто бытовое (*TV remote thing*), а затем детализирует как нечто техническое (*on-off switch*). Техническая образность в фильме о технике делает его целостным, холистичным, честным по отношению к зрителю. Слабый, подкрепляемый единичными образами диссонанс проявляет себя в единичном противопоставлении антропных образов (*retarded robot*) с техническими, на чем и строится вся фабула.

Когнитивные процессы сопровождаются автономической рефлексией персонажей. Так, появлению образа перезагрузки предшествует монолог антагониста по имени Америка (*Sometimes, people make mistakes. I'm really, really, really sorry, Chappie. Do you forgive me?*), в котором он, извиняясь, приходит к мысли заменить незнакомое роботу слово прощения на иное, технически близкое – *перезагрузка*. Автономность гармонизирует с неподготовленностью речи героя, в его фрагментированной речи показательна сбивчивость и сиюминутность процесса порождения мысли *ad hoc* (здесь и сейчас). Эту особенность когнитивисты называют порождающим временным хаосом, «неким сбоем в уже выстроенных ранее когнитивных цепях» [26, с. 135]. Характерно, что именно противоречивость толкает героя к объяснению, ибо противоречия и недоговоренность максимально проявляют себя в «революционных» теориях и положениях [27, с. 13].

В образном арсенале киносценария имеет место и концептуальная аберрация, когда понятие *отсталый* (*a retarded robot*) окрашивается уничижительным оттенком пейоративности, психическому качеству здесь приписывается отрицательная эмоциональная оценочность. В случае с использованием слова *перезагрузка* ассоциативный багаж робота Чаппи пополняется, он узнает новые понятия, и это эвристически ценный ресурс, который помогает двум героям – гангстеру Америке и роботу Чаппи – выйти из затруднения, примириться. Напротив, эвристически скудными образами педагогическая риторика инженера Деона Вилсона (*mind, abilities, potential, creativity, soul*) не достигает видимого эффекта, робот Чаппи не понимает отвлеченность педагогической речи своего создателя, потому что по сюжету робот уходит на улицы к грабителям и убийцам. Так техническая образность способствует достижению персуазивного эффекта и вовлекает зрителя в мир техники.

Заключение

Нами был проведен анализ языковой личности трех ведущих персонажей научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи», специфика состоит в том, что они принадлежат к разным языковым уровням. Деон Вилсон – к уровню родителя и педагога с его увещательной морализаторской риторикой, робот Чаппи – к уровню детской речи с ее элементарностью и нестандартностью, а гангстер Америка – к уровню просторечия с его жаргоном.

Образность реализуется не только и не столько в минимальных репликах киногероев, но и пронизывает весь сценарий. Словесно выраженные образы есть ценный сценарный ресурс в передаче языковой личности киногероя. Видение проблем, поставленных в кинопроизведении, сконцентрированное вокруг моральных аспектов воспитания и становления личности, вселения техники и ответственности тех, кто ее создает, в сценарии передается как развитием сюжета, так и через языковые характеристики портрета героев. Образное осмысление таких понятий, как дружба, прощение, творчество, погружает зрителя в предметный мир техники с его логикой и набором решений. Образность в киносценарии не спорадична, а комплексна, разнообразно представлена на уровне частей речи (как существительными *battery, remote*, так и глаголами *reset*) и складывается в единый наполненный 7 единицами сценарий ЧЕЛОВЕК>МЕХАНИЗМ, который выявляет человеческую сторону киногероев.

Итоговое описание взаимодействия героев Чаппи, инженера Деона и гангстера Америки весьма реалистично, они вписываются в ролевую семейную модель *Ребенок – Мать – Отец*, которая экстраполирует на их взаимоотношения классическую патриархальную модель научения. Благодаря образности более выпукло демонстрируется авторская концепция создателей фильма, нацеленная на показ этических моментов развития личности, власти мира технологий и ответственности тех, кто ее создает; картина мира оказывается традиционно гуманистической. Сюжет разворачивается не в позитивном ключе, в нем есть место жестокости, избиениям и убийствам, но тем не менее на контрасте в сценарии имеются и позитивные сцены домашнего быта, в котором герои ведут себя как обычные семейные люди, намеревающиеся развить потенциал своего подопечного-робота. Это придает сюжету оригинальность и романтизирует мир техники, чего нет, к примеру, в блокбастере «Терминатор», герой которого крушит все на своем пути.

Тема ответственности за свое создание оказывается глубокой и многозначной: может ли быть неразвитый морально робот орудием преступления или стоит идти по пути его гуманистического воспитания? Как представляется, творческая задача сценария была удачно решена не в малой степени благодаря образному решению в характеристиках киногероев. Была предложена новая, дотоле неизведанная идея *робот-дитя*, а оригинальное видение состоялось благодаря симбиозу ролей героев боевика и ролей семейной драмы, где

есть отец, мать и дитя. Авторам и создателям фильма удалось глубоко психологически осмыслить проблему морального долга перед подопечными, игра авторского воображения направила мысль прочь от стереотипа робота-убийцы. Благодаря техническим образам раскрыта существенная связь киносценария фильма «Робот по имени Чаппи»

с глубоко механистической западной культурой, полагающей все надежды на технический прогресс.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
2. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
3. Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 3–21.
4. Кочеткова Т. В. Методические подходы к повышению качества услуг высшего образования. СПб.: СПбГЭУ, 2011. 15 с.
5. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 11–21.
6. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 224 с.
7. Клобукова Л. П. Обучение иностранных обучающихся российских вузов профессионально ориентированному общению на русском языке как актуальная лингвометодическая проблема // Профессиональное и высшее образование: вызовы и перспективы развития / под ред. С. Н. Чистяковой, Е. Н. Геворкян, Н. Д. Подуфалова. М.: Экон-Информ, 2018. С. 185–192.
8. Снитко Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск: Изд-во Пятиг. гос. лингвист. ун-та, 1999. 156 с.
9. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 208 с.
10. Воробьев В. В. Языковая личность и национальная идея // Народное образование. 1998. № 5. С. 25–30.
11. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 30 с.
12. Ушаков Д. В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: проблема развития / отв. ред. Д. В. Ушаков. М.: ИП РАН, 2009. Вып. 3. С. 5–12.
13. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011. 792 с.
14. Леви-Брюль А. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930. 337 с.
15. Osborn M. The evolution of archetypal sea in rhetoric and poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. № 4. P. 347–363. DOI: 10.1080/00335637709383395
16. Мельникова Ю. Н., Шигорева Е. С. Особенности функционирования новостных клише в медиакulturе // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 457–460.
17. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 320 с.
18. Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995. 222 с.
19. Беспамятнова Г. Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 19 с.
20. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 26–52.
21. Бондарева Л. М. К метафоре памяти (статистический и динамический аспекты) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 70–78.
22. Кравченко В. А. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭиП, 2008. 316 с.
23. Горшкова В. Е., Колодина Е. А., Кремнёв Е. В., Фирсова Е. О., Федотова И. П. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод. Иркутск: ИГЛУ, 2014. 367 с.
24. Феллини Ф. Делать фильм. М.: Искусство, 1984. 287 с.
25. Мангова О. Б. Развернутая метафора как средство репрезентации операционных концептов // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 334–336.
26. Козлова Е. А. Файловое устройство концептуального пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 134–137.
27. Демьянков В. З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 5–15.

original article

Linguistic Portrait of Film Characters in Sci-Fi Movie "Chappie"

Svetlana A. Pankratova

Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, Russia, St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>; svetpankrat@yandex.ru

Received 15 Apr 2021. Accepted 15 Jun 2021.

Abstract: The paper features the way linguistic means represent character traits in modern films. The research was based on Neill Blomkamp's sci-fi drama "Chappie" (2005). The research objective was to describe the phenomenon of multiple linguistic features that disclose the linguistic personality of film characters via their free speech. The author believes that the linguistic image of a film character includes categorization of entities aimed at solving creative tasks, which, in their turn, incorporate the genre, stylistic peculiarities, imagery, and emotivity. The method of continuous selection from a film script offered an ample exemplifying material, which underwent cognitive and stylistic analysis. Modern cinema uses genre stylization and imagery, e.g. children's speech, parents' speech, classroom language, streetwise discourse, etc. These features depend on the authenticity of a film character and the heuristic explanation of an unknown concept by means of metaphors. The linguistic image of a film character is formed within the genre-stylistic boundaries of the script, while imagery allows the characters to reach a consensus within the 120-minute chronotope.

Keywords: linguistic personality, lacuna, imagery, image scheme, child's speech, complex metaphor, script

Citation: Pankratova S. A. Linguistic Portrait of Film Characters in Sci-Fi Movie "Chappie". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 532–540. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-532-540>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Neroznak V. P. *Names of ancient Russian towns*. Moscow: Nauka, 1983, 208. (In Russ.)
2. Vorkachev S. G. The concept of happiness: conceptual and figurative components. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
3. Sirotinina O. B. Spoken speech and types of colloquial cultures. *Rusistika segodnia*, 1995, (4): 3–21. (In Russ.)
4. Kochetkova T. V. *Methodological approaches to enhancing the quality of higher education*. St. Petersburg: SPbGEU, 2011, 15. (In Russ.)
5. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. The postulates of cognitive semantics. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 1997, 56(1): 11–21. (In Russ.)
6. Prokhorov Yu. E. *National and cultural stereotypes of spoken communication and their role in teaching foreign students Russian language*, 4th ed. Moscow: KomKniga, 2006, 224. (In Russ.)
7. Klobukova L. P. Teaching foreign students of Russian institutes professional communication in Russian as a topical lingvo-methodological problem. *Professional and higher education: challenges and development prospects*, ed. Chistyakova S. N., Gevorkyan E. N., Podufalova N. D. Moscow: Econ-Inform, 2018, 185–192. (In Russ.)
8. Snitko T. N. *Border notions in Western and Eastern linguistic cultures*. Pyatigorsk: Izd-vo Piatig. gos. lingvist. un-ta, 1999, 156. (In Russ.)
9. Shakhovskiy V. I. *Categorization of emotions in the lexical semantical system of language*, 3rd ed. Moscow: Librokom, 2009, 208. (In Russ.)
10. Vorobiov V. V. The linguistic personality and the national idea. *Narodnoe obrazovanie*, 1998, (5): 25–30. (In Russ.)
11. Bogin G. I. *The model of the linguistic personality in its relation to text variations*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1984, 30. (In Russ.)
12. Ushakov D. V. Cognitive system and development. *Cognitive research: a developmental challenge*, ed. Ushakov D. V. Moscow: IP RAN, 2009, iss. 3, 5–12. (In Russ.)
13. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Moscow: Gnozis, 2011, 792. (In Russ.)
14. Lévy-Bruhl L. *Primitive thinking*. Moscow: Ateist, 1930, 337. (In Russ.)
15. Osborn M. The evolution of archetypal sea in rhetoric and poetic. *Quarterly Journal of Speech*, 1977, 63(4): 347–363. DOI: 10.1080/00335637709383395

16. Melnicova Yu. N., Shigoreva E. S. The peculiarities of cliches functioning in the media discourse. *Kognitivnye issledovaniia iazika*, 2016, (26): 458–460. (In Russ.)
17. Bogoyavlenskaya D. B. *The psychology of creative abilities*. Moscow: Akademiia, 2002, 320. (In Russ.)
18. Klimov E. A. *The image of the world in different types of jobs*. Moscow: MGU, 1995, 222. (In Russ.)
19. Bepamiatnova G. N. *The linguistic personality of the TV presenter*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 1994, 19. (In Russ.)
20. Teliya V. N. Metaphor as a model of sense creation and its expressive-evaluative function. *Metaphor in language and text*, ed. Teliya V. N. Moscow: Nauka, 1988, 26–52. (In Russ.)
21. Bondareva L. M. About memory metaphors (statical and dynamical aspects). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2009, (4): 70–78. (In Russ.)
22. Kravtchenko A. V. *The cognitive horizon of linguistics*. Irkutsk: BGUEP, 2008, 316. (In Russ.)
23. Gorshkova V. E., Kolodina E. A., Kremnyov E. A., Firsova E. O., Fedotova I. P. *Film dialogue. Image-meaning. Translation*. Irkutsk: IGLU, 2014, 367. (In Russ.)
24. Fellini F. *Making a film*. Moscow: Iskusstvo, 1984, 287. (In Russ.)
25. Mangova O. B. Extended metaphor as a means of representation of operational concepts. *Kognitivnye issledovaniia iazika*, 2016, (26): 334–336. (In Russ.)
26. Kozlova E. A. The file organization of the conceptual sphere. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2015, (4): 134–137. (In Russ.)
27. Demyankov V. Z. On linguistic techniques of knowledge transfer in humanities. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2015, (4): 5–15. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 81'44

Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира

Юлия Ивановна Плахотная

Российский государственный гидрометеорологический университет, Россия, г. Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0003-3500-8769>; pl-julia@mail.ru

Поступила в редакцию 16.03.2021. Принята в печать 07.06.2021.

Аннотация: Изучен процесс формирования концептуальной картины мира. Цель – рассмотреть механизмы когнитивно-языковой деятельности при формировании картины мира. Методом для данного исследования послужил свободный ассоциативный эксперимент как способ выявления индивидуального понимания концепта. Проведен анализ ассоциативных реакций, на основе которого исследованы когнитивные процессы, участвующие в построении концептуальной картины мира в сознании человека. Приведено сравнение ассоциатов, данных испытуемыми разного возраста, а именно 10–12 лет и 18–21 года. Набор ассоциативных реакций на определенное слово-стимул составляет основу структуры концепта в сознании индивида. Именно ассоциации показывают взаимосвязь между концептами, которые складываются в единую концептуальную сеть и формируют картину мира. Ассоциации отражают существующий в сознании и воображении образ, который посредством воображения и памяти воссоздается в сознании человека. Понимание между носителями одного языка происходит на основании того, что все они имеют общие представления о данном предмете или явлении. В результате ассоциативных экспериментов мы выявили следующие процессы когнитивно-языковой деятельности: категоризация, конкретизация или индивидуализация концепта и анализ объекта. Доказано экспериментально, что ассоциация является не просто представлением, как это считалось ранее, но сложным когнитивным процессом, в котором участвуют высшие когнитивные функции. В данном исследовании мы продемонстрировали, что именно ассоциации выявляют содержание концепта, как в индивидуальном, так и в коллективном сознании.

Ключевые слова: когнитивные процессы, мышление, категоризация, концепт, ассоциативное поле концепта, ассоциативные связи

Цитирование: Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 541–550. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>

Введение

В современной лингвистике подробно изучается, но остается спорным вопрос о построении концептуальной картины мира, которая, как эмпирическое отражение действительности, формируется в сознании человека с раннего возраста и показывает понимание человеком мира и предназначения в нем.

Психические процессы, такие как представление, воображение, память, мышление, участвуют в развитии самого сознания [1]. Мышление как высший, неразрывно связанный с речью познавательный процесс включает различные когнитивные действия, связанные с формированием понятий, решением задач, рассуждением, творчеством, обучением, обработкой информации. Ученые считают, что мышление оперирует некими элементами мысли, такими как мышечные компоненты (Дж. Уотсон) [2], слова или компоненты языка (Б. Уорф) [3; 4], образы (Э. Б. Титченер),

идеи (Дж. Локк), суждения (Дж. Андерсон), операции и понятия (Ж. Пиаже)¹.

Ассоциация как когнитивный процесс изучается давно, но до сих пор суждения о ней спорны. Понятие ассоциации восходит к теориям таких ученых, как Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Локк, Т. Гоббс, Г. В. Лейбниц, которые считали ее низшей формой человеческих психических функций, а именно представлением. К высшим функциям они относили мышление и волю. Т. Гоббс высказал предположение, что предложенные Аристотелем связи образов по сходству, контрасту и непрерывности создают ассоциативную модель человеческого познания².

Дж. Локк считал, что ассоциация возникает на основе внешнего опыта и лежит в основе создания простых идей в процессе приобретения знаний. Ученый обратил внимание на существование первичных, независимых

¹ Пиаже // Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера; пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. М.: Вече, АСТ, 2000. Режим доступа: <https://www.psyooffice.ru/6-487-piazhe.htm> (дата обращения: 01.03.2021).

² Ассоциационизм (ассоцианизм) // Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. С. 31.

от восприятия, и вторичных, возникающих при восприятии признаков предмета [5]. К. Г. Юнг называет ассоциации просто представлением, ибо мышление, по его мнению, связано с решением новых для опыта человека задач или проблем, а также с формированием понятий. Ученый указывает на взаимосвязь мышления и речи как «сложного генетического и структурного отношения тех и других процессов» [6, с. 112]. А. С. Выготский считает, что мышление участвует в решении задачи или проблемы на основе уже сложившегося жизненного опыта человека [7, с. 208].

Термин *ассоциация* является психологическим термином, обозначающим связь в сознании индивида между двумя содержаниями посредством ощущений, представлений, мыслей. Это связь одних образов через представление других. В психологии описаны законы ассоциации по принципу смежности, частоты использования, контраста, последовательности и новизны. Существуют факторы, обнаруженные А. Т. Брауном и способствующие возникновению конкретной ассоциации, такие как сила впечатлений, их новизна, особенности индивида и т. п.³

В психолингвистике ассоциации делятся на парадигматические ассоциации – реакции, «имеющие со словом-стимулом семантическую связь», и синтагматические ассоциации – реакции, имеющие со словом стимулом синтаксическую связь. Такие ассоциации «преобладают у детей и у лиц с умственным недоразвитием или мнестико-интеллектуальным снижением»⁴.

В лингвистических учениях термин *ассоциация* представляется как «связь между психическими явлениями, при которой актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого»⁵. Т. В. Жеребило пишет о существовании модели знаний, представляющей систему пересечений парадигматических и синтагматических связей слова, которое имеет свое ассоциативное поле, состоящее из ядра и периферии. В ассоциативных связях слов отражены их коммуникативные и смысловые параметры, имеющие лингвистические и экстралингвистические особенности. Совокупность ассоциативных полей различных слов образует ассоциативно-семантическую сеть текста.

Если представители ассоцианистской школы психологии объясняли действие психических процессов посредством ассоциации, то представители когнитивной школы принцип мышления объясняют через когниции. Когнитивная система человека как сложная иерархическая структура включает в себя различные процессы (ощущения, восприятие, внимание, воображение, мышление и память), участвующие в обработке поступающих из внешнего мира сигналов. Восприятие слова тесно связано с его фонетическим и фонематическим

распознаванием и с анализом его слогового состава [8], с анализом его грамматического и семантического значений, которые хранятся в ментальном лексиконе человека [9]. При восприятии слова в сознании происходит активация многочисленных лексических вариантов, сходных с данным словом [10], и их выбор для производства речи.

Языковая способность, согласно Н. Хомскому, является одной из составных частей когнитивной системы [11]. По мнению Ч. Осгуда, когнитивная система включает в себя как лингвистическую обработку воспринимаемой информации, так и нелингвистическую одновременно, при этом нелингвистическая обработка информации первична. Согласно Д. Ф. Уотту (1977), существует глубокая ментальная грамматика, которая формируется посредством двух каналов – нелингвистической и лингвистической обработкой, что обеспечивает формирование когнитивных структур как в детском, так и в зрелом возрасте. По мнению Ч. Осгуда, тесное взаимодействие и параллельная работа этих структур и каналов используют глубинную ментальную структуру, которая по своей природе семантическая [12, р. 69–70]. Последние исследования подтверждают наличие лингвистических и нелингвистических факторов при восприятии информации и производстве речи [13].

Согласно исследованиям Е. С. Кубряковой и др. [14; 15], мышление включает оценку человеком самого себя в окружающем мире и построение картины мира как совокупности концептов. Мышление осуществляется посредством концептов, образующих систему, конструирование которой происходит еще на доязыковой стадии развития человека, а появление ментальных репрезентаций предшествует появлению концептов в его сознании. В процессе когниции сенсорные данные преобразуются в мозге в виде ментальных репрезентаций (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.) и удерживаются в памяти человека [15]. Каждая из концептуальных схем содержит в себе внутренне связанную систему понятий и постулирует некоторые универсальные свойства мира [16].

По мнению М. В. Пименовой, в концептуальной картине концепты находятся между собой в разных типах отношений, формируя концептуальные подсистемы [17, с. 120]. Собственно концептом М. В. Пименова называет «совокупность закрепленных признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» [18, с. 126], имеющего разные группы признаков, которые объективируются в определенных формах сочетаний языковых единиц. Концепты понимаются как ментальные структуры, репрезентирующие знания о фрагменте действительности [19, с. 129]. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу [20, с. 7].

³ Ассоциация // Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. С. 38.

⁴ Ассоциация синтагматическая // Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. М.: Джангар, 2012. Режим доступа: <https://slovaronline.com/browse/d4715c70-f312-3b7d-bb43-98597687ea0e/ассоциация-синтагматическая> (дата обращения: 01.03.2021).

⁵ Ассоциация // Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 45.

Методы

Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания человека выявляет индивидуальное содержание каждого концепта, за которым стоит определенный денотат. По полученным в ходе эксперимента реакциям на слова-стимулы можно судить о существующих семантических связях слов в сознании индивида, его установках, скрытых желаниях, психологических особенностях, а также особенностях формирования концептуальной системы.

Мы провели ряд свободных ассоциативных экспериментов на восприятие четырех слов-стимулов, обозначающих предметы быденного мира и относящихся как к общеупотребительной лексике, так и к сфере современных информационных технологий: *телефон, интернет, Youtube, компьютерные игры*. Информантами для данных экспериментов стали учащиеся 10–12 лет пятых-шестых классов школы (40 человек) и учащиеся филологического факультета университета от 18 до 21 года (40 человек).

При проведении экспериментов соблюдались условия анонимности, гендерные и национальные особенности не учитывались. Время проведения эксперимента на каждое слово-стимул было ограничено до двух минут. В ходе эксперимента было получено 804 реакции (542 в группе учащихся школы и 262 в группе студентов университета).

Результаты

Согласно полученным данным на слово-стимул *телефон*, школьниками было дано наибольшее количество реакций, соответствующих категориям *социальные сети и приложения* (30) и *игровая тематика* (19), в то время как студенты дали большее количество реакций на формы и способы коммуникации (25). В психолингвистическом аспекте, согласно которому существует непосредственная связь языка и мышления и других психических процессов, можно сделать вывод, что ассоциации выявляют желания или интерес человека к чему-либо. Сравнение количества данных реакций дает основания предполагать, что школьники используют телефон в основном для игр и доступа в интернет, а в меньшей степени для коммуникации, в то время как студенты – в качестве средства коммуникации (табл. 1).

На основе данных мы выявили способность студентов к анализу воспринимаемого объекта, поскольку слово-стимул вызывает у них ассоциации, обозначающие составляющие части и технические характеристики телефона.

Согласно общепринятой в психологии классификации, проанализированные реакции на слово *телефон* не могут быть отнесены ни к одному из обозначенных типов: по контрасту, по смежности в пространстве и во времени, по сходству и причинно-следственные ассоциации. Можно сделать

Табл. 1. Результаты ассоциативного эксперимента на слово-стимул *телефон*

Tab. 1. Results of associative experiment on lexical stimulus *phone*

Тематическая группа / категория	Учащиеся школы	Студенты
Составляющие телефона	кнопки (4), кнопка (2), память (2), панель (2), экран (2), металлическая коробка (1), стекло (1)	провод (2), экран (2), кнопки (1)
Коммуникация	связь (4), общение (3), звонить (2), смс (1), общаться (1), разговаривать (1)	связь (6), звонить (3), звонок (3), общаться (3), говорить (2), разговор (2), номер (2), звонок (1), контакты (1), смс (1), переговоры (1)
Социальные сети и приложения	интернет (14), TikTok (5), VK (4), Instagram (4), Вконтакте (2), приложение (1)	интернет (6), инстаграм (1), соц. сети (1)
Игровая тематика	игры (16), играть (2), игра (1)	игра (1), игры (1)
Виды, типы телефона	мобильный (2), домашний (1)	мобильный (1)
Модели телефонов	айфон (3), Iphone 11 (1), Айфон 11 (1)	Samsung (3), Nokia (1), Redmi (1), Айфон (1)
Синонимы слова-стимула	смартфон (2), мобильник (1), трубка (1)	трубка (2)
Адресаты	друзья (1), старшая сестра (1)	семья (2), друзья (1), знакомый (1)
Образ жизни и времяпрепровождение	отдых (6), еда (3), счастье (2)	работа (1)
Негативные ассоциации	деградация (1)	–
Характеристики телефона	–	кнопочный (2), черный (2), старый (1), популярный (1)
Фотография	–	мои фотографии (1), селфи (1), фото (1)
Индивидуальные реакции	видео (1)	всегда в руках (1), добаться (1), женщина (1), маньяк (1), помощник (1), удобство (1), универсальность (1)
Всего	102 реакции	70 реакций

вывод, что данная классификация, очевидно, применима не ко всем типам слов-стимулов.

Чтобы проверить, связаны ли между собой реакции со словом-стимулом грамматически, мы проанализировали их на соответствие синтаксической подчинительной связи: согласование, управление и примыкание. На основе полученных данных мы обнаружили между словом-стимулом и реакциями согласование, при котором слово-реакция является определением к слову-стимулу (например, *мобильный, черный, старый* и т. п.). Управление проявляется при сопоставлении реакций и слова-стимула, если реакции, выраженные глаголами, дают возможность поставить слово-стимул как зависимое слово, например *говорить / общаться по телефону*. При этом мы можем говорить о наличии предикативности между стимулом и реакцией, которая активизируется в процессе ассоциации. Данный анализ показывает, что между реакциями и словом-стимулом существуют синтаксические связи. Это дает основания полагать, что в процессе представления объекта человек воспроизводит ассоциации, которые согласуются между собой грамматически и семантически, т. е. образуют некий гештальт как совокупный образ

объекта с набором характеристик. Кроме этого, данный образ возникает в воображении не просто как статичный объект, но существует во взаимосвязи с другими объектами и выполняет определенные действия или используется для выполнения действий.

По данным эксперимента на слово-стимул *интернет* у школьников выявлено наибольшее количество реакций на игровую тематику (14), на виды социальных сетей (73), у студентов – на виды социальных сетей (20), но при этом студенты дали реакции на большее количество других категорий, в то время как у школьников реакций на соответствующие категории меньше (табл. 2). Из тринадцати категорий, на которые были распределены реакции, у студентов обнаружены реакции, соответствующие двенадцати тематическим группам, у школьников – восьми группам.

Среди реакций на слово *интернет* имеются слова, относящиеся как к непрофессиональной лексике, так и являющиеся профессиональными понятиями из сферы технологий. Это говорит о том, что терминология может легко использоваться в младшем возрасте, особенно если есть интерес к объекту. Реакции показывают интерес школьников

Табл. 2. Результаты ассоциативного эксперимента на слово-стимул *интернет*

Tab. 2. Results of associative experiment on the lexical stimulus *Internet*

Тематическая группа / категория	Учащиеся школы	Студенты
Игровая тематика	игры (10), игра (4)	–
Социальные сети и приложения	Ютуб (13), VK (10), youtube (10), ВК (7), instagram (6), Вконтакте (6), TikTok (5), Тик Ток (5), инстаграм (5), Whatsapp (3), Ватсап (1), соц. сети (1), твиттер (1)	сеть (6), Вк (3), соц. сети (3), Ватсап (2), Инстаграм (2), Imo (1), Vk (1), Youtube (1), ИМО (1)
Действия	Payton (4), Пэйтон (3), Видосики (2)	искать (3), смеяться (2), смотреть (1)
Средства коммуникации / гаджеты	компьютер (4), Вай фай (3), LTE (1), Wi-fi (1), телефон (1)	компьютер (2), телефон (2), мобильный (1)
Информация	ГДЗ (6), информация (6), знания (2), помощь (2), обсудить (1), поиск (1), сборник знаний (1), энциклопедия (1), Яндекс (1)	информация (3), google (1), safari (1), гугл (1), поиск (1), реклама (1), СМИ (1)
Связь	связь (1), сети (1), сеть (1)	сайт (6), всемирная паутина (1), сайты (1), связь (1), ссылка (1)
Негативные реакции	деградация (1)	ловушка (1), плохой (1), раздражение (1), слабый (1)
Образ жизни и времяпрепровождение	отдых (5), счастье (4), дом (1), вечер (1)	время (1)
Адресаты	–	друзья (2), родители (1), семья (1), люди (1)
Фотография	–	моя фотографии (1), фото (1)
Положительные ассоциаты	–	быстро (1), возможность (1), просто (1), удовольствие (1)
Индивидуальные ассоциаты	–	возможность выучить язык (1), всемирный (1), деньги (1), электронные вещи (1)
Коммуникации	–	общение (2)
Всего	142 реакции	72 реакции

и студентов в большей степени к общению в социальных сетях. По таким реакциям, как *энциклопедия, помощь, сборник знаний*, можно понять, что часть респондентов интересуется интернет как источник интеллектуального развития. Среди ассоциатов, данных школьниками, имеются реакции, обозначающие как конкретные, так и абстрактные понятия, такие как *счастье, деградация* и т. п., что выявляет способность в детском возрасте к оперированию абстрактными понятиями и развитию абстрактного мышления.

Тезис Ч. Осгуда о лингвистической и нелингвистической обработке информации при восприятии подтверждается экспериментально, т. к. полученные реакции выражают на данный стимул различные эмоции, как положительные, так и отрицательные (*плохой, раздражение, смеяться, деградация*).

Для анализа эксперимента на слово-стимул *YouTube* все реакции были разделены по семантической близости на 9 категорий, при этом реакции, обнаруженные у школьников, соответствуют пяти, а у студентов – восьми категориям (табл. 3). Наибольшее количество реакций у школьников приходится на игровую категорию (49) и развлечения (57), у студентов – на развлечения (22). Интересно отметить, что в данных экспериментах студенты, в отличие от школьников, дают больше индивидуальных реакций, обозначающих как конкретные предметы и объекты, так и абстрактные понятия, что свидетельствует о развитии абстрактного мышления в старшем возрасте.

При анализе реакций на слово-стимул *компьютерные игры* выявлено девять категорий, в восьми из которых имеются реакции у студентов, в шести – у школьников (табл. 4).

Табл. 3. Результаты ассоциативного эксперимента на слово-стимул *YouTube*Tab. 3. Results of associative experiment on the lexical stimulus *YouTube*

Тематическая группа / категория	Учащиеся школы	Студенты
Игровая тематика	игры (17), Lololoshka (12), Лололошка (6), прохождения игр (6), Windy (4), Aid (1), Coffi channel (1), Fortnite (1), Jacson channel (1)	–
Развлечения	Видосики (12), А4 (9), Mamix (9), Пейтон (5), Влад А4 (4), Brianmaps (3), Мамикс (3), фильмы (3), Noen (2), Payton (2), сериалы (2), GetMovies (1), Siselpo (1), шутки (1)	кино (7), канал (2), vine (1), каналы (1), машины (1), музыка (1), мультики (1), мультфильм (1), песня (1), посмотреть (1), приколы (1), развлечение (1), смотреть (1), тату (1), фильмы (1)
Образ жизни и времяпровождение	видео (20), жизнь (7), свободное время (5), моя жизнь (1)	видео (16), работа (1)
Информация	информация (2), обучение (2)	изучать (1), информация (1), многоинформационный (1), новости (1), рекламы (1)
Социальные сети	лайки (2), реклама (2), тренды (2)	блог (2), блогер (2), блогеры (2), ролики (2)
Сферы жизни	–	искусство (1), наука (1), психология (1)
Негативные ассоциаты	–	идиоты (1), неудобство (1), трата времени (1)
Положительные ассоциаты	–	лайк (2), деньги (1), интересно (1), просмотры (1)
Индивидуальные ассоциаты	–	английский (1), красный (1), обсуждения (1), развитие (1), современность (1)
Всего	149 реакций	68 реакций

Табл. 4. Результаты ассоциативного эксперимента на слово-стимул *компьютерные игры*Tab. 4. Results of associative experiment on the lexical stimulus *computer games*

Тематическая группа / категория	Учащиеся школы	Студенты
Антропонимы игр	Minecraft (14), Кс го (12), Майнкрафт (12), CS:GO (11), Фифа (11), Fortnite (10), Фортнайт (10), Роблокс (8), Бравл старс (7), Bravlstars (6), Fifa (4), Симс 3 (4), Авакин лайф (3), Симс 4 (3), Фифа 2018 (3), Assassin (2), Ассасин (2), Симс (2), AngryBirds (1), Garry'smod (1), GTA 5 (1), PayDay2 (1), Petroit (1), Метро 2033 (1), Моргал комбат 11 (1), Раст (1)	GTA (2), sims (2), Clash (1), CS (1), NeedforSpeed (1), NFS (1), Властелин колец (1), Пубг (1), тайная пирамида (1), Танки (1), Текен три (1)

Тематическая группа / категория	Учащиеся школы	Студенты
Программы для скачивания игр	playmarket (1), Torrent (1)	–
Образ жизни, времяпрепровождение	вечер (5)	время (2), дом (1), свободное время (1)
Индивидуальные ассоциации	друг (1), мир (1), онлайн (1)	бездельник (1), зрение (1)
Игровая тематика, жанры	–	футбол (2), геймеры (1), играть (1), игры (1), компания (1), платформеры (1), стрелялки (1), хорошая игра (1), шутеры (1)
Устройства	–	компьютер (2), джойстик (1), монитор (1), ноутбук (1)
Положительные ассоциаты	настроение (5), хорошее настроение (1)	завлекает (1)
Отрицательные ассоциаты	не играю (1)	бесполезно (1), бессмысленно (1), боль в спине (1), долго (1), зависимость (1), задрот (1), затягивает (1), насилие (1), не нравится (1), отстраняет (1), скука (1), скучно (1), я не играю, поэтому не могу ответить (1)
Воспоминания	–	детство (3), другая жизнь (1)
Всего	149 реакций	52 реакции

Результаты экспериментов показывают, что формирование мышления связано с увеличением количества категорий. Если у детей 10–12 лет таких категорий на один концепт обнаруживается 5–7, то в возрасте 18–21 года количество этих категорий увеличивается до тринадцати. Категории, на которые можно разделить данные реакции на один концепт, отражают различные сферы жизни человека. Интересно отметить, что во всех проведенных экспериментах у студентов при меньшем количестве реакций на одно слово-стимул количество категорий больше, чем у школьников. Оценивая данные экспериментов со всеми словами-стимулами в психолингвистическом аспекте, можно заключить, что когнитивный процесс категоризации у респондентов 18–21 года происходит значительно активнее, чем у респондентов младшего возраста.

Этот эксперимент доказывает справедливость тезиса о том, что «процесс концептуализации предшествует процессу категоризации» [21, с. 8], можно судить о «многомерности и семантической объемности концептов» [22, с. 107].

В ходе экспериментов нам удалось определить схожесть многих реакций на одно и то же слово-стимул у разных испытуемых. Полученные ассоциации показывают общие черты и особенности содержания концепта у разных членов языкового коллектива, что и обеспечивает их взаимопонимание внутри коллектива.

Если рассматривать ассоциативную деятельность с точки зрения разных модальностей (зрительной, слуховой, тактильной), то в данном эксперименте преимущественно встречаются ассоциаты, принадлежащие к зрительной модальности. Именно поэтому можно предположить, что для формирования концепта очень важно зрительное восприятие

выраженного им объекта. В отличие от зарубежных исследователей [23], мы не нашли в экспериментальных ассоциативных реакциях прямой зависимости фонологического восприятия и запоминания слова от образно-лексического содержания концепта.

Еще одна особенность восприятия объекта при формировании концепта – разложение объекта на его составные части, например, при представлении телефона у испытуемого возникают ассоциаты составных частей объекта. Такое разложение объекта на части в процессе ассоциации свидетельствует о наличии в сознании человека анализа как функции мышления. Таким образом, ассоциацию можно связать не просто с восприятием, но с перцепцией, т. е. осознанным восприятием.

На основе полученных реакций можно построить как общую семантическую, взаимосвязанную систему концептов, так и индивидуальные системы отдельно. Для построения общей концептуальной картины мы изучили все полученные реакции на слова-стимулы и нашли те ассоциации, которые являются общими для данных концептов (табл. 5).

В таблицу внесены только те реакции, которые являются общими для двух, трех или четырех концептов одновременно. Если мы посмотрим на семантические связи между словами-стимулами и реакциями на них, то увидим, что они выходят далеко за сферу информационных технологий и обнаруживаются в области обыденной жизни: *дом, родственники, друзья, работа, учеба, досуг* и т. п. Из табл. 5 видно, что 28 ассоциатов являются точками пересечения когнитивных полей данных четырех концептов.

Кроме этого, среди ассоциативных реакций были выявлены синонимы, например, к слову *телефон* (смартфон,

Табл. 5. Общие ассоциации для слов-стимулов *телефон, интернет, YouTube, компьютерные игры*Tab. 5. General associations for lexical stimuli *telephone, internet, YouTube, and computer games*

Телефон	Интернет	YouTube	Компьютерные игры
игра, играть, игры	игра, игры	игры, прохождения игр	играть, игры
–	информация	информация	–
–	компьютер	–	компьютер
мобильник, смартфон, трубка	телефон	–	–
деградация	деградация	–	–
друзья	друзья	–	друг
семья, старшая сестра	дом, родители, семья	–	дом
связь	связь	–	–
соц. сети	сети, сеть, соц. сети	–	–
отдых, счастье	отдых, счастье	–	–
–	–	жизнь, моя жизнь	другая жизнь
–	реклама	реклама	–
–	вечер	–	вечер
–	время	время, трата времени	Время, свободное время
работа	–	работа	–
–	знания, сборник знаний	изучать, обучение	–
мобильный	мобильный	–	–
–	youtube, ютуб	–	–
Instagram	Инстаграм, instagram	–	–
VK, Вконтакте	VK, ВК, Вконтакте	–	–
TikTok	Tik Tok, Тик Ток	–	–
экран	–	–	монитор
мои фотографии, селфи, фото	мои фотографии, фото	–	–
–	деньги	деньги	–
говорить, общаться, разговор	обсудить, общение	обсуждения	–
помощник	помощь	–	–
видео	видосики	видео, видосики	–
–	удовольствие	–	настроение, хорошее настроение

мобильник), *интернет* (всемирная паутина), но практически не найдены антонимы, что не подтверждает эксперименты зарубежных ученых о зависимости антонимов от ассоциативных связей, а синонимов – от контекстуальных [24].

Эксперименты показали, что в ходе ассоциативного представления происходят процессы конкретизации или сужение значения, т. к. для каждого человека один и тот же концепт имеет разные ассоциативные связи. Поэтому каждое слово-стимул является в сознании человека концептом с индивидуальным содержанием, т. е. имеет место индивидуализация концепта.

Данные ассоциативные эксперименты выявляют значение живого слова, т. е. то значение, которое человек проживает внутри себя, опираясь на свой жизненный опыт, чувства, мысли. По мнению Н. И. Кургановой, специфика

значения живого слова раскрывается посредством моделирования структурных параметров его смыслового поля [25, с. 32], что и показывают различные ассоциативные реакции у каждого испытуемого.

На основе проведенных ассоциативных экспериментов, что также подтверждается другими научными исследованиями [26], можно сделать вывод о различии особенностей когнитивных процессов внимания, памяти, воображения и других функций у разных возрастных категорий.

Эксперименты показали, что полученные слова-реакции обозначают абстрактные и конкретные понятия, профессиональные термины и быденную лексику, которыми обычно оперирует словесно-логическое мышление. Данные виды лексических единиц свидетельствуют о непосредственной связи ассоциативных представлений с мышлением.

Заключение

Ассоциация – не просто ментальный образ, соотносимый с образом реальным, это некий импульс, который запускает цепочку когнитивных процессов. Ассоциативный процесс активизирует воспоминания ощущений (зрительных, слуховых, тактильных, двигательных) и воображение с опорой на прошлый опыт, который наиболее ярко запечатлелся в памяти индивида. Сказанное или воспринятое слово активизирует в сознании целый набор образов и понятий, которые и создают ассоциативное поле концепта. В структуру концепта входят слова, не только связанные с ним семантически, как принято считать, но и иногда очень далекие по смыслу. Совокупность ассоциативных полей концептов образует ассоциативно-семантическую связь между концептами, формируя картину мира в индивидуальном сознании. Ассоциаты как лексические единицы есть точки ассоциативного перехода из одного концепта в другой. В индивидуальной картине мира находятся тысячи концептов, соединенных между собой ассоциативными связями, которые образуют сеть концептов, составляющих картину мира человека, и помогают ему строить словесно-логические рассуждения.

Эксперименты показали, что при формировании картины мира в сознании уже существует представление об объекте. Внешний образ предмета при восприятии и запоминании становится внутренним образом со своими

характеристиками, поэтому люди оперируют концептами, имеющими у каждого человека индивидуальный смысл. Наличие в сознании людей общих представлений, связанных с определенным концептом, обеспечивает взаимопонимание между членами языкового коллектива.

В процессе восприятия объекта происходит как лингвистическая, так и нелингвистическая обработка поступающей в мозг информации: а) какова окружающая предмет обстановка, б) какое событие связано с воспринимаемым предметом, в) какие люди или другие предметы связаны с данным объектом, г) какие внешние характеристики и качества имеет предмет и т. п.

Опираясь на данные экспериментов и теоретические изыскания, мы считаем, что в процессе ассоциативного представления происходит одновременная работа таких когнитивных функций, как представление, воображение, память, восприятие и понимание речи, а также мыслительных процессов категоризации, индивидуализации и конкретизации концепта. Именно эти процессы составляют механизм когнитивно-языковой деятельности при формировании концептуальной картины мира.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Иванников В. А. О природе и происхождении психики // Национальный психологический журнал. 2015. № 3. С. 15–23. DOI: 10.11621/npj.2015.0302
2. Watson J. B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological Review. 1994. Vol. 101. № 2. P. 248–253.
3. Уорф Б. Л. Язык, сознание, и реальность // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 220–243. DOI: 10.5840/eps201650481
4. Whorf B. L. Language, mind and reality // ETC: A Review of General Semantics. 1952. Vol. 9. № 3. P. 167–188.
5. Schultz D. P., Schultz S. E. A History of modern psychology. 10th ed. Wadsworth, Cengage Learning, 2011. 413 p.
6. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001. 405 с.
7. Словарь Л. С. Выготского / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007. 118 с.
8. Samuel G. Speech perception // Annual Review of Psychology. 2010. Vol. 62. P. 49–72. DOI: 10.1146/annurev.psych.121208.131643
9. Bock K., Konopka A., Middleton E. Spoken language production: psycholinguistic approach // Encyclopedia of Language & Linguistics. 2006. Vol. 12. P. 103–111. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/00799-9
10. Gaskell M. G., Marslen-Wilson W. D. Ambiguity, competition, and blending in spoken word recognition // Cognitive science. 1999. Vol. 23. № 4. P. 439–462. DOI: 10.1016/S0364-0213(99)00011-7
11. Rieber R. W. Noam Chomsky's views on the psychology of language and thought // Dialogues on the psychology of language and thought / ed. R. W. Rieber. N. Y.-London: Plenum press, 1983. P. 29–63.
12. Rieber R. W. Charles Osgood's views on the psychology of language and thought // Dialogues on the psychology of language and thought / ed. R. W. Rieber. N. Y.-London: Plenum press, 1983. P. 65–102.
13. Esaulova Y., Dolscheid S., Reuters S., Penke M. The alignment of agent-first preferences with visual event representations: contrasting German and Arabic // Journal of Psycholinguistic Research. 2021. DOI: 10.1007/s10936-020-09750-3
14. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 203 с.
15. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
16. Веретенников А. А. Язык и сознание Бенджамина Уорфа // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 214–219.

17. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131.
18. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4. С. 126–132.
19. Шульженко М. Ю., Поповская В. Б. Когнитивная основа ментальных процессов сознания // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2-1. С. 127–132. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-127-132
20. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов/ под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.
21. Шафиков С. Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.
22. Павленко В. Г. Языковые средства вербализации лингвокультурного концепта "cognition" в английском языке // Язык и культура. 2016. № 4. С. 100–111. DOI: 10.17223/19996195/36/8
23. Farnia F., Geva E. Cognitive correlates of vocabulary growth in English language learners // Applied Psycholinguistics. 2011. Vol. 32. № 4. P. 711–738. DOI: 10.1017/S0142716411000038
24. Charles W., Reed M., Derryberry D. Conceptual and associative processing in antonymy and synonymy // Applied Psycholinguistics. 1994. Vol. 15. № 3. P. 329–354. DOI: 10.1017/S0142716400065929
25. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3. С. 24–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37
26. Завьялова Я. Л., Боровец Е. Н. Возрастные и гендерные особенности внимания и памяти подростков, обучающихся в 7 и 9 классах // Вестник психофизиологии. 2020. № 3. С. 165–167.

original article

Association as a Cognitive Activity Mechanism in Shaping a Conceptual Worldview

Yulia I. Plakhotnaya

Russian State Hydrometeorological University, Russia, St. Petersburg; Saint-Petersburg State University, Russia, St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0003-3500-8769>; pl-julia@mail.ru

Received 16 Mar 2021. Accepted 7 Jun 2021.

Abstract: The anthropocentric focus of modern science makes cognitive studies extremely relevant. Associative processes still remain an understudied and controversial issue. The research objective was to study the mechanisms of cognitive and linguistic activity that take place in the process of forming a conceptual worldview. The study involved a free associative experiment aimed at identifying semantic connections between responses. The experiment revealed the content of the concept in the mind of the subjects, which were split into two age groups: 10–12 and 18–21 years old. The obtained associative reactions were divided into certain categories by the commonality of values, by which one can judge the latent cognitive processes involved in creating a conceptual worldview. The study also proved that association is not just a representation, but a complex cognitive process, as it involves higher cognitive functions. A conceptual picture based on the obtained associations revealed semantic points of intersection of concepts that create an associative network.

Keywords: cognitive processes, thinking, categorization, concept, associative field of concept, associative relationships

Citation: Plakhotnaya Yu. I. Association as a Cognitive Activity Mechanism in Shaping a Conceptual Worldview. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 541–550. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Ivannikov V. A. On the nature and origin of the human psyche. *National Psychological Journal*, 2015, (3): 15–23. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2015.0302
2. Wotson J. B. Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review*, 1994, 101(2): 248–253.

3. Whorf B. L. Language, mind, and reality. *Epistemology and philosophy of science*, 2016, 50(4): 220–243. (In Russ.) DOI: 10.5840/eps201650481
4. Whorf B. L. Language, mind and reality. *ETC: A Review of General Semantics*, 1952, 9(3): 167–188.
5. Schultz D. P., Schultz S. E. *A History of modern psychology*, 10th ed. Wadsworth, Cengage Learning, 2011, 413.
6. Jung C. G. *Psychological types*. St. Petersburg: Azbuka, 2001, 405. (In Russ.)
7. *Dictionary of L. S. Vygotsky*, ed. Leontiev A. A. Moscow: Smysl, 2007, 118. (In Russ.)
8. Samuel G. Speech perception. *Annual Review of Psychology*, 2010, 62: 49–72. DOI: 10.1146/annurev.psych.121208.131643
9. Bock K., Konopka A., Middleton E. Spoken language production: psycholinguistic approach. *Encyclopedia of Language & Linguistics*, 2006, 12: 103–111. DOI: 10.1016/B0-08-044854-2/00799-9
10. Gaskell M. G., Marslen-Wilson W. D. Ambiguity, competition, and blending in spoken word recognition. *Cognitive science*, 1999, 23(4): 439–462. DOI: 10.1016/S0364-0213(99)00011-7
11. Rieber R. W. Noam Chomsky's views on the psychology of language and thought. *Dialogues on the psychology of language and thought*, ed. R. W. Rieber. N. Y.-London: Plenum press, 1983, 29–63.
12. Rieber R. W. Charles Osgood's views on the psychology of language and thought. *Dialogues on the psychology of language and thought*, ed. R. W. Rieber. N. Y.-London: Plenum press, 1983, 65–102.
13. Esaulova Y., Dolscheid S., Reuters S., Penke M. The alignment of agent-first preferences with visual event representations: contrasting German and Arabic. *Journal of Psycholinguistic Research*, 2021. DOI: 10.1007/s10936-020-09750-3
14. Kubryakova E. S. *In search of the essence of a language: cognitive research*. Moscow: Znack, 2012, 203. (In Russ.)
15. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankrats Iu. G., Luzina L. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: MGU, 1996, 245. (In Russ.)
16. Veretennikov A. A. Mind and language in the work of B. Whorf. *Epistemology and philosophy of science*, 2016, 50(4): 214–219. (In Russ.)
17. Pimenova M. V. The types of concept and the stages of conceptual structure analyses. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)
18. Pimenova M. V. Conceptual investigations and national mentality. *Humanitarian Vector*, 2011, (4): 126–132. (In Russ.)
19. Shulzhenko M. Yu., Popovskaya V. B. Cognitive basis of mental processes of consciousness. *Historical and Social-Educational Idea*, 2016, 8(2/1): 127–132. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-127-132
20. Popova Z. D., Sternin I. A. Main features of semantic and cognitive approach to the language. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 7–10. (In Russ.)
21. Shafikov S. G. Categories and concepts in linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2007, (2): 3–17. (In Russ.)
22. Pavlenko V. G. Linguistic means of linguocultural concept "cognition" in English. *Jazyk i kul'tura*, 2016, (4): 100–111. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/36/8
23. Farnia F., Geva E. Cognitive correlates of vocabulary growth in English language learners. *Applied Psycholinguistics*, 2011, 32(4): 711–738. DOI: 10.1017/S0142716411000038
24. Charles W., Reed M., Derryberry D. Conceptual and associative processing in antonymy and synonymy. *Applied Psycholinguistics*, 1994, 15(3): 329–354. DOI: 10.1017/S0142716400065929
25. Kurganova N. I. Associative experiment as a method of studying the living word meaning. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (3): 24–37. (In Russ.) DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-24-37
26. Zavyalova Ya. L., Borovets E. N. Age and gender features of attention and memory of adolescents studying in grades 7 and 9. *Psychophysiology news*, 2020, (3): 165–167. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 81'37:659.14

Специфика функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе на радио

Людмила Викторовна Судина

Армавирский государственный педагогический университет, Россия, г. Армавир; Кушёвский медицинский колледж, Россия, ст. Кушевская; <https://orcid.org/0000-0001-6552-9843>; lucysudina@mail.ru

Поступила в редакцию 12.01.2021. Принята в печать 07.04.2021.

Аннотация: Цель – рассмотреть специфику функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе. Актуальность исследования предопределена тем, что в рамках рекламного дискурса на радио концепт *семья* мало изучен. В основу анализа вошли 800 рекламных радиороликов, из которых были отобраны тексты с лексемами *семья, родители, папа, мама, дедушка, бабушка, внуки, дети, ребенок, дом*. Концептуальный анализ позволяет выявить основные и дополнительные семантические компоненты, раскрыть ценностные составляющие концепта, а также рассмотреть рекламные стратегии и тактики, которые сознательно используются авторами рекламных текстов для привлечения внимания и достижения прагматических целей рекламного дискурса. Ядром концепта является лексема *дом* в значении *совместное жилище для семьи*, центральными компонентами выступают субполе *семья* в значении *группа близких родственников* и субполе *уют* в значении *комфорт, качество жизни*. Интерпретационное поле концепта представлено лексемами *мебель, подарки / игрушки, праздники, развлечения, отдых, спорт, автомобиль*. Сделан вывод, что спецификой функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе выступает его способность к порождению новых смыслов, выходящих за рамки словарных дефиниций. Ценностная картина мира носителей русского языка выделяет наиболее существенные культурные смыслы ценностных доминант, которые представлены экспликацией физических, социальных и духовных ценностей, что обусловлено потребностями и запросами реципиентов.

Ключевые слова: рекламный радиодискурс, концептуальный анализ, языковая картина мира, ценности, прагматика текста, рекламные стратегии и тактики

Цитирование: Судина Л. В. Специфика функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе на радио // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 551–559. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-551-559>

Введение

Современное языкознание развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, поэтому изучение концепта *семья* особенно актуально. За последние несколько лет в рамках современных научных исследований работы, посвященные семье, представлены как в социологическом аспекте [1–2], так и в лингвистике [3–7]. Многогранность семейных отношений выявляет полисодержательность концепта *семья* и разнообразие форм его языковой репрезентации [8]. Язык выступает как форма и способ вербализации человеческого сознания. Сквозь призму языка можно проследить систему ценностей и концепты того или иного социума. То, что является наиболее важным для человека, обязательно находит свое отражение в языковой картине мира носителей языка. «Ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке» [9, с. 167].

Цель – изучить специфику функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе на радио. Новизна работы обусловлена недостаточным исследованием особенностей рекламного радиодискурса. В основу анализа вошли 800 рекламных радиороликов, отобранных методом

сплошной выборки, из которых нами выделены тексты с лексемами *семья, родители, папа, мама, дедушка, бабушка, внуки, дети, ребенок, дом*.

Задачи исследования: рассмотреть этимологию и словарные толкования лексемы *семья*, провести семантический анализ текстов, выявить ценностные компоненты концепта, проанализировать функционирование концепта с учетом лингвопрагматического аспекта. В концептуальном анализе частично применен метод, предложенный В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным [10], З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [11], – описание концепта на основании полевой структуры: ядром концепта выступила понятийная составляющая (дефиниционная структура), интерпретационное поле концепта представило его ближнюю и дальнюю периферию, позволив выявить дополнительные смыслы и ассоциации, связанные с концептом. Данное исследование позволяет проанализировать модель концепта *семья* с учетом содержательного компонента (семантическое поле) и ценностных элементов, позволяющих проследить связь концепта с культурой в языковой картине мира носителей русского языка [10].

Этимология слова *семья*. Анализ словарных толкований

Этимология слова *сѣмь* в некоторых славянских языках означало *челядин, домочадец*. Слово *семья* образовано тем же способом, как *братья* – от *брат*; его прямой смысл был *домочадец*. Близкие слова встречаются в германских и балтийских языках¹.

М. Фасмер дает более подробное описание происхождения этого слова: «*сѣмь* – в устном народн. творчестве также в знач. "жена", укр. *сім'я*, др.-русс. *сѣмь* "челядь, домочадец, семья; муж, жена", *сѣмьца* "младший член семьи", ... русск.-слав. *Сѣмь* "persona", *сѣмь* *āvdра́пода*, *сѣмь* "невольник, домочадец" (XII в.). ... *сѣмь* представляет собой собир. От *сѣмь*, подобно *братия*. || Родственно лит. *šeimà, šeimūna* "семья, челядь", лтш. *sàime* "семья, домочадец", др.-прусс. *seimins* м. "челядь", гот. *haims* "селение", д.-в.-н. *heim* "родина", греч. *κόμη* "селение"; сюда же д.-в.-н. *hīwo* "супруг", *hīwa* "супруга", лат. *civis* "гражданин", др.-инд. *śévas* "дорогой", *śívās* "приветливый, любезный" ... Слав. *sěmьja* восходит к обозначению территориальной общности, ср. знач. Родственного *сѣбѣр*, **seǫbъ* и исходное и.-е. **kēi* "лежать"»².

В словаре Д. Н. Ушакова указывается два значения лексемы *семья*: «*семья*, и, вин. *семью* и (простореч.) *сѣмью*, мн. *сѣмьи*, *сѣмей*, *сѣмьям*, ж. 1. Группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе. Глава *семьи*. Член *семьи*. Советская с. У нас была хорошая, непьющая *семья*. Некрасов. Другой *хоть притче* будь, надутый всяким чванством, пускай себе разумником слыви, а в *сѣмью* не включают. Грибоедов. И вот ввели в *сѣмью* чужую. Пушкин. Влияние *семьи* на ребенка. Пошли гулять всей *сѣмьей*. Происхождение *семьи*. В *сѣмье* не без уroda. Пословица. || перен. Организация, группа людей, дружная и сплоченная общими интересами. Не пускать паразитов в *сѣмью* трудящихся. Наша кооперативная с. увеличилась. 2. Группа высших животных, состоящая из самца и одной или нескольких самок (зоол.)»³.

В словаре С. И. Ожегова значение лексемы расширяется: «1. Группа живущих вместе близких родственников. Многодетная с. Глава *семьи*. Член *семьи*. В *сѣмье* трое детей. 2. перен. Объединение людей, сплоченных общими интересами (высок.). Дружная школьная с. Студенческая с. 3. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детёнышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида. С. *медведей*. С. *бобров*.

Пчелиная с. (группа из рабочих пчёл, матки и трутней). С. *берёз*. С. *груздей*. *Семья* языков – в языкознании: группа родственных языков. || *уменьш.* семейка, -и, ж. (к 1 и 3 знач.). || *прил.* семейный, -ая, -ое (к 1 знач.)»⁴.

В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой семантическое поле значительно расширяется. В отличие от словаря С. И. Ожегова, присутствует большее количество переносных значений: «1) а) Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе. б) перен. Группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами. 2) перен. Род, поколение. 3) а) Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детёнышей. б) Общество пчел, состоящее из рабочих пчел, матки и трутней. в) Группа растений одного вида, растущих рядом (часто имеющих общий корень, грибницу). 4) перен. Совокупность однородных, подобных один другому предметов, явлений. 5) перен. Группа родственных языков, объединенных общностью происхождения»⁵.

Все представленные словари самым первым значением лексемы *семья* выделяют группу людей, связанных кровным родством, проживающих совместно (на одной территории). В словаре Т. Ф. Ефремовой дефиниция имеет более широкий смысл, обозначающий не только семью, но и род, поколение. Последние значения в словарях С. И. Ожегова и Т. Ф. Ефремовой охватывают область биологии (семейство животных и растений) и лингвистическую сферу (семья языков). Представленные лексикографические данные помогают выявить наиболее устойчивые концептуальные признаки, верифицированные временем и известные большинству носителей русского языка.

За ядро концепта *семья* мы можем выбрать следующее определение, которое наиболее подходит в рамках поставленной нами цели исследования: *семья* – группа близких родственников, проживающих совместно.

Особенности рекламного радиодискурса

Исходя из антропоцентрической парадигмы научного знания, многие современные исследователи рассматривают дискурс как сложное структурно-семантическое образование [12–19]. Рекламный дискурс, будучи сложным социокультурным феноменом, проявляется во многих сферах жизни современного человека и, как следствие, связан с разнообразными видами человеческой деятельности. Рекламный дискурс – подвид институционального дискурса

¹ Семья // Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/c/семья> (дата обращения: 03.01.2021).

² Семья // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/c/семья> (дата обращения: 03.01.2021).

³ Семья // Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/c/семья> (дата обращения: 03.01.2021).

⁴ Семья // Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/c/семья> (дата обращения: 03.01.2021).

⁵ Семья // Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/c/семья> (дата обращения 03.01.2021).

и в полной мере соответствует всем его характеристикам (цель, участники, ценности, стратегии, жанры) и видам (письменный, устный, мысленный, жестовый, электронный).

Институциональный дискурс – это коммуникация, ограниченная рамками того или иного социального института, где каждый участник играет четко определенную его статусом социальную роль. В таком типе общения на первый план выходит представительская функция человека [20]. Субъектами институционального дискурса выделяют пару участников коммуникации: преподаватель – студент, руководитель – подчинённый, депутат – избиратель, священник – прихожанин и т. д. Участников такой коммуникации В. И. Карасик обозначает как *агент* – *клиент*. Институциональный дискурс зависит от правил и условий того социального института, в рамках которого он протекает. Его основная цель – решать конкретные проблемы в конкретных социальных сферах деятельности человека (политика, дипломатия, медицина, юриспруденция, сфера образования и массово-информационной коммуникации, а также рекламная сфера) [9].

В рекламном дискурсе экспликация концепта *семья* широко представлена рекламными текстами на радио. Радио считается самым массовым источником информации и может достигать такую категорию людей, к которым не всегда доходит телевидение, пресса, Интернет. Чтобы слушать радио, человеку не обязательно отвлекаться от повседневных дел, поэтому оно является самым удобным, неприхотливым, вездесущим и общедоступным средством массовой информации.

Радиодискурс, в свою очередь, представляет собой одно из направлений медиалингвистики. По Т. Г. Добросклонской, предмет медиалингвистики – «функционирование языка в средствах массовой информации, медиаречь во всём богатстве её форм и проявлений» [21, с. 45].

Н. Г. Нестерова пишет, что радиодискурс рассматривает функционирование дискурсивных практик, которые являются частью социальной практики и представляют собой совокупность коммуникативных стратегий и тактик, вербальных и невербальных приемов и средств, направленных на оптимизацию речевого взаимодействия в сфере радиокommunikации. Рекламный дискурс на радио обладает коммуникативным своеобразием и отличается от других видов рекламы. Отсутствие визуального ряда выдвигает на первое место вербальную составляющую: рекламный продукт репрезентируется только с помощью средств языка, привлекая внимание аудитории, создавая и поддерживая интерес, стимулируя желаемый отклик. В этом смысле радиореклама совмещает в себе приемы рекламы, транслируемой на других носителях: телерекламы (игровая ситуация) и элементы структуры печатной рекламы (информирование об адресе, телефоне фирмы) [22].

А. В. Марьина определяет рекламный дискурс как особую разновидность дискурса, цель которого – побудить реципиента к деятельности. Даже информирование и напоминание

в конечном итоге должны быть направлены на побуждение к действию [23].

Выделяют следующие функции рекламного дискурса:

- 1) социальная (способствует коммуникационным связям в обществе, формирует общественное сознание, содействует улучшению качества жизни);
- 2) информационная (предоставляет информацию о товаре или услуге, их особенностях и характеристиках, месте продажи);
- 3) экономическая (стимулирует распространение товаров и услуг);
- 4) воздействующая (создает определенные стереотипы поведения, трансформирует или закрепляет определенные ценностные ориентиры в сознании личности) [24].

Центром внимания языковедческого изучения рекламного дискурса является лингвистика текста, т. к. рекламные сообщения являются достаточно оригинальным жанром, имеют свое стилистическое, композиционное и содержательное своеобразие. В основе создания рекламных текстов лежат такие особенности, как краткость, выразительность и лаконичность высказывания, ёмкость информации. Рекламный текст не только передает определенную информацию адресату, он формирует у него четкий образ товара, услуги или компании через систему изобразительно-выразительных средств языка. Богатое разнообразие средств выразительности в текстах используется на всех языковых уровнях. Выбор грамматических и лексических единиц, особого синтаксиса, стилистических приемов диктуется прагматической направленностью рекламного дискурса [25].

Радиореклама характеризуется как образно-вербальное, оформленное информационное сообщение. Эмоциональное восприятие информации реципиентом усиливается за счет экстралингвистических свойств голосов дикторов или актеров, музыкальной подложки и специальных звуковых эффектов. Вербальная составляющая несет в себе знаковый, семантический компонент и образную составляющую. Российский исследователь в радио индустрии В. В. Смирнов считает, что живая речь обычно выражает неизмеримо больше, чем она собственно обозначает [26].

Радио не может продемонстрировать рекламируемый товар. Однако эмоционально рассказывая слушателям о том или ином продукте, услуге или компании, разыгрывая по ролям различные жизненные ситуации, радио позволяет включить воображение аудитории и дает возможность людям создать свой образ продукта. Действия в радиороликах создаются, рисуются в воображении слушателя, невольно заставляя его быть активным участником, можно сказать, соавтором творческого процесса. Как выглядят герои ролика, во что они одеты, где и в какой обстановке происходит действие, какой социальный статус они занимают и др., слушатель додумывает самостоятельно. А к тому, что человек делает сам, он, как правило, относится серьезно и весьма позитивно. Поэтому радио часто называют самым

личным из всех СМИ. Слушатели, которые эмоционально привязаны к определенным радиоканалам, обычно лояльны и к звучащей на этих каналах рекламе [27]. А если радиоролик еще и сделан с учетом социально-психологических особенностей аудитории, то он будет легко воспринят потребителями⁶.

Особенности функционирования концепта *семья* в рекламном дискурсе на радио

По лингвистическому каналу к человеку поступает информация об окружающем его мире и протекающих в нем процессах. Человек живет в большей степени не в мире предметов и вещей, а в мире концептов, которые он создает для того, чтобы удовлетворить свои интеллектуальные, духовные и социальные потребности [28]. В своей работе мы придерживаемся определения В. И. Карасика, который утверждает, что концепт как единица культуры есть «фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [9, с. 139].

Исследователи отмечают многослойную организацию концепта, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации. Концепт получает полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы; более абстрактные признаки составляют периферию концепта [11].

Для выявления **ядра концепта** *семья* и определения ключевых лексем в рекламном дискурсе на радио нами проведен семантический анализ текстов, осуществленный с помощью сайта www.advego.com, что позволяет определить частотность употребления лексических единиц в анализируемых текстах. Анализ выявляет основные семантические компоненты концепта *семья*, ядром которого является субполе **дом** в значении *совместное жилище для семьи*; центральными компонентами выступают субполе *семья* в значении *группа близких родственников* и субполе *уют* в значении *комфорт, качество жизни*:

- **дом, жилище, место проживания семьи** (содержательное ядро концепта): *Если нужен вам с семьёй дом уютный и большой* (агентство недвижимости

«Этажи»)⁷; ёлки и гирлянды, смех и мандарин, в этом доме ты не будешь никогда один: добрые соседи, дружная семья! Это – дом «Нахимов»! Это – жизнь твоя! (строительная компания «Гарант»)⁸; ощущение дома – это то, что мы ищем всю жизнь! Строительная компания «Арквэй» – домА, в которых мы дОма! (строительная компания «Арквэй»)⁹;

- **группа близких родственников** (центральный содержательный компонент концепта): *А я хочу, чтобы все было сразу, и вся семья была вместе* (туристическое агентство «Ра-Тур»)¹⁰, *кровать для влюблённых, для дедушки кресло, для бабушки новый диван, в детскую детям, вся мебель народу и скидки от «Элфис» вам!* (мебельный салон «Элфис»)¹¹;
- **семейный уют, комфорт** (центральный содержательный компонент концепта): *Что делает ваш дом по-настоящему уютным? Улыбка родных, тёплый ужин, гармония в быту... и высокое качество – этого самого быта!* (магазин товаров для дома «ХозМаг»)¹²; *мама окружает любовью. «МамаМебель» окружает дом уютом* (гипермаркет «МамаМебель»)¹³.

В **ближнюю периферию** концепта *семья* вошли следующие лексемы, предопределённые наибольшей их частотностью в анализируемых текстах:

- **мебель** (элемент семейного уюта и комфорта): *стол в детской, шкаф в прихожей подобрать она поможет. Маме кухню, папе кресло...; купим кухню там, диваны, сыну стол и стулья в дом! Ах, тогда и шкаф для мамы обязательно найдём!* (сеть мебельных салонов «Виктория»)¹⁴; *в любые бури, шторм и кризис вносите совершенство в дом. С «Альберо-мебель» дом ваш будет тепла и счастья образцом* (мебельное ателье «Альберо-мебель»)¹⁵;
- **подарки / игрушки** (элемент семейных праздников): *Время дарить подарки любимым!* (Мебельный салон «Любимый дом»)¹⁶; *у Мишки день рождения, а я забыла! Подарок! Где же взять подарок!?* (магазин детских игрушек «Маша и Медведь»)¹⁷; *Алёшке, Серёжке, Катюшке и Танюшке к празднику любому мы подберем игрушки!* (детские магазины «Алёшка

⁶ Чмовж И. Чистая волна. Как планировать рекламную компанию на радио // Индустрия рекламы. 2006. № 6. Режим доступа: <https://adindustry.ru/doc/202> (дата обращения: 12.12.2020).

⁷ Студия звукозаписи Voice Media. Режим доступа: <https://войсмедиа.рф/> (дата обращения: 12.10.2020).

⁸ Студия «Прозвучи.RU». Режим доступа: <https://prozvuchi.ru/> (дата обращения: 12.10.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ Креативное агентство «Седьмое небо». Режим доступа: <https://radioroliki.ru/> (дата обращения: 12.10.2020).

¹¹ Онлайн-студия «Экороллик». Режим доступа: <https://экороллик.рф/> (дата обращения: 12.10.2020).

¹² Студия озвучивания «КупиГолос». Режим доступа: <http://kupigolos.ru/> (дата обращения: 12.10.2020).

¹³ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

¹⁴ Студия озвучивания «КупиГолос» ...

¹⁵ Студия «Прозвучи.RU» ...

¹⁶ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

¹⁷ Продакшн-студия «SOUND FM». Режим доступа: <https://www.soundfm.org/> (дата обращения: 12.10.2020).

Карапуз»¹⁸; *Новый год уж на пороге! Счастливы не просто так: за подарками дорога приведёт меня в ХозМаг! Приходите за шикарными новогодними подарками себе и своим близким! (магазин товаров для дома «ХозМаг»)*¹⁹;

- **семейный праздник / торжество:** City Jump батутный центр – праздник взрослых и детей! (семейный центр City Jump)²⁰; свадьба – это прекрасное торжество, на котором соединяются два влюбленных человека, становясь одной семьей (свадебный салон «Невеста»)²¹; 23 декабря ТЦ «Варшавский» приглашает на новогодний праздник ... В программе невероятное шоу иллюзий, выступление кавер-группы, новогодний аквагримм, конкурсы и подарки! Приходите всей семьей! (торговый центр «Варшавский»)²²;
- **развлечения для всей семьи / совместное времяпровождение:** мам, ну откуда я знал, что папе тут так понравится! «Арлепарк» – крупнейшая территория развлечений в городе для детей и взрослых! (ТРЦ «Жар-птица»)²³; в детстве мы все гоняли на велосипедах. Повзрослев, уже со своими детьми мы вновь вспоминаем любимое развлечение (велосипеды «АВТ спорт»)²⁴; сначала я пилотом был, летел как сумасшедший ветер! И в море под водой я плыл, и в космос нёсся на ракете! А после всё, как снежный ком, тут закружилось на планете: крутые горки, скалодром, аттракционы, игры, дети! «Фелисити» – королевство развлечений (детский развлекательный центр «Фелисити»)²⁵.

В дальнюю периферию концепта семья вошли следующие лексемы, предопределённые их меньшей частотностью в текстах:

- **отдых в кругу семьи:** лето, солнце, шашлыки! Соберите свою семью на летний Weekend (супермаркет «Сопот»)²⁶; любят взрослые и дети мир животных посмотреть! Сможете там легко и просто в книгу джунглей улететь! Каждый новое откроет, посетив «Сафари-Парк»! Ехать далеко не надо – Краснодарский

зоопарк! (Краснодарский зоопарк «Сафари-парк»)²⁷; организуем ваш незабываемый семейный отдых! Любые направления, лучшие отели, бронирование билетов, организация отличного досуга для взрослых и детей! (туристическое агентство «Ра-Тур»)²⁸;

- **спорт для всей семьи:** «СпортТайм» – это больше, чем спорт! Целый комплекс тебя здесь ждет! Фитнес-бар, тренажеры, бассейн, «СпортТайм» – это спорт для всех! Фитнес-центр «СпортТайм» – фитнес-центр для всей семьи! (Фитнес центр «СпортТайм»)²⁹; да, это отличное место для семьи! Семь домов, 2 многоэтажных паркинга. Майкл, ты это слышал? Спортивные площадки и собственный парк (жилой квартал «Семь островов»)³⁰;
- **автомобиль как показатель качества жизни семьи:** вам не придётся выбирать между динамикой спортивного и престижным автомобилем для вашей семьи (официальный дилер «Porsche»)³¹; трансформируемый 7-местный салон, полный привод, высокий дорожный просвет, элегантный дизайн, идеальный автомобиль для большой семьи и большой компании (автосалон «Авто Авангард»)³².

В. И. Карасик выделяет ценностный компонент как основной. Важность концепта показана как для индивидуума, так и для коллектива: «Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [9, с. 98].

Дом, жилище как физические ценности реализуются с помощью слов уют, тепло, комфорт: пусть все ваши мечты исполняются, а комфорт вам подарит новая квартира (строительная компания «Квартал»)³³; набрать полные лёгкие свежего воздуха..., глотнуть чистой воды и... насладиться уютом и теплом своего дома! Это твоя жизнь! Это твоя «Энергия»! Инженерный центр «Энергия» – 20 лет на страже

¹⁸ Там же.

¹⁹ Студия озвучивания «КупиГолос» ...

²⁰ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

²¹ Студия аудиорекламы «АУДИОГРАД». Режим доступа: <https://audiograd.ru/> (дата обращения: 12.10.2020).

²² Студия «Прозвучи.RU» ...

²³ Там же.

²⁴ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

²⁵ Там же.

²⁶ Студия звукозаписи Voice Media ...

²⁷ Продакшн-студия «SOUND FM» ...

²⁸ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

²⁹ Студия озвучивания «КупиГолос» ...

³⁰ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

³¹ Студия звукозаписи Voice Media ...

³² Онлайн-студия «Экоролик» ...

³³ Студия озвучивания «КупиГолос» ...

вашего комфорта (инженерный центр «Энергия»)³⁴; *хочет жить с комфортом зимой и летом, чтобы в доме свет, газ, водопровод* (коттеджный поселок «Золотая Рыбка»)³⁵.

Личное пространство как социальная ценность реализуется с помощью употребления местоимений *свой*: – *Я хочу спортзал! – А я – свой кабинет! – А я – зимний сад!* (строительная компания «Унистрой Дом»)³⁶; *чтобы было много места, всех друзей собрать не тесно! Свежий воздух, своя баня, сад, большой гараж с сараем* (агентство недвижимости «Этажи»)³⁷; *сделайте подарок своему любимому дому здесь* (мебельный салон «Любимый дом»)³⁸.

Семейные отношения как духовные ценности усиливаются с помощью слов *любовь, счастье, любить, обнимать*: *семья – значит любовь* (строительная компания «Унистрой Дом»)³⁹; *любовь этим миром без устали правит* (магазин «Анабелла»)⁴⁰; *свадьба – это прекрасное торжество, на котором соединяются два влюбленных человека, становясь одной семьей. Это огромное счастье!* (салон «Невеста»)⁴¹; *мама будет в ярости! Потом обнимет, потому что любит! Мама окружает любовью* (гипермаркет «МамаМебель»)⁴².

Лингвопрагматический аспект концепта *семья*

Важной особенностью рекламного дискурса является использование рекламных стратегий, которые лежат в основе прагматической направленности текстов. А. Н. Назайкин выделяет рациональную стратегию (аргументация рекламного сообщения строится на логических выводах) и эмоциональную (рекламное послание создает некий для потребителя образ, вызывающий к его чувствам). Реализация определенных стратегий может вызвать у реципиентов определенные чувства: радость, уверенность, гордость, воодушевление, ностальгию и т. д. Приобретая товар, реципиент делает свой выбор не только на основании конкретных выгод, которые можно получить от товара, а в ожидании психологического (эмоционального, эстетического) удовольствия от употребления товара или обладания им [29].

В анализируемых нами текстах можно выделить следующие тактики, при помощи которых реализуется **рациональная стратегия**:

- тактика демонстрации выгоды: *я сделаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться: квартиры от миллиона восьмисот!* (группа компаний «ЖИК»)⁴³;
- тактика аргументации: *квартиры в жилом комплексе «Мечта» от компании «АСК»*. *Пожалуй, лучший новогодний подарок для молодой семьи! Рядом школа, детский сад, стадион и парк* (компания «АСК»)⁴⁴;
- тактика уникального торгового предложения: *23 декабря торговый центр «Варшавский» приглашает на новогодний праздник. Специальные гости – участники шоу «Голос. Дети»* (ТЦ «Варшавский»)⁴⁵.

Реализация **эмоциональных стратегий** представлена следующими тактиками:

- тактика позитивных эмоций: *к нам приходит праздник яркий: в гости ждёт «Любимый дом»*. *Уютные подарки все найдут сегодня в нём!* (мебельный салон «Любимый дом»)⁴⁶;
- тактика двусмысленности: *с ней каждое утро доброе! И вкусное! А какие вечера!* «Дриада» – *то, что нас объединяет!* (салон кухонь «Дриада»)⁴⁷;
- тактика положительной самопрезентации: *тут работают профессионалы* (салон «Невеста»)⁴⁸;
- тактика положительных впечатлений: *любовь с первого шага... Красивому дому – шикарный пол!* (магазин «Паркет Холл»)⁴⁹;
- использование юмора: – *Добрый день! Вы мама Змановского? – Да. – Представляете, мне ваш ребенок на уроке показал язык! – Да что вы? – Грамотный, чистый, свободный английский язык! А ведь только первый класс!* (Центр обучения «Толмач»)⁵⁰.

Стратегии в рекламном дискурсе создают устойчивую связь рекламируемого продукта с ярким привлекательным

³⁴ Там же.

³⁵ Студия аудиорекламы «АУДИОГРАД» ...

³⁶ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

³⁷ Студия звукозаписи Voice Media ...

³⁸ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

³⁹ Там же.

⁴⁰ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

⁴¹ Студия аудиорекламы «АУДИОГРАД» ...

⁴² Креативное агентство «Седьмое небо» ...

⁴³ Там же.

⁴⁴ Студия звукозаписи Voice Media ...

⁴⁵ Студия «Прозвучи.RU» ...

⁴⁶ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

⁴⁷ Студия «Прозвучи.RU» ...

⁴⁸ Студия аудиорекламы «АУДИОГРАД» ...

⁴⁹ Креативное агентство «Седьмое небо» ...

⁵⁰ Студия озвучивания «КупиГолос» ...

образом, который помогает потребителю посредством обладания этим продуктом подчеркнуть свою индивидуальность или продемонстрировать определенный социальный статус.

Заключение

В жизни современных людей наблюдаются определенные изменения, связанные с глобализацией общества и демократизацией всех сфер жизни. Трансформация семейных ценностей в общественном сознании обусловлена как экономическими факторами (наблюдается рост количества разводов), так и социальными (увеличивается количество неполных семей), а также навязыванием западных ценностей (все чаще отмечается толерантное отношение к однополым семьям). Несмотря на все эти тенденции, протекающие в современном российском обществе, и вызовы, связанные с ними, в основе рекламного дискурса на радио лежат классические семейные ценности: дом, уют, комфорт, традиции (семейные праздники, путешествия, развлечения). Это свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка классический образ большой многопоколенной семьи остается устойчивым и неизменным. Ценностная картина мира выделяет наиболее существенные для русской

культуры смыслы ценностных доминант и проявляется в экспликации физических, социальных и духовных ценностей.

Анализ текстов выявляет специфику функционирования концепта *семья*, которая выражается в способности концепта комбинировать в себе различные смыслы и восприятия, порождать новые смыслы, выходящие за рамки словарных дефиниций. Ядром концепта является лексема *дом* в значении *совместное жилище для семьи*, центральными компонентами выступают субполе *семья* в значении *группа близких родственников* и субполе *уют* в значении *комфорт, качество жизни*. Интерпретационное поле концепта представлено лексемами *мебель, подарки / игрушки, праздники, развлечения, отдых, спорт, автомобиль*. В процессе функционирования концепт проявляет себя как подвижная система, способная к развитию и расширению количества смыслов и представлений в сознании реципиентов, отражая их индивидуальную картину мира и выявляя потребности и запросы аудитории, эксплицируемые в рекламных текстах.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Короткова А. Н. Формирование имиджа семьи под влиянием средств массовой информации: социологический аспект: дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 217 с.
2. Мищенко В. А. Формирование образа семьи в средствах массовой информации России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 20 с.
3. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 265 с.
4. Терпак М. А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 204 с.
5. Матвеева М. В. Концепт семья и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 249 с.
6. Киреева Е. З. Концепт «семья» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2008. 198 с.
7. Камалетдинова Г. Х. Языковой образ семьи в региональных печатных СМИ: динамический аспект (на материале газет «Республика Башкортостан» и «Вечерняя Уфа»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 25 с.
8. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / науч. ред. И. А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 315 с.
12. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
13. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
14. Манаенко Г. Н. Когнитивные основания информационно-дискурсивного подхода к анализу языковых выражений и текста // Язык. Текст. Дискурс. 2005. № 3. С. 22–32.
15. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
16. Алефиренко Н. Ф., Голованева М. А., Озерова Е. Г., Чумак-Жунь И. И. Текст и дискурс. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2013. 230 с.
17. Дроздова Д. Р. Феномен языкового манипулирования в академическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2016. 25 с.
18. Ткачев М. А. Структурно-семантические характеристики фикциональной картины мира Р. Брэбери: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2017. 20 с.

19. Егорова В. В. Языковая репрезентация концепта «Образование» в англоязычной лингвокультуре: на материале английского массмедийного дискурса XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2018. 25 с.
20. Карасик В. И. О категориях дискурса // Тверской лингвистический меридиан. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 57–68.
21. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1. С. 45–56.
22. Нестерова Н. Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: ТГУ, 2015. 320 с. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8
23. Марьина А. В. Концептуальный анализ рекламного дискурса (на материале концепта «дом») // Медиаскоп. 2015. № 2. Режим доступа: <http://mediascope.ru/?q=node/1736> (дата обращения: 12.12.2020).
24. Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Амири Л. П., Белозерова Е. В., Бобровская Г. В., Ильинова Е. Ю., Ильясова С. В., Жирков А. В., Карабань Н. А., Карасик В. И., Колокольцева Т. Н., Кочетова Л. А., Крюкова И. В., Красовский Н. А., Олянич А. В., Слышкин Г. Г., Шаховский В. И., Шестак Л. А., Якимович Е. В. Рекламный дискурс и рекламный текст. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 10–37.
25. Гаран Е. П. Основные особенности рекламного текста // Концепт. 2016. № Т40. С. 15–18.
26. Смирнов В. В. Реклама на радио. М.: РИП-холдинг, 2003. 129 с.
27. Кошарная Г. Б., Афанасьева Ю. Л. Особенности восприятия потребителями радиорекламы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 4. С. 3–8.
28. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
29. Назайкин А. Н. Рекламный текст в современных СМИ. М.: Эксмо, 2007. 343 с.

original article

The Concept of Family in Advertising Discourse: Linguistic and Pragmatic Aspects

Liudmila V. Sudina

Armavir State Pedagogical University, Russia, Armavir; Kushchevsky Medical College, Russia, Kushchevskaya Stanitsa; <https://orcid.org/0000-0001-6552-9843>; lucysudina@mail.ru

Received 12 Jan 2021. Accepted 7 Apr 2021.

Abstract: The linguacultural concept of family remains understudied in radio advertising. Advertising is a complex socio-cultural phenomenon. Radio advertising lacks visual images: information is provided to the listeners only at the verbal level. The present research featured 800 commercial radio spots with words family, parents, father, mother, child, children, grandparents, and home. The conceptual analysis made it possible to identify the main and additional semantic components, to reveal the value components of the concept, and to consider advertising strategies and tactics. The lexeme of house proved to be the core of the concept; the subfields of family and coziness were the central components. The interpretation field was represented by such lexemes as furniture, gifts / toys, holidays, entertainment, recreation, sports, and car. In radio advertising, the concept discourse appeared to generate new meanings that go beyond its dictionary definitions. The value picture of the world of native Russian speakers highlights the most significant cultural meanings of value dominants, which are represented by the explication of physical, social, and spiritual values.

Keywords: radio advertising discourse, conceptual analysis, linguistic worldview, values, text pragmatics, advertising strategies and tactics

Citation: Sudina L. V. C The Concept of Family in Advertising Discourse: Linguistic and Pragmatic Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 551–559. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-551-559>

Conflict of interests: The author declares no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Korotkova A. N. *Formation of the family image under the influence of the media: sociological aspect*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2007, 217. (In Russ.)

2. Mishchenko V. A. *Formation of the family image in the Russian mass media*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2014, 20. (In Russ.)
3. Rukhlenko N. N. *The concept of "family" in the genre of family pedigrees*. Cand. Philol. Sci. Diss. Belgorod, 2005, 265. (In Russ.)
4. Terpak M. A. *English linguacultural concept "family" and ways of reflecting its connotative content in the language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Samara, 2006, 204. (In Russ.)
5. Matveeva M. V. *Family concept and its representation in Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tambov, 2007, 249. (In Russ.)
6. Kireeva E. Z. *The concept of "family" in Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina"*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tula, 2008, 198. (In Russ.)
7. Kamaletdinova G. Kh. *The linguistic image of the family in regional print media: a dynamic aspect (based on the materials of the newspapers Respublika Bashkortostan and Vechernyaya Ufa)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ufa, 2017, 25. (In Russ.)
8. Dobrovolskaya E. V. *Family conceptualization in the Russian linguistic worldview*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2005. 24 s. (In Russ.)
9. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
10. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Linguacultural concept as a unit of study. *Methodological problems of cognitive linguistics*, ed. Sternin I. A. Voronezh: VGU, 2001, 75–81. (In Russ.)
11. Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST; Vostok-Zapad, 2007, 315. (In Russ.)
12. Aroutiounova N. D. Discourse. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 136–137. (In Russ.)
13. Demyankov V. Z. Text and discourse as terms and as words of everyday language. *Language. Personality. Text*, ed. Toporov V. N. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2005, 34–55. (In Russ.)
14. Manaenko G. N. Cognitive foundations of the information-discursive approach to the analysis of linguistic expressions and text. *Iazyk. Tekst. Diskurs*, 2005, (3): 22–32. (In Russ.)
15. Olyanich A. V. *Presentation discourse theory*. Moscow: Gnozis, 2007, 407. (In Russ.)
16. Alefirenko N. F., Golovaneva M. A., Ozerova E. G., Chumak-Zhun I. I. *Text and discourse*, 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2013, 230. (In Russ.)
17. Drozdova D. R. *The phenomenon of language manipulation in academic discourse*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Maykop, 2016, 25. (In Russ.)
18. Tkachev M. A. *Structural and semantic characteristics of the fictional picture of the world R. Bradbury*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Maykop, 2017, 20. (In Russ.)
19. Egorova V. V. *Linguistic representation of the concept "Education" in the English-speaking linguistic culture: on the material of the English mass media discourse*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnodar, 2018, 25. (In Russ.)
20. Karasik V. I. On the categories of discourse. *Tver linguistic meridian*. Tver: Izd-vo Tver. gos. un-ta, 2007, iss. 7, 57–68. (In Russ.)
21. Dobrosklonskaya T. G. Media discourse within the framework of media linguistics. *Media Linguistics*, 2015, (1): 45–56. (In Russ.)
22. Nesterova N. G. *Modern radio discourse (communicative and pragmatic aspect)*. Tomsk: TGU, 2015, 320. (In Russ.) DOI: 10.17223 / 978-5-7511-2403-8
23. Maryina A. V. Conceptual analysis of advertising discourse (a case study of the concept of home / house). *Mediascope*, 2015, (2). Available at: <http://mediascope.ru/?q=node/1736> (accessed 12 Dec 2020). (In Russ.)
24. Amiri L. P., Belozerova E. V., Bobrovskaya G. V., Ilyinova E. Yu., Ilyasova S. V., Zhirkov A. V., Karaban N. A., Karasik V. I., Kolokoltseva T. N., Kochetova L. A., Kryukova I. V., Krasovskiy N. A., Olyanich A. V., Slyshkin G. G., Shakhovskiy V. I., Shestak L. A., Yakimovich E. V. *Advertising discourse and advertising text*. Moscow: FLINTA, 2011, 10–37. (In Russ.)
25. Garan E. P. The main features of the advertising text. *Koncept*, 2016, (T40): 15–18. (In Russ.)
26. Smirnov V. V. *Advertising on the radio*. Moscow: RIP-kholding, 2003, 129. (In Russ.)
27. Kosharnaya G. B., Afanas'eva Yu. L. Features of consumer perception of radio advertising. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2007, (4): 3–8. (In Russ.)
28. Maslova V. A. *Linguaculture*. Moscow: Akademiia, 2001, 208. (In Russ.)
29. Nazaykin A. N. *Advertising text in modern media*. Moscow: Eksmo, 2007, 343. (In Russ.)

оригинальная статья
УДК 81'23(045)

Речевые тактики комплимента и ответа на комплимент: гендерный аспект

Зульфия Фирдависовна Сунгатуллина
Удмуртский государственный университет, Россия, г. Ижевск;
<https://orcid.org/0000-0002-7312-6697>; zulchic.979@gmail.com

Танзиля Инсафовна Радикова
Удмуртский государственный университет, Россия, г. Ижевск

Поступила в редакцию 14.03.2021. Принята в печать 18.05.2021.

Аннотация: Представлен анализ речевых тактик комплимента и речевых тактик ответа на комплимент среди юношей и девушек в студенческой среде. Речевая тактика комплимента находится под влиянием факторов: ситуация общения, цель общения, отношение адресанта к комплименту, гендерные особенности, особенности культуры. В зависимости от коммуникативной ситуации выделены частотные речевые тактики комплимента: улучшение настроения, поддержка, одобрение, соответствие ситуации. Девушки перечислили больше ситуаций, чем юноши, в которых они говорят комплименты. С учетом цели комплимента девушки намного чаще, чем юноши, используют речевые тактики *комплимент внешности, комплимент тому, что понравилось, комплимент характеру*. Влияние русской культуры на речевую тактику комплимента прослеживается в том, что и юноши, и девушки считают комплимент искренним высказыванием и делают комплимент исключительно родным и друзьям. Речевые тактики ответа на комплимент представлены в виде таких тактик: принятие, принятие с комментарием, шутливый ответ, ответный комплимент, самовосхваление, игнорирование. В официальной ситуации, при равных статусах юноши выбирают речевые тактики ответа на комплимент *шутливый ответ, игнорирование, самовосхваление, принятие с комментарием*. Девушки используют *принятие, принятие с комментарием, ответный комплимент, шутливый ответ*. В официальной ситуации с общением с незнакомым мужчиной юноши используют речевые тактики *принятие с комментарием, игнорирование*, девушки – *принятие, шутливый ответ, самовосхваление*. В официальной ситуации в общении с незнакомой женщиной юноши применяют речевую тактику *игнорирование*, а девушки используют речевые тактики ответа на комплимент: *принятие, шутливый ответ, самовосхваление, ответный комплимент*. В неформальной ситуации, в кругу друзей юноши используют речевые тактики ответа на комплимент *самовосхваление, принятие с комментарием, игнорирование, шутливый ответ*, девушки – *принятие, принятие с комментарием, шутливый ответ, самовосхваление, ответный комплимент*.

Ключевые слова: гендерные особенности, самовосхваление, игнорирование, адресант, адресат, говорящий, прагматический перенос, компетенция, анкетирование

Цитирование: Сунгатуллина З. Ф., Радикова Т. И. Речевые тактики комплимента и ответа на комплимент: гендерный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 560–571. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-560-571>

Введение

Комплимент воздействует на эмоциональное состояние адресата путем выражения положительной оценки его поведения с целью приведения межличностных отношений в состояние равновесия. Адресант формулирует комплимент исходя из многих требований: возраст, статус, ситуация, гендерные особенности. Показателем того, что комплимент успешен, является ответ на комплимент. Адресат реагирует на комплимент: принимает комплимент или отвергает. По реакции можно рассудить: правильно ли был сделан комплимент, отношение самого адресата на данный комплимент (возможно, скромность, низкая оценка адресата влияют на принятие / игнорирование комплимента).

В отечественной лингвистике комплимент рассматривался как речевой акт [1–14], как речевой жанр [15–21] и как речевая тактика [6; 22–27]. В данной статье речевая тактика трактуется как реплика, составленная исходя

из цели высказывания, ситуации общения, информации об адресате и адресанте.

Авторы придерживаются мнения А. Вежбицкой, которая предлагает описание комплимента при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания [5]: *говорю: о тебе можно сказать нечто хорошее; чувствую, что тебе это будет приятно; говорю это, так как хочу, чтобы тебе было приятно*.

Согласимся с О. С. Иссерс, что отличительной чертой комплимента следует считать явную демонстрацию интенции говорящего – его желание сказать нечто приятное собеседнику [25]. Обзор отечественной и зарубежной литературы показал, что до сих пор не существует классификации речевых тактик ответа на комплимент в студенческой

среде на материале русского языка; не дано сопоставление речевых тактик ответа на комплимент в гендерном аспекте посредством анкетирования студентов.

Определим речевую тактику комплимента как оценочное высказывание, направленное на выделение положительных характеристик адресата. Рассмотрим разные типы речевых тактик комплимента в зависимости от ситуации общения, цели общения и адресата комплимента.

Считаем нужным согласиться с классификацией В. И. Карасика, в которой ответ на комплимент подразделяется на согласие и несогласие. Согласие подразделяется на принятие, мотивирование и перевод. Принятие подразделяется на знак и комментарий (простой и завышенный). Несогласие состоит из реагирования и отсутствия реагирования. Реагирование разделено на понижение, вопрос, неприятие, возражение [2].

Влияние гендерных различий на комплимент было отмечено как зарубежными [28–38], так и отечественными учеными [39–43].

При анализе комплиментов и ответов на них становится очевидным факт, что на комплимент оказывают влияние такие факторы, как ситуация общения, статус говорящих, гендерные особенности собеседников, национальные особенности культуры. В настоящем исследовании проанализируем речевые тактики комплимента и речевые тактики ответа на комплимент у юношей и девушек.

Цель исследования состоит в выявлении гендерных предпочтений при выборе речевых тактик комплимента в зависимости от цели комплимента, ситуации, при которой произносится комплимент, адресата комплимента, отношения к комплименту у студентов; а также речевых тактик ответа на комплимент в определенной ситуации и в сопоставлении частотности речевых тактик.

Материал исследования был собран через письменный опрос, задающий ситуацию, на которую студенты должны дать ответ. Опрос состоял из вопросов (*Когда вы делаете комплименты, в какой ситуации? Всегда ли комплименты (сделанные вами) отражают ваше истинное мнение? Почему / Почему нет?*) и 6 ситуаций, которые являются адаптированной версией опросника Хесса Аль Фаласи [44]. Общее число опрошенных – 70 студентов Удмуртского государственного университета (35 юношей и 35 девушек), возраст – 18–20 лет.

Речевые тактики комплимента с точки зрения ситуации общения, цели и адресата комплимента

В данной части выделим частотность речевых тактик ответа на комплимент в зависимости от ситуации, статуса собеседников и гендерных особенностей. Для того чтобы выявить речевые тактики комплимента с точки зрения ситуации общения, мы попросили юношей и девушек ответить на вопрос: *Когда вы делаете комплименты (в какой ситуации)?* При сопоставлении ответов на вопрос мы выделили наиболее частотные речевые тактики комплимента:

■ улучшение настроения

- ▶ Юноши преимущественно давали следующие ответы: *Я делаю комплименты тогда, когда хочу поднять настроение человеку; Говорю комплимент, человек улыбнулся; Мне просто хочется сделать человеку приятное, но в том случае, если это правда; Делаю комплимент, когда хочется обрадовать человека; Это, несомненно, улучшает настроение людей.*
- ▶ Девушки: *Я стараюсь видеть в людях только прекрасное и стараюсь всегда это подметить, чтобы улучшить их настроение; Делаю комплимент, когда вижу, что человек ходит хмурый; Говорю комплимент, чтобы поднять настроение; А иногда хочется просто поднять человеку настроение.*

■ поддержка

- ▶ Юноши: *Высказываю комплимент с целью поддержать человека; Я делаю комплименты, когда считаю, что человеку нужна поддержка; В целях поддержки; Говорю, чтобы человек не сомневался в себе.*
- ▶ Девушки: *Если я хочу поддержать человека; Делаю комплимент, когда чувствую, что человек нуждается в позитивном подкреплении.*

■ одобрение

- ▶ Юноши: *Когда думаю, что нужно похвалить человека; Делаю комплименты, чтобы похвалить.*
- ▶ Девушки: *Делаю комплимент, когда человек что-то очень долго делал и старался; Говорю комплимент, чтобы человек знал, что мне нравится, что он сделал (что надел).*

■ соответствие ситуации

- ▶ Юноши: *Делаю, когда уместно; Комплименты я делаю, когда подходит случай; Делаю комплимент незнакомым людям, чтобы проявить знание этикета.*
- ▶ Девушки: *Делаю комплименты тогда, когда это уместно и близким людям; Делаю комплименты, если это действительно стоит того; Я делаю комплименты в разных ситуациях.*

Наиболее частотные речевые тактики комплимента у юношей: улучшение настроения, поддержка, одобрение, у девушек – соответствие ситуации. Девушки говорят комплименты в разнообразных ситуациях: когда видят какие-то изменения, что-то невероятное, когда у них хорошее настроение, когда хотят подбодрить человека, когда им кажется, что человек хочет получить от них комплимент при встрече. Юноши говорят комплимент, когда хотят выразить симпатию, для начала знакомства.

С точки зрения цели комплимента мы выделили следующие речевые тактики:

■ комплимент внешности

- ▶ Юноши: *Если девушка симпатичная, то ей скажу комплимент; Когда я хочу подчеркнуть особенность его внешности; Комплименты всегда говорю, когда хочется подчеркнуть, что человеку, к примеру, очень идёт эта вещь.*

- ▶ Девушки: Когда мне нравится, как девушка / парень одеты; Когда мне нравится что-то в человеке (ему что-то идёт); Когда что-то очень сильно понравилось или зацепило глаз или когда думаю, что вещь действительно подходит человеку; Делаю комплименты внешности человека; Делаю комплименты, когда нравится внешний вид человека; Делаю комплименты, если просто понравилась вещь, причёска и т. д.; Когда человеку идёт одежда или причёска.
- **комплимент поведению**
 - ▶ Юноши: Когда я хочу подчеркнуть особенность его поведения.
 - ▶ Девушки: Делаю комплименты, если мне действительно что-то нравится (в нём, в его действиях или что-то ещё); Иногда делаю комплимент, если что-то нравится в человеке или в его действиях.
- **комплимент тому, что понравилось**
 - ▶ Юноши: Я говорю комплименты, если действительно мне что-то понравилось; Я делаю комплимент, если действительно вызовет восторг.
 - ▶ Девушки: Когда мне действительно что-то понравилось; Когда мне действительно нравится что-то; Я делаю комплименты, когда мне действительно что-то нравится; Я делаю всегда комплименты, когда мне что-то нравится; Когда нравится что-то в человеке; Когда действительно что-то нравится в человеке.
- **комплимент характеру**
 - ▶ Девушки: Делаю комплимент, если нравится характер.

Девушки намного чаще, чем юноши, используют речевые тактики комплимент внешности, комплимент тому, что понравилось, комплимент характеру (рис. 1).

Проанализировать отношение юношей и девушек к комплименту удалось при помощи ответа на вопрос: Всегда ли комплименты (сделанные вами) отражают ваше истинное мнение? Почему / Почему нет? Мы подразделили ответы

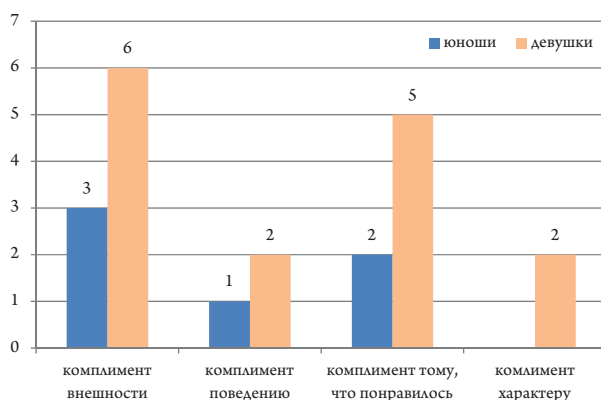

Рис. 1. Сопоставление речевых тактик комплимента у юношей и девушек, количество респондентов

Fig. 1. Comparison of speech tactics used by young men and young women, number of respondents

на категории: всегда считаю комплимент истинным, не всегда считаю комплимент истинным, редко считаю комплимент истинным, никогда не говорю комплимент (рис. 2).

Большинство юношей и девушек считают, что комплименты всегда отражают их истинное мнение. Представим несколько ответов юношей, которые так считают: Комплименты чаще всего отражают моё истинное мнение, т. к. я стараюсь быть честным и искренним; Стараюсь не лгать; Никогда не вру в комплиментах, они отражают моё истинное мнение; В большинстве случаев правду говорю; Надо быть честным; Я думаю, люди чувствуют неискренность, поэтому предпочитаю светскости искренность; Мои комплименты отражают моё истинное мнение.

Мнение юношей, которые считают, что комплименты не всегда отражают истинное мнение: Делаю комплимент из вежливости; Не говорю комплименты просто так; Не всегда; Потому что порой не хочется обидеть человека.

Мнение юношей, которые никогда не делают комплименты: Не делаю комплимент, потому что не хочу обидеть человека; Я считаю комплименты бесполезным подтверждением того, что мы и так знаем.

Среди юношей встретился ответ: Я редко делаю комплименты, потому что мало общаюсь с другими людьми.

Девушки считают, что их комплименты всегда отражают их истинное мнение: Антикомплименты я делать бы не стала; Не думаю, что лезть будет здесь уместной, лучше сказать правду; Мой комплимент – это моё истинное мнение, я не люблю льстить и лукавить; Я предпочитаю не льстить, а говорить правду в большинстве случаев. Не вижу смысла делать комплимент, если что-то не нравится; Делаю комплименты от всего сердца; Лицемерием не увлекаюсь; Всегда, потому что по-другому никак; Всегда искренни, я не умею врать; Мои комплименты всегда отражают истинное мнение, потому что я не пытаюсь никому понравиться или угодить.

Сопоставив ответы респондентов, мы пришли к выводу, что большинство девушек (67 %) и юношей (54 %)

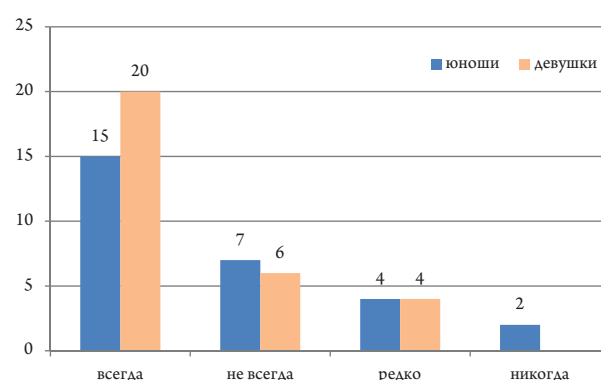

Рис. 2. Отношение юношей и девушек к истинности комплиментов, количество респондентов

Fig. 2. Opinion about how often students make genuine compliments, number of respondents

считают, что комплименты отражают истинное мнение. Небольшое количество девушек (20%) и юношей (25%) утверждают, что не всегда комплименты искренни. Равное количество юношей (13 %) и девушек (13 %) считают, что комплименты редко являются искренними. Несколько юношей (7 %) считают, что комплимент никогда не отражает их истинного мнения.

Анализ ответов показал, что особенности русской культуры отражаются в речевых тактиках: большинство студентов (60 %) говорят комплименты только близким людям (родителям, сестрам или братьям и другим родственникам), остальные (40 %) делают комплименты друзьям и знакомым: *Я редко делаю комплименты, обычно родственникам или близким друзьям; Делаю комплименты при хорошем настроении, обычно только знакомым людям; Делаю комплименты в основном близким людям чаще с сарказмом; Высказываю комплимент знакомым и друзьям только от чистого сердца; Я очень часто делаю комплименты своим друзьям и близким без повода; Я говорю их, потому что моим близким от этого будет приятно.*

Виды речевых тактик ответа на комплимент

Цель данной части исследования состоит в сравнении частотных речевых тактик ответа на комплимент у юношей и девушек в официальных и неофициальных ситуациях. Студентам были предложены шесть ситуаций (четыре официальные и две неофициальные ситуации). Каждая ситуация содержит комплимент, который считается истинным. Ситуации 1, 3, 4 и 6 являются официальными, ситуации 2 и 5 – неофициальными (бытовыми). Отношения между собеседниками различаются в статусе и дистанции (преподаватель – студент, близкие друзья, мама – сын / дочь, незнакомые люди).

Ситуация 1: Вы только что закончили презентацию своего исследовательского проекта. В конце занятия, когда вы почти уже вышли из класса (аудитории), один из ваших одногруппников говорит вам: *Ты хорошо постарался/ась! Мне действительно понравилась твоя презентация.* Получены следующие виды речевых тактик (рис. 3):

■ принятие комплимента

- ▶ Юноши: Спасибо; Ну ок.
- ▶ Девушки: Спасибо; Спасибо большое; Благодарю; Спасибо; 😊; Спасибо) Спасибо 😊.

■ принятие с комментарием

- ▶ Юноши: Спасибо, я рад, что тебе понравилось; Спасибо, я рад, что тебе понравилась моя презентация; Я очень рад; Спасибо, я старался; Спасибо; Задолбался её делать, но, похоже, не зря, Спасибо; Над этим проектом я очень долго трудился, чтобы сделать его намного лучше; Я старался; Спасибо, я очень старался. Юноши также выразили принятие комплимента невербально: Улыбнусь и кивну головой; Улыбнусь данному одногруппнику.

- ▶ Девушки: Рада, что тебе понравилось моё выступление; Большое спасибо, я рада, что тебе понравилось! Спасибо. Я старалась; Спасибо! Я действительно старалась; Спасибо! Мне очень приятно, я старалась; Ой, это так мило, спасибо, я старалась!; Большое спасибо, я очень старалась; Спасибо большое. Мне действительно очень приятно; Спасибо. Мне очень приятно; Спасибо! Мне очень приятно это слышать от тебя; Спасибо. Спасибо, приятно это слышать!; Спасибо, мне приятно. Девушки описали свои действия так: Поблагодарю его; Поблагодарю.

■ ответный комплимент

- ▶ Юноши: Спасибо, неожиданно. Ты тоже крут, бро.
- ▶ Девушки: Спасибо, ты потрясающий!; Мне тоже понравилась презентация; Благодарю, я рада, что тебе понравилось, надеюсь, что у тебя тоже получится.

■ шуточный ответ

- ▶ Юноши: Большое спасибо, может, обсудим её позже?

Всего лишь один студент выбрал речевую тактику ответа *игнорирование*, который вербализуется так: *Не отреагировал бы.*

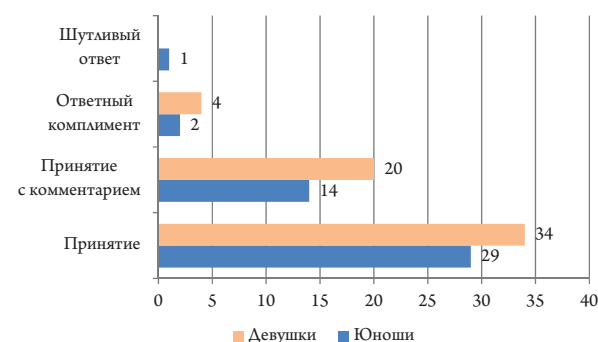

Рис. 3. Речевые тактики ответа на комплимент, ситуация 1, количество ответов

Fig. 3. Speech tactics of compliment responses to Situation 1, number of responses

Ситуация 2: Вы пригласили друзей и родственников на чай и торт, который испекли сами. Кто-то из них говорит вам: *Ммм... очень вкусно!* Получены следующие виды речевых тактик (рис. 4):

■ принятие комплимента

- ▶ Юноши: Спасибо. Невербально: Буду смущенно улыбаться (ничего не смогу сказать); Расскажу рецепт; Предложу ещё порцию, доволен.
- ▶ Девушки: Спасибо 😊; Благодарю. Встречались ответы просто улыбнусь.

■ принятие с комментарием

- ▶ Юноши: Я старался 😊; Не за что. Значит, я не зря потратил время; Я рад, что Вам понравилось;

Спасибо, мне приятно, что Вам понравилось; Я готовил с любовью, спасибо.

- ▶ Девушки: Я старалась; Ради Вас старалась!; Я старалась, чтобы все были довольны; Я рада, что Вам понравилось!; Расскажу как готовила; Скажу, что вкусно; Мне приятно, что тебе понравилось. Буду готовить ещё.

■ самовосхваление

- ▶ Юноши: Сам сделал; Конечно, у меня ведь третий разряд пекаря; А то!; Я знаю.
- ▶ Девушки: Если хотите, то я могу поделиться рецептом; Я знаю. Хе! Это всё потому, что я готовила!

■ шуточный ответ

- ▶ Юноши: Будешь добавку? Могу дать рецепт.
- ▶ Девушки: Если хочешь, буду каждый выходной тебе такой печь; Правда? Это хорошо, что в этом году получилось вкусно. Приходите ещё.

■ игнорирование

- ▶ Юноши: Это неправда!
- ▶ Девушки: В следующий раз попробую делать по другому рецепту.

- ▶ Девушки: Я старалась; Возможно; Что же, может быть, спасибо; Вы так думаете? Спасибо; Неожиданно приятно слышать подобное в свой адрес от незнакомца.

■ шуточный ответ

- ▶ Юноши: Вы так думаете?; Правда?
- ▶ Девушки: Вы так думаете?; Я учту Ваше мнение при конечном выборе. Хе-хе; Думаете? Я тут ещё варианттик присмотрела, может оцените?; Я как раз думала, подходит она мне всё-таки или нет; Да? Тогда нужно брать 😊

■ самовосхваление

- ▶ Девушки: Ооо, я знаю 😊

■ игнорирование

- ▶ Юноши: Вы консультант?; Я натурал!; Пройгнорирую.
- ▶ Девушки: Я промолчу; Что-то неладное заподозрю; Насторожусь; Но мне будет неловко; Игнорирование; Сама разберусь; Промолчу.

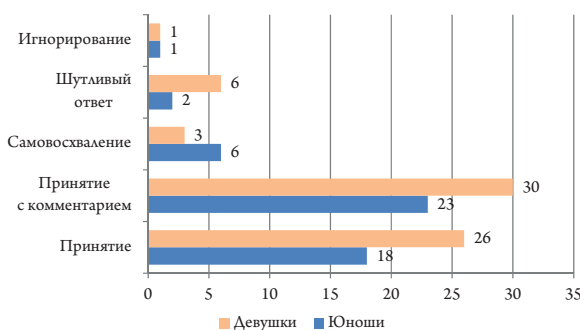

Рис. 4. Речевые тактики ответа на комплимент, ситуация 2, количество ответов

Fig. 4. Speech tactics of compliment responses to Situation 2, number of responses

Ситуация 3: Вы примеряете юбку / брюки в магазине, к вам подходит незнакомый мужчина и говорит: Она / они будет изумительно на вас смотреться! Получены следующие виды речевых тактик (рис. 5):

■ принятие комплимента

- ▶ Юноши: Спасибо большое; Спасибо; Ага; Ок; Мне очень приятно; Хорошо! Юноши прокомментировали невербально: Смущенно улыбнулся; Покиваю головой, закроюсь; Сильно засмущаюсь и поблагодарю его; эмм.
- ▶ Девушки: Спасибо; Спасибо 😊; Благодарю; Мне очень приятно. Невербально: Смущённо скажу спасибо; «Смутилась» – эмм спасибо; Улыбнусь и поблагодарю его за внимание и помощь в выборе.

■ принятие с комментарием

- ▶ Юноши: Спасибо за Ваше мнение; Ну, допустим; Учту Ваше мнение; Окей, куплю их; Возможно.

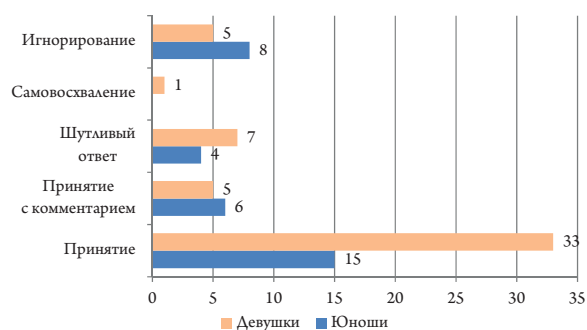

Рис. 5. Речевые тактики ответа на комплимент, ситуация 3, количество ответов

Fig. 5. Speech tactics of compliment responses to Situation 3, number of responses

Ситуация 4: Вы примеряете юбку / брюки в магазине, к вам подходит незнакомая женщина и говорит: Она / они будет изумительно на вас смотреться! Получены следующие виды речевых тактик (рис. 6):

■ принятие комплимента

- ▶ Юноши: Спасибо; Хорошо; Эмм; Ага. Невербально: Кивну головой, закроюсь.
- ▶ Девушки: Спасибо; Спасибо 😊; Спасибо большое; Спасибо за ваш совет; Спасибо за ваше мнение; Благодарю; Приятно; Приятно это слышать. Невербально: Улыбнусь, смущённо поблагодарю.

■ шуточный ответ

- ▶ Юноши: Думаете?; Вы так думаете?; Тогда беру две!; Да? Я учту Ваше мнение; Может быть, но я ещё примерю другие брюки; Покажу ей другой вариант и спрошу «А эти?»; Пожалуй, возьму их; Возможно.

- Девушки: Да?; Правда?; Вы думаете?; Надеюсь; Возьму их в примерочную; Мадам, спасибо; Соглашусь с Вами; В этой ситуации мне неловко; Прислушаюсь к её мнению; Я как раз думала, подходит она ко мне всё-таки или нет; Я подумаю, брать или нет; Познакомимся?

■ ответный комплимент

- Юноши: Мне кажется, что на Вас они тоже смотрелись бы привлекательно. Один юноша ответил: Сделаю комплимент в ответ.
- Девушки: И Вам очень идёт эта кофточка!; У вас замечательный шарф. Одна девушка написала: Сделаю ответный комплимент.

■ игнорирование

- Юноши: Я вижу!; это неправда; Проигнорирую; Промолчу.
- Девушки: Промолчу; Проигнорирую.

Речевая тактика самовосхваления встретила в ответе у девушек: Спасибо. Я знаю 😊

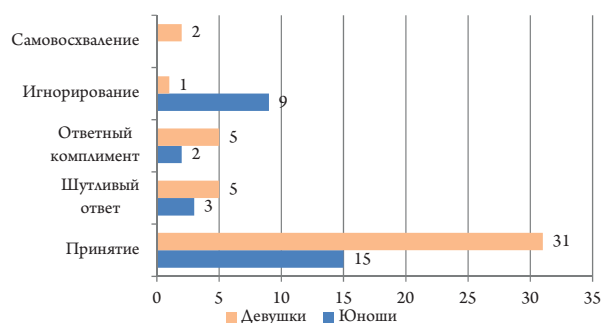

Рис. 6. Речевые тактики ответа на комплимент, ситуация 4, количество ответов

Fig. 6. Speech tactics of compliment responses in Situation 4, number of responses

Ситуация 5: К вам домой пришли друзья. Один из них смотрит на часы, которые висят на стене и говорит: Мне нравятся твои часы, они хорошо смотрятся в твоей гостиной! Получены следующие виды речевых тактик (рис. 7):

■ принятие комплимента

- Юноши: Спасибо большое; Спасибо; Эмм Хорошо; Ладно; Мне приятно.
- Девушки: Спасибо; Спасибо большое; Благодарю; Спасибо, что обратил внимание; Ага 😊

■ принятие с комментарием

- Юноши: Рассказать историю часов; Эти часы сделаны под стиль гостиной; Специально подобрал дизайн гостиной под эти прекрасные часы; Они задают тон всей комнате; Я долго выбирал; Мы сарались сделать свой дом уютным; Я тщательно выбирал; Это специальный заказ, они очень красивые. А ещё они весьма точные.

- Девушки: Они хорошо вписываются в интерьер; Да, мне тоже нравятся; Я старалась подобрать их под интерьер; Я выбирала под интерьер.

■ шутливый ответ

- Юноши: Видимо, наши вкусы схожи; Но у меня нет часов...; Давай тебе продам; Наверное, я наугад повесил; Ничего не смысло в планировке; Держи в курсе!; Это мама купила 😊; Не продам; Я ненавижу эти часы, если хочешь с трудом засыпать от тиканья – забирай (шутка, конечно же).
- Девушки: Можешь забрать себе; Мне приятно; Мне приятно и часам тоже (Посмеялась).

■ самовосхваление

- Юноши: Я знаю; Я знаю, специально выбирал; Мне тоже нравится; Да, мне тоже они нравятся.
- Девушки: Я очень долго выбирала эти часы; Я рада, что они нравятся не только мне; Они мои любимые; Они тоже очень нравятся; Да, я выбирала тщательно; Мне тоже безумно нравятся эти часы; Я сама оформляла интерьер; Я долго выбирала; Не зря я долго искала в магазине.

■ ответный комплимент

- Девушки: Я рада, что ты это оценил; Я рада, что тебе понравилось; А ты сегодня тоже хорошо выглядишь.

■ игнорирование

- Юноши: Проигнорирую; Промолчу; Не отреагировал бы.
- Девушки: Проигнорирую.

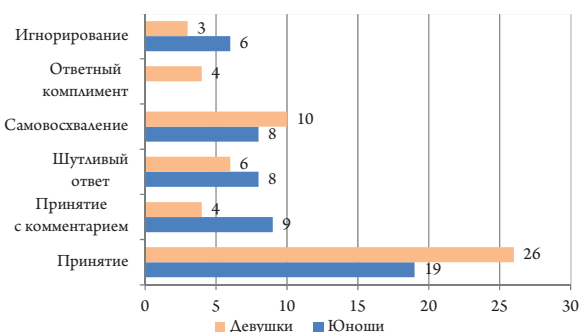

Рис. 7. Речевые тактики ответа на комплимент, ситуация 5, количество ответов

Fig. 7. Speech tactics of compliment responses to Situation 5, number of responses

Ситуация 6: Вы надели новую рубашку / блузку, ваш одноклассник смотрит на вас и говорит: Эта рубашка / блузка замечательно выглядит на тебе! Тебе очень идет голубой цвет. Получены следующие виды речевых тактик (рис. 8):

■ принятие комплимента

- Юноши: Спасибо; Спасибо за комплимент; Ок; Премного благодарен; Супер. Юноши объяснили состояние так: Улыбнусь; Смушусь, благодарю.

- ▶ Девушки: Спасибо; Спасибо большое; Благодарю; Удивлюсь вниманию со стороны одноклассника и поблагодарю его. Невербально: Засмущаюсь «улыбнулась»; Засмущала; Засмущалась.
- **принятие с комментарием**
 - ▶ Юноши: Хорошо, мне очень важно твоё мнение; Очень приятно.
 - ▶ Девушки: Это мой любимый цвет; Я люблю синий; Очень приятно.
- **самовосхваление**
 - ▶ Юноши: Я знаю; Мне тоже нравится; Мне тоже она нравится; Я тоже так думаю, спасибо; Я подбирал рубашку под свой цвет глаз, а он зелёный.
 - ▶ Девушки: Я знаю; Я так и знала 😊
- **шутливый ответ**
 - ▶ Юноши: Ты так думаешь?; Круто!
 - ▶ Девушки: Хочешь примерить?; Раньше не носила голубой, не думала, что мне пойдёт; Это так мило и неожиданно.
- **ответный комплимент**
 - ▶ Юноши: Тебе тоже идёт твоя одежда.
 - ▶ Девушки: Спасибо, что обратил внимание; Мадам / сэр, вам тоже идёт голубой, не думаете, что это судьба?
- **игнорирование**
 - ▶ Юноши: Ты так считаешь?; Мне не очень нравится; Спасибо, но мне больше нравится красный; Значит в следующий раз надену что-либо другое; Промолчу.
 - ▶ Девушка: А мама всегда говорит, что мне жёлтый цвет к лицу.

Рассмотрим частотность речевых тактик ответа на комплимент в зависимости от ситуации общения и статуса собеседников. Представим информацию по официальным ситуациям 1 и 6, в которых статусы собеседников равны (рис. 9). Юноши больше используют речевые тактики *принятие с комментарием*, *игнорирование*, *самовосхваление*. В данной ситуации девушки применяют *принятие*, *принятие с комментарием*, *ответный комплимент*. В равной

степени и девушки, и юноши используют речевую тактику ответа на комплимент *шутливый ответ*.

В неофициальных ситуациях 2 и 5, в которых собеседники имеют равный статус, юноши в основном пользуются следующими речевыми тактиками ответа на комплимент: *принятие с комментарием*, *шутливый ответ*, *игнорирование*; девушки предпочитают речевые тактики *принятие*, *принятие с комментарием*, *шутливый ответ*, *ответный комплимент*. И юноши, и девушки используют речевую тактику ответа на комплимент *самовосхваление* (рис. 10).

В официальных ситуациях 3 и 4, в которых участники общения имеют равный статус, юноши используют такие речевые тактики ответа на комплимент, как *игнорирование* и *принятие с комментарием*, девушки – *принятие*, *шутливый ответ*, *самовосхваление*, *ответный комплимент* (рис. 11).

Заключение

Речевая тактика комплимента – это оценочное высказывание, направленное на выделение положительных характеристик адресата. В зависимости от ситуации общения нами выделены наиболее частотные речевые тактики комплимента: у юношей – *улучшение настроения, под-*

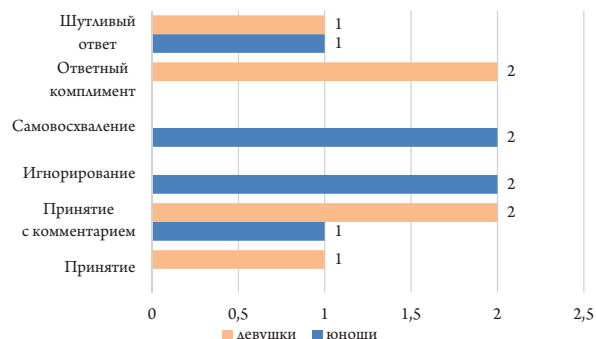

Рис. 9. Частотность речевых тактик в официальных ситуациях с равным статусом собеседников

Fig. 9. Frequency of speech tactics in official situation with equal status

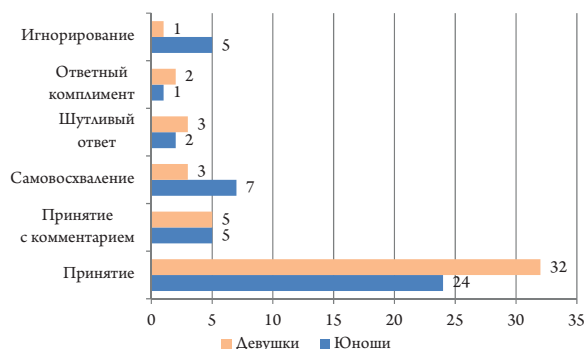

Рис. 8. Речевые тактики ответа на комплимент, ситуация 6, количество ответов

Fig. 8. Speech tactics of complement responses to Situation 6, number of responses

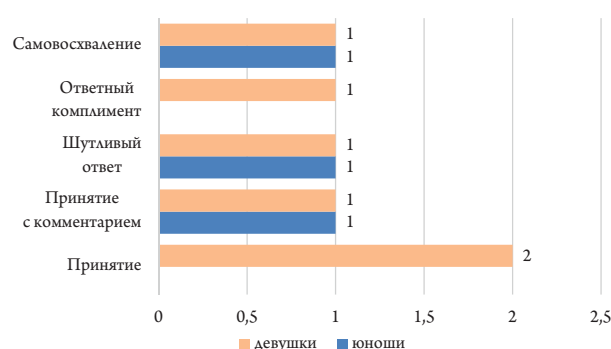

Рис. 10. Частотность речевых тактик в неофициальных ситуациях с равным статусом собеседников

Fig. 10. Frequency of speech tactics in unofficial situation with equal status

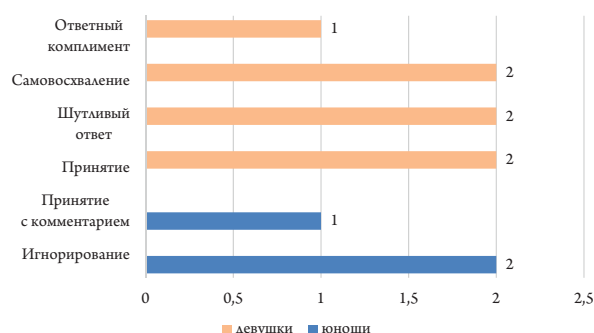

Рис. 11. Частотность речевых тактик в официальных ситуациях с неравным статусом собеседников

Fig. 11. Frequency of speech tactics in official situation with unequal status

держка, одобрение, у девушек наиболее частотна речевая тактика комплимента *соответствие ситуации*. Девушки говорят комплименты в разнообразных ситуациях: когда видят какие-то изменения, что-то невероятное, когда у них хорошее настроение, когда хотят подбодрить человека, когда им кажется, что человек хочет получить от них комплимент при встрече. Юноши говорят комплимент, когда хотят выразить симпатию, для начала знакомства. В зависимости от цели комплимента оказалось, что девушки намного чаще, чем юноши, используют речевые тактики *комплимент внешности, комплимент тому, что понравилось, комплимент характеру*.

Большинство девушек (67 %) и юношей (54 %) считают, что комплименты отражают истинное мнение. Небольшое количество девушек (20 %) и юношей (25 %) утверждают, что не всегда комплименты искренни. Равное количество юношей (13 %) и девушек (13 %) полагают, что комплименты редко являются искренними. Несколько юношей (7 %) считают, что комплимент никогда не отражает истинного мнения.

В речевых тактиках отражаются особенности русской культуры: большинство студентов (60 %) отметили, что комплементы говорят только близким людям (родителям, сестрам или братьям и другим родственникам), остальные (40 %) делают комплименты друзьям и знакомым.

Анализируя реакцию юношей и девушек на шесть ситуаций, мы обнаружили:

- в официальной ситуации, в которой статусы равны, юноши склонны использовать речевую тактику ком-

плимента *шутливый ответ*, речевые тактики *игнорирование, самовосхваление, принятие с комментарием*. Девушки чаще, чем юноши, используют такие речевые тактики ответа на комплимент, как *принятие, принятие с комментарием, ответный комплимент, шутливый комплимент*;

- в официальной ситуации общения с незнакомым мужчиной (неравный статус: мужчина и девушка или юноша) юноши используют речевые тактики *принятие с комментарием, игнорирование*, девушки склонны к большему разнообразию речевых тактик ответа на комплимент: *принятие, шутливый ответ, самовосхваление*;
- в официальной ситуации в общении с незнакомой женщиной (неравный статус: женщина общается с девушкой или юношей) юноши чаще применяют речевую тактику *игнорирование*. Девушки в данной ситуации склонны использовать речевые тактики ответа на комплимент *принятие, шутливый ответ, самовосхваление, ответный комплимент*;
- в неформальной ситуации, в кругу друзей и родных (собеседники равного статуса), юноши используют речевые тактики ответа на комплимент *самовосхваление, принятие с комментарием, игнорирование, шутливый ответ*, девушки – *принятие комплимента, принятие с комментарием, шутливый ответ, самовосхваление, ответный комплимент*.

Сопоставляя полученные данные при анкетировании, мы пришли к выводу, что на речевую тактику комплимента влияют разные факторы, такие как ситуация общения, цель общения, отношение адресанта к комплименту и гендерные особенности, а также прослеживается влияние русской культуры (считают комплимент искренним высказыванием и делают комплимент исключительно родным и друзьям). Считаем, что гендерные особенности, ситуация общения и статус собеседников оказывают влияние на выбор речевых тактик ответа на комплимент.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А., Красухин К. Г., Крылов С. А., Падучева Е. В., Радзиевская Т. В., Шмелев А. Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модалность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 23–36.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 329 с.
3. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Винокур Т. Г., Гловинская М. Я., Голанова Е. И., Ермакова О. П., Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.

4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий: мат-лы конф. (май 1993 г.) М.: Наука, 1994. С. 49–59.
5. Вежицка А. Речевые жанры // Жанры речи / отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов: Колледж, 1997. С. 99–111.
6. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
7. Серебрякова Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 23 с.
8. Мурашкина Э. В. Комплимент как регулятивный речевой акт (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 152 с.
9. Агаркова О. А. Прагматические аспекты комплимента как формы речевого этикета: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 133 с.
10. Мосолова И. Ю. Комплиментарные высказывания с позиций теории речевых актов (на материале французского, русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 224 с.
11. Вострикова Е. С. Комплимент как одна из форм фатического общения: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 177 с.
12. Варфоломеева И. В., Кулемина К. В. Речевые акты похвалы / комплимента с позиции теории речевых актов в английской и русской коммуникативных культурах // Альманах современной науки и образования. 2013. № 1. С. 30–32.
13. Нгуен Т. Х. Комплимент и способы его приема в современной русской и вьетнамской коммуникативной культуре: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 237 с.
14. Карташкова Ф. И., Мальцева Н. Б., Князева А. А. Комплимент как интенциональное состояние и как манипулятивный прием // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 106–114. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-106–114
15. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
16. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение», «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры / отв. ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 73–94.
17. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи / отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов: Колледж, 1997. С. 31–34.
18. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Изд-во Саратов. пед. института, 1998, 107 с.
19. Леонтьев В. В. Комплимент как жанр личностного типа дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 200–207.
20. Мудрова Е. В. Комплимент как первичный речевой жанр: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2007. 141 с.
21. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 440 с.
22. Германова Н. Н. Коммуникативная стратегия комплимента и проблемы типологии речевых этикетов // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. 1993. № 416. С. 27–39.
23. Кляев Е. В. Речевая коммуникация. М.: Приор, 1998. 224 с.
24. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
25. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. М.: КомКнига. 2006. 288 с.
26. Галимова З. Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного образа» женщины-собеседницы: на материале ток-шоу: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 168 с.
27. Коробова Н. В., Цыбина Н. А. Тактика комплимента в англоязычном общении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-1. С. 119–123. DOI: 10.30853/filnauki.2018-5-1.25
28. Wolfson N. The social dynamics of native and nonnative complimenting behavior // The dynamic interlanguage / ed. M. R. Eisenstein. N. Y.: Plenum Press, 1989. P. 219–236. DOI: 10.1007/978-1-4899-0900-8_14
29. Tannen D. You just don't understand: women and men in conversation. William Morrow Paperbacks, 2007. 342 p.
30. Herbert R. K. Sex-based differences in compliment behavior // Language in Society. 1990. Vol. 19. № 2. P. 201–224.
31. Miles P. Compliments and gender // University of Hawai'i Occasional Paper Series. 1994. № 26. P. 85–137.
32. Lorenzo-Dus N. Compliment responses among British and Spanish university students: a contrastive study // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. № 1. P. 107–127. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00127-7
33. Farghal M., Al-Khatib V. A. Jordanian college students' responses to compliments: a pilot study // Journal of Pragmatics. 2001. Vol. 33. № 9. P. 1485–1502. DOI: 10.1016/S0378-2166(01)00006-6
34. Sifinou M. "Oh, How appropriate!" Compliments and politeness // Linguistic Politeness across Boundaries: The Case of Greek and Turkish / eds. A. Bayraktaroglu, M. Sifinou. John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 391–430. DOI: 10.1075/pbns.88.14sif

35. Matsuura H. Compliment-giving behavior in American English and Japanese // *JALT Journal*. 2004. Vol. 26. № 2. P. 147–170. DOI: 10.37546/JALTJJ26.2-2
36. Holmes J. Compliments and compliment responses in New Zealand English // *Anthropological Linguistics*. 1989. Vol. 28. № 4. P. 458–508.
37. Cordella M., Large H., Pardo V. Complimenting behavior in Australian English and Spanish speech // *Multilingua: Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*. 1995. Vol. 14. № 3. P. 235–252. DOI: 10.1515/mult.1995.14.3.235
38. Wieland M. Complimenting behavior in French / American cross-cultural dinner conversations // *The French Review*. 1995. Vol. 68. № 5. P. 796–812.
39. Гришаева Л. И. Объект комплимента в гендерном измерении // *Гендер: язык, культура, коммуникация: сб. тр. Первой Междунар. конф. (Москва, 25–26 ноября 1999 г.)* М.: МГЛУ, 2001. С. 152–161.
40. Леонтьев В. В. Комплименты как компоненты формул приветствия и благодарности (на материале английского языка) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2006. № 5. С. 132–137.
41. Беляева-Станден Е. И. Гендерные особенности комплимента россиян // *Вопросы психолингвистики*. 2006. № 4. С. 155–170.
42. Куракина Н. А. Прагматический аспект гендерных комплиментарных высказываний представителей английской лингвокультуры // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2016. № 4. С. 35–41.
43. Семенова Е. А. Гендерная специфика комплимента // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч. конф., посв. памяти д. ф. н., проф. К. А. Войловой. (Москва, 27 февраля 2017 г.)* М.: МГОУ, 2017. С. 263–267.
44. Hessa Al Falasi. Just say "Thank you": A study of compliment responses // *The Linguistics Journal*. 2007. Vol. 2. № 1. P. 28–42.

original article

Speech Tactics of Compliments and Compliment Responses in Gender Perspective

Zulfiya F. Sungatullina;

Udmurt State University, Russia, Izhevsk; <https://orcid.org/0000-0002-7312-6697>; zulchic.979@gmail.com

Tanzilya I. Radikova

Udmurt State University, Russia, Izhevsk

Received 14 Mar 2021. Accepted 18 May 2021.

Abstract: The present research featured the speech tactics of compliment and response to compliments in young interlocutors. The speech tactics of compliment usually depend on the following factors: communicative goal, communicative situation, speaker's attitude, gender roles, cultural impact, etc. Depending on the communicative situation, the most frequent speech tactics were: to raise the mood of the recipient, to support them, to show one's approval, or just because it was appropriate. Young female respondents were able to mention much more situations when they usually make compliments than male respondents. Depending on the communicative objective, young women much more often made compliments about one's appearance, something they liked, or one's character. The impact of Russian culture seems to be in the following opinion voiced by the respondents: compliments must be genuine, so they usually give compliments only to family and friends. There are different speech tactics of compliment responses: acceptance, acceptance with a comment / joke / reciprocal compliment, self-glorification, ignoring, etc. In an official situation where the interlocutors had equal status, the young men chose to answer with a joke / comment, to ignore the compliment, or used the tactic of self-glorification. The female respondents used such speech tactics as acceptance, acceptance with a comment, a reciprocal compliment, or a joke. While talking to male strangers in an official situation, the young men used the tactic of acceptance with a comment or ignored the compliment, while the young women tended to accept the compliment, answer with a joke, or use self-glorification tactic. When the young men were talking to a woman-stranger, they ignored the compliment, whereas the young women accepted it, answered with a joke, used self-glorification, or returned the compliment. In an informal situation, the young men ignored the compliment, demonstrated self-glorification, accepted the comment, or answered with a joke; the young women preferred acceptance with or without a comment or a joke, self-glorification, or a reciprocal compliment.

Keywords: gender characteristics, self-praise, ignorance, addressee, speaker, pragmatic transfer, competence, questioning

Citation: Sungatullina Z. F., Radikova T. I. Speech Tactics of Compliments and Compliment Responses in Gender Perspective. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 560–571. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-560-571>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Aroutiounova N. D., Bulygina T. V., Kibrik A. A., Krasukhin K. G., Krylov S. A., Paducheva E. V., Radzievskaya T. V., Shmelev A. D. *Human factor in language. Communication, modality, and deixis*. Moscow: Nauka, 1992, 23–36. (In Russ.)
2. Karasik V. I. *Language social status*. Moscow: In-t iazykoznaniiya RAN, 1992, 329. (In Russ.)
3. Vinokur T. G., Glovinskaya M. Ya., Golanova E. I., Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect*. Moscow: Nauka, 1993, 158–218. (In Russ.)
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Evaluating speech acts from outside and from inside. *Logical analysis of language. Language of speech actions: Proc. Conf.*, May 1993. Moscow: Nauka, 1994, 49–59. (In Russ.)
5. Wierzbicka A. Speech genres. *Speech genres*, ed. Goldin V. E. Saratov: Kolledzh, 1997, 99–111. (In Russ.)
6. Formanovskaya N. I. *Communicative-pragmatic aspects of communication units*. Moscow: In-t rus. iaz. im. A. S. Pushkina, 1998, 291. (In Russ.)
7. Serebryakova R. V. *National specificity of speech acts of compliment and praise in Russian and English communicative cultures*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2002, 23. (In Russ.)
8. Murashkina E. V. *Compliment as a regulatory speech act (based on the English language)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 152. (In Russ.)
9. Agarkova O. A. *Pragmatic aspects of a compliment as a form of a speech act*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2004, 133. (In Russ.)
10. Mosolova I. Iu. *Complimentary statements from the standpoint of the theory of speech acts (based on French, Russian, and English)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 224. (In Russ.)
11. Vostrikova E. S. *Compliment as a form of phatic communication*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2009, 177. (In Russ.)
12. Varfolomeeva I. V., Kulemina K. V. Speech acts of praise / compliment from the perspective of the theory of speech acts in English and Russian communicative cultures. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2013, (1): 30–32. (In Russ.)
13. Nguyen T. H. *Compliment and ways to receive it in modern Russian and Vietnamese communicative culture*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2014, 237. (In Russ.)
14. Kartashkova F. I., Maltseva N. V., Knyazeva A. A. Compliment as intentional state and a manipulative device. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, 8(1): 106–114. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-106-114
15. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Aesthetics of the written words*. Moscow: Iskusstvo, 1986, 237–280. (In Russ.)
16. Fedosyuk M. Iu. Fedosyuk M. Yu. Complex genres of colloquial speech: "consolation", "persuasion", "persuasion". *Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture*, ed. Matveeva T. V. Ekaterinburg: ARGO, 1996, 73–94. (In Russ.)
17. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Speech genres*, ed. Goldin V. E. Saratov: Kolledzh, 1997, 31–34. (In Russ.)
18. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sociopragmatic aspect of the theory of speech genres*. Saratov: Izd-vo Sarat. ped. instituta, 1998, 107. (In Russ.)
19. Leontyev V. V. Compliment as a genre of personal type of discourse. *Language personality: institutional and personal discourse*, eds. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Volgograd: Peremena, 2000, 200–207. (In Russ.)
20. Mudrova E. V. *Compliment as a primary speech genre*. Cand. Philol. Sci. Diss. Taganrog, 2007, 141. (In Russ.)
21. Sedov K. F. *General and anthropocentric linguistics*. Moscow: Izd. dom IaSK, 2016, 440. (In Russ.)
22. Germanova N. N. Communicative strategy of compliment and problems of typology of speech etiquette. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1993, (416): 27–39. (In Russ.)
23. Kliuev E. V. *Speech communication*. Moscow: Prior, 1998, 224. (In Russ.)
24. Larina T. V. *Politeness category in English and Russian communicative cultures*. Moscow: Izd-vo RUDN, 2003, 315. (In Russ.)
25. Issers O. S. *Communication strategies and tactics of Russian speech*, 4th ed. Moscow: KomKniga, 2006, 288. (In Russ.)
26. Galimova Z. F. *Compliment and praise tactics in constructing a "positive image" of a woman interlocutor: based on talk show material*. Cand. Philol. Sci. Diss. Izhevsk, 2009, 168. (In Russ.)
27. Korobova N. V., Tsybina N. A. Tactics of compliment in the English communication. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (5-1): 119–123. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2018-5-1.25

28. Wolfson N. The social dynamics of native and nonnative complimenting behavior. *The dynamic interlanguage*, ed. M. R. Eisenstein. N. Y.: Plenum Press, 1989, 219–236. DOI: 10.1007/978-1-4899-0900-8_14
29. Tannen D. *You just don't understand: women and men in conversation*. William Morrow Paperbacks, 2007, 342.
30. Herbert R. K. Sex-based differences in compliment behavior. *Language in Society*, 1990, 19(2): 201–224.
31. Miles P. Compliments and gender. *University of Hawai'i Occasional Paper Series*, 1994, (26): 85–137.
32. Lorenzo-Dus N. Compliment responses among British and Spanish university students: a contrastive study. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(1): 107–127. DOI: 10.1016/S0378-2166(99)00127-7
33. Farghal M., Al-Khatib V. A. Jordanian college students' responses to compliments: a pilot study. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33(9): 1485–1502. DOI: 10.1016/S0378-2166(01)00006-6
34. Sifinou M. "Oh, How appropriate!" Compliments and politeness. *Linguistic Politeness across Boundaries: The Case of Greek and Turkish*, eds. Bayraktaroğlu A., Sifinou M. John Benjamins Publishing Company, 2001, 391–430. DOI: 10.1075/pbns.88.14sif
35. Matsuura H. Compliment-giving behavior in American English and Japanese. *JALT Journal*, 2004, 26(2): 147–170. DOI: 10.37546/JALTJJ26.2-2
36. Holmes J. Compliments and compliment responses in New Zealand English. *Anthropological Linguistics*, 1989, 28(4): 458–508.
37. Cordella M., Large H., Pardo V. Complimenting behavior in Australian English and Spanish speech. *Multilingua: Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, 1995, 14(3): 235–252. DOI: 10.1515/mult.1995.14.3.235
38. Wieland M. Complimenting behavior in French / American cross-cultural dinner conversations. *The French Review*, 1995, 68(5): 796–812.
39. Grishaeva L. I. The object of a compliment in the gender dimension. *Gender: language, culture, and communication: Proc. First Intern. Conf., Moscow, 25–26 Nov 1999*. Moscow: MGLU, 2001, 152–161. (In Russ.)
40. Leontyev V. V. Compliments as components of the formulas of greeting and gratitude (based on the English language). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2006, (5): 132–137. (In Russ.)
41. Belyaeva-Standen Ye. I. Gender characteristics of the compliment of Russians. *Journal of Psycholinguistics*, 2006, (4): 155–170. (In Russ.)
42. Kurakina N. A. Pragmatic aspects of gender-specific compliments in the English linguistic culture. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2016, (4): 35–41. (In Russ.)
43. Semenova E. A. Gender specific of compliment. *Russian language in Slavic intercultural communication: Proc. Intern. Sci. Conf., dedicated to the memory of Prof. K. A. Voilova, Dr. Philol. Sci., Moscow, 27 Feb 2017*. Moscow: MGOU, 2017, 263–267. (In Russ.)
44. Hessa Al Falasi. Just say "Thank you": A study of compliment responses. *The Linguistics Journal*, 2007, 2(1): 28–42.

оригинальная статья
УДК 811.161.1

Синонимические средства объективации концептов *упорство* и *упрямство* в русском языке

Лили Сюй

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород; <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>; lili1324559882@outlook.com

Поступила в редакцию 01.03.2021. Принята в печать 14.04.2021.

Аннотация: В данной статье в свете современной когнитивной лингвистики синонимы рассматриваются как одно из важнейших средств языковой категоризации и концептуализации мира. Исследуется синонимическая парадигма реализации концептов *упорство* и *упрямство* в русском языке. На основе ряда словарей синонимов выявлено 65 синонимов слов *упорство* и *упрямство* (настойчивость, твердость, сила воли, своеволие, несговорчивость, неуступчивость и т. д.). Посредством анализа семантических особенностей этих синонимов устанавливается основной состав синонимических микрополей *упорство* и *упрямство* и раскрываются признаки изучаемых концептов. Результат исследования показывает, что оба концепта принадлежат к тематической категории *черта характера* и тесно связаны с волевой деятельностью человека. Оба могут выражать такое свойство, как стремление не поддаваться внешнему воздействию. Различие заключается в том, что концепт *упорство* акцентирует стремление к достижению цели, приложение усилий в трудовой деятельности, стремление не отступать перед трудностями, а в содержании концепта *упрямство* выражается преимущественно отстаивание своей позиции, отказ от уступок, склонность действовать по своей воле, стремление не поддаться чужому воздействию, управлению, регулированию, руководству, требованиям дисциплины. В оценочном аспекте в содержании концепта *упорство* в основном подчеркиваются положительные свойства, такие как терпение, выдержка, самообладание и т. д. В содержании концепта *упрямство* репрезентируются преимущественно отрицательно-оценочные компоненты – глупость, задиристость и бессмысленность.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептосфера, номинативная плотность, парадигма, синонимическое поле, лексическая семантика, когнитивный признак

Цитирование: Сюй Л. Синонимические средства объективации концептов *упорство* и *упрямство* в русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 572–581. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-572-581>

Введение

Синонимия как универсальное языковое явление уже давно занимает центральное место в лингвистических исследованиях. В рамках традиционной системно-структурной парадигмы синонимия считается одним из главных средств отражения системного отношения языковых единиц. В русле антропоцентрической лингвистики она исследуется не просто как лингвистическое, но и как познавательное, культурное явление. В семантике синонимических единиц отражается национально-культурная специфика концептуализации знаний об окружающем мире [1, с. 275; 2, с. 112; 3, с. 210]. По мнению А. С. Нусупбековой, синонимия является «результатом мыслительных процессов» [4, с. 35], имеет тесную связь с познавательной деятельностью человека. Такое явление «может и должно рассматриваться в контексте когнитивной лингвистики» [5, с. 93]. В современных концептуальных исследованиях анализ синонимических отношений лексических единиц уже признается необходимым методом изучения содержания тех или иных концептов [1; 6–10]. По определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, содержание

концепта – это «совокупность когнитивных признаков, отражающих отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления» [11, с. 81]. М. В. Пименова использует термин *структура концепта* и определяет его как «совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [12, с. 114; 13, с. 131]. Ученые отмечают, что синонимы представляют собой «важнейший инструмент уточнения актуальной информации концепта» [14, с. 21]. Они являются «первостепенным источником материала для составления максимально полного представления о концепте и получения детального описания его содержания и структуры» [15, с. 86].

Цель – выявить особенности репрезентации концептов *упорство* и *упрямство* синонимическими средствами в русском языке. Задачи исследования: рассмотреть основные характеристики синонимов и синонимической сети; установить и систематизировать синонимическую парадигму лексем *упорство* и *упрямство*; проанализировать признаки концептов *упорство* и *упрямство* на основе

изучения семантических особенностей полученных синонимических единиц. Актуальность исследования обусловлена рядом причин: 1) повышенным интересом к языковому моделированию внутреннего мира человека в современной лингвистике; 2) значимостью концептов *упорство* и *упрямство* в русской национальной концептосфере; 3) необходимостью изучения языковой репрезентации этих концептов в аспекте семантико-когнитивного подхода. Новизна исследования состоит в том, что впервые рассматриваются синонимические средства объективации концептов *упорство* и *упрямство* в русском языке.

Концепт, представляя собой дискретное ментальное образование, несет «комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении» [11, с. 24]. М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева отмечают, что «концепт объединяет в себе все признаки, существующие для характеристики объекта в определенном языковом коллективе, как базовые, так и периферийные, как универсальные, так и национально-специфичные и даже индивидуально-личностные» [12, с. 62]. Несмотря на ментальную природу концепта, «описание его структуры и признаков, составляющих его структуру, возможно только с помощью языка» [16, с. 17]. Концептуализация мира как «двухступенчатый процесс: восприятие (перцептивное выделение объекта познания) и осознание (наделение объекта познания смыслом)» происходит в большей степени в зависимости от языка [17, с. 51]. Цель концептуального анализа заключается в «выявлении концептов в их двоякой функции: 1) как оперативных единиц сознания и 2) как значений языковых знаков, т. е. ментальных образований, "схваченных" языком» [13, с. 127; 17, с. 52].

Как известно, языковая единица обладает значением и смыслом. Предметное значение – «категория общественная, стабильная, постоянная части содержания языкового знака», а смысл в качестве осмысленного предмета представляет собой «категорию лингвокультурологическую, личностную, ситуативную, вариативную, переменную часть семантики знака, связанную с дискурсивной интерпретацией и актуализацией одного из аспектов языкового значения» [18, с. 95, 125, 156]. Большинство исследователей придерживается мнения, что признаки концепта, передаваемые языковыми значениями, образуют «лишь часть содержания концепта» [12, с. 64]. Рассматривая отношение между смыслом и концептом, Н. Ф. Алефиренко подчеркивает, что «рождение смысла начинается с концепта, в свернутом виде содержащего качественно-оценочную сущность обозначаемого предмета. <...> смысл выступает не "двойником" концепта, а его логическим коррелятом» [18, с. 124]. Итак, в отличие от традиционного подхода к изучению семантики языка, когнитивный подход направлен на раскрытие «не только признаков, необходимых и достаточных для идентификации обозначаемого, но и ненаучных (обыденных) знаний об обозначаемом»; такой подход даёт возможность «реконструировать

концепт через его языковое выражение, в т. ч. через образы и символы» [16, с. 24].

Существует общепринятое мнение, что на языковом уровне концепт может номинироваться, объективироваться, репрезентироваться разнообразными способами и средствами, среди которых важное место занимают лексические синонимы. В научной литературе количество налицующих в языке средств номинации определенного концептуального пространства или степень детальности обозначаемого языком фрагмента действительности называется «номинативной плотностью концепта» [19, с. 117]. Многие ученые отмечают, что высокая языковая плотность концепта, с одной стороны, отражает содержательное богатство концепта [11, с. 103], с другой – свидетельствует о значимости и актуальности данного концепта в качестве составной части национальной концептосферы в представлении и мировосприятии носителей языка [19, с. 117; 20, с. 51]. Соответственно, наличие у слова большого количества синонимов признается концептологически значимой характеристикой [2, с. 113; 21, с. 423], т. е. чем больше синонимических средств вербализации концепта, тем выше значимость и актуальность данного явления в национальной картине мира.

Следует подчеркнуть, что синонимические единицы характеризуются семантической близостью, а не тождеством. Они имеют не только «общее ядро значения», но и «разнообразные расхождения в значении» [22, с. 118; 23, с. 230]. Поскольку каждое слово в системе языка является уникальным образованием и живет в речи своей жизнью, в коммуникативном процессе разные слова могут активировать в сознании человека разные когнитивные признаки. В качестве средств вербализации одного и того же фрагмента действительности синонимы могут передавать и хранить многоаспектные знания и представления об этом фрагменте. Иначе говоря, синонимы выполняют значимую функцию в формировании и репрезентации концептуальной системы человека, в представлении разнообразных концептуальных связей и отношений в его сознании. По мнению Е. К. Ковалевой, синонимы – это одно «из средств концептуальной системы человека, с помощью которой он воспринимает и понимает один тип объектов в его многогранности» [24, с. 168]. Таким образом, разные синонимы способны демонстрировать разные когнитивные признаки одного и того же концепта. Исследование, опирающееся на совокупность синонимов ключевой леммы-репрезентанта концепта, позволяет «представить семантическую детализацию, нюансировку концептуализации определенного предмета или явления» [25, с. 110].

Известно, что синонимические слова могут образовывать синонимические ряды (синонимические парадигмы), которые включают разнообразные близкие по смыслу языковые единицы и обычно характеризуются сложной, открытой структурой. В научной литературе сложилось мнение, что синонимические ряды в языке сливаются между собой

и образуют целую семантическую сеть, которая может «расширяться за счет возникновения у лексем новых семантических компонентов» [26, с. 7] и постепенно «добавлять в свой состав новые семы, при подключении новых ценностей, связанных с рассмотренными» [27, с. 145]. Возникновение новых семантических компонентов у лексем часто приводит к появлению новых синонимических сетей [26, с. 11]. Как отмечает Я. А. Дударева, в сознании носителей языка слова-синонимы собираются в целую ассоциативно-вербальную сеть и находятся «в многообразных связях, наложениях и пересечениях с другими фрагментами сети» [28, с. 19]. Синонимическая сеть, по сути, представляет собой семантическое поле, характерной чертой которого является возможность пересечения отдельных полей, которое приводит к образованию общих сегментов, зон семантического перехода [29, с. 41–59]. В связи с этим в синонимической сети могут образовываться микрополя, которые обладают нечеткой, диффузной границей и способны пересекаться в различных семантических компонентах.

Основное внимание в данном исследовании обращается на изучение синонимических микрополей, репрезентирующих концепты *упорство* и *упрямство*. В ходе исследования были использованы методы классификации, описания, сопоставления, компонентного анализа семантики слов, когнитивной интерпретации. Материалом исследования послужили синонимы лексем *упорство* и *упрямство*, полученные из пяти синонимических словарей. С целью получения более полного списка синонимов, вербализующих концепты *упорство* и *упрямство*, кроме бумажных (печатных) словарей под редакцией В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского¹, Н. Ф. Абрамова², А. С. Гавриловой³, З. Е. Александровой⁴, мы обращались к электронному словарю-справочнику синонимов русского языка системы ASIS^{®5}, который «был реализован в виде компьютерной базы данных и является самым большим словарем русского языка как по количеству слов, так и по количеству синонимических связей» [30, с. 13].

Результаты

Исследование показывает, что во всех синонимических словарях лексемы *упорство* и *упрямство* были отнесены лексикографами к общей синонимической парадигме. По данным словарей, синонимическая сеть лексем *упорство* и *упрямство* состоит из следующих 67 лексических

единиц: *безустанность, бескомпромиссность, воля, выдержанность, выдержка, дурь, ершистость, железная воля, заноров, интенсивность, крепкоголовость, крепколюбовь, малоуступчивость, навязчивость, напор, напористость, напряженность, настойчивость, настоятельность, настытность, настырство, неотступность, неподатливость, непокладистость, непоколебимость, непокорность, непослушание, непреклонность, несговорчивость, неуклонность, неуправляемость, неуступчивость, неумоимость, нор, норовистость, нравность, ожесточение, персеверация, последовательность, постоянство, придурь, ртачень, ртачка, своеволие, своевольность, своенравие, своенравность, сила воли, стойкость, строптивость, твердокаменность, твердолобость, твердость, терпеливость, терпение, упертость, упирательство, упористость, упорность, упорство, упорствование, упрямость, упрямство, фордыбаченье, характер, характерность, цепкость.*

В рамках данной сети можно выделить синонимическое микрополе с ядерной лексемой *упорство*, основное значение которой толкуется как «настойчивое стремление к чему-либо, к осуществлению чего-либо»⁶, и синонимическое микрополе с ядерной лексемой *упрямство*, основным значением которого является стремление «поступить по-своему, поставить на своем вопреки необходимости и здравому смыслу»⁷. Каждый синоним в синонимических полях присоединяется к ядерной единице с помощью общего семантического компонента, притом в зависимости от степени семантической близости находится на разном расстоянии от ядра синонимического поля. Чтобы установить составляющие единицы микрополей *упорство* и *упрямство* и выявить признаки исследуемых концептов, были проанализированы семантические особенности каждой лексемы, входящей в синонимическую сеть, и были установлены семантические отношения между ними.

Прежде всего, синонимические микрополя *упорство* и *упрямство* пересекают компоненты *воля* и *характер*, которые представляют собой гиперонимы слов *упорство* и *упрямство*, имеют более широкое, родовое значение. В. А. Белов отмечает, что гиперонимы как важные способы изучения семантики слов обычно не считаются языковыми синонимами, но могут быть ситуативными или контекстуальными синонимами [31, с. 85]. Эти гиперонимы в первую очередь подтверждают категориальные признаки концептов *упорство* и *упрямство*, отражающие «родо-видовые отношения» [12, с. 114] – *волевое качество и черта*

¹ Павлов-Шишкин В. Д., Стефановский П. А. Учебный словарь синонимов русского литературного языка. М.: [Мир], 1931. 274 с.

² Абрамов Н. Ф. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Рус. словари, 1999. 502 с.

³ Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 352 с.

⁴ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. М.: Русский язык, 1999. 568 с.

⁵ Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS[®]. 2013. Режим доступа: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (дата обращения: 02.11.2019).

⁶ Упорство // Евгеньев А. П. Словарь русского языка. Т. 4: С–Я. М.: Русский язык, 1988. С. 505.

⁷ Упрямый // Там же. С. 509.

характера. Кроме того, в синонимической сети можно найти ряд слов, производных от слова *воля*.

К синонимическому микрополю *упорство* относятся лексические единицы *сила воли* и *железная воля*, которые показывают, что *упорство* является отражением внутренней духовной силы человека, в основном проявляется в умении человека сознательно регулировать свое поведение, в способности преодолевать трудности для достижения поставленных целей. Синоним *сила воли* подчеркивает приложение усилий, интенсивность проявления волевых качеств, а синоним *железная воля* отличается образным признаком, «объективированным в виде концептуальной метафоры» [12, с. 114]: **сильный, твердый, как железо.**

В синонимическое микрополе *упрямство* входят лексемы *своеволие* и *своевольность*, которые выражают склонность человека действовать по своей воле, по своей прихоти, без разрешения и ограничения. Кроме слова *характер*, в синонимических микрополях *упорство* и *упрямство* пересекается слово *характерность*, производное от прилагательного *характерный*, которое обычно обозначает обладающий ярко выраженными, своеобразными чертами. По принципу родовидового сдвига значения в речи оно может выражать как значение «обладающий характером твердой, сильной волей», так и значение «обладающий сердитым, вспыльчивым, упрямым и т. п. характером»⁸.

Известно, что слово *характер* в русском языке синонимизируется со словом *нрав*. Мы заметили, что в синонимическое микрополе *упрямство* входит ряд слов, связанных с лексемой *нрав*: *своеобразие, своеобразие, нравность, норовистость, норов, заноров*. Слова *своеобразие* и *своеобразие* часто употребляются для выражения упрямства, капризного поведения, подчеркивают склонность действовать по-своему, поступать так, как вздумается. Слова *нравность, норовистость* образуются от прилагательных *нравный* и *норовистый*, которые имеют значение «своеобразный, своевольный, упрямый, имеющий крутой нрав, сердитый, со странностями, с крутым норовом»⁹. Слово *норов* первоначально обозначает «нрав, характер, обычай, совокупность душевных свойств (обычно об упрямом, своевольном характере)»¹⁰. В просторечной и разговорной речи выражает «упрямство, характер с причудами»¹¹ и может употребляться для выражения дурной привычки лошади. Слово *заноров* в словаре В. И. Даля толкуется как «дурной нрав, норов, упрямство, своеобычие»¹². Эти слова свидетельствуют о том, что в содержании концепта *упрямство* важную роль играет отрицательно-оценочный признак **неразумие, отсутствие рассудка, странное чудачество, прихоть, дурь**.

Следует отметить, что в исследуемой синонимической парадигме был обнаружен ряд лексем-синонимов к словам *упорство* и *упрямство*, образованных от этих двух основ: *упорность, упористость, упорствование, напор, напористость, упертость и упрямость*. В отличие от слова *упорство*, слова *упорность* и *упористость* характеризуются стиливой окраской и низкой частотностью употребления. Отлагательное существительное *упорствование* выражает признак определенного поведения, акцентирует отстаивание своей позиции и мнения. Аналогично отличие слова *упрямство* от его одноосновного синонима *упрямость* проявляется в стиливой коннотации и частотности употребления. Синонимы *напор, напористость и упертость*, имеющие общую этимологию со словом *упорство* (все происходят от глагола *переть*), позволяют выражать «мотивирующие признаки» исследуемых концептов [13, с. 130]. Слова *напор* и *напористость* производятся от глагола *напереть* и в речи могут употребляться для выражения такого смысла, как настойчивость, упорство, решительность. Слово *напор* первоначально обозначает давление и нажим, сильное, решительное, энергичное воздействие на кого-либо, что-либо с целью понуждения, принуждения к чему-либо, поэтому эти синонимы прежде всего акцентируют следующий признак концепта *упорство*: **способность энергично действовать, приложить большой труд, силы, напряжение в выполнении какого-либо дела**. Несмотря на то, что слово *упертость*, как слово *упорство*, производится от слова *упереть*, в современном русском языке оно чаще всего употребляется для выражения такого же значения, как у слова *упрямство*, притом обычно несет отрицательно-оценочную окраску.

По данным словарей синонимов, важную роль в микрополе *упорство* играют лексемы *настойчивость, твердость, стойкость, постоянство, непоколебимость, непреклонность, неуклонность*. По значению к слову *упорство* ближе всего слово *настойчивость*. В толковых словарях русского языка слова *упорство, упорный* и *настойчивость, настойчивый* часто определяются друг другом. Так, прилагательное *настойчивый* в «Малом академическом словаре» толкуется как «решительно, упорно добивающийся своей цели; выражающий упорство, требовательность, исполненный упорства, требовательности»¹³. Общим признаком, репрезентируемым в семантике слов *упорство* и *настойчивость*, является **достижение поставленной цели**. В отличие от слова *упорство*, слово *настойчивость* более акцентировано на признаке *требовательность*. Речь идет о синонимах *твердость, стойкость, постоянство*, все они первоначально

⁸ Характерный // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4. С. 593.

⁹ Нрав, норов // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. М.: Рипол классик, 2006. С. 560, 563.

¹⁰ Норов // Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 656.

¹¹ Норов // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 560.

¹² Занравить // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1: А–З. М.: Рипол классик, 2006. С. 663.

¹³ Настойчивый // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 2: К–О. М.: Русский язык, 1986. С. 400.

выражают физическое свойство предмета, подчеркивают признак *способность сохранить определенное свойство, не поддаваться внешнему воздействию, нарушению*. Использование этих слов для описания психического состояния человека свидетельствует о метафоричности человеческого мышления в процессе моделирования мира. В таком случае акцент делается на *внутренней силе человека, его стремлении не отступать перед трудностями*. Этот признак также отражается в семантике лексем *неуклонность, непреклонность и непоколебимость*, особенность которых заключается в том, что они могут вызывать в сознании человека такой наглядный образ, как *колебать и клонить*.

Вслед за этим следует отметить синонимы, производные от *твердый и крепкий*: *твердокаменность, твердолобость, крепколобость и крепкоголовость*. Слова *твердый и крепкий* подчеркивают признак *стойкость, неизменность, способность не поддаваться внешнему воздействию*, который характеризует как концепт *упорство*, так и концепт *упрямство*. Лексема *твердокаменность* тяготеет к микрополю *упорство*, репрезентирует образный признак *камень*. Прилагательное *твердокаменный* буквально обозначает *твердый, как камень*, такой, которого нельзя ничем тронуть, разжалобить, при помощи метафорического перевода значения в основном выражает упорное духовное состояние человека. А слова *твердолобость, крепколобость и крепкоголовость* имеют больше склонность к микрополю *упрямство*. Синонимы *твердолобость, крепколобость и крепкоголовость* происходят от прилагательных *твердолобый, крепколобый, крепкоголовый*, которые часто выражают такие идеи, как «излишне упорный, упрямый, несообразительный, тупой, глупый, неразумный, косный, консервативный»¹⁴. В семантике этих слов репрезентируются следующие признаки концепта *упрямство*: 1) *сопутствующие отрицательно-оценочные свойства: тупость, глупость и неразумие, косность, консервативность*; 2) *образ частей тела: лоб, голова*; 3) *количественная характеристика или степень проявления свойства: излишне*. Известно, что в русском языке слова *твердый, крепкий* синонимизируются со словом *жестокый*. К синонимическому полю *упорство* относится и слово *ожесточение*, производное от глагола *ожесточить*, связанного с прилагательным *жестокый*. Лексема *ожесточение* первоначально выражает отсутствие душевной мягкости, стремление сделать жестоким, безжалостным, переносно употребляется для выражения «большая сила проявления чего-либо, крайнее напряжение, упорство»¹⁵. Это подтверждает, что

упорство является отражением *внутренней силы человека, проявляется в отсутствии душевной мягкости*.

По данным словарей синонимов, в синонимическом микрополе *упорство* важное место занимают слова *терпение и терпеливость*, которые характеризуются значениями «способность терпеть стойко и безропотно переносить, сносить что-либо» и «способность долго, настойчиво, упорно делать что-либо»¹⁶. В семантике этих слов акцентируется когнитивный признак *большая затрата труда, усилий, времени в каком-либо деле, работе*. К этой группе можно присоединить синонимы *выдержка и выдержанность*, которые могут выражать стойкость, упорство в выполнении чего-либо, способность терпеть что-либо. В семантике этих слов воплощается признак *самообладание, умение не поддаваться минутным настроениям, владеть собой, последовательность, твердость придерживаться определенных принципов, правил* и т. п.¹⁷

Другими важными составляющими синонимического микрополя *упорство* являются слова *безустанность и неутомимость*, которые в основном выражают значение *не знать усталости, утомления, отдыха, не прекращать своей деятельности, занятий*, что позволяет выделить в содержании концепта *упорство* когнитивный признак *непрерывность, продолжительность трудовой деятельности, способность безуданно, неутомимо заниматься чем-либо*. По данным словарей синонимов, в синонимическое микрополе *упорство* входят лексемы *последовательность, напряженность, интенсивность*, которые акцентируют следующие когнитивные признаки концепта *упорство*: *последовательность, продолжительность, непрерывность в выполнении какого-либо занятия; приложение усилий, подъема, повышенных усилий, сосредоточение сил, энергии и внимания*. Кроме того, к синонимическому микрополю *упорство* можно отнести синоним *персеверация*, заимствованный из латинского слово *perseveratio* (упорство), имеющий значение «навязчивое повторение одних и тех же движений, образов, мыслей»¹⁸. Выделяющимся признаком в семантике этого слова является *повторение какого-либо действия*.

Надо отметить синонимы *настырность, настырство и настоятельность*, которые позволяют выделить в содержании концепта *упорство* когнитивный признак *высокая степень проявления свойства*. Так, прилагательное *настойчивый* в «Малом академическом словаре» толкуется как «очень настойчивый, упорный» или «крайне насущный, крайне (очень) нужный, неотложный»¹⁹. Прилагательное

¹⁴ Крепкоголовый, крепколобый // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 2. С. 126; Твердолобый // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4: С–Я. С. 343.

¹⁵ Ожесточение // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 2. С. 599.

¹⁶ Терпение // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4. С. 358.

¹⁷ Выдержка, выдержанность // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 1: А–Й. М.: Русский язык, 1985. С. 253.

¹⁸ Персеверация // Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С.345.

¹⁹ Настоятельный // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 2. С. 400.

настырный определяется как «упорный, чрезвычайно настойчивый», «надоедливый, назойливый»²⁰. Можно увидеть, что кроме признака *высокая степень проявления свойства*, для слова *настоятельность* выделяется признак *срочность времени*, а для слов *настырность* и *настырство* акцентируется отрицательно-оценочная характеристика.

В синонимическое микрополе *упорство* включается слово *цепкость*. Прилагательное *цепкий* имеет прямое значение «способный хвататься, цепляться и крепко держаться за что-либо или держать что-либо», в разговорной речи может метафорически употребляться для выражения значения «умеющий использовать обстоятельства выгодно для себя, настойчивый, не отступающий от своей цели»²¹. В семантике этого слова акцентируется когнитивный признак *способность не отступать от намеченной цели*. Здесь следует отметить синонимы *неотступность* и *навязчивость*. Слово *неотступный* определяется как «не отступающий от кого-либо, чего-либо; настойчивый, упорный»²², часто говорит о мысли, болезни, страхе, просьбе, преследовании и т. д. Слово *навязчивый* имеет близкое значение и может выражать значение «крепко засевший в сознании, постоянно возникающий в памяти; неотступный» и значение «надоедливо пристающий с чем-либо; назойливый»²³. Семантический компонент *надоедливо* в очередной раз репрезентирует отрицательно-оценочный признак концепта *упорство*.

В синонимическом микрополе *упрямство* значимое место занимают синонимы *неуступчивость*, *малоуступчивость*, *бескомпромиссность*, *несговорчивость*. Все эти слова могут выражать стремление человека настаивать на своем, поступать по-своему. В когнитивном аспекте слова *неуступчивость* и *малоуступчивость* в большей степени подчеркивают позицию субъекта, нежелание уступать, отсутствие несклонности к уступке. В слове *бескомпромиссность* акцент делается на недопущении компромисса, соглашения, отказе от уступки в конфликтной ситуации. В лексеме *несговорчивость* внимание обращается на *речевой акт, стремление не поддаваться речевому воздействию извне*. Этот признак репрезентируется также в семантике синонима *непослушание*, который выражает отказ слушаться чужих приказов, наставлений и т. п. Кроме того, в этом слове заложен признак *не повиноваться кому-либо*. К этому можно присоединить такие синонимы, как *непокладистость*, *непокорность*, *строптивость*, *неуправляемость*, в семантике

которых акцентируется признак *отказ и нежелание повиноваться, покоряться, подчиняться, стремление действовать наперекор другому, не поддаваться чужому управлению, регулированию, руководству, требованиям дисциплины*.

Интересно, что в синонимическое микрополе *упрямство* включается слово *ершистость*. Прилагательное *ершистый* первоначально обозначает «торчащий кверху, стоящий торчком, колючий, всклокоченный (о волосах человека, перьях птиц или шерсти животного)», переносно выражает «неуступчивый, задорный»²⁴. Это слово позволяет выделить в содержании концепта *упрямство* образный признак *торчащие кверху волосы или ключики* и сопутствующие отрицательные свойства, такие как *задорность*, *склонность к спорам и ссорам*.

Кроме того, к синонимическому микрополю *упрямство* относятся слова *фордыбачение*, *ртакенье* и *ртакча*, которые имеют просторечную и разговорную стилистическую окраску. Слово *фордыбачение* происходит от глагола *фордыбачить*, обозначающего «упрямиться, сопротивляться, дерзко настаивать на своем»²⁵. В семантике этого слова подчеркиваются признаки *стремление настаивать на своем, сопротивление другому* и отрицательно-оценочный признак *дерзость или грубость*. Синонимы *ртакенье* и *ртакча* тесно связаны с глаголом *ртакаться*, который изначально говорит о лошади и обозначает «упрямиться, не слушаться вожжей, удил». Прилагательное *ртакливый* – «глупо, бессмысленно упрямый, упорный»²⁶. Эти слова подчеркивают признаки *образ поведения животных: лошади и глупость, бессмысленность*. Значимое место отрицательного признака *глупость* в содержании концепта *упрямство* доказывается синонимами *дурь* и *придурь*, которые часто обозначают «глупость, блажь, шаль, бестолковые, бессмысленные, безрассудные слова или поступки»²⁷ и «бестолочь в голове, странная дикая складка ума; дураковатость, глуповатость, шаль, полоумие; несообразные затеи, выдумки, требования»²⁸.

Заключение

Концепты *упорство* и *упрямство* характеризуются высокой номинативной плотностью в русском языке, что подтверждает их культурную значимость и особое место в русской национальной картине мира. Анализ семантических особенностей синонимов лексем *упорство* и *упрямство* позволил

²⁰ Настырный // Там же. С. 402.

²¹ Цепкий // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4. С. 642.

²² Неотступный // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 2. С. 462.

²³ Навязчивый // Там же. С. 336.

²⁴ Ершистый // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 1. С. 446.

²⁵ Фордыбачить // Евгеньева А. П. Словарь русского языка. Т. 4. С. 575.

²⁶ Ртакливый // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р–Я. М.: Рипол классик, 2006. С. 110.

²⁷ Дурак // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 559.

²⁸ Придуривать // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3: П. М.: Рипол классик, 2006. С. 405.

выявить разнообразные признаки исследуемых концептов, не только понятийные, категориальные, но и оценочные, а также образные. Оба концепта *упорство* и *упрямство* принадлежат к категории *черта характера*, представляют собой проявление волевой деятельности человека. В содержании обоих концептов выражается признак *стойкость, неизменность, постоянство, твердость, стремление не поддаваться внешнему воздействию*.

Концепт *упорство* подчеркивает внутреннюю силу личности, настойчивое стремление к достижению поставленной цели, способность преодолеть трудности, энергично, непрерывно действовать, безудержно, неутомимо заниматься чем-либо, способность приложить большой труд, силы, напряжение в выполнении какого-либо дела, способность терпеть, сохранять выдержку.

В концепте *упрямство* акцент делается преимущественно на капризном поведении, склонности поступать по своей воле, прихоти, стремлении настаивать на своем, не допускать компромисса, отказываться от уступок в конфликтной ситуации, сопротивлении, возражении другому, стремлении не поддаться чужому руководству, требованиям дисциплины.

Как упорство, так и упрямство связаны с умственными характеристиками человека. Упорство, прежде всего,

акцентирует умение человека сознательно регулировать свое поведение, управлять им, самообладание, умение владеть собой, не поддаваться минутным настроениям, умение рационально придерживаться определенных принципов, правил и т. п. Упрямство, наоборот, более связано с глупостью, задиристостью, бессмысленностью поведения, подчеркивается отсутствие у человека рассудительности, рациональности, отсутствие гибкости ума. В этом аспекте эксплицируется положительная оценка к упорству и отрицательная оценка к упрямству. Кроме того, проведенное исследование позволило выявить ряд образных признаков исследуемых концептов. Концепт *упорство* в русской картине мира более связан с образами *камень, железо*, а концепт *упрямство* – с образами *лоб, голова, торчащие кверху волосы или колючки*.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Статья публикуется при финансовой поддержке Государственного совета по стипендиям КНР (CSC).

Литература

1. Хамаганова В. М., Цыренов Б. Д. Когнитивная семантика синонимии: концептуализация мира в параметрических словах русского и бурятского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 7. С. 275–280. DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.59
2. Улиско К. А. Синонимы-репрезентанты концепта «tax» / «налог» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-4. С. 112–117.
3. Саркисова А. Ю. Синонимическая оппозиция как средство аксиологической актуализации национально значимых концептов русской языковой картины мира // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 2. С. 209–215. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-2-209-215
4. Нусупбекова А. С. Синонимы как средство вербализации концепта благородство / бекзаттылык в русском и казахском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 1-5. С. 32–35.
5. Нусупбекова А. С. Роль синонимических средств в понимании содержания концепта // Знание. 2016. № 9-2. С. 89–94.
6. Талапова Т. А. Языковое и метаязыковое представление синонимических отношений, актуализирующих концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 1. С. 172–176.
7. Вотякова И. А. Изучение синонимических связей в словообразовательной репрезентации концептов (на примере концепта печаль) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2012. № 4. С. 136–139.
8. Троян С. В. Синонимический ряд «здоровый»: о смыслах, входящих в концепт «здоровье» // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2014. № 2. С. 48–50.
9. Верменская Е. А., Кичева И. В. Синонимическая парадигма реализации концепта «господин» в русской языковой картине мира // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 240–246. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-4-240-246
10. Чингтго Ч. Полилингвальный контрастивный анализ синонимических рядов в описании культурного концепта: концепт «любовь» в английской, русской, испанской и китайской языковых картинах мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 205–214.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 315 с.
12. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение. М.: Флинта; Наука, 2011. 174 с.
13. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуальных исследований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131.

14. Молчанова Д. В. Номинативные характеристики концептов «lady» / «леди» (на основе анализа соответствующих синонимических рядов существительных) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 21–28.
15. Дементьева И. А. Исследование синонимических рядов ключевой лексики-репрезентанта концепта generation в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1. С. 85–90.
16. Пименова М. В. Концептуальный мир – основа ментальности // Образ мира в зеркале языка / под ред. В. В. Колесова, М. В. Пименовой, В. И. Теркулова. М.: Флинта, 2011. С. 16–26.
17. Пименова М. В. Безэквивалентные концепты (на примере концепта ВОЛЯ) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8. № 2. С. 51–57.
18. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 344 с.
19. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
20. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
21. Святюк Ю. В. Концепт ИНОСТРАНЕЦ в английской языковой картине мира // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой. Луганск: ЛНУ имени Тараса Шевченко, 2013. С. 417–431.
22. Головин Б. Н. Введение в языкознание. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 232 с.
23. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
24. Ковалева Е. К. Контекстуальная синонимия в дискурсе информационно-технических блогов как средство реализации ключевых концептов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-1. С. 167–170.
25. Маханова Г. Е. Синонимы лексики-имени концепта «скука» и его содержательные компоненты: параметры отношений // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 1. С. 107–111.
26. Цепелева Н. В. Полевые структуры слов-синонимов с диффузной семантикой в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011. 22 с.
27. Шумилова А. А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 144–148.
28. Дударева Я. А. Особенности семантической структуры слов с диффузным значением (на материале ассоциативного эксперимента со словами-синонимами русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 19–22.
29. Полевые структуры в системе языка / науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж: ВГУ, 1989. 196 с.
30. Тришин В. Н. О мощи русского языка по данным синонимического словаря-справочника компьютерной оценочной системы ASIS® // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 6. С. 7–13.
31. Белов В. А. Способы наивного толкования лексического значения существительных // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 83–91. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10201

original article

Synonymous Means of Objectification of the Concepts of Persistence and Stubbornness in the Russian Language

Lili Xu

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod; <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>; lili1324559882@outlook.com

Received 1 Mar 2021. Accepted 14 Apr 2021.

Abstract: Modern cognitive linguistics considers synonyms as one of the most important means of linguistic categorization and conceptualization of the world. The article features the synonymous paradigm of the implementation of the concepts of persistence and stubbornness in the Russian language. Dictionaries of synonyms contain 65 synonyms of the words persistence and stubbornness (perseverance, firmness, willpower, self-will, intractability, intransigence, etc.). An analysis of their semantic features revealed the composition of the synonymic microfields of persistence and stubbornness, as well as various semantic aspects of these concepts. Both concepts proved to belong to the thematic category of character traits and the volitional activity of a person. Both concepts can express the property of being resistant to external influences. The difference lies in the fact that the concept of persistence emphasizes one's desire to achieve a certain goal, labor efforts, and ability not to retreat in the face

of difficulties, while the concept of stubbornness expresses the defense of one's position, refusal to make concessions, tendency to act on one's own, not to succumb to someone else's influence, management, regulation, leadership, discipline requirements, etc. In the evaluative aspect, the concept of persistence mainly emphasizes positive properties, such as patience, endurance, self-control, etc., while the concept of stubbornness represents such negative-evaluative components as stupidity, cockiness, and meaninglessness.

Keywords: linguistic picture of the world, conceptosphere, nominative density, paradigm, synonymous field, lexical semantics, cognitive feature

Citation: Xu L. Synonymous Means of Objectification of the Concepts of Persistence and Stubbornness in the Russian Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 572–581. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-572-581>

Conflict of interests: The author declares no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: This research was supported by the State Council for Scholarships of the People's Republic of China (CSC).

References

1. Khamaganova V. M., Tsyrenov B. D. Cognitive semantics of synonymy: conceptualization of the world through parametric words of the Russian and Buryat languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, 12(7): 275–280. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2019.7.59
2. Ulisko K. A. Synonyms that represent the concept "tax". *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii*, 2016, (3-4): 112–117. (In Russ.)
3. Sarkisova A. Yu. Synonymic opposition as a means of axiological actualization of nationally significant concepts of the Russian language picture of the world. *Vestnik of the Mari State University*, 2020, 14(2): 209–215. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-2-209-215
4. Nusupbekova A. S. Synonyms as a means of verbalizing the concept nobility / bezzattylyk in Russian and Kazakh. *Evrasiiskii soiuz uchenykh*, 2016, (15): 32–35. (In Russ.)
5. Nusupbekova A. S. Role synonymous resource in understanding of the content. *Znanie*, 2016, (9-2): 89–94. (In Russ.)
6. Talapova T. A. Linguistic and metalinguistic representation of synonymous relations updating a concept "belief / unbelief" in the Russian linguistic picture of the world. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2009, (1): 172–176. (In Russ.)
7. Votyakova I. A. Study of the derivational representation of Russian concepts in view of their synonymous relations (through the concept sadness). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2012, (4): 136–139. (In Russ.)
8. Troyan S. V. Synonymous row of "healthy": on meanings belonging to the concept of "health". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2014, (2): 48–50. (In Russ.)
9. Vermenskaya E. A., Kicheva I. V. Synonymous paradigm of the concept "gospodin" in the Russian language picture of the world. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2019, (4): 240–246. (In Russ.) DOI: 10.37494/2409-1030-2019-4-240-246
10. Ching-Gwo Ch. Poly-lingual contrastive analysis of the synonymic chains in the description of a cultural concept: the concept of "l'ubov" ("love") in English, Russian, Spanish and Chinese language pictures of the world. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2020, (1): 205–214. (In Russ.)
11. Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST; Vostok-Zapad, 2007, 315. (In Russ.)
12. Pimenova M. V., Kondratyeva O. N. *Conceptual research. Introduction*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 174. (In Russ.)
13. Pimenova M. V. The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)
14. Molchanova D. V. Notional characteristics of the concept "lady" / "ledi" (based on the analysis of synonymous rows). *Bulletin of the Moscow State Regional State University. Series: Linguistics*, 2015, (1): 21–28. (In Russ.)
15. Dement'eva I. A. Study of synonymous rows of the key lexeme-representative of the concept generation in English. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (11-1): 85–90. (In Russ.)
16. Pimenova M. V. Conceptual world as the basis of mentality. *Image of the world in the mirror of language*, eds. Kolesov V. V., Pimenov M. V., Terkulov V. I. Moscow: Flinta, 2011, 16–26. (In Russ.)
17. Pimenova M. V. Nonequivalent concepts (the Russian concept VOLIA as an example). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2010, 8(2): 51–57. (In Russ.)
18. Alefirenko N. F. *"Living" word: issues of functional lexicology*, 3rd ed. Moscow: FLINTA, 2019, 344. (In Russ.)

19. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
20. Vorkachev S. G. *Happiness as a linguistic and cultural concept*. Moscow: Gnozis, 2004, 236. (In Russ.)
21. Svyatyuk Yu. V. The concept "foreigner" in the English linguistic world view. *Conceptual Linguistics: Perspective Tendencies*, eds. Levitsky A. E., Potapenko S. I., Nedaynova I. V. Lugansk: LNU imeni Tarasa Shevchenko, 2013, 417–431. (In Russ.)
22. Golovin B. N. *Introduction to linguistics*, 4th ed. Moscow: Vyssh. shk., 1983, 232. (In Russ.)
23. Gvozdev A. N. *Essays on the style of the Russian language*, 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1965, 408. (In Russ.)
24. Kovaleva E. K. Contextual synonymy of information technology blogs discourse as a way of concepts representation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-1): 167–170. (In Russ.)
25. Makhanova G. E. Synonyms of the concept "boredom" and its substantial components: parameters of the relations. *Scientific notes of Orel State University*, 2016, (1): 107–111. (In Russ.)
26. Tsepeleva N. V. *Field structures of synonyms with diffuse semantics in Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2011, 22. (In Russ.)
27. Shumilova A. A. Lexical synonymy: traditional and cognitive vision of the problem. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (22): 144–148. (In Russ.)
28. Dudareva Ya. A. Semantic structure of words with diffusive meaning (based on an associative experiment with synonyms of the Russian language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (351): 19–22. (In Russ.)
29. *Field structures in the language system*, ed. Popova Z. D. Voronezh: VGU, 1989, 196. (In Russ.)
30. Trishin V. N. The might of Russian language according to synonymic dictionary by computer evaluation system ASIS®. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2013, (6): 7–13. (In Russ.)
31. Belov V. A. Ways of naive interpretation of the lexical meaning of nouns. *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2018, (4): 83–91. (In Russ.) DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10201

оригинальная статья

УДК 811.111

Словообразовательное гнездо как способ систематизации англоязычных военных терминов

Анна Алексеевна Телегуз

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И. К. Яковлева войск национальной
гвардии Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск;
Новосибирский государственный технический
университет, Россия, г. Новосибирск; <https://orcid.org/0000-0002-2053-9973>

Анжелика Германовна Балобанова

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск

Андрей Геннадьевич Фомин

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>;
andfomin67@mail.ru

Поступила в редакцию 19.05.2021. Принята в печать 28.06.2021.

Аннотация: Предлагается методика изучения высокочастотных английских военных терминов путем систематизации терминологических единиц по словообразовательным гнездам. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью дальнейшей структуризации и упорядочения англоязычной военной терминологии, изменениями, происходящими в военной терминологической системе, недостаточной научной разработанностью данной проблемы, а также важностью изучения терминологических единиц в рамках детальной проработки теории словообразовательных гнезд. Цель – организация изучаемой военной лексики в виде блоков, представляющих собой словообразовательные гнезда. Объектом исследования выступает словообразовательное гнездо как комплексная единица в рамках военной терминологии. Предмет – словообразовательное гнездо как способ упорядочения наиболее частотных англоязычных военных терминов. В исследовании были применены методы этимологического, семантического и словообразовательного анализа английских военных терминов. В результате анализа и обобщения теоретического материала авторы пришли к выводу, что словообразовательное гнездо представляет собой микросистему, внутри которой существуют словообразовательные, грамматические и лексические отношения. Анализ блоков военных терминов, отобранных из современных лексикографических источников путем сплошной выборки, позволил структурировать однокоренные высокочастотные английские военные термины в микросистемы, представляющие собой словообразовательные гнезда с вершинами *-bat-*, *-defend-*, *-arm-* и т. д.

Ключевые слова: терминологический элемент, мотивирующая основа, корневое гнездо, деривация, терминосистема военного дела, однокоренные слова, словообразовательная цепочка, систематизация терминологии, микросистема

Цитирование: Телегуз А. А., Балобанова А. Г., Фомин А. Г. Словообразовательное гнездо как способ систематизации англоязычных военных терминов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 582–590. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-582-590>

Введение

В настоящее время в отечественной лингвистике проводятся интенсивные исследования в области терминологии. Данный феномен изучается в разных аспектах, а исследования в этой области носят как теоретический, так и прикладной характер. Инновационное развитие науки и техники, сопровождающееся стремительным ростом профессионального тезауруса, способствует привлечению внимания к языкам для специальных целей, в частности к военной терминологии. Военная терминология имеет многовековую историю, ее можно рассматривать как одну из старейших терминологических систем, существующих в языке, в том числе и английском. В силу этого обстоятельства современная военная терминология является макротерминосистемой, требующей от исследователей ее дальнейшей структуризации и упорядочения.

Анализируя степень изученности и научной разработанности данного вопроса, отметим, что интенсивные исследования ведутся как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Например, общим проблемам терминологизации посвящены работы К. Я. Авербуха [1], С. В. Гриневича [2], А. А. Кожанова [3], В. М. Лейчика [4], А. В. Лемова [5], А. В. Суперанской и др. [6], С. Н. Гореликовой [7], которые рассматривают специфику образования и функционирования английской терминологии. Основные принципы системного историко-лексикологического исследования были сформулированы В. В. Виноградовым [8].

В рамках терминологий и терминосистем для наиболее точного отражения в языке свойств и системных связей номинируемого объекта при образовании терминов используются самые разные источники и всевозможные

словообразовательные модели. В связи тем, что количество терминов постоянно возрастает, неизбежно встает вопрос об их систематизации. А т. к. между терминами существуют семантические и словообразовательные связи и отношения, терминологические единицы можно упорядочивать с помощью словообразовательных гнезд (далее – СГ).

Детальному изучению СГ в терминологиях и терминосистемах способствовали наблюдения Е. Н. Тихоновой [9], Г. А. Халиловой [10] и др. Исследователи рассматривали закономерности составления словообразовательных и морфемных словарей, эта работа повлекла за собой описание конкретных СГ [11–15].

Однако такое направление, как диахроническое изучение лексических гнезд в отечественной лингвистике, только начинается, хотя можно отметить ряд исследований по историческому описанию лексического материала, объединенного общностью корня. Среди них можно отметить работы О. И. Дмитриевой [16; 17], О. И. Янковского [17], Д. В. Тимошиной [18], в которых разрабатываются теоретические и практические вопросы реконструкции состава гнезд.

Данное исследование посвящено изучению английских военных терминов, их систематизации по СГ. *Объектом* исследования выступает СГ как комплексная единица в рамках военной терминологии. *Предмет* – СГ как способ упорядочения наиболее частотных военных терминов. *Цель* – организация изучаемой высокочастотной военной лексики в виде блоков, представляющих собой СГ.

Мы полагаем, что представление терминосистемы военного дела в виде системы комплекса лексических гнезд является достаточно эффективным способом формирования системных представлений о профессиональной терминологии.

Методы и материалы. Материал для проведения настоящего исследования был отобран методом сплошной выборки из английских толковых словарей по военному делу (*Dictionary of Military Terms*¹ и *Dictionary of Military and Associated Terms*). В работе были использованы методы этимологического, семантического и словообразовательного анализа терминов.

Для понимания особенностей объекта нашего исследования необходимо кратко обратиться к понятию *словообразовательное гнездо*. Согласно М. Ю. Казак: «Словообразовательное гнездо – это одна из самых сложных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица, наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений; двусторонняя единица

словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру» [19, с. 5].

В описательном языкознании к СГ можно отнести объединения однокоренных слов. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что СГ может быть сформировано не из всех однокоренных слов. Авторы данной работы проводят грань между словообразовательными и корневыми гнездами, которые выявляются на морфемном уровне.

Корневое гнездо – это общность однокоренных слов, которая состоит из нескольких СГ. Вершинами таких СГ являются слова со связанными корнями, которые в своей структуре сохранили значительное семантическое сходство, но в результате процесса деэтимологизации потеряли словообразовательные отношения друг с другом на синхронном этапе развития языка. Поэтому на современной стадии развития языка носители уже не осознают общность происхождения таких слов [20, с. 97]. Корневое гнездо возникает вследствие выхода исходного слова СГ из активного употребления.

Это приводит к тому, что слова первой ступени словообразования остаются без производящего, которое является общим для всего ряда производных данной ступени. Поэтому каждое производное слово первой ступени само становится исходным словом самостоятельного СГ. Так на основе одного гнезда в результате его распада возникает столько СГ, сколько было в нем производных на первой ступени словообразования. Следовательно, деэтимологизированное слово становится начальным членом нового словообразовательного ряда. Явлению деэтимологизации в русском языке посвящены работы Л. А. Булаховского [21] и Т. Г. Аркадьевой [22].

Л. А. Булаховский отмечает, что на распад этимологических групп могут повлиять значительные сдвиги в значениях слов (терминов) (например, изменение значения слова *curfew*, которое изначально обозначало сигнал потушить огонь – *evening signal, ringing of a bell at a fixed hour as a signal to extinguish fires and lights*², в то время как сейчас обозначает комендантский час), сущность природы наименования представлений, утрата обстоятельств называния (наиболее очевидно действие данного фактора в военной терминосистеме проявляется при изменении способа ведения боевых действий; так, изначально термин *cavalry* (кавалерия) означал *soldiers who march and fight on horseback* (ED), однако на данный момент он означает разведывательные подразделения), расхождение стилистических сфер употребления слов; влияние унаследованных фонетических чередований гласных и альтернатив согласных.

СГ как единица словаря обладает планом содержания (совокупность значений всех слов гнезда) и планом

¹ Bowyer R. *Dictionary of Military Terms*. London: A & C Black Publishers Ltd, 2001. 287 p. Далее по тексту при цитировании примеров словарь обозначается как МТ с указанием страниц.

² *Curfew* // Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=curfew> (дата обращения: 12.05.2021). Далее по тексту при цитировании примеров словарь обозначается как ED.

выражения (совокупностью алломорфов корня и пространителей корня, организованных аффиксальными структурами производных).

В появляющихся гнездах образование терминов идет по продуктивным словообразовательным моделям. Необходимо отметить, что продуктивность одних и тех же способов образования терминов в различных терминсистемах может сильно отличаться.

Основными комплексными единицами структуры СГ являются парадигмы, цепочки и т. д. Таким образом, единицы внутри СГ можно рассматривать с точки зрения языковой парадигматики и синтагматики [23, с. 27]. Словообразовательную пару образуют мотивирующее и мотивированное слова. Эта пара является основой словообразовательной цепочки (СЦ) и словообразовательной парадигмы. Данная основа аккумулирует структурные и семантические процессы, сопровождающие создание новых слов, в ней отражаются словообразовательные типы и способы словообразования [24, с. 20]. Словообразовательные пары, цепочки и гнезда формируют иерархически организованные системы.

Комплексы однокоренных слов складываются в цепочки, формирующие СГ, внутри которых единицы последовательно мотивированы, т. е. прослеживаются связи между мотивирующим словом и мотивированным. В цепочке прослеживается последовательность, в которой к мотивирующей основе прирастают терминологические элементы, и этим объясняются ее разнообразные свойства: СЦ могут состоять из двух или более единиц, быть открытыми и закрытыми, линейными и кольцевыми и т. д.

Будучи исходным словом СГ, данное слово является и исходным словом СЦ. При этом оно не мотивировано. Данное слово (термин) формирует словообразовательную пару с мотивированным словом первой ступени, которое далее само уже становится мотивированным и выступает основой для последующего элемента, находящегося на второй ступени и т. д. Однако последнее звено в данной цепочке мотивирующей функции не имеет. Первый и последний элементы СЦ выполняют по одной функции, в то время как промежуточные элементы выполняют сразу обе функции (являются как мотивирующими, так и мотивированными).

На каждой словообразовательной ступени к мотивирующей основе добавляется новый формант (терминологический элемент). Сложность словообразовательной структуры напрямую зависит от ступени мотивации: чем она выше, тем сложнее его морфемный состав.

Так как для наиболее точного отражения сущности номинируемого понятия в языке в процессе словотворчества используются самые разнообразные источники, большинство терминов являются гибридными образованиями, в состав которых входят как терминологические элементы греко-латинского происхождения, так и морфемы национального языка, символы и т. д.

Как указывает Н. В. Пятаева, СГ характеризуется следующими признаками:

1) упорядоченный «иерархический характер (в каждом СГ обязательно присутствует единица, с которой остальные соотносятся в качестве производных – именно она является вершиной гнезда, при этом все элементы занимают предусмотренное системой языка и закрепленное нормой место);

2) границы словообразовательных гнезд условны: их подвижность объясняется возможностью пополняться за счет новых образований, а также возможностью утраты единиц из-за разрыва семантических связей;

3) словообразовательные гнезда представляют собой незамкнутые системы, способные к дальнейшему росту;

4) родственные слова объединяются в одно словообразовательное гнездо на основе семантической общности, которая проявляется в наличии у них общих «стержневых» лексических значений (сем), материальным выражением которых является корень;

5) каждый член словообразовательного гнезда обладает деривационной структурой, фиксирующей его положение в кругу однокоренных слов» [25, с. 285].

Е. А. Земская отмечает: «При синхронном анализе установить, какая основа является производной, а какая производящей, – это значит ответить на вопрос: какая из двух однокоренных основ является более простой по форме и по смыслу (= производящей), а какая более сложной (= производной)? Для этого надо определить, каково формальное и семантическое соотношение данных основ в изучаемый период жизни языка» [26, с. 7].

Проанализировав вышеизложенный теоретический материал, можно сделать вывод, что СГ является микросистемой, в которой одновременно существуют грамматические, словообразовательные и лексические отношения. Данная микросистема состоит из различных компонентов; с одной стороны, для нее характерны стабильность и устойчивость, а с другой – она находится в процессе непрерывного динамического обновления и развития в рамках существующей деривационной системы терминологии.

Результаты

В ходе проведенного исследования было выявлено, что большая часть СГ является сложными многокомпонентными образованиями.

Моделирование гнезда с корнем *-bat-*

Самым многочисленным гнездом, обнаруженным в результате исследования отобранного материала, оказалось гнездо, восходящее к латинскому глаголу *battuo, battuere* (бить), образованного от праиндоевропейского корня **b^hed^h-*, **b^hew-* (*to hit, strike*). Путем обращения к электронному этимологическому словарю *Online Etymology Dictionary* было выявлено, что данный латинский корень дал начало СГ, которое, распавшись, дало начало многочисленным СГ.

Например, особой продуктивностью отличается корень *bat*:

Bat (noun 1) – "a stick or staff used in beating, a war-club, staff used to strike the ball in certain games," c. 1200, from rare Old English **batt** "cudgel," a western England word at first, probably from Welsh or another Celtic source (compare Irish and Gaelic **bat, bata** "staff, cudgel"), later reinforced and influenced by Old French **batte** "pestle," from Late Latin **battre** "to beat;" all from PIE root *bhat- "to strike" (ED).

От слова *battualia* был образован термин *battle*, который дал начало ЦЦ:

Battle (verb) – early 14 c., "to fight," from French *batailler* (12 c.), from *bataille*; **Battle** (noun) "fight or hostile engagement between opposing forces," c. 1300, from Old French *bataille* "battle, single combat," also "inner turmoil, harsh circumstances; army, body of soldiers," from Late Latin *battualia* "exercise of soldiers and gladiators in fighting and fencing," from Latin *battuere* "to beat, to strike".

Battle-cry is from 1812; **battle-flag** from 1840; **battle-scarred** is from 1848. Phrase **battle royal** "fight involving several combatants" is from 1670s.

Battleax (noun) – an ax with a large blade that was used as a weapon in the past³.

Battlefield (noun) – the ground on which a battle is fought (MT, p. 25–26).

Battleground (noun) = battlefield.

Battlement (noun) – a low wall at the top of a castle with open spaces for people inside to shoot through (MW).

Battleline (noun) – a line of soldiers who are fighting in a battle (MW).

Battleship (noun) – a large armoured warship, equipped with heavy guns, which is used to destroy enemy warships and provide naval gunfire support (NGS) to land forces (MT, p. 26).

Вследствие изменения экстралингвистической ситуации (выход из употребления) такие термины, как *battleax* и *battlement*, перестали употребляться в рамках военной терминологии и стали историзмами. Однако значительная часть терминов используется и в настоящее время.

Корень слова *batre*, в свою очередь, также дал начало отдельной цепочке:

Batter (verb) – "strike repeatedly, beat violently and rapidly," early 14 c., from Old French *batre* "to beat, strike" (11 c., Modern French *battre* "to beat, to strike"), from Latin *battuere, batuere* "to beat, strike," a rare word in literary Latin but evidently an old one and popular in Vulgar Latin (ED).

Battery (noun) – 1530s, "action of battering," in law, "the unlawful beating of another," from Middle French *batterie*, from Old French *baterie* "beating, thrashing, assault" (12 c.), from *batre* "to beat," from Latin *battuere*). Meaning shifted in Middle French from "bombardment" ("heavy blows" upon city walls or fortresses) to "unit of artillery" (a sense recorded

in English from 1550s). Extension to "electrical cell" (1748, first used by Ben Franklin) is perhaps from the artillery sense via notion of "discharges" of electricity. In Middle English, **bateri** meant only "forged metal ware" (ED).

Если указанные выше термины были образованы посредством суффиксального способа и сложения основ, то термин *combat* образован посредством присоединения аффикса:

Combat (verb) – 1560s, "to fight, struggle, contend" (intransitive), from Middle French *combat* (16 c.), from Old French *combattre* (12 c.), from Late Latin *combattere*, from Latin *com* "with (each other)," see *com-*, + *battuere* "to beat, fight". Transitive sense is from 1580s; figurative sense from 1620s (ED).

В рамках терминосистемы военного дела данный термин оказался продуктивным и стал основой для образования терминов *combatant*, *combative*, *noncombatant*:

Combatant (noun) – mid-15 c. (adj.) "contending, disposed to combat;" late 15 c. (n.) "one who engages in battle;" from Old French *combatant* "skilled at fighting, warlike" (also used as a noun in Old French), present-participle adjective of *combattre* (MT, p. 50).

Combative (adj.) – "pugnacious, disposed to fight," 1819, from *combat* (v.) + *-ive*. In 1820s–30s, much associated with phrenology. Related: **Combatively**; **combateness** (1815). Having or showing a willingness to fight (MW).

Noncombatant (noun) – a person who has no military role in a war or conflict (i. e. a civilian) (MT, p. 168).

Combat-loading (noun) – the process of loading ships with men and equipment in such a way that they are literally ready to fight the moment they disembark (MT, p. 51).

Данная цепочка подтверждает активное использование слово-/основосложения и аффиксации.

Также в результате деривации появились слова *battalion* и *baton*:

Battalion (noun) – 1580s, from Middle French *bataillon* (16 c.), from Italian *battaglione* "battle squadron," from diminutive of Vulgar Latin **battalia* "battle," from Latin *battuere* "to beat" (see *batter* (v.)). Specific sense of "part of a regiment" is from 1708. The oft-repeated quote "God is on the side of the largest battalions" (with many variants) usually is attributed to 17 c. (ED).

Baton (noun) – a stick carried as a mark of rank (MT, p. 25).

Проанализированный материал продемонстрировал, что дериваты могут в дальнейшем стать членами двух- и многокомпонентных терминов, например: **Counter-battery fire** (noun) – an artillery attack on an enemy artillery fire-position (MT, p. 60). Схема наглядно отражает связи между однокоренными терминами (рис. 1).

Моделирование гнезда с корнем *-defend-*

Еще одно многокомпонентное СГ, которое необходимо рассмотреть, это СГ с вершинами *defend* (защищать,

³ Merriam Webster's Advanced Learner's English Dictionary, 2008. Режим доступа: <https://learnersdictionary.com/> (дата обращения: 12.05.2021). Далее по тексту при цитировании примеров словарь обозначается как MW.

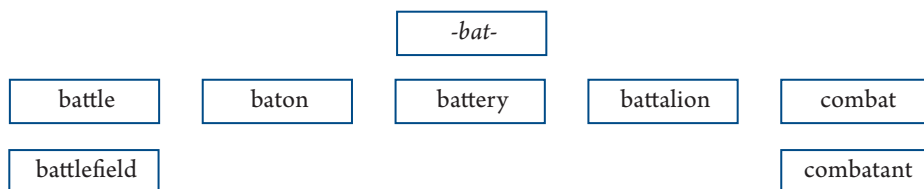

Рис. 1. Словообразовательное гнездо с вершиной *-bat-*
Fig. 1. Family of words with root *-bat-*

оборонять) и *defense* (защита, оборона), которые образовались в результате распада старого СГ в латинском языке:

Defend (verb) – mid-13 c., *defenden*, "to shield from attack, guard against assault or injury," from Old French *defendre* (12 c.) "defend, resist," and directly from Latin *defendere* "ward off, protect, guard, allege in defense," from *de* "from, away" (see *de-*) + *-fendere* "to strike, hit, push," attested only in compounds (such as *offendere* "to strike against; encounter;" *infensus* "aggressive, hostile"), from PIE root **gwhend-* "to strike, kill" (source also of Hittite *kue(n)zi* "to kill," Sanskrit *ghnanti* "to kill; Greek *theino* "to slay, to kill") (ED).

Defense (noun) – c. 1300, "action of guarding or shielding from attack or injury; act of defending by fighting; a fortified place of refuge," from Old French *defense*, from Latin *defensus*, past participle of *defendere* "ward off, protect" (see *defend*). It also arrived (without the final *-e*) from Old French *defens*, from Latin *defensum* "thing protected or forbidden," neuter past participle of *defendere* (ED).

Middle English *defens* was assimilated into *defense*, but not before it inspired the alternative spelling *defence*. Webster made the *-se* form standard in U.S., but British has preferred *defence*.

Далее от глагола путем утраты префикса появился глагол *fend* (отражать, защищать):

Fend (verb) – c. 1300, "defend, guard; protect; put up a fight; excuse or justify; forbid, bar," shortening of *defend*. From mid-14 c. as "make a defense" and (usually with *off* (adv.)) "ward off, beat off, keep at a distance." Developed a meaning "make provision, give care" in Scottish English (16 c.); hence to *fend for oneself* (1620s) "see to one's own defense." Related: *Fended*; *fending*.

Также от термина *defend* путем добавления суффикса, обозначающего деятеля, возник термин *defender*:

Defender (noun) – c. 1300, *defendour*, "one who protects from injury a champion" (early 13 c. as a surname), via Anglo-French from Old French *defendeor*, agent noun from *defendre*.

Суффиксальный способ образования оказался очень продуктивным в рамках данного СГ. С его помощью образовались следующие термины:

Defensive (adj.) – relating to defense (MT, p. 60). Related: *Defensively*; *defensiveness*.

Defendant (noun) – a person who is being sued (MW).

Defenseless (adj.) – not able to defend yourself or your country (MW).

Defensible (adj.) – able to be defended or protected. Related: *Defensibility* (MW).

Кроме того, к данному СГ принадлежит термин *offend*, образованный приставочным способом:

Offend (verb) – early 14 c., *offenden*, "to disobey or sin against (a person, human or divine)," a sense now obsolete, from Old French *ofendre* "hit, attack, injure; sin against; antagonize, excite to anger" and directly from Latin *offendere* "to hit, thrust, or strike against," figuratively "to stumble, commit a fault, displease, trespass against, provoke," from assimilated form of *ob* "in front of against" (see *ob-*) + *-fendere* "to strike". The literal sense of "to attack, assail" (late 14 c.) is obsolete, but it is somewhat preserved in *offense* and *offensive*. Related: *Offended*; *offending*; *offendedness* (ED).

От него образованы важные для терминосистемы военного дела термины *offense* и *offensive*:

Offense (noun) – 1. an aggressive military action (such as advance, attack, invasion, etc.); 2. an illegal act (NOTE: *Offensive* is more common for describing aggressive military action.) **Offense** (noun) US spelling of *offence* (MT, p. 15).

Offensive (adj.) – relating to aggressive military action (such as attack, invasion, etc.) (MT, p. 15).

Путем сопоставления списка найденных терминов с терминами, изучаемыми в Новосибирском военном ордена Жукова институте имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, были выявлены и систематизированы термины, отраженные на рис. 2.

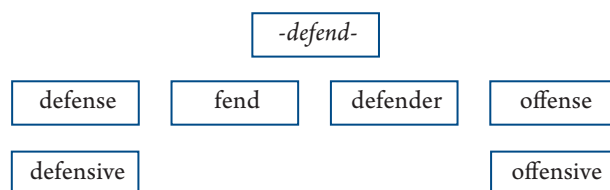

Рис. 2. Словообразовательное гнездо с вершиной *-defend-*
Fig. 2. Family of words with root *-defend-*

Моделирование гнезда с корнем *-arm-*

СГ, берущее свое начало от латинского корня *-arm-*, является особо важным для рассматриваемой системы терминов, т. к. от него образованы высокочастотные термины, широко употребляемые в настоящее время. В военной терминологии термин *arm* (оружие, род войск, вооружать(ся), приводить в боевое положение) многозначен и входит в состав многочисленных устоявшихся выражений:

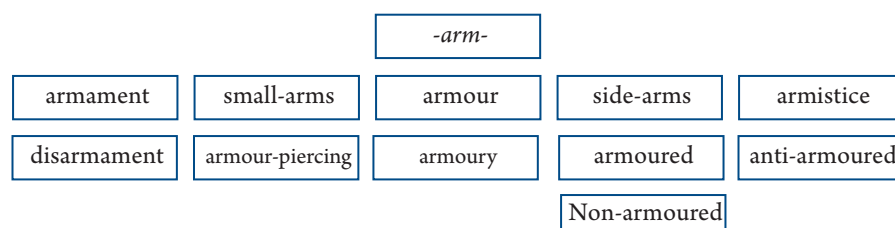

Рис. 3. Словообразовательное гнездо с вершиной -arm-
Fig. 3. Family of words with root -arm-

Arm (noun) – 1. *a weapon* 2. *to order arms to hold a rifle with the butt resting on the ground beside the right foot (military instructions); to port arms to hold a rifle diagonally across the chest (military instructions); to present arms to salutesomeone by holding a rifle in front of the body in a vertical position (military instructions); to reverse arms to hold a rifle with the butt facing upwards and the muzzle pointing at the ground (used at funerals); to shoulder arms to carry a rifle by resting it on the shoulder (military instructions)* 3. *under arms* – *serving in the armed forces* 4. *a branch of the armed forces* (e.g., *armour, artillery, infantry*); verb 1. *to equip with weapons*; 2. *To prepare a shell, bomb, etc., by removing any safety mechanism* (MT, p. 15).

Данный термин имеет следующую этимологию:

Arm (noun) – “*weapon*,” c. 1300, *armes* (plural) “*weapons of a warrior*,” from Old French *armes* (plural), “*arms, weapons; war, warfare*” (11 c.), from Latin *arma* “*weapons*” (including armor), literally “*tools, implements (of war)*,” from PIE *ar(ə)mo-, suffixed form of root *ar- “*to fit together*” (ED).

Arm (verb) – “*to furnish with weapons*,” c. 1200, from Old French *armer* “*provide weapons to; take up arms*,” or directly from Latin *armare* “*furnish with arms*,” from *arma* “*weapons*,” literally “*tools, implements*” of war. Intransitive sense “*provide oneself with weapons*” in English is from c. 1400. Related: *Armed*; *arming*.

Meaning “*branch of military service*” is from 1798, hence “*branch of any organization*” (by 1952). Meaning “*heraldic insignia*” (in coat of arms, etc.) is early 14 c., from Old French; originally they were borne on shields of fully armed knights or barons. To be up in arms figuratively is from 1704; to bear arms “*do military service*” is by 1640s (ED).

Как демонстрируют данные этимологического словаря, современные имя существительное и глагол, имеющие одинаковую форму выражения, восходят к однокоренным словам *arma* (including armor) и *armare*. Как показал этимологический анализ, термин *arm* связан с термином *army*:

Army (noun) – late 14 c., “*armed expedition*,” from Old French *armée* “*armed troop, armed expedition*” (14 c.), from Medieval Latin *armata* “*armed force*,” from Latin *armata*, fem. of *armatus* “*armed, equipped, in arms*,” as a noun, “*armed men, soldiers*,” past participle of *armare* “*to arm*,” literally “*act of arming*,” related to *arma* “*tools, arms*”. Originally used of expeditions on sea or land; restriction to “*land force*” is by late 18 c. Transferred meaning “*host, multitude*” is c. 1500. Meaning “*body of men trained and equipped for war*” is from 1550s (ED).

Данный член давно распавшегося СГ может значительно упростить запоминание остальных однокоренных терминов, в частности термина *arms* (рода войск).

На данный момент корень -arm- является очень продуктивным в английской военной терминологии. От него берут начало такие однокоренные слова, как *disarmament, armour, small-arms, well-armed, armistice, non-armoured, anti-armour, side-arms, armour-piercing, armoury* и др.

Указанные термины образованы различными способами: путем суффиксации, префиксации, слово-/основосложения. Интересен тот факт, что полученные дериваты первого порядка сами начинают функционировать как производящие основы, давая начало новым терминам, имеющим более сложную структуру.

СГ с вершиной -arm- (рис. 3) достаточно многочисленно, однако в виде упорядоченной схемы оно может быть легко проанализировано, а значения отдельных компонентов включают в себя семы исходного термина. Как и рассмотренные ранее СГ, данная микросистема относится к гнездам средней степени наполненности, в которые входит от 5 до 25 дериватов [27, с. 25]. В СГ с вершиной -arm- наблюдается такой вид семантических отношений, как антонимия, которая возникает посредством присоединения к производящей основе формантов, имеющих отрицательное значение (*non-, anti-*) [28, с. 76].

Заключение

В результате обобщения теоретического материала и анализа блоков терминов, отобранных из современных лексикографических источников, была предпринята попытка организовать однокоренные высокочастотные военные термины в виде микросистем. Проведенное исследование позволило выделить три микросистемы, представляющие собой СГ – с вершинами -bat-, -defend-, -arm-. Самыми продуктивными способами образования терминов внутри рассмотренных СГ являются аффиксация (суффиксация и конфиксация [29, с. 151], реже – префиксация) и последующее словосложение. Проанализированный материал показал необходимость учета этимологии термина при построении СГ, что проявляется в выделении вершинных сем СГ, сохраняющихся в отдельных терминах и объединяющих однокоренные термины в микросистему. Представляется целесообразным продолжить работу по описанию других СГ, обнаруженных в ходе проведения выборки. К ним, например, относятся гнезда с вершинами -man-, -air-, -mort-, -mobil-, -act- и др.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2006. 252 с.
2. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Кожанов Д. А. Новые подходы к определению сущности термина в когнитивно-дискурсивных исследованиях // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 5. С. 43–47.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
5. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии): дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2000. 359 с.
6. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. 3-е изд. М.: УРСС, 2004. 246 с.
7. Гореликова С. Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2002. № 6. С. 129–136.
8. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: избр. труды. М.: Наука, 1977. 312 с.
9. Тихонова Е. Н. Словообразовательные гнезда в системе современной экономической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 87–96. DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-87-96
10. Халилова Г. А. Структура словообразовательных гнезд юридической терминологии в английском и узбекском языках // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 980–983.
11. Кузьмина Р. П. Анализ словообразовательного гнезда со значением «Кочевье» в эвенском языке // Филология: научные исследования. 2020. № 6. С. 21–27. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.6.32943
12. Саввинова С. Н. Словообразовательное гнездо с многозначным словом «дастай» // Современное педагогическое образование. 2019. № 11. С. 206–208.
13. Минеева З. И. Словообразовательное гнездо с вершиной Китай в современном русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29. № 6. С. 942–952. DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-942-952
14. Наговицына Н. В. Словообразовательное гнездо с вершиной патриот в языковой объективации концепта «Патриотизм» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 192–195.
15. Ушатикова К. С., Ачаева М. С. Словообразовательные гнезда натуральных соматизмов в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-1. С. 171–173.
16. Дмитриева О. И. Динамика глагольной семантико-словообразовательной подсистемы в русском языке XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2014. № 1. С. 6–13.
17. Дмитриева О. И., Янковский О. И. Синхронно-диахронный анализ словообразовательных гнезд глаголов движения (на примере корневых морфем -ход-, -ид-, -шед-) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. № 5. С. 1295–1312.
18. Тимошина Д. В. Динамика корпуса лексики с этимологическим корнем *sьrd в истории русского языка // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 4. С. 112–117.
19. Казак М. Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004. 39 с.
20. Яцкевич А. Г., Колесова И. Е. «Словарь исторических корневых гнезд»: опыт составления // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 3. С. 97–101.
21. Булаховский Л. А. Деэтимологизация в русском языке // Булаховский Л. А. Избранные труды. Киев: Наук. думка. 1978. Т. 3. С. 340–355.
22. Аркадьева Т. Г. Преобразования этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990. 31 с.
23. Дмитриева О. И., Янковский О. И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: историческая динамика словообразовательного гнезда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 3. С. 26–32. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.3.3
24. Кочкина Ю. Л. Отглагольные словообразовательные цепочки в диалектном словообразовательном гнезде (на материале глаголов лексико-семантической группы «речемыслительная деятельность» в смоленских говорах): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 203 с.

25. Пятаева Н. В. Проблемы современной лингвистики в квалификации и классификации лексических гнезд // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 284–291.
26. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2011. 328 с.
27. Атаева Р. Р. Структурное своеобразие русских поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6. С. 23–31. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10603
28. Гвоздева Е. В. Становление антонимических отношений в словообразовательных гнездах с вершинами начать и конец // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1. С. 75–78.
29. Левицкая А. Д. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфиксация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2. С. 150–153.

original article

Family of Words as a Way to Systematize English-language Military Terms

Anna A. Teleguz

I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute, Russia, Novosibirsk;
Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk;
<https://orcid.org/0000-0002-2053-9973>

Anzhelika G. Balobanova

I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute, Russia, Novosibirsk

Andrey G. Fomin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>; andfomin67@mail.ru

Received 19 May 2021. Accepted 28 Jun 2021.

Abstract: The present research featured the family of words as a complex unit within the framework of military terminology. The article introduces a new method for studying high-frequency English-language military terms, where terminological units are systematized by the family of words. English-language military terminology is constantly changing. As a result, it remains understudied and requires structuring. The research objective was to structure military vocabulary as blocks, each representing a certain family of words. Military term blocks were selected from modern lexicographic sources. The study involved etymological, semantic, and word-formation analyses. The family of words proved to be a microsystem that combines grammatical, word-formation, and lexical relations. The authors structured cognate high-frequency English military terms as microsystems, i.e. families of words with peaks *-bat-*, *-defend-*, *-arm-*, etc.

Keywords: term element, generating stem, root word family, derivation, military term system, one root words, word formation chain, terminology systematization, microsystem

Citation: Teleguz A. A., Balobanova A. G., Fomin A. G. Family of Words as a Way to Systematize English-language Military Terms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 582–590. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-582-590>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Averboukh K. Y. *General theory of the term*, 2nd ed. Moscow: MGOU, 2006, 252. (In Russ.)
2. Grinev-Grinevich S. V. *Terminology*. Moscow: Akademiia, 2008, 304. (In Russ.)
3. Kozhanov D. A. New approaches to definition of a term in cognitive researches. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2008, (5): 43–47. (In Russ.)
4. Leichik V. M. *Terminology: subject, methods, structure*, 4th ed. Moscow: LIBROKOM, 2009, 256. (In Russ.)
5. Lemov A. V. *System, structure, and functioning of a scientific term (based on Russian linguistic terminology)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Saransk, 2000, 359. (In Russ.)

6. Superanskaia A. V., Podolskaia N. V., Vasilyeva N. V. *General terminology: questions of theory*, 3rd ed. Moscow: URSS, 2004, 246. (In Russ.)
7. Gorelikova S. N. The nature of the term and some features of term formation in the English language. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2002, (6): 129–136. (In Russ.)
8. Vinogradov V. V. *Lexicology and lexicography: selected works*. Moscow: Nauka, 1977, 312. (In Russ.)
9. Tikhonova E. N. Derivational families of words in the system of modern economic terminology. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, (2): 87–96. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-87-96
10. Khalilova G. A. Structure of word families in legal terminology in English and Uzbek. *Molodoi uchenyi*, 2015, (3): 980–983. (In Russ.)
11. Kuzmina R. P. Analysis of the word-formation nest with the meaning of "nomadity" in the Even language. *Philology: scientific researches*, 2020, (6): 21–27. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0749.2020.6.32943
12. Savvinova S. N. Word-building nest with the ambiguous word "give". *Modern pedagogical education*, 2019, (11): 206–208. (In Russ.)
13. Mineeva Z. I. Word-forming group China in modern Russian. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2019, 29(6): 942–952. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-942-952
14. Nagovitsyna N. V. The family of words based on the lexeme patriot language objectification of the concept "Patriotism". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2019, (2): 192–195. (In Russ.)
15. Ushatikova K. S., Achaeva M. S. Word-formative clusters of natural somatisms in the English and Russian languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (11-1): 171–173. (In Russ.)
16. Dmitrieva O. I. Dynamics of verbal semantic and word-formation subsystem in the Russian language of 18th century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2014, (1): 6–13. (In Russ.)
17. Dmitrieva O. I., Yankovskiy O. I. Synchronic and diachronic analysis of the word families of motion verbs (using the root morphemes -khod-, -id-, and -shed- as an example). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, 159(5): 1295–1312. (In Russ.)
18. Timoshina D. V. Dynamics of the lexical structure with the etymologic root *sъrd the Russian language history. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2015, (4): 112–117. (In Russ.)
19. Kazak M. Yu. *Integrative theory of family of words: grammatical modeling; quantitative aspects; potential; forecasting*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Belgorod, 2004, 39. (In Russ.)
20. Yatskevich L. G., Kolesova I. E. "Dictionary of historic root word families": compilation experience. *Cherepovets State University Bulletin*, 2015, (3): 97–101. (In Russ.)
21. Bulakhovsky L. A. *De-etymologization in the Russian language. Selected works*. Kiev: Nauk. dumka, 1978, vol. 3, 340–355. (In Russ.)
22. Arkadyeva T. G. *Transformations of etymological connections of words in the system organization of the Russian language vocabulary*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1990, 31. (In Russ.)
23. Dmitrieva O. I., Yankovskiy O. I. Dynamics of semantic and word-formation subsystems of the Russian language: historical dynamics of the word family. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2015, (3): 26–32. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.3.3
24. Kochkina Yu. L. *Verbal word-forming chains in a dialect family of words (based on the material of verbs of the lexical-semantic group "speech-thinking activity" in Smolensk dialects)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Smolensk, 2015, 203. (In Russ.)
25. Pyataeva N. V. Problems of modern linguistics in qualification and classification of lexical nests. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2009, 284–291. (In Russ.)
26. Zemskaya E. A. *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 328. (In Russ.)
27. Ataeva R. R. The structural peculiarity of the Russian vertex derivational nests of asymmetrical type. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (6): 23–31. (In Russ.) DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10603
28. Gvozdeva E. V. Forming antonymic relations in the word-formative clusters with the peaks "to begin" and "end". *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (4-1): 75–78. (In Russ.)
29. Levitskaya A. D. Dynamics of verbal derivational processes: confixation and prefixation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2012, (2): 150–153. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 811.222.1

Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях

Амир Алиасгар Хоссейни

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран

Табассом Хакрах Кахнамуи

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Поступила в редакцию 11.03.2021. Принята в печать 11.05.2021.

Аннотация: Значения инференциальности и адмиративности в русском и персидском языках указывают на не прямые источники информации, получаемые говорящим. В данной статье анализируются многофункциональные слова *же, так* в русских и *چه, چطور* в персидских восклицательных предложениях, отражающих значения инференциальности и адмиратива, и языковые средства, используемые для их выражения. Выполняя разные грамматические функции, эти восклицательные слова выражают разные лексико-семантические значения. Цель – рассмотреть значения инференциальности и адмиративности посредством указанных многофункциональных слов в русском и персидском языках. В задачи нашего исследования входит рассмотреть на основе сопоставительного анализа грамматические функции многофункциональных слов *же, так* и *چه, چطور* в восклицательных предложениях и уточнить лингвистические средства, используемые для их перевода на русский и персидский языки. Были получены результаты, демонстрирующие, что восклицательные местоимения и частицы помимо лексических единиц в двух языках оказываются средствами выражения значений эвиденциальности. Полученные результаты могут оказать содействие иностранным студентам в восприятии способов передачи значений инференциальности и адмиративности посредством многофункциональных слов *же, так* и *چه, چطور* в русских и персидских восклицательных предложениях.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, эвиденциальность, косвенная эвиденциальность, восклицательное местоимение

Цитирование: Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 591–598. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>

Введение

Значения адмиратива и инференциальности оказываются двумя видами значения косвенной эвиденциальности в языкознании. Американский лингвист Ф. Боас был первым лингвистом, который описал категорию эвиденциальности. Им в различных языках мира были определены обязательные или необязательные грамматические формы для выражения значения эвиденциальности [1, с. 333]. В русском языке категорию эвиденциальности впервые ввел Р. О. Якобсон [2]. В настоящее время некоторые ученые в подробности рассматривали категорию эвиденциальности в разных языках [3–6]. Данная категория в различных языках выражается по-разному. В русском языке, как и в персидском, при выражении значения эвиденциальности не используются обязательные грамматические средства. Научная новизна работы состоит в том, что категория эвиденциальности в русском языке в сопоставлении с персидским не являлась объектом анализа, к тому же на примере многофункциональных восклицательных слов *же, так* в русских и *چه, چطور* в персидских восклицательных предложениях, выражающих значения инференциальности и адмиративности. Эти слова с различными морфологическими функциями выражают разные

лексические и семантические значения, поэтому при переводе этих слов с русского языка на персидский или наоборот используются разные языковые средства в восклицательных предложениях. Мы намерены рассмотреть лингвистические характеристики указанных слов, являющихся одними из языковых средств, используемых для передачи значений инференциальности и адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях.

При исследовании значений адмиративности и инференциальности, передаваемых многофункциональными словами, применялись методы семантико-синтаксического и морфологического анализа слов *же, так* в русских и *چه, چطور* в персидских восклицательных предложениях. Русские материалы были отобраны из рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника», персидские – из романа Фариха Вафи «ماه کامل می شود».

В ходе нашего исследования мы рассмотрели русские и персидские восклицательные примеры, выражающие значения инференциальности и адмиративности. Мы проанализировали лексико-грамматические характеристики восклицательных многофункциональных слов *же, так*

и چه, چطور в русских и персидских примерах. Затем уточнили языковые средства, используемые для перевода указанных многофункциональных слов на русский и персидский языки.

Результаты

Категория эвиденциальности в русском и персидском языках указывает на источник информации, получаемый говорящим в речи [5; 7–9]. Говорящий на двух языках как языковая личность с помощью своего визуального, сенсорного, предположительного или слухового знания оформляет источник своего сообщения [10, p. 3]. Например:

- Иван внимательно **просмотрел** на меня [11, с. 27] (говорящий сам видел) – ایوان به دقت من را واری کرد
- От Ивана **пахнет** вином (говорящий сам ощущает запах) [11, с. 28] – ایوان بوی شراب میدهد
- **Наверное**, ничего с телефоном не случилось (говорящий предполагает) – ممکن است برای تلفن اتفاقی نیفتاده باشد
- **Говорят** здесь холодно (говорящий слышал, что там было холодно) [11, с. 32] – میگویند اینجا سرد است

Очевидно, что субъект речевого акта во всех предложениях лексически указывает на источник информации и посредством глаголов *просмотрел* (وارسی کرد), *пахнет* (بو میدهد), *говорят* (میگویند) и наречия *наверное* (ممکن است) передает свою визуальную, слуховую, предположительную и сенсорную информацию о каком-либо предмете или событии. Поэтому мы утверждаем, что в обоих языках, в отличие от языков африканских, тюрских, кавказских и др., не существует обязательных и фиксируемых грамматических конструкций для отражения значения эвиденциальности, которое чаще всего выражается при помощи глаголов, вводных слов, наречий и др. В персидском языке, как и в русском, невозможно определить устойчивые и специальные показатели категории эвиденциальности. Лексические конструкции, формы наклонений глаголов и т.д. иногда осознаются языковыми средствами, передающими значения эвиденциальности. Например, значения и формы изъявительного или сослагательного наклонения глаголов *وارسی کرد* (просмотрел), *بو میدهد* (пахнет), *میگویند* (говорят) и наречия *نیفتاده باشد* (не случилось) в персидском языке являются лексико-грамматическими показателями значений прямой или косвенной эвиденциальности. Кроме того, в некоторых случаях говорящий с помощью видовых форм глаголов в персидском языке указывает на источник информации [11, с. 86]. Сравните: در این سرزمین همیشه – На этой территории всегда росли красивые деревья.

Категория эвиденциальности, по Н. А. Козинцевой, классифицируется на прямую и косвенную. Прямая эвиденциальность в русском языке основывается на источнике сведений, получаемых прямым наблюдением самого участника речи, или иногда обосновывается на его памяти и прошлом опыте [5, с. 92]. В следующих русских примерах глаголы *видел* (دیدم) и *чувствовал* (حس میکردم) указывают

на то, что говорящий сам по себе наблюдал или чувствовал источник своего сообщения: *Я видел его на улице* – من او را در خیابان دیدم; *Раньше я чувствовала тяжесть своего положения* – در گذشته سنگینی موقعیت خود را حس می کردم.

В персидском языке, как и в русском, прямая эвиденциальность указывает на личное наблюдение или ощущение участника речевого акта в настоящем или прошедшем времени. Между тем глаголы в форме изъявительного наклонения, используемые субъектом речевого акта, отражают его уверенность о достоверности источника информации [12, صفحه 116]. Сравните:

- *Я увидела, как он играл* – من دیدم که او چطور بازی میکرد
- *Я чувствую весеннюю погоду* – من هوای بهاری را حس میکنم

Во всех примерах выше в двух языках можно наблюдать глаголы *видел* (دیدم) или *увидел* (دیدم), *чувствовал* (حس میکردم) и *чувствую* (حس میکنم) в форме настоящего или прошедшего времени, изъявительного наклонения, лексически обозначающие чувство зрения и ощущения говорящего по отношению к тому, что случилось.

Косвенная эвиденциальность на самом деле указывает на не прямые и недостоверные доказательства. Значение косвенной эвиденциальности, по Н. А. Козинцевой, называется областью рамочных значений, указывающих на источник сведений [13]. Разные лингвисты, в том числе Е. А. Попова [14], В. А. Плунгян [4], В. С. Храковский [11] и др., рассмотрели категорию косвенной эвиденциальности. Они утверждают, что говорящий при выражении значений не прямой эвиденциальности опирается на информацию второго лица или собственные ощущения, сны или догадки [15, с. 93]. Согласно Т. А. Майсаку и С. Г. Татевосову, косвенная эвиденциальность содержит логическое умозаключение и пересказывательность [16]. В. А. Плунгян определяет только инферентивное и цитирование в качестве двух видов категорий косвенной эвиденциальности. Однако Н. А. Козинцева называет пересказывательность, перцептуальность, инференциальность и адмиративность четырьмя видами не прямой эвиденциальности [5].

Значение косвенной эвиденциальности в персидском языке, как и в русском, сообщает о недостоверном источнике информации. Некоторые исследователи, как G. Lazard [6], B. Comerie [17], L. Johanson и B. Utas [18], C. Jahani [19], связывали косвенную эвиденциальность с формой прошедшего времени совершенного вида глагола и указывали на то, что эти формы глагола в персидском языке, в зависимости от контекста, указывают на размышление и вывод субъекта речевого акта. Сравните: در اینجا بارانهای سیل آسا – Здесь шли проливные дожди. Другие лингвисты уточняют, что односоставное обобщенно-личное предложение в персидском языке служит средством выражения чужих слов [12, صفحه 110; 20]. Например, спрягаемая форма глагола *میگویند* (говорят) в предложении *او همه چیز میگویند* (Говорят, что он всё знает) используется для передачи слуха и значения косвенной эвиденциальности.

I. Слова *же* و *چطور* как языковые средства для передачи значения адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях

Термин *адмиратив* впервые ввел О. Дозон в своих трудах по албанскому языку. Как самостоятельная категория адмиратив выступает в турецком, корейском и других языках [21, с. 138]. Адмиратив как один из видов косвенной эвиденциальности в русском языке выражает источники информации, неожиданно получаемые субъектом речи. Наблюдение новых событий или неожиданное открытие действительно вызывает удивление у субъекта речевого акта [22, с. 424]. Таким образом, в этой ситуации говорящий использует языковые средства, передающие значение адмиратива как косвенной эвиденциальности. Например, в предложении *Я его обрызгал!* (من آب دهان به او پاشیدم!) субъект речевого акта с помощью восклицательного предложения отражает свое удивление от наблюдения необычного, странного и неожиданного события. Подчеркнем, что восклицательное предложение в русском языке является одним из синтаксических средств, необходимых для передачи значения адмиративности и эмоционального отношения участника речевого акта [23, с. 142].

Говорящий с помощью восклицательной интонации и восклицательных частиц, местоимений *какой, что за, вижу вот так, же*, ну и междометий *о, ой, ох, эх, ах, эй, увы* и др. отражает свое эмоциональное чувство и отношение к содержанию высказывания [24, с. 59; 25, с. 87; 26, с. 394]. Сравните: *Ах, полноте... я уж забыл, а вы всё о том же!* – آه کافی است... من دیگر فراموش کرده ام! شما همچنان به این موضوع فکر میکنید! В примере частица *же* (همچنان) в сопровождении с восклицательной интонацией в двух языках выступает в качестве языкового средства, используемого для передачи значения адмиративности, и отражает реакцию и удивление участника речевого акта по отношению к тому, что было сказано. Слово *же* обладает морфологическими свойствами частицы и союза. В качестве союза на персидский язык оно переводится как *و* и соединяет противопоставляемые предложения, что не является предметом нашей статьи. Однако в вышеуказанном примере данное слово используется для указания тождества, поэтому оно на персидский язык переводится как частица *همچنان* и контекстуально передает значение адмиративности в персидском восклицательном предложении.

Адмиративность в персидском языке, как и в русском, называет чувства удивления говорящего от получения неожиданной и необычной информации. Эти модусные значения в персидском языке, как правило, представляются некоторыми лингвистическими средствами. Например, восклицательное предложение является одним из основных средств выражения значения адмиративности в персидском языке. С помощью междометий, эмоционально-восклицательных частиц и восклицательной интонации и т.д. оно выражает удивление и эмоциональное чувство участника речевого акта именно в момент речи [27, с. 401; 28, р. 4].

Например, в предложении *چه دیر کردی!* (Как ты опаздал!) можно наблюдать удивление говорящего от позднего возвращения своего собеседника [29, р. 118]. Слова *چه* в выше-названном персидском примере и *как* в русском восклицательном предложении употребляются только в качестве частицы с эмоциональным значением удивления.

Для выражения значения адмиративности в персидских восклицательных предложениях можно использовать иные языковые средства. Например, слово *چطور* включает в себя несколько морфологических и семантических значений, поэтому для его перевода на русский язык используются разные семантические значения. Это слово в персидском языке в зависимости от своей позиции в предложении рассматривается как местоименное прилагательное или иногда как наречие. Сравните:

- *چه طور (صفت) آدمی هستی!* – *Что ты за человек!*
- *تو چه طور (صفت) آدمی هستی!* – *Ты смотришь на единственную картину на стене своей комнаты и удивляешься о том, как ты долгое время смотрел на эту плохую картину!* – نگاه میکنی به تنها تابلویی که روی دیوار اتاق هست و تعجب میکنی که چه طور (قید) مدتهای طولانی به این نقاشی بد نگاه می کردی!

В этих примерах контекстуально и интонационно можно обнаружить значение адмиративности, передаваемой словом *چطور* (что за, как). Описывая имя существительное *آدم* (человек) в первом примере, слово *چطور* выступает как местоименное прилагательное, которое на русский язык переводится как восклицательное местоимение *что за*. Более того, во втором предложении это слово находится перед наречием *مدتهای طولانی* (долгое время) и описывает его. Таким образом, слово *چطور* как восклицательное наречие на русский язык переводится также с помощью восклицательного наречия *как*, указывающего на чувство удивления говорящего и значение адмиративности.

II. Слова *так* و *چه* как языковые средства для передачи значений адмиративности и инференциальности в русских и персидских восклицательных предложениях

В русском языке при выражении значения инференциальности говорящий на основе своего собственного восприятия или сообщения другого лица устанавливает причинно-следственные связи между наблюдаемыми явлениями в конкретной предметной ситуации и отражает свои умозаключения, догадки и логические выводы, источники которых не являются достоверными [11; 30, с. 42].

Для выражения значения инференциальности в русском языке используются модальные наречия *верно, вероятно, наверное, возможно, видимо, по-видимому, очевидно* и др., а также модальный предикатив *должен быть*, определяющий степень достоверности [11]:

При виде меня Оля побледнела и отшатнулась: Видимо я очень изменился – وقتی که اولیا من را دید رنگش پرید و خود را عقب کشید. ظاهراً خیلی تغییر کرده ام

Говорящий набрал номер телефона, но ответа не дождался. – **Очевидно (должно быть)**, его нет дома – گوینده شماره – تلفنی را میگیرد اما هیچ کس پاسخ نداد. – مشخص است که او خانه نیست. (او نبایستی که خانه باشد).

Лексические конструкции *видим (ظاهرا)*, *очевидно (بایستی)* в русском и персидском языках являются лексическими показателями значения инференциальности.

Значение инференциальности в персидском языке выражается говорящим иногда с использованием глаголов в форме совершенного вида, сослагательного наклонения и прошедшего времени [6; 12; 17–19; 31] Сравните:

Он раньше приехал сюда – او در گذشته به اینجا می آمده است –
наверное, шел дождь – شاید باران میبارید.

В первом предложении говорящий с помощью формы совершенного вида глагола *می آمده است* (приехал) на основе существующих сведений догадывается о том, что раньше кто-то приехал туда. Это значение в русском языке выражается посредством формы несовершенного вида глагола *приехать*. Во втором примере наречие *شاید* (наверное) и сослагательное наклонение передают сомнение участника речевого акта о том, что *шел дождь*. Однако в русском языке говорящий лишь лексически и посредством наречия указывает на источник своих сведений, полученных в результате логического вывода.

В русском языке помимо лексических средств выражения значения инференциальности проявляются разные синтаксические конструкции, передающие выводы участника речевого акта. В некоторых случаях, в зависимости от контекста, инференциальная семантика может выражаться русскими и персидскими восклицательными предложениями, восклицательными местоимениями, частицами и др. Сравните: *Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!...* – بایستی برایش توضیح دهم که به هیچ وجه نمیخواستم – و عطسه امر طبیعی است وگرنه گمان میکند که میخواستم خیسش کنم. اگر اکنون اینگونه تصور نکند بنابراین فردا به این فکر خواهد افتاد!

Союз *так* (بنابراین) помимо интонации в восклицательном предложении выражает значение инференциальности, указывающей на догадки и вывод субъекта речевого акта. Подчеркнем, что слово *так* включает в себя ряд морфологических функций союза, частицы и наречия. Данное слово как союз в русском языке означает *таким образом* и на персидский язык переводится тоже как союз со значением и отражает значение инференциальности, указывает на размышление говорящего и его логический вывод. Однако функционируя как наречие, слово *так* передает иное семантическое значение в русских и персидских восклицательных предложениях. Сравните: *Всё случилось так неожиданно!* – همه چیز به طوری ناگهانی رخ داد. Как показывает пример, наречие *так* обозначает *каким-либо образом*, контекстуально выражает значение адмиративности и указывает на удивление

субъекта речевого акта от возникновения внезапного события. Для перевода этого слова на персидский язык также используется наречие со значением *به طوری*, контекстуально передающим семантическое значение адмиративности.

Выступая как частица, слово *так* в связи с контекстом иногда может выражать значения инференциальности и адмиративности. Субъект речевого акта с помощью частицы *так* утверждает свой логический вывод и иногда отражает свое чувство удивления в восклицательных предложениях. Сравните:

Так я тебе и поверил! (Значение инференциальности) – پس من تو را باور کردم!
Вот так! (значение адмиратива) – عجب!

Видно, что в первом примере частица *так* в русском языке обозначает *в самом деле* и на персидский язык переводится с помощью частицы *پس*. Частица, соответственно с контекстом, в русских и персидских восклицательных предложениях указывает на удивление и вывод, получаемый субъектом речевого акта, и отражает значение инференциальности и адмиративности.

Во втором примере частица контекстуально отражает и подчеркивает удивление говорящего и выступает синонимом междометия *неужели!* Эта частица на персидский язык переводится как *عجب*, выражающая удивление субъекта речевого акта и значение адмиративности.

В персидском языке, как и в русском, восклицательные предложения, используемые говорящим для передачи значения инференциальности или адмиративности, иногда включают в себя языковые единицы с различными семантическими значениями и рядом разных морфологических функций. Примером этого служит слово *چه*, которое в зависимости от своих морфологических функций переводится на русский язык по-разному. Сравните:

چه (صفت) رفتارهای ابلهانه ای! – **Какие глупые поступки!**;
چه (قید) ابلهانه رفتار کرد! – **Как глупо он поступил!** [28, p. 4];
چه (ضمیر) رفتاری است! – **что это за поведение!**

Как показывают примеры, слово *چه* в сопровождении с интонацией передает эмоциональное отношение участника речевого акта. Для детального лингвистического анализа многофункциональных слов *как* и *چه* необходимо обращать внимание на источники передаваемой информации. В примерах выше следует определить слово, о котором идет речь. В первом примере, выступая перед именем существительным, слово *چه* функционирует как восклицательное прилагательное, следовательно, для его перевода на русский язык необходимо использовать прилагательное *какие*. Во втором примере оно выступает как восклицательное наречие, т. к. субъект речевого акта сосредоточивает внимание на наречии *ابلهانه* (глупо). Таким образом, восклицательное наречие *چه* также на русский язык переводится в качестве наречия *как*. Описывая наречие *ابلهانه* (глупо), слово *چه* во втором примере функционирует как восклицательное наречие, контекстуально указывающее

на удивление говорящего от наблюдения неожиданных поступков. Более того, говорящий с помощью восклицательного предложения оценивает поступки своего собеседника, поэтому подчеркнем, что в этом примере значение инференциальности проявляется помимо значения адмиративности. Для перевода данного наречия на русский язык используется восклицательное наречие *как*, передающее значение инференциальности и адмиративности. В третьем примере слово چه стоит после указательного местоимения и представляется как восклицательное местоимение, выражающее удивление участника речевого акта и значение адмиративности, и на русский язык переводится как восклицательное местоимение *что за*.

Заключение

В русском и персидском языках не существует специальных языковых средств, необходимых для выражения значений инференциальности и адмиративности. Эти значения в зависимости от контекста выражаются посредством морфологических, лексическо-семантических единиц и синтаксических конструкций. Например, помимо лексических единиц иногда для выражения прямой эвиденциальности в русском и персидском языках можно использовать изъявительное наклонение, а в некоторых случаях для выражения значений косвенной эвиденциальности в персидском языке, в отличие от русского языка, в зависимости от контекста можно использовать глаголы в форме совершенного вида, сослагательного наклонения, прошедшего времени. Но лишь посредством некоторых синтаксических конструкций, в том числе восклицательных предложений, можно отражать значение не прямой эвиденциальности в русском и персидском языках.

Анализ категорий инференциальности и адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях дал нам возможность определить многофункциональные слова *же* (همچنان), *так* (پس), *бенарайн* (به طورى), *бенарайн* (بناراین) в русских и چه (какие, как), چطور (что за, как) в персидских восклицательных предложениях. Выступая как частица в русских

восклицательных предложениях, слово *же* (همچنان) переводится на персидский язык как частица. Она употребляется для указания тождества, контекстуально и интонационно отражает удивление говорящего и значение адмиративности, в то время как в функции союза в русских и персидских сложноподчиненных предложениях означает *однако* (اما), что не было предметом нашего исследования.

Слово *так* (بنابراین) в русском языке иногда рассматривается как союз, выражающий значение инференциальности. Для его перевода на персидский язык используется союз, выступающий синонимом сочетания *таким образом*. Функционируя как местоименное наречие, слово *так* означает *каким-либо образом* и контекстуально отражает значение адмиративности. Поэтому для его перевода на персидский язык используется наречие *به طورى*. Отметим, что слово *так* (پس) может выполнять функцию частицы, поэтому при его переводе на персидский язык употребляются частицы *پس* и *عجب*, выражающие удивление участника речевого акта и значение адмиративности.

В персидских восклицательных предложениях слово *что за, как* (چطور) с морфологическим признаком восклицательного прилагательного на русский язык переводится в качестве восклицательного местоимения *что за*, контекстуально передающего удивление субъекта речевого акта, т. е. значение адмиративности. Однако при выполнении функции восклицательного наречия для перевода на русский язык используется также восклицательное наречие *как*, выражающее в зависимости от контекста значения адмиративности и инференциальности, т. е. указывающее на логический вывод и размышление участника речевого акта.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Козловский Д. В. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в пространстве современного художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2. С. 333–337.
2. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. и предисл. О. Г. Ревзиной. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Морфологические значения. М.: Языки рус. культуры; Вена: Кошелев, 1998. 544 с.
4. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 384 с.
5. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
6. Lazard G. Le médiatif en persan // L'énonciation médiatisée / ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996. P. 22–30.
7. Ильина Л. А. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 30 с.

8. Балабаева Ю. Е. Автореферентные эвиденциальные конструкции немецкого языка с глаголом *Scheinen* (к проблеме межкультурных различий маркеров эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 23–26.
9. Корди Е. Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 203–206.
10. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
11. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
12. 120–99 صفحه 2. شماره 4. جلد 2020. // زبان فارسی و گویشهای ایرانی. DOI: 10.22124/plid.2019.11631.1318
13. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
14. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2001. 268 с.
15. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Изв. Волгогр. Гос. пед. ун-та. 2020. № 5. С. 92–97.
16. Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 68–80.
17. Comerie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
18. Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages / eds. L. Johanson, B. Utas. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000. 499 p.
19. Jahani C. Expressions of indirectivity in spoken modern Persian // Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages / eds. L. Johanson, B. Utas. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000. P. 185–207.
20. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: A typological approach // Language related research. 2017. Vol. 8. № 1. P. 79–99.
21. Кузьмина Е. К. Средства выражения категории адмиративности в английском и русском языках // Казанская наука. 2018. № 11. С. 138–140.
22. Каксин А. Д. К вопросу о выражении адмиративного значения в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5. С. 424–426.
23. Пешкова А. Б. Эмоциональная оценка как основная семантическая характеристика русских и английских восклицательных предложений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1. С. 142–145.
24. Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеев В. А. Синтаксис современного русского языка. М.: Академия, 2005. 256 с.
25. Пипченко Н. М. Современный русский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Мн.: БГУ, 2008. 196 с.
26. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
27. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
28. Tajabadi F., Golfam A., Mahmoodi-Bakhtiari B. Exclamation structures in Persian // Language related research. 2013. Vol. 4. № 3. P. 1–21.
29. Natel-Khanlari P. Dastur-e Zabân-e Farsi. Tehran: Bonyād-e Farhang-e Iran, 1965. 377 p.
30. Шакирова Р. Д., Ахунзянова Р. Р. Инференциальность и средства ее выражения в английском языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2010. № 21. С. 42–45.
31. Хадарцев О. А. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в персидском языке: взаимодействие двух категорий // Язык и речевая деятельность. СПб., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 182–192.

original article

Multifunctional Words of Inference and Admiration in Russian and Persian Exclamatory Sentences

Amir A. Hosseini
University of Tehran, Tehran, Iran

Tabassom Khakrah Kahnamouei
University of Tehran, Tehran, Iran; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Received 11 Mar 2021. Accepted 11 May 2021.

Abstract: The meanings of inference and admiration in Russian and Persian point out to the indirect references obtained by the speaker. This research featured multifunctional words *zhe* and *tak* in Russian and چه and چطور in Persian exclamatory sentences that convey the meanings of inference and admiration. As these words have different grammatical functions, they also convey different lexical and semantic meanings. The research objective was to define the ways such sentences are translated, as well as to study the grammatical functions of the abovementioned multifunctional words in exclamatory sentences. In both languages, these words also proved to be able to express evidentiality. The obtained results can help foreign students in understanding the methods of conveying the meanings of inference and admiration in Russian and Persian exclamatory sentences.

Keywords: Russian language, Persian language, evidentiality, indirect evidentiality, exclamatory pronoun

Citation: Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. Multifunctional Words of Inference and Admiration in Russian and Persian Exclamatory Sentences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 591–598. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Kozlovskii D. V. Classifying the types of evidentiality according to the subject of communication in the space of modern artistic discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (3-2): 333–337. (In Russ.)
2. Jakobson R. O. Shifters, Verbal categories, and the Russian verb. *Principles of typological analysis of different language structures*, comp. Revzina O. G. Moscow: Nauka, 1972, 95–113. (In Russ.)
3. Melchuk I. A. *A course in general morphology. Vol. 2. Morphological values*. Moscow: Iazyki rus. kultury; Vienna: Koshelev, 1998, 544. (In Russ.)
4. Plungian V. A. *General morphology: An introduction to the problem*. Moscow: URSS Editorial, 2000, 384. (In Russ.)
5. Kozintseva N. A. Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, (3): 92–104. (In Russ.)
6. Lazard G. Le médiatif en persan. *L'énonciation médiatisée*, ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996, 22–30.
7. Ilyina L. A. *The evolution of the verbal category of evidentiality (Systemic-Diachronic modeling based on the Selkup language)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2002, 30. (In Russ.)
8. Balabaeva Y. E. Autoreference evidential constructions of the German language with the verb Sheinen (to the problem of intercultural distinctions of evidentiality markers). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, (1): 23–26. (In Russ.)
9. Kordi E. E. The connection of grammatical values of evaluation information sources (Based on the French language). *Theoretical problems of functional grammar: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg*, 26–28 Sep 2001. St. Petersburg: Nauka, 2001, 203–206. (In Russ.)
10. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 480.
11. Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, and admiration. *Evidentiality in European and Asian languages*, ed. Xrakovskij V. S. St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632. (In Russ.)
12. Gandomkar R. Semantic analysis of category of evidentiality in the Persian language. *Persian Language and Iranian Dialects*, 2020, 4(2): 99–120. (In Pers.) DOI:10.22124/plid.2019.11631.1318
13. Kozintseva N. A. Category of evidentiality in the Russian language: Indirect source of information. *The problems of functional grammar: the category of morphology and syntax in a statement*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka, 2000, 226–240. (In Russ.)

14. Popova E. A. *The communication aspects of the literary narrative*. Lipetsk: Izd-vo LGPU, 2001, 268. (In Russ.)
15. Lunina T. P. Means of reported evidentiality expression in the Russian language. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2020, (5): 92–97. (In Russ.)
16. Maisak T. A., Tatevosov S. G. The space of speaker in grammar categories, or What cannot be said about yourself. *Voprosy Jazykoznanija*, 2000, (5): 68–80. (In Russ.)
17. Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976, 142.
18. *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, eds. Johanson L., Uras B. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000, 499.
19. Jahani C. Expressions of indirectivity in spoken modern Persian. *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, eds. Johanson L., Uras B. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000, 185–207.
20. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: A typological approach. *Language related research*, 2017, 8(1): 79–99.
21. Kuzmina E. K. The means of expressing the category of admiration in the English and Russian languages. *Kazan Science*, 2018, (11): 138–140. (In Russ.)
22. Kaksin A. D. About the question of expression of admirative meaning in Russian. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2018, (5): 424–426. (In Russ.)
23. Peshkova A. B. Emotional evaluation as a main semantic characteristic of Russian and English exclamatory sentences. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, (6-1): 142–145. (In Russ.)
24. Kustova G. I., Mishina K. I., Fedoseev V. A. *Syntax of the modern Russian language*. Moscow: Akademiia, 2005, 256. (In Russ.)
25. Pipchenko N. M. *The modern Russian language. The syntax of phrase in simple sentence*. Minsk: BGU, 2008, 196. (In Russ.)
26. Peshkovsky A. M. *Russian syntax in scientific coverage*, 8th ed. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2001, 544. (In Russ.)
27. Rubinchik Iu. A. *Modern grammar of the Persian literary language*. Moscow: Vost. lit., 2001, 600. (In Russ.)
28. Tajabadi F., Golfam A., Mahmoodi-Bakhtiari B. Exclamation structures in Persian. *Language related research*, 2013, 4(3): 1–21.
29. Natel-Khanlari P. N. *The grammar of Persian language*. Tehran: Iranian culture foundation, 1965, 377.
30. Shakirova R. D., Akhunzyanova R. R. Inferentiality and the means of its expression in the English language. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2010, (21): 42–45. (In Russ.)
31. Khadartsev O. A. Evidentiality and epistemic modality in the Persian language: interaction between the two categories. *Language and speech production*. St. Petersburg, 2000, vol. 3, pt. 1, 182–192. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com

Старикова Людмила Семеновна, редактор

8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com

Lyudmila S. Starikova, Editor

8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Редакторы выпуска:

Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 01.07.2021.

Дата выхода в свет ____ .08.2021.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 38,5. Уч.-изд. л. – 33.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
университет».

Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000,
г. Кемерово, ул. Красная, 6, <https://kemsu.ru>

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.